

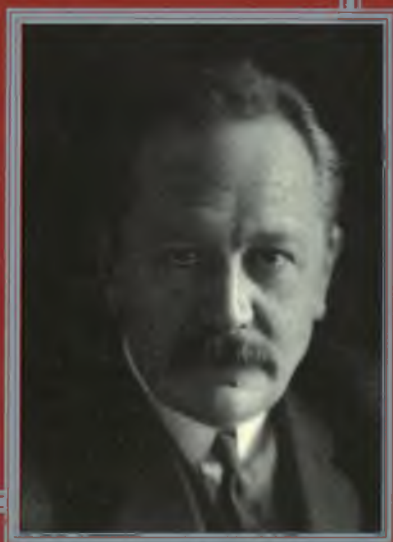

«СОВЕРШЕННО
ЛИЧНО
и
ДОВЕРИТЕЛЬНО!»

Б.А.БАХМЕТЕВ

В.А.МАКЛАКОВ

ПЕРЕПИСКА
1919 – 1951
В 3-х томах
Том 1
август 1919 –
сентябрь 1921

«СОВЕРШЕННО
ЛИЧНО И ДОВЕРИТЕЛЬНО!»

Б.А.БАХМЕТЕВ – В.А.МАКЛАКОВ

ПЕРЕПИСКА

1919 – 1951

В 3-х томах

Том 1

август 1919 – сентябрь 1921

Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN)
Publishing House

Hoover Institution on War, Revolution and Peace,
Stanford University

Institute of Russian History,
Russian Academy of Sciences

Издательство
«Российская политическая энциклопедия»
(РОССПЭН)

Гуверовский институт войны, революции и мира
Стэнфордский университет

Российская академия наук
Институт российской истории

«STRICTLY PERSONAL AND CONFIDENTIAL!»

B.A.BAKHMETEV AND V.A.MAKLAKOV

CORRESPONDENCE

1919 – 1951

In 3 volumes

Volume 1

August 1919 – September 1921

Edited and introduced by Oleg Budnitskii

Foreword by Terence Emmons

ROSSPEN

Hoover Institution Press

Moscow - Stanford

2001

«СОВЕРШЕННО ЛИЧНО И ДОВЕРИТЕЛЬНО!»

Б.А.БАХМЕТЕВ – В.А.МАКЛАКОВ

ПЕРЕПИСКА

1919 – 1951

В 3 томах

Том 1

август 1919 – сентябрь 1921

Общая редакция, вступительная статья, комментарии

доктора исторических наук О.В.Будницкого

Предисловие профессора Т.Эммонса

РОССПЭН

Издательство Гуверовского института

Москва – Стэнфорд

2001

С 56 **«Совершенно лично и доверительно!»: Б.А.Бахметев — В.А.Маклаков. Переписка. 1919—1951.** В 3-х томах. Том 1. Август 1919 — сентябрь 1921 / Под ред. О.Будницкого. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001. — 568 с., илл.

Книга открывает трехтомное издание переписки за более чем тридцатилетний период виднейших представителей российской культуры и общественного движения, вынужденно эмигрировавших из России в результате Октябрьской революции 1917 года. Документы предоставлены Гуверовским институтом войны, революции и мира Стэнфордского университета (США). Переписка публикуется полностью, без каких-либо изъятий и сокращений. Подавляющее большинство документов печатается впервые. В первый том включены 48 писем.

Книга иллюстрирована уникальными фотографиями, многие из которых публикуются впервые.

ББК 63.3-4; 63.3(2)612

- © Предисловие — Т.Эммонс, 2001.
- © Составитель, вступительная статья, комментарии — О.Будницкий, 2001.
- © Документы — Гуверовский институт войны, революции и мира, 2001.
- © «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001.

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Предлагаемое вниманию читателей издание не могло бы увидеть свет без содействия многих коллег по обе стороны океана. Мне бы хотелось выразить искреннюю признательность прежде всего директору Гуверовского архива доктору Елене Даниелсон, без энтузиазма, высочайшего профессионализма и оперативности которой этот проект просто не имел бы шансов на воплощение в жизнь, и профессору Стэнфордского университета Теренсу Эммонсу, неизменно поддерживавшему идею публикации переписки, щедро тратившему свое время на решение различных организационных и научных проблем и любезно согласившемуся написать вступительное слово к публикации.

Необходимые материалы, а также часть средств, позволивших книге увидеть свет, были предоставлены Гуверовским институтом войны, революции и мира при Стэнфордском университете (Hoover Institution on War, Revolution and Peace). Разумеется, публикация не состоялась бы без поддержки заместителя директора Гуверовского института Чарлза Палма, президента Ассоциации РОССПЭН профессора Валентина Валентиновича Шелохаева и директора издательства РОССПЭН к.и.н. Андрея Константиновича Сорокина, принимавшего самое деятельное и заинтересованное участие в реализации проекта. Весьма полезны при подготовке публикации были советы профессоров Марка Раева (Тенафлай, Нью-Джерси), Сергея Васильевича Утехина (Менло Парк, Калифорния). Неизменно дружескую и профессиональную помощь оказывал Борис Юрьевич Иванов («Большая Российская энциклопедия», Москва).

Проведя не один месяц в читальных залах Гуверовского архива и библиотеки, я неизменно убеждался в профессионализме и доброжелательности их сотрудников — архивистов Линды Барнард, Рональда Булатова, Дэвида Джекобса, Мириам Лефлок, Кэрл Лиденхэм, Леоноры Сорока и других, аудиовидеоспециалиста Реми Сквайерса, библиографа Молли Моллой и, конечно, Ольги Верховской-Данлоп, чья фраза «посмотрите переписку Маклакова: я думаю, Вам это будет интересно», сказанная в один из осенних дней 1994 года, определила сферу моих научных занятий по меньшей мере до конца истекшего столетия.

Я признателен также председателю Бахметевского архивного комитета профессору Ричарду Уортману, любезно разрешившему включить в публикацию некоторые материалы из Архива русской истории и культуры Колумбийского университета.

Особая благодарность — Татьяне Дмитриевне и Борису Николаевичу Дедовичам (Менло Парк, Калифорния), чьим гостеприимством мне неоднократно приходилось пользоваться в период работы над проектом.

Разумеется, столь сложный и дорогостоящий проект было бы невозможно реализовать без финансовой поддержки различных научных фондов. В разное время работу над подготовкой к печати эпистолярного наследия В.А.Маклакова и Б.А.Бахметева поддерживали в той или иной форме фонды Джона и Кэтрин Макартуров (MacArthur Foundation) (США), Российский гуманитарный научный фонд (проект № 99-01-00188а) и Программа Фулбрайт (Fulbright Program) (США). Всем им публикатор выражает искреннюю благодарность.

Наконец, я признателен человеку, которому пришлось более всего «претерпеть» в ходе работы — моей жене Лизе, собственноручно набравшей на компьютере большую часть текстов и проведенной со мной в архиве не одну сотню часов.

О.В.Будницкий

FOREWORD

Before Vasilii Maklakov (1869–1957), the Russian Provisional Government's ambassador to Paris, turned over the embassy building in rue Grenelle to a Soviet delegation following France's recognition of the USSR in 1924, he managed to send off the enormous files of the Foreign Agency of the Imperial Russian Secret Police, which for decades had run its European operations out of the embassy's basement, to the recently founded Hoover Institution at Stanford University. His choice of this distant and still little-known venue instead of the nearby Russian Archive in Prague reflected his concern that the files be kept out of the hands of the Bolsheviks, who could be counted on to use information they contained against their political enemies: Prague was too close to Moscow. The whereabouts of the archive were to be kept a closely guarded secret until after Maklakov's death. When he died in 1957 at the age of 88, the announcement that the «Okhrana archive», as it has come to be known in English, was located at Stanford created an international sensation.

This story of the Okhrana archive, one of the largest and most famous of the Hoover Institution Archives' great Russian collections, and of Maklakov's role in its preservation, is well known among students of modern Russian history. It is much less well known that the Hoover Archives also contains Vasilii Maklakov's personal papers for the last 40 years of his life, which were spent in emigration, including an extraordinary collection of personal correspondence. Maklakov carried on an extensive correspondence with a wide variety of individuals prominent in the political and cultural life of the Russian diaspora (Mark Aldanov, Ivan Bunin, Aleksandr Kerenskii, Aleksandr Kizevetter, Ekaterina Kuskova, Pavel Miliukov, Vasilii Shulgin, Ariadna Tyrkova-Williams, Nikolai Valentinov (Volskii) to name only a few). These exchanges, invariably of serious intellectual content, usually concerned Russia's history, current situation, and prospects and, especially on Maklakov's side, exhibited a high level of stylistic elegance. Not the least extraordinary aspect of this epistolary treasure trove is the fact that both sides of the correspondence are present: the correspondent's letters in the original and Maklakov's in typed carbon copies. We have Maklakov's virtually indecipherable handwriting to thank for the fact that he almost always used the services of a typist in these exchanges (from other collections in the Hoover Archives we know that he did carry on some intimate correspondence by hand).

Within this mass of fascinating exchanges, one set stands out in terms of size, duration, and historical interest: a sustained dialogue on Russia's past, present, and future, incorporating evaluations of the dramatic events within Russia and in the world at large in the first half of the twentieth century. This is the correspondence with Maklakov's fellow fledgling diplomat and exile, the Provisional Government's ambassador to Washington, Boris Bakhmetev (Bakhmeteff) (1880–1951). Their personal correspondence, preserved virtually intact, stretches from 1919 to 1951, the last year of Bakhmetev's life, in at least 278 letters. This, the first of three volumes that will reproduce the entirety of the Maklakov–Bakhmetev correspondence, contains 48 letters dating from August 1919 to September 1921¹.

Both principals in this correspondence found themselves in exile following the Bolshevik revolution, Maklakov in France and Bakhmetev in the United States, by dint of having been appointed ambassadors to those two countries only a short while before the Bolsheviks seized power in Petrograd. In fact, Maklakov presented his credentials at the Quai d'Orsay the day *after* the Bolshevik coup in Petrograd, learning there of that event from Louis Barthou, the French foreign minister! Since both Allied governments, refusing to recognize the new Bolshevik regime, accepted the ambassadorial status of the defunct Provisional Government's envoys, Maklakov and Bakhmetev found themselves «ambassadors without a country», positions they retained throughout the period in which they conducted the correspondence in this volume (Bakhmetev withdrew from his position in 1922, although the non-Soviet Russian representation continued its existence in the U.S. until American recognition of the USSR in 1933; Maklakov stayed on, as noted, until French recognition of the USSR in 1924). Their personal correspondence begins in mid-1919, following Bakhmetev's return to Washington after a six-month visit to Paris to coordinate Russian anti-Bolshevik representation at the Peace Conference, during which he first made Maklakov's acquaintance; it was there they began the long dialogue that they subsequently continued by letter.

Much of the historical significance of the first two years of the Maklakov-Bakhmetev correspondence lies in the light it sheds on the activities of the anti-Bolshevik emigration, in which they played pre-eminent roles, in its efforts to prevent Allied recognition of the Bolsheviks, to encourage Allied intervention and otherwise support the several anti-Bolshevik movements on Russian territory during the Civil War. But, from the beginning, their exchanges touched on broader issues in their efforts to understand the nature of the current

¹ A copy of the correspondence, somewhat less complete, but with three letters included in this volume that are missing from the Hoover collection, is preserved in Bakhmetev's collection at the archive in Columbia University that bears his name: the Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture.

Russian crisis and the prospects for Russian renewal as a democratic, constitutionalist state.

The two ambassadors were close on the overall political-ideological spectrum: Both were basically rule-of-law oriented moderates, patriots and defenders of Russian statehood, and both rejected the idea that the Bolshevik dictatorship in any way represented the interests of the majority of the Russian people. Their political propinquity made it possible for them to carry on their correspondence without quarreling over first principles. At the same time, subtle, and sometimes not so subtle, differences in their worldviews produced this sustained dialogue about Russia and its fate in the modern world. Maklakov, the more doctrinaire liberal of the two, was, from the beginning of the revolution, deeply pessimistic about the possibilities of mass democracy in Russia and, once the Bolsheviks seemed firmly established in power, tended to see the only hope for the future to be in the internal evolution of the ruling elite. By contrast, Bakhmetev, who retained from his youth, in Oleg Budnitskii's words, a species of «humanistic socialist» ideals, was, in the early stages of the revolution, optimistic about the chances of democracy and expected, at least during the period of the New Economic Policy in the mid-1920s, that a grass roots movement of prosperous peasants and tradesmen would arise to modify the Bolshevik dictatorship. By 1917, however, Bakhmetev had become a strong advocate of the free market and very critical of the rise of the interventionist state in the 1930s, including Roosevelt's New Deal in the U.S. Maklakov, ever the *gosudarstvennik*, respecter of state power, disagreed. These differences of perspective made for a fascinating dialogue on the import of current events.

Both Maklakov and Bakhmetev were raised in professional families of noble pedigree, and both received excellent secondary educations, Maklakov in Moscow and Bakhmetev in Tiflis. Both went on to higher education, Maklakov in history and law at Moscow University, Bakhmetev in engineering at the Means of Communication Institute in Saint Petersburg. Both were involved in oppositional activities in their youth, Maklakov as an agitator for students' rights and later as a participant in the broader liberal movement for civil and political rights and constitutional reform, with which he remained associated throughout his Russian years, being, among other things, one of the founders of the Constitutional-Democratic (Kadet) Party in 1905 and a Kadet deputy in the last three Dumas (the national legislature) between 1907 and 1917. Bakhmetev began his political involvement as a Marxist and Social-Democrat, even serving as a member (from the Menshevik fraction) of the S.D. Central Committee in 1906. But he went on to become a professor of hydraulic engineering at the prestigious Polytechnical Institute in Petersburg, opened his own private engineering firm, helped plan some major hydroelectric and irrigation projects in the years before the war (some of them eventually taken up by the Soviet government); in the meantime, his politics turned essentially liberal-evolutionary.

When the monarchy fell in 1917, Maklakov was already a prominent figure in Russian politics, one of his party's finest orators in the Duma and a prominent defense lawyer in civil rights-related cases (he was, for example, one of the defense lawyers in the notorious Beilis case of 1913). That he did not receive a ministerial portfolio in the first Provisional Government, specifically the justice portfolio, is something of a mystery; Maklakov apparently attributed this to bad personal relations with the first prime minister, Prince Georgii L'vov. In any event, his nomination as ambassador to Paris by the new liberal regime seemed to be a natural one: He had the right political credentials, had been a frequent visitor to France, and was well known in French political and diplomatic circles.

Bakhmetev's route to ambassadorial status was somewhat different: He had spent time in America before the war studying engineering methods; on the basis of that experience he was sent again to the U.S. for nearly a year, during 1915 – 1916, to look into problems of war materiel supplies. In 1917 he was appointed assistant minister for trade and industry in the Provisional Government, in which capacity he attracted the attention of its first foreign minister, Pavel Miliukov, who was then looking for a suitable candidate for the post in Washington, which had taken on new importance now that America had entered the war. Economic and supply issues were at the forefront, and Bakhmetev was made an offer he felt compelled to take, not only on patriotic grounds but also because he had cultivated a dream of Russian-American cooperation for economic development since his earlier visits.

Following his career as ambassador without a country, Vasili Maklakov remained in Paris as the generally recognized leader and chief spokesman for the sizable Russian émigré community in France. Over the years he wrote a series of memoirs about life and politics in late imperial Russia that became classics of the genre and, to this day, significantly influence the historiographical discourse on the period. Boris Bakhmetev remained in the U.S., soon acquired U.S. citizenship, became a successful businessman, then a professor of engineering at Columbia University, and a pioneer in the development of engineering education in this country. His counsel on Russian affairs continued to be sought in government circles, at least through the presidency of his acquaintance, sometime correspondent, and fellow engineer, Herbert Hoover.

This publication is the product of the initiative, in the first place, of Oleg Budnitskii, Senior Fellow of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences in Moscow, who is also the editor and author of the introductory article and annotations to this volume. The publication owes its realization to the cooperative efforts of the Hoover Institution and the Russian Political Encyclopedia Press.

TERENCE EMMONS
Professor of History
Stanford University

ПРЕДИСЛОВИЕ*

Прежде чем посол Временного правительства в Париже Василий Маклаков (1869—1957) передал здание посольства на улице Гренелль в ведение советской делегации после признания СССР Францией в 1924 году, ему удалось отослать в недавно открывшийся Гуверовский институт при Стэнфордском университете огромный архив заграничной агентуры российской имперской секретной полиции, которая десятилетиями проводила свои операции в Европе, базируясь в подвале посольства. Выбор Маклаковым этого отдаленного и малоизвестного заведения вместо близлежащего Русского архива в Праге был вызван опасением, что документы могут попасть в руки большевиков, которые наверняка использовали бы содержащуюся в них информацию против своих политических врагов: Прага находилась слишком близко к Москве. Местонахождение архива должно было оставаться тайной вплоть до смерти Маклакова. Когда он умер в 1957 году в возрасте 88 лет, объявление о том, что «архив Охраны», как он стал известен в англоязычном мире, находится в Стэнфордском университете, произвело международную сенсацию.

История архива Охраны, одного из самых крупных и самого знаменитого в прекрасной русской коллекции Архива Гуверовского института, и роли Маклакова в его сохранении, хорошо известны изучающим современную российскую историю. Гораздо менее известно то, что в Гуверовском архиве хранятся также личные бумаги Василия Маклакова последних 40 лет его жизни, проведенных в эмиграции, включая великолепную коллекцию личной переписки. Маклаков поддерживал обширную переписку с целым рядом выдающихся деятелей политической и культурной жизни российской диаспоры. (Назову хотя бы некоторых из них: Марк Алданов, Иван Бунин, Николай Валентинов (Вольский), Александр Керенский, Александр Кизеветтер, Екатерина Кускова, Павел Милюков, Ариадна Тыркова, Василий Шульгин.) Эта переписка, неизменно серьезного интеллектуального содержания, обычно касалась истории России, текущей ситуации и будущего и, особенно со стороны Маклакова, отличалась высокой степенью стилистической элегантности. Отличительной чертой этой эпистолярной сокровищницы является то, что сохранилась корреспонденция с обеих сторон: оригиналы писем корреспондентов Маклакова и машинописные копии его собственных писем. Скорее

* Перевод с английского (см. стр. 7—10).

всего, мы должны быть благодарны практически неподдающемуся расшифровке почерку Маклакова за то, что он почти всегда диктовал свои письма машинисткам (в некоторых других коллекциях в Гуверовском архиве сохранилась часть его интимной переписки; такого рода послания он писал собственноручно).

Среди множества эпистолярных нитей одна выделяется по объему, продолжительности и историческому интересу; она является по сути продолжительным диалогом о российском прошлом, настоящем и будущем, включавшим оценки драматических событий в России и мире в целом на протяжении первой половины двадцатого века. Это переписка с коллегой Маклакова по дипломатическому корпусу и эмиграции, послом Временного правительства в Вашингтоне, Борисом Бахметевым (1880—1951). Их личная переписка, сохранившаяся полностью, длилась с 1919 до 1951 год, последний год жизни Бахметева, и составляет по крайней мере 278 писем. В данном издании воспроизводится в трех томах переписка Маклакова с Бахметевым полностью; первый том включает 48 писем, датируемых периодом с августа 1919 по сентябрь 1921 года¹.

Оба участника этой переписки оказались в изгнании после большевистской революции, Маклаков во Франции, Бахметев — в Соединенных Штатах, вследствие назначения их послами в соответствующие страны незадолго до захвата власти большевиками в Петрограде. В самом деле, Маклаков представил свои верительные грамоты на Кэ д'Орсэ на следующий день после большевистского переворота в Петрограде и там узнал об этом событии от Луи Барту, французского министра иностранных дел. Поскольку оба союзнических правительства, отказываясь признать новый большевистский режим, подтвердили дипломатический статус посланников исчезнувшего Временного правительства, Маклаков и Бахметев оказались в необычайном положении «послов без страны», и оба сохраняли этот статус на протяжении всего времени переписки, опубликованной в данном томе (Бахметев оставил свой пост в 1922 году, хотя несоветское российское представительство в США продолжило свое существование вплоть до признания СССР в 1933 году; Маклаков сохранил посольский статус, как отмечалось, до признания СССР Францией в 1924 году). Их личная переписка началась в середине 1919 года, по возвращении Бахметева в Вашингтон после шестимесячного визита в Париж, куда он ездил с целью координации российского антибольшевист-

¹ Оригиналы писем Маклакова и машинописные копии писем Бахметева находятся в фонде Бахметева, хранящемся в архиве в Колумбийском университете, названном в его честь: Бахметевский архив русской и восточно-европейской истории и культуры. Экземпляр переписки в собрании Гуверовского института в целом полнее, однако тексты трех писем, отсутствующих в Гуверовском архиве, публикуются по копиям, сохранившимся в Бахметевском архиве.

ского представительства на мирной конференции. В период конференции он познакомился с Маклаковым, и между ними начался диалог, впоследствии продолжившийся в письмах.

Огромное историческое значение первых двух лет переписки Маклакова и Бахметева объясняется тем, что она освещает деятельность антибольшевистской эмиграции, в которой они играли выдающуюся роль, попытки предотвратить признание большевиков союзниками, способствовать интервенции союзников и поддержать антибольшевистские движения на территории России во время Гражданской войны. Но с самого начала их переписка касалась более широкого круга проблем, включая попытку понять природу современного им российского кризиса и перспективы обновления России как демократического, конституционного государства.

Послы были весьма близки в политико-идеологическом отношении: оба к этому времени были умеренными, ориентированными на верховенство закона, патриотами и защитниками российской государственности, и оба отрицали идею, что большевистская диктатура каким-либо образом представляет интересы большинства российского населения. Их политическая близость позволяла им поддерживать переписку без постоянных споров об основополагающих принципах. В то же самое время, именно тонкие, а иногда и не столь тонкие, различия в их мировоззрениях породили этот продолжительный диалог о России и ее судьбе в современном мире. Маклаков, в большей степени являвшийся либералом-доктринером, был с самого начала революции настроен глубоко пессимистически в отношении перспектив массовой демократии в России и, после прочного утверждения большевиков во власти, видел единственную надежду на будущее во внутренней эволюции правящей элиты. Напротив, Бахметев, который сохранил со времен молодости, по словам Олега Будницкого, приверженность идеалам «гуманистического социализма», был на раннем этапе революции оптимистичен относительно шансов демократии и ожидал, по крайней мере в период нэпа в середине 1920-х годов, что поднимется народное движение зажиточных крестьян и торговцев, которое изменит большевистскую диктатуру. Однако в то же самое время Бахметев к 1917 году стал убежденным сторонником свободного рынка и весьма критически относился к возникновению интервенционистской политики государств в 1930-е годы, включая рузвельтовский «Новый курс» в США. Маклаков, государственный деятель, считавший неизбежным усиление государственной власти в тогдашних условиях, был не согласен с Бахметевым в этом вопросе. Эти расхождения порождали захватывающий диалог о смысле современных им событий.

И Маклаков, и Бахметев выросли в семьях профессионалов благородного происхождения, и оба получили прекрасное гимназическое образование, Маклаков — в Москве, Бахметев — в Тифлисе. Оба получили высшее образование: Маклаков — в области

истории и юриспруденции в Московском университете, Бахметев — в области инженерии в Институте путей сообщения в Петербурге. Оба в юности были вовлечены в оппозиционную деятельность, Маклаков в качестве агитатора за права студентов, а затем как участник более широкого либерального движения за гражданские и политические права и конституционную реформу, в котором он продолжал участвовать все годы своего пребывания в России в качестве, среди прочего, одного из основателей конституционно-демократической партии в 1905 году и депутата от кадетов в последних трех Думах между 1907 и 1917 годами. Бахметев начал участвовать в политике как марксист и социал-демократ, являясь даже членом (от фракции меньшевиков) Центрального комитета социал-демократов в 1906 году. Но вскоре он стал профессором гидравлики в престижном Политехническом институте в Петербурге, открыл собственную частную инженерную фирму, был вовлечен в проектирование некоторых крупных гидроэнергетических и ирригационных объектов в предвоенные годы (некоторые из которых были продолжены советскими властями) и постепенно его политические взгляды сместились в сторону либерально-эволюционистских.

Когда монархия пала в 1917 году, Маклаков был уже заметной фигурой на российском политическом небосклоне, одним из лучших ораторов своей партии в Думе, и одним из выдающихся адвокатов, специализирующихся на делах по защите гражданских прав (например, он был одним из защитников во время печально известного дела Бейлиса в 1913 году). Остается загадкой, почему он не получил министерского портфеля в первом составе Временного правительства, а именно пост министра юстиции; Маклаков приписывал это плохим личным отношениям с первым премьер-министром, князем Георгием Львовым. В любом случае, его назначение послом в Париж казалось естественным: он обладал необходимыми политическими качествами, был частым гостем Франции и был хорошо известен во французских политических и дипломатических кругах.

Путь Бахметева к статусу посла был несколько иным: до войны он бывал в Америке с целью изучения инженерного дела, и, учитывая этот опыт, был вновь направлен в Соединенные Штаты почти на год в 1915—1916, с целью ускорения военных поставок. В 1917 году он был назначен товарищем министра торговли и промышленности во Временном правительстве, в качестве которого он и привлек внимание тогдашнего министра иностранных дел, Павла Милюкова, который в тот момент искал подходящего кандидата на место в Вашингтоне, обретшее особую важность с момента вступления Америки в войну. Вопросы экономики и поставок были на переднем плане, и Бахметеву было сделано предложение, от которого он не мог отказаться по патриотическим соображениям, но также и из-за лелеемой им со времен первых

визитов в Соединенные Штаты мечты о российско-американском сотрудничестве ради экономического развития.

После завершения карьеры «посла без правительства», Василий Маклаков остался в Париже общепризнанным лидером и представителем значительной русской эмигрантской общины во Франции. Он написал несколько книг воспоминаний о жизни и политике позднимперской России, которые стали классикой этого жанра и по сей день оказывают значительное влияние на историографическую трактовку этого периода. Борис Бахметев остался в США, вскоре получил американское подданство, стал преуспевающим бизнесменом, затем профессором инженерии в Колумбийском университете и пионером инженерного образования в этой стране. Его советы относительно отношений с Россией продолжали ценить в правительственных кругах, по крайней мере в президентство его знакомого, корреспондента и коллеги-инженера, Герберта Гувера.

Данная публикация является результатом инициативы прежде всего Олега Будницкого, старшего научного сотрудника Института российской истории Российской академии наук в Москве, который также является автором вступительной статьи и комментариев к этому тому.

Публикация обязана своим появлением совместным усилиям Гуверовского института и издательству «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН).

Теренс Эммонс,
профессор истории
Стэнфордского университета

ПОСЛЫ НЕСУЩЕСТВУЮЩЕЙ СТРАНЫ

20 июня 1917 года инженер и ученый Борис Бахметев прибыл во главе российской чрезвычайной миссии в США; ему было поручено также управление российским посольством в Вашингтоне и присвоен ранг чрезвычайного и полномочного посла. 5 июля 1917 г. Бахметев вручил верительные грамоты президенту Вудро Вильсону, превратившись из посла де-факто в посла де-юре. 8 ноября 1917 г., когда в США было получено известие о большевистском перевороте, Бахметев находился в Мемфисе, где должен был произнести очередную речь, направленную на пропаганду усилий России в войне и создание имиджа новой, демократической России в глазах американцев. Бахметев отреагировал на переворот немедленно, заявив, что новая петроградская власть не отражает духа и настроений народа. Американское правительство, после двухнедельной паузы, подтвердило дипломатический статус Бахметева, признав его истинным представителем России и отказавшись иметь какие-либо дела с большевиками. Пять лет Бахметев находился на этом посту; 30 июня 1922 года он ушел в отставку, подав заявление в виде письма на имя государственного секретаря США Чарльза Хьюза. «Своего» правительства, даже «в изгнании», у него по-прежнему не было.

Другому послу Временного правительства, назначенному на ключевой дипломатический пост в Париж, адвокату, депутату трех Государственных Дум Василию Маклакову повезло еще меньше. Он явился к министру иностранных дел Франции Луи Барту 8 ноября 1917 года и услышал о происшедшем накануне в Петрограде перевороте и о том, что министр М.И.Терещенко, подписавший его верительные грамоты, сидит в Петропавловской крепости. Маклаков фактически признавался французским правительством послом, хотя юридически его положение оставалось достаточно двусмысленным. Маклаков покинул посольский особняк на улице Гренелль в 1924 году после признания Францией Советского Союза.

Маклаков и Бахметев не были профессиональными дипломатами; впрочем, «нормальный» дипломатический опыт вряд ли мог существенно пригодиться в той необычной ситуации, в которой

они оказались. Волею судеб послы в Париже и Вашингтоне стали ключевыми фигурами в дипломатическом, финансовом и материальном обеспечении антибольшевистского движения; им приходилось отстаивать национальные интересы России (разумеется, в их понимании) в условиях послевоенного переустройства мира, когда сила и чувство мести нередко преобладали над справедливостью и здравым смыслом; при этом послы не могли опереться на какое-либо законное российское правительство; ни одно из антибольшевистских правительств не оказалось достаточно сильным и долговечным, чтобы удостоиться официального международного признания; что же касается московского правительства, то послы, напротив, прилагали все усилия, чтобы не допустить даже переговоров с ним.

Послам приходилось сдерживать амбиции белых генералов и служить своеобразными посредниками между различными политическими силами антибольшевистского лагеря; нередко их деятельность была направлена не столько на представительство интересов российских правительств за рубежом, сколько на воздействие на их внутреннюю политику — против «реставраторства», «монархизма», неумения учесть интересы различных народов, населявших бывшую Российскую империю. После поражения белых на плечи послов легла забота о сотнях тысяч русских беженцев и, в значительной степени, борьба против авантюризма некоторой части генералов, стремившихся продолжить явно обреченную на провал вооруженную борьбу против советской власти.

Случилось так, что между двумя наиболее влиятельными представителями антибольшевистской России за рубежом — Маклаковым и Бахметевым, принадлежавшим к разным поколениям и к довольно различным слоям российской политической элиты, и никогда не встречавшимися до 1918 года, сложились дружеские отношения, а их служебная переписка стала сопровождаться неофициальной и достаточно откровенной. Личная переписка, начавшаяся в августе 1919 года, продолжалась с перерывами до февраля 1951-го, года смерти младшего из корреспондентов.

Переписка сохранилась практически полностью; она насчитывает почти 280 писем, составляющих около 2700 листов. Оригиналы писем Бахметева находятся в составе личной коллекции Маклакова в архиве Гуверовского института войны, революции и мира Стэнфордского университета (Калифорния, США), здесь же находятся копии писем Маклакова; соответственно, оригиналы писем Маклакова и копии писем Бахметева хранятся в Архиве русской и восточно-европейской истории и культуры (известном более как Бахметевский архив) Колумбийского университета (Нью-Йорк, США) в составе личного фонда Бахметева. Коллекция Гуверовского архива несколько полнее.

Переписка представляет собой ценнейший источник по истории русской революции и Гражданской войны, истории дипломатии 1917 — первой половины 1920-х годов, истории русской эмиграции и культуры. Однако значение переписки выходит за рамки только исторического источника. Это своеобразный памятник политической мысли; корреспонденты, убедившись в неудаче попыток свергнуть большевистскую власть вооруженным путем, стремились противопоставить большевистской пропаганде программу «национально-демократического» преобразования России, звучащую вполне свежо и современно. В письмах, которые часто похожи скорее на трактаты, содержатся размышления об устройстве будущей свободной России, об основах русского исторического процесса, тонкий анализ международного положения и идеи о справедливых основах европейского порядка; корреспонденты вели многолетнюю дискуссию о разумном сочетании интересов личности, общества и государства; об американском опыте решения этой проблемы и применимости его в условиях России; в письмах воспроизводятся разговоры с заметными политическими деятелями того времени, иногда «набрасываются» их «портреты» (П.Н.Врангеля, Г.Е.Львова, А.В.Кривошеина, Б.В.Савинкова и др.; в письмах Бахметева содержатся заметки о беседах с Гербертом Гувером).

Однако ценность переписки не ограничивается ее содержанием; это, несомненно, своеобразный литературный памятник. Письма написаны сочным языком; точность мысли сочетается в них с образностью и блеском изложения. Некоторые из писем вполне можно отнести к шедеврам эпистолярного жанра. Разумеется, эти характеристики относятся не ко всем письмам, многие из них носили информационный или чисто деловой характер; не одинаковой была и литературная одаренность корреспондентов — Маклаков был одним из лучших ораторов своего времени и плодовитым публицистом и мемуаристом; в письмах, которые он диктовал стенографистке, чувствуется отточенность его живой речи. Бахметев писал суше; он тоже был неплохим оратором и нередко публиковал статьи в газетах и журналах по политическим и экономическим вопросам; однако он, конечно, не мог тягаться со своим знаменитым другом. В то же время Бахметев старался «соответствовать»; если сравнить его переписку с другими корреспондентами, чувствуется, на наш взгляд, более тщательная литературная отделка писем к Маклакову.

Прежде чем перейти к характеристике обстоятельств места и времени переписки, а также к анализу ее содержания — несколько слов о жизни и деятельности Маклакова и Бахметева до их вступления на дипломатическое поприще.

Василий Алексеевич Маклаков¹ родился 10 мая 1869 г. в Москве. Его мать происходила из богатой помещицкой семьи², отец был известным врачом-офтальмологом, впоследствии профессором медицинского факультета. После окончания гимназии с серебряной медалью Маклаков поступил на естественный факультет Московского университета, однако вскоре перешел на историко-филологический; он слушал лекции великого русского историка В.О.Ключевского, его наставником стал другой выдающийся историк — П.Г.Виноградов, прочивший Маклакову научную карьеру. Однако активное участие в студенческом движении (Маклаков был арестован на несколько дней во время студенческих волнений, дважды исключался из университета) создало ему репутацию неблагонадежного, и попечитель Московского учебного округа Н.П.Боголепов воспротивился оставлению Маклакова при университете.

Возможно, это препятствие было бы преодолено, но, как признавался позднее сам Маклаков, вступлению на ученое поприще мешал также его общественный темперамент. К тому же после смерти отца, на заработки которого существовала семья, Василию Алексеевичу, оказавшемуся старшим, приходилось думать о содержании своих многочисленных младших братьев и сестер. Он за один год прошел курс юридического факультета, блестяще сдал экзамены и в 1896 г. поступил в московскую адвокатуру, сначала в качестве помощника присяжного поверенного (он работал с Ф.Н.Плевако и А.Р.Ледницким), а затем самостоятельно практикующего адвоката.

Судебная карьера Маклакова была блистательной. Он выступал в качестве защитника в основном по уголовным и политическим

¹ О Маклакове существует довольно много работ, среди которых выделяются книга «на правах рукописи» Г.В.Адамовича «Василий Алексеевич Маклаков. Политик, юрист, человек». (Париж, 1959), написанная по опубликованным источникам и рассказам друзей Маклакова и диссертации американских историков Д.Дэвиса (Davies, David Arwyn. V.A. Maklakov and the Problem of Russia's Westernization. University of Washington, 1967), в работе которого политическая биография В.А. исследована до 1907 г. и Н.Тонгур (Tongour, Nadia. Diplomacy in Exile: Russian Émigrés in Paris, 1918—1925. Stanford University, 1979), изучившей деятельность Маклакова в бытность его послом в Париже. См. также сравнительно недавние статьи: Иоффе Г.З. и Кулешов С.В. В.А.Маклаков: вместо подчинения одних другим надо искать равновесие (Кентавр. 1993. № 6), Шевырин В.М. «Маклаковский путь» России (Открытая политика. 1997. № 6), Будницкий О.В. Нетипичный Маклаков (Отечественная история. 1999. № 2, 3). Однако полная научная биография Маклакова до сих пор не написана.

² Мать Маклакова рано умерла, и детей воспитывала мачеха, довольно известная писательница, публиковавшаяся под псевдонимом Л.Нелидова (урожд. Л.Ф.Королева).

ким делам. Логика, ясность и внешняя простота его речей производили сильное впечатление на судей и чарующее — на публику. Вскоре Маклаков заслужил славу одного из лучших ораторов России¹. Наиболее громкие процессы, в которых ему пришлось выступать — дело о Выборгском воззвании, по которому судились депутаты I Государственной Думы, обратившиеся, после ее роспуска, с призывом к населению в знак протеста не платить налогов и отказываться от службы в армии (1908) и дело Бейлиса (1913). Речь Маклакова на «Выборгском процессе» многие современники считали не только его ораторским шедевром, но и вообще лучшей речью, когда-либо произнесенной в русских судах. Выступление Маклакова на процессе Бейлиса отличалось не только безупречной логикой и доказательностью, но и тонким психологизмом. Он сумел подобрать «ключ» к сердцам «темных» присяжных заседателей; его речь, несомненно, сыграла решающую роль в оправдании Бейлиса, обвинявшегося в убийстве христианского мальчика с ритуальной целью.

Маклаков со студенческих времен отличался «вкусом к общественности»; с 1903 г. он стал секретарем кружка либеральных земцев «Беседа»; вошел в кружок защитников по политическим делам, организованный группой оппозиционно настроенных московских адвокатов. В 1905 г. Маклаков стал одним из организаторов Союза адвокатов. Вполне логичным было его участие в создании конституционно-демократической партии (1905), главной партии российских либералов, членом Центрального комитета которой он был с 1906 г. По кадетскому списку Маклаков трижды избирался в Государственную Думу, начиная со II. В Думе Маклаков упрочил свою репутацию оратора; после произнесения речи о военно-полевых судах 13 марта 1907 г. во II Думе Маклаков, по выражению его биографа Г.В.Адамовича, проснулся знаменитым, как Байрон после выхода первой песни «Чайльд-Гарольда».

В партии кадетов Маклаков занимал, по его собственным словам, самую правую позицию; вместе с близкими к нему политически П.Б.Струве, С.Н.Булгаковым и М.В.Челноковым он заработал шутливое прозвище «черносотенного» кадета. Маклаков был сторонником сотрудничества с «исторической» властью; он весьма скептически относился к идее введения в России всеобщего избирательного права, учитывая неграмотность значительной части населения; расходился он с партийной программой и в аграрном вопросе, будучи противником принудительного отчуждения частновладельческих земель. В партии он был, по словам ее лидера П.Н.Милюкова, при особом мнении. Тем не менее партия

¹ Об особенностях ораторского мастерства Маклакова см. подробнее: Будницкий О.В. Нетипичный Маклаков // Отечественная история. 1999. № 3. С. 17–22.

поручала ему выступления по многим принципиальным вопросам; ораторский дар Маклакова был своеобразным «секретным оружием» кадетов¹.

«Идеей фикс» Маклакова было внедрение законности в русскую жизнь. Он отстаивал принципы права и законности как в своей практической деятельности, так и в публицистических статьях². Признанный «законник» Маклаков подготовил совместно с И.Я.Пергаментом «Наказ» (регламент) Государственной Думы, которым, несмотря на то, что официально он не был принят, Дума руководствовалась в своей повседневной работе. Не случайно Маклаков в списках возможного правительства, подготовленных «Прогрессивным блоком» (объединением оппозиционных правительствам фракций Государственной Думы и Государственного Совета, сложившимся в 1915 году), неизменно фигурировал в качестве министра юстиции.

В Маклакове каким-то образом сочетался западник со славянофилом; поездка во Францию в 1889 году произвела на него неизгладимое впечатление; месяц, проведенный тогда в Париже остался, как он признался 65 лет спустя, лучшим в его жизни. Впоследствии Маклаков ездил во Францию каждый год; французский язык он знал в совершенстве. В 1908 г., вероятно, в связи с событиями на Балканах, в частности, аннексией Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины, Маклаков увлекся славянским движением; его славянофильство и патриотизм, в особенности, выросли в период Первой мировой войны. Он даже отрастил бороду и стал носить платье и шапку а ля русс³.

Бездарное ведение войны, засилье камарильи при дворе вызвало острую критику со стороны Маклакова. Настоящей сенсацией стала публикация его статьи «Трагическое положение» в одной из самых популярных газет «Русские ведомости». Это была аллегория; Маклаков предлагал читателям представить ситуацию, когда они едут в автомобиле со своей матерью по горной дороге; за рулем безумный шофер, который ни за что не хочет его отдать более умелым водителям. Вырвать руль у шофера — опасно; но что будет, если автомобиль все же сорвется в пропасть? В неумелом шофере все, конечно, узнали Николая II, в матери — Россию. 3 ноября 1916 г. Маклаков произнес в Думе одну из самых

¹ Pares, Bernard. The Fall of the Russian Monarchy. London, 1988. P. 100, 106.

² Смертная казнь и законность // Право. № 34. 1905. 28 августа; О смертной казни // Право. 1905. № 42. 1905. 31 октября; Законность в русской жизни // Вестник Европы. 1909. № 3; Значение дела Бейлиса // Русские ведомости. № 250. 1913. 30 октября; Спасительное предостережение: Смысл дела Бейлиса // Русская мысль. 1913. № 11 и др.

³ См.: Будницкий О.В. В.А.Маклаков и еврейский вопрос // Вестник Еврейского университета. 1999. № 1(19). С. 43–44; Davies D.A. Op. cit. P. 322.

ярких антиправительственных речей, завершив ее словами: «Либо мы, либо они: вместе наша жизнь невозможна». Степень его оппозиционности достигла такого накала, что этот законник выступил в качестве юридического консультанта убийц Г.Е.Распутина и даже снабдил одного из заговорщиков — князя Ф.Ф.Юсупова — кистенем, став, по его собственному признанию, фактически соучастником убийства¹.

Маклаков был одним из немногих лидеров оппозиционных партий, понимавшим, что в случае революции события пойдут совсем не по тому сценарию, на который рассчитывают политики; он не верил в способность общественности, не имевшей практического опыта, управлять страной; не верил он и в успешность осуществления реформ во время войны. Не удивительно, что он встретил Февральскую революцию без восторга. Ему как бы причитался пост министра юстиции; во всяком случае он фигурировал и в министерском списке, составленном 13 августа 1915 года при образовании «Прогрессивного блока», на случай его прихода к власти, и в списке, составленном 6 апреля 1916 года для кадетского съезда; министром юстиции во Временном правительстве в итоге стал А.Ф.Керенский².

Маклаков говорил, что портфеля ему никто не предлагал; М.А.Алданов предположил, и, возможно, не без оснований, что беспспорный кандидат на этот пост его особенно не добивался; надо было проявить некоторую настойчивость, а Маклаков не стал этого делать. Во всяком случае, выглядело довольно странным, что Маклаков, назначенный комиссаром в Министерство юстиции 28 февраля, не сменил эту должность на министерский пост. Затем он был избран Председателем Юридического совещания при Временном правительстве, но отказался в пользу Ф.Ф.Кокошкина, которому ранее этот пост был «обещан»; в итоге Маклаков довольствовался ролью члена комиссии по выработке положения о выборах в Учредительное собрание. Возможно, кроме пассивности самого Маклакова, в том, что он не сделал министерскую карьеру, сказались интриги Председателя Временного правительства князя Г.Е.Львова. Во всяком случае, Маклаков в частной переписке отзывался о нем и о его стремлении продвигать «своих» людей с нескрываемым сарказмом и плохо скрытой обидой³.

¹ Маклаков В.А. Некоторые дополнения к воспоминаниям Пуришкевича и кн. Юсупова об убийстве Распутина // Современные записки. 1928. Кн. 34. С. 271—272.

² Милюков П.Н. Воспоминания. Т. 2. М., 1990. С. 234.

³ В.А.Маклаков — Б.А.Бахметеву, 10 декабря 1921 // Буднички О. Написанные без оглядки: Василий Маклаков и его письма-портеры // Родина. 1996. № 10. С. 56—57.

Если определить одним словом господствующее настроение Маклакова в 1917 году, то этим словом, несомненно, будет «скептицизм». Симптоматично, что в период между Февралем и Октябрем он произнес, кажется, только одну публичную речь. Это было выступление на Московском государственном совещании в августе. Маклаков обратился к участникам совещания с призывом к единению: «Ведь, если возможно, что без соглашения тех сторон, на которые разбилась Россия, каким-то чудом, какая-то сила спасет нашу родину, то без этого соглашения свободы уже не спасти...»¹

Это был глас вопиющего в пустыне. Маклаков не верил ни в возможность соглашения, ни в возможность установления твердой власти, которая ассоциировалась с военной диктатурой и конкретно с личностью генерала Л.Г.Корнилова. Он говорил одному из руководителей Офицерского союза Л.Н.Новосильцеву: «Передайте генералу Корнилову, что ведь мы его провоцируем... Ведь Корнилова никто не поддержит, все спрячутся...»² Говоря «мы» Маклаков имел в виду «общественных деятелей», устроивших Корнилову на Московском совещании восторженный прием.

Еще меньше надежд при его ироничном отношении к «четырёххвостке» вызывало у Маклакова Учредительное собрание. «Для народа, — говорил он в декабре 1917 года, — большинство которого не умеет ни читать, ни писать, и при всеобщем голосовании для женщин наравне с мужчинами Учредительное собрание явится фарсом»³. М.В.Вишняк, будущий секретарь Учредительного собрания, писал о позиции Маклакова, когда они «в течение двух месяцев встречались почти ежедневно в Мариинском дворце в Особом совещании по выработке избирательного закона в Учредительное собрание. В Совещании были и гораздо более умеренные участники, чем Маклаков, но их голосов не было слышно. От правого крыла, неизменно отстаивавшего ограничения в избирательных правах, главным и, как всегда, блестящим оратором был Маклаков. Он не скрывал своей неприязни к "четырёххвостке"...»⁴

Кстати, сам Маклаков, уже будучи во Франции, по кадетскому списку был избран 24 ноября 1917 года в это некогда вожделенное для русских либералов Собрание. Однако 28 ноября кадеты были объявлены большевиками «врагами народа», а некоторые товарищи Маклакова по партии арестованы. Просуществовало

¹ Цит. по: Мельгунов С. О В.А.Маклакове // Возрождение. Париж, 1951. Тетр. 15. С. 154.

² Деникин А.И. Очерки русской смуты. М., 1991. Т. 2. С. 31.

³ Цит. по: Думова Н.Г. Кадетская контрреволюция и ее разгром. М., 1982. С. 79.

⁴ Вишняк М.В. «Современные записки»: Воспоминания редактора. СПб.; Дюссельдорф, 1993. С. 194.

Учредительное собрание в России, как известно, менее суток; 5 января 1918 года стало первым и последним днем его работы.

«В дни революции, в дни почти всеобщего общественного психоза, нарушения законности и права твердые голоса, отстаивающие настоящую свободу, приобретают исключительное значение», — писал о Маклакове С.П.Мельгунов¹. В 1917 году в России прислушивались к голосам других людей.

Не удивительно, что Маклаков охотно принял назначение послом в Париж.

Маклаков так излагал предысторию своего назначения: «В самом начале революции в шутку я сказал Милюкову (тогда занимавшему пост министра иностранных дел. — О.Б.), что не желаю никаких должностей в России, но охотно бы принял должность консьержа по посольству в Париже. По-видимому, он шутку принял всерьез и стал что-то говорить о посольстве, но я замахал руками и разговор не продолжал. Позднее я узнал, что он сделал запрос обо мне без моего ведома; тогда же французское правительство выразило согласие»².

Возможно, Милюков хотел сплавить подальше не всегда удобного оппонента; с другой стороны, лучшую кандидатуру для этой должности трудно было подыскать. Маклаков прекрасно знал Францию и французских политиков; его французский язык был совершенен; интересно, что в юбилейном сборнике его речей некоторые речи перепечатаны на том языке, на котором были произнесены — на французском; он «соперничал» на равных с такими блестящими французскими ораторами как Р.Вивиани и А.Тома³.

Маклаков пользовался высоким авторитетом во французских политических и дипломатических кругах: чтобы убедиться в этом, достаточно почитать мемуары посла Франции в России Мориса Палеолога⁴. Так что в согласии французского правительства принять его в качестве посла можно было не сомневаться⁵.

11 октября 1917 года Маклаков выехал к месту назначения; в Париж он прибыл 26 октября (8 ноября по новому стилю) и в тот

¹ Мельгунов С. О В.А.Маклакове. С. 157.

² Hoover Institution Archives (далее — HIA). Stanford University. Stanford, California. Vasily Maklakov Collection. Box 1. Folder 2 (далее первая цифра в сносках обозначает номер коробки, вторая — папки). Маклаков В.А. Автобиография. Назначение во Францию.

³ См.: Маклаков В.А. Речи. Париж, 1949.

⁴ См.: Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М., 1991 (ук.).

⁵ Юрисконсульт МИД Г.Н.Михайловский писал, что Маклакова в качестве посла «запросили» сами французы. См.: Михайловский Г.Н. Записки: Из истории российского внешнеполитического ведомства, 1914—1920. Кн. 1. М., 1993. С. 386—390. Однако к сообщениям этого мемуариста, нередко пересказывающего сведения, полученные из вторых рук, или просто слухи, надо, на наш взгляд, относиться с большой осторожностью.

же день отправился в Министерство иностранных дел вручать верительные грамоты. Как уже упоминалось выше, министр иностранных дел Франции Луи Барту сообщил Маклакову о случившемся накануне перевороте и о том, что министр иностранных дел Временного правительства М.И.Терещенко, подписавший грамоты посла, в тюрьме. «Но на это ни он, ни я серьезно не посмотрели, — вспоминал впоследствии Маклаков, — думали, что все это скоро кончится»¹.

Это кончилось 74 года спустя; как оказалось, в октябре 1917 года Маклаков покинул Россию (если не считать коротких поездок в 1919 и 1920 гг.) навсегда. 1917 год разделил его жизнь надвое: оставшиеся 40 лет Маклаков провел в Париже, сначала в качестве посла несуществующего правительства, затем — эмигранта.

Бахметев: 1880—1917

Бахметев был младше Маклакова на 11 лет; это был человек другого поколения, другого жизненного опыта и во многом другой ментальности. Если о его старшем современнике написано довольно много, хотя полной научной биографии Маклакова до сих пор не существует, то Бахметев, как это ни странно для столь заметной фигуры, нечасто становился «объектом» изучения историков. Возможно, это объясняется его «пограничным» положением: полжизни он провел в России, полжизни — в Америке. Для советских историков Бахметев был фигурой «нон-грата»², да и его личный архив в Колумбийском университете был для них совершенно недоступен; что же касается историков американских, то бывший посол интересовал их преимущественно как дипломат. О Бахметеве писали в исследованиях, посвященных внешней политике США, в особенности, российско-американским отношениям³. Что же касается остальных периодов его жизни, то о них можно

¹ Маклаков В.А. Автобиография. Назначение во Францию.

² Единственным исключением как будто являются работы Р.Ш.Ганелина, посвященные российско-американским отношениям, в которых затрагивается дипломатическая деятельность Бахметева. См.: Ганелин Р.Ш. Россия и США. 1914—1917. Л., 1969; его же. Советско-американские отношения в конце 1917—начале 1918 г. Л., 1975. С. 50—53;

³ Schuman, Frederick L. American Policy Toward Russia Since 1917: A Study of Diplomatic History, International Law and Public Opinion. New York, 1928. P. 45—49, 223—229; Thompson, John M. Russia, Bolshevism and the Versailles Peace. Princeton, 1966. P. 62—81, 280—281; Killen, Linda. The Search for a Democratic Russia: Bakhmetev and the United States // Diplomatic History. Vol. 2. № 3. Summer 1978. P. 237—256; Foglesong, David S. America's Secret War Against Bolshevism: U.S. Intervention in the Russian Civil War, 1917—1920. Chapel Hill & London, P. 47—75 и др.

почерпнуть достаточно поверхностные и нередко ошибочные сведения в справочных изданиях и некрологах, опубликованных вскоре после его смерти¹.

Бахметев был человеком довольно скрытным и не опубликовал, в отличие от многих своих современников и коллег-дипломатов, никаких мемуаров. Хотя, вероятно, такие намерения у него были в конце жизни; он надиктовал свои воспоминания Уэнделлу Линку, записавшему их на wire-recorder в рамках проекта Oral History Memoirs Колумбийского университета. При распечатке текст составил более 600 машинописных страниц. Однако скрытный характер Бахметева чувствуется и в этом тексте — в нем очень много общеисторических рассуждений (возможно, необходимых для американских читателей, не очень сведущих в тонкостях русской истории), но значительно приглушен личный момент. Тем не менее устные воспоминания Бахметева являются, пожалуй, главным источником для его биографа, хотя и в них мемуарист предпочел кое-что опустить.

Возможно, скрытность Бахметева выработалась гораздо раньше, нежели он вступил на дипломатическое поприще, и тому были определенные причины. В биографической справке, находящейся среди бумаг Бахметева в Колумбийском университете, указывается, что он родился в Тифлисе 1 мая 1880 г.² Однако в личном деле «экстраординарного профессора по кафедре прикладной механики Политехнического института Б.А.Бахметева» указано, что родился он 20 июля того же года, о чем сделана запись в метрической книге Тифлисской Сололакской Вознесенской церкви за 1880 год, что его родители неизвестны и он «принят на воспитание инженером-технологом Александром Павловичем Бахметьевым», а воспитателями были А.П.Бахметьев и дочь статского советника А.Шателена девица Ольга. 25 ноября 1892 г. А.П.Бахметьев усыновил Бориса, о чем состоялось решение Тифлисского окружного суда³. Нам не-

¹ Памяти Б.А.Бахметева // Новый журнал. 1951. Кн. XXVI. С. 252—254; Тимашев Н.С. Б.А.Бахметев // Возрождение. 1952. Тетр. XIX. С. 199—200; Bakhmeteff, Boris Alexander // Who Was Who in America. Chicago, Illinois, 1960. Vol. III. P. 44; Борисов В. Бахметьев Борис Александрович // Русское зарубежье: Золотая книга эмиграции: Первая треть XX века: Энциклопедический словарь. М., 1997. С. 70—71. Последняя по времени статья и как будто первая, посвященная нашему герою, опубликованная на его родине, отличается, к сожалению, неполнотой и неточностями.

² Bakhmeteff Archive on Russian and East European History and Culture. Rare Book and Manuscript Library. Columbia University (далее — BAR). Boris Bakhmeteff Collection. Box 46. Biographical.

³ Личное дело находится в ЛГИА. Ф. 478. Оп. 23. Д. 18. Цитируется нами по справке, составленной Ю.В.Шалыгиным и переданной Р.Ш.Ганелиным в дар Бахметевскому архиву Колумбийского университета. Справка хранится в личной коллекции Б.А.Бахметева, коробка 46, озаглавлена Biographical notes.

известны какие-либо подробности о происхождении Бахметева; однако не был ли «усыновитель» настоящим отцом будущего посла? Кстати, о разночтениях в написании фамилии нашего героя; неясно, когда он «потерял» мягкий знак при написании своей фамилии; во всяком случае, в документах и письмах после 1917 года он подписывался как «Бахметев».

В 1898 г. Бахметев закончил с золотой медалью 1-ю Тифлискую гимназию (кроме гимназического курса он занимался дома языками — французским, английским и немецким, а также музыкой) и в том же году поступил в Институт путей сообщения в Петербурге. Специальность инженера была наиболее престижной в России того времени и экзамены были очень трудными, а конкурсы — высокими. Однако преподавание в институте, по мнению Бахметева, было отсталым.

Очень быстро Бахметев «вошел» в политику. «Мы покидали наши родные города политически наивными, — вспоминал он более полувека спустя. — Однако в атмосфере университета, проникнутой политическими ожиданиями и размышлениями, быстро становились революционерами по духу, а иногда — и по делам... Гуманистический элемент был очень силен и я не могу себе представить, что в то время кто-нибудь в возрасте 20 или 23 лет не был своего рода социалистом»¹. Бахметев также относился к числу этих молодых людей. Только вот социалистом он стал не «своего рода», а самым настоящим — членом РСДРП, и довольно заметным.

В 1898 г., когда Бахметев поступил в институт, началась активизация студенческого движения, принявшего в 1899 году массовый и публичный характер. По мнению Бахметева, освободительное движение, завершившееся в 1905 году, началось на самом деле в 1899-м. Кстати, в этом тезисе — о завершении освободительного движения в 1905-м году, т.е. с изданием Манифеста 17 октября, декларировавшего созыв законодательной Думы и гражданские свободы, возможно, чувствуется не только личный жизненный опыт и позднейшие размышления, но и влияние Маклакова — сначала в личной переписке, а затем в книгах и статьях отстаивавшего положение о том, что после издания Манифеста русским либералам надо было заниматься органической работой и заключить союз с исторической властью против Ахеронта — революции.

Однако юный провинциал, каким был Бахметев в то время, не был столь рассудителен и быстро прошел путь от политической невинности до участия в студенческом комитете в качестве представителя своего учебного заведения. Вспоминая настроения студенческой среды, Бахметев говорил о том, что все хотели свобо-

¹ Bakhmeteff V. Oral History Memoir. P. 42–43 // BAR. V.Bakhmeteff Collection. Box 37.

ды, конституции, освобождения от власти самодержавия, ответственного правительства. «На самом деле в то время люди, даже называвшие себя социалистами — некоторые из них марксистами ("Я принадлежал к марксистскому направлению. Не знаю почему", — добавлял Бахметев) были далеки от сегодняшних социалистических программ. Другими словами, они говорили о социализме совершенно абстрактно. Любой социалист тех дней сказал бы, что для начала надо завоевать политическую свободу и затем предоставить людям возможность решать самим»¹.

В порядке самообразования Бахметев прочел все три тома «Капитала» К.Маркса, сочинения Д.Рикардо, А.Смита, много трудов по истории; это самообразование составило основу, на которую он опирался, по его собственному признанию, и полвека спустя.

Вспоминая о своих студенческих днях, бывший социал-демократ говорил, что марксистские взгляды, которых он тогда придерживался, очень отличались от позднейшей коммунистической интерпретации Маркса. «Мои идеи более или менее совпадали со взглядами умеренной европейской социал-демократии. Прежде всего, они были *абсолютно* демократическими. Я считал, что *любые* социальные реформы и изменения должны быть проведены в жизнь демократическим путем. Важнейшей вещью была политическая свобода и это было убеждение социал-демократии по всему миру. Это было приблизительно так же, как сейчас — за пределами коммунизма. Я не верю в социал-демократические идеи теперь, но в те дни, когда я был юным — верил. Но это то же самое. Другими словами, я верю сейчас, что гуманитарные цели и либеральные цели могут быть достигнуты лучше другими средствами, но в те дни важнейшей вещью была политическая свобода, конституционное правительство, всеобщее избирательное право, которое должно было дать право голоса всем, и затем люди могли бы выразить свою волю для таких социальных изменений, которые были необходимы»².

После окончания института Бахметев был направлен на два года за границу для подготовки к преподавательской деятельности в основанном С.Ю.Витте Политехническом институте. По поручению Витте были отобраны способные молодые выпускники различных университетов, которые должны были, по его замыслу, изучить постановку дела за рубежом и привнести в новый институт современный дух. Молодые люди должны были за границей специализироваться и изучить методы преподавания. Советом Политехнического института Бахметев был командирован на два года за границу для подготовки к преподаванию по кафедре гидравлики. Он провел год в Швейцарии, где в Цюрихском Политех-

¹ Ibid. P. 46.

² Ibid. P. 53.

никуме изучал гидравлику, а затем год в Америке изучал методы инженерной работы в США и работал на постройке канала Эри¹.

Любопытно, что Бахметев и за границей не оставлял политической деятельности и сочетал изучение инженерного дела с пропагандой социалистических идей. В собрании Б.И.Николаевского находится рукопись Бахметева (6 листов исписанных с обеих сторон убористым почерком, псевд. — Б.Александров), датированная 1904 годом, «Конспект занятий с рабочими по аграрной программе РСДРП». На занятиях предполагалось рассматривать такие темы, как «Краткий очерк развития сельского хозяйства в капиталистическом обществе», «Капитализм в русской деревне», «Социал-демократическая аграрная политика в капиталистическом и докапиталистическом обществе», «Наша программа и программа эсеров»². Среди бумаг бывшего секретаря Бахметева, М.М.Карповича, сохранилось несколько десятков листов, исписанных рукою его патрона — записи речей и рефераты, относящиеся преимущественно к 1905 году. Среди них — «Развитие русской социал-демократии», «Классовая борьба — диктатура пролетариата — соц[иалистическая] революция», речь на собрании в Нью-Йорке 12 марта 1905 г. о революционных событиях в разные времена и в разных странах, приходившихся на март месяц, например, в Германии в 1848 г., речь о русском пролетариате и др.³ Очевидно, начинающий инженер вел социал-демократическую пропаганду в США среди русских эмигрантов. Любопытно также, что Бахметев хранил эти записи, свидетельствующие о «грехах» его молодости, многие годы. Карпович стал его секретарем и уехал вместе со свежеиспеченным послом в США в 1917 году; следовательно, попасть к нему раньше записи никак не могли.

Бахметев не упоминал о своей активной пропагандистской деятельности в мемуарах; между тем, фигурой среди социал-демократов он был довольно видной. Чем еще объяснить его избрание на IV съезде РСДРП, состоявшемся в 1906 г., в состав ЦК партии от меньшевиков? По-видимому, Бахметев не стремился популяризировать свое социал-демократическое прошлое; во всяком случае никогда не упоминал о нем ни в печати, ни в частной переписке.

Однако вскоре после достижения вершины своей революционной карьеры, избрания в ЦК ведущей революционной партии в России, Бахметев постепенно начинает отходить от политики та-

¹ Ibid. P. 57.

² НИА. Boris Nicolaevsky Collection. 683-20. Здесь же находится реферат, посвященный особенностям борьбы пролетариата в России и на Западе, прочитанный Бахметевым в январе 1905 г. в Нью-Йорке на собрании группы содействия РСДРП.

³ BAR. Michael Karpovich Collection. Ser. 1. Box 3.

кого рода. Он, по-видимому, был по-настоящему увлечен профессиональной деятельностью; возможно, свою роль сыграли и изменения в личной жизни — 15(29) июля 1905 г. состоялось бракосочетание Бахметева и Елены Михайловны Стринской (по другим данным — Сперанской), дворянки, слушательницы Санкт-Петербургского женского медицинского института.

С 1 сентября 1905 г. Бахметев приступил к работе в качестве старшего лаборанта кафедры гидравлики Политехнического института; вскоре он начал преподавать французский язык на электромеханическом и кораблестроительном отделениях. С 1905 по 1911 год Бахметев был внештатным преподавателем института; в 1911 г. он защитил докторскую диссертацию в Институте инженеров путей сообщения, а 30 ноября того же года стал штатным преподавателем Политехнического института. 26 мая 1912 г. ему было присвоено звание адъюнкта по кафедре прикладной механики, а 28 января 1913 г. «высочайшим приказом» он был назначен экстраординарным профессором той же кафедры. Бахметев преподавал гидравлику, гидроэнергетику, теоретическую и прикладную механику. В 1912 г. были изданы его «Лекции по гидравлике», в 1914-м — «Переменные потоки жидкости».

Однако Бахметев не был только теоретиком и преподавателем; он организовал частную контору, которая занималась разработкой технических проектов как по заказам правительства, так и частных компаний. Бахметев привлек к работе не только русских, но также французских и швейцарских инженеров. Проекты, над которыми работала бахметевская контора, были достаточно масштабными. Он был увлечен практической деятельностью, которая должна была преобразовать Россию. По мнению Бахметева, эпоха Третьей думы (1907—1912) была временем бурного развития страны — это касалось народного образования, экономического и технического прогресса. В интервью Уэнделлу Линку он говорил, с явно чувствующейся досадой, что большинство технических достижений коммунистов — гидроэлектростанции, железные дороги и т.д. — уходят своими корнями в эпоху III Думы.

Досада Бахметева объяснялась тем, что он стоял у истоков многих проектов, завершенных уже при советской власти и объявленных ею целиком своим достижением. Причем завершенных во многом не так, как мыслилось Бахметеву. Так, он был главным инженером большой компании, планировавшей постоить гидроэлектростанцию на Днестре. Этот первый большой проект Бахметева был претворен в жизнь коммунистами — название этой гидроэлектростанции известно всем — ДнепрогЭС. Однако при проектировании Днестростроя Бахметев не шел так далеко, как большевики — ему нельзя было переселять деревни, затоплять кладбища и т.п. Сравнивая свой и большевистский проекты с экономической точки зрения, Бахметев говорил, что его проект стоил около 17 миллионов рублей, а большевистский, в сопоставимых ценах — 150 миллионов. Это результат неэффективного планиро-

вания и работы, считал он. Другая сторона проблемы — использование электроэнергии. Если Бахметев и его «команда» были озабочены продажей электроэнергии и их сдерживало отсутствие достаточной емкости рынка, то большевиков не очень волновали эти проблемы. В результате, по мнению Бахметева, энергия обходилась чересчур дорого для электрохимической и электрометаллургической промышленности.

Кроме Днепростроя, он был главным инженером при проектировании Волховстроя и еще одной гидроэлектростанции в Финляндии, которые должны были наряду с Днепростроем снабжать электроэнергией Петроградскую губернию. Проектирование и постройку всех этих гидроэлектростанций осуществили впоследствии в значительной степени ученики и помощники Бахметева. Принимал он также участие в разработке проекта по ирригации и орошению Средней Азии, в частности, Голодной степи¹.

Эту бурную созидательную деятельность прервала война. По закону Бахметев как профессор призыву в армию не подлежал; он мог принести гораздо большую пользу стране на другом поприще. С начала войны он стал работать в Красном Кресте; Бахметев был помощником управляющего (директора) хирургического госпиталя, в который были преобразованы общежития Политехнического института, затем в течение четырех или пяти месяцев был его директором. В начале 1915 г., когда русская армия потерпела ряд тяжелых поражений, количество коек в госпитале было увеличено вдвое, с 750 до 1500.

В начале 1915 г. Бахметев начал также работать для Особого совещания по обороне. Ему давались различные ответственные поручения. Так, он был направлен на некоторое время в Архангельск, остававшийся единственным не заблокированным русским портом, с тем, чтобы помочь наладить там дело. Интересно, что его помощником в этой поездке был М.И.Терещенко, будущий министр иностранных дел Временного правительства.

В сентябре 1915 г. Бахметев по предложению председателя Центрального Военно-промышленного комитета А.И.Гучкова и председателя Государственной думы М.В.Родзянко, входившего в ЦВПК, был командирован в США, разобраться, почему происходят задержки с поставками заказанных материалов и выправить ситуацию. Гучкову и Родзянко было известно, что Бахметев владеет английским языком, а также бывал в США раньше. Бахметев называл их своими большими друзьями, несмотря на 20-летнюю разницу в возрасте. Решение было принято в сентябре, а в октябре Бахметев уехал за океан².

Пикантность ситуации заключалась в том, что Бахметев был представителем общественной организации и не имел официаль-

¹ Bakhmeteff В. Op. cit. P. 111—112, 114.

² Ibid. P. 159, 163.

ных полномочий. Однако он работал в контакте с военными представителями. Бахметев не имел права подписывать контракты, да и не хотел иметь такого права, поскольку считал, что этим должны заниматься представители правительства и под его гарантию. Однако он работал для того, чтобы необходимые контракты заключались, а соответствующие материалы своевременно поставлялись¹.

Очевидно, Бахметев был весьма ценным сотрудником не только с точки зрения руководства ЦВПК, но и государственных структур. Во всяком случае управляющий Особым совещанием по обороне государства ходатайствовал 13 января 1916 г. перед Политехническим институтом (профессором которого продолжал числиться Бахметев) о продлении командировки Бахметеву, «оказавшему существенное содействие в решении ряда ответственных задач по организации обороны»².

16 апреля 1916 г. Особое совещание ходатайствовало перед министром торговли и промышленности о необходимости оставления Бахметева в Америке в связи с отъездом председателя Русского заготовительного комитета генерал-майора А.В.Сапожникова в Лондон³. Наконец, 14 сентября 1916 г. председатель ЦВПК Гучков обратился к министру торговли и промышленности с просьбой продлить командировку Бахметева, так как он, «будучи фактически одним из виднейших организаторов и руководителей Американского заготовительного комитета, является не только лицом незаменимым для Центрального комитета, но его деятельность имеет неоценимое значение для самого заготовительного комитета... Отозвание такого опытного и энергичного деятеля, сумевшего так высоко поставить и блестяще выполнить порученное ему дело, не может не нанести огромного и непоправимого ущерба деятельности Американского комитета и, несомненно, отзовется на успешности его работы на оборону»⁴.

Бахметев вернулся из США в ноябре 1916 г. в связи со смертью своего отца.

«Если мне сопутствовал некоторый успех и я имел некоторое влияние, когда приехал сюда в качестве посла, — подводил позднее итог своей годичной работы в США в 1915—1916 годах Бахметев, — то это в значительной степени благодаря тому, что в период войны я завязал связи и, возможно, установил отношения взаимного доверия со многими людьми — возможно, не столько по политической, сколько по экономической и производственной

¹ Ibid. P. 165.

² Biographical notes // BAR. V.Bakhmeteff Collection. Box 46. Л. 115. Здесь и далее даются ссылки на номера листов архивного дела, приведенные в справке, составленной Ю.В.Шальгиным.

³ Bakhmeteff V. Oral History Memoir. P. 117.

⁴ Ibid. P. 119.

линии — но, как бы то ни было, это был достаточный капитал, который помог мне в период моего пребывания в качестве посла в Вашингтоне»¹.

По возвращении из Америки Бахметев поехал в Тифлис урегулировать дела с недвижимостью, принадлежавшей его отцу. Однако и здесь ему не удалось заняться только личными делами. В это время на Кавказ приехал А.И.Гучков, и командующий Кавказским фронтом великий князь Николай Николаевич попросил его сделать нечто вроде инспекции «материальной части» армий Кавказского фронта. Гучков привлек к этой инспекции Бахметева. Дело было в декабре 1916 г.² Не прошло и трех месяцев, как вся жизнь страны — и Бахметева в том числе — стремительно переменялась. В феврале 1917 года случилась революция.

Каковы были к тому времени политические «верования» бывшего члена ЦК РСДРП? Бахметев разорвал всякие отношения с социал-демократами еще за шесть или семь лет до революции. К моменту падения самодержавия он не имел со своими бывшими товарищами по партии «абсолютно» никаких связей. Бахметев не принадлежал ни к одной из партий, но большинство его друзей принадлежало к октябристам. Случилось так, что лидеры октябристов, Гучков и Родзянко, несмотря на разницу в возрасте были, по его словам, его друзьями. Однако сам Бахметев октябристом не был. Не был он и кадетом. Позднее Бахметев определил свои тогдашние воззрения как гуманистический социализм. Причем сохранил он их до начала 1950-х годов. Правда, к тому времени, вспоминал Бахметев, он совершенно потерял веру в социализм, национализацию, да и вообще в любые социалистические экономические теории³.

Вскоре после Февральской революции, 9 марта 1917 года, Бахметев получил назначение на должность товарища (заместителя) министра промышленности и торговли Временного правительства при министре А.И.Коновалове, с оставлением в должности профессора Политехнического института. Ему непосредственно были поручены два департамента — один был связан с коммерческим и техническим образованием, другой — с портами и торговым флотом. К тому же Бахметев как статс-секретарь замещал в случае необходимости министра на заседаниях правительства. Бахметев был увлечен своей работой. Занимался он ей недолго, лишь два месяца до своего отбытия в Америку, но, как он говорил впоследствии, я «никогда не был так занят, я никогда не был так счастлив, я никогда не был так удовлетворен»⁴.

В ходе своей работы в должности заместителя министра Бахметев столкнулся с проблемой режима рыболовства то ли в райо-

¹ Ibid. P. 171 — 172.

² Ibid. P. 188, 197.

³ Ibid. P. 230.

⁴ Ibid. P. 246 — 247.

не Камчатки, то ли в Желтом море; по этому вопросу были большие разногласия с Японией. Бахметева интересовала общая политика министерства иностранных дел по этой проблеме; однако никто из служащих министерства не мог ему дать вразумительного ответа на интересующий его вопрос. В конце концов пришлось идти на прием к министру — П.Н.Милюкову.

Милюков сказал Бахметеву, что очень удивлен. Это был первый случай, когда кто-то пришел к нему с конструктивным вопросом. Министр тоже не знал ответа на вопрос о режиме рыболовства; он посоветовал Бахметеву все же разыскать ответственного в министерстве и принять решение по собственному разумению. Милюков сказал, что рад знакомству, в особенности, потому что слышал, что его посетитель был в Америке и хорошо там поработал.

Тут же Бахметев получил неожиданное предложение — вновь отправиться в Америку, теперь уже в качестве посла. Прежний посол, однофамилец Бахметева Георгий (Юрий) Петрович, подал в отставку. Русское посольство в США, по выражению Милюкова, развалилось на куски. Между тем США только что вступили в войну, что переводило отношения с ними союзников по антигерманской коалиции на новый уровень. За океан недавно отправились английская и французская миссии во главе, соответственно, с лордом Бальфуром и Р.Вивиани с целью переговоров о кредитах и поставках различных материалов. «Мы должны послать кого-нибудь туда. Возьметесь ли Вы за это дело?» — в лоб спросил посетителя Милюков.

Бахметев поначалу отнекивался, ссылаясь на свою молодость (36 лет, что в то время считалось довольно юным возрастом для посла) и неопытность. Милюков настаивал, подчеркивая, что в данном случае это не только дипломатическая миссия. Это правительственная миссия по организации военного сотрудничества и урегулированию экономических проблем. Россия остро нуждалась в получении новых займов. «У нас нет никого, кто знает Америку так хорошо», — заключил министр.

«Собственный» министр Бахметева, А.И.Коновалов, «подпрыгнул», узнав об этом предложении. Бахметев говорил ему, что не хочет ехать, так как увлечен своей работой, в особенности, преобразованием всего экономического законодательства России. Но в конце концов он дал согласие на предложение Милюкова. Факторами, определившими это решение, были, во-первых, то, что Бахметеву предлагали гораздо более престижный пост, чем должность статс-секретаря, которую он занимал.

Во-вторых, вспоминал он позднее, «моей важнейшей идеей относительно Америки было то, что можно было назвать мечтой или глубоким убеждением, которое сформировалось еще в то время, когда я был там в составе военной миссии, работавшей по заданию Центрального военно-промышленного комитета. Это была мечта работать для будущей российско-американской дружбы.

Я был абсолютно уверен, исходя из моих прошлых контактов с Соединенными Штатами и исходя из общих принципов, что тесные связи между Соединенными Штатами и Россией было делом огромной важности для обеих стран и вполне естественным делом. Оба народа — русские и американцы — населяют континенты с обширными пространствами, сравнительно редко населенными и представляющими огромные возможности для будущего развития. Обе страны достигли того, что может быть названо их естественными границами. Поскольку океаны и моря были достигнуты, и исключая не национальную — империалистическую — политику некоторых царей, я был уверен, что люди не хотят никакого территориального расширения. Все, чего они хотели — был мир и возможность повышать свое благосостояние, получать образование и т. д.

Мир, на самом деле, был высшей необходимостью для русских людей, и в этом их национальные устремления были параллельны искреннему стремлению к миру, которое всегда было свойственно американскому народу».

Другая вещь, которую Бахметев считал необыкновенно важной — привлечение иностранного капитала и частично зарубежных технических навыков для разработки российских естественных богатств. Если европейский капитал, французский, бельгийский и, в особенности, германский и английский, преследовал, по мнению Бахметева, как правило, наряду с экономическими, политические цели, то американский капитал был абсолютно аполитичным. Более того, технические проблемы, стоявшие перед Америкой, были того же характера, что и перед Россией. Например, строительство железных дорог, производство подвижного состава и т. п. Сравните, например, говорил конкретно мыслящий выпускник Института путей сообщения, маленькие английские железнодорожные вагоны с американскими, и вы поймете разницу¹.

Колебания Бахметева закончились чем-то вроде компромисса — он возглавлял миссию, и после завершения ее работы мог вернуться обратно. Ему был обещан, в случае возвращения, тот же пост. 25 апреля 1917 года указом Временного правительства Бахметев был назначен «начальником российской чрезвычайной миссии в США с возложением на него на время пребывания миссии в США управления российским посольством в Вашингтоне и присвоением на это время звания чрезвычайного и полномочного посла»². Зная по прошлому опыту, как трудно принимать решения по телеграфу, Бахметев добился для себя права заключать любые соглашения, кроме дипломатических, самостоятельно. Он получил также право увольнять любого российского государствен-

¹ Ibid. P. 251—258.

² Biographical notes // BAR. V. Bakhmeteff Collection. Box 46.

ного служащего на территории США. Этим правом ему действительно пришлось воспользоваться — после октября 1917 года¹.

Миссия, в состав которой входили специалисты разного профиля (генерал-лейтенант В.Рооп как представитель армии, проф. Ю.В.Ломоносов от Министерства путей сообщения, проф. Н.А.Бородин от Министерства земледелия, И.И.Сукин от Министерства иностранных дел, Е.И.Омельченко от Министерства торговли и промышленности и В.И.Новицкий от Министерства финансов), ехала через Сибирь в специальном поезде, с охраной. Во Владивостоке местные власти боялись, что Совет рабочих и солдатских депутатов (а Советы становились в России все в большей степени не второй, а настоящей властью) не выпустит миссию. Бахметев направил послание председателю Совета, социал-демократу, в котором, подчеркивая важность своей миссии как первого посла свободной России, назначенного Временным правительством, просил его организовать осмотр города, соответствующие почести и т.п. Председатель Совета, польщенный вниманием к его персоне, охотно пошел навстречу послу, и все обошлось, хотя многие члены миссии, вошедшие в ее состав явно, чтобы сбегать из России, дрожали. Бахметеву, несомненно, помог опыт, приобретенный в период его активной деятельности в рядах российской социал-демократии².

Через Японию³ миссия добралась до США; здесь она проделала путешествие от Сиэтла до Вашингтона, проехав почти через всю страну. 20 июня миссия прибыла в Вашингтон, приступив к выполнению поставленных перед ней задач. Для Бахметева началась его пятилетняя дипломатическая эпопея. Анализируя через пять лет деятельность миссии, Бахметев писал: «Миссия приехала в Америку совершенно неподготовленной к той деятельности, которая ей предстояла. Думаю, не ошибусь, сказав, что никто из членов миссии, равно как и никто в России, не отдавал себе отчета и не имел ясного представления о том, как работает вообще ми-

¹ Bakhmeteff V. Oral History Memoir // BAR. V.Bakhmeteff Collection. Box 38. Fold. 3. P. 296—298.

² Ibid. P. 300—304.

³ Д.И.Абрикосов, первый секретарь российского посольства в Японии, с иронией вспоминал о бахметевском «великом посольстве», состоявшем приблизительно из 50 человек, причем представителей различных ведомств сопровождали жены, секретари и даже «друзья секретарей»; по дороге все дамы перессорились и временами, чтобы успокоить толпу, Бахметеву приходилось грозить отправить недовольных обратно в Россию. Такого рода угроза действовала весьма эффективно. Сам Бахметев произвел на Абрикосова впечатление умного и блестящего человека, правда, злоупотребляющего возвышенной риторикой. Во всяком случае, он совершенно не соответствовал представлениям членов российского посольства в Японии о том, каким должен быть русский дипломат // Abrikossov D.I. Revelations of a Russian Diplomat. University of Washington Press. Seattle, 1964. P. 254—255.

ровая политическая мысль и каким образом вообще совершаются мировые события. Дипломатия, политика в лучшем случае рисовались как система известных навыков и приемов, присущих дипломатическим канцеляриям. Оценка дипломатического таланта и умения сводилась к признанию известной сноровки и ловкости в манипулировании этими рутинными приемами. Все те главные перестройки самого существа политического аппарата, который управлял мировыми событиями; все те сдвиги в этом механизме, которые явились вследствие войны, — все эти явления остались, и боюсь — остаются неизвестными и непонятными большинству русских деятелей. С этой точки зрения миссии и отдельным ее членам пришлось пройти огромную и часто трудную школу воспитания, в результате которого, мне кажется, отдельным ее членам удалось стать в уровень с темпом хода мировых событий и тем самым удалось понять и оценить, с одной стороны, их значение, а с другой стороны, нащупать и понять те нити и пружины, которые одни ведут в настоящее время к возможности влиять на эти события»¹.

Бахметев действительно был совершенно неопытным дипломатом; однако в той конкретной ситуации, в которой он оказался, дипломатический опыт старой школы мог скорее помешать, нежели помочь. Его бесспорным преимуществом было неплохое знание Америки, американских политических нравов и обычаев. Бахметев представлял разительный контраст со своим предшественником и однофамильцем. Первое, что бросается в глаза в его дипломатической деятельности — публичность, стремление воздействовать на американское общественное мнение, поразительная активность.

23 июня Бахметев выступил с речью в палате представителей Конгресса США, а 26 июня — в Сенате. Обе его речи имели оглушительный успех. Возможно, потому, что конгрессмены и сенаторы слышали от Бахметева то, что хотели услышать. Как справедливо пишет Марк Раев, Бахметев появился перед ними для того, чтобы «публично подтвердить обязательство Временного правительства продолжать войну против центральных держав. Такое подтверждение было особенно необходимо и весьма приветствовалось администрацией, по двум причинам: во-первых, первоначальный состав Временного правительства был смнен коалиционным с участием социал-демократов и социалистов-революционеров, чье твердое противостояние заключению сепаратного мира с Германией было сомнительно. Во-вторых, дисциплина и дух русской армии были серьезно подорваны политикой Временного правительства, углубляющейся экономической и социальной дез-

¹ [Бахметев Б.А.]. Материалы по деятельности Российской чрезвычайной миссии в Северо-Американских Соединенных Штатах // ВАР. В. Bakhmeteff Collection. Box 37.

интеграцией страны и серией военных поражений. Союзники очень опасались, что усиливающиеся требования немедленного мира, озвучивавшиеся (voiced) большевиками и социалистами-интернационалистами, входившими в состав советов рабочих и солдатских депутатов, могут привести к выходу России из войны (что имело бы результатом крушение Западного фронта) до того, как американское участие могло принести эффект»¹.

Аплодисментами были встречены в Палате представителей заявления Бахметева, что Россия отвергает всякую мысль о сепаратном мире и что слухи об этом, циркулирующие в США, совершенно беспочвенны. Бахметев также говорил о новорожденной русской демократии, о том, что новое правительство пользуется полной поддержкой и представляет все живые элементы страны².

С огромным успехом прошло выступление Бахметева в Сенате. В стенограмме отмечено, что его патетическая речь постоянно прерывалась просто аплодисментами, продолжительными аплодисментами, громкими аплодисментами. Еще бы! Бахметев говорил необыкновенно приятные для сенаторских ушей вещи. Он говорил о приверженности русского народа демократии; о том, что люди сплотились вокруг коалиционного правительства, сильного своими демократическими устремлениями, сильного верой людей в его способность установить законность и порядок.

«Был период, — говорил Бахметев, — непосредственно после революции, когда почти прекратилась активность на фронте, период, когда проявился распад армии, период, который вызвал рост сомнений и мрачных предсказаний. В это время, когда возникла безграничная свобода слова и печати, которая предоставила возможность для выражения наиболее экстремистских и антинациональных взглядов, что привело к широкому распространению слухов по всему миру, что Россия выйдет из войны и заключит сепаратный мир с центральными державами.

Со всей силой и глубочайшим убеждением я могу повторить утверждение, что эти слухи абсолютно беспочвенны. (*Громкие аплодисменты*). Россия отвергает с негодованием любую мысль о сепаратном мире. (*Продолжительные аплодисменты*). Моя страна стремится к установлению прочного и продолжительного мира между демократическими нациями. Россия твердо убеждена, что сепаратный мир означал бы триумф германской автократии, сделал бы продолжительный мир невозможным, создал бы величайшую опасность для демократии и свободы и всегда бы угрожал новорожденной свободе России. (*Аплодисменты*)»³.

¹ Foreign Visitors to Congress: speeches and history/Ed. by Mary Lee Kerr: United States Capitol Historical Society. N.Y., 1989. Vol. I. P. 82.

² Op. cit. P. 86.

³ Ibid. P. 90.

«Надо также понять, что прошло время, когда судьбы народов могли решаться безответственным правительством или немногими личностями, и что люди должны проливать свою кровь за неизвестные им цели. Мы живем в демократическую эпоху, когда люди, жертвующие своими жизнями, должны полностью осознавать причины и принципы, во имя которых они сражаются. (*Аплодисменты*)».

«Миролюбивый по натуре, стремящийся к прочному миру, основанному на демократических принципах и установленному волей демократии, — завершал свою речь Бахметев, — русский народ и его армия объединяют свои силы вокруг знамен свободы, крепят свои ряды в бодром сознании (*cheerful self-consciousness*): умереть, но не быть рабами. (*Громкие аплодисменты*).

Россия хочет, чтобы мир был безопасен для демократии.

Сделать его безопасным означает предоставить демократии управлять миром»¹.

«Когда я сказал, — вспоминал Бахметев, — "ни при каких обстоятельствах мое правительство не заключит сепаратный мир", вся палата разразилась аплодисментами. Я никогда не слышал такой овации за всю свою жизнь»².

Полными оптимизма относительно участия России в войне были также газетные интервью Бахметева и его выступления перед полными энтузиазма толпами народа на митингах. Как справедливо пишет Д. Фоглсонг, Бахметев, игнорируя известия об антивоенных демонстрациях в Петрограде, говорил корреспонденту «Нью-Йорк Таймс», что «война была одной из великих фундаментальных и бесспорных вещей, относительно которых в России не было разногласий». Даже после сдачи немцам Риги в сентябре 1917 года Бахметев настаивал, что «только 1 или 2 процента армии» ненадежны и заявлял, что «русская армия не сокрушена и не будет сокрушена»³.

Другой излюбленной темой выступлений Бахметева был исконный демократизм русского народа. Он усматривал его, в частности, в крестьянской общине, что совершенно противоречило его прежним социал-демократическим взглядам. Бахметев проводил мысль, что славяне были подготовлены для восприятия американских идей и практики. Выступая в Бостоне, он говорил, что «Россия, великая демократия Востока, встанет рука об руку с ее старшей сестрой, великой демократией Запада, чтобы пронести по всему миру высокие идеалы гуманизма, свободы и справедливости»⁴.

¹ Ibid. P. 91, 92.

² Bakhmeteff B. Oral History Memoir. P. 321.

³ Foglesong, David S. Op. cit. P. 52; New York Times. 1917. July 1, 7 and September 4.

⁴ Ibid.

Бахметев был действительно дипломатом нового типа, хорошо понимавшим менталитет и особенности политической культуры Америки. Он предпринял беспрецедентное в истории русской дипломатии пропагандистское турне по стране; с июня по ноябрь 1917 г. Бахметев выступал не менее 26 раз на различных митингах, собраниях, банкетах. Бахметев выступал, кроме Вашингтона и Нью-Йорка, где были сосредоточены его политические и экономические интересы, в Чикаго, Бостоне, Саратоге, Атлантик-Сити, Олбани, Филадельфии, Балтиморе, Мемфисе¹.

Бахметеву также удалось установить доверительные личные отношения с высшими чиновниками госдепартамента, которые отвечали за российское направление, Фрэнком Полком и Брекенриджем Лонгом, а также с ближайшим сотрудником президента Вильсона и его советником по внешнеполитическим вопросам полковником Эдвардом Хаузом. Бахметев ездил к полковнику Хаузу в его имение Магнолия в штате Массачусетс и произвел на него весьма благоприятное впечатление. Хаузу особенно понравилось, что Бахметев с сочувствием отнесся к его плану будущего мирного договора и заверил полковника, что «новая Россия будет бок о бок с Соединенными Штатами отстаивать подобную программу». В другой раз Хауз отметил в дневнике, что он и русский посол говорят на одном языке. Имелись в виду твердые либеральные убеждения Бахметева.

Новый посол представлял разительный контраст по сравнению со своим предшественником и однофамильцем. «В нем было что-то варварское, — вспоминал о своей последней встрече с послом императорской России Георгием Петровичем Бахметевым гос. секретарь Роберт Лансинг. — Его хладнокровный цинизм и равнодушие к ужасающему кровопролитию среди его соотечественников на полях сражений и лишениям простых людей империи поражали своим бессердечием и жестокостью. Он принадлежал прошлому веку. Его современный облик (modernism) и манеры были просто внешним налетом. Его преданность царю и особам императорской крови была средневековой. Для него царь был Россией. Он не признавал никакого другого государства, которому он должен был сохранять верность».

Не удивительно, что Лансинг не особенно прислушивался к мрачным прогнозам Г.П.Бахметева, которые тот сделал при их последней встрече 11 апреля 1917 года. Посол предрекал, что Временное правительство долго не протянет и что «радикальные социалисты» (по терминологии Лансинга; Бахметев-1-й употреблял слово «анархисты») возьмут верх и заключат сепаратный мир с Германией. «К сожалению, — меланхолично констатировал Лансинг задним числом, — мнение посла было подтверждено пос-

¹ Speeches of the Russian Ambassador // BAR. V.Bakhmeteff Collection. Box 38.

ледующими событиями. Однако во время нашего разговора я не придавал его предсказаниям особого значения, потому что он был убежденным монархистом, полностью преданным своему императору»¹. 17 апреля царский посол подал в отставку. Кстати, он остался в США; умер Г.П.Бахметев в Париже в 1928 году².

Поначалу у Бахметева 2-го сложились с гос. секретарем Лансингом более прохладные отношения, нежели с Хаузом. Демократическая риторика и оптимизм посла противоречили некоторым сообщениям и аналитическим заключениям, которые Лансинг получал из России по другим каналам. Антивоенная пропаганда, активно проводившаяся в России большевиками и встречавшая все большую поддержку в солдатских массах, очевидная неспособность Временного правительства справиться с деятельностью экстремистов — все эти факторы не внушали гос. секретарю уверенности в продолжении участия России в войне. На него также произвели впечатление письма из России такого известного эксперта, как Джордж Кеннан (старший), в которых тот резко критиковал политику Временного правительства и обращал внимание на опасную деятельность Советов. Лансинг сомневался в способности Керенского справиться с радикалами и защитить общество от беззакония³.

Учитывая события, развернувшиеся в России с июня 1917 года, которые трудно характеризовать иначе, чем перманентный политический и экономический кризис, завершившийся захватом большевиками власти в октябре и выходом страны из войны четыре месяца спустя, заверения Бахметева кажутся задним числом чем-то граничащим с очковтирательством. Приблизительно так изображена (конечно, в строго выдержанном академическом стиле) деятельность Бахметева в книге Д.Фоглсона. Полагаю, однако, что дело было не только в понятном желании Бахметева получить финансовую поддержку для сражающейся России, что делало необходимым представлять ход событий в России в более выигрышном свете, чем это было в действительности.

Кстати, к ноябрю 1917 г. американское правительство согласилось предоставить России в общей сложности 325 миллионов долларов в виде займов и кредитов, но переведено на счета Временного правительства было только 187729750 долл., т.е. несколько

¹ Lansing, Robert. War Memoirs of Robert Lansing. Indianapolis, 1935. P. 332, 331 — 332.

² Дипломатическая карьера последнего императорского посла в Вашингтоне была блистательной. Он окончил Оксфордский университет, после чего поступил в Министерство иностранных дел. До назначения в 1911 г. послом в США, он занимал последовательно должности секретаря посольств в Париже, Пекине и Афинах, дипломатического агента в Софии и посланника в Токио // Смерть Г.П.Бахметева // Руль. 1928. 9 сентября.

³ Foglesong, D. Op. cit. P. 53 — 54.

более половины обещанного. Это было гораздо меньше того, что запрашивали русские официальные лица и составляло весьма незначительную сумму по сравнению с той помощью, которая была оказана Англии и Франции.

Бахметев действительно верил в новую демократическую Россию и в ее способность отстаивать свою только что обретенную свободу с оружием в руках. Для этого нужна была помощь — ее он и добивался, используя весь арсенал средств, находившихся в его распоряжении. То, что Бахметев действительно верил в эту новую Россию, свидетельствует его личная переписка, в особенности с Маклаковым. Надо также иметь в виду специфический жизненный опыт Бахметева. Выросший в семье предпринимателя, человека, «сделавшего себя», в обстановке, проникнутой духом «пионеров», он и далее вращался в среде молодых, энергичных предпринимателей, политиков, людей, строивших новую Россию. В одном из писем Маклакову он сравнил Россию 1903 и 1913 годов. Изменения произошли разительные; налицо был бурный экономический подъем. Еще более разительными были изменения в политической области: с одной стороны, полицейский режим Плеве, с другой — Государственная дума, утверждавшая бюджет страны, с социал-демократической фракцией, в ней заседавшей, фактически мало чем ограниченная свобода слова и т.д.

После Февральской революции Бахметев также занимался конкретным и весьма интересным делом; он видел практические положительные результаты революции, по крайней мере в области законодательства; к той его части, которая касалась экономики, регулировала предпринимательскую деятельность, он сам успел приложить руку. Он уехал из России, когда медовые месяцы свободы еще не закончились; возможно, это наложило отпечаток и на его оценку ситуации в стране в более поздний период, когда движение по наклонной плоскости принимало все более ускоренный и необратимый характер.

Надо, по-видимому, также принять во внимание своеобразную «философию истории» Бахметева. Много позже, рассуждая в связи с рассказом У. Линку о Февральской революции о закономерности и случайности в истории, Бахметев привел свой разговор об этом со знаменитым историком античности М. И. Ростовцевым. Ростовцев говорил на основании своего 50-летнего опыта изучения истории, что в ней нет *ничего* неизбежного, что большинство событий — совершенно случайны. Конечно, в истории действуют *глубинные* силы — политические, экономические, социальные, национальные, которые определяют движение в том или ином направлении, они проявляются на протяжении 20, 30, 50 и более лет. Но то, что происходит изо дня в день — абсолютно случайно¹.

¹ Bakhmeteff V. Oral History Memoir. Box 37. P. 212—213.

Таким образом, многое в истории зависит от деятельности конкретного человека в конкретных обстоятельствах. Ничто не предопределено. И бывший социал-демократ стремился сделать все возможное, что было в его силах, для новой (реальной или воображаемой) демократической России.

Надо учесть еще один фактор — в новую демократическую Россию и в прочность положения Временного правительства уверовал не только Бахметев. Миссия сенатора Э.Рута, направленная американским правительством в Россию, чтобы разобраться в обстановке на месте, пришла к заключениям, сходным с заверениями посла: «Вся миссия была полна духом оптимизма, доверия Временному правительству, верой в решимость и способность России энергично вести войну против центральных держав. По возвращении в Америку они поспешили заверить страну в лояльности России делу союзников и в светлом будущем русской демократии. 8 августа миссия была вызвана в Белый дом и доложила свои выводы президенту Вильсону. Оптимизм был единодушным, хотя подчеркивалась необходимость американской помощи»¹.

«Взгляды, которые развивало либерально-демократическое руководство Временного правительства относительно значения русской революции и целей войны полностью гармонировали со взглядами американских либералов, — писал Ф.Шуман. — Новый импульс был придан старой традиции российско-американской дружбы, Россия начала движение по пути политического развития, по которому уже давно шли Соединенные Штаты. От Америки очень хотели совета, ободрения и помощи. Временное правительство столкнулось с трудностями, но предполагало, твердо опираясь на поддержку масс, успешно справиться с двойной задачей ведения войны и созыва Учредительного собрания для того, чтобы заложить прочный фундамент будущего русского государства. Таковы были взгляды министров этого правительства, конституционных демократов, многих умеренных социалистов, либеральной интеллигенции и их представителей за границей. Такими были взгляды президента Вильсона, мистера Рута, посла Фрэнсиса и огромного большинства американских законодателей, издателей и в целом общественных деятелей. И придерживаться этих представлений было наиболее приятно. Перспективы, которые они открывали, были обнадеживающими, ободряющими и в то же время желательными. Они точно соответствовали сформированным заранее понятиям и политическим и социальным пред-рассудкам тех, кто их придерживался. То, что они не соответствовали действительной ситуации в России, было недостаточной причиной, чтобы отказаться от них. Они прочно засели в мозгах американцев на много лет, с последствиями столь же трагическими, сколь абсурдны были эти представления»².

¹ Schuman, F.L. Op. cit. P. 44.

² Ibid. P. 48—49.

Задним числом Бахметев говорил: «Возможно, продолжать войну было фатальной ошибкой, но я верю, что это было правильно — держаться и постараться быть верными делу союзников»¹. Размышляя о причинах краха Временного правительства, 33 года спустя он говорил об усталости от войны, о том, что, заключи Временное правительство мир, оно удержало бы власть. «Однако оно выбрало путь чести». И в первый же день его существования министр иностранных дел заверил послов союзников, что Россия продолжит воевать. «Это было, разумеется, для них большим облегчением, но, вероятно, похоронным звоном (death knell) для Временного правительства»².

Однако в 1917 году посол рассуждал совершенно по-иному. Он без всякого сожаления расстался с сотрудником посольства, представителем Министерства торговли и промышленности Е.И.Омельченко, писавшем в своем заявлении об отставке 25 ноября 1917 года: «Недавние заявления Керенского о том, что Россия устала от войны, а также успех большевистского переворота показывают, что в настоящее время наша родина активно жаждет мира.

Как большевистское правительство, так и всякое иное, должны будут принять решительные меры к установлению общего демократического мира. При таких обстоятельствах обязанность российской дипломатии заключается в том, чтобы подготовить почву для ближайших мирных выступлений России.

Между тем, российское посольство в Вашингтоне делает как раз обратное. Вместо того, чтобы разъяснить истинные причины успеха большевиков, посольство заявило сначала, что оно не признает правительства Ленина, а во вчерашнем письме к гос. секретарю Лансингу Вы говорите о своем твердом намерении поддерживать до крайности военный механизм России и ее военную кооперацию с союзниками, в чем будто бы и заключается сейчас "нераскрытая" воля нации... Такие заявления искаженно представляют действительные желания русского народа, потому что указывают вовсе не на те моменты, на которых сосредоточено все внимание страны»³.

Так или иначе, но с большевистским переворотом период взаимных восторгов, правда, омрачавшихся время от времени тревожными сообщениями из Петрограда, закончился. Период от большевистского переворота до заключения перемирия между союзниками и центральными державами представлял для посла «наиболее трудный и наиболее болезненный период деятельности». Через несколько дней по прибытии из Мемфиса, где Бахметев застал известие о смене власти в Петрограде, он направил гос. секретарю ноту, в которой «резко и бесповоротно отделил

¹ Bakhmeteff V. Oral History Memoir // BAR. V.Bakhmeteff Collection. Box 38. P. 321.

² Ibid. Box 37. P. 267 – 268.

³ Bolshevik Coup // BAR. V.Bakhmeteff Collection. Box 46.

наше представительство от большевистской власти и тут же заявил, что мы считаем долгом, поскольку обстоятельства позволяют, оставаться на посту, чтобы защищать интересы национальной России»¹.

Посол без правительства: Маклаков

С первых дней своего пребывания в Париже Маклакову пришлось взять на себя лидирующую роль в организации антибольшевистского движения. Уже 27 октября (9 ноября) 1917 г. он отправил телеграммы российским послам в Лондоне (К.Д.Набокову), Риме (М.Н.Гирсу) и Вашингтоне (Б.А.Бахметеву) с предложением занять единую позицию и, разумеется, не признавать большевистского правительства².

Маклаков встретил полную поддержку со стороны своих коллег. Бахметев немедленно отозвался телеграммой с пометкой «личная», в которой писал: «Горячо присоединяюсь к предложению об установлении согласованного образа действий русских представителей за границей. Со своей стороны я занял здесь с первых же дней переворота вполне определенную позицию. Во всех заявлениях [для] печати официального или полуофициального характера, исходивших от посольства, определенно проводится положение, что большевистское правительство, как бы далеко и успешно ни зашла его дезорганизующая и деморализующая деятельность, не может ни в каком случае выражать воли русского народа»³.

Проинформировав Маклакова о позиции американского правительства, которая в тот момент была выжидательной: в США прежде всего хотели понять отношение большевиков к войне и не желали резкими заявлениями или действиями «толкать большевистский комитет на непоправимые действия в смысле выпада из войны», Бахметев далее разъяснял смысл своих заявлений для печати: «...вполне ясный немедленный отказ состава посольства от солидарности от временно восторжествовавшей в Петрограде политической группы, что к тому не может иметь других последствий кроме усиления в Америке надежды в уверенности в существовании националистической России, которая кристаллизовалась в результате настоящего кризиса» (сохранены стилистические особенности подлинника, писавшегося в явной спешке. — О.Б.)⁴.

¹ Материалы для деятельности... // ВАР. В. Bakhmeteff Collection. Вох 37.

² В.А.Маклаков — К.Д.Набокову, М.Н.Гирсу, Б.А.Бахметеву, 27 октября (9 ноября) 1917 // Из архива организаторов интервенции в России // Исторический архив. 1961. № 6. С. 61.

³ Б.А.Бахметев — В.А.Маклакову, 28 октября/10 ноября 1917 г. № 668 // НИА. Russia. Posol'stvo (France). 1—13.

⁴ Там же.

22 ноября (5 декабря) 1917 г. нарком иностранных дел советского правительства Л.Д.Троцкий направил российским послам требование подчиниться новому правительству и следовать его указаниям или же немедленно уйти в отставку; Троцкий предупредил, что отказ выполнить его требование будет рассматриваться как тягчайшее государственное преступление¹.

Все послы, по взаимному соглашению, за исключением российского представителя в Португалии П.Л.Унгерн-Штернберга, не ответили на телеграмму Троцкого, тем самым отказавшись признать новую власть. 26 ноября (9 декабря) последовал приказ Троцкого об увольнении послов и посланников, не ответивших на телеграмму с предложением работать «под руководством Советской власти», «без права на пенсию и поступления на какие-либо государственные должности». Любопытно, что в списке уволенных не значились Маклаков и Б.А.Бахметев. Можно было бы предположить, что Маклакова не включили в число уволенных, поскольку он не вручил верительных грамот и формально не вступил в должность; однако же там не было и Б.А.Бахметева, успевшего выполнить все необходимые процедуры, зато числился его предшественник и однофамилец Г.П.Бахметев, один из немногих царских послов, отказавшихся служить Временному правительству и добровольно покинувший свой пост². Возможно, Троцкий подписал какой-то устаревший список; в условиях саботажа чиновников бывшего Министерства иностранных дел и полной неопытности новоявленных дипломатов это было немудрено. Прежде чем проигнорировать обращение Троцкого, Маклаков проконсультировался с французскими официальными лицами, включая министра иностранных дел С.Пишона, и получил полную поддержку своей линии на отказ от каких-либо отношений с петроградским правительством³.

В конце ноября 1917 г. в Париже был создан координационный орган, Совещание послов, включавший М.Н.Гирса (Италия), К.Д.Набокова (Англия), М.А.Стаховича (Испания), И.Н.Ефремова (Швейцария) и Маклакова. Формально все российские послы значились членами Совещания, однако фактически, кроме упомянутых, активное участие в его работе принял только Бахметев. Совещание должно было собираться время от времени, обсуждать текущую политику и вырабатывать общую позицию, причем все решения должны были приниматься единогласно; председателем Совещания был избран Маклаков⁴.

¹ Документы внешней политики СССР. Т. I. М., 1957. С. 41.

² Там же. С. 43.

³ См. подробнее: Tongour, N. *Diplomacy in Exile: Russian Emigrés in Paris, 1918–1925*. Ph. D. Dissertation. Stanford University, 1979. P. 37–39.

⁴ Tongour, N. *Op. cit.* P. 30.

Цели, которые ставили перед собой дипломаты, сводились к четырем основным моментам: 1) предотвращение признания союзниками советской власти; 2) обеспечение моральной и материальной поддержки белых войск; 3) защита территориальной целостности России и отстаивание ее традиционных национальных интересов; 4) признание западными державами антибольшевистских правительств легитимными представителями России¹.

Положение Маклакова было крайне затруднительным и двусмысленным; признаваемый послом *de facto*, он не был включен в дипломатический лист, поскольку не был должным образом аккредитован, однако во всех остальных отношениях он рассматривался как назначенный, но еще не вступивший в должность посол и пользовался соответствующими его рангу дипломатическими преимуществами. Любопытно, что более чувствительные к тонкостям протокола профессиональные дипломаты, поверенный в делах М.М.Севастопуло и советник посольства Н.А. де Базили предложили Маклакову закрыть посольство, с тем, чтобы сохранить самоуважение и достоинство. Маклаков провел консультации с французами, включая назначенного в ноябре 1917 года на пост министра иностранных дел С.Пишона, весьма близкого к премьер-министру Ж.Клемансо. Они единодушно пришли к выводу, что это было бы не только актом капитуляции, но настоящим несчастьем; более того, это заставило бы Францию признать большевиков².

Однако за спиной Маклакова была пока что политическая пустота. Приходилось действовать, используя личные связи и оперировать в общении с коллегами из других стран скорее логическими, нежели политическими и экономическими категориями. Маклакову пришлось испить чашу унижения сполна; конечно, воспитанные дипломаты делали вид, что русский посол — один из них. Но Маклаков был достаточно умен, чтобы понимать разницу положений. Дипломатическое сообщество в Париже приняло его весьма любезно; послы всех великих держав приняли его почти сразу же, хотя и неофициально; в течение недели он был приглашен к президенту Франции Р.Пуанкаре³.

В дневнике британского посла лорда Берти сохранились записи о Маклакове, по-видимому, довольно адекватно отражающие настроения и мысли последнего. 23 декабря 1917 г. Берти записал: «Маклаков, так называемый русский посол, посетил меня се-

¹ Ibid. P. 4.

² Ibid. P. 408.

³ Характерную зарисовку сделал П.Н.Милюков год спустя, в декабре 1918 г., наблюдая сборы М.Н.Гирса и Маклакова на прием к греческому королю: «Белая жилетка Маклакова топорщится и лезет вверх; заменяет черной. Видно, что эти торжественные приемы для него не часты». См.: Дневник П.Н.Милюкова // Новый журнал. 1962. Кн. 67. С. 210.

годня днем. Ему хотелось узнать, вступили ли мы в сношения с петербургским большевистским правительством. Я ответил, что только как с правительством *de facto*, с которым необходимо иметь связь ради охраны интересов наших подданных, но это не означает признания какого-либо правительства, не установленного авторитетом правильно избранного Учредительного собрания. Он сказал, что для народа, большинство которого не умеет ни читать, ни писать и при всеобщем голосовании для женщин, наряду с мужчинами, Учредительное собрание явится фарсом». Маклаков опасался, что Россия будет выдана большевиками на полный произвол Германии; он предвидел выступления «против Ленина и Троцкого» из-за недостатка продовольствия в Петербурге; однако это, по его мнению, не приведет к изгнанию немцев¹.

28 января 1918 г. Маклаков вновь посетил британского посла, чтобы отсоветовать какую бы то ни было связь с большевистским правительством. «Ленин и Троцкий приписали бы такого рода позицию нашему страху, — записал разъяснения Маклакова британский посол, — и усилили бы свою пропаганду в Англии. Россия должна на некоторое время оказаться бесполезной для Антанты, но она не принесет также много пользы и Германии. В России более или менее повсеместно будут голод, мор, гражданская война и господство террора. Большевизм не удержится, и если мы вступим в переговоры с большевиками, то позже недовольство всех порядочных русских теперь и по окончании войны». При встрече на обеде 5 февраля 1918 г. Маклаков вновь высказывал свою озабоченность вступлением англичан в сношения с большевиками и «подробно указывал» случившемуся там же лорду Мильнеру «на неуместность и вредные последствия таких сношений»².

3 февраля 1918 года американский посол в Париже Шарп (Sharp) телеграфировал гос. секретарю Роберту Лансингу о своих впечатлениях от встречи с Маклаковым. Русский посол произвел на него впечатление большого человека, полного бескорыстного патриотизма. «Несмотря на ненормальное положение господина Маклакова, он, однако, представляется очень способным и хорошо информированным о положении в своей стране»³.

Очень быстро российские послы убедились, что надежды на скорый крах советского правительства безосновательны и без иностранной поддержки, вплоть до прямого вооруженного вмешательства, большевиков одолеть будет нелегко. Такую поддержку, казалось, могли в той или иной степени оказать Англия, Франция, США и Япония. Однако возможности этих стран, в условиях продолжающейся войны, были достаточно ограничены; к тому же

¹ Лорд Берти. За кулисами Антанты: Дневник британского посла в Париже. 1914—1919. М.; Л., 1927. С. 164—165.

² Лорд Берти. Указ. соч. С. 171, 172.

³ Tongour, N. Op. cit. P. 31.

их правительства относились весьма по-разному к русской проблеме; между ними существовали противоречия, иногда достаточно серьезные, как, например, между США и Японией на Дальнем Востоке; впрочем, еще большие противоречия существовали между различными силами антибольшевистского лагеря как внутри, так и вне России.

Маклаков и Бахметев были согласны, в особенности после подписания большевиками Брест-Литовского мира, в необходимости скорейшего иностранного вмешательства, однако посол в Вашингтоне считал желательным поддержать его «именем находящихся за границей русских», а также именами известных российских политиков демократической ориентации, например, Б.В.Савинкова и И.Г.Церетели, для чего специально выписать их из России. Маклаков же полагал, что медлить нельзя; зная лучше своего корреспондента нравы российской политической элиты, он опасался того, что серьезные решения утонут в спорах по пустякам.

«Из разнообразных и точных источников [в] России прихожу к несомненному и согласному с Вами заключению, что иностранное вмешательство ожидается с нетерпением.., — телеграфировал Маклаков Бахметеву в конце апреля 1918 г. — Не ищите легальных основ для действий. Мы идем и еще будем идти путем государственных переворотов. Только им пока обеспечен успех. Глубоко огорчен несочувствием Америки выступлениям Семенова и Алексеева. Национальное движение в России сосредоточится около подобных попыток, а не заграничных конференций. Поэтому всячески сочувствуя Вашей мысли морально поддержать вмешательство извне и для этого объединить заграничные русские силы, думаю, что настоящий толчок национальному возрождению даст появление в России военной силы, пришедшей на ее защиту... С ужасом вижу, что Вильсон слишком медленно понимает, что надо делать и избытком корректности губит Россию»¹.

На истекающую кровью Францию рассчитывать не приходилось; к тому же после заключения Россией сепаратного мира она переживала настоящий пароксизм русофобии. «Создалось настроение, которое не забывается и переносится с отдельных лиц на Россию», — воспроизводил ситуацию весны 1918 г. в докладе, прочитанном им в посольстве в декабре того же года Маклаков. Возможно, наиболее лапидарно и точно тогдашние настроения французов сформулировал Ж.Клемансо, заявивший русскому послу: «Вы наставили нам рога»².

Столь же невелики были надежды на Англию, которой было не до России в период, когда сражения на Западном фронте всту-

¹ В.А.Маклаков — Б.А.Бахметеву, 28 апреля 1918 г., № 145 // ИИА. Russia. Posol'stvo (France). 1—13.

² Дневник П.Н.Милюкова. С. 207.

пили в решающую фазу. «Министры, члены военного кабинета и сам глава кабинета, с все возрастающим волнением ожидавшие, два раза в день, "военного бюллетеня" с западного фронта — могли ли они "загадывать о дне грядущем", смотреть далеко вперед и понимать *тогда*, — писал о ситуации марта—августа 1918 года российский посол в Англии К. Д. Набоков, — что оставлением России на произвол большевиков они... рискуют парализовать последствия даже самой полной победы? Нет, не могли. Они "отмахивались" от России, от вопроса о помощи России; наши уверения, что в России все сознательные ждут помощи и не мирятся с брест-литовским миром — принимались скептически; рассуждалось так: пока нет активного противодействия — какое нам дело до того, что думают и чувствуют люди, *не умеющие* организовать для низвержения большевиков.

Эта психология господствовала. Побороть ее — не было сил. А потому невольная деятельность посольства — под постоянную угрозу "прикрытия" в результате официального признания большевиков — свелась в эти месяцы, т.е. до начала сентября 18-го года, к борьбе против нарушения жизненных интересов России и русских граждан»¹.

Относительно Японии и ее намерений российские дипломаты испытывали серьезные сомнения. Возможно, наиболее емко их сумел сформулировать лорд Берти, записавший 12 марта 1918 года: «Так называемый русский посол Маклаков хочет и не хочет японской интервенции в Сибири»². Примерно такой же была позиция Бахметева; его опасения относительно искренности намерений японцев и масштабов их присутствия в России вполне коррелировали с подозрительным отношением к активности Японии на Дальнем Востоке со стороны американской администрации.

«...со стороны президента Вильсона было более чем глупо, — записал наблюдательный и желчный Берти 5 апреля 1918 года, — что он не содействовал японской интервенции. Какую часть русских удастся ему привлечь своей позицией по отношению к так называемому "русскому народу"? Такой вещи вообще не существует, перед нами не что иное, как агломерат различных рас, разбившийся на куски. Весь вопрос только в том, будут ли противники большевиков рады японскому предводительству, поддержанному Антантой и сопровождаемому заверениями в отсутствии аннексионистских намерений. Испробовать это стоит, но "быстрота является существенным условием контракта", как говорят юристы»³.

¹ Набоков К. Д. Испытания дипломата. Стокгольм, 1921. С. 237—238.

² Лорд Берти. Указ. соч. С. 179.

³ Там же. С. 182.

Посол без правительства: Бахметев

Всем поначалу казалось, что большевики — непродолжительный эпизод. Бахметев «давал этой власти несколько больше времени, измеряя ее пребывание месяцами»; однако и ему представлялось, что большевикам не дожить до весны. «Вопрос, однако, заключался в следующем, — писал в своей позднейшей аналитической записке Бахметев, — я лично понимал, что приход большевиков к власти не явился сознательным желанием и выбором со стороны большинства русского народа. Правда, я видел в них несколько больше, чем простых узурпаторов, и отдавал себе отчет в усталости страны, ее изнеможении от продолжительных военных действий. Мне была ясна опасность со стороны значительной группы резервистов, представляющих по существу сборище низкой черни, но мне также было ясно влияние неправильной внешней политики как со стороны союзников, так и со стороны Временного правительства, политики, которая ни в какой мере, казалось мне, не считалась со стихийной волей страны, направленной к выходу из войны. Сейчас оценивая пережитое за десять лет, думаю, что я переоценивал в то время возможность положительного влияния на настроения масс разумной внешней политики... Во всяком случае, для меня было совершенно ясно, что как в интересах России, так и в свете справедливой и разумной политики со стороны союзников надо было немедленно отделить большевистскую власть от народа»¹.

Идеи Бахметева были восприняты (или совпали) с чувствами руководителей американской администрации. Самое главное, что они соответствовали представлениям главы администрации — президента Вильсона. Оба, и президент, и посол, как справедливо пишет Д.Фоглсонг, видели в большевистской революции временную неудачу, которая будет преодолена. Оба четко разделяли режим, пришедший к власти в Петрограде, и подлинных русских людей. Вильсон писал 13 ноября 1917 года одному из конгрессменов, что не потерял веру в возрождение России: «Россия, подобно Франции в прошлом столетии, вне всякого сомнения перейдет глубокие воды и выберется на твердую землю на другом берегу и ее великий народ... займет достойное его место в мире»².

Не все представители администрации, связанные с русскими делами, разделяли оптимизм президента; но его мнение было решающим. К тому же, как бы ни относились к Бахметеву и его необычному статусу посла несуществующего правительства те или иные представители администрации, их объединяло одно — ненависть к большевизму, еще более усугубившаяся (если это было

¹ Материалы для деятельности... // BAR. В. Bakhmeteff Collection. Box 37.

² Foglesong, D.S. Op. cit. P. 59.

возможно) после заключения Советским правительством мира с Германией.

Таким образом, Бахметев сохранил свой статус; его в Вашингтоне считали настоящим представителем русского народа. Более существенным было то, что Бахметев, хотя и под присмотром и с разрешения министерства финансов, получил право распоряжаться средствами, находившимися на счетах Временного правительства в банках США. Перечисление средств в счет кредитов и займов Временному правительству прекратилось. Однако те деньги, которые уже были переведены, не были заморожены, а использовались послом для обслуживания российских долгов, выplat по уже заключенным под гарантию американского правительства контрактам и т.п. Фактически эти средства в значительной степени шли на финансирование антибольшевистских движений в России. Посольство было удобным каналом для перечисления средств в Россию; например, именно через посольство финансировалась деятельность американской миссии по поддержанию в рабочем состоянии Транссибирской магистрали. Всего, по подсчетам Фоглсонга, через посольство было проведено финансирование закупок для нужд белых армий на сумму, превышающую 50 млн. долларов. «Использование российского посольства как канала для помощи антибольшевистским движениям позволило вильсоновской администрации избежать запросов на финансирование этих целей у Конгресса и способствовало тому, что эта помощь оставалась скрытой от прессы и американского народа», — пишет американский историк¹.

Не удивительно, что Бахметев стал одной из наиболее влиятельных фигур среди русских дипломатических представителей за рубежом. Насколько советы и мнения Бахметева учитывались администрацией Соединенных Штатов при формировании своей российской политики? Мнения историков по этому поводу заметно расходятся. Среди тех, кто считает влияние Бахметева достаточно серьезным — Джордж Кеннан, Роберт Мэддокс, Линда Киллен и в особенности Дэвид Фоглсонг². Л. Киллен пишет, что Бахметев

¹ Ibid. P. 70, 71.

² Kennan, George F. *Soviet-American Relations. 1917—1920. Vol. 2. The Decision to Intervene.* Princeton, 1958. P. 322—323; Maddox, Robert J. *The Unknown War with Russia.* San Rafael, Calif., 1977; Idem. *Woodrow Wilson, the Russian Embassy and Siberian Intervention* // *Pacific Historical Review* 36 (November 1967). P. 435—448; Killen, L. *The Search for Democratic Russia: Bakhmetev and the United States* // *Diplomatic History* 2. № 3 (Summer 1978). P. 237—256; Idem. *The Russian Bureau: A Case Study in Wilsonian Diplomacy.* Lexington, Ky., 1983; Foglesong, David S. *American Secret War against Bolshevism.* В качестве исследования, в котором отрицается какая-либо связь между Госдепартаментом и русским посольством, Д. Фоглсонг, автор работы, в которой наиболее тщательно проанализирована роль Бахметева, приводит диссертацию Walsh, William J. *Secretary of State Robert Lansing and the Russian Revolution of 1917.* (Georgetown University, 1986).

«не делал русскую политику Америки. Он пытался, и с определенным успехом, влиять на формулирование этой политики»¹. В тезисе Киллен чувствуется некоторое противоречие. Не есть ли «формулирование» политики в известном смысле ее «делание»? На наш взгляд, более точен Р.Ш.Ганелин, который пишет, что «идеи Бахметева оказали известное влияние на послеоктябрьский курс Вашингтона в "русском вопросе". Они стали отправной точкой одной из линий американской политики, явившись довольно важным эпизодом в предыстории... 14 пунктов Вильсона»².

Особенно отчетливо это прослеживается в истории с 6-м пунктом из знаменитых «14-ти» президента Вильсона, посвященным России. Как известно, заключение большевиками перемирия с Германией и их призыв к немедленному подписанию мира без аннексий и контрибуций послужили побудительным мотивом для речи Вильсона; в отношении России, дальнейшие намерения нового руководства которой были неочевидны, необходимо было соблюсти деликатность, чтобы не толкнуть ее в объятия Германии и, в то же время, продемонстрировать дружеское расположение Америки к России. Бахметев, которого трудно заподозрить в симпатии к большевикам, советовал воздержаться от формальных протестов против политики Ленина или каких-либо угроз, которые только укрепят позиции большевиков.

Телеграмма, которую посол дал 30 ноября 1917 года полковнику Хаузу, произвела на последнего сильное впечатление. «Хотя правительство Ленина, — телеграфировал Бахметев, — захватившее власть путем насилия, не может рассматриваться как правительство, представляющее волю русской нации, его призыв, обращенный к союзникам и призывающий к перемирию, не может быть оставлен без ответа, так как всякое уклонение союзников от решения вопроса о мире только усилит позицию большевиков и поможет им создать в России атмосферу, враждебную союзникам. Какой-либо формальный протест против политики Ленина или какие-либо угрозы будут иметь тот же самый эффект. Они только ухудшат положение и помогут максималистам дойти до крайности...»³

Хауз советовался с Бахметевым перед отъездом в Вашингтон и «написанное Вильсоном по своей сущности и содержанию близко к наброску посла». «Я прочел ему (президенту. — О.Б.) приготовленное мной предложение, — записал Хауз, — относящееся к России и предварительно рассмотренное русским послом, вполне его одобрившим. Я сказал, что безразлично, сколь велико негодование президента по поводу поступка русских: разум велит нам изолировать Россию, насколько возможно, от Германии, а этого можно достигнуть только открытым и дружественным выражени-

¹ Killen, L. In Search for Democratic Russia. P. 237.

² Ганелин Р.Ш. Советско-американские отношения в конце 1917 — начале 1918 г. Л., 1975. С. 51—52.

³ Архив полковника Хауза. М., 1939. Т. III. С. 232.

ем сочувствия и обещанием более существенной помощи. Президент не возражал, так как наши мысли были вполне одинаковы, и то, что он написал о России, является, по-моему, в некоторых отношениях наиболее красноречивой частью его послания».

Напомню, что в пункте 6 говорилось: «Очищение всей занятой русской территории и разрешение вопросов, затрагивающих Россию, способствующее наилучшему и свободнейшему сотрудничеству других наций мира, с целью помочь России использовать беспрепятственно и без затруднений благоприятные возможности для независимого разрешения вопросов ее собственного политического развития и национальной политики и для гарантирования ей искреннего, радушного приема в содружество свободных наций при условии установления ею формы правления по собственному выбору. И даже не только приема в союз наций, а также и помощи любого рода, в которой она может нуждаться и которой она сама пожелает»¹.

Вся эта обходительность, как известно, оказалась напрасной. Ленин хотел совсем другого, чем президент Вильсон. Да и Германия отнюдь не собиралась выпускать из рук долгожданную добычу. В данном случае нас интересует то, что Бахметев, по крайней мере время от времени, участвовал не только в формулировании, но и в формировании американской политики в отношении России. По крайней мере два важнейших текста, в которых декларировались принципы этой политики, были подготовлены при его участии — кроме «6-го пункта», посол, позднее, приложил руку к ноте Б.Колби от 10 августа 1920 г.

Более высоко, чем Киллен, хотя в целом негативно, оценивает влияние русского посла Д.Фоглсонг. Он пишет, что несмотря на утрату президентом Вильсоном и его советниками доверия к Временному правительству, ввиду допущенных им грубых просчетов и неумелости, чиновники Госдепартамента сохранили свою высокую оценку посла Бахметева. «После большевистской революции общий антибольшевизм сцементировал связь между Лансингом и Бахметевым. Государственный секретарь часто ссылался на мнения Бахметева, в особенности в противостоянии «раздроблению» России на «отдельные государства». В своих мемуарах Лансинг яркими красками рисует как Бахметев «вел себя и дела своего посольства с тактом и сдержанностью, так что когда он оставил свой пост... он сохранил уважение и доброжелательность многочисленных друзей, приобретенных им за время своей посольской карьеры». Столь же высоко оценивал Бахметева заместитель Лансинга Фрэнк Полк, считавший посла «чрезвычайно полезным представителем» России².

¹ Там же.

² Foglesong, D.S. Op. cit. P. 68; Lansing, R. War Memoirs. P. 278; Фоглсонг цитирует также письмо Лансинга Т.Масарику от 25 октября 1918 г. и запись разговора о Бахметеве с С.Д.Сазоновым в дневнике Полка (23 августа 1919 г.).

Совсем с иных позиций оценивает деятельность Бахметева и его партнеров в администрации президента Вильсона современный исследователь. «... Российское посольство, — пишет Фоглсонг, — играло решающую двойную роль в тайной войне администрации против большевизма. Посольство выполняло функцию публичного символа "Настоящей России", которая, как надеялась вильсоновская администрация, появится из хаоса гражданской войны. В то же время посольство служило тайным каналом для снабжения антибольшевистских сил, чего администрация не могла осуществлять открыто и напрямую, так как опасалась оппозиции в обществе и критики в Конгрессе. Бахметевские "такт и сдержанность", превознесенные Лансингом, помогли Вашингтону сохранить веру в "Россию", в то время как тайная поддержка антибольшевистских движений повлекла за собой подрыв веры в демократические процедуры в Америке»¹.

Как бы ни оценивать поддержку, оказанную американской администрацией в обход Конгресса антибольшевистским силам в России, несомненно, что посольство действительно играло в этом ключевую роль, а Бахметев пользовался полным доверием администрации. В нашу задачу не входит анализ характера и масштабов вмешательства Соединенных Штатов в Гражданскую войну в России; по этой проблеме существует довольно значительная литература и фактическая сторона дела выяснена, на наш взгляд, достаточно полно. Оценка этого вмешательства и, соответственно, роли Бахметева, убеждавшего администрацию в его необходимости, определяется, в конечном счете, по-видимому, политическими воззрениями историков.

Если попытаться взглянуть на тогдашнюю ситуацию глазами самого Бахметева, а его воспоминания и в особенности переписка 1917—1930-х годов позволяют, на наш взгляд, это сделать, то вся его деятельность в качестве посла была направлена на то, чтобы предоставить русскому народу возможность выразить свою волю и реализовать присущие ему устремления; Бахметев был убежден, что к числу этих устремлений относятся свобода, демократия, право собственности. Он считал необходимым сохранить целостность государства, создававшегося столетиями. Иностранная помощь, в силу сложившихся обстоятельств, представлялась ему необходимым условием выхода из тупика, в котором оказалась страна. Апеллируя в многочисленных речах, статьях, интервью, меморандумах к американскому общественному мнению или же к конкретным чиновникам администрации с просьбами поддержать демократическую Россию, Бахметев не лукавил. Он действительно верил в эту демократическую Россию, частью которой себя ощущал. Другой вопрос, существовала ли эта Россия в действительности. Полагаю, что, кроме логики, внутренняя убежденность

¹ Foglesong, D.S. Op. cit. P. 75.

посла оказывала определенное воздействие на американских политиков, не лишенных, как и он, некоторой доли идеализма.

В период с апреля по июль 1918 г. российское посольство в Вашингтоне предприняло кампанию с целью убедить президента Вильсона и американский народ одобрить американскую интервенцию в Россию. Сотрудники посольства направлялись в пропагандистские лекционные туры; в кампанию включились видные русские политики, оказавшиеся за рубежом; кроме публичных выступлений, проводилась «индивидуальная» работа с чиновниками Госдепартамента.

Невмешательство во внутренние дела других стран, по крайней мере на словах, было фундаментальным принципом дипломатии Вильсона. Поэтому, даже накануне решения президента послать американские войска в Россию при условии того, что они будут частью вооруженных сил союзников, состоялась встреча Бахметева с одним из помощников госсекретаря, Брекенриджем Лонгом, на которой было оговорено, что американские войска не будут действовать в интересах той или иной политической группы, а будут поддерживать только то движение, которое примет общенациональный характер и будет выражать интересы России в целом.

При этом молчаливо подразумевалось, что большевики признаны такой общенациональной силой не будут ни при каких обстоятельствах. Условием признания группы или движения выражающими действительно общерусские интересы являлось признание ими принципов демократии, свободного предпринимательства и намерение продолжать войну с Германией и ее союзниками¹.

В 1918-м году военная помощь антибольшевистским силам со стороны союзников не могла быть масштабной — сражения на Западном фронте велись все столь же ожесточенно; в то же время ввод тех или иных воинских контингентов на территорию России мог быть оправдан в глазах общественного мнения на Западе интересами войны против Германии и ее союзников — нельзя было допустить, чтобы военные материалы, находившиеся к тому времени на территории России, достались немцам; нельзя было допустить, чтобы германские войска овладели теми или иными стратегическими ресурсами бывшей Российской империи. Прекращение боевых действий в Европе в ноябре 1918 г. высвободило войска и значительные запасы военных материалов; однако наличие иностранных войск на территории России перестало быть хотя бы в какой-то степени легитимным. Мировая бойня привела к значительному «полевению» народных масс в Европе, что также не способствовало активной поддержке белых генералов, весьма по-

¹ См.: Killen, L. The Search for a Democratic Russia: Bakhmetev and the United States // Diplomatic History. Vol. 2. № 3. Summer 1978. P. 241 — 243.

дозрительных с точки зрения их приверженности демократии. К тому же начался передел мира.

Париж—Вашингтон: 1919—1922

Возможно, наиболее ответственный момент для российской дипломатии наступил после окончания боевых действий и заключения перемирия. На Парижской конференции должны были решаться судьбы мира. Надо было представлять интересы России; положение русских дипломатов было крайне двусмысленным; вынеся на своих плечах тяжесть первых трех лет войны и понеся огромные потери, Россия после прихода к власти большевиков заключила сепаратный мир и вышла из войны. Можно было сколько угодно рассуждать о том, что большевики не отражали истинных настроений народа, который хотел сражаться дальше, но факт был налицо.

Ни одно из антибольшевистских правительств не было достаточно сильным и долговечным, чтобы его признали правительства союзников; к тому же Колчак и Деникин все еще не могли договориться между собой. Временного правительства, которое представляли некогда послы, уже не существовало; однако их по-прежнему признавали соответствующие правительства; получалось, что легитимными представителями России оказывались послы, представлявшие уже не существующую структуру. Чтобы как-то выйти из этого двусмысленного положения, Бахметев предложил создать суррогат национального представительства из дипломатов, добавив к нему несколько представителей вновь образованных органов власти в России. Он справедливо предвидел трудности «в обеспечении этому органу решающего голоса» на конференции¹. Бахметев настаивал на ускорении процесса формирования представительства ввиду ожидавшегося прибытия в начале декабря президента Вильсона в Париж, опять-таки справедливо полагая, что многое будет решаться на предварительных совещаниях до официального открытия конференции. Он предложил в качестве возможных лидеров делегации генерала М.В.Алексеева и кн. Г.Е.Львова. «Эти два имени, олицетворяя собой символ национальной России, организовали бы вокруг себя русское представительство»².

Маклаков, выразив сомнение в том, что «какой-нибудь суррогат законного представительства мог обеспечить России равноправное участие на конгрессе» (причем возражения он ожидал не

¹ Б.А.Бахметев — В.А.Маклакову, 6 ноября 1918. № 216 // НИА. Russia. Posol'stvo (France). 1—13.

² Б.А.Бахметев — В.А.Маклакову, 24 ноября 1918. № 244 // Там же.

только со стороны держав, «но впоследствии и самой России»), тем не менее считал создание «суррогата» необходимым, прежде всего для защиты интересов России на «прелиминарной» стадии конференции. В конечном же счете «судьба России будет зависеть исключительно от успешности ее воссоздания, которое идет медленно». Вопрос о представительстве казался Маклакову настолько важным и трудным, что он настаивал на приезде Бахметева в Париж; к тому же он рассчитывал, что послу в Вашингтоне удастся достать деньги для обеспечения работы представительства¹.

Маклаков после совещания с приехавшими в Париж Гирсом и Набоковым телеграфировал Бахметеву, что они поддерживают его план, однако с некоторыми уточнениями: «...пока не будет общепризнанного правительства для официального представительства России необходимо создать коллегия, в которую кроме дипломатических представителей вошли бы видные и авторитетные представители всех главных направлений и оттенков политической мысли. Мы считаем необходимым, чтобы были представлены все, для того, чтобы это мнение не казалось партийным и не могло быть оспариваемо видными политическими течениями... единогласное мнение такой коллегии кажется нам наиболее авторитетным как в России, так и для Конгресса. В этом наше разномыслие с Вами; у нас нет одного общепризнанного национального вождя. Алексеев умер, а кн. Львов один недостаточен. Необходим фронт, а не лицо»².

В результате трудных переговоров «фронт», получивший название Русского политического совещания, был образован. В его состав вошли послы Маклаков, Гирс, Бахметев, К.Н.Гулькевич, Ефремов, Стахович, а также бывшие царские министры иностранных дел С.Д.Сазонов, признанный министром иностранных дел Колчаком и Деникиным, и А.П.Извольский, бывший министр Временного правительства А.И.Коновалов, представители демократии — глава Архангельского правительства, в прошлом знаменитый революционер-народник Н.В.Чайковский, С.А.Иванов, член Кубанского правительства Н.С.Долгополов, террорист Б.В.Савинков. Председателем Совещания был избран князь Г.Е.Львов, бывший премьер-министр Временного правительства³.

¹ В.А.Маклаков — Б.А.Бахметеву, 17 ноября 1918. № 390 // Там же. 1—14.

² В.А.Маклаков — Б.А.Бахметеву, 4 декабря 1918. № 455 // Там же. Об образовании «суррогата» российского представительства см. также: Thompson, John M. *Russia, Bolshevism and Versailles Peace*. Princeton, 1967. P. 67—71.

³ Первоначально Маклаков по согласованию с Гирсом и Набоковым называл имена В.Н.Коковцова, С.Д.Сазонова, А.П.Извольского, А.И.Коновалова, кн. Г.Е.Львова, М.В.Родзянко, Н.В.Чайковского, Н.Д.Авксентьева и С.Н.Прокоповича // В.А.Маклаков — Б.А.Бахметеву, 4 декабря 1918. № 455. НИА. Russia. Posol'stvo (France). 1—14.

Это не вызвало восторга у Маклакова, но Львов являлся представителем Омска, да к тому же, вследствие его краткосрочного и неудачливого премьерства, наиболее высокопоставленной в недавнем прошлом фигурой среди русских политиков за рубежом, поддерживавших белых (другой бывший премьер, А.Ф.Керенский, был настроен по отношению к белым генералам резко отрицательно, обвиняя их в реакционности и реставраторстве).

В январе 1919 г. из состава Совещания был выделен руководящий орган — более компактная и работоспособная Русская политическая делегация, в которую вошли кн. Львов (председатель), Сазонов, Маклаков, Чайковский; впоследствии добавился Савинков. Полномочия Делегации представлять интересы России были подтверждены А.В.Колчаком и А.И.Деникиным. Она продолжила свою деятельность и после прекращения работы Совещания, последовавшего 8 июля 1919 г. «ввиду объединения правительственной власти в России»¹. При Совещании работал ряд комиссий; Бахметев возглавил работу Политической комиссии, занимавшейся в основном подготовкой документов по вопросам территориального урегулирования, в особенности по проблемам статуса Бессарабии и Финляндии.

Работа Совещания, а также экспертов, обслуживавших его нужды, была профинансирована с согласия Госдепартамента США за счет средств, находившихся на счетах Временного правительства. Бахметеву было отпущено 100 тыс. долларов. Позднее необходимые средства стали поступать из Омска; в руках колчаковского правительства оказался золотой запас России. Бахметев прибыл в Париж в декабре 1918 года, сделавшись одной из ключевых фигур Совещания; вернулся посол в США в июле 1919 года.

* * *

В течение Гражданской войны русские дипломаты добивались признания союзниками какого-либо из антибольшевистских правительств, действовавших на территории России. Успехом это не увенчалось, если не считать признание правительства Врангеля Францией *de facto* в августе 1920 года, когда это уже имело почти символическое значение. Союзники испытывали сильные сомнения в демократичности правительств, возглавлявшихся бывшими царскими генералами; призрак реставраторства не давал им покоя.

«Война здесь кончилась победой демократии и демократические идеи сильны, — разъяснял европейскую ситуацию Маклаков в телеграмме, направленной в колчаковский МИД 6 января

¹ См. записку о деятельности Делегации: НИА. Nicolas de Basily Collection. Box 9.

1919 г. — Это страшно влияет на отношение к России. Вопрос интервенции, признания правительства, нашего полноправного участия на конгрессе (имеется в виду Парижская мирная конференция. — О.Б.) и даже самых условий мира, зависит от того, в какой мере будущее России будет внушать доверие и симпатии демократиям-победительницам.

Необходимо не только воздерживаться от каких-либо шагов, которые давали бы повод предполагать восстановление господства привилегии, но и необходимы положительные торжественные заявления, которые показали бы истинное лицо той России, которая будет завтра. Не решая отсюда вопроса, соответствует ли это настроению России, думаю, что пока мы не в силах навязывать свою волю и принуждены считаться с добрыми отношениями к нам Европы в настоящих условиях политической жизни, — это заявление было бы крайне желательно и полезно¹.

Маклаков советовал также признать, что Россия стоит на почве 14-ти пунктов Вильсона, как программы мира и сделать заявление об уважении к правам национальностей, ее населяющих.

Положения, содержащиеся в телеграмме, вызвали резкое неприятие многих русских политиков, причем отнюдь не только «реставраторов». «Если бы я придавала серьезное значение Peace Conference, — писала Маклакову политически близкая ему Ариадна Тыркова из Лондона, — я могла бы не шутя прийти в отчаяние, но меня гораздо больше волнует наш русский комитет в Париже. Первая телегр[амма] Львова (телеграмма была написана Маклаковым, но дана от имени председателя Русского политического совещания. — О.Б.) Колчаку так убийственно похожа на растерянную политику Временного правительства, что прямо смешно. Да и слова о том, что Россия не может "навязывать свою волю", нас, русских в Лондоне, очень задела. Они и нескладны и скользки. Навязывать свою волю никогда не следует. Но иметь волю совершенно необходимо. Иначе нельзя брать на себя представительство огромного народа, да еще в такой трагический момент. Говорю Вам откровенно, что Ваша Парижская Дума пугает меня, — и не меня одну, — именно недостатком волевых людей. Надо крепко хотеть и крепко это хотение выявлять. А если принять мягкотелую психологию Львова, то и союзники с Вами считаются не будут, да и Россия Вам спасибо не скажет... О торопливом признании 14 пунктов писать не хочется... Надо свое выявлять, свою внутреннюю программу, конечно минимальную, определить, а не бежать за чужим фасоном, да еще сомнительным. Простите за резкость. Времена горькие и слова горькие. А главное обидно, что не слышится в голосах русских людей достаточного понимания, что Россия есть, что унижаться ей перед теми, кого она спасла,

¹ Из архива организаторов интервенции в России // Исторический архив. 1961. № 6. С. 69.

неуместно, и что мы, русские, оказались честнее всех остальных»¹.

Маклаков ответил Тырковой «по главным пунктам», решительно отвергая ее критику. «Прежде всего, — разъяснял посол, — вся эта телеграмма есть чисто внутреннее дело и направлялась она Колчаку, а не союзникам. Цель ее была убедить Колчака, который настроен вовсе не лево, в необходимости политических уступок здешним демократическим симпатиям. Это было необходимо и для того, чтобы убедить Колчака согласиться на председательство князя Львова и на включение в Совещание Чайковского». Фраза о необходимости считаться с общественным мнением Маклакову, в отличие от его корреспондентки, нисколько не казалась обидной. В оценке значения общественного мнения стран Запада он усматривал свое «коренное разномыслие» с Тырковой.

Реагируя на слова Тырковой о необходимости иметь волю для представительства интересов огромного народа, Маклаков подошел к проблеме иначе: «Все это так, но ведь весь этот огромный народ пока только в прошлом и будущем; в настоящее время он почти бессилён... Разорвав с союзниками, мы, может быть, вернем себе все то, что они у нас возьмут, и с избытком, но это сделаем не мы, а будущие поколения и думать только об этом нельзя. В этих условиях предаваться патриотической фразеологии, как мы все в былое время предавались революционной фразеологии, говорить слова: не потерплю; чем хуже, тем лучше, — мне все-таки представляется подобным ребенку, который наказывал своих родителей тем, что отказывался кушать».

С точки зрения Маклакова следовало проводить другую политику: «мы должны понять, что сейчас мы висим на ниточке; мы должны понять, что сейчас мы всецело зависим от других, что нас спасает только дальновидность тех, кто понимает, что в будущем мы им пригодимся, что уже сейчас выясняется, что полного согласия между державами нет и что в очень скором времени мы им понадобится. На этой ниточке можно играть и выиграть. Можно делать много уступок, при которых, конечно, не пострадали бы интересы России, но за эту ниточку нужно бережно держаться, и оказал бы плохую услугу России тот, кто бы ее разорвал». «Стоит союзникам прекратить посылку нам военных материалов, — предостерегал посол, — и большевики завладеют всей Россией. Можно ли теперь рисковать из-за удовольствия выпеть союзникам в лицо все то, что мы думаем?»²

¹ А.В.Тыркова — В.А.Маклакову, 16.I.1919 // British Library, Manuscript Division, H.W.Williams Papers, Add. 5436.

² В.А.Маклаков — А.В.Тырковой, 27 января 1919 // Там же. 5438.

9 марта того же года Маклаков от имени кн. Львова, председателя Русского политического совещания в Париже, в телеграмме А.В.Колчаку и А.И.Деникину напомнил об усилении демократических идей после войны, о чем он уже телеграфировал 6 января. «Ныне Политическое совещание считает своим долгом осведомить Вас о дальнейшем росте их авторитета в международной конъюнктуре... В опасении призраков политической и социальной реакции склонны в каждом шаге отыскивать и преувеличивать сомнения в искренней демократичности новой национальной России». Маклаков осведомлялся от имени Политического совещания о возможности провести выборы представителей областей в «центральное представительное собрание», конечно, если это не помешает вооруженной борьбе, и «строго конфиденциально» осветить настроение на местах по вопросу о возможности фактического осуществления выборов¹.

Ответы, полученные на имя Маклакова и С.Д.Сазонова из Омска и Екатеринодара, содержали, с одной стороны, заверения в отсутствии реакционных устремлений, с другой, в посланиях в общем-то вполне логично указывалось на сложность соблюдения демократических процедур и необходимость военной диктатуры в условиях боевых действий². В телеграмме из Екатеринодара за подписью руководителя деникинского внешнеполитического ведомства А.А.Нератова (министр С.Д.Сазонов постоянно находился в Париже, практически ведомством руководил Нератов), сохранилась к тому же неприкрытая отповедь союзникам, а заодно и русским дипломатам, идущим у них «на поводу».

«Правильна, на наш взгляд, мысль, что авторитет зависит от фактической силы, около которой невольно группируется все население, ищущее спокойствия и охраны имущества. К этому необходимо прибавить и элементы решительности, чего совершенно не заметно у союзников, постоянные колебания коих роняют их собственный престиж во всех слоях населения. За невозможностью добиться теперь же активного вмешательства союзников, остается рассчитывать на время в связи с нарастающим русским самосознанием, в целях хотя бы самоохраны. Признаки такого протрезвления, по-видимому, уже имеются.

Действительную причину нерешительности союзных правительств не можем не видеть преимущественно в общей тяге к прекращению всяких военных экспедиций, задерживающих демобилизацию, а не в принципиальных демократических формулах,

¹ Из архива организаторов интервенции в России. С. 71.

² И.И.Сукин (по поручению А.В.Колчака) — В.А.Маклакову, 20 марта 1919; А.А.Нератов (по поручению А.И.Деникина) — С.Д.Сазонову, 24 марта 1919 // Из архива организаторов интервенции в России. С. 76—78.

едва ли способных поднять боевое настроение масс для действий вне родины»¹.

Надо признать, что во многом правы были и «парижане» и их соотечественники в России; белые в России не вполне понимали особенности политической системы западных демократий и не могли оценить изменений, происшедших в этих странах в связи с войной. Во многом этим объясняются взаимное непонимание и претензии лидеров белого движения и тех западных политиков, которые искренне хотели им помочь (хотя бы во имя возвращения долгов, как французы). Маклакову даже пришлось съездить к Деникину в октябре 1919 года, для того чтобы его с французами «помирить». Однако, несомненно, было и другое — военные и финансовые ресурсы стран послевоенной Европы были весьма ограничены; моральные же совершенно истощены.

Сложилась парадоксальная и практически тупиковая ситуация: Запад был готов признать то или иное русское правительство и оказать ему помощь в более крупных масштабах при условии установления им контроля над более-менее значительной территорией и наведения на этой территории законности и порядка, а антибольшевистские силы не могли этого добиться без серьезных финансовых и материальных вливаний с Запада, если речь не могла идти о введении на территорию России таких контингентов войск союзников, которые могли оказать решающее влияние на ход боевых действий. Опять-таки, ввод иностранных войск и активное их участие во внутреннем конфликте, даже если бы это было возможно, мог оказать прямо противоположное воздействие на ход событий, придав большевикам ореол спасителей отечества.

Маклаков, побывавший у Деникина в период наибольших военных успехов его армии в октябре 1919 года, с тревогой писал Бахметеву: «Я же лично боюсь, что Деникин достиг максимума возможного для него успеха, считая как данные и количество войска, и политическое и моральное состояние тыла. Если с этим тылом и с таким отношением русского общества он попытается идти дальше, то он может нажить себе катастрофу, подобную колчаковской... Я и для Вас скажу, что в конце концов русский народ терпелив и к беспорядкам в тылу у Деникина приспособится, как приспособились и к большевизму. Если только союзнические капиталы устремятся на Юг России, ценою хотя бы временно-го капиталистического закабаления, но вызовут расцвет экономической жизни, то Юг получит громадное преимущество перед Севером»².

¹ Там же. С. 78.

² В.А.Маклаков — Б.А.Бахметеву, 7 декабря 1919 // «Окунуться в Россию»: Переписка В.А.Маклакова с Б.А.Бахметевым/Публ., вступ. ст. и прим. О.В.Будницкого // Отечественная история. 1996. № 2. С. 145, 147.

Однако союзнические капиталы на Юг, также как в любую другую точку, контролируемую антибольшевистскими силами, не потекли. Своими силами наладить дело в тылу белые не сумели. Нельзя не согласиться с российским послом в Лондоне К. Д. Набоковым, затем переведенным Сазоновым в Осло за строптивость, что уже «в середине 1919 года ясно обнаружилась основная причина, долженствовавшая неминуемо привести к краху "белого" движения. Обнаружилось, что ни одна из "белых" организаций не способна установить в тылу армии элементарные условия экономического оздоровления и политического мира, без которых невозможно было надеяться на поддержку армии населением и на сопротивление большевистской пропаганде. Для достижения этих условий требовалось также усилие со стороны наших бывших союзников, не военное, а чисто коммерческое, на которое и они уже были неспособны в силу внутренних обстоятельств, ясно сознаваемых государственными людьми. То, что в небольшом масштабе произошло на северо-западе (район действия армии Н. Н. Юденича. — О. Б.) — переход от красного террора к грабежам и разорению белыми — повторилось в грандиозных размерах в Сибири, а позднее и на Юге России»¹.

Среди важнейших задач, которые ставило перед собой Русское политическое совещание, было сохранение территориальной целостности России; оно стремилось также добиться, чтобы любое решение конференции, затрагивающее интересы России, было отложено до консультаций с признанным русским правительством; наконец, совещание добивалось от союзников ясных заявлений, осуждающих большевизм и провозглашающих поддержку либеральных сил в России. Бахметев информировал обо всех этих пожеланиях американскую делегацию².

Русское политическое совещание, несмотря на проявленную его членами активность и упорство, большинства своих целей, если не считать заявления Англии, Франции, США и Италии от 26 мая 1919 г. о готовности признать Колчака при условии проведения им демократических выборов и соблюдения прав национальностей (признания независимости Польши и Финляндии, автономии, впредь до окончательного решения вопроса об их статусе, Литвы, Латвии и Эстонии, а также кавказских и закаспийских образований), подтвержденного 12 июня, после получения положительного, хотя и уклончивого по вопросу о национальностях ответа Колчака, не достигло. Да и не могло достичь, ибо все-таки висело в воздухе. Надо признать, что в той ситуации, в ко-

¹ Набоков К. Д. Указ. соч. С. 276—277.

² Killen, L. Op. cit. P. 247.

торой оказались люди, заявлявшие, что они говорят от имени России, они сделали все возможное¹.

Маклаков и Бахметев были, по-видимому, наиболее влиятельными членами Совещания; если в отношении Маклакова это было естественно — он уже давно стал «объединителем» российских дипломатов², к тому же был весьма близок с хозяевами конференции — французами, то относительно Бахметева дело объяснялось не только его финансовыми возможностями. Люсьен Вольф, неофициальный представитель британского еврейства в Париже, встречавшийся с Бахметевым в июне 1919 года, вполне справедливо счел его чрезвычайно полезным и влиятельным членом российского представительства. Бахметев, записал в дневнике наблюдательный британец, в совершенстве владеет английским языком и внешним видом и манерами стремится походить на английского джентльмена³.

В начале 1950-х годов, уже после смерти Бахметева, у Маклакова завязалась переписка с вдовой генерала Деникина, Ксенией Васильевной. Главным предметом обсуждения оказался Бахметев. Генеральша считала его едва ли не главным виновником неудачи белого движения, скрытым социалистом и честолюбцем. Она пыталась выяснить у Маклакова причины влиятельности Бахметева, «ведь он был новичок в дипломатическом корпусе», а также ряд других вопросов, касающихся финансовых средств, которыми распоряжались послы, некоторые аспекты эмигрантской дипломатии и т.п.

«Влияние Бахметева в Политическом совещании было, конечно, большим, — соглашался со своей корреспонденткой Маклаков. — И не в том дело, что в известный короткий период он один мог располагать деньгами, необходимыми для всех; они у него были, и американское правительство тратить их разрешало. Но это было только первое время, хотя и самое острое. Его пре-

¹ Перечень многочисленных меморандумов, с которыми обращалось Русское политическое совещание к руководителям мирной конференции см. в книге Thompson J.M. *Russia, Bolshevism and Versailles Peace*, p. 399—400. Оригиналы меморандумов находятся в Архиве Гуверовского института; они затрагивают в основном вопросы территориального урегулирования — от Бессарабии до Шпицбергена, а также проблемы раздела торгового флота центральных держав, помощи генералу Н.Н.Юденичу, опасности германской технической помощи Советам и т.п. Подробнее о деятельности Русского политического совещания см. с. 66—81 в цитированной книге Дж. Томпсона и в диссертации Н.Тонгур, с. 107—153.

² Надя Тонгур справедливо указывает, что только благодаря удивительному мастерству и выдержке Маклакова Русское политическое совещание, включавшее таких абсолютно разных людей, как Сазонов и Савинков, начало работать. См.: Tongour N. *Op. cit.* P. 118.

³ Wolf Lucien. *Diary of the Peace Conference, Paris, 14th January — 12th October, 1919.* P. 362 // Mocatta Library, University College London.

имущество было в другом; конечно, дипломат он был "свежий"; время "дипломатии" тогда отошло на задний план. Было время "политиков". То, что Бахметев не был настоящим дипломатом, ему скорее помогало; он был деловым человеком, техником и представителем Военно-промышленного комитета. Это было авторитетнее для Америки, чем профессиональный дипломат.

Затем на его положении у нас отражалась и роль Америки. Первое время она была очень сильна, пока не началась реакция против нее. А Бахм[етев] Америку очень любил и был под ее влиянием. Уже гораздо позднее, когда он вернулся в Америку, у меня была большая с ним переписка. Помню, как все время он выставлял для нас Америку как идеал, противоположный этатизму»¹.

Дело было, конечно, не в том, что Бахметев любил Америку; Маклаков любил Францию, но это, при всей его «вхожести» во французские властные круги, не давало ему возможности серьезно влиять на принятие тех или иных решений. Влияние Бахметева, вероятно, объяснялось тем, что, объективно, американская политика в отношении России была наиболее приемлемой для ее парижских представителей, а русский посол в Вашингтоне был «наиболее тесно связан с американской делегацией»².

Бахметев регулярно снабжал Хауза материалами, которые готовило Русское политическое совещание; обращался к нему с конфиденциальными письмами, в особенности когда американская политика по отношению к России становилась не вполне ясной или заметно противоречила рекомендациям Политического совещания. По-видимому, мнения Бахметева учитывались; посол и его американские партнеры говорили на одном языке и исповедовали сходные ценности. Это совсем не означало, что к Бахметеву прислушивались всегда; так, его «конфидент» Хауз был склонен рассмотреть вопрос и о соглашении с большевиками³.

«Первый вопрос, — писал Маклаков 33 года спустя Ксении Деникиной, — который занимал нас после "армистиса", была помощь Колчаку, т.к. о Южном правительстве мы узнали гораздо позднее, и оно создано и окрепло без нашей помощи. В период же Колчака можно было сделать гораздо больше. Здесь Америка играла первую скрипку; но помню отчетливо одно: как она не допускала, чтобы в Сибирь были допущены японцы. Это было специально американское недоверие к ним. Я не помню, поддерживал ли эту точку зрения Бахметев, но о ней он неоднократно нас предупреждал.

¹ В.А.Маклаков — К.В.Деникиной, 7 декабря, 6/г (вероятно, 1952) // BAR. A.Denikin Collection. Box 2.

² Killen, L. The Search for Democratic Russia. P. 247.

³ Killen, L. Op. cit. P. 246—249; Thompson, J.M. Russia, Bolshevism and Versailles Peace. P. 280—281.

Среди острых вопросов был вопрос о нацменьшинствах; здесь Франция была опасна для нас, от чрезмерного сочувствия Польше, Украине и Грузии (из-за нефти). Америка была не за расчленение России, но за уступки народностям, пока Россия еще не воскресла. Результатом этого было принятие Советским правительством по инициативе Бахм[етева] положения о том, что пока у России нет общепризнанной власти, как временное фактическое состояние признается самоуправление отдельных народностей (это касалось балтийских провинций)»¹.

Маклаков пытался мягко втолковать генеральше, что в том положении, в котором оказалась Россия, ошибки (если они были) отдельных дипломатов или генералов вряд ли могли решающим образом повлиять на ее судьбу. «Возможно, что и Бахметевым и нами всеми отдельные ошибки были сделаны. Но положение России было безнадежно с тех пор, как Февральская революция — объявила, что война не будет "предлогом" для отсрочки реформ... Не под силу никому, даже А.И.Деникину, было без помощи союзников восстановить Россию, но в то [же] время помешать нашим соседям поживиться за счет России. Я сказал Клемансо, что Россия, как раненый участник атаки, с которого его товарищи, пользуясь его ранением, снимают сапоги в свою пользу. Никто не в силах был этому помешать, и за это мы платим по нынешний день.

Я не знаю, как формулируются обвинения против Деникина; но думаю, что они не более справедливы, как обвинения против Бахметева»².

Деникина явно обиделась за сопоставление ее покойного мужа с Бахметевым и заметила, что вопросы об их ответственности несоизмеримы. Если в причинах неудачи Деникина «разберется только история», то в случае с причинами недостаточной, по ее мнению, помощью российского посла в Вашингтоне белому движению вполне могут разобраться современники³.

«Я Вам вполне верю, — писала она Маклакову в другой раз, — что Вы можете не знать "соответствовала ли помощь Бахметева его возможностям", он был очень скрытный человек и его почти никто не знал хорошо. Вы даже "не замечали пристрастия Бахметева к лагерю революционной демократии" и уверены, что они "мешали его работе", а в здешних газетах было опубликовано о социалистическом прошлом его (он даже участвовал в знаменитом партийном "суде" над Лениным), он субсидировал здесь издания и деятельность Б.Николаевского и демонстративно чествовал "бабушку" Брешко-Брешковскую и Керен-

¹ В.А.Маклаков — К.В.Деникиной, 7 декабря [1952] // ВАР. A.Denikin Collection. Box 2.

² В.А.Маклаков — К.В.Деникиной, 25 марта. Б.г. // Там же.

³ К.В.Деникина — В.А.Маклакову, 18 июня [1953] // Там же.

ского тотчас же после крушения Белого движения или даже во время него...»¹

Бахметева многие считали противником белого движения. Это нашло отражение даже в одном из некрологов. «Историку... придется решать, — писал анонимный автор, возможно, М.М.Карпович, — кто был прав в некотором расхождении, возникшем между руководителями "белого движения" и Б.А.Бахметевым: они ли, хотевшие, чтобы он стал их дипломатическим агентом, или он, считавший, что может принести больше пользы, если останется в глазах американцев носителем идеи свободной России, которая "была и будет". Это не значит, конечно, что он отказывался помогать тем, кто боролся с большевиками на русской территории. Вероятно, все возможное в условиях того времени было им сделано. Но во многом он не одобрял политики руководителей "белого движения", и хотел сохранить свою от них независимость»².

Этого не отрицал бы и сам Бахметев; в начале 1921 г. он подвергся неистовой критике со стороны В.Л.Бурцева на страницах парижского «Общего дела», игравшего в период Гражданской войны роль заграничного официоза сначала Деникина, а затем Врангеля. Бурцев обрушился на Бахметева за то, что он оказывал помощь левым кругам эмиграции, в частности, Исполнительной комиссии членов Учредительного собрания, в то же время не поддерживав в достаточной мере белые армии в ходе Гражданской войны. «Бурцев, я думаю, прав в одном, — писал Бахметев

¹ К.В.Деникина — В.А.Маклакову, 20 ноября 1953 // Там же. Какое же было потрясение генеральши, когда она узнала, что обратилась в поисках компромата на Бахметева «не по адресу» и что Маклаков был другом российского посла в Вашингтоне. После этого она начала собирать материалы уже о Маклакове, тщательно подбирая выдержки из интервью, статей, писем. Целью было доказать «двоедушие» Маклакова. По этому поводу Деникина даже обращалась к его знакомым, и не без успеха. Среди различных текстов, собранных Деникиной, находится сделанная ею выписка из недатированного письма к ней гр. С.В.Паниной: «Вы спрашиваете, — писала графиня Деникиной, — чем и кем был Маклаков в политическом отношении? На это очень трудно ответить. Этот вопрос, в том или ином виде ставится или просвечивает во всех суждениях о нем его современников. По-разному толкуются и объясняются его странные разногласия и несоответствия, его противоречия, компромиссы и парадоксы. Но никто их отрицать не может и не отрицает... Умный, тактичный, весьма способный человек, имевший удивительное обаяние, покорявшее ему сердца людей и, особенно, женщин... Меня его двоедушие и беспринципность всегда отталкивали. Ввиду этих его качеств, весьма затруднительно дать его политический образ...» В заключение этой подборки Деникина изложила свое собственное мнение о Маклакове, она писала о его двуличии, о том, что когда с ним переписывалась, еще не подозревала, кто он такой, что он умалчивал о многом в ответах на ее вопросы и т.д. // ВАР. А. Denikin Collection. Box 27.

² Памяти Б.А.Бахметева // Новый журнал. 1951. Кн. 36. С. 253.

П.Н.Милокову, — что никто из послов не держал себя более независимо по отношению к национальным правительствам и избегал солидаризироваться с ними. Он неправ, однако, упрекая меня в саботаже»¹.

Бахметев, конечно, оказывал белому движению и дипломатическую и материальную поддержку. Служебная переписка посла отражает его огромную повседневную работу по закупке и поставкам вооружения и обмундирования белым армиям — от винтовок Ремингтона и пулеметов до «ношенных кальсон» по 60 центов штука². Похоже, что больше симпатий посол испытывал к Колчаку; возможно, потому, что тот был в чем-то таким же «новым русским» как Бахметев — ученым-гидрографом, путешественником, «технарем» — специалистом по минному делу, флотоводцем. Од-

¹ Б.А.Бахметев — П.Н.Милокову, 14 апреля 1921 // BAR. V.Bakhmeteff Collection. Box 9.

² См.: BAR. V.Bakhmeteff Collection. Boxes 31–34 — телеграммы 1917–1920 и HIA. Russia. Posol'stvo (France). Boxes 1, 2. Приведу взятые наудачу телеграммы Бахметева и его ближайшего сотрудника, финансового агента С.А.Угета Маклакову, для заведующего заграничным снабжением агента генерала Э.К.Гермониуса (копия в Омск), 29 октября 1919 г.: «Опытом стрельбы подтвердилась серьезная возможность применить к 3-дюймовым гранатам мер чертежа, без их переделки, взрыватели, имеющиеся у американского правительства, путем нарезки на них резьбы 10 ниток поверх имеющейся резьбы 12 ниток. Испрашиваю срочного согласия на приобретение 200.000 штук взрывателей от американского правительства для генерала Деникина, на основании аналогичных соглашений о винтовках и разрешение расходовать до 50.000 дол. на их перерезку. Независимо от сего, ныне является возможность снабдить перерезанными взрывателями имеющиеся здесь 174.000 русских гранатных 3-дюймовых патронов британского заказа, в случае отправки которых контрактная их стоимость около 2.644.000 дол. будет дебетована счетами российского правительства без требования немедленной оплаты». Маклакову, 31 октября 1919 г. (копия в Омск). «Угет просит передать министрам снабжения и финансов. Сегодня получены сведения о предметах белья, которые предположительно останутся на руках Военного министерства после окончания продажи 15 декабря гражданскому населению Америки. 1.200.000 шерстяных кальсон новых, 600.000 ношенных, 3.000.000 кальсон летних новых, 800.000 ношенных, 15.500.000 фуфаяк летних новых, 500.000 ношенных, 3.500.000 пар шерстяных носков. Согласно ранее сообщенных Вами сведений, следовало бы из упомянутых количеств приобрести 1.400.000 шерстяных кальсон, 700.000 летних фуфаяк, 1.400.000 пар шерстяных носков... Обращаю внимание на необходимость срочного решения вопроса, так как на белье имеются громадные запросы из Европы». Маклакову, 6 ноября 1919 г., для Гермониуса: «Телеграфирую в Омск. Наиболее выгодные условия заказа на 100.000.000 ружейных патронов достигнуты с Western Cartridge Company, которая находится в средне-западных штатах, где рабочие условия несравненно лучше, чем на востоке. Цена 40,66 дол. за тысячу с обоймами. Цена может быть понижена до 39,66, если удастся удешевить упаковку...» // HIA. Russia. Posol'stvo (France). 1–16. Десятки подобных телеграмм сохранились в упомянутых выше архивных фондах.

нако то ли сам Колчак, то ли его окружение относились к Бахметеву с подозрением. Несомненно, играло свою роль социал-демократическое прошлое Бахметева; возможно также, что независимое поведение посла не устраивало Омск.

Любопытно, что когда Колчак был признан основными антибольшевистскими силами верховным правителем России, а бывший царский министр иностранных дел С.Д.Сазонов стал иностранным представителем не только Деникина, но и Колчака в ранге министра, то верховный правитель счел нужным официально подтвердить полномочия послов. Он утвердил всех, кроме Бахметева, активно боровшегося за признание Колчака. Сазонов добился у Колчака признания Бахметева, и лишь после этого показал послу предыдущую телеграмму, содержащую неприятные для него сведения. Этот инцидент, по мнению Бахметева, характеризовал отношения между «старым» и «новым». Впрочем, Бахметев сказал новому (старому) министру, что одобрение или неодобрение адмиралом его миссии никак не повлияло бы на его позиции в Вашингтоне, так как сам Колчак не признан. «Однако несмотря на это крайне тупое и глупое отношение, — заявил посол Сазонову, — я намерен работать для признания колчаковского правительства, потому что я верю, при данных обстоятельствах, несмотря на то, что я знаю все его недостатки, это лучшее, что может быть сделано»¹.

Колчаковское правительство было ближе к признанию союзниками, чем какое-либо другое из белых правительств. Союзников сдерживали колебания Вильсона, подозревавшего, что Колчак — монархист и реакционер. Этим подозрениям способствовали высказывания в Париже А.Ф.Керенского и некоторых других представителей революционной демократии, а также донесения американского посла в Пекине Пола Рейнша (Reinsch). Тогда в Омск «с инспекцией» был направлен американский посол в Токио Роланд Моррис.

Моррис, прибывший в Омск 21 июля, три недели изучал положение. В своих донесениях он отмечал недостатки режима, недовольство населения колчаковской диктатурой; тем не менее он рекомендовал признание и оказание финансовой поддержки Колчаку, что должно было спасти его от надвигающегося краха. Колчак, как бы ни оценивать методы его управления, оставался наиболее серьезной альтернативой большевизму. Предложения Морриса достигли Госдепартамента в конце августа, накануне общенационального агитационного турне президента Вильсона в поддержку ратификации Версальского мирного договора. Так что чиновники Госдепартамента были озабочены совсем другими проблемами; к тому же почти все новости, приходившие в то время из Сибири, содержали сообщения об очередных победах Красной

¹ Bakhmeteff B. Oral History Memoir BAR. B.Bakhmeteff Collection. 38-4. P. 455—458.

армии. Признание вновь было отложено. «Хотя Бахметев, только что вернувшийся из Парижа, продолжал свои обращения (о признании. — О.Б.) и говорил о перспективах Колчака в превосходных выражениях, — с иронией писал Ф.Шуман, — Красная армия убрала эту проблему из сферы практического рассмотрения»¹. «Бахметев сражался за американскую поддержку Колчака до самого конца», — пишет Линда Киллен², оправдывая, сама того не ведая, предсказание Бахметева, сделанное им в письме к П.Н.Милюкову в апреле 1921 г.: «... будущие историки, вероятно, покажут, что из всех представителей [России] я сделал, м[ожет] б[ыть] больше всего, чтобы подвести вопрос о признании колчаковского правительства к осуществлению, а также, вероятно, из всех послов оказал непосредственно наибольшую материальную и денежную помощь национальным армиям»³.

Возможно, на долю антибольшевистского движения на Юге пришлось меньше посольских забот, в особенности при Деникине. Отчасти это объяснялось охлаждением американской администрации к русским делам и утратой доверия к антибольшевистским правительствам. В разговоре с Бахметевым Лонг как-то раз заметил, что «антибольшевистские силы сражаются с большевиками только немногим упорнее, чем друг с другом». Тот же Лонг высказал предположение, что иностранное военное вмешательство только помогает большевикам, позволяя им заявлять, что они сражаются с войсками союзников, а не с различными воинскими контингентами, противостоящими им на различных фронтах. После поражения Колчака Бахметев продолжал просить об американской поддержке оставшимся антибольшевистским силам. Однако в декабре 1919 года Вильсон, Лансинг и Лонг пришли к выводу о необходимости вывести американские войска из Сибири, что и было завершено к апрелю 1920 года.

«Как бы ни хотели Соединенные Штаты видеть прогрессивную, антибольшевистскую Россию, они не хотели брать на себя всю ношу, — справедливо пишет Л.Киллен. — Лонг мог сказать Бахметеву в декабре 1919 года, что "Соединенные Штаты не должны нести ответственность за судьбу России". Тогда же Лансинг заметил, что союзники и Америка пришли к согласию, что они не имеют более обязательств поддерживать любую из русских фракций»⁴.

¹ Schuman, F.L. Op. cit. P. 146—148. Об усилиях российских дипломатов, направленных на признание колчаковского правительства, см. также: Thompson, J.M. Op. cit. P. 63, 66, 77, 280—283 и др.; Killen, L. The Search for a Democratic Russia. P. 249—252.

² Killen, L. The Search for a Democratic Russia. P. 251.

³ Б.А.Бахметев — П.Н.Милюкову, 14 апреля 1921 // ВАР. В. Bakhmeteff Collection. Box 9.

⁴ Killen, L. Op. cit. P. 252—253.

Симптоматично, что как раз в начале декабря 1919 года Маклаков писал начальнику деникинского штаба генералу И.П.Романовскому, пользовавшемуся репутацией либерала, об отношении к русским делам во Франции: «...ответственные политические люди превосходно понимают, что большевизм есть общая опасность, что Деникин борется не только за Россию, но и за весь цивилизованный мир, что все разумные люди должны бы помогать нам не торгуясь, но как говорится в "Lettres Francaises": дураков всегда больше, чем умных, и у большевизма есть сторонники всюду. Очень многие предпочитают выгоду сегодняшнего дня большому выигрышу в будущем. Нельзя требовать от союзников большего напряжения сил против большевизма. Демократия этого все же не позволит. И хотя в парламенте консервативное большинство, оно все же демократии испугается»¹.

Возможно, наиболее адекватно среди западных политиков значение происходящего в России для остального мира понимал У.Черчилль, стремившийся поддерживать антибольшевистские силы в России до последней возможности. «Было бы ошибочно думать, — писал он, — что в течение всего этого года мы сражались на фронтах за дело враждебных большевикам русских. Напротив того, русские белогвардейцы сражались за наше дело. Эта истина станет неприятно чувствительной с того момента, как белые армии будут уничтожены, и большевики установят свое господство на всем протяжении необъятной Российской империи...»²

Трагедия, однако же, заключалась в том, что большевистскому правительству, которое, по выражению Черчилля, «было рождено революцией и питалось террором», противостояли те, кто очень быстро утратил чистоту своего «белого дела», замавав его кровью и грязью. Очень трудно было убедить общественное мнение в том, что власть, не желающая или не умеющая предотвратить еврейские погромы, пресечь грабежи и насилия, чинимые ее войсками, остановить воровство и спекуляцию в тылу, отвечающая на красный террор террором белым, почему-то заслуживает большего доверия и поддержки, нежели московское правительство, провозгласившее столь привлекательные для трудящихся лозунги.

Черчилль же в одном абзаце с присущим ему блеском описал политику (точнее, отсутствие ясной политики) союзников по отношению к России: «Неустойчивые, постоянно меняющиеся операции русских армий нашли отклик в политике, или, вернее, — в отсутствии твердой политики союзников. Находились ли союзники в войне с Советской Россией? Разумеется нет, но советских людей они убивали, как только те попадались им на глаза; на рус-

¹ В.А.Маклаков — И.П.Романовскому, 2 декабря 1919 // НИА. V.Maklakov Collection. 11 — 17.

² Черчилль У. Мировой кризис. М.; Л., 1932. Цит. по: Гражданская война в России: перекресток мнений. М., 1994. С. 39.

ской земле они оставались в качестве завоевателей; они снабжали оружием врагов советского правительства; они блокировали его порты; они топили его военные суда. Они горячо стремились к падению советского правительства и строили планы этого падения. Но объявить ему войну — это стыд! Интервенция — позор! Они продолжали повторять, что для них совершенно безразлично, как русские разрешают свои внутренние дела. Они желали оставаться беспристрастными и наносили удар за ударом. Одновременно с этим они вели переговоры и делали попытки завести торговые сношения...»¹

В тех условиях, в которых оказался Бахметев, он, по-видимому, сделал все, что мог. В связи с очередным изъятием недовольства деятельностью посла деникинским окружением, Бахметев телеграфировал Сазонову и в ставку Колчака: «Недоумеваю по поводу выступления Екатеринодара. Все, что можно, для снабжения Юга посольством делалось. Кроме "Иртыша" и "Владимира", отправленных Новороссийск сапогами, снарядами, железнодорожными материалами, удалось устроить 3-й пароход с отправкой начале сентября. Жалобы на распоряжение деньгами неосновательны... Недоразумение вызвано неправильным представлением об имеющихся у нас средствах, которые в результате отправки России 16 пароходов пришли концу и без новых займов их не хватит даже на содержание посольства сентябрьской трети»². Похоже, Бахметева считали противником белого движения не столько потому, что он не снабжал его средствами, сколько потому, что руководители белых ждали и хотели получать от него все больше и больше.

После поражения Деникина Бахметев утратил веру в возможность низвержения большевизма путем «военных движений». Он больше не настаивает на признании какого-либо из антибольшевистских правительств. Его главной дипломатической задачей становится предотвращение признания большевистского правительства Соединенными Штатами; кроме того, посол стремился «организовать» публичное провозглашение принципов американской по-

¹ Там же.

² Б.А.Бахметев — Министру, 25 августа 1919, копия в Омск // НИА. Russia. Posol'stvo (France). 1—15. В связи с упорными обвинениями Бахметева в растрате казенных средств или по крайней мере нецелесообразном их использовании, Сазонов передал по телеграфу 21 октября 1919 г. в Омск и Таганрог, где в то время находилась ставка Деникина, донесение генерала Э.К.Гермониуса, только что вернувшегося из поездки в США: «Бахметев и Угет неустанно работают по вопросам снабжения. Что касается приписываемых им злоупотреблений в расходовании имущества, перешедшего от Заготовительной комиссии, то основываясь на письме старшего ревизора и на личном знакомстве с отчетностью, отрицаю их. Полагаю, что вероятный источник неблагоприятных слухов — бывшие члены Заготовительной комиссии, отставленные от службы за сокращением штатов» // Там же. 3—1.

литики в отношении России. Разумеется, речь шла о политике непризнания большевиков. Это было особенно важно в связи с очевидным намерением британского премьера Д.Ллойд Джорджа нормализовать отношения с Советами.

Тем временем в Госдепартаменте произошли кадровые изменения, заставившие Бахметева поначалу поволноваться. Однако смена Лансинга и Полка на Бейнбриджа Колби и Нормана Дэвиса не привела к перемене политики в отношении России, более того, «русская политика» стала, с точки зрения Бахметева, «еще лучше». Бахметев «ходатайствовал» перед Госдепартаментом о провозглашении принципов американской политики в «русском вопросе». Он не добивался встречи непосредственно с Колби, поскольку считал неудобным для посла просить гос. секретаря написать нечто от имени американского правительства. Бахметев по большей части обрабатывал своего друга (насколько слово «дружба» уместна для характеристики взаимоотношений дипломатов различных стран) помощника гос. секретаря Б.Лонга. Бахметев обращался к Лонгу столь часто и настойчиво, что тот при появлении посла в его офисе неизменно восклицал: «Привет, мистер Декларация!»

В конце концов настойчивость Бахметева принесла плоды. Нота была подготовлена. Писал ее Джон Спарго, известный публицист, в прошлом социалист, пересмотревший свои взгляды и ставший примерным христианином. Спарго интересовался русскими проблемами и опубликовал по ним несколько брошюр и статей. Он был другом Бахметева и вообще посольства. Когда Бахметев употреблял слово «друг» в отношении Спарго, это была не просто формула вежливости. В архиве Бахметева хранятся три коробки их личной переписки. Позднее, в 1924 или 1925 году Бахметев был крестным отцом сына Спарго, Джека. Мальчику было в то время уже 11 или 12 лет, но он не был в свое время крещен, поскольку его отец и мать были тогда воинствующими атеистами. Вряд ли можно сомневаться, что Бахметев приложил руку к подготовке ноты. Если сравнить ее текст с идеями, высказывавшимися послом в личной переписке, совпадения не могут не броситься в глаза.

Поводом для ноты послужил достаточно формальный вопрос итальянского посла от 20 июля 1920 года об отношении Америки к России. В ответ посол неожиданно получил целую «диссертацию в 10 или 20 страниц». Бахметев особо выделял в ноте два момента. Во-первых, четкое разделение людей, народа, с одной стороны, и Советского правительства, с другой. Первым выражалось сочувствие и обещалась поддержка; декларировался отказ от установления дипломатических отношений со вторым. Во-вторых, рассматривались польский и другие вопросы. Подчеркивалось, что Польша, воспользовавшись ситуацией для нападения на Россию, вызвала дезориентацию и ложный патриотизм среди русско-

го народа¹. Бахметев считал ноту одним из своих важнейших дипломатических успехов.

* * *

После поражения Деникина между русскими послами в Париже и Вашингтоне намечаются определенные разногласия. Бахметев считал, что ставка на военные движения бита и что следует прежде всего противопоставить большевизму программу национально-демократического возрождения страны, на основе которой консолидировать новую, «крестьянско-купеческую» Россию. Маклаков же заговорил о необходимости пристальнее взглянуть в те процессы, которые происходят внутри «большевизии», и, возможно, сделать ставку на перерождение большевизма изнутри, опираясь на примкнувших к нему, на оппортунистов и «соглашателей». Более того, он был готов делать ставку и на «умеряющие» элементы в большевистском руководстве, к которым эмигранты относились чаще всего Л.Б.Красина, а то и, попеременно, В.И.Ленина или Л.Д.Троцкого.

Эти рассуждения носили не только умозрительный или даже историсофский (опыт Великой Французской революции с ее Термидором в явной или неявной форме экстраполировался на современные события многими современниками) характер. О том же говорили некоторые изредка доносившиеся до Парижа, Лондона или Вашингтона «голоса из России». Так, правый кадет Д.Д.Протопопов в письме от 15 февраля 1919 г., переправленном им в Лондон, и, по-видимому, распространявшемся в кадетских и околокадетских кругах эмиграции, высказывал предположение, что «главную роль в событиях ближайшего будущего сыграют внутренние процессы, которые происходят и будут происходить в России». По его мнению в стране происходил «процесс перерождения тканей». «Жизнь выставляет свои властные требования, — писал Протопопов, — и советской власти придется, как всякой власти, им в конце концов подчиниться. Очень вероятно, что существенные изменения в народном хозяйстве России, а, следовательно, и в политическом строительстве произойдут отчасти еще и при господстве большевизма. Название, вывеска останутся, а товар в лавке будет уже другой. Как часто дерево кажется совершенно здоровым извне, но когда его валит буря, оказывается, что оно совершенно иструхло изнутри. Так может оказаться и с большевизмом... Не нужно забывать, что во всех учреждениях: и военных, и гражданских, и торговых и других, громадное большинство мест уже занимается людьми, принадлежащими к всевозможным другим группам и принужденным работать в их учреждениях

¹ Bakhmeteff V. Oral History Memoir // BAR. V.Bakhmeteff Collection. 38-4. P. 474—475, 478—480.

только из хлеба насущного... Во всевозможных других отраслях советской власти приходится все больше обращаться к опытным специалистам и предоставлять им руководящую роль»¹.

Посланник в Берлине С.Д.Боткин, придерживавшийся, кстати, правых взглядов, сообщал С.Д.Сазонову 10/23 марта 1920 г., что он получил из «довольно хорошо осведомленного источника» сведения о расколе среди главных большевистских руководителей. По сведениям источника, Красин считает, «что при наступившем некотором отрезвлении народа было бы особенно желательно поддержать в нем национальное чувство и направить все силы на воссоздание России в прежних ее пределах до начала войны 1914 года и считает возможным восстановление права частной собственности». В отличие от Красина, Ленин и Троцкий считают вопрос о западных окраинах бывшей Российской империи второстепенным, и придают особое значение образованию фронта для действий против Индии. «Троцкий является, по-видимому, большим сторонником установления мирных сношений с Западной Европой и готов предоставить иностранцам всякие концессии и соглашается даже на восстановление деятельности наших банков». «Сведения эти, — заключал Боткин, — если они только даже частично отвечают действительности, настолько характерны, что я не считал возможным не довести их до сведения Вашего Высокопревосходительства»².

Сформулированная Маклаковым альтернатива — или драться, или мириться с большевиками — «мириться», разумеется, для того, чтобы их «переродить» изнутри — вызвала крайне отрицательную реакцию Бахметева. «Примирение» с большевизмом в любой форме он считал невозможным; жизнь возьмет свое, полагал посол в Вашингтоне, большевизм будет изжит; надо быть к этому готовым, надо иметь программу возрождения страны, привлекательную для большинства ее населения. «Военщина» же не только казалась ему неспособной справиться с большевиками, но сама по себе вызвала опасения.

Тональность, настрой писем Бахметева и Маклакова 1920-го года весьма отличны. Бахметев, несмотря на то, что предпринимал необходимые шаги по поддержке последних военных очагов сопротивления белых, явно не верил в успех их дела. Более того, он опасался иностранного вмешательства, на которое многие продолжали уповать; Бахметев считал, что оно может не только сокрушить большевизм, но и нанести ущерб национальным интересам России. В этом был один из пунктов его расхождений с Маклаковым, который полагал, что Врангелю необходимо координировать свои действия с поляками; в долгосрочной перспективе он

¹ Civil War // BAR. В. Bakhmeteff Collection. Box 47.

² С.Д.Боткин — С.Д.Сазонову, 23 октября 1920 // НИА. Russia. Posol'stvo (France). 2—17.

не усматривал серьезной опасности во временном союзе с Польшей.

Кажется несколько странным, что Маклаков увлекся на некоторое время Врангелем; возможно, это случилось потому, что он был последней ставкой. Недолгие успехи Врангеля, то, что ему удалось возродить армию, проявленный им неожиданно для многих реализм, попытки провести аграрную реформу и т.п., его бесспорные качества лидера заставили даже такого скептика, как Маклаков, на какое-то время поверить в чудо и оказать Врангелю всю возможную поддержку. Он сыграл определенную роль в признании Врангеля французским правительством де-факто (главная заслуга, по словам самого Маклакова, принадлежала П.Б.Струве, заведовавшему врангелевским внешнеполитическим ведомством; сам посол, после перенесенной в апреле операции «чуть не околед» и окончательно пришел в себя только в августе). Парадокс заключался в том, что признания не удалось добиться ни Колчаку, ни Деникину, контролировавшим все-таки значительные территории России; фактически было признано правительство, власть которого распространялась лишь на одну Таврическую губернию.

Возможно, расхождения Маклакова с Бахметевым объяснялись в некоторой степени различной «пропиской» двух дипломатов; Париж был ближе к Крыму не только географически — здесь можно было найти реальную дипломатическую и материальную поддержку. Маклакову, занятому проблемой признания врангелевского правительства Францией и многими другими конкретными вопросами, было не до политической философии и составления долгосрочных программ. В его письмах Бахметеву иногда даже проскальзывает раздражение по отношению к своему корреспонденту, стоящему, по мнению Маклакова, «над схваткой».

Однако сам Маклаков после деникинской катастрофы заключил, что «Русская Вандея» кончилась, и его активная поддержка Врангеля, и желание поверить в успех последнего похожи на добровольный самообман. Тем горшшим оказалось впоследствии его разочарование и в деле Врангеля и в нем самом.

После крушения Врангеля оставался второй путь из тех, на которые Маклаков указывал еще в январе 1920 года, под впечатлением поражения Деникина — «мириться» с большевиками, т.е. бороться с ними «изнутри», рассчитывая на разложение режима и на то, что «жизнь», повседневные интересы людей, возьмут свое. Ставка делалась прежде всего на крестьянство, на его собственнические интересы, не совместимые с коммунистическими идеями. Приходилось также признать, что критики Врангеля слева, предрекавшие его скорый конец и заявлявшие, что большевиков может свергнуть только народ — эсеры — оказались правы. Их кредит доверия на Западе сильно вырос; вновь стали

прислушиваться к А.Ф.Керенскому, постоянно критиковавшему белое движение.

В этой обстановке русские либералы левого и центристского толка меняют тактику, «берут курс» на сближение с эсерами, почитая их за выразителей интересов крестьянства и рассчитывая на их связи в России (в значительной степени эфемерные). И в Париже, и в Вашингтоне возникла идея создания чего-то вроде координационного или, скорее, идейного центра, который должен был стать символом демократической антибольшевистской России, провозгласить привлекательные для народа цели борьбы.

Правая же часть эмиграции настаивала на сохранении эвакуированной из Крыма армии Врангеля и продолжении вооруженной борьбы. Бахметев считал, что это лишь «затяжка агонии и прямая помощь большевикам». Для него было «совершенно несомненно, что новый национальный центр должен решительно порвать со всем прошлым; иметь мужество назвать ошибки своими именами и открыто встать на почву представительства и осуществления начал революции марта 1917 года. Идея образования правительства за границей и поддержка армии должны быть брошены»¹.

Аналогичных взглядов придерживался П.Н.Милюков, переехавший к тому времени в Париж из Лондона; Маклаков, после недолгих колебаний, принял активное участие в организации подобного центра; более того, был одним из его инициаторов. Символом демократической России должно было стать Собрание членов Учредительного собрания. На подготовку Собрания и его последующую работу Бахметев перевел 100 тыс. долларов.

Собрание членов Учредительного собрания открылось 8 января 1921 г. в Париже; всего в нем приняло участие 32 бывших депутата; преобладали эсеры — среди их представителей были Е.К.Брешко-Брешковская, А.Ф.Керенский, В.В.Руднев, В.М.Чернов; кадетов представляли также «звезды» первой величины — Милюков, Ф.И.Родичев, А.И.Коновалов, Маклаков (который был избран в Учредительное собрание от Москвы по кадетскому

¹ Б.А.Бахметев — В.А.Маклакову, 2 декабря 1920. Что, впрочем, не помешало Бахметеву уже к середине мая 1921 г. перевести на нужды беженцев Юга, т.е. фактически и на армию Врангеля, 1 млн. 300 тыс. долларов, что составляло львиную долю всех средств, переведенных русскими представителями за границей на эти цели (около 2 млн. долл.). См.: Б.А.Бахметев — М.Н.Гирсу, 14 мая 1921. № 62 // НИА. Russia. Posol'stvo (France). 2—1. «От имени Русской армии и нашего национального дела прошу Вас принять глубокую благодарность за оказанную Вами бесценную помощь армии, — писал Врангель Бахметеву 31 августа 1921 г. — Благодаря Вам, Русская армия, последний оплот антибольшевистских сил, спасена и перевозится в дружественные нам славянские страны». См.: П.Н.Врангель — Б.А.Бахметеву, 31 августа 1921 // ВАР. В. Bakhmeteff Collection. Box 13. Далее следовали традиционные денежные просьбы.

списку в ноябре 1917 г., уже будучи в Париже); был даже один октябрист — А.Ф.Мейендорф¹.

Маклаков принял активное участие в работе Совещания; на одном из заседаний он выступил с докладом о внешней политике. На другом ему было предоставлено слово вне очереди для оглашения приветственной телеграммы Бахметева — подлинного «отца» Совещания: «Твердо надеюсь, — телеграфировал русский посол в Вашингтоне, — что работы Совещания приведут к созданию авторитетного национального органа, который противопоставит большевизму объединение всех подлинно демократических элементов. Уверен, что подобное объединение всех встретит самый живой отклик и сочувствие Америки, которая сохранила неизменную веру в творческие силы русского народа и конечное торжество начал мартовской революции»².

Однако парижская Учредилка, как несколько пренебрежительно в личной переписке называл сообщество своих товарищей по русской Конституанте Маклаков, не оправдала возлагавшихся на нее надежд. Преобладавшие в ней эсеры были совершенно не готовы в угоду предполагаемому перерождению России на буржуазных началах жертвовать основополагающими элементами своей социалистической программы. Предполагаемая способность эсеров влиять на российское крестьянство все больше казалась Маклакову мифом. Парижская Учредилка в итоге, по его мнению, оказалась очередной — причем дорогостоящей — эмигрантской говорильней.

* * *

Еще одна вспышка активности русских дипломатов пришлось на вторую половину 1921 — начало 1922 года, период подготовки и проведения Вашингтонской конференции³, посвященной ограничению морских вооружений и урегулированию отношений на Дальнем Востоке. Бахметев высказал предположение, что союзники, в особенности американцы, должны быть заинтересованы в том, чтобы выслушать мнение по обсуждаемым вопросам объединенной русской делегации. Поскольку на конференции собирались обсуждать проблемы Дальнего Востока, любая дискуссия должна была в той или иной степени касаться проблем Сибири и сохраняющегося там японского присутствия. Бахметев полагал, что союзники должны будут принять во внимание позицию России. Правда, возникал вопрос, о какой России идет речь.

¹ Александров С.А. Лидер российских кадетов П.Н.Милюков в эмиграции. М., 1996. С. 41.

² Последние новости. 1921. 13 января.

³ Конференция проходила с 12 ноября 1921 по 6 февраля 1922 г.

Дискуссии вокруг российского представительства на Вашингтонской конференции напоминают эффект дежа-вю. Вновь встал вопрос о том, кто будет говорить от имени России. Это было тем более важным, что Бахметев рассматривал Вашингтонскую конференцию как еще одну возможность обсудить будущее России. Он хотел, чтобы различные группировки эмигрантов выступили единым фронтом и выработали согласованную программу. Речь шла не только о единой позиции по дальневосточным проблемам. Бахметев рассчитывал, что будет выработана, наконец, программа преобразования России на национально-демократических началах, вокруг которой объединятся антибольшевистские силы, программа, приемлемая и привлекательная также и для западных демократий.

Неблагодарную задачу объединения различных эмигрантских образований — Национального комитета, Земгора, Исполнительной комиссии членов Учредительного собрания, Торгово-промышленного союза, пришлось взять на себя Маклакову. Хотя в конце концов общий документ был выработан и необходимые подписи (после неоднократных отказов, снятия подписей, заявлений о представлении на рассмотрение конференции собственных документов той или иной группой и т.п.) собраны, эта история еще раз продемонстрировала глубину расхождений между эмигрантами. В одну лодку оказалось почти невозможным посадить левых кадетов и эсеров, не говоря уже о более правых группах. Естественно, что большие разногласия вызвал и персональный состав делегации; в итоге отправившиеся за океан как представители совещания членов Учредительного собрания Н.Д.Авксентьев и П.Н.Милюков, и кн. Г.Е.Львов, как представитель Земгора, ввиду абсолютного неприятия их кандидатур правыми кругами были вынуждены заявить, что они находятся в Америке для чтения лекций (Милюков) или по делам своей организации (Земгор), а не как представители объединенной эмиграции.

Однако вся эта буря в стакане воды закончилась ничем. Русские представители на конференцию приглашены не были, а заготовленные для оглашения на конференции требования, соответственно, не были выслушаны. Заветная идея Бахметева — продемонстрировать миру новую, «крестьянско-купеческую» Россию, также осталась не реализованной¹. Слабым утешением могло служить то, что на конференцию не были допущены представители РСФСР, а также марионеточной просоветской Дальневосточной республики.

Бахметев: отставка

После крушения Колчака и Деникина деятельность Бахметева в качестве посла в значительной степени теряла смысл; станови-

¹ См.: Tongour, N. Op. cit. P. 342—347.

лось все более понятным, что попытки свергнуть советскую власть путем «организованного военного действия» провалились и вряд ли можно рассчитывать на возобновление вооруженной борьбы в обозримом будущем в более или менее серьезных масштабах. Не приходилось рассчитывать и на интервенцию, тем более что Бахметев считал, что интервенция, осуществляемая войсками лимитрофов, в особенности Польши, скорее приведет к прямо противоположным результатам — росту патриотизма и укреплению большевиков, которые окажутся в роли защитников отечества от иностранного вторжения. Уже в 1920 году он заговорил об отставке, но тогда Госдепартамент счел ее преждевременной и посоветовал Бахметеву повременить.

Ситуация разительно изменилась два года спустя. Бахметев подвергся атаке со стороны популярного сенатора Уильяма Бора, заинтересовавшегося странным посольством, представляющим несуществующее правительство и существующем явно на американские деньги. Поводом для сенатского разбирательства послужил визит в США атамана Г.М.Семенова, рассчитывавшего получить здесь поддержку для продолжения борьбы с большевиками. Семенов прибыл в Америку в конце марта, а в начале апреля появился в Вашингтоне, где нанес визит в посольство и был принят в Росийском отделе Госдепартамента. Атаман дохвалил Соединенные Штаты за отказ от участия в Генуэзской конференции, где впервые на таком уровне было представлено Советское правительство. Поездка атамана, одного из самых одиозных персонажей Гражданской войны, установившего на контролируемой им территории Восточной Сибири режим кровавого террора, с самого начала вызывала протесты, в особенности со стороны Американского Легиона, напомнившего о плохом отношении восточносибирского диктатора к американским солдатам. Кроме жестокости и личной ответственности за десятки тысяч жертв террористического режима, Семенова обвиняли и в обыкновенной уголовщине. Когда Семенов прибыл в Нью-Йорк, то был арестован по обвинению в том, что нанес ущерб одной из американских компаний (Yoraveta Trading Company), чьи склады и магазины на подконтрольной ему территории были разграблены, в размере 500 тыс. долларов. Хотя Семенов по решению Верховного суда был освобожден, так как доказательства его личной вины были признаны недостаточными, вся эта история вызвала грандиозный скандал и повышенное внимание к российскому посольству в Вашингтоне¹.

¹ Излагаемые здесь и далее сведения, связанные с сенатским расследованием деятельности российского посольства в Вашингтоне, почерпнуты нами в цитированной выше книге (Schuman, F. American Policy Toward Russia. P. 223—229), а также в подборке материалов, находящихся в архиве российского посольства в Вашингтоне // НИА. Russia. Posol'stvo (U.S.). 9—6. Folder Borah, William.

Сенатор Бора обвинил Бахметева в том, что он покрывает убийцу; сенатский комитет по образованию и труду, председателем которого был Бора, заслушал генерала Грейвса, лейтенанта Морроу и других военнослужащих, побывавших в Сибири в составе контингента американских войск. Они нарисовали мрачную картину террора, жертвами которого стали около 100 тыс. человек. Посол в этом случае, бесспорно, оказался виноватым без вины; лично он, как уже упоминалось, терпеть не мог «военщину» и принял Семенова из простой вежливости; тем более, что атаман был принят и в Госдепартаменте. Гораздо серьезнее были обвинения в бесконтрольном расходовании денег американских налогоплательщиков на не предусмотренные законом цели. Эти обвинения имели под собой почву; правда, равную ответственность, наряду с послом, должна была нести в этом случае и американская администрация. Дело, вкратце, сводилось к тому, что предоставленные американским правительством Временному правительству займы и кредиты на военные цели, остались на счетах посольства после Октябрьской революции и были использованы для финансирования белого движения. Существование самого посольства также фактически поддерживалось за счет прямого или опосредованного (продажа имущества, ранее закупленного для военных целей и другой собственности, приобретенной за счет кредитов американского правительства) использования средств, отпущенных давно не существующему Временному правительству. Надо, разумеется, учесть, что расходование средств производилось только с одобрения Министерства финансов и Госдепартамента. Однако, как вполне логично писал Ф.Шуман, окончание интервенции и победа Советского правительства в Гражданской войне положила конец американским поставкам в Россию. «Бахметеву была предоставлена моральная и материальная поддержка для его усилий по разрушению Советского режима. Он потерпел неудачу, и Советское правительство установило бесспорный контроль над народом, чьим послом он намеревался быть. После 1920 года он не представлял ничего, кроме несбывшихся надежд и разбитых мечтаний русских эмигрантов и изгнанников»¹.

Бора потребовал от Бахметева явиться в возглавляемый им сенатский комитет и ответить на вопросы. Посла фактически вызывали на допрос. Гос. секретарь указал, что посол находится вне юрисдикции американских учреждений, включая Конгресс. Одновременно Бахметева вызвали в Госдепартамент, где уведомили, что ситуация становится нетерпимой².

Бахметев съездил в Нью-Йорк, посоветовался со своим адвокатом и 28 апреля сам обратился к гос. секретарю Ч.Хьюзу с письмом об отставке. Бахметев писал, что у него нет признанного

¹ Schuman, F.L. Op. cit. P. 226.

² Bakhmeteff B. Oral History Memoir. P. 536—538.

правительства, к которому он мог бы обратиться с просьбой об отставке. «Однако я полностью готов, если правительство Соединенных Штатов желает этого, уйти в отставку и прекратить исполнение своих официальных функций». Бахметев сообщал также, что будет готов урегулировать все дела по посольству к 30 июня. На этот раз отставка была принята; 29 апреля последовало ответное письмо Хьюза, в котором гос. секретарь соглашался со сроками и предложенной Бахметевым процедурой; ее срок согласовали таким образом, чтобы это не выглядело как уход под давлением¹.

Подготовка к ликвидации посольства шла скрытно, о ней знали лишь два-три человека. Бахметева принял на прощание президент Уоррен Гардинг. На вопрос посла, может ли он вернуться в страну, президент ответил: «Да, конечно». Но теперь Бахметев возвращался в США в другом качестве, и американскую визу он должен был получать в Англии. Бахметев покинул страну 20 июня, за десять дней до формальной отставки, после прощального ланча, который был дан в его честь в Юридическом клубе Нью-Йорка. На ланче присутствовали Фрэнк Полк, Норман Дэвис, Джон Спарго, Оскар Страус и другие известные политические деятели. Поскольку остались неурегулированными многие финансовые вопросы, финансовый агент С.А. Угет продолжил исполнение своих обязанностей, а также принял на себя обязанности поверенного в делах. Деятельность представительства была перенесена в Нью-Йорк, поскольку основные финансовые дела посольства велись там. Предполагалось, что Угет ликвидирует оставшиеся дела в течение двух-трех лет, однако фактически он исполнял обязанности российского представителя вплоть до признания Соединенными Штатами СССР в 1933 году, хотя и не был включен в дипломатический лист².

Бахметев: 1922 — 1951

Во время своего вынужденного турне Бахметев побывал в Англии, Германии и Франции и вернулся в США в октябре того же 1922 года. За четыре месяца отсутствия Бахметева шум вокруг его имени улегся. Тем не менее около года Бахметев был фактически персоной нон-грата. Однако начиная с весны 1923 года, он вновь стал стараться влиять на русскую политику. Теперь это влияние осуществлялось через различные неформальные разговоры, доклады, речи в узком кругу политиков и бизнесменов. Бахметев сохранил обширные знакомства; к его мнению прислушивались.

¹ Resignation // BAR. V. Bakhmeteff Collection. Box 46.

² Bakhmeteff V. Oral History Memoir. P. 539—541.

Особо важными Бахметев считал свои выступления в Политическом институте в Вильямстауне (штат Массачусетс). Институт был создан на средства Бернарда Баруха и некоторых других деятелей. Там собирались летом до 300—400 политиков, юристов, профессоров университетов, интересующихся внешней политикой и достаточно влиятельных. Бахметев, начиная с 1923 года, читал в Вильямстауне лекции, проводил дискуссии за круглым столом¹. Последний раз он выступал в Вильямстауне в 1929 или 1930-м году по поводу ситуации вокруг Китайско-Восточной железной дороги². Кроме того, Бахметев время от времени публиковал аналитические статьи о положении в России³.

Когда в 1933 году Соединенные Штаты признали СССР, Бахметев, по его уверениям, совершенно прекратил свою политическую деятельность, поскольку она потеряла всякий смысл. Он по-прежнему сохранял интерес к международным делам и обсуждал их в кругу друзей и специалистов; но теперь он подходил к этим проблемам как американец, а не как бывший русский. В 1934-м году Бахметев принял американское гражданство. Бывший социал-демократ стал республиканцем и был даже делегатом съезда республиканцев штата Коннектикут.

По возвращении в 1922 году в США Бахметев поселился в Нью-Йорке, где открыл консультационное агентство по вопросам инженерного дела и международных экономических отношений, преимущественно торговли⁴. Однако дело не пошло. Тогда Бахметев переключился на предпринимательство в промышленной области. Вместе с группой компаньонов он приобрел по случаю оборудование небольшой спичечной фабрики. Бахметев и его партнеры основали спичечную компанию (Lion Match Factory) и развер-

¹ См., например, изложение его выступлений в Вильямстауне в *New York Times*. 19 August (A new Russia rising from red wreck / Ex-Ambassador Bakhmeteff, at Williamstown, eloquently voices his belief / Patriotism the new note / Communism a mere passing phase, and peace, not aggression, the people's sole aim) и *New York Times*. 23 August (Three democracies with a common aim / Mr. Bakhmeteff sees America, England and Russia keeping future peace / A world-encircling belt / Last talk at Williamstown of the former Russian envoy predicts his country's recovery). Тезисы, вынесенные в заголовки, свидетельствуют, что бывший посол по-прежнему верил в скорое возрождение России на демократических началах.

² Здесь и далее основные вехи жизни Бахметева в США в качестве частного лица излагаются по его воспоминаниям, уже неоднократно цитировавшихся нами, р. 548—597.

³ *Russia at the cross-roads* // *Foreign Affairs*. Vol. II. № 3. March 1924. P. 421—435; *The nep in eclipse* // *The Slavonic Review*. Vol. III. № 8. December 1924. P. 259—271; *Ten years of Bolshevism* // *Foreign Affairs*. Vol. VI. № 4. 1928. July. P. 587—599.

⁴ См.: *Commercial and Financial World* (New York). Vol. XXV. № 23. 1922. December 16. P. 3.

нули производство. Небольшое поначалу предприятие довольно быстро вошло в число четырех крупнейших спичечных фабрик США. Бахметеву его успех на предпринимательском поприще принес достаточные средства для того, чтобы вернуться к своей прежней профессии инженера.

Бахметев стал профессором Колумбийского университета, где читал лекции по гидравлике, причем был согласен не получать жалованья в обмен на предоставление ему лаборатории для научных экспериментов. Стараниями Бахметева в Колумбийском университете был основан инженерный факультет. Вообще, надо сказать, что бывший посол приложил руку к реформированию инженерного дела в США. Инженерное дело традиционно понималось в Америке как сумма практических навыков, инженерная теория недооценивалась, что ставило США в зависимость от иностранных талантов. Среди них Бахметев называл, между прочим, венгерского еврея Теодора фон Кармана, специалиста в области механики, и своего соученика, инженера-электрика Степана Тимошенко.

В качестве примера сочетания науки и технологии Бахметев указывал на Германию, которой такой подход обеспечил превосходство (по крайней мере, поначалу) в двух мировых войнах. В конце концов Бахметеву удалось доказать необходимость сочетания науки и технологии, выделения инженерной теории в специальную отрасль. Он стал одним из учредителей Инженерного фонда, оказывающего поддержку исследованиям в области инженерного дела; коллеги избрали Бахметева председателем фонда (начал свою работу в 1945 г., был официально признан в 1950-м).

Бахметев вернулся также к исследовательской работе. В 1932 году была издана его книга «Гидравлика открытых каналов»¹, которая выросла из его докторской диссертации. Книга, конечно, не стала бестселлером, но, как с гордостью отмечал Бахметев почти двадцать лет спустя после ее выхода в свет, «понемногу продается до сих пор». В 1936-м были изданы лекции, прочитанные Бахметевым для ученых и инженеров в Принстоне — «Механика турбулентного движения»². Книга выдержала два издания и была переведена на французский. С гордостью и, по-видимому, вполне обоснованно Бахметев говорил, что американские гидравлики считают его своим «деканом». К 70-летию Бахметева вышла книга в его честь, написанная 14 выдающимися американскими учеными-гидравликами.

Говоря о своей научной и преподавательской деятельности, Бахметев выражал надежду, что благодаря ей ему удалось расплатиться с Америкой за ее доброту по отношению к нему. «Я

¹ Hydraulics of open channels. New York and London, 1932.

² The mechanics of turbulent flow. Princeton University Press, 1936. 2-е изд., стереотип., 1941.

должен написать еще по меньшей мере две книги, — говорил он в заключение своего огромного "интервью" Уэнделлу Линку. — Они частично уже написаны — я сказал бы написаны наполовину или на две трети, и в течение нескольких ближайших лет, если я буду жив, я их закончу. Я надеюсь, что с этим все, что я мог сделать для инженерного дела в Америке, будет сделано»¹. Это были последние слова Бахметева, записанные Уэнделлом Линком. 21 июля 1951 года бывший посол скончался недалеко от Нью-Йорка.

Бахметев подчеркнуто дистанцировался от русской эмигрантской политики. Однако это вовсе не означало его ухода от русских дел и интересов. Он стал основателем и директором Гуманитарного фонда и Фонда помощи русским студентам. Бахметев был и главным спонсором Гуманитарного фонда, направляя на его нужды средства, заработанные в «спичечном» бизнесе. Фонд (фактически его делами по большей части занимался М.М.Карпович, готовивший для Бахметева заключения по тем или иным проектам) оказал поддержку для подготовки различных работ Г.В.Вернадскому, Н.В.Валентинову-Вольскому, гр. П.Н.Игнатьеву, А.Ф.Керенскому, Н.О.Лосскому, С.П.Мельгунову, С.Н.Прокоровичу, Г.П.Федотову и др., оказывая помощь в связи с болезнью И.А.Бунину, А.Л.Толстой, финансировал издание нью-йоркского «Нового журнала», заменившего, в известном смысле, парижские «Современные записки», выделял средства русскому детскому дому и русской гимназии в Париже и т.п.² Наконец, на средства Бахметева был основан Архив русской и восточно-европейской истории и культуры в Батлеровской библиотеке Колумбийского университета, среди исследователей более известный как Бахметевский архив. В составе этого архива находятся и личные бумаги бывшего посла, а среди них — переписка с Маклаковым, являющаяся, на наш взгляд, наиболее интересной частью литературного наследия Бахметева.

Маклаков: 1924—1957

В 1924 году, после признания Францией СССР, Маклаков был вынужден покинуть посольский особняк на улице Гренелль. Тогда же он стал председателем Эмигрантского комитета и главой «Офиса» по делам русских беженцев во Франции. Предыстория создания этого своеобразного органа такова: когда после выборов 11 мая 1924 г. во Франции левые получили большинство в парламенте и стало ясно, что Советский Союз будет признан, прави-

¹ Bakhmeteff V. Oral History Memoir. P. 597.

² См. подробнее: Karpovich M. Memoranda concerning grants by the Humanities Fund // BAR. V.Bakhmeteff Collection. Box 14.

тельство, наряду с подготовкой признания советского правительства, должно было решить вопрос о юридическом статусе русских беженцев во Франции. Ведь в одном Париже их было без малого 100 тыс. Предложение беженцев о создании чего-то вроде самоуправляющейся колонии было отвергнуто; французским властям не понравилась идея этого «государства в государстве». Было решено преобразовать бывшие консульства в «Офисы» по делам русских беженцев, а посольство, соответственно, должно было стать центральным «Офисом». Этим органам были приданы осведомительные и контрольные функции. Находились они впоследствии под двойной юрисдикцией — французского Министерства иностранных дел и Лиги Наций. Окончательно были «узаконены» и включены в систему государственных учреждений «офисы» по указу президента Франции 11 января 1930 г. Впрочем, юрисдикция Лиги Наций носила чисто номинальный характер, так как финансировались «офисы» министерством иностранных дел.

Для того, чтобы установить более прочную связь между «Офисами» и русской колонией, было решено избрать Эмигрантский комитет, председателем которого должен был, как предполагалось, стать по должности главой центрального «Офиса». На представительство интересов русских эмигрантов претендовал, однако, также кн. Г.Е.Львов. Но на кандидатуре Маклакова сошлись и левые и правые круги эмиграции; кроме его редкой для российского политика терпимости и репутации первоклассного юриста, сыграл роль авторитет, которым Маклаков пользовался у французских властей. Власти, по-видимому, не скрывали, что хотели бы по-прежнему иметь дело с Маклаковым. Любопытно, как раздираемая противоречиями русская колония нашла вариант представительства, не ущемлявший ни левые, ни правые круги. Было решено разделить все русские организации на две большие группы: одна, объединявшая правых, получила название «Комитет общественных организаций»; о степени атомизации эмигрантского сообщества может свидетельствовать тот факт, что число организаций, вошедших в состав Комитета, превысило сотню; председателем Комитета был избран бывший премьер-министр царского времени В.Н.Коковцов. Левые образовали «Совет общественных организаций»; их было меньше и постоянного председателя у них не было. Крайне правые, во главе с еще одним бывшим премьером — А.Ф.Треповым, в объединение не вошли и остались в Эмигрантском комитете без представителя.

От правых в Эмигрантский комитет было избрано шесть представителей, от левых — трое. Однако, чтобы соблюсти интересы всех, было решено проводить голосование по секторам, причем каждый фланг Эмигрантского комитета имел один голос; один голос имел и Маклаков, ставший по должности председателем Комитета. Большинства и меньшинства сложиться не могло: все решения принимались единогласно. Эта конструкция оказалась вполне способной смягчить эмигрантские разногласия, по крайней

мере сделать так, чтобы политические расхождения не мешали решению повседневных проблем изгнанников. Бывшие консулы, теперь называвшиеся главами «Офисов», по-прежнему подчинялись бывшему послу. До конца жизни, с перерывом на период нацистской оккупации, Маклакову пришлось быть неофициальным главой, а скорее ходатаем по делам русской эмиграции во Франции¹.

Г.В.Адамович приводит забавное замечание Милюкова, когда тот на вечере, посвященном чествованию И.А.Бунина по случаю присуждения ему Нобелевской премии, заметил Маклакова, подсевшего к находившемуся в первом ряду митрополиту Евлогию: «Все как бывало в старину у нас в провинции: на почетных местах — губернатор и архиерей!»² «Парижский губернатор» до конца дней ходил в «присутствие», хлопотал по делам изгнанников; объяснялось это, конечно, не только привязанностью к некому «посту» и жалованью, позволявшему не думать о куске хлеба; всегда конкретно мыслящий, когда дело шло о живых людях, Маклаков понимал, что его имя само по себе действует на французские власти и найти ему замену практически невозможно.

В годы Второй мировой войны Маклаков без колебаний занял патриотическую позицию и начал сближаться с людьми, которые, как и он, желали поражения Германии; многие из них верили в победу Советской России; во всяком случае, все они делали ставку на ее победу. Это тогда вовсе не предreshало отношения к ней; «... помню, — вспоминал впоследствии Маклаков, — я полушутя сказал, что если теперь придет сюда их посол, то я завезу ему карточку; но это была только шутка, на которую так и посмотрели». Шутка оказалась пророческой. Пока же Маклаков считал необходимым зафиксировать на бумаге суждение членов постепенно образовавшейся вокруг него группы о том, что победа СССР для России предпочтительнее победы Германии и что эмигранты должны Советской России в этом содействовать, несколько не меняя своего отношения к советской власти. Маклаковым эти рассуждения были оформлены в семи пунктах³.

28 апреля 1942 года Маклаков был арестован; освобожден он был в июле того же года⁴. Кстати, бумага с семью тезисами Маклакова осталась лежать в шкафу. На следующий день после арес-

¹ В.А.Маклаков — М.Д.Врангель, 5 декабря 1931 // НИА. М.Vrang-el Collection. 19—25.

² Адамович Г.В. Василий Алексеевич Маклаков: Политик, юрист, человек. Париж, 1959. С. 220.

³ В.А.Маклаков — М.А.Алданову, 25 мая 1945 // НИА. V.Mak-lakov Collection. 2—12.

⁴ Седых А. Загадка В.А.Маклакова // Новое русское слово. 1945. 18 марта.

та кто-то из его окружения, знавший об их существовании, отыскал и уничтожил листок¹.

В тюрьме Маклаков начал обдумывать книгу о Второй думе. Впоследствии он писал М.А.Алданову, что эта книга — его слабая, и он ей очень дорожит. «Я ее сочинял, т.е. обдумывал, когда сидел в тюрьме и не знал, выйду ли оттуда живым. Было много времени думать, было полезно сосредоточивать мысль, чтобы чем-нибудь ее занимать, и, наконец, в этих условиях мысль работает честнее»².

Главной причиной ареста Маклакова было стремление нацистов пресечь его деятельность в качестве главы Эмигрантского комитета. По-видимому, свою роль сыграли всем известные либерализм и российский патриотизм Маклакова. Кроме того, он требовал от эмигрантов соблюдения лояльности Франции, которая давала им приют на протяжении двух десятилетий. Лояльности в отношении Франции, разумеется, не той, которая, коллаборировала с нацистами, он, по словам Г.В.Адамовича, требовал категорически и резко разрывал с людьми, которые были по его мнению в этом смысле не на высоте, — особенно, если это были люди известные, просвещенные, а не сбитые с толку эмигранты. В те времена такие разрывы, — публичные, у всех на виду, доходившие до отказа подать руку, — бывали далеко не безопасны, но Маклакова это не останавливало³.

Нацисты и их русские прислужники хотели продемонстрировать, кто есть кто и подчеркнуть, что недавний председатель Эмигрантского комитета в глазах новых властей фигура подозрительная и что эмигрантская иерархия изменилась окончательно. После освобождения нацисты взяли у Маклакова подписку, что он прекратит выполнять функции главы Эмигрантского комитета, а также не будет заниматься какой-либо политической деятельностью⁴. Ему предписали уехать на несколько месяцев из Парижа. Маклаков провел их в деревне у Б.Э.Нольде; здесь он написал обдуманную в тюрьме книгу о Второй думе⁵.

Вряд ли сопротивление Маклакова и его группы нацистам и их пособникам выходило за пределы идейного противостояния.

¹ В.А.Маклаков — М.А.Алданову, 25 мая 1945.

² В.А.Маклаков — М.А.Алданову, 30 января 1946 // НИА. V. Maklakov Collection. 2 — 13.

³ Адамович Г.В. Указ. соч. С. 222.

⁴ Из письма посла СССР во Франции А.Е.Богомолова заместителю народного комиссара иностранных дел СССР В.Г.Деканозову, 4 апреля 1945 // Чему свидетели мы были...: Переписка бывших царских дипломатов 1934—1940: Сборник документов в двух книгах. Кн. 2. М., 1998. С. 582.

⁵ В.А.Маклаков — М.А.Алданову, 30 января 1946 // НИА. V. Maklakov Collection. 2 — 13.

Ему ведь было уже за семьдесят и он почти ничего не слышал. Но, во всяком случае, после освобождения Маклакова из тюрьмы он и его единомышленники связались с силами Сопротивления и, вероятно, оказывали его участникам определенное содействие. Но главным их делом, несомненно, была антинацистская пропаганда в эмигрантской среде. По свидетельству П.А.Берлина, они делали все, что от них зависит, чтобы противодействовать прогитлеровским настроениям в среде русской эмиграции и оказывать поддержку жертвам немецких преследований. С двумя членами группы, А.С.Альпериным и И.А.Кривошеиным, Берлин был связан по общей работе укрывательства евреев¹. Деятельность группы не осталась незамеченной. Один из ее членов, И.А.Кривошеин, сын бывшего царского министра и главы врангелевского правительства А.В.Кривошеина, был арестован. Маклаков значился в списке подлежащих увозу в Германию в случае приближения войск союзников. Однако наступление союзников было столь стремительным, что до престарелого либерала руки у нацистов не дошли².

После освобождения Франции от нацистских оккупантов произошел эпизод, взбудораживший всю эмиграцию: 12 февраля 1945 г. Маклаков во главе группы своих единомышленников нанес визит в советское посольство; целью визита было, кроме поздравлений по случаю побед советских войск, наладить контакты для возможного «сближения с Советской Россией». В печати и частных письмах друзья и недруги по-разному оценивали это «падение» Маклакова и его последствия.

М.В.Вишняк писал 10 августа 1945 года Б.И.Николаевскому, что «ДО визита Маклакова... русская эмиграция, плохо ли, хорошо, существовала и делала свое дело, а теперь ЕЕ НЕ СУЩЕСТВУЕТ! Существуют отдельные эмигранты или небольшие кучки — "тройки" и "десятки", — которые талдычат по-прежнему и которых, может быть, и уважают, но не слушают»³. Симптоматично, что столь резкие мысли высказывали в основном эмигранты, находившиеся в годы войны в США, что, конечно, ни в какой степени не может служить им укором, и не пережившие нацистской оккупации.

История «визита», как и вообще взаимоотношений эмиграции и советской власти в послевоенный период, заслуживает серьезного изучения. Понять происшедшее можно только на основании анализа архивных материалов, хранящихся в Гуверовском институте. Не имея возможности подробно рассматривать этот сюжет в рамках предисловия, отмечу, что дело было не только в непосред-

¹ П.А.Берлин — М.А.Вишняку, 6. числа. 1945 // НИА. М. Vishniak Collection. Box I-D.

² В.А.Маклаков — М.А.Алданову, 25 мая 1945.

³ НИА. В. Nicolaevsky Collection. 506—35. М.В.Вишняк — Б.И.Николаевскому, 1945. 10 августа.

ственной реакции людей, всей душой ненавидевших нацизм и гордых тем, что их страна, кто бы в ней ни правил, сыграла столь большую роль в разгроме гитлеровской Германии.

Маклаков в личной переписке еще с начала 1920-х годов неоднократно высказывал мысль, что он не хотел бы свержения большевизма революционным путем; менее всего ему была свойственна «готтентотская» мораль и его неприятие революции распространялось и на неприятие революции антибольшевистской. Ведь так или иначе она должна была привести к новым страданиям людей, новому удару по России. Он делал ставку на разложение, на эволюцию большевизма. Казалось, что война послужит началом осознания коммунистической властью ее национальных задач; казалось, что режим изменится; казалось, что победоносная армия будет той силой, которая обуздает кремлевских властителей.

Отмечу, что подобные надежды были свойственны не только эмигрантам; более знающие советские люди тоже ведь рассчитывали на либерализацию режима после войны. Как известно, Сталин поспешил опустить железный занавес между подвластными ему народами и свободным миром и ужесточить репрессии; но в феврале 1945-го направление дальнейшей эволюции режима было еще неясно. И участники «группы Маклакова» надеялись, что их визит, возможно, станет шагом к национальному примирению.

Очень быстро Маклаков понял, что ошибся. Уже в мае 1945 года он опубликовал статью «Советская власть и эмиграция»¹, в которой выставил свое традиционное и основополагающее требование: соблюдение прав человека, защиту личности, без которой невозможно никакое сближение с правящим в СССР режимом. Разумеется, после этой статьи в посольстве к нему охладели; политические и личные друзья Маклакова посчитали инцидент исчерпанным, хотя переписка между ними по этому поводу могла бы составить целую книгу.

Насколько Маклакову была чужда «готтентотская» мораль, свидетельствует любопытный обмен письмами между ним и Марком Алдановым по поводу Нюрнбергского процесса. Маклаков считал, что победители не должны судить побежденных; объективности здесь быть не может. Нельзя их также судить по специально созданным для этого случая законам. Менее всего Маклакова можно было заподозрить в сочувствии к нацистам; но его «правовое чувство» протестовало против происходящего. Алданов ответил в том смысле, что его друг, конечно, прав, но главарей нацистов все равно следует повесить.

Кажется почти невероятным, что Маклаков до глубокой старости сохранял не только ясный ум, но и блестящую память и даже ораторский дар. И это при том, что он почти ничего не слы-

¹ Русские новости. Париж. 1945. № 2. 25 мая.

шал; тогдашние слуховые аппараты мало чем помогали. Валентинов-Вольский рассуждал в письме к Николаевскому, после одного из эмигрантских собраний, на котором выступал А.Ф.Керенский, об угасании со временем ораторских способностей. Кроме Керенского, он приводил в подтверждение своих слов примеры Л.Д.Троцкого и Г.В.Плеханова. «Кажется, только один Маклаков сохранил даже в 80 лет ораторский талант»¹. Последняя книга Маклакова, «Из воспоминаний», вышла в 1954-м, в год его 85-летия.

Но время брало свое. Подкосила Маклакова смерть сестры, Марии Алексеевны; она заботилась о брате, закоренелом холостяке, почти всю эмигрантскую жизнь, будучи и домоправительницей, и секретаршей. Умер Маклаков 15 июля 1957 года в Швейцарии, в Бадене, близ Цюриха, куда он поехал лечиться. При его кончине присутствовал племянник, Юрий Николаевич Маклаков, срочно вызванный к умирающему.

По свидетельству Георгия Адамовича, «смерть Маклакова сильнее взволновала всех знавших его, и даже больше, вызвала [чувство] какой-то безотчетной растерянности, чем на первый взгляд было бы естественно. Василий Алексеевич был очень стар, смерть его ни в коем случае не могла быть причислена к неожиданностям. Но по-видимому он был нужен людям, и его присутствие ощущалось как гарантия некой преемственности, как залог того, что прежняя Россия, — лучшее, что было в прежней России, — продолжается. С его смертью что-то оборвалось...»²

* * *

Идеей фикс Маклакова в годы эмиграции было уяснить — для себя и для истории, как и почему с Россией случилось то, что случилось? Где и когда свернула она на путь, ведущий к катастрофе? И, разумеется, кто виноват в том, что произошло?

Об этом, по сути, большинство его публикаций эмигрантского периода; первый серьезный подход к теме он предпринял 10 лет спустя после революции, в предисловии, на французском языке, к публикации извлечений из протоколов Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства по расследованию преступлений деятелей прежнего режима. Уже эта публикация вызвала бурную и противоречивую реакцию на страницах эмигрантской печати.

Вскоре один из редакторов «Современных записок» И.И.Бунаков-Фондаминский «соблазнил» Маклакова «изложить свое понимание нашего (к.-д.) партийного прошлого». С 1929-го года

¹ НИА. В.Nicolaevsky Collection. 507—16. Н.В.Вольский — Б.И.Николаевскому, 28 октября 1949.

² Адамович Г.В. Указ. соч. С. 238.

журнал начал публиковать воспоминания Маклакова под названием «Из прошлого». Публикация растянулась на несколько лет и завершилась в 1936 году. Собственно, это были не совсем воспоминания. Недалек от истины был постоянный критик Маклакова М.В.Вишняк, характеризовавший его текст как «феноменологию» правого крыла кадетской партии — историософию предреволюционных событий с точки зрения правого кадета¹.

Из этой публикации выросли три книги Маклакова — «Власть и общественность на закате старой России» (Париж, 1936. Т. 1—3), «Первая Государственная Дума» (Париж, 1939) и «Вторая Государственная Дума» (Париж, 1946 или 1947). Полагаю, что эти книги являются наиболее полным и скрупулезным изложением истории двух первых Государственных Дум; разумеется, их история изложена под определенным углом зрения.

Остановлюсь только на некоторых принципиальных моментах и на отношении к взглядам Маклакова на русское прошлое его современников и нередко — «персонажей» его книг и статей. Ответственность за происшедшую катастрофу Маклаков в значительной степени возлагал на левых либералов, т.е., на собственную партию; особенно досталось лидеру партии Милюкову и некоторым другим «доктринерам»; им вменялось в вину стремление использовать в своих целях революционное движение; не снимал он ответственности и с себя. В его изображении, в особенности в книге о Второй Думе, П.А.Столыпин нередко выглядел большим конституционалистом и либералом, нежели товарищи Маклакова по партии.

Суть обвинений Маклакова в отношении политики кадетов в 1905—1907 гг. М.М.Карпович в своей известной статье свел к шести основным пунктам:

1. Максимализм программных требований партии, в особенности созыв Учредительного Собрания, что не могло быть осуществлено без полной капитуляции царского правительства.

2. Бескомпромиссное отношение партии к Витте и Столыпину, которые — по Маклакову — могли и должны были быть использованы как союзники, а не отброшены как враги.

3. Безоговорочное отрицание лидерами партии самой идеи участия кадетов в правительствах Витте и Столыпина.

4. Тенденция партии использовать Государственную Думу не для конструктивной законодательной работы, а как трибуну противоправительственной агитации.

5. Догматические требования немедленного пересмотра Основных Законов, имея в виду всеобщее избирательное право, ограничение компетенции Государственного Совета и ответственность министров.

¹ Вишняк М.В. «Современные записки»: Воспоминания редактора. СПб.; Дюссельдорф. С. 193—196.

6. Наконец, опубликование Выборгского воззвания было мерой явно революционного характера, так как и роспуск Государственной Думы и назначение новых выборов не противоречили конституции¹.

Статьи и книги Маклакова, в которых тотальной критике подвергся радикализм тактики русских либералов, подверглись столь же тотальной критике со стороны Милюкова, откликнувшегося на маклаковские публикации на страницах «Последних новостей» и тех же «Современных записок»². Милюков в свою очередь обвинил Маклакова в доктринерстве; его схема представлялась лидеру кадетов умозрительной и не учитывающей конкретно-исторических обстоятельств. Политика — это искусство возможного; договориться с конкретными царскими министрами не смогли не только кадеты, но и гораздо более умеренные граф П.А.Гейден и Д.Н.Шипов; войти тогда в правительство означало политическую смерть. Подробно были разобраны и отвергнуты и другие обвинения Маклакова.

Большинство читателей — и последующих историков — по-видимому, склонялось на сторону Милюкова; к милюковской критике, с еще более левых позиций присоединился один из редакторов «Современных записок» М.В.Вишняк. Любопытно, что оба они обвиняли Маклакова в чрезмерно правовом подходе к политике. Милюков считал своего оппонента «адвокатом» и в политике; адвокату свойственно видеть правду и другой стороны; политику это противопоказано — он должен быть убежден, или, по крайней мере, убеждать других — только в своей правоте. Вишняк подчеркивал, что для Маклакова «оказалось абсолютном не право вообще, а очень ограниченная и узкая его ветвь — писанный закон царского времени»³.

¹ Карпович М. Два типа русского либерализма: Маклаков и Милюков // Новый журнал. Нью-Йорк. 1960. Кн. 60. С. 273. Впервые статья Карповича была опубликована на английском языке. См.: Karpovich M. Two Types of Russian Liberalism: Maklakov and Miliukov // Continuity and Change in Russian and Soviet Thought. Ed. by Ernest J. Simmons. Cambridge, Mass., 1955.

² См. статьи Милюкова в «Последних новостях»: 1) Политика в «Современных записках», 4 апреля 1929; 2) Политика в «Современных записках», 8 июля 1930; 3) Публицистика в «Современных записках», 16 июля 1931; 4) «Современные записки», кн. 56, 22 ноября 1934; 5) Русские «либералы» и заем 1906 г., 5 марта 1936; 6) В.А.Маклаков между «общественностью» и властью, 28 и 30 мая 1937; 7) В.А.Маклаков о книге проф. Пэрса, 16 июля 1939; в «Современных записках» // Суд над кадетским «либерализмом» (1930. Кн. 41) и Либерализм, радикализм и революция (1935. Кн. 57), а также воспоминания Милюкова, печатавшиеся под названием «Роковые годы» в «Русских записках» (1938—1939. Кн. 4—20/21). О дискуссии Маклакова и Милюкова см. подробнее в нашей статье «Маклаков и Милюков: два взгляда на русский либерализм» в кн.: Русский либерализм: исторические судьбы и перспективы. М., 1999. С. 416—428.

³ Вишняк М.В. Указ. соч. С. 196.

С критиками Маклакова можно во многом согласиться; однако «праота» той или иной стороны зависела в конечном счете от точки зрения на революцию. Для Маклакова она — абсолютное зло; Милюков, конечно, относился к революции отрицательно, но допускал, что ее можно использовать; Вишняк же был хотя и правым, но социалистом-революционером. То же самое относится к праву; изменять правовые нормы необходимо правовым путем, утверждал Маклаков; на этом зиждилось его неприятие Февраля, разорвавшего правовую преемственность с прежней государственностью. Для него, юриста, казалось очевидным, что даже провинциальные судьи, создававшие своими решениями те или иные прецеденты, постепенно изменяли правосознание общества, изменяли правовое поле в рамках существующей государственности.

Сильная сторона его размышлений, столь необычных для деятеля оппозиции — как раз понять правду противоположной стороны. Нельзя сказать, что он не замечал ошибок, недобросовестности и прямых преступлений «исторической» власти. Это отчетливо видно в той же «Второй Думе»; в том, что случилось с Россией, виноваты были все; но отвечать каждому надо было за свою собственную вину. Кадеты, по мнению Маклакова, своей вины не понимали. А вина их, в конечном счете, сводилась к тому, что они пытались осуществить правильные идеалы неправильными методами — и взяли к тому же неверный темп, не сумев понять реальной готовности — точнее, неготовности, народа к либеральным преобразованиям. Правда бюрократов, консерваторов и т.д. заключалась в том, что они лучше знали страну и механизмы управления. Либералы раскачали лодку, будучи уверенными, что справятся с течением — и не сумели удержать руль; выброшенными за борт оказались все.

Кстати, опубликованные тексты Маклакова — лишь верхушка «айсберга»; в его личном собрании в Гуверовском институте из 26 коробок документов 14 составляет переписка; в письмах он был гораздо откровеннее и раскованнее, иногда — справедливее. В письме к М.М.Винаверу, характеризующем взаимоотношения власти и Первой Думы, воспетой его корреспондентом и столь жестоко раскритикованной впоследствии им самим, Маклаков писал: «Неразумная линия прогрессивного общества находила свое и объяснение и оправдание в неискренней политике власти. Обе стороны были неправы. Правительство неправо, когда во всем винит доктринерство и неуступчивость кадетов; это неправда, но будут неправы и кадеты, если они всю вину переложат на власть. Виноват на самом деле тот ров, который к этому времени уже был между властью и страной, то недоверие друг к другу, отсутствие общего языка, которое мешало совместным действиям»¹.

¹ НИА. V.Maklakov. Collection. 15—2. В.А.Маклаков — М.М.Винаверу, 5 февраля 1924. Частично процитировано в статье: Иоффе Г.З., Кулешов С.В. В.А.Маклаков: вместо подчинения одних другим надо искать равновесие // Кентавр. 1993. № 6. С. 67.

Примечательно, что Маклаков критиковал либералов, но почти не затрагивал революционеров, упоминая о них лишь мимоходом, как о «фоне», на котором происходили события. Думаю, что постоянный зоил Маклакова эсер Вишняк правильно уловил причину этого, когда в уже цитированном письме меньшевику Николаевскому писал, что Маклаков «НИКОГДА не был внутренне и политически нам близок. Когда он в течение десятилетий сражался с Милюковым и в левых кадетях видел главную беду России, — нас он расценивал, как такую накипь и зло, которые "ниже ватерлинии", о которых и говорить не стоит — или безумцы или преступники. Именно потому, что он так расценивал "революционную демократию", Маклаков, по мнению Вишняка, столь отрицательно отнесся к режиму Временного правительства, который, все-таки был единственным периодом «ВО ВСЕЙ РУССКОЙ ИСТОРИИ, когда было некое подобие того, что в ИДЕЕ защищает "подлинный" либерал Маклаков»¹.

Вишняк был безусловно прав — Маклаков совершенно не верил в возможность реализации либерально-демократических идей в России 1917 года, ибо Временное правительство пыталось «внедрять» демократию, будто не замечая, что имеет дело не со свободными людьми, сделавшими свободный выбор, а с «взбунтовавшимися рабами». Именно Маклаков подсказал А.Ф.Керенскому высказывание К.С.Аксакова о «взбунтовавшихся рабах» для одной из его громовых речей 1917 года. «Рабы» были не виноваты в своей темноте; виноваты были те, кто эту темноту не замечал; что же было говорить о других, эту темноту сознательно стремившихся использовать? Особенностью Маклакова как политика было то, что он, если идея вступала в противоречие с жизнью, предпочитал соотносить свои действия с реальностью.

Переписка: 1919—1951

Официальная, деловая переписка Маклакова и Бахметева началась уже в ноябре 1917 года. По тону и характеру она почти ничем не отличается от их переписки с другими послами — М.Н.Гирсом, К.Д.Набоковым или И.П.Демидовым. Повторю еще раз, что российские послы в Париже и Вашингтоне на родине никогда не встречались и познакомились в Париже в декабре 1918 года, куда Бахметев прибыл для того, чтобы совместно с другими русскими дипломатами и политическими деятелями отстаивать интересы России во время мирной конференции. Пробыл он здесь более полугода, вернувшись в Америку в июле 1919 года. Во

¹ НИА. В.Nicolaevsky Collection. 506—35. М.В.Вишняк — Б.И.Николаевскому, 10 августа 1945.

время совместной работы, очевидно, и произошло сближение бывшего адвоката с бывшим инженером.

Во всяком случае, первое неофициальное письмо, отправленное Бахметевым Маклакову за океан в августе 1919 года, написано в совершенно иной манере, чем его прежние послания; оно явно адресовано другу и единомышленнику, которому можно доверить самые сокровенные размышления. Так началась переписка, продолжавшаяся, с перерывами, почти 33 года; последнее сохранившееся письмо — Бахметева Маклакову — датировано 26 февраля 1951 года.

Переписка сохранилась практически полностью в архиве Гуверовского института Стэнфордского университета, где находятся оригиналы писем Бахметева и машинописные отпуски писем Маклакова; в Бахметевском архиве Колумбийского университета, соответственно, хранятся оригиналы писем Маклакова и машинописные отпуски писем Бахметева. В основу данной публикации положены тексты, находящиеся в архиве Гуверовского института в личном фонде Маклакова (переписка с Бахметевым хранится в коробках 3—5 и 6, папки 1—6). Коллекция, находящаяся здесь, полнее — она включает рукописные письма Бахметева, которые он отправлял своему парижскому корреспонденту в августе—сентябре 1919 года, когда еще не работала стенографистка и не было «русской техники», т.е. пишущую машинку с кириллицей во время его поездок в Европу в начале 1920-х годов, и не менее 25 писем второй половины 1930 — начала 1950-х годов, когда «русскую технику» Бахметев уже «ликвидировал». В то же время в Бахметевском архиве находятся два довольно интересных рукописных письма Маклакова, относящихся, по-видимому, к концу апреля — началу мая 1921 г., «расшифрованных» и перепечатанных в посольстве; недостающие в экземпляре, находящемся в Гуверовском архиве, страницы письма Маклакова от 14 мая 1921 г.

Всего, по нашим подсчетам, сохранилось 278 писем (136 — Маклакова и 146 — Бахметева), общий их объем составляет около 2700 листов. Кроме того, сохранилось несколько фрагментов — отдельные рукописные и машинописные страницы. По-видимому, до нас «не дошло» лишь несколько писем и, судя по всему, они были невелики по объему. Несмотря на количественное преобладание писем Бахметева, по объему письма Маклакова гораздо весомее — около 1700 листов; Бахметева, соответственно, около 1000. Письма неравномерны по объему: от коротких записок на одной-двух страничках (характерных в основном для периода 1945—1951 годов) до настоящих «трактатов», превышающих 20, 30, а иногда и 70 страниц машинописного текста.

«Пик» переписки приходится на 1919—1924 годы; 1919, август—декабрь (8 писем, 70 листов); 1920 (23, 333); 1921 (38, 592); 1922 (46, 505); 1923 (42, 500); 1924 (23, 164); затем интенсивность переписки снижается, она уже не носит регулярного характера, заметно оживившись лишь в 1927 году; 1925 (5, 50);

1926 (4, 30); 1927 (14, 193); 1928 (6, 73); 1929 (12, 68); 1930 (7, 45). В 1930-х — начале 1950-х годов она принимает эпизодический характер, прервавшись, по понятным причинам, в 1940—1944 годах, в период Второй мировой войны.

Переписка, на наш взгляд, является уникальным историко-литературным памятником, позволяющим не только по-новому взглянуть на многие аспекты истории России и международных отношений первой трети двадцатого века; это не только первоклассный исторический источник — это настоящий «интеллектуальный роман»; размышления Маклакова и Бахметева об особенностях исторического пути России, о способах выхода из исторического тупика, в котором она оказалась, звучат свежо и современно и могли бы добавить немало перцу в нынешние дискуссии о путях построения новой России. Столь же любопытны размышления и споры корреспондентов о принципах межгосударственных отношений в двадцатом веке; о демократии, ее достоинствах и проблемах; об этатизме, правах личности и государства; о принципах сосуществования народностей в многонациональном государстве и о многом другом.

Среди наиболее, на мой взгляд, интересных тем и сюжетов, затронутых в переписке, я бы выделил следующие: антибольшевистское движение, его состояние и перспективы на различных этапах и в различных регионах; здесь, бесспорно, выделяются подробные письма-отчеты Маклакова после его поездок в Россию, на Дон, к Деникину, в 1919 году, и в Крым, к Врангелю, в 1920-м; «внутренняя» история русской «дипломатии в изгнании»; взаимоотношения между различными эмигрантскими группами и организациями; очень любопытны исторические сюжеты, время от времени возникающие в переписке: так, однажды Маклаков написал по просьбе Бахметева, собиравшегося использовать этот материал для своих лекций в Вильмстауне, небольшое эссе о крестьянском вопросе в России, в другой раз по просьбе своего постоянного корреспондента поделился воспоминаниями о корниловском деле. Несомненный интерес представляют также размышления послов о внутренней и внешней политике стран их пребывания — Франции и США, о международном положении в 1920-х годах в Европе, на Среднем и Дальнем Востоке, о германской проблеме, о различных международных конференциях и рассмотрении на них «русского вопроса». Конечно, в центре внимания корреспондентов — Россия и события, которые в ней происходят, пути преодоления большевизма.

Подробный анализ даже основных сюжетов и линий переписки требует, очевидно, самостоятельного и обширного исследования. Остановлюсь лишь на некоторых моментах.

Многие письма Бахметева объединены одной общей идеей — для того, чтобы найти выход из того тупика, в котором оказалась Россия, надо четко представлять, к чему, собственно, стремится страна. Надо определиться, кто же такие «мы» (письмо Маклако-

ву от 11 мая 1920 г.), кого «мы» представляем, что можем противопоставить большевизму и предложить народам, населяющим бывшую Российскую империю.

Бахметев раньше многих других понял, что попытка «силою военного размаха» сбить большевиков не удалась и уже в январе 1920 г. пришел к выводу, что «верить в повторение неудавшегося рецепта наивно и бесполезно». Трагичность положения, по мнению Бахметева, заключалась в отсутствии «субъекта национально-го движения». В этой ситуации он считал первоочередной задачей выработку программы, которая могла бы стать платформой «национально-демократического возрождения России». Нужно решительно отказаться от какой-либо реставрации; недоговоренность «непредрешенчества», лежавшего в основе программ белых, должна быть снята.

Придя к выводу, что главная причина неудачи антибольшевистских движений — отсутствие идеологии, которую можно было бы противопоставить большевистской пропаганде, Бахметев уже в январе 1920 г. набросал основы программы, которая наметила бы «разрешение аграрного вопроса, вопроса о национальностях и децентрализации»¹. Записка, в которой более подробно были изложены основные положения новой идеологии, была составлена им в сентябре 1922 г., хотя вполне возможно, что ее наброски распространялись им и ранее². Возможно также, что в ее составлении участвовал Маклаков или, во всяком случае, некоторые фрагменты его писем были использованы Бахметевым.

Собственность, народоправство, демократизм, децентрализация и патриотизм — вот идеи, «около которых уже выкристаллизовывается мировоззрение будущей национальной России», — считал русский посол в Вашингтоне. Основой экономической жизни, полагал он, будет «частная инициатива, энергия и капитал. К покровительству им, к охране их приспособится весь пра-

¹ См. письмо Бахметева Маклакову от 19 января 1920 г. — В поисках новой России (Письма Б.А.Бахметева и В.А.Маклакова) / Публ. О.В.Будницкого // Отечественная история. 1997. № 1. С. 136—139.

² Так, в письме П.Н.Милукову от 30 марта 1921 г. Бахметев изложил в сжатом виде примерно те же идеи, которые позднее более подробно развил в «Записке» (название дано публикатором). См. л. 5—9 упомянутого письма Бахметева — ВАР. Р.Милиukov Collection. Вох 1. «Записка» была атрибутирована и опубликована (Отечественная история. 1997. № 4. С. 167—173) по неподписанному и недатированному тексту, находящемуся среди бумаг В.А.Маклакова в архиве Гуверовского института (НИА. V.Maklakov Collection. 15 — 8). «Записка» была датирована нами первой половиной — серединой 1921 г. Позднее нами в личном фонде Б.А.Бахметева в Бахметевском архиве Колумбийского университета была обнаружена копия «Записки», с обозначенной им датой — сентябрь 1922 г.

вой и государственный аппарат; в помощи частной инициативе будет заключаться главная функция правительства»¹.

Проблемы идеологии для новой России волновали Бахметева и позднее; в 1928-м году он считал необходимым обсудить такие «животрепещущие» вопросы, «как сущность государства, взаимоотношение власти и правительства, существо национального бытия и проч.» «Вопросы эти я называю животрепещущими, — писал он, — потому что нам, русским, нужно не только сжигать старые пни и обрубать сухие ветки, но нужно выучиться как-то чувствовать и мыслить в связи с нашим будущим»².

Несомненно, что на Бахметева заметное влияние оказала американская система ценностей и американский образ жизни; точнее, несколько идеализированные представления о нем. Обозначив в одном из писем новую Россию как Россию буржуазную и ее новую идеологию как буржуазное самосознание, Бахметев подчеркнул, что имеет в виду американский вариант капитализма. Бахметев ссылаясь на разговоры с Гербертом Гувером, который как-то раз сказал ему, что капитализм европейский и американский — две совершенно различные вещи, что в Америке нет того капитализма, который описан Марксом и что если в основе капитализма европейского лежит идея эксплуатации, то в основе американского — идея «equal opportunities», равных возможностей.

Отсутствие жестких социальных перегородок внутри общества, возможность перемещения «по вертикали», придает обществу стабильность. На человека, достигшего успеха, смотрят не с завистью, а с одобрением. Отсюда — отсутствие классовой ненависти, породившей социализм. По наблюдениям Бахметева, в американском обществе «господствующим стимулом является соревнование. Государство, как таковое, есть собственность народа, есть коллективный организм, охраняющий его свободу и «равенство возможностей». В своей государственности американцы видят установление, охраняющее эту свободу, и потому господствующей психологией является не нигилизм, а лояльность государственному строю, преданность и готовность защищать установления, представляющие каждому стремиться и получать плоды своих стремлений». Наблюдения над американской жизнью привели Бахметева к выводу, что возможен «прочный политический и социальный строй, основанный на действительном народовластии, и что власть народа не противоречит прочному консервативному социальному укладу»³.

¹ Отечественная история. 1997. № 4. С. 170. См. подробнее: Будницкий О.В. Идеология для новой России // Роль ученых в построении гражданского общества. USIA, 1997. С. 181—188.

² Б.А.Бахметев — В.А.Маклакову, 16 августа 1928 // НИА. V.Маклаков Collection. 5—14.

³ Б.А.Бахметев — В.А.Маклакову, 23 марта 1922 // НИА. V.Маклаков Collection. 4—4.

Бахметев усматривал сходство между Россией и Америкой, хотя бы в необъятных просторах; он мечтал о будущем сотрудничестве двух держав. В письме к Г.Е.Львову в июне 1921 г. он вспоминал об одной из бесед в Париже с А.Ф.Керенским. Бывший премьер поразил его замечанием, что «русские либералы и империалисты не понимают тех огромных международных возможностей, которые таит в себе идея сильной демократической России». «Я отдал дань политической прозорливости А.Ф., — писал Бахметев, — тем более, что никто другой, за все время моего пребывания в Париже, даже не приближался к подобному пониманию. В этих словах отразилась та же самая концепция, которая руководила здесь нами во всей нашей деятельности. Это то, о чем я так много беседовал лично с Вами; я продолжаю верить, что демократическая державность будет основой наших взаимоотношений с Америкой и что наше сотрудничество будет господствующим фактором будущих международных отношений»¹.

Несмотря на свой «американизм» Бахметев был искренним русским патриотом, националистом (разумеется, его национализм был не «расовым» или этническим, а государственным) и «державником». Как ни парадоксально, под пленкой западничества отчетливо вырисовывался славянофил. Точнее, западничество и славянофильство составляли у Бахметева своеобразную амальгаму, как, впрочем, и у Маклакова. В этом отношении его можно было бы считать последователем А.И.Герцена. Свое патриотическое «исповедание веры» Бахметев излагал и в письмах к Маклакову, но, возможно, наиболее отчетливо — в посланиях к последнему председателю Государственной думы М.В.Родзянко. Любопытно, что пребывание в Америке и наблюдения над американской жизнью еще более укрепили бахметевский патриотизм, который строился не на контрасте и не на отрицании американизма, а напротив, находя сходные черты в образе жизни и творческом потенциале русского и американского народов, Бахметев укреплялся в своей вере в Россию.

«Я бесконечно верю в Россию, — писал он Родзянко в сентябре 1921 года. — Свое вдохновение я черпаю в ее истории. Я не могу забыть, как маленькое, незначительное славянское племя на берегах Днепра и его притоков выросло, путем естественной колонизации, силой и настойчивостью народного гения, в величайшее континентальное государство. На протяжении 10-ти веков история нас била и пытала; но мы неуклонно развивались и через все испытания русский народ пронес свою религию, свой язык и свою культуру. Мое долговременное пребывание в Америке показало мне многое, чего нельзя понять, живя в России или в Европе; по-

¹ Б.А.Бахметев — Г.Е.Львову, 14 июня 1921 // ВАР. В.Вakhmeteff Collection. Box 5.

казало мне лабораторию и фабрику народного творчества и это меня укрепило лишь еще более в моей вере»¹.

Два года спустя Бахметев писал тому же Родзянко в приподнятом тоне: «Я всегда верил в наше будущее, т.к. я верю в национальный гений и в коренные черты русского народа, который сковали и изуродовали в прошлом не присущими нам и чуждыми формами политической государственности. История России есть синодик борьбы и развития маленького племени с окружающими его врагами, врагами, стремящимися его поработить, физически ослабить, уничтожить и поглотить культуру. Этого не произошло и мы выросли в огромное по величине государство, и как я Вам уже писал, пронесли через века истории свою культуру, свою религию, свой язык. Отличие России от других славянских племен заключается в том, что наша государственность и наша нация есть славянско-варяжская нация; как нынешняя Великобритания выросла из оплодотворения кельтских и других основных племен норманнским нашествием, так и наше государство получило великодержавный гений от нордических пришельцев, называемых в прошлом варягами. Мы соединили мягкий славянский гений с нордической способностью к государственному строению, но наша стихия есть стихия индивидуализма и роста снизу. Эта стихия была разрушена в начале XVIII века и за это нарушение мы заплатили большевизмом»².

В переписке Бахметева и Маклакова 1920-го года возникает еще одна тема, ставшая постоянной в последующее десятилетие — это вопрос о возможности внутренней эволюции большевизма и о том, как этой эволюции может способствовать эмиграция. Определенные надежды вселил переход к нэпу. Однако вскоре характер экономического развития страны стал внушать серьезные сомнения в том, что началось долгожданное «оздоровление».

Маклаков опасался, что в России «началось не серьезное производство работы, при которой и рабочий и собственник и тот, кто у них покупает, почувствовали связь их интересов, а исключительно спекуляция и нелепое и неприличное проживание даром заработанных денег. Когда смотришь на то, что там делается в области работы и торговли, то невольно боишься, что через скорый промежуток времени собственность и капитал, на которые пока возлагаются такие надежды, покажут себя в таком отвратительном виде, что это вызовет новый и на этот раз гораздо более обдуманый и серьезный прилив ненависти к капиталу и буржуазии»³.

¹ Б.А.Бахметев — М.В.Родзянко, 14 сентября 1921 // Там же. Вых 20.

² Б.А.Бахметев — М.В.Родзянко, 16 марта 1923 // Там же.

³ В.А.Маклаков — Б.А.Бахметеву, 4 марта 1922 // НИА. V.Маклаков Collection. 4—3.

Бахметев более спокойно относился к периоду «хищнического капитализма», считая его неизбежным. «Впереди — огромные возможности. Но если мы не дерзнем и снова окажемся позади, то поле останется безраздельно за большевиками. Что же дальше? Троглодитный период? Я думаю, что при всяких обстоятельствах в результате придут Колупаевы и Разуваевы и что их-то правительство и будет началом прочного благосостояния и процветания»¹.

* * *

Переписка густо населена людьми: иногда Маклаков писал настоящие исторические портреты — князя Г.Е.Львова, П.Н.Врангеля, А.В.Кривошеина, Б.В.Савинкова. На страницах его писем мелькают П.Н.Милюков, Н.В.Чайковский, П.Б.Струве, С.Н.Булгаков, М.О.Гершензон, В.В.Шульгин, вел. кн. Николай Николаевич и другие. Круг общения Бахметева был уже; наряду с некоторыми российскими деятелями, он встречался с американскими политиками и, в частности, воспроизвел некоторые свои разговоры с Гербертом Гувером.

Любопытный эпистолярный «треугольник» образовался между Бахметевым, Маклаковым и кн. Львовым. Маклаков князя откровенно недолюбливал, считал его человеком неискренним и не мог ему забыть двусмысленного к себе отношения в 1917 году; Бахметев, наоборот, Львова ценил; в том числе ценил его умение произвести благоприятное впечатление на американские деловые и политические круги. Львов, политик, в общем, межеумочный, Маклаков также не больно жаловавший, написал как-то Бахметеву после очередного конфликта с русским послом в Париже, связанного с расхождением по вопросам финансирования эмигрантских организаций. «Не перестаю и до сих пор принимать обильный дождь из грязной тучи Гучкова, Маклакова и Ко. И обидно же мне и больно соединять эти два имени вместе, но что же делать — такова действительность. Дошел Вася до уровня Гучкова. Больно мне утрачивать к нему уважение. Не я один — все близкие друзья его давно мучаются за него, заявляют ему о своем прискорбии за его поведение, прибегают ко мне, выражая сочувствие и поздравляя с моральной победой, но мне от этого не легче и хочется простить ему, изыскивая причины в печенке, в почках, в чем угодно, а они обнаруживаются в другой стороне — в отсутствии моральных основ. Дрожит он, не останавливаясь, как стрелка в испорченном компасе, потерявшая свой полюс. Он уехал в Виши, может быть, отдохнет, успокоится, но того, чего, оказалось, нет у него, того не приобретет и все качества его останутся

¹ Б.А.Бахметев — В.А.Маклакову, 23 марта 1922 // НИА. V. Maklavov Collection. 4—4.

при нем и обнаруженного недочета не поправить и старого отношения к нему не вернешь в сердце своем»¹.

Это письмо, в котором елей перемешан со злобой, послужило поводом для Бахметева изложить свое отношение к Маклакову и сформулировать свое понимание особенностей его позиции. Бахметев мягко, но вполне отчетливо дал понять Львову, что не разделяет его отношения к послу в Париже: «Мне очень интересно Ваше замечание о В[асилии] А[лексеевиче]. Я искренно его люблю и глубоко сожалел всегда о том, что необыкновенный талант его не только не используется, но часто служит причиной затруднений. В[асилий] А[лексеевич] мне много пишет и из писем его, по преимуществу касающихся положения в России, у меня складывается впечатление, что он, наоборот, прекрасно все понимает. Я привык к тому, впрочем, что Вася не использует своего провидения и что его практическое поведение часто позади ясности и кристальности его анализа. Я даже недавно упрекал В[асилия] А[лексеевича], почему, раз он все так хорошо понимает, он не говорит открыто, что думает, во что верит. Я писал В[асе], что при его авторитете и таланте он мог бы сыграть большую положительную роль. В его мыслях нет и доли реакции и абсолютно никакой солидарности с тенями прошлого, которые так усердствуют в Париже. Правда, он ругает всех: он накален и против Земского союза, и против Учредилки, в своих нападках он не отделяет существенного от преходящего, и практические недочеты затмевают для него правильность позиции. Я был бы Вам очень благодарен, если бы Вы сообщили о [его] политических промахах, т.к. я постарался бы поправить дело, если можно. У меня с В[асилием] А[лексеевичем] искренне дружеские отношения и я могу говорить ему совершенно откровенно»².

* * *

Корреспонденты пристально следили за происходящим в России; они сразу же и совершенно правильно определили значение тех процессов, которые начались в стране в конце 1927 — начале 1928 г., т.е. кризиса нэп и наступления советской власти на крестьянство. Бахметев, отметив, что нэп себя изжил, точно определил, что суть происходящего коренится в политике, а не в экономике; установив господство «в главнейших областях народного хозяйства», «диктаторская власть не может чувствовать себя прочно и спокойно, поскольку главная отрасль хозяйственной жизни страны — земледелие, зависит в конечном счете от доброй воли многих миллионов индивидуальных крестьянских хозяйств».

¹ Г.Е.Львов — Б.А.Бахметеву, 24.VII.1921 // ВАР. В.Вakhmeteff Collection. Box 5.

² Б.А.Бахметев — Г.Е.Львову, 20 августа 1921 // Там же.

Бахметев справедливо указал на «кризис хлебозаготовок» 1927 года как толчок к началу наступления на крестьянство.

У Сталина, — заключал бывший социал-демократ, — «хватило марксистской логики сделать выводы и признать, что советская власть должна иметь источник земледельческого производства в своих руках, источник, которым она могла бы распоряжаться и маневрируя которым, власть будет таким же господином в области земледельческого производства и обмена, каким она является в области промышленной». Бахметев вспомнил полемику Сталина с Троцким середины 1920-х гг., указывая, что генсек воплощает в жизнь программу своих оппонентов. «Теперь... Сталин ведет в течение нескольких месяцев практическую политику истребления кулака, применяя к нему все чрезвычайные меры военного коммунизма, а теоретически провозглашает совершенно, по-моему, правильную и логическую с коммунистической точки зрения доктрину о необходимости, вместо кулака, иметь фабрики хлеба, т.е. колхозы и совхозы, где в сфере правительственных распоряжений будет фабриковаться достаточное количество зерна, чтобы сделать власть независимой от капризов и настроений крестьянских масс». Бахметев предсказал в связи с этой политикой голод, а также в ближайшие год — два «динамические сдвиги», сопоставимые с теми, которые произошли в 1921 — 1922 годах¹.

Маклаков в целом соглашался с бахметевским анализом, указывая, что если следовать учению Маркса о том, что власть должна принадлежать экономически господствующему классу, то происшедшее в России — бессмыслица: «не экономический класс захватил власть, а чисто политическая партия — коммунисты, захватили экономическую жизнь». Поскольку же крестьянство остается «экономически господствующим классом — нельзя, по самому Марксу, чтобы политическая власть принадлежала коммунистической партии; здесь совершенный абсурд и борьба... идет между двумя врагами, либо крестьянин как собственник должен исчезнуть, превратиться в крепостного или батрака-рабочего на государственной земле, т.е. вернуться к военному коммунизму, или крестьянин господство коммунистической партии сломит... от исхода этой борьбы зависит все будущее России; так как невозможно допустить, чтобы окончательная победа оказалась за коммунистами, то вопрос не в победе, а только в сроке; а от сроков этой победы зависит, что ко времени победы останется от русской культуры»².

Если Бахметев безоговорочно желал победы «мужику», то у Маклакова добавлялось к этому чувство горечи; кулак, по его мнению, и так оказался бы на авансцене русской политической

¹ Б.А.Бахметев — В.А.Маклакову, 16 августа 1928 // НИА. V. Maklakov Collection. 5 — 14.

² В.А.Маклаков — Б.А.Бахметеву, 12 октября 1928 // Там же.

жизни, без всякой революции и последующих бедствий, благодаря столыпинской политике и дворянскому оскудению; пройдя через кровавую резню и разорение промышленности, Россия должна была вернуться «на круги своя». Маклаков не винил в этом революционеров, так как считал их или фанатиками, или дураками; гораздо серьезнее были его претензии к либералам, которые «в сущности всей этой революционной глупости потворствовали»¹.

«Вся история России между 18 и 29-м годом, включая НЭП, уступки 25 года и проч., — писал Бахметев, развивая тему, — все сводится к основным противоречиям между коммунизмом и крестьянским бытом; в прошлом этот быт несознательно и тупо постоянно побеждал. Отличие наступившей сейчас схватки мне кажется в том, что в разрешении ее оказывается уже невозможным путь компромисса и полумер. Компромиссы и полумеры были по существу пафосом НЭПа. Они были испробованы и отменены. В настоящее время на пути новой крестьянской политики Сталин, мне представляется, действует логично; если бы я был последовательным коммунистом, я бы делал то же самое. Сталин умеет приспособляться и, в отличие от других большевистских политиков, обладает тактическими дарованиями; но мне кажется ошибочным думать, что он оппортунист и что для него коммунизм лишь название... Выхода нет, или надо уступать хозяйственному мужику, а это неминуемо ведет к гибели коммунизма, или придерживаться сталинской линии до конца... Старая история о богатыре на распутье и, повторяю, с точки зрения последовательного коммунизма другого пути, кроме сталинского, нет»².

Маклаков был согласен с Бахметевым, что «катастрофа Сталина неизбежна и что куда ее не произошло, ничего серьезного в России не будет». «Если даже не будет катастрофы со Сталиным, то он когда-нибудь умрет и тогда произойдет то же самое, что произошло после смерти Николая Павловича». Однако он не был столь оптимистичен в прогнозах, как его заокеанский друг: «Словом, мы можем предвидеть заранее, как российская телега перевернется на кособогорьи, но может это быть и раньше получения Вами этого письма, но и через много лет»³.

За две недели до наступления рокового для русского крестьянства 1930-го года, Бахметев предвидел исключительно глубокую, беспощадную, а потому кровавую и затаянную борьбу между коммунистической властью и крестьянством. Кстати, в этом же письме он высказал весьма любопытное мнение о пятилетке, отличное от большинства эмигрантских аналитиков: «Я совершенно не раз-

¹ Там же.

² Б. А. Бахметев — В. А. Маклакову, 12 февраля 1929 // Там же. 5—15.

³ В. А. Маклаков — Б. А. Бахметеву, 8 марта 1929 // Там же.

деляю мнения, что пятилетка вообще невозможна; одинаково, и в силу тех же причин я не падаю в обморок от фактов, подтверждающих, что, по крайней мере, до настоящего времени пятилетка выполнялась с успехом и даже с опережением. Советы так же неправильно выдвигают успех пятилетки в качестве аргумента в свою пользу, как противники советов видят в ней оселок советского краха. С моей точки зрения постройка заводов, электрических станций и железных дорог вполне осуществимая задача для всякой власти, которая держит бразды правления в своих руках, власти, которая в состоянии поддерживать государственную дисциплину и выкачивать из страны теми или иными путями достаточно для своих предприятий средств. Постройка заводов и фабрик среди обнищавшей России ничем не отличается, с моей точки зрения, от постройки еще более бедной Россией 18-го столетия исключительных по роскоши столичных зданий и пр... Мне представляется, что нелепость пятилетки в самом существе, в ненужности и бесполезности такого строительства для страны, покупательная способность которой составляет одну треть или половину довоенной. Я всегда только с этой точки зрения говорю с американцами, приезжающими из России, которые рассказывают мне о чудесах, виденных там. Я этих чудес не отрицаю; наоборот, очень часто вспоминаю свой прошлый опыт и те заманчивые строительные планы, к которым Россия подошла вплотную перед самой войной. Часто также прибавляю, что самая возможность подобных кунштштюков, несмотря на нелепость большевистской власти и самые невозможные условия государственного быта, показывает, какие силы и возможности таит в себе Россия как таковая»¹.

Бахметев считал, что 1930—1931 годы будут решающими для следующих десятилетий жизни России. Ему все более представлялось, что Россия идет к сельскохозяйственной катастрофе. Из чтения советской прессы и других источников он представил, что «в процессе уничтожения кулачества не только уничтожается наиболее ценный человеческий элемент, т.е. наиболее индивидуальные и хозяйственные крестьяне, но равно разбазариваются материальные основы сельскохозяйственного производства, а именно мужицкий сельскохозяйственный инвентарь». «В результате, — предрекал Бахметев, — будет ли это в 30-м или 31-м году... надо ожидать, что производственная анархия и голод проявятся в масштабе, перед которым 20—21 годы будут игрушкой». Предсказание, увы, оказалось точным, за исключением разве того, что пик голода пришелся на 1933 год. Бахметев допускал возможность крушения власти, однако его пугала перспектива анархии и гибели немногочисленных культурных элементов страны, которая последует в результате.

¹ Б.А.Бахметев — В.А.Маклакову, 16 декабря 1929 // Там же. 5—16.

Другой возможный вариант развития событий — победа, несмотря ни на что, большевизма. «К сожалению, — констатировал Бахметев, — я отдаю себе полный отчет в пассивности и способности русского народа переносить все и вся. Эти ужасные свойства усугублены бедностью и одичанием, которые произошли в результате революционных событий. Россия и без того пассивная, ослабела до последней меры и возможно, что даже на фоне голода и земледельческой катастрофы она не сбросит стихийным порывом крепко организованную и решившуюся на все власть. Наконец, возможно, что так или иначе, не полностью, а хотя бы наполовину, программу государственной организации земледельческого производства Сталин проведет. Крестьянская нужда и страдания ему нипочем, лишь бы достаточно было хлеба, чтобы поддержать города, железные дороги и армию. Для этого, по существу, не так много уж и нужно. И за счет резкого сокращения крестьянского потребления подобный эксперимент при известных условиях осуществить возможно. Конечно, это значит гибель скота, снова резкое увеличение детской смертности и все другие вещи, но повторяю, с точки зрения политических задач коммунистической власти эти обстоятельства второстепенные. Если же удастся, хотя и наполовину выполнить план, то в этом случае последний самостоятельный, единственный фактор, который во всей большевистской эпопее был непобедим — крестьянство, окажется уничтоженным. Другими словами, господство большевиков над русской землей станет полным и неограниченным ничем. Сколько лет тогда продолжится диктатура большевиков, никто сказать не может. Во всяком случае, думаю, тогда годы эти будут дольше того периода, который практически может интересовать Вас и меня»¹.

Прогнозы Маклакова были также неутешительными. Он предрекал, что если поход большевиков против крестьянства закончится удачей, то это позволит сохранить «единство России и ее империализм, но только ценой такого чудовищного усиления государственной власти, которое поведет к мировой войне и к концу всей современной культуры в Европе; но неудача большевизма повалит власть в то время, когда все центробежные силы России и все ее внутренние связи находятся в воспаленном состоянии и тогда Россия как единая держава, просто как большое государство ведь быстро развалится. И вот откуда идет мой пессимизм, ибо хорошего выхода для России я уже не вижу»².

«Странно сказать, — соглашался с Маклаковым Бахметев, — на мрачной оценке современного момента мы с Вами сошлись больше, чем на любом другом вопросе за все эти годы дружбы и переписки». Однако же Бахметев, несмотря ни на что, старался

¹ Б.А.Бахметев — В.А.Маклакову, 4 марта 1930 // Там же. НИА. V.Maklakov Collection. 6—1.

² В.А.Маклаков — Б.А.Бахметеву, 14 апреля 1930 // Там же. 6—2.

не терять веры, хотя признавал, что, может быть, это и глупо. Бахметев по-прежнему делал ставку на «быт», под которым понимал не только «серый и почти дикий уклад крестьянской жизни», но и «всю совокупность жизненной обстановки и ее внутренней динамики, включая сюда и города, и спецов, и потенциальных торговцев, и нэпманов, и армию, одним словом все, что фактически живет, строит, страдает и (здесь Бахметев написал было слово «действует», затем зачеркнул и надписал от руки «шевелится») в России»¹.

Маклаков объяснял некоторый оптимизм, все еще теплившийся у Бахметева, скорее его психологией, нежели опорой на реальные факты. Он не спорил с ним, что «отступление Сталина», т.е. его известное письмо «Головокружение от успехов», не столько сдерживавшее наступление на крестьянство, сколько перекладывавшее ответственность за головоулетство и «перегибы» на «низовых» партработников, «есть победа быта над властью». «... в организме России, — отмечал Маклаков, — еще сохраняются силы, это доказывалось и той реакцией, которую в ней вызвал в свое время нэп и доказывает и теперешнее сопротивление. Конечно, Россия пока еще не умерла; но ее теперешняя реакция напоминает мне все-таки последние содрогания трупa; умирающий может реагировать и на уколы, и на ожоги, и на многое другое, это вовсе не признак победы жизни над болезнью. Большевицкая власть держит Россию еще слишком крепко, а, главное, продолжает свою линию слишком последовательно. Конечно, она переборщила, что почувствовала и сама, нужно опять отступление, передышка, но только затем, чтобы безопасно продолжать свою политику. Жизненные силы России оказались недостаточными, чтобы ослабить нажим, но ведь только для этого их недостаточно, чтобы сбросить большевизм... и если Россия не сможет сбросить эту власть даже тогда, когда за ошибки в темпе она заплатит миллионами голодных смертей, то ясно, что она не выскочит из рук того, кто ее душит. Рано или поздно, вернее сказать, немножко позже, чем мы думали, а она ее задушит»².

Писать, по большому счету, было больше не о чем. Главный предмет переписки — Россия, после очередного массированного кровопускания казалась неспособной к сопротивлению власти большевиков; более того — сформировался слой людей, этой властью вполне довольных и от нее кормившихся. Схема, которую рисовал Бахметев, была воплощена в жизнь. Во всяком случае, надеяться на возвращение эмигрантам не приходилось. Теперь это понимали, по-видимому, не только Маклаков с Бахметевым.

¹ Б.А.Бахметев — В.А.Маклакову, 29 апреля 1930 // Там же. 6—2.

² В.А.Маклаков — Б.А.Бахметеву, 24 мая 1930 // Там же. 6—2.

Следующее письмо, скорее записку, Бахметеву Маклаков написал почти два года спустя, 6 апреля 1932 года: «Мне давно нужно было Вам написать, но, по-видимому, те же причины мешают мне, что и Вам, — пытался он объяснить причины затухания некогда столь напряженного диалога. — Писать о пустяках не хочется, а для серьезного письма нет ни времени, ни настроения»¹.

После обмена посланиями на рубеже 1933 и 1934 гг., в которых корреспонденты обсуждали «новый курс» Ф.Рузвельта, переворачивавший представления Бахметева о незыблемости американского индивидуализма и весьма негативно им оценивавшийся, переписка практически замерла, не считая одно- двухстраничных записок, содержащих рекомендации, мелкие просьбы или какие-либо пожелания. «Очевидно, переписываться нам с Вами больше не удастся, — писал Маклаков пять лет спустя после их последнего по времени обмена объемистыми письмами и, как вскоре выяснилось, накануне новой мировой войны. — Оженивываясь думает о жене², а не женивываясь — как угодить Господу. Я об Вас узнаю только от времени до времени по Вашим письмам к моей сестре...»³

Переписку прервала на шесть лет война.

После войны переписка возобновилась, хотя носила столь же спорадический характер. Поводом для ее возобновления послужило то, что Бахметев, без всякой просьбы со стороны Маклакова, переслал ему некоторую сумму денег. Деньги пришлось весьма кстати, поскольку, кроме всего прочего, сестра Маклакова сломала ногу и, вообще, чуть не умерла. Положение русских эмигрантов во Франции, тем более людей преклонного возраста, было, в особенности в первые послевоенные годы, незавидным. Из-за океана счастливы, сумевшие выбраться в США еще до войны или вскоре после ее начала, сумели наладить вещевые и продуктовые посылки для своих компатриотов. Насколько убог был быт эмигрантов, даже таких сравнительно благополучных, «при должности» (глава «Офиса» по делам русских беженцев во Франции), как Маклаков, свидетельствует одно из послевоенных писем Ариадны Тырковой Бахметеву: «На днях я была у Маклаковых, когда М[ария] А[лексеевна] получила от Вашей жены посылку. И приятно, и грустно было смотреть, с каким удовольствием, с каким веселым аппетитом не только она, но и В[асилий] А[лексе-

¹ В.А.Маклаков — Б.А.Бахметеву, 6 апреля 1932 // Там же. 6—3.

² Маклаков намекает на второй брак Бахметева. Он женился 7 июня 1938 г. на Мэри Хеландер Коул (Marie Helander Cole). Первая жена Бахметева, Е.М.Стринская (по другим источникам — Сперанская) скончалась в 1921 г.

³ В.А.Маклаков — Б.А.Бахметеву, 7 февраля 1939 // НИА. V. Maklavov Collection. 6—3.

евич] доставали и рассматривали одну вещь за другой. Как только показывался кусок мыла, экс-амбасадор накладывал на него свою лапу. М[ария] А[лексеевна] очень довольна, что платья Вашей жены точно на нее сшиты»¹.

Маклаков, благодаря своего заокеанского друга за помощь, вернулся к давнему спору о соотношении прав личности и государства: «Из нашей с Вами переписки можно было бы составить не одну книгу, и очень актуальную. Но я не признаю, что Вы были правы. Этатизм расцвел не только в Европе, но и в Америке, ибо Нью Диль ("новый курс" Ф.Рузвельта. — О.Б.) был тоже этатизмом и в нем я не вижу ничего реакционного, пока он не выходит за пределы дозволенного и умеет относиться с уважением к правам человека, который требует от государства элементарных забот о себе, "права на труд, права на достойное существование и т.д.". Все это — "права человека". Он переходит границы, когда "право" одного превращается в долг для другого; вопрос, как это сочетать, в чем "государство" ограничено перед правами человека, что государство не смеет делать — это та основная проблема государственности, от решения которой зависит будущее... свобода личности для меня состоит не столько в общем праве человека, сколько в их обеспечении; все зло в том, что право, объективное право, заменилось "волей" тех, кто управляет. Это исключает свободу. Это уже рабство, когда человек должен делать, что ему прикажут»².

Маклаков время от времени делился своими размышлениями: предмет был все тот же — «права человека и государства». Права меньшинства, которому угрожает не только тоталитаризм, но и современное понимание демократии, по-прежнему оставались в центре внимания Маклакова; его беспокойство усиливалось такими тревожными, на его взгляд, процессами, как национализация частных предприятий в Англии лейбористским правительством, загнивание парламентской системы во Франции, усиливающееся влияние на Западе коммунистических идей.

«В мыслях мы с Вами идем одной дорогой, — писал он человеку, который понимал его лучше, чем кто-либо другой, — и я думаю, что мы одинаково смотрим на пропасть, куда все с разных [сторон] мы скользим. Тоталитаризм, советский режим — конечно, прямые наследники худших форм деспотизмов и самодержавий; все элементы его управлений имели зародыши там; он только воскресил и обострил старое. Герцен называл когда-то подобный режим Чингисхан с телеграфом; у современных Чингисханов не телеграф, а авионы, газы и атомные бомбы... Но и с другого

¹ А.В.Тыркова — Б.А.Бахметеву, б.д. // ВАР. В.Вakhmeteff Collection. Box 13.

² В.А.Маклаков — Б.А.Бахметеву, 24 августа 1945 // НИА. V.Maklavov Collection. 6—4.

конца, из лагеря свободолюбцев, человеколюбцев, из революционного лагеря — где боролись с деспотизмом, с полицией, с милитаризмом, пришли к тому же концу; это исполнение пророчества Достоевского, осуществление Шигалевщины»¹.

Последний обмен письмами между бывшими послами произошел в феврале 1951 года. Маклаков обратился к Бахметеву по поводу сбора, организованного в Париже в пользу И.А.Бунина, «который очень плох, зарабатывать не может и средств не имеет». «Я ненавижу просить деньги, — писал он, — даже для хорошей цели; в таких просьбах есть элемент морального насилия над человеком»². Тем более, что к Бунину отношение было не у всех одинаковым.

Бахметев ответил сразу: «Дорогой Василий Алексеевич. Отвечаю на Ваше письмо о Бунине. Конечно, надо ему помочь. Наш фонд, через который я провожу все мои пожертвования, может дать сбор? в пользу Бунина \$100 (по тем временам немалые деньги. — О.Б.). Как только Вы мне сообщите, кому перевести деньги и как, мы немедленно сделаем необходимое. Обнимаю Вас дружески. Б.Бахметев»³.

Это было его последнее письмо. Через полгода Бахметев, 21 июля 1951 года, на 72-м году жизни, скончался близ Нью-Йорка. Его корреспондент, который был старше на 11 лет, ушел из жизни шесть лет спустя.

* * *

В настоящем издании переписка В.А.Маклакова и Б.А.Бахметева публикуется полностью, без каких-либо изъятий и сокращений. Подавляющее большинство писем публикуется впервые. Небольшая, относительно общего объема переписки, часть писем была опубликована редактором настоящего издания в научной периодике⁴. Тексты документов приведены в соответствие с современными правилами орфографии и пунктуации; в то же время публикатор стремился сохранить особенности стиля корреспондентов, своеобразие написания имен, названий политических партий и т.п. Например, «эс-эры» вместо принятого в современной литературе «эсеры», Хардинг, а не Гардинг и т.п. Сохранены много-

¹ В.А.Маклаков — Б.А.Бахметеву, 19 сентября [1948?] // Там же. 6—5.

² В.А.Маклаков — Б.А.Бахметеву, 23 февраля 1951 // Там же. 6—6.

³ Б.А.Бахметев — В.А.Маклакову, 26 февраля 1951 // Там же. 6—6.

⁴ «Окунуться в Россию» // Отечественная история. 1996. № 2; «Написанные без оглядки»: Василий Маклаков и его письма-портреты // Родина. 1996. № 10; В поисках новой России // Отечественная история. 1997. № 1, 2, 4.

численные точки с запятой, которыми иногда злоупотреблял Маклаков.

Очевидные опiski исправлены без специальных оговорок. В тех редких случаях, когда в тексте встречаются явные смысловые противоречия или очевидные погрешности стиля, в квадратных скобках указывается «так!» или «так в тексте». Воспроизведенные публикатором отдельные слова, части слов, сокращения, имена, фамилии заключены в квадратные скобки. Слова, выделенные корреспондентами, подчеркнуты в тексте; вписанные от руки выделены курсивом. Нумерация писем принадлежит публикатору.

Письма сопровождаются примечаниями, которые помещены в конце каждого тома. Примечания даются к каждому письму (если, разумеется, текст письма этого требует). Сведения о тех или иных событиях или персоналиях приводятся при их первом упоминании в переписке и далее, как правило, не повторяются. Номер страницы, на которой впервые приводятся сведения о том или ином деятеле, дается в указателе имен курсивом. Как правило, сведения о постоянных «персонажах» переписки даются на момент их первого упоминания; в том случае, если данное лицо более не упоминается или упоминается редко, дается более полная информация.

При подготовке примечаний сведения черпались нами, кроме различных энциклопедий и справочников — Большой советской энциклопедии (1-е изд.), Советской исторической энциклопедии (М., 1961—1976), энциклопедий «Отечественная история» (Т. 1, 2. М., 1994—), Политические партии России: конец XIX — первая треть XX в. (М., 1996), Политические деятели России. 1917. (М., 1993), Encyclopaedia Britannica (15th edn.), Who was who in America (54th edn.) и др., в примечаниях и комментариях к различным публикациям в альманахах «Минувшее» (Т. 1—25. Paris; М; СПб., 1986—1999), «Русское прошлое» (Вып. 1—7. СПб., 1991—), «Биографическом справочнике высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных Сил Юга России» Н.Рутыча (М., 1997), в двухтомном издании «переписки бывших царских дипломатов 1934—1940» опубликованном под названием «Чему свидетели мы были...» Службой внешней разведки и Министерством иностранных дел РФ (М., 1998) и др.

Переписка публикуется в трех томах. В первый том включено 48 писем (одно из них в двух вариантах) с августа 1919 по начало сентября 1921 года. Кроме случаев, оговоренных в примечаниях, письма Бахметева — машинописные подлинники, письма Маклакова — машинописные копии. Письма находятся в коробке 3 (письма № 1—8 — в папке 3, № 9—13 — 4, № 14—16 — 5, № 17—21 — 6, № 22 — 7, № 23 — 8, № 24—26 — 9, № 27—31 — 10, № 32—34 — 11, № 37—38 — 12, № 39—41 — 13, № 42—45 — 14, № 46—48 — 15 соответственно) личного фонда Маклакова в Гуверовском архиве. Письма № 35 и 36, а также часть письма № 38 печатаются по текстам, сохранившимся среди бумаг

Б.А.Бахметева в Бахметевском архиве Колумбийского университета.

* * *

Свыше сорока пяти лет переписка хранилась в архивах, став совсем недавно доступной весьма ограниченному кругу историков. Теперь, благодаря совместным усилиям Гуверовского института войны, революции и мира и издательства «Российская политическая энциклопедия», переписка, этот ценнейший источник по истории русской революции, гражданской войны, международных отношений первой трети двадцатого века, русской эмиграции и культуры, публикуется в полном объеме.

Публикация адресована, разумеется, прежде всего историкам. Однако нетрудно заметить, что проблемы, обсуждавшиеся Маклаковым и Бахметевым, вновь в центре внимания современных политиков и экономистов, мысли, которые высказывались бывшими российскими послами в Париже и Вашингтоне, звучат свежо и современно и становятся доступными читателям как нельзя более вовремя. Несомненно, глубину мысли, отточенность стиля, точность и образность характеристик, остроумие двух выдающихся деятелей русской (в случае Бахметева — и американской) политики и культуры смогут оценить не только специалисты, но и все, кто интересуется проблемами истории и культуры России двадцатого столетия.

О.В.Будницкий

ПЕРЕПИСКА

1919

№ 1

Б. А. Бахметев — В. А. Маклакову
3209 Highland Place, Cleveland Park, D.C.

[август 1919]¹

Дорогой Василий Алексеевич.

Как и полагается человеку, ум которого занят различными преходящими заботами, от которых столь далека солидная степень Вашего американского коллеги, Вы забыли одинокого путешественника и скромный Анахарсис², вступив на материк Колумба, постепенно теряет всякое представление о том, что делается в Париже. До нас доносятся слухи о каких-то переменах в военных кругах, но все это неясные слухи, а что на самом деле не знаем. Позовите стенографистку (жалко, что не могу Вам предоставить милейшую Е[лену] Н[иколаевну]³, которой я, к великому гневу ее не по заслугам не рога носного супруга, переслал Ваше письмо) и надиктуйте с присущей Вам быстротой и ясностью описание происшедших событий.

О том, что делается здесь, я пишу Сазонову⁴, у которого попросите мое скучное донесение. Пишу ему и лично сегодня на «управление», прося послать в Омск⁵ людей.

Это я хочу повторить и Вам. Я не хотел писать жалобу Сазонову, да и вообще этого делать не стоит. Но все что доходит сюда, что рассказывают американцы, заставляет нас не терять времени.

На то Вы и центральный Ком[итет] кадетов, чтобы мобилизовать силы и оздоровить Сибирь. Я пишу в полном смысле слова «оздоровить». Характерно, что главные громы направлены на молодого министра финансов, которого, например, американцы считают главным злом⁶. С этим согласны русские кооператоры. Передают в подробностях план заговора против Колчака, в свое время (в прошлом декабре) провалившемся⁷ и пр. Сукин⁸ его везде хвалит, хотя уверяет, что он с пути сбился и не тверд в антияпонофильстве и других грехах.

Передайте мой душевный привет всем парижанам, начиная с князя Львова⁹. Я боюсь Вас просить передать привет милым парижанкам, т.к. особенно в последнее время Вы проявляли чрезмерный его-центризм. Но полагая, что время (и advanced season¹⁰

могут иметь calming effect¹¹ я не мог воздержаться от обращения к Вам за этим небольшим одолжением. В вашем выборе я уверен.

Вашей сестре¹² я пишу отдельное письмо и привет.

Душою Вам преданный,

[Подпись]

P.S. По прочтении письмо сие вы [вольны уничтожить].

Б.

№ 2

Б.А.Бахметев — В.А.Маклакову
Russian Embassy, Washington

27 сентября [1919]¹

Дорогой Василий Алексеевич.

Ваш почерк совершенно ужасен. Вы написали мне письмо из 5 пунктов, из которых я понял три². Два говорят обо мне и Америке. Третий (разобрал что-то) о делегации³ и Савинкове⁴. Не понял пункта, по-видимому, касающегося Эстонии, и последнего, где, кажется, Вы пускаете стрелы в меня и занимаетесь тем, что англосаксы называют defamation of character!⁵

Отсутствие Елены Николаевны для Вас фатально. Кстати, 1 окт[ября] она (и муж!) возобновляют работу в посольстве. Заведите себе стенографистку и пишите нам, что делается, т. к. мы решительно ничего не знаем ни про Париж, ни про Юг, Север, Северо-Запад⁶. Знаем лишь про Омск и то больше сплетни.

В Америке, я думаю, я сейчас нужнее. Затеял большое дело, без которого Россия ничего не получит. Надо заставить американцев понять, что русская проблема — есть an american issue⁷, причем такая, от которой зависит нужный исход войны. В возможных будущих комбинациях здесь всего более пугаются японским захватам. Японофобство настолько ярче и сильнее, что ненависть и боязнь желтого труда явились отличным [средством] для операций с рабочими. Сейчас John Spargo⁸, один из главных теоретиков социализма и всемирно известный писатель, напечатал в воскресном Times'e статью — «Kolchak — a Barrier to Japanese aggression»⁹.

Все это требует весьма длительного и настойчивого труда. Как говорит Бах¹⁰, мы работаем за State Department, разъясняя американцам их собственные интересы. Я не думаю потому, чтобы мне было возможно отсюда сейчас уехать.

Когда пройдет признание¹¹ и если удастся провести программу русской помощи через Конгресс, на чем я уже обломал все зубы, тогда дело может принять другую окраску. Но и это в зависимости от того, что делается в Париже. Если по признанию надо будет

активно урегулировать наши международные проблемы, тогда может мое участие и будет полезно. Предоставляю решать Вам. У меня сейчас особой склонности нет поехать в Европу, но может это в силу моих наклонностей к «оседлости» вообще и кроме того потому, что сейчас не слишком много реальной работы в Париже.

Относительно Ваших «национальных» вопросов Вы не беспокойтесь. Здесь, по крайней мере, пора очарований самоопределениями проходит. Президент в речи в Salt Lake City уже говорил о малых национальностях, «глядящих друг на друга с завистью и подозрением». Обращение американцев с украинцами, литовцами и пр. весьма мало дало бы удовлетворения Вашему другу Ичасу¹² и его сотоварищам.

Помимо того здесь вообще начинает развиваться здоровый консерватизм. Забастовки и открытые столкновения в Бостоне, Чикаго и Сиэтле, негритянские беспорядки вызвали весьма определенное отношение в широких в общем очень обывательски-буржуазно настроенных кругах. Все это делает parlor-bolshevik'ов¹³ менее и менее популярными. Президент определился с ними первым и ими клеймился как реакционер. Надо ему отдать справедливость, в стачках и беспорядках он проявил твердость и решительность. На днях в Сиэтле грузчики отказались грузить винтовки в Сибирь. Американское правительство поставило вопрос о применении военной силы. Хороший пример Генуе и англичанам¹⁴.

С признанием наконец дело сдвинулось. Я толкаю американцев проявить инициативу в этом деле, рисуя им политический прогресс, который они получают от такого мудрого шага. Ожидаю решения Президента на днях.

А что ж французы со снабжением для Юденича¹⁵. Мы им до стали тоннаж. А он, по-видимому, не потребен!

Пишите нам больше. Здесь у меня есть много возможностей влиять на события, но мы очень мало знаем, особенно то, что делается в России. Надиктуйте стенограф[истке], где кто и кто что делает.

Ваш друг Бубликов¹⁶ ведет себя невозможно. Он принял лидерство в свистопляске против меня в непонятных для меня целях и по неясным для меня причинам. Иногда мне кажется, что тут имеется японское влияние, хотя и не на А[лександра] А[лександровича].

Сердечный привет Вам. Пожмите руку от меня сестре Вашей, которая напрасно бранила меня м[адемуазель] М'Кац, т.к. я ей писал. Что делают наши друзья все, Вы теперь все*.

Душевно Ваш Б.Бахметев.

* Одно слово неразборчиво.

В.А.Маклаков — Б.А.Бахметеву

Париж, 7-го октября 1919 г.

Дорогой Борис Александрович!

Я Вам давно не отвечал, но зато угощу неожиданной новостью: через 4 дня я еду в Россию. Вы можете сами догадаться, какие тому причины, но я укажу три: во-первых, что было первым поводом к поездке, это то, что мне страшно захотелось окунуться в Россию. Последние письма, которые я оттуда получал от М.М.Федорова¹ и от других, были полны такого оптимизма, что отсюда было завидно²; этот оптимизм подтверждался и свидетелями. Только что приехал Родзянко М.Н.³, у которого нет ни малейшего сомнения в том, что чтобы сейчас ни случилось, дело выиграно, и Деникин⁴ будет в Москве. Приехавший несколько дней раньше него Гоппер⁵, вполне обрусевший англичанин, спокойным тоном говорит, что через несколько лет Россия будет самая могущественная страна в мире, что эту зиму мы все встретимся в Москве и т.д., и т.д. Все эти рассказы соблазнили меня, и я задумал туда поехать, не только чтобы провести несколько приятных дней, но и за тем, чтобы уверовать в то чудо, в которое отсюда еще верится с трудом: нет сомнения, что, если уверуешь в это возрождение, то передашь эту веру и другим.

Вторая причина — это желание более полного взаимного понимания не только по вопросам общей политики, но и чисто деловым. Нам отсюда, например, все время казалось, что Добровольческая армия делает глупость, ставя всех украинцев за одну скобку, считая их всех изменниками. С тех пор, как Петлюра⁶ отрекся от Галиции, а галичане, в свою очередь, отреклись от Петлюры, появилась возможность расколоть Украину, вводя часть ее в федеративное русло. Все это отсюда казалось соблазнительным, и нас не раз очень огорчала политика Деникина, который ни о каких соглашениях слышать не хочет. Одной из моих целей является: выяснить этот вопрос и, если не убедить Деникина, то самому проникнуться его взглядами. Я уже не говорю о тех практических вопросах и разногласиях, которые после Вашего отъезда достигли геркулесовых столбов*. Вам и не снилось, когда Вы были здесь, какая тут разыгрывается экономическая и финансовая вакханалия.

Мы, русские, растребули повсюду про колоссальный урожай этого года и все стали зариться на наше сырье; мы его, тем не менее, никому не даем, под предлогом, что оно самим нам нужно, как говорил Драгомиров⁷, а в то же время отдельные коммерсанты ухитряются отправлять пароходы, нагруженные всякою дрянью и обменивать их рубль за рубль на сырье.

* Так в тексте.

Говорят, что здесь не обходится без взяток; может быть, это правда, что уже плохо, а может быть, что еще хуже, взятки мы не берем, но ведем свое дело так глупо, что ничем, кроме взяток, объяснить это невозможно.

Вот вторая причина, почему мне хочется поехать и поговорить.

Третья же причина, из-за которой не только я еду, но меня посылают французы, — это желание французов помириться с Деникиным: они сделали целый ряд шагов навстречу Деникину, посылают миссию во главе с генералом Манженом⁸, написали по этому поводу очень любезную бумагу, словом, совершенно изменили прежний неприязненный тон. Как и нужно было ожидать, победы Деникина свое дело сделали, но, увы, теперь можно бояться уже другого: что франкофобство зашло так далеко, что генерал Манжен его не поправит, тем более, что это не настоящий Манжен, а только его брат, и я боюсь, — очень на него непохожий.

Так вот, по этому поводу мне и поручают дать им некоторый допинг. Раз обстоятельства так сложились, то я не могу уже отказать себе в удовольствии побывать у себя дома и при этом изображать, что я жертвую собою для пользы общего дела.

Говоря между нами, у меня подмешивается еще одно личное желание: мне хочется просто подышать свежим воздухом вдали от тех политических миазмов, которые здесь распространились.

Вы не можете себе представить, какой неожиданный оборот приняли здесь наши дела. Перечислю Вам вкратце некоторые факты.

Вскоре после Вашего отъезда я уехал в Виши, Львов — в Ройа, Чайковский⁹ — в Лондон. Здесь остались только Сазонов и Шиллинг¹⁰, и в течение целого месяца вся дипломатическая работа велась ими. О Делегации совершенно забыли и даже как будто надобности в ней не встречали. Затем, когда мы все съехались вновь, то наши нотабли усмотрели, не без неудовольствия, что дела идут и без них. Это неудовольствие еще больше усилилось от того, что на наше представление о расширении прав Делегации, о предоставлении ей права надзора над всеми заграничными установлениями, т.е. финансовыми и военными агентами, Колчак¹¹ ответил отказом. Делегация, повторяю, не собиралась, но зато два раза в неделю, как прежде, происходили дипломатические совещания, куда приглашалась вся Делегация; и вот, на одном из таких заседаний Чайковский заметил, что у нас ничего не ладится, и что Делегация утратила всякий авторитет. Львов к этому прибавил, что никогда так Делегацию не ругали, как теперь. Причем, больше всего ее ругали те, которые остались без дела. Чайковский заявил, что все зло происходит от того, что Делегация не заседает так, как если заседает Дипломатическое Совещание — в составе всей Делегации, то оно ее заменить не может. Хотя там те же самые лица, но, во-первых, председательствует

Сазонов, а не Львов а, во-вторых, — она заседает не в большом зале за длинным столом, а в маленькой боковой комнате.

После долгих прений, где были пущены в ход все аргументы и произнесены пламенные речи против обломков старого порядка, не понимающего современных потребностей, — реформа была произведена. Кроме Дипломатического Совещания, которое заседало в Вашей комнате, стала заседать и Делегация из тех самых лиц, но уже за зеленым сукном и под председательством кн. Львова.

Казалось, все было благополучно, но Делегация скоро заметила, что все-таки дело не ладится: Делегацию ругают по-прежнему, по-прежнему у нее нет денег, и Щербачев¹² ей не подчиняется. Тогда Львов принес мне телеграмму для отправки Колчаку, в которой излагалось, что все дело в том, что Делегация построена на бюрократических, а не на общественно-политических началах. Я никак не мог понять, что это значит и, несмотря на все старания втолковать мне смысл этих слов, я оказался слишком туп — не понимаю и сейчас. Тем не менее, я предложил Львову послать другую телеграмму, которую взялся составить: в этой телеграмме я указывал на то, что причина зла в том, что Делегации не поручено того дела, которое она хочет на себя взять; что защита интересов России на Конференции больше не нужна, а необходим орган контроля, и эту роль Делегация согласится взять на себя, если ей это поручат. И Львов, и Чайковский очень одобрили телеграмму и согласились ее послать, присоединивши к концу ультиматум в том смысле, что, если они этого нам не поручат, то мы из состава Делегации уйдем.

Все было бы хорошо, но, к несчастью, когда я показал эту телеграмму Сазонову, то он с ней согласился и сказал, что охотно ее подпишет. Мы так и сделали: телеграмма была послана от имени всех, но Львов и Чайковский остались все-таки недовольны: если Сазонов подписался вместе с ними, то значит, здесь какой-то подвох.

В это время в состав Делегации был включен Савинков. Это произошло довольно неожиданно. Я Вам читал ту телеграмму, которую я по его просьбе послал Колчаку и в которой он просился в Сибирь: после долгого молчания, вызванного тем, что по какой-то странной случайности там не могли прочесть этой телеграммы, из Омска последовал ответ: высоко ценим заслуги Савинкова и его коллегии, но просим в Сибирь не ездить, пусть он остается в Париже и чтобы ему было что делать, не желает ли он вступить в Делегацию пятым членом. Савинков сначала как будто обиделся, ибо было ясно, что это почетная ссылка, или почетная синекура, но затем согласился и вступил в Делегацию.

Немедленно после этого в Делегации в более острой форме встал уже другой вопрос — о невозможности для Делегации работать вместе с Сазоновым. Сначала дело ограничилось кулуарными разговорами, которые, к сожалению, очень скоро дошли до

французов, но затем упомянутые три лица составили телеграмму на имя Колчака о том, что Сазонов не имеет никакого кредита ни у инородцев, ни у союзных правительств, ни у России, и что даже правительство Колчака не признано именно потому, что в составе его — Сазонов, а потому упомянутых три лица настаивают, чтобы Сазонов был удален. В телеграмме неясно было — что же должны были делать вслед за этим удалением: заменить его другим министром или же упразднить самую должность Министра иностранных дел?.. На мои вопросы об этом мне отвечали, что это нас не касается, что это дело Колчака; наша же совесть требует только, чтобы мы сказали правду, а там пусть он делает что хочет. Но в частных разговорах иногда карты приоткрывались. Тут было много предложений: одни, особенно Савинков, хотели Сазонова заменить более живым и менее старорежимным лицом, а именно — Гирсом¹³. Это Вас удивит, но это так. Гирс — это фаворит Савинкова. Другие же, как Чайковский, находили, что Министр иностранных дел вообще не нужен, когда есть Делегация, а Львов соглашался и с тем, и с другим мнением, но в последнее время вился с новым кандидатом — Петряевым¹⁴, которого, к слову сказать, здесь еще нет.

Телеграмма трех членов была Сазоновым переслана Колчаку и вместе с ней пошла телеграмма самого Сазонова, Гирса и моя. Гирс и Сазонов ограничились возражениями против телеграммы трех членов, а мнение было, что причина всего зла в неясности полномочий Делегации и ее отношения к Министру. Я думал поэтому, что Колчаку надлежало своей властью это полномочие определить и затем требовать от нас всех продолжения общей работы.

Не знаю, что будет в голове Колчака, когда он прочтет все эти телеграммы и увидит, что пять человек в Париже в таком простом вопросе не смогли договориться. Я бы на его месте послал бы всех нас к черту, но, к несчастью, для этого все-таки нужно, чтобы он был предварительно признан.

Несколько дней тому назад у нас было заседание по финляндскому вопросу; Шебеко¹⁵ вернулся из Финляндии убежденным сторонником соглашения с Финляндией, даже ценой уступки им Печенги и Карелии. Он рассчитывает, что тогда Маннергейм¹⁶ вновь приобретет влияние и возьмет Петроград. Вот этот вопрос и был внесен в заседание Делегации, и мы получили образчик того, что будет она представлять, если ей дать полномочие заменять Министра иностранных дел. Несмотря на то, что нас было только 5 человек и три слушателя: Нольде¹⁷, Шиллинг и Вырубов¹⁸, мы в течение трех часов произносили речи. Савинков говорил об ответственности, которая ляжет на нас за бездействие; Чайковский — о праве народов на самоопределение, причем договорился до того, что в России не найдется человека, который в Учредительном собрании посмел бы возражать против независимости Финляндии. Нольде вообще говорил о том, что, если бы даже Финляндия и не требовала независимости, ее нужно было бы

дать, ибо это единственное средство жить с ней в дружбе. Попутно делались ядовитые шпильки по адресу старого режима, неумения говорить с инородцами и неумения олицетворять новую Россию, которая никого не хочет держать силой. Слава Богу, что в 7 часов все стали смотреть на часы и разошлись, не приняв никакого решения, иначе мы большинством голосов отдали бы Финляндии и Печенгу, и Карелию, и, конечно, взамен не получили бы ничего, так как Финляндия для похода требует еще одной мелочи — 500 миллионов марок от союзников.

Я все это описываю Вам в несколько ироническом тоне и, может быть, кое-где преувеличиваю, но суть дела такова, какую я ее Вам представляю. Здесь все расползается и главная причина та, что единоличная власть не на высоте положения, а коллегиальная — еще того хуже. И вот поэтому мне так хочется, хотя бы на время, уехать подальше от этого бедлама.

* * *

Теперь, несколько слов о более веселых предметах: все Ваши дамы в отсутствии: м-м Попо приехала на несколько дней и уже опять уехала в Биарриц; м-ль Папа вернулась сюда и открыла в себе новый талант — скульптуры, и целый день лепит; кажется, лавры г-на Жавно не дают ей спать. Что же касается до м-м Бюбю-Вава, то она еще не вернулась из Флоренции, но, увы, оказалось, что она увезла туда одного из наших соотечественников, которого я не буду называть из дискретности: он занимался здесь в авиационной миссии.

На днях я встретил на улице Гро—Клода, который только что вернулся из Америки: он с большой похвалой отзывался о Вас и говорил, что Вы вполне прониклись его пониманием момента. Это понимание состоит в том, что главный друг России это Франция, которая по своим старым сентиментальным привычкам признана быть ее неизменной союзницей. Поэтому, для того, чтобы она могла исполнять эту задачу, нужно ей быть сильной, а следовательно, если Америка хочет помогать России, то пусть она помогает Франции, этим она поможет ей исполнить свою задачу относительно России. Эта теория мне очень понравилась по своему остроумию: не знаю только, Вами ли она изобретена, или им.

№ 4

Б.А.Бахметев — В.А.Маклакову
Russian Embassy, Washington

2-е декабря 1919 г.

Лично и доверительно

Дорогой Василий Алексеевич!

Из подписей Ваших под телеграммами узнаю, что Вы благополучно вернулись в Париж, и пишу Вам прежде всего,

чтобы поблагодарить за письмо на машинке, посланное перед отъездом.

Я должен признаться, что письмо Ваше впервые пролило свет на все, что происходило в Париже, так как мы живем здесь совершенно отрезанными от Европы, и до нас доходят лишь смутные, преувеличенные и в большинстве случаев превратные слухи. В связи с этим низко кланяюсь Вам, прося сообщить Ваши впечатления о Юге. Деникинский тыл и даже фронт представляются для нас уже совершенно загадочными, а из кратких телеграмм апокрифического характера никакого представления о вещах составить себе нельзя. Будьте добры, скажите нам, в чем слабость фронта, почему после таких огромных успехов снова отступление. Сообщите Ваше мнение о составе правительства, почему не налаживается экономическая жизнь и посланные нами пароходы не находят в Новороссийске даже балласта. В чем дело с Украиной; уничтожен ли Петлюра и соединились ли галичане, — все это вопросы, без разрешения которых мы не можем вести действенной политики. А между тем почва здесь исключительно благоприятная, и, несмотря на все несчастья и на совершенную необорудованность нашу оружием осведомления, мы порой одерживаем победы на дипломатических турнирах.

Я спрашиваю Вас о правительстве Юга еще и потому, что все больше и больше зреет мысль о перенесении туда центра верховного государственного действия. С отходом из Омска Сибирское управление, по-видимому, получает в значительной мере местный провинциальный характер и последние перемены, поскольку они вызваны уступкой местным элементам, придают всему будущему национальному движению Сибири еще более провинциальный характер¹. Я писал Сазонову о том, что мысль о перенесении центра правительственной деятельности на юг России все более и более усваивается и американцами. Последние долго будировали против Деникина, считая его реакционером, но за последнее время отношения существенно переменялись. Поскольку мне удавалось влиять на кристаллизацию намерений и мыслей, я удовлетворен тем, что формула предполагавшегося признания правительства, остановленного последними событиями в Сибири, включала элемент преемственности, признавая не столько лица, сколько движение. Желанная форма, поскольку она мыслилась американцами как вносящая наименьшую смуту в умы и всего менее заставляющая снова начинать работу сначала, была бы легальная преемственность в смысле передачи временно до своего переезда или совсем адмиралом Колчаком верховной власти генералу Деникину и правительству, при нем созданному. Мысль эта зрела у американцев в связи с надеждой на быстрое взятие Москвы. Сейчас, естественно, все приняло снова выжидательный характер, и мои вопросы поэтому скорее относятся к будущему, если такого будущего можно ожидать сколько-нибудь скоро. Напишите, ради Бога, имеются ли налицо вокруг армии элементы для Всероссийской влас-

ти, существует ли отчетливо выяснившаяся идея о форме и духе работы этой власти, — одним словом, смотрю на Вас как на источник света, который да озарит нашу темноту. Напишите тоже немного о взаимоотношениях партий и, вообще, посплетничайте насчет лиц.

Про нашу работу здесь писать Вам много не стану, так как из писем моих С.Д.Сазонову, которые все носят полуофициальный характер, Вы в достаточной мере можете ознакомиться с деятельностью посольства. Отмечу лишь несколько характерных штрихов жизни Америки, которые весьма любопытны и с исторической, и с бытовой точки зрения. Понемногу Америку начинает охватывать чувство реальности; это, пожалуй, основная доминирующая черта происходящего здесь внутреннего процесса. Охватывает оно не только так называемое общественное мнение, но и отражается в психологии и действии государственных людей. Наивность и, как это ни странно, незлобивость американской политической концепции позволяет этим трансформациям происходить как-то естественно, без подчеркиваний извне и без покаяний изнутри. Все как будто бы ничего, а между тем перемены огромные. Правительство, глава которого издал 14 заповедей², из которых главная — самоопределение национальностей — породила столько бед и столько преувеличенных надежд и толкований, ныне является главным защитником идеи единства России. Принцип единства есть практическая политика, основанная на интерпретации, еще в Париже мною предложенной, известного пункта послания адмиралу Колчаку. Я не теряю надежды сделать мысль о сильной и единой России сознательной основой американского мировоззрения.

Вы помните все те восторженные приемы, которые социалисты запада воздавали Президенту? И что же? Бывший кумир социалистов ныне обрушивается со всей силой правительственного механизма и, по-моему, в мере неразумной и не вызываемой обстоятельствами, на забастовавших углекопов. Как-никак, но не только с большевизмом, но и со всякой политикой, основанной на сентиментальном народолюбии, американское правительство покончило. Основная идея, которая разделяется обеими готовящимися к выборам партиями — идея американизма. Американизм по существу идея консервативная и заключается в борьбе за сохранение начал американской жизни, укрепленных и испытанных долголетним опытом. Защита истинной демократии связывается с неизбежностью социальных основ и лояльностью конституции.

Пишу я все это не с иронией, а наоборот — с завистью, так как после Европы вы радостно вздыхаете здесь, чувствуя, что идея государственности может охраняться народом во имя своих же собственных интересов. Все дело лишь в том, чтобы действительные интересы порядка и государства совпадали с интересами обывателя в широком смысле. В этом есть ключ истинной демократии, хотя в той же мере на этом принципе можно основать и всякий разумный олигархический режим. Как жаль, что эта про-

стая мысль, к сожалению, так мало воспринимается нашими русскими деятелями.

Размахнувшись против радикализма, американцы, как всякий неофит, зашли весьма далеко. Кто-то мне недавно рассказывал, что в качестве криминальной литературы, которую, кстати, берут не иначе, как длинными щипцами, фигурирует коммунистический манифест, который мирным образом печатался здесь не менее 50-ти лет. Но это ничего. С точки зрения тех мыслей, которые я Вам когда-то развивал в Париже, о том, что в настоящее время наиболее прогрессивным мировоззрением являются начала консервативные, охраняющие остатки политической и экономической цивилизации, — это перебарщивание со стороны американцев только полезно. Сейчас я борюсь только против того, чтобы не экспортировали в Россию Гольдман³ и других анархистов и чтобы в результате сознательного акта американская государственная власть не сделала бы того, что с приездом Троцкого и его сподвижников было сделано Временным русским правительством во имя абстракции либерализма⁴.

Приходится бороться сейчас и с другими затруднениями. Я писал уже неоднократно, что разрабатывается программа помощи для представления в Конгресс. Все, что касается экономической помощи — спасения голодных и проч., как будто вполне усвоено и представлено правильно. Но огромные затруднения мы встречаем с просьбой о военной помощи. Хотя в послании к Колчаку и говорится о помощи военным оружием и само американское правительство сознает, что военная организация большевиков может быть разбита лишь силой, — тем не менее власть боится сделать необходимый шаг в официальном послании к Конгрессу, так как в просьбе о законодательстве, позволяющем отпускать оружие для борьбы против большевиков, видит объявление фактической войны большевикам. Такое объявление, по мнению здешних властей, в том случае, если бы национальное движение неспособно было собственными силами справиться, повлекло бы за собой необходимость для Америки самой выполнить ту задачу, во имя которой совершается отпуск оружия, а это, в свою очередь, вовлекло бы американцев в такие предприятия, для которых почва, во всяком случае, еще не созрела. Я делаю все возможное, чтобы спасти положение. Пытаемся воздействовать на прессу, но, должен сказать, что встречаю в этом вопросе большое противодействие и со стороны таких республиканских кругов, которые вообще сочувствуют всяким энергичным решениям и всяким проявлениям силы и авторитета. Пользуюсь при этом параллелями опасности военного империализма большевиков с опасностью милитаризованной Германии; сопоставляю нынешнее положение в России с точки зрения того ответа, который подсказывался американскими национальными интересами, с тем, что было на союзном фронте весной 1918 года, — одним словом, ведем атаку артиллерией тяжелой, средней и мелкой, подавляя такую страдающей иногда

вульгаризацией постановкой вопроса внутренние сомнения относительно абсолютной справедливости тактических истин. В этом смысле тоже буду искать от Вас света, хотя я склонен думать, что вопрос разбития большевиков действительно вопрос чисто военный.

Про себя лично напишу очень мало, конечно, не касаясь веселых предметов, так как, во-первых, здесь таковых не существует, а, во-вторых, если я и делал в Париже что-либо такое, что могло чрезмерно (sic!) строгих цензоров нравов наводить на некоторые мысли, то делал это исключительно под Вашим влиянием. В Вашингтоне жизнь весьма скучная — очень мало интересных людей, и в те, правда, редкие периоды, когда интенсивность работы ослабевает, здесь делается невыносимо скучно. Впрочем, *fastidium est quies*⁵. Езжу довольно часто в Нью-Йорк, встречаю русских, которых, к счастью, в Вашингтоне нет. Здесь мы живем совсем вдали от тех невероятных сплетен и пересудов, которыми полон Нью-Йорк. Большинство русских в одном действительно объединены — в том, что ругают посольство, хотя, должен сказать, что последнее время немножко меньше, чем раньше. Это не мешает, однако, многим из них вести с нами дружбу (есть все же, хотя и немногие, исключения). Напишите, очень ли нас ругают на Юге и в каких смертных грехах упрекают меня, грешного. Объединение всех политических элементов (особенно тех, которые настроены против американцев) против нас в Омске тоже, по-видимому, вне сомнения. Удивительнее всего при этом то, что мы сами никак не можем признать себя неправыми. Пока до свидания.

Елена Николаевна, которой я диктую это письмо, просит присоединить свой привет. Я рад, что последнее письмо Ваше написано на машинке, так как Ваш почерк все эксперты не могли разобрать.

Искренне Ваш, *Б.Бахметев*.

№ 5

В.А.Маклаков — Б.А.Бахметеву

Париж, 7 декабря 1919 г.

Дорогой Борис Александрович!

Вчера получил Вашу телеграмму с пометкой «лично». Завтра к Вам едет Полк¹, и обещал доставить Вам это письмо. Пользуюсь случаем, чтобы написать несколько слов тоже совершенно лично, которые только потому и буду писать с полною откровенностью, что беру с Вас обещание, что они будут только для Вас и будут поняты, как излияние в минуту душевной тревоги.

Я не знаю, получили ли Вы мое письмо, которое я написал Вам перед отъездом на Юг России. Боюсь, что я послал его с Монкевицем², и оно пропало. Повторять его сейчас не стоит, хотя это письмо доказало бы Вам, что я не повинен в том молчании, о котором Вы пишете. Но это письмо доказало бы Вам и другое. Я ехал в Россию, чтобы заразиться тою верою в быстрый конечный успех Деникина, которой у меня не было. Не только военные успехи Деникина, но восторженные письма Национального Центра, подписанные М.М.Федоровым³, о том, как все препятствия падают перед Деникиным, как растет его авторитет, как все население, по их выражению, бежит к нему, — все это заставило меня заподозрить, что началось действительно национальное возрождение России. Я поехал затем, чтобы это увидеть своими глазами, в это поверить и на этом здесь настаивать. Я вернулся в большом смущении. Правда, я попал неудачно, только что началось отступление Деникина по всему фронту, и анархическое движение махновских банд. Там на это смотрели очень спокойно. Деникин сказал мне фразу, которую, очевидно, повторяет всем, и которая резюмирует их отношение к делу: наша кривая идет зигзагами, но все повышаясь. Теперь мы в периоде понижения, но воспрянем вновь. Я готов сделать поправку, вызванную временным направлением этой кривой, но думаю, что поправка должна быть очень незначительна, так как вообще население в тылу фронта очень мало реагирует на события фронта, и едва ли очень смущается и огорчается неудачами. Вот мои общие впечатления. Деникину удалось создать, по-видимому, прекрасную армию, оговариваюсь, я армии не видал, но только об ней слышал, и невольно мой скептицизм заставляет думать меня: не потому ли она кажется мне столь прекрасною, что я ее не видал. Но это все-таки избыток скептицизма. Похвалы про армию слышал со всех сторон, от самых больших скептиков, и потому я думаю, что это правда. Армия возродилась, вошла во вкус войны, выдвинула молодых и талантливых генералов, и с этою армиею можно быть спокойным. Но зато в России, кажется, только и есть хорошего, что эта армия. Деникин сам в своих речах говорил, что тыл отстает от фронта. Это такой же эвфемизм, как и знаменитая фраза из Правительственной декларации, что распад официальных связей идет быстрее их создания. Тыл просто никуда не годится и больше всего потому, что я не вижу в нем никакого идейного одушевления, никакой жажды работать и абсолютно никакого организационного таланта. Армию, действительно, встречают с восторгом, но затем восторг сменяется озлоблением, так как никакой пользы от прихода Добровольческой армии население не видит.

А правящие классы, в пользу которых немедленно издается ряд декретов, отмена всяких национализаций и т.п., эти правящие классы тоже недовольны. С одной стороны, потому, что им приходится действовать в прежней обстановке неуверенности в за-

вращаем дне и в личной безопасности. Потому вся энергия, поскольку она оставалась, уходит на удовольствия и на наживу. Процветают развлечения и спекуляция. Спекулируют и воруют все, и чиновники больше всех, так как Бернацкий⁴ своею бережливостью и скопидомством ставит их в абсолютную невозможность жить без спекуляции. Вместе с тем у всего русского общества нетерпеливое ожидание, когда же мы будем в Москве. Но про приход в Москву они говорят так, как будто этот приход должны делать и сделать за них, помимо них. Хорошо еще, если эта задача возлагается только на Добровольческую армию. Не менее часто этого просто-напросто требуют от союзников или немцев. Эти настроения тыла смутили меня настолько сильно, что я просил авторов бодрящих писем от имени Национального Центра рассеять мои сомнения и указать те данные, на которых они строят свой оптимизм. Было созвано для меня небольшое, по моему желанию, собрание из представителей кадетов и Национального Центра, чтобы выслушать мои тревоги и дать мне на них исчерпывающий ответ. Конечно, во-первых, все опоздали на час. Я сидел этот первый час с одним Степановым⁵, да и то только потому, что совещание происходило на его квартире. Наконец, все собрались. Я изложил мои тревоги и просил их указать мне, что делается, чтобы наладить транспорт, фабричное производство, политическую безопасность, товарообмен и т.д. В ответ на это я выслушал 12 блестящих речей; красноречивые ораторы говорили мне о том, как начиналась Добровольческая армия, о том, как они все верят в Россию, как во всякой революции есть теневые стороны, что нельзя смотреть только на них, не замечая всего того, что есть отрадного. Когда после двух часов такой болтовни я, наконец, ушел, они без всякой иронии меня спрашивали, удалось ли им рассеять мои сомнения. Я должен Вам сказать, что, если кадеты и сдвинулись вправо и поумнели, то они остались такими же теоретиками и болтунами, какими были всегда. Теперешний режим у Деникина есть режим коалиционный. В одном правительстве заседают Лукомский⁶ и Астров⁷. В этом все видят всю мудрость этого строя священного союза, но этот священный союз привел пока только к тому, что они друг друга парализуют и друг друга обвиняют за неуспех.

Единственный плюс, который я усмотрел, это то, что опасность большевизма и его победа настолько реальна, что подкапываться под Деникина, мешать Добровольческой армии, кроме его определенных врагов, никто не хочет. Сами социалистические партии с ним мирятся, но помогать ему также никто не хочет. Одни по несогласию с ним, другие по лени, третьи по неумению. Единственная живая сила России, которая работает за ее восстановление, есть сила военная, с ее достоинствами, но и с ее недостатками, относящаяся ко всякому сознанию права с презрением к интересам и правам гражданского населения, ко всякого рода юриспруденции и т.д. Конечно, если бы армия была много силь-

нее большевистской, то успех был бы обеспечен. Но Вы видите, что большевизм все-таки в военном отношении всех изумляет, и что возня с ним пока не окончена, Деникин думает, и это из различных источников подтверждается, что большевизм этой зимы не перенесет. Но Вы знаете, как обманчивы такие надежды. Я же лично боюсь, что Деникин достиг максимума возможного для него успеха, считая как данные и количество войска, и политическое и моральное состояние тыла. Если с этим тылом и с таким отношением русского общества он попытается идти дальше, то он может нажить себе катастрофу, подобную колчаковской. Но он осторожнее Колчака и, вероятно, дальше не пойдет. Но тогда ставится другой вопрос: что будет весной? Нам отсюда виднее, как складывается международная конъюнктура. Я с грустью констатирую не только то, что вера в Деникина падает, но что для этого есть основания. Деникин и его окружающие как будто бы еще не та сила, которая Россию оздоровит, и вот среди многих русских людей началось течение, что мы не справимся без посторонней помощи и что необходимо к сотрудничеству привлечь соседей, румын, поляков, финляндцев и так дальше. Мне незачем называть Вам русского человека, который издавна проповедует эту систему и который сейчас сделался апостолом ее среди иностранцев⁸. Как бы то ни было, но на нас сделан этот нажим. Соглашайтесь, миритесь, или мы от вас отступимся. Я более чем скептически смотрю на этот проект. Я не верю в то, что эту помощь нам окажут, ни в то, что если ее окажут нам, она будет действительна и достаточна. Наконец, далее, у меня нет сомнений, что Деникин пойдет на эти уступки только тогда, когда он будет в положении Колчака, то есть когда в них не будет уже смысла. Потому мое внимание от этого плана возвращается к проблеме, что нужно сделать что-нибудь, чтобы вдохнуть другой воздух и другие приемы в деникинскую армию, но раньше, чем говорить Вам об этом, два слова о большевиках. Агентурные сведения продолжают доносить, что большевики погибли, что они не переживут этой зимы, но есть и сведения обратные. Ко мне приехал один француз, давнишний житель Петербурга, прекрасно говорящий по-русски, который убежал из Петербурга 22 октября. Он вовсе не оптимист, считает, что большевизм разрушается, что он погибнет, но рисует при этом такую картину, которой мы все-таки не ожидали.

К большевизму приспособились, а организация экономическо-промышленной жизни, врученная диктатору Красину⁹, вернувшись вполне к прежним началам капиталистическим, мало-помалу создает стройный механизм, который только не пускается в ход за отсутствием сырья, и угля, и денег. Если только союзники бросят блокаду, то сейчас все вновь заработает. Не думайте, что я советую примирение с большевизмом или возлагаю надежды на его перерождение, — я просто отмечаю те мысли, которые могут появиться в голове у наших союзников, и уже появляются, о том,

что лучшее средство покончить с большевизмом — это вывести его на свежий воздух. Эта мысль бродит в головах даже французов, несмотря на то, что они очень осмелели после своих выборов и, что еще удивительнее, бродит в умах и многих русских капиталистов. Мне передавал Батолин¹⁰, который собирался ехать на Юг к Деникину, что ряд крупных финансовых деятелей говорил ему: бросьте, поезжайте лучше к большевикам. Там вам дадут финансово-промышленную диктатуру, и Вы наладите жизнь, которую большевики расстроили, а у Деникина вас запихают в комиссии, отдадут под ряд контролей и Вы увидите, что ничего сделать нельзя. Вот последнее замечание, боюсь, в значительной степени правильно. Комиссии, коллегии и священный союз нас губят. Но и для диктатуры не находится людей, авторитетов и охотников. Но интересно то, что даже русские капиталисты, видя, какие дела можно сейчас обдывать в России, начинают тосковать о блокаде, устроенной над большевизмом, тем более начинают тосковать об этом капиталисты иностранные, а так как большевики идут сейчас на какие угодно обещания и сделают все, только бы открыли им дверь, то несмотря на торжественные обещания всех глав государств, что с большевиками мира не будет, я не уверен в том, что этого опыта не попробуют. А что еще хуже, я не уверен и в том, что этот опыт не приведет действительно к перерождению большевизма и к замене их режима чем-то новым, что одинаково победит и большевизм, и Деникина. Конечно, я осторожно говорю, что я в этом только не уверен. Зависит это от того, продолжают ли большевики быть фанатиками коммунизма, будут ли они стараться распространить учение свое во всем мире или просто дадут господство тем, которые нажились за время смуты, но те последствия, которых я и, вероятно, и Вы, боимся при таком исходе большевистской авантюры, то есть подпадение под власть немцев, расчленение России или распадение ее на части, почти ничем друг с другом не связанные, вот все эти вопросы, которые заставляют нас желать хотя бы временного продления большевизма, до полного его уничтожения, эти вопросы, как видите, перестают пугать не только русский народ, равнодушный к государственному величию страны, но даже и капиталистические сферы, которые могли бы учесть последствия этого.

Я не хочу кончать на одном пессимизме, да того, что я Вам пишу, я здесь и не высказываю. Я и для Вас скажу, что в конце концов русский народ терпелив и к беспорядкам в тылу у Деникина приспособится, как приспособились и к большевизму. Если только союзнические капиталы устремятся на Юг России, ценою хотя бы временного капиталистического закабаления, но вызовут расцвет экономической жизни, то Юг получит громадное преимущество перед Севером. Потому мы здесь остаемся непоколебимыми. Но я хорошо понимаю, какие соблазны и какие доводы представляются Ллойд Джорджем в той его политике, которой мы возмущаемся¹¹.

Теперь последнее слово. Я телеграмму Вашу получил вчера и завтра буду об ней говорить Сазонову, но два замечания. Во-первых, мне отсюда не совсем понятно, как конвент¹² представляет себе ту новую международную политику, которую поведут в Сибири. Что это — германофильство или японофильство, или что-нибудь новое. Во-вторых, я боюсь, что перемена политики в Сибири может вызвать и перемену в отношении к Сазонову. Из того конфликта его с тремя нашими левыми, о котором я Вам писал, Сазонов пока вышел победителем, но неизвестно, что будет дальше, как отнесется к нему новый сибирский курс. А, в-третьих, Сазонов собирается тоже поехать на Юг. Мне кажется, что ему просто хочется уехать от предполагаемой конференции или заручиться определенными инструкциями. Поэтому я не знаю, удастся ли мне его удержать. Во всяком случае, я очень восстаю против поездки Сазонова в настоящее время и Ваша телеграмма будет новым для этого доводом. Но очень прошу Вас, привлечите к работе Елену Николаевну и напишите мне подробно все то, о чем Вы думаете, чего боитесь и на что надеетесь.

№ 6

Б.А.Бахметев — В.А.Маклакову
Russian Embassy, Washington

Спешно.

Лично и совершенно доверительно.

8-е декабря 1919 г.

Дорогой Василий Алексеевич.

Вализа задержалась отправкой, и я пользуюсь случаем, чтобы добавить Вам еще несколько слов.

Чем больше я вдумываюсь в смысл происшедшего в Омске, тем более я прихожу к заключению, что события обрекли будущую власть на подчинение местным влияниям и на плавание в орбите местных интересов и забот. Поскольку это отражается на внутреннем управлении, в этом особой беды нет: все равно по внутренней линии особенного объединения не было и власти во всех местах действовали по существу самостоятельно; поскольку же центральная власть старалась заниматься законодательством, то это ограничивалось по преимуществу изданием «Вестника правительственных узаконений»; можно жалеть о людях, которые тратили время на это довольно бесполезное занятие, — но во всяком случае вреда от него никакого не было. Но что меня страшно смущает, это тот курс, который примет новая власть в области иностранной политики. Я могу ошибаться, но мне кажется, что подчинение японскому влиянию неиз-

бежно. Вообще кругозор Сибири крайне узок, и все происходящее в мире поневоле рассматривается сквозь желтую призму. Вы знаете, насколько я враг заграничных центров и насколько я боюсь управления национальной политикой из мест, поневоле принимающих тот или иной эмигрантский оттенок, но при нынешних обстоятельствах мне кажется, что единственным местом, откуда свободно, без подчинения местным влияниям и с полной ясностью кругозора можно направлять национальную политику России, является какой-либо заграничный центр — Лондон, Париж — безразлично. В связи с этим я думаю, что время пришло, когда необходимо С.Д.Сазонову, как министру иностранных дел, громко сказать свое слово и узурпировать власть. Я думаю, что прошли времена, когда Омск имел право ее оспаривать; к тому же личные перемены лишат министерство в Омске последней тени компетентности и влияния. Если бы на Дальнем Востоке и были совершены ошибки, то они не будут носить печати общегосударственного согласия, и самый факт лишения власти в Восточной Сибири морального права говорить в области иностранной политики от имени всей России будет огромным шагом вперед; оно вырвет почву у Японии и вынесет обсуждение и решение вопросов из атмосферы злобы и страха.

Как произвести перенесение центра управления иностранной политикой в Париж, — я не знаю; это виднее Вам, на месте, но это нужно сделать. Я думаю, что Вы со мной будете согласны и приложите к осуществлению этого все старания. Переговорите по этому с Гирсом; я уверен, он будет согласен со мной. Если для того, чтобы это сделать, необходимо было бы коллективное заявление послов, я готов присоединить свою подпись к тому, что Вы с Михаилом Николаевичем решите. Мне иногда казалось, что нужно взять не Париж, а Лондон, но я имею основание думать, однако, что ряд крупнейших английских деятелей не настроен дружески к идее единой сильной России. Ввиду этого, может быть лучше остаться в старом болоте.

Второй вопрос, о котором я хотел Вам написать, тоже упоминается в той секретной телеграмме, которую я Вам послал. Он скрыт в довольно таинственной фразе «обеспечение целесообразной и своевременной преемственности государственной власти». Этим я хочу сказать следующее: если Сибирь обречена играть местную роль, то не своевременно ли теперь же предпринять ряд активных шагов, чтобы законною и свободною преемственностью национальное водительство было передано на Юг. Я придаю этому по преимуществу символическое значение, так как считаю, что в конце концов все отдельные части России, находящиеся во власти национального движения, управляются самостоятельно; но символ имеет существенное значение. Мы работаем вокруг признания, мы работаем вокруг известной программы помощи, включающей кредит и проч.; нельзя работать без субъекта в движении

и искать признания и поддержки только движения, как такового. Я ставлю вопросы, а не отвечаю на них. Возможно, что власть в Сибири именно потому, что она будет ближе к местным элементам, даже укрепится, но не надо забывать, что фактически Иркутская власть будет управлять малой частью Сибири к западу от Байкала, атаманщина в Забайкалье лишь окрепнет морально и, вероятно, материально.

Повторяю: Вам виднее. Я хочу только поставить вопрос и заранее склоняюсь перед мудрым решением Вашим и наших друзей. Однако не откладывайте этого вопроса. Несомненно, мы многое сделали в Париже в свое время, чтобы объединить власть. Думаю, настанет момент, когда снова за границе нужно проявить не только инициативу, но и решительную настойчивость. Лучшей формой могла бы быть самочинная передача власти Верховным правителем генералу Деникину и его правительству. У меня были надежды, что это произойдет само собой, и в Омске догадаются это сделать без воздействий; однако, надежды эти не оправдались.

Хочу Вас просить еще черкнуть мне два слова о том, как стоит дело во Франции с отношением к вопросу об единстве России или, вернее, к мысли о сильной объединенной России в будущем вообще. Я Вам уже писал о своих намерениях здесь. Мне было бы крайне важно быть осведомленным о том, как обстоит дело по ту сторону Атлантики. В Англии, по-видимому, дело обстоит не совсем хорошо, хотя в практических применениях, — кроме Прибалтики, кажется, британцы вели себя лучше, чем французы.

Два слова еще о моей главной просьбе — дать нам материал о Юге. Дело в том, что мне необходимо иметь документ, исходящий от лица, авторитет которого не подвергается сомнению, на основании которого я мог бы делать заявления, а главное воздействовать на Правительство. Я просил и прошу Вас еще раз прислать нам возможно скорее вализой такую пространную и полную грамоту, чтобы я мог, прикрываясь Вами, говорить о вещах, как о фактах, сообщенных источником, авторитетность и беспристрастие коего не могут подвергаться сомнению. Это мне крайне важно. Не полнитесь подробно написать, что Вы знаете об украинстве, о Петлюре, а также о всяких местных сепаратистических движениях, в частности, и о Кавказе.

Вы, вероятно, будете меня очень ругать за такую назойливость, но так как Вы пишете, что Вы не занимаетесь «веселыми предметами», то у Вас, наверно, много свободного времени.

Искренне Ваш
Б.Бахметев

Простите за стиль, отправляю наспех.

10/XII. P.S. Получил убедительные подтверждения своих опасений о подчинении японской ориентации иркутской власти.

Б.

В. А. Маклаков — Б. А. Бахметеву

Париж, 11 декабря 1919 года.

Дорогой Борис Александрович,

Сегодня получил Вашу телеграмму № 1264 и сейчас же принялся за ее исполнение¹. Но раньше хочу Вас просить установить правильное отношение к тому моему письму, которое передаст Вам Полк. Основная мысль этого письма есть огорчение от поведения русского общества. Что больше, чем что бы то ни было наводит меня на разные грустные сомнения. Я не задавался целью в этом письме ни излагать все то, что делается, ни искать и представлять светлых сторон. Может быть поэтому краски несколько сгущены. Поэтому же я очень Вас прошу смотреть на него как на абсолютно личное и никому не показывать. Настоящее письмо будет содержать более объективные факты и, конечно, с ним делайте, что хотите.

Вы спрашиваете вначале о вопросах военных. Как я уже Вам писал, это, кажется, самое лучшее, что есть на Юге. По общему отзыву войско прекрасное по дисциплине, по настроению, выдвинулись новые и замечательные военачальники, дерутся с воодушевлением, в Деникина все верят и именно благодаря этому качеству в войсках и держится глубокая уверенность в победе над большевиками. Теперь недостатки: во-первых, его мало для того фронта, который они защищают, мало, потому что нет достаточного вооружения и снабжения, многие мобилизованные и призванные не использованы и остаются сзади, в вооружении есть темные точки, в определенный момент может не хватить патронов для русских ружей, вооружать винтовками не русскими значит вносить ту путаницу, с которою не справлялись и в нормальное время, патроны готовятся на своих заводах, но скоро не останется лагуни, которую пока не сумели закупить здесь, за границу. Результатом недостаточности армии является совершенно нерегулярный порядок войны. Нет фронта, армия стоит кучками на узлах дорог, она принуждена двигаться, в этом только ее спасение, иначе может произойти сосредоточение и ее могут разбить; потому, она идет скорее и дальше, чем нужно, но зайдя слишком далеко вперед, приходится отступать. Это придает бодрости большевикам, которые подвергают население жестокостям и зверствам. В Воронеже, как передал мне Петряев, епископ, служивший молебен по случаю прихода Добровольческой армии, был живым сварен в котле, а духовенство под угрозой истязаний и расстрелов, заставили пить этот суп.

Между прочим, то письмо, которое было найдено в Москве у Щепкина² и которое повлекло за собой раскрытие контрреволюционного заговора, как говорят, заключало в себе просьбу к Де-

никину не занимать тех местностей, которые он не рассчитывает удержать. Но как ни разумны эти советы, повторяю, Добровольческой армии было трудно им следовать, приходилось маневрировать все время, но этот способ войны придал громадное значение коннице и рейд Мамонтова³ показал, что можно безнаказанно гулять по тылам, парализуя действия противника. Должен добавить, что большевики поняли всю важность этого приема и уже организовали очень серьезные массы кавалерии⁴, которые причиняют немало хлопот Деникину. Отсюда, между прочим, следует, что необходимо обратить серьезное внимание на привлечение конницы, для чего не хватает подков и особенно седел. Другая теневая сторона армии лежит в области гражданской и политической. Про гражданскую я Вам уже говорил, что трудно удержать эту армию от грабежей и мародерства, что довольно быстро восстанавливает население против вообще добровольцев. С политической же стороны плохо то, что в ряде случаев Деникин принужден мириться и смотреть сквозь пальцы на то, что делает армия. Конечно, всему есть пределы, но все же нельзя рубить сук, на котором сидишь. Я не слышал ничего слишком вредного о политическом настроении армии; возможно, что там есть монархисты, это даже очень вероятно, но наблюдая многих монархистов на Юге России и, положительно убежден, что единственной основой монархии предполагается будущее учредительное, или как чаще любят говорить, национальное собрание, а время, когда вопрос об этом может быть поставлен, — есть полное освобождение от большевизма. Поэтому сейчас монархизм офицеров не страшен и не опасен, но в армии, которая понимает, что она единственная опора от большевиков, которая возмущается тем, что делает тыл, злится на его беспорядки, в этой армии рождается горделивое чувство, что в них одних спасение России и что нужно следовать тем советам, которые они дают.

А эти советы и понятия офицерства очень упрощены: бей социалистов, бей спекулянтов, бей жидов, и плохо то, что не всегда власти могут бороться с такими настроениями. Если бы тыл был лучше устроен, если бы он кипел продуктивной и полезной работой, словом, если бы он внушал уважение, то, конечно, и армия относилась бы к нему лучше. Одним из характерных проявлений такого особенного духа армии и показателем того, что она иногда может быть полезной, является эпизод с Кубанью. Кубанская Рада, как все парламенты России, шла в поводу за крайними течениями и за декламаторами. Она причинила много неприятностей Деникину и вот это поведение Рады вызвало против нее озлобление в самих кубанских частях. Как раз то, что было и во Франции против Палаты депутатов и в начале революции в армии против советов. Деникин воспользовался этим настроением и в момент, когда Рада, действительно, перешла границы терпимого, вызвал с фронта кубанские войска, разогнал тот кубанский гарнизон, который должен был защищать Раду, и Раду распустил⁵. До-

бавлю, что, по отзыву Петряева, это имело самое оздоравливающее значение, но, конечно, нужно подождать для окончательного суждения.

Теперь вопросы гражданского управления. Управление Деникина не обинуясь называет себя военной диктатурой, это, в сущности, там общепризнано, западно-европейские возражения против этого никакого отклика бы не встретили. Диктатуре все подчинились, хотя бы как неизбежному злу, тем более, что все верят Деникину, когда он говорит, что, сломя шею большевикам, он уйдет сажать капусту. Особое совещание при Деникине назначено, чтобы содействовать ему в делах законодательных и административных. Подчеркиваю, только «содействовать», как это выражено в первом пункте закона. В это совещание включены министры и затем довольно много лиц по особому приглашению Деникина. Фактически их баллотируют в том же Особом совещании, но юридически Деникин их назначает. Совещание это разрослось больше, чем нужно для деловой работы и тогда явилась мысль разделить два понятия: оставить министерство как таковое, а для разговоров создать законосовещательный орган и предоставить ему право запросов. Этот орган должен был быть наполовину по выбору, наполовину по назначению. Характерно, что когда к Деникину приходили народные социалисты с претензиями на то, что они устранены от коалиции и не участвуют в самоуправлении, то Деникин, отказываясь включить их в состав правительства на том основании, что они слишком долго были врагами Добровольческой армии и потому их назначение вызвало бы неудовольствие в армии, в то же время обещал включить их в этот законосовещательный высший совет. Любопытно то, что, по общему мнению, которое пока разделяют и социалисты, они не имели никаких шансов быть выбранными и потому соглашались идти по назначению. По сведениям, полученным мною уже после отъезда, происходит, однако, заключить, что созвание этого высшего органа отсрочено. В местностях управление построено приблизительно так: сначала, по их освобождению, там управление военное, во главе его тыловой комендант, которому подчинены уездные тыловые коменданты, а земские и городские учреждения не восстанавливаются, они заменяются комиссиями из местных лиц, что-то среднее между губернским управлением и городской и земской управою. Но через некоторый промежуток времени вводится гражданское управление. Там уже есть губернатор и исправник, с одной стороны, и избираются земские и городские учреждения, с другой, а до их избрания назначается губернская и земская управа. Избирательный закон составлен очень умно. Он не отказался от всеобщего избирательного права, но ввел оговорку необходимости связи с местностью.

Это же последнее достигается либо двухлетним непрерывным проживанием в местности, либо имуществом, — так замаскировано введение элемента ценза. Выборы в эти городские и земские

собрания уже в ряде местностей прошли. Они характеризуются следующими двумя признаками: колоссальным абсентеизмом, во-первых (голосуют 10%), и победою двух флангов, во-вторых, центра нет. В периоде организации находится и еще один институт — государственная стража, то, что в международном праве именуется жандармерией; она на военном положении, но подчинена в целом министерству внутренних дел, а на местах губернаторам, в лице их помощников. Эта государственная стража пока только на бумаге, для нее не хватало ни вооружения, ни одежды, ни денег.

Теперь как стоит дело с гражданским управлением. Здесь два главных недостатка, которые характеризуются словами: нет людей и нет денег. Людей, то есть подходящих, действительно, нет по многим причинам. Во-первых, благодаря коалиционному составу правительства каждый его фланг очень критически относится к рекомендации другого, во-вторых, по соображениям высшей политики целый ряд кандидатур, например, местных помещиков и местных чиновников устраняется, в-третьих, жизнь настолько дорога и жалованье настолько ничтожно, что честные люди, если они не подвижники, на эти должности не идут, в-четвертых, честные люди не всегда бывают храбрецами, а стоять во главе власти, не имея под рукою надежной силы, все-таки страшно. По этим причинам охотников к власти немного, а те, которые идут, идут либо ради возможности спекуляции, которая процветает, либо иногда, что еще хуже, чтобы вырвать с корнем зло революции. Одним из простейших способов привлечь сюда честных и способных людей было бы обеспечить их жизнь, дать им сносное жалованье. Как всегда этому противится министр финансов. Меня уверял Бернацкий и, с его слов, очевидно, Деникин, будто повышение жалованья сейчас же повлечет за собою вздорожание всех продуктов, так что не стоит его и увеличивать. Вы больше чем я финансист и судите сами, может ли это быть. Как бы то ни было, отсутствие денег у администрации, отсутствие денег у земств, есть основное бедствие тыла, и я очень неясно представляю себе, каким образом можно рассчитывать оздоровить атмосферу, пока финансовое состояние страны фатально обречено на ухудшение.

Сейчас очень кстати перейти к третьему вопросу, который Вы ставите, то есть финансово-экономическому. Об экономическом скажу несколько позже, сначала о финансовом. Пока я могу уловить в финансовой системе только несколько основных принципов: бережливость — во-первых, введение тех налогов, которые можно взимать, то есть по преимуществу косвенных, — во-вторых, печатание бумажных денег — в-третьих, воздержание от какой бы то ни было финансовой реформы, пока не будет сломлен большевизм — в-четвертых, Бернацкий очень убедительно показал мне, что все попытки произвести частичную реформу, например, изъять из обращения «керенки», не говоря уже о Пути-

ловском проекте франко-рубль⁶, катастрофически отзывается на внутреннем рынке. Стать хозяином страны, определить количество золота в руках государства, взять его за основу новых денег и затем произвести девальвацию, — так более или менее представлялось ему в отдаленном будущем наше финансовое управление. До этого он только изобретал новые налоги, не исключая и мечты о «монополии». Вчера я видел английского генерала Бриггса⁷, который после меня выехал из Таганрога и сообщил, будто Бернацкий хочет немедленно изъять из обращения все старые деньги, заменяя их новыми. Лышу себя надеждою, что он ошибается, не потому, что я считал бы это неправильным, — я не судья, но потому, что такого рода резкая перемена в несколько дней в голове министра финансов очень подорвала бы мое доверие к его суждениям.

Уже после того, как я написал эти строки, здешние русские финансисты уверяли меня, что в словах Бриггса есть какое-то очевидное недоразумение, и что Бернацкий ничего подобного не замышляет.

Теперь об экономике. Экономика самый важный и самый хромающий пункт в южной политике. Значительную долю ответственности за неуспех возлагают на личность министра торговли Лебедева; когда я был в Таганроге он был болен воспалением легких и я его не мог видеть. В день моего отъезда Лукомский и Деникин сообщили мне, что он уволен, а приехавший сюда после меня Петряев подтвердил, что речь шла о предании его суду⁸. Главное затруднение в экономике зависит от того, что наш рубль ничего не стоит за границей, что держатели сырья крестьяне тоже ничего не продают за рубль, что торговый аппарат в значительной мере разрушен, а правительственный аппарат из рук вон плох. В области экономики мы вообще прошли через несколько периодов. Вначале это представлялось частному усмотрению, предприимчивые иностранцы приезжали с товарами; это были преимущественно американцы и англичане. За неимением частного торгового аппарата товары передавались управлению торговли, т.е. государству; государство посредничало в обмене его за сырье. Здесь начиналась административная неразбериха и злоупотребления. Население почти ничего не получало или за бешеные цены. Очень часто и товары не были нужны населению, предметы роскоши. В результате, корабли не могли ничего купить и уходили возмущенные или, напротив, давая взятки направо и налево они за негодные товары увозили драгоценное сырье. Это был период, когда никакой пользы население не получало, кредит тоже падал все больше, а поощрялась одна спекуляция и *poiveaux riches**. Это продолжалось не так долго, и второй период характеризуется появлением частной торговли. Главными пионерами здесь явились итальянцы.

* Нувориши (франц.).

Правительство стало понимать, что покупать все за свой счет значит срамиться, стали разрешать просто торговые сделки между населением и отдельными предпринимателями. Правительственная роль сводилась к информации, какие товары можно достать, по каким ценам, на какие товары есть спрос и на какие нет, какие разрешаются к ввозу и какие не разрешаются. Появились торговые агентуры, представители Юга по всем главным центрам. В качестве таковых у нас здесь Савицкий, в Константинополе Пилленко⁹, но улучшения из этого почти не было. Если прежде пароход приходил на свой страх и риск и либо делал незаконные аферы в портах, либо, напротив, разорялся, то здесь продолжалось то же самое, только при некотором участии официозных представителей власти. За разрешение ехать за товаром приходилось, как говорят злые языки, платить. Главное, разрешение создавало как будто право чего-то требовать, а фактически приехавшие пароходы находились в таком же беспомощном положении и им платили деньгами, за которые ничего нельзя было купить.

Они принуждены были обращаться к посредничеству либо того же управления государственных органов власти, либо к посредничеству спекулянтов. И, действительно, находили им нужное для экспорта сырье, но наживались, главным образом, посредники и железнодорожники. Как иностранные продавцы, так и потребители чувствовали себя обиженными и обманутыми. Это зло стало сознаваться и в третьем периоде решили применять иные приемы. Прежде всего государственная власть встала решительно на путь частной торговли, а не государственной, но эту частную торговлю хотела сделать не кустарной, а организованной в большие и богатые предприятия при сочувствии, а может быть и содействии правительства. Создался целый ряд торговых компаний, во-первых, московское общество во главе с Рябушинскими¹⁰, во-вторых, организации во главе со Второвыми¹¹ и в-третьих организации, связанные с именами Ратькова-Рожнова и Бобосухова¹². Все эти организации, как мне говорил заведующий министерством торговли, близки к объединению. Они должны были иметь и капитал, и агентуру, и средства транспорта. Рядом с ними существовали и существуют кооперативы. В Париже очень жалуются, будто к ним относятся враждебно из-за политических причин. Когда я был в Ростове, то я не был еще знаком с теми жалобами, которые раздаются за границей, поэтому у меня на руках не было, да, впрочем, и сейчас нет достаточных фактов. Я в Ростове расспрашивал по собственному почину об отношении власти к кооперативам. Для меня было ясно из ответов, что к ним относятся очень сдержанно; были ли здесь политические причины, т.е. подозрение, что под видом кооперативов ведется антидобровольческая пропаганда или простое несочувствие больших финансовых организаций, которые боятся конкуренции. Я судить не берусь, но несомненно, что в политических концепциях Юга кооперативы не занимают большого места. Предоставляя все ведение

дела торгово-промышленным организациям и частной предпринимчивости, власть оставляет за собою контроль. Создался особый орган «экспортная комиссия», в которую включены представители власти, представители этих организаций и представители кооперативов. Задача этой экспортной комиссии определять то, что можно вывозить и что можно ввозить и даже устанавливать цены, если не обязательные, то хотя бы для руководства, определяя их в общих чертах в иностранной валюте. Ценить что-нибудь на русский рубль представляется невозможным. И таким образом в идее предполагалось ввести товарообмен на роль государственно важного дела, но поставив его на коммерческие начала, отдав его в руки капитала единоличного и организованного и устанавливая некоторый правительственный контроль. В этот контроль включались представители торгующих единиц. Эти крупные организации, в свою очередь, по их мысли, должны были входить в соглашение с аналогичными предприятиями, возникающими за границей. В Ростове уже появились представители таких больших организаций, и американские, в числе которых называли Рокфеллера¹³, и английские, и итальянские. Здесь, во Франции, тоже организуются два общества с этими же целями. Так обстоит дело на бумаге, на практике оно затруднено целым рядом привходящих обстоятельств. Прежде всего тем же отсутствием торгового аппарата и необходимостью иметь дело с посредниками.

Это исправимо, но сейчас это большое зло. Второе меньшее зло и труднее исправимое, это расстройство транспорта, и под предлогом этого расстройства отчаянное взяточничество железнодорожников. Этот накладной расход очень серьезен, который должно платить население и который возмущает серьезных деловых людей. В-третьих, не отмененная еще экономическая самостоятельность казачьих государств Дона, Терека и особенно Кубани. Между этими государствами еще существуют таможенные перегородки, а главное, отдельные государства не считаются с общєю политикой, с необходимостью сохранения сырья для предметов первой необходимости для населения, передают его помимо центральной власти не только там, где им лично представляется выгоднее, но даже и в такие руки, где это может быть вредно. Так, кубанцы затевали товарообмен с Грузией и Азербайджаном, хотя мы с ними находимся в войне. Здесь Деникину приходилось принимать очень решительные меры, включительно до блокады их портов. Мне говорили, что дело идет к улучшению и что на днях должно было состояться соглашение, при котором представители их войдут в общую экспортную комиссию, но политика будет одна. Четвертое же затруднение и самое капитальное состоит в том, что то сырье, которое было бы очень легко обменивать за предметы, нужные потребителям, способствовало [бы] этому и улучшению нашего курса и некоторому экономическому довольству страны, что это сырье государством рассматривается как средство уплаты наших государственных долгов, и в этом отношении

французы, финансовое положение которых особенно трудно и которые всегда были наиболее скупы, создают нам неисчислимы затруднения. Они говорят нам: мы можем вам поставлять еще довольно много оружия и военного снабжения, это все вам необходимо, но мы не можем этого делать даром; платите нам сырьем, платите в рассрочку на льготных условиях, но платите, иначе при всем желании мы ничего поставлять вам не можем. Поставленное в такое положение правительство, нуждаясь более всего в такого рода присылках, то есть в оружии и военном снаряжении, не решилось, пока не придет к какому-нибудь соглашению, продолжать прежнюю систему, распродавать свое сырье, и вот уже после моего отъезда была получена здесь телеграмма, которая произвела совершенную сенсацию и которая говорила, что ряд предметов вывоза, при этом главнейших, как-то: шерсть, хлеб, табак, марганец и уголь, словом, все то, что составляло наше богатство, изымется из предметов частной торговли и остается в руках правительства, как средство уплаты за военную помощь. Эта телеграмма, полученная здесь, испугала в двух отношениях. Во-первых, потому, что она почти совершенно убивала торговлю и частный товарообмен; во-вторых, потому, что между строчек читалось возвращение государственной монополии. Я думаю, что и то, и другое преувеличено. О государственной монополии, насколько я знаю, речи нет уже потому, что государство не может приобрести все эти предметы, особенно хлеб, иначе как за товары. За деньги ему не продадут, товаров же у него нет.

Это преувеличено, во-вторых, и потому, что для получения товаров ему все-таки нужен кредит и некоторая уплата этого кредита также предметами вывоза. В мыслях правительства, как я сужу по всем разговорам, было другое. Они хотели пока до соглашения о доставке военных товаров не запугивать правительство, которые ревниво относятся к тому, что на их глазах, без всякой пользы для них, распродается сырье, и приостановить эти расхищения. Как водится, они переборщили. Но вопрос остается вопросом. Здесь ложный круг: чтобы получить оружие, мы должны заплатить за него хлебом, но, чтобы получить этот хлеб, мы должны доставить мужику товар, но, чтобы получить товар, мы за него тоже должны заплатить все-таки тем же хлебом. Так хлеб должен одновременно и покрывать наш долг за военные припасы и стоимость отпущенных товаров. Это является сказкою о Тришкином кафтане. Выходы из нее намечаются различные, но сводятся они преимущественно к двум мыслям. Во-первых, к тому, чтобы убедить правительства отпускать нам военное снабжение без эквивалента, в долг или по крайней мере с таким небольшим покрытием, которое нас не затруднит. Это, конечно, всего проще, но и всего труднее, особенно во Франции. Во-вторых, к мысли, которую здесь очень советуют, т.е. во Франции, взять с привозимых и вывозимых товаров пошлину и ею расплачиваться с государствами. Конечно, здесь многое остается неясным и, прежде всего, в

чем же будет собираться пошлина и какой в ней прок, если она будет собираться, особенно вывозная, в русских рублях. Но вот какого рода переговоры здесь происходят, в том порядке, в каком, как Вы по опыту знаете, ведутся здесь все переговоры, т.е. кроме официальных еще и любительские. Как Вы видите, все это находится еще в стадии формирования, которое идет чрезвычайно медленно, вызывая на местах и разочарование и отвращение интеллигентов, капиталисты-иностранцы опускают руки. Не знаю, здравы ли те мысли, которые проповедаются, но они тонут в той атмосфере общественного маразма и индифферентности, о которой я писал в предыдущем письме и единственное утешение, которое повторяется здесь также как и во всех других сферах государственной жизни, что это жизнь идет своим чередом помимо правительства по печения и что как в прежнее время при наличности деспотизма у нас был *habeas corpus*¹⁴ в виде взятки, так и сейчас под покровом всех этих затей комиссий и контролей вырастают какие-то центры торгового общения, которые каким-то путем находят товары, как в совдепии Россию спасают мешочники.

Теперь несколько слов об аграрном вопросе. Как и за границей, ему придают первенствующее и, пожалуй, даже преувеличенное значение, но он слагается из двух различных частей. Первое, что нужно сделать в будущем, — здесь все согласны, — должна быть передача земли крестьянам, принудительное отчуждение за вознаграждение и т.д. Словом, должна быть принята реформа в духе польской, чешской, румынской и тому подобных. Я скажу Вам больше: почти все согласны с тем, что эту реформу нужно сделать насильственно, т.е. хирургически государственным актом. Подчеркиваю это потому, что и сами землевладельцы и даже старинные теоретики и поклонники широкой аграрной реформы вроде Мануйлова¹⁵ одинаково сходятся на том, что крупное землевладение сейчас невозможно экономически и что стоило предотвратить все течение жизни, чтобы эта реформа совершилась мирным путем без государственного вмешательства. И сейчас крестьяне, захватившие помещичьи земли, просят только одного, чтобы помещики пошли с ними к нотариусу и взяли за эти земли деньги, а помещики, в свою очередь, охотно это сделали бы и только просили, чтобы им позволили за эти земли брать плату не бумажными деньгами, которые падают с каждым днем, а какую-либо реальную ценность, например, зерном. В этом правительство им отказало. Сделки продолжались и сейчас продолжают, причем в Полтавской, например, губернии, нормальная цена десятины 10.000 рублей, а так как у крестьян денег очень много, то говорят нам наиболее спокойные люди, аграрная реформа должна была бы быть произведена именно этим путем. Но этого сделано не было. Против этого восставали и справа, и слева. Справа были люди, которые не хотели расставаться с землею, требовали ее возврата себе и уже во всяком случае не соглашались принимать за нее фиктивные бумажки, хотя бы в громадных суммах. Они ста-

вили условием платежей в реальных ценностях с обеспечением этого платежа. Должен добавить, что лично мне они говорили, будто крестьяне охотно на это идут, и возмущались правительством, которое этому не содействовало. Слева говорили, что подобная реформа есть, в сущности, признание права собственности за помещиками, что это признание возмутит крестьян или даст почву для агитации, что, в сущности, это вовсе не реформа и что нужно нечто планомерное и более справедливое, чем эти меры. Правительство пошло по этому пути планомерной и более справедливой реформы, в виде компромиссов допуская и частные сделки. Я пришлю Вам копии законопроектов на эти темы, которые еще не приняты, но которые укажут Вам направление мысли проф. Билимовича¹⁶, который сейчас министр земледелия. По общим отзывам, реформа проф. Билимовича не удовлетворит никого, но можно сомневаться, чтобы Деникин с ним согласился. По этой реформе все-таки допускается иногда возможность отобрать часть земли у захватчиков. Деникин чутьем понимает, что это очень опасно и едва ли на это пойдет, чем сейчас вызывает негодование землевладельцев, которые, соглашаясь на потерю земли вообще, естественно, не хотят терять и усадьбы.

Но главное аграрное затруднение не в аграрной реформе, которая все-таки по необходимости откладывается. Затруднение в переходной стадии. Правительство выставляло не раз общее положение, что вся земля должна быть возделываема и что захватчики, которые на земле работали, имеют право на урожай. Этим хотели успокоить деревню и это выставлялось не раз. Но с другой стороны Деникину приходилось считаться и с притязаниями землевладельцев, не только потому, что они вообще справедливы, но и потому, что значительная часть офицерства из этого класса и, как говорят, но это, я думаю, более для красноречия, приходилось считаться с психологиею тех мужиков, которые из уважения к закону или из трусости чужих земель не захватили и которые поэтому будто бы не очень дружелюбно и доброжелательно смотрели на безвозмездное обогащение захватчиков, словом, оставалось ввести какой-то принцип, который вознаграждал бы помещиков и установил бы какой-либо правовой принцип. Была мысль и, пожалуй, самая правильная, обложить всех захватчиков крупным налогом в пользу казны, и уже из этого налога вознаграждать землевладельцев. Против этой мысли восстало, конечно, Министерство финансов: прямые налоги вообще не уплачиваются, нет и аппарата для их взимания и, как мне говорили, много казусов, когда крестьяне, желающие платить поземельный казенный налог, безуспешно ищут лицо или учреждение, которое могло бы этот налог принять и выдать им христианскую квитанцию. Во-вторых, Министерство финансов боялось, что, взимая этот налог в пользу казны, налог проблематический, оно возьмет на себя очень серьезное обязательство перед землевладельцами. Словом, оно от этого отказалось, и остановилось на компромиссе, на несчастной мысли

заставить крестьян уплатить часть урожая, часть сбора в пользу собственника. За это сейчас ухватилась агитация в прессе, т.е. в городе и деревне стали говорить, что это восстановление права собственности помещиков, что на будущий год будут платить не треть, а больше, и т.д. Безземельные интеллигенты и городские жители немедленно запели старую волынку, что Деникин служит помещичьим интересам, что крестьяне не помирятся с появлением в их деревне помещиков, что это выставление вперед одного класса под ударом мужика и т.д. Я должен честно сказать, что я узнал об этой мере на пароходе и что она тогда мне тоже показалась неудачной по этим же мотивам, тем более можно себе представить, какое употребление из нее сделали те, кому вообще хочется в чем-нибудь подставить ножку Деникину. К тому же при осуществлении этой меры наблюдалось следующее: наиболее совестливые крестьяне ее исполнили, иногда не полностью, но все-таки привозили часть урожая помещикам. Другие не привозили, принудить их не было сил, да никто и не решался. Совестьливые крестьяне оказывались в дураках и им было обидно. Но что еще хуже, находились люди из помещиков, которые являлись в деревню и требовали, грозили и ругались и, конечно, добивались общего возмущения. Вот ввиду этого правительство испугалось последствий своей реформы, к тому же начали освобождаться те местности, где урожай уже был собран и убран.

Оно стало сдавать. Во-первых, вместо трети урожая назначило $1/6$, а потом заменило ее арендной платой в 200 рублей за десятину. В результате мужик не стал платить ничего, ожидая новых льгот, а помещики негодуют на эти колебания, уверяя, что если бы правительство держалось прежней позиции, то все бы заплатили добровольно. Этот декрет, о котором я Вам говорю, имеет очень дурную прессу. О нем узнали и за границей и именно им пользуются для возбуждения аграрной проблемы. Перспективе возврата земель помещикам приписывают успех махновского движения. Там, на местах, это энергично отрицают, выводя махновщину из других начал и указывая, что настоящие крестьяне-землевладельцы, хотя и захватчики, в махновщине не участвуют. Об этом судить я не берусь, но что мне хотелось бы Вам показать, это то, что и аграрный вопрос пока не решается, а только обсуждается, что все попытки его решить сверху ведут к противоположным результатам, вместо успокоения пугают или раздражают, что на почве всех этих толков о предстоящем отчуждении начали прекращаться земельные сделки, что крестьяне уже не обнаруживают той склонности к покупке земель, которая у них была раньше. Помещики в негодовании, говоря, что именно эти разговоры, эти колебания помешали им добровольно согласиться с крестьянами. Может быть, они правы. Русские философы говорят, что и здесь все идет помимо государственной власти. Пока она не мешала крестьянам, которые хотели только одного — закрепить эти сделки у нотариуса и непременно хотели внести за землю деньги,

чтобы это было крепче, если бы государство ограничилось тем, что, подглядев это, его бы закрепляло, то после нескольких купчих за землю, за которыми бы последовало нанесение этих земель на карты, т.е. присутствие агронома в деревне, все остальные крестьяне перестали бы верить в даровое наделение, а бросились бы к тому же нотариусу. Создались бы новые собственники, было бы изъято много бумажных денег из обращения и государство могло бы в лучшем случае взять на себя обещание помочь этим помещикам в размере полученных ими денег за захваченные земли в момент финансовой девальвации. Но государство вместо этого взялось регулировать земельные отношения, обещать в будущем реформу и разделы земель, ставить в дураков всех, кто подчинялись его декретам, и это нормальный процесс остановило. Вот Вам некоторые философские рассуждения наблюдателей.

Последний вопрос, который Вы ставите, о национальностях: здесь прежде всего нужно указать, что кругом Деникина никто не хочет восстановления прежней централизации. Только в отличие от нашего словоупотребления, т.е. от автономии и федерации, здесь говорят только об одном, о децентрализации. Это слово предпочитается даже понятию автономии, как будто бы более ясное; зато слово федерация совершенно исключено. Из моих бесед на эту тему я убедился, что в вопросе о распределении компетенции здесь могут идти очень далеко и никаких предвзятых границ здесь не существует, но здесь не хотят слышать о теории, по которой Россия образуется путем слияния фактически независимых частей. В этом вопросе доходят до абсурдов. При мне в Особом совещании обсуждался вопрос о слиянии казачьих областей с Добровольческой армией в одно государство. Казаки довольно быстро столкнулись о пределах полномочий, тем более, что, как я Вам говорил, Деникин пошел очень далеко, но казаки дорожили мыслью, что они соединятся с ним добровольно, что они некоторое время существовали как государственное единство. Был найден компромисс, по которому в исторической части декларации упоминалось, что эти государственные единства ныне упраздняются и создается одно государство — Россия. Был придуман и другой компромисс, по которому этого рода акт, т.е. об учреждении единства, должен был одновременно исходить и от самих государственных образований, т.е. казачьих областей, и от Деникина, как представителя целого. Я присутствовал в Особом совещании при том, как по настоянию Соколова¹⁷ это предложение было провалено, ибо в этом усмотрели нарушение принципа единства России и опасность для дальнейших видоизменений конституции. Один Нератов¹⁸ протестовал против этого, стоя на точке зрения нецелесообразности возбуждать трения с казаками, но остальные восстали. В вопросе о единстве России быть заподозренным в равнодушии к этому единству равносильно тому, как в былое время в глазах правительства быть заподозренным в равно-

душии к принципу монархии, а в либеральных глазах к политическим преступникам. После моего отъезда разыгралась история с Кубанью. Она подготовлялась уже раньше, при мне говорилось о том, что казачья фронтовая часть недовольна своею Радой за болтовню и оппозицию Деникину. Было получено также достоверное известие из большевистской России, что большевики затевают устроить ряд восстаний в тылу у Деникина и между прочим поднять кавказских горцев. А когда Деникин получил сведение, что подобного рода согласие с горцами было подписано в Париже Бычом¹⁹, то счел момент удобным, чтобы использовать патриотическое настроение кубанских казаков, и он начал с того, что предписал арестовать авторов соглашения.

Это была проба, решится ли Кубанская Рада в своей оппозиции Деникину пойти до заступничества за измену. Когда она пошла, Деникин решился действовать, вызвал кубанских казаков с фронта, арестовал вожakov, Раду распустил, а те кубанские части, которые защищали Раду, к слову сказать очень неохотно, эти части он рассеял. Петряев, выехавший после события, передавал, что не только физически, но и морально победа Деникина была полная, что Рада сама ему подчинилась, и т.д. Конечно, это возможно, и проявление всякой власти сейчас так популярно, что, может быть, Деникин свой авторитет и поднял. Я думаю только, что подобного рода приемы удаются только в том случае, если за этой победой следуют какие-либо удачи или какие-либо популярные действия. Сомневаюсь, чтобы они были, и потому очень боюсь, что расчет Деникина был плохой. Как бы то ни было, политическая линия, на которой стоит Деникин в вопросе о национальностях, очень проста: какие угодно права, но при условии, что, получая их, вы исходили бы из принципа суверенитета единой России, а не из местных самоопределений. При этом я прилагаю Вам документы, из которых Вы ознакомитесь с историей взаимоотношений с казаками.

Я писал очень много и очень долго потому, что, во-первых, не имел времени обдумать то, что пишу, во-вторых, потому что в России меня так издегали отдельные лица, что ознакомиться детально со всеми вопросами не удалось, и, в-третьих, потому что все те, кто обещал снабдить меня материалами и документами, по русскому обычаю меня надули и ничего не прислали. Я хочу только сказать Вам общий вывод. Все то, что сейчас происходит на Юге России, все это есть здоровая реставрация, не монархическая, конечно, а социальная, но все-таки реставрация, за исключением аграрного вопроса, где допускается некоторая крупная, хотя нависшая у всех в зубах реформа, т.е. принудительное отчуждение. Ничего нового не придумано, вся деятельность власти носит характер отрицательный — отменить такие-то распоряжения советской власти, даже Временного правительства, и вернуться к тому, что было. Все это я говорю не в упрек или в критику, так как большинство нововведений революционных правительств

не было удачно, но я не могу не констатировать, что в том состоянии расстройтва, в котором находится Россия, эти меры представляются бесконечно несоответствующими задачам. Если иметь веру в здравый смысл масс, то нужно было бы привлечь эти массы к политической и административной работе и ответственности. Если этой веры не питать, то нужно было назначить правительственных диктаторов по всем отраслям, — таких диктаторов нет, их не назначили может быть потому, что их нет, диктатура единоличная заменена коллегией, недостаточно великой, чтобы страна почувствовала в ней саму себя, но достаточно громоздкой, чтобы парализовать всякую личную инициативу. А члены этих коллегий окружили себя всякими совещательными органами и подкомиссиями, при которых канцелярия министерства производит впечатление кипучей жизни, но столь же бесплодного кипения, как и наше Политическое совещание. Потому тот радостный порыв, с которым встречалась во всех местах Добровольческая армия, заменяется разочарованием и равнодушием. Может быть, такова вообще русская жизнь, но я не могу не сделать для себя того заключения, что на Юге России соединились в одно целое недостатки коллегияльной и недостатки единоличной власти, не имея выгод ни той, ни другой.

№ 8

Б.А.Бахметев — В.А.Маклакову
Russian Embassy, Washington

11 декабря 1919 г.

Дорогой Василий Алексеевич!

События движутся так быстро, что я Вам каждый день пишу дополнительные письма. Хотел писать официально Сазонову, но задерживаю письмо ему на несколько дней, чтобы окончательно утвердиться в некоторых точках зрения.

Вам спешно пишу о двух пунктах.

1) Мои предположения о том, что Иркутская власть примет японскую ориентацию, к сожалению, получают ежедневно все большее и большее подтверждение. Само собою, никакого одушевления в американских кругах это не вызывает. Но еще более это опасно для нас. Вчера в секретной телеграмме я изложил Вам свою точку зрения на этот вопрос. Находящиеся в Восточной Сибири национальные деятели могли бы подняться на высоту исторического служения, если бы ограничили свою задачу двумя основными целями: а) удерживанием на фронте возможно большего количества большевистских войск и, главное, б) сохранением за Россией ее Дальневосточной окраины. Боюсь, что я не совсем ясно выражаюсь; поэтому простите, если я буду повторяться.

Дело здесь в следующем: можно военную задачу поставить ограниченно как проблему самозащиты местного населения, вызвав соответствующим действием и уступками к самостоятельности местные силы. При этом задачу эту проводить возможно самостоятельнее, всячески избегая уступок дальневосточному соседу. Может быть, в этом случае пришлось бы отступить несколько дальше; но это неважно постольку, поскольку задача ставится ограниченно — лишь как удержание некоторого фронта.

Наоборот, чего я боюсь, это что главной задачей будут поставлены активные и широкие военные действия во что бы то ни стало; задача, вытекающая из занятой властью позиции как власти центральной всероссийской. По Сеньке и шапка, — и необходимым сопутствием сохранения видимости объединяющей власти должны быть военные задачи широкого характера, проводимые в крупном масштабе с иным по существу участием местных элементов. Вот тут-то я и боюсь, что преобладанию чисто военной задачи подчинится вся политика на Дальнем Востоке, в результате чего самое главное и ценное, что должны сделать русские в Сибири, не только не будет сделано, но наоборот, державному владению российскому на Тихом океане будет нанесен непоправимый ущерб. Вы понимаете, конечно, что все это связано в значительной мере с изменением характера власти и, может быть, перенесением на Юг.

2) В связи с программой помощи, о которой я писал Вам в первом письме, я очень много вел различных разговоров за эти дни и с представителями правительства, оппозиции, сенаторами и проч. Я продолжаю встречать существенные затруднения в вопросе о законодательном постановлении, предоставляющем русскому национальному движению военные материалы, принадлежащие Соединенным Штатам. Формально мне говорят, что это равносильно объявлению войны большевикам, а такое объявление влечет за собой, в случае неудачи русского движения, обязанность для Соединенных Штатов защитить свою честь и достоинство в вопросе, в котором они приняли определенную политику, всей силой своего военного могущества. Другими словами, это может привести к вооруженному вмешательству в русские дела, что не может и обсуждаться. Все это разговоры, как и всякие другие аргументы. Главное же заключается в следующем: я совершенно ясно вижу, что в основе всех этих колебаний, которые хотя и совершенно не касаются отношения американцев к советской власти, которое остается неизменно и твердо отрицательным, — лежит известное разочарование в нашем национальном движении и отсутствие веры в его внутреннюю силу. События в Сибири, а главное сейчас — осложнения на Юге в тылу Деникинской армии, и всякие недоразумения с кубанцами, донцами, украинцами и т.д., создают впечатление в непрочности этой власти и в отсутствии поддержки населения. В

этом все дело. Если бы вопрос шел лишь о военной стороне, как об этом твердит посольство, и известное военное преимущество большевиков компенсировалось бы полным единством в тылу национальных армий, то успеха легко было бы достигнуть. Между тем в обстановке, в которой обстоятельства развертываются сейчас, американцы боятся, чтобы и на Юге события не пошли по тому же пути, по какому они пошли в Сибири.

Если у Вас имеются факты и уверенность в том, что все там обстоит благополучно и что всякая корреспонденция и газетные слухи есть обычная преувеличенная болтовня, то снабдите меня в самом экстренном порядке этим материалом. Без него мне очень трудно бороться, и я не убежден, что выиграю борьбу.

Искренне Ваш,

Б.Бахметев.

1920

№ 9

Б.А.Бахметев — В.А.Маклакову
Russian Embassy, Washington

Лично

17 января 1920 г.

Для Вас лично. Б.

Дорогой Василий Алексеевич!

Только на днях получил два Ваших письма, которые прочел с огромным, захватывающим интересом. Масса было нового, хотя о многом, о чем Вы пишете, я здесь догадывался.

Вы просите меня написать все, о чем думаю, чего боюсь и на что надеюсь. Должен признаться, что Вы задаете мне весьма трудную задачу. Положение настолько осложнилось, что почти невозможно стройно изложить в какой-нибудь системе выводы, заключения и надежды. Я пытался вчера обдумать письмо и потерпел крушение в таком стремлении. Я не настолько еще обрамолится, чтобы приписать подобный неуспех неспособности своей мысли; наоборот, я всегда легко составляю планы и конспекты. Отношу поэтому свою неудачу к объективно сложившемуся положению. Затруднение еще в том, что ясному обдумыванию вопроса, со своей точки зрения, мешает политика, т.е. то, с какой точки зрения необходимо вопрос представлять. Я не хочу, чтобы Вы заключали из этого, что я стараюсь придумывать вещи, о которых нужно говорить, и что я говорю неискренне. Напротив, я все больше и больше убеждаюсь в справедливости своего основного тезиса, что в основе международной политики должна лежать искренность и непоколебимое убеждение в своей правоте. Но всякое положение многогранно и в активной политике, как в педагогике и во всех тех случаях, когда Вам нужно активно воздействовать и стараться руководить чьей-то чужой психологией, Вы невольно выдвигаете и концентрируетесь на известных сторонах. Позвольте поэтому Вам писать в некотором беспорядке. Быть может, несколько хаотическая передача того, чем мы живем и что мы делаем, хоть сколько-нибудь удовлетворит Вас.

Начну с того, как мы здесь внешне реагировали на происшедшие события в России и на постановку основной задачи. По цело-

му ряду причин мы не старались взвалить причину русских успехов целиком на плечи союзников, хотя определенно проводили мысль, что события могли бы повернуться иначе, если бы своевременно была дана национальному движению моральная поддержка в смысле признания и широкая, а главное, обеспеченная в течение всего необходимого времени военная и экономическая помощь.

Не сделал я этого по двум причинам: во-первых, потому, что все не совсем так и дело не только в отсутствии помощи, а, во-вторых, потому, что это произвело бы весьма скверное впечатление. Мы сосредоточили поэтому свое действие по преимуществу на том, что же делать дальше? Отмечаю, что провал национального движения произвел очень сильное впечатление в умах и что многие, которые предавались в прошлом философским упражнениям в области невмешательства и проч., весьма конкретно почувствовали ту международную опасность, которую представляет победа большевистского войска. В связи с этим характерно звучат суждения о прошлой политике и о том, почему в свое время недостаточно помогли национальному движению в России. Но, к сожалению, теперь поздно, — говорят люди. Мы должны были действовать шесть месяцев тому назад. Но что же можно делать теперь? Вот тут-то мы и выдвигаем основные наши тезисы, сводящиеся к следующему.

1) Большевизм, принявший формы агрессивного военного начала, является международной опасностью, аналогичной тому, чем представлялся в свое время германский военный империализм. Поскольку в настоящее время на мировой арене происходит борьба двух взаимно исключающих начал — нашей национально-демократической цивилизации и разрушительного большевистского действия — положение весьма аналогично тому, что было во время войны, с той лишь разницей, что последствия победы большевизма значительно глубже. В связи с этим перед Америкой, как и перед другими нациями, ставится та же задача, которую они переживали во время войны. Подобно тому, как Америка в 1917 г. после долгих колебаний должна была признать, что в победе германизма заключается непосредственная угроза ее национальному будущему, так и в настоящее время в совершенно подобных плоскостях она должна противопоставить себя началу большевизма. Вывод — объявление войны большевизму как таковому. Таким образом, нельзя говорить о том, что поздно. Поздно или рано означает лишь, что в борьбе этой можно ограничиться большими или меньшими средствами. Подобно тому, как более раннее вступление в Великую войну ограничило бы американскую задачу сравнительно весьма простыми операциями, так и объявление войны большевизму год тому назад и активная помощь русскому национальному движению привели бы к крушению большевистской крепости с сравнительно небольшими затратами. В настоящее время, благодаря промедлению, положение затруднилось, но уйти от положительного ответа нельзя. Это было бы равно-

сильно признанию победы большевизма и было бы аналогично сложению оружия в [19]17 и [19]18 гг. перед успехами германского милитаризма.

2. Военный характер, который большевизм приобрел за последнее время, заставляет бороться с ним путем военной силы. Талейран¹ говорил, что с идеями нельзя бороться штыками. Обращая мысль, мы говорим: со штыками нельзя бороться идеями. Экономическая помощь, продовольствие и проч., необходимое условие стабилизации Европы, и в тех областях, где большевизм не восторжествовал, а лишь латентно выражается в недовольстве масс, экономические меры есть лучшее и, в известных случаях, единственное лекарство. Там же, однако, где, как в России, большевизм укрепился в виде организованной власти, опирающейся на армию, там ему необходимо противопоставить военную силу.

Военное действие, направленное на Западную Европу, является для русского большевизма необходимостью. Не имея политических и экономических корней в России, большевизм, ограниченный русскими пределами, обречен на неудачу. Это говорили Литвинов², Ленин³ и другие. Для продолжения своей власти большевикам необходимо распространение на западные, более индустриальные области. В то время, как Азия есть лишь побочное действие, где смута должна отвлечь внимание Европы и ослабить ее способность к сосредоточенному государственному действию, — развязка вопроса в Европе. Освободившиеся большевистские войска, по всей вероятности, усиленные за счет контингентов национальных армий, должны будут двинуться на Европу, как средство самосохранения. Ленин хочет передышки для организации и укрепления, и в этих целях он ищет соглашений с союзниками. Но это лишь передышка. Попытка движения на запад диктуется неизбежностью.

3. Опасность движения на запад весьма широко подхвачена печатью и комментируется в самых разнообразных формах. По этому вопросу существуют различные оценки: одни видят в Польше, отчасти в Румынии и балтийских странах достаточную военную силу; другие более пессимистично настроены относительно обороноспособности этих государств и не видят серьезных военных препятствий восточнее Рейна.

Прежде, чем переходить к различным оценкам возможностей, касающихся позиций Германии и т.д., хочу отметить основную линию, которую мы здесь долбим в связи с, по-видимому, популярной в Европе идеей санитарного кордона, которая легкомысленно подхвачена здесь некоторыми органами прессы.

Идея этого кордона, как она интерпретируется, сводится к следующему: разочаровавшись в России, признав ее неспособность к национальному действию в таких пределах и с такой быстротой, которые покончили бы с большевизмом внутренними средствами, безнадежной России противопоставляют линию надежных и способных к обороне пограничных государств. На эти

государства возлагается союзниками мандат спасти Европу от нашествия большевистских армий. Естественно, что, помимо материальной поддержки эти государства награждаются частью аннексиями за счет российской территории (Польша и Румыния), частью за счет российских прав — независимость Эстонии, Латвии и проч. Дело, следовательно, сводится к борьбе с большевизмом за счет России*. С этой идеей мы боремся не на жизнь, а на смерть. Мы не только указываем на ее абсолютную аморальность, но определенно отмечаем ту органическую перемену во внутренних русских соотношениях, которую поможет повлечь подобная постановка вопроса. На самом деле: насколько основной задачей конструктивного русского национализма является сохранение единой России, эта постановка задачи борьбы с большевизмом в указанных выше линиях привела бы к тому, что военная победа над большевизмом несла бы с собой умаление и раздробление России и что единственным условием сохранения российского единства являлось бы военное торжество большевистских армий над силами соединенного противника. Военная победа большевиков приобрела бы, таким образом, объективно национальный характер: субъективно же для русских националистов это означало бы, что осуществление их заветных пожеланий и стремлений связывалось бы в ближайшей стадии исторического развития с победой большевистской военной машины. Результатом явилась бы атрофия внутренней оппозиции большевизму, интеллигентного саботажа и проч. И превращение большевистских военных попыток в революционную национальную войну России против союзной коалиции. Могут быть различные мнения относительно практических последствий подобного оборота событий, однако его нелепость и явно вредный для союзного дела характер очевиден. Не менее очевидно также, что всего более выигрывает в этом случае Германия. К своему глубокому удовлетворению я должен сказать, что, в частности в Америке, я встречаю весьма сочувственное понимание нашей позиции в этом вопросе.

Министерство иностранных дел со мной согласно; воспринимают подобную точку зрения также и отдельные различного толка и направлений американцы. В связи с этим я не могу самым искренним образом не пожалеть о том направлении мысли, которое приняли некоторые русские, судя по Вашим словам, в Париже. Должен сказать, что наши русские здесь в этом мало повинны; возможно, что лишь потому, что вообще крупных фигур в Нью-Йорке почти не имеется. Мне представляется, что в настоящую эпоху при крушении активного национального действия всего более, что нам нужно делать, это охранять чистоту и незыблемость некоторых основных позиций. Вы бесконечно правы, говоря, что ничего практического из уступок и сотрудничества с ар-

* Внизу страницы приписано от руки «Fighting bolshevism at the expense of Russia».

миями пограничных государств не выйдет. Мы продадим свое первородство, не получив даже чечевичной похлебки. Пусть нас насилуют, пусть нас ломают и калечат; мы должны быть абсолютно тверды. Лишь при этих условиях мы в конце концов выиграем, и у нас будет моральная почва для будущей защиты.

Теперь расскажу Вам о некоторых мыслях, которые высказываются здесь вообще в связи с возможностью большевистского движения на запад. Изложение переплетается с моими собственными мыслями. Прежде всего, по вопросу о положении Германии. Недавно в газете «New York Tribune» известный европейский корреспондент Symonds написал статью в целую страницу о перспективах борьбы с большевистским нашествием. Его мысль, что единственная сила, которая способна будет противостоять этому, есть германская армия. Возможность подобной перспективы приходила и мне в голову; о ней я беседовал давно и с представителями Министерства иностранных дел. Картина такова: испуганная Европа, не видя в себе ни моральных, ни материальных ресурсов для борьбы с большевистской тучей, обращается к Германии и дает ей мандат на уничтожение большевизма. Это сопряжено, конечно, с тем, что Германию отпустят по мирному договору. Перспектива для Германии великолепная: она спасительница цивилизации и порядка. Награда — господство на востоке. Перспектива эта вполне возможна, если считать, что большевистская волна сломит сопротивление пограничных государств. Американские государственные деятели справедливо замечают, что подобному решению воспрепятствует французская психология; они говорят, Фош⁴ никогда на это не согласится. Может быть, это и так. Рисуеться и другая перспектива: несмотря на определенный антибольшевизм, основная черта германской психологии ныне — это чувство унижения и придавленности мирным договором. Честное выполнение договора рисует перспективу многолетней работы на чужеземцев. Германия готова будет, очевидно, ухватиться за первый попавшийся предлог, чтобы сломить существующий status quo в Европе, созданный союзной победой. Большевистское движение на запад, независимо от своих конечных целей, объективно направлено против союзников, так как оно нарушает в корне положение, созданное союзной победой. Для Германии может явиться выгодным воспользоваться этим движением, чтобы освободиться от ярма союзников. В какой форме и как — это вопрос спекуляции и гадания. Людям с сильным воображением рисуется картина большевистских армий, приближающихся к Рейну. Позади их Германия, отрезанная от союзников, лишенная союзнического надзора. Этим случаем она пользуется для восстановления своих армий. Созданная в Германии армия отделяет большевистскую военную силу от действенного центра в России.

Создается исключительно благоприятное положение для германского военного честолюбия, в руки которого попадает контрольное положение и над мозгом, и над действующим аппаратом большевиков, положение, которое может быть использовано для

того, чтобы фактически подчинить себе и то, и другое, и превратить большевистскую армию в послушное орудие для своих замыслов, а большевистскую власть — в торжество германского цезаризма. Все это спекуляция, но ни в одном из этих положений нет ничего невероятного.

Одно могу сказать про американские настроения: здесь менее, чем в Европе верят в возможность удержать большевистскую волну сопротивлением пограничных государств, к силе которых относятся скептически, а империализм которых встречает определенное осуждение.

Как же охарактеризовать вообще отношение американцев к России? Странно сказать: основное, господствующее настроение — это спокойное философическое убеждение в том, что все обрывается. Настроение это здесь превалирует с самого начала революции. Оно питается аналогиями времен американской борьбы за независимость, гражданской войны и проч. Сопоставляют разорение России с разорением Юга в 60-х годах и способность ее к рекуперации с процессом заживления и восстановления Америки после гражданской войны⁵. Эти спокойные непротивленские настроения мешали нам тогда, когда мы искали живого активного действия. Они помогают нам сохранять свое положение и предотвращать неблагоприятные повороты государственной и общественной мысли в моменты, когда нам трудно. Настроения эти по существу оптимистичны, а главное — необычайно доброжелательны. Я встречаю особо участливое и ободряющее отношение со стороны многочисленных американцев, с которыми приходится встречаться; сочувствие неизменно сопровождается дружеским уверением, что вера в Россию не пропала и что все обойдется.

Конкретно, как я отмечал вначале, американцы растерялись: они не знают, что делать. Те элементы, которые активно в той или иной мере интересовались Россией, привыкли к мысли, что спасение от большевиков связано с торжеством национального движения — с Колчаком, Деникиным и пр. Мы месяцами долбили определенную, выкристаллизовавшуюся в известные пункты, программу помощи. Теперь же, когда в практическом понимании пока что создалось пустое место, они, естественно, растеряны. У многих есть мысль, что торжество большевистских армий приведет к крушению большевизма, во всяком случае, большевизма бескомпромиссного. Так, например, думает Полк. Он считает, что в тот момент, когда армия не будет иметь живого дела и не будет иметь непосредственной угрозы, ее не удастся большевикам сохранить, а распадение армии, по его мнению, естественно приводит к крушению большевистской власти.

Несомненно, в этих идеях есть доля истины, — однако, лишь только доля. Мне лично дело представляется так: армия есть основа большевистской власти, но в то же время она обратилась уже в нечто самодовлеющее, не подлежащее уничтожению по приказу. Причина тому простая — это история армии Валленштейна⁶ и других профессиональных военных организаций в странах об-

нищавших и голодных. Армия есть привилегированная организация, живущая за счет населения. Пока солдаты в рядах, они имеют довольствие и безнаказанность; выйдя, они встречают голод и озлобление. Таким образом, *esprit de corps*⁷ армии делается самосохранением. Ленин не может распустить армию не только потому, что это подорвет его власть, но и потому, что на это не пойдет и сама армия. Вот почему мне кажется — попытка движения на Запад неизбежна.

Есть русские, во главе их Завойко⁸, который вернулся из Сибири ярым противником Колчака и всех других военных диктатур, — которые верят в какое-то действие, исходящее от народа как такового. В их смутном представлении рисуется какое-то преобразование большевизма, и торжество России как национальной единицы переплетается с мыслью о военном торжестве большевистского оружия. Должен сказать, что число таких индивидуумов, которые верят в несокрушимую силу русского оружия, которое наведет страх на всю Европу, увеличивается. Мне лично все эти разговоры омерзительны не только потому, что они претят моему нравственному чувству, как вообще чрезмерное поношение союзников, обвинение всех и вся и дешевое самовосхваление, — но и потому, что нет решительно никаких реальных оснований для сколько-нибудь розовых надежд. Я лично, должен признаться, крайне боюсь движения на Запад и еще больше боюсь, если объективно оно будет совершаться при условии, когда за ним будет стоять интеллигенция и националисты. Национальная революционная волна будет национальной и революционной только по имени; никаких аналогий с Францией не будет. Нас позорно расколошматят, нас побьют — и результатом будет Брест-Литовск, но уже наложенный не Германией, а Европой, через германское ли посредство или нет — безразлично. Я ничего не боюсь так, как именно тех реальных перспектив национального унижения, которому мы пойдем навстречу, если события пойдут по этому несчастному пути. Это одна из причин, почему я с такой настойчивостью борюсь против всего того, что связало бы русских националистов с подобным исходом большевистской борьбы. В конце концов, мы такие легкомысленные, легковерные, неосновательные болтуны, а за это легкомыслие Россия будет платиться вековым унижением. Как-то недавно мне рассказывали про одного русского генерала, которого англичане вывезли на Мальту, буквально спасли его из большевистских рук. Одели его, поили, кормили, одним словом, делали все, что возможно. Этот генерал, приглашенный обедать каким-то высшим английским начальником и выпив изрядно вина, стал держать речь в таком духе: вот, де, смотрите, в будущем мы вам всем покажем, когда Россия придет, займет Мальту и всем наколотит морду. — Образ генерала с острова Мальты не выходит у меня из головы, так как я убежден, что генералов этих самым форменным образом расколотят, а платиться будет страна.

Как относятся здесь к большевизму вообще? Я должен сказать, что соглашательских настроений здесь совершенно нет. Я писал Вам в предыдущих письмах, что под влиянием событий Америка перебарщивает ныне в своей борьбе с социалистическими началами. Делают глупости: выключают социалистов из местных законодательных собраний штата Нью-Йорк, арестовывают и высылают всех членов коммунистической партии и проч. Никакого желания разговаривать с большевиками тут не заметно и, вероятно, не будет заметно. Политика Ллойд Джорджа и других встречает резкое осуждение⁹ и наивные государственные люди лишь жалеют, что отсутствие Лиги Наций мешает здоровым началам получить определенное и связывающее союзников выражение. Я не боюсь того, чтобы американское правительство вернулось к прежним колебаниям и Принцевым островам¹⁰. Единственное, в чем, я думаю, будет уступка, это в вопросе о блокаде. Я телеграфировал Сазонову, но получил отрицательный ответ. Или меня не понял Сергей Дмитриевич, или настроения у вас в Париже слишком иные. Дело в следующем: против блокады здесь существуют два главных возражения. Во-первых, страшно давят на Конгресс и на правительство различные фирмы, которые просто хотят нажиться и которым большевистский посол Мартенс¹¹ сулит золотые горы. Затем, существует чисто гуманитарное мнение, доказывающее, что ныне, когда успех национального движения отложился на неопределенное время, нельзя продолжать морить голодом невинные жертвы большевистской власти. Мысль эта сопровождается соображениями о вырождении населения от систематического и продолжительного недоедания, потери последними силы сопротивления и проч. Есть, положим, струйка, которая видит в снятии блокады и определенное орудие для борьбы с большевизмом как таковым. Говорят: в большевистской России не хватает продуктов; распределение целиком в руках большевиков и происходит лишь среди их клеветов. Регулируя распределение, большевики угрозой голода и отказом в пайке терроризируют население и убивают в нем всякую возможность сопротивления. Чем шире и свободнее будет происходить распределение и чем независимее от большевистских властей, — тем независимее будут и действия граждан, и тем более они будут способны к объединению и сопротивлению. Не забывают еще того, что вся блокада держится собственно здесь военными законами и что как только кончится война, — а это возможно, так как ратификация по компромиссу мирного договора не исключена, — то вопрос о блокаде отпадет сам собой. При нынешних условиях, когда на все соображения мы кричим абсолютное нет и являемся непримиримыми противниками каких бы то ни было послаблений или даже изменений постановки вопроса, снятие блокады — огромное торжество для большевиков, это их моральная победа.

С другой стороны, тем фактом, что мы налагаем на все абсолютное табу, мы лишаем себя почвы для детальной оценки от-

дельных элементов по существу и особенно для борьбы с отдельными сторонами положения, представляющими наибольшую опасность. К таким я отношу вопрос об использовании большевиками золотого запаса, которое есть единственная реальная опасность товарообмена, так как, по всей вероятности, это будет единственная покупательная ценность советской России. С другой стороны, мысль о большевистском контроле над распределением. Вот в связи со всем этим я и хотел открыто и определенно высказаться по вопросу о блокаде, заявив, что мы, националисты русские, не только не против гуманитарной помощи страдающему населению, являющемуся жертвой большевиков, но и приветствовали бы товарообмен с Россией, поскольку он происходил бы с населением как таковым, и исключал бы операцию с большевистскими учреждениями и их контроль. Уступив по пунктам, где общественное мнение сильно, основываясь на гуманизме и здравом смысле, мы получили бы возможность самой яркой атаки на перспективу использования большевиками национального золотого запаса, а также имели бы возможность поносить как прямое содействие большевистскому началу, всякую форму общения, которая усиливала бы контроль и тем самым давала бы новое основание большевистской власти. Вспомните эпопею Нансена¹², и Вы увидите, что в значительной мере мы уже высказывались в этом смысле.

Если Вы разделяете мою мысль, а мне кажется, что Вы должны со мной согласиться, постарайтесь воздействовать на Сергея Дмитриевича. Я считаю, что его ответ мне поспешен. Возможно, что я недостаточно ясно высказал свои суждения, но я чувствую, что, сидя в том положении безусловного отрицания, которое мы приняли, мы ничего не выигрываем, а бесконечно проигрываем.

Теперь — об эволюции большевизма. Прибывающие из России рассказывают самые разнообразные вещи примерно в том же духе, что слышно и у вас. Государственная мысль здесь учитывает наличность известных умеряющих элементов в большевизме вроде Красина. Перестали даже его считать немецким агентом; в нем видят какие-то еще не выявившиеся новые формы национализма. Должен, однако, сказать, что на эти внутренние процессы в общем здесь возлагают не слишком много надежд, и господствующим настроением сейчас определенно является выжидание. Нужно добавить, что эпоха вооруженного сопротивления под эгидой военных вождей, эпоха Колчака и Деникина признается вообще законченной. Считается, что национальное движение, по крайней мере в той форме, в которой оно проявлялось, потерпело крушение, и ждут выявления новых форм. Я думаю, что это настроение господствует не только в Америке. Кое-кто из русских продолжает упорно верить, что рецепт был правильный. Я полностью согласен со всем, что Вы пишете в телеграмме, что не нужно поддаваться панике и что нужно держаться за последний кусочек территории, где остается хотя бы остаточек национальной власти. Но, конечно, это имеет лишь символическое значение. Я думаю,

что время, — может быть, не слишком отдаленное, — действительно выдвинет что-то новое. Телеологичность моих настроений, правда, зиждется скорее на представлении о неизбежности благополучного разрешения вопроса, чем на каких-либо конкретных основаниях. Я очень хорошо чувствую тот моральный распад, который навел Вас на настроения, выразившиеся особенно в первом Вашем письме. Письма из Сибири рисуют примерно ту же картину всеобщего разложения и отсутствия морального цемента. Но ведь это было во все эпохи, и я думаю, что мы не хуже других. Лично у меня странное ощущение: большевистские военные успехи не отождествляются в моем чутье с торжеством советской власти. Успех их, конечно, слабость наша. Я живу ожиданием близкой развязки, и развязки, которая, быть может, придет ранее, чем осуществляться те мрачные перспективы, которые связываются у меня с большевистским движением на запад. Вы будете смеяться, что это ощущение мистического характера. Возможно, но оно есть, и я думаю, что оно не обманет меня.

Что же нам делать? Что же делать националистам чистой воды, как Вы и я, не имеющих классовых корней и предрассудков? Практически, поскольку дело касается политики здесь и, если хотите, собственного поведения, я вопрос решил. Хотя я еще не в состоянии сейчас подсказать конкретно приблизительно хоть, но я более, чем когда-либо, оперирую основными понятиями: Россией как единицей державной, сильной и объединенной; русским национализмом, как началом творческим, разумным, а главное — существующим; русской государственностью как объективным и необходимым фактором будущего равновесия и осуществления известных форм международной жизни; наконец, Россией как полем огромных экономических и финансовых возможностей. В личном поведении это сводится к проявлению спокойствия, бодрости и уверенности в конечной победе здоровых конструктивных начал. Конечно, это легко делать в здешней обстановке, в атмосфере дружбы и сочувствия России вообще и в условиях установившихся взаимоотношений с Государственным Департаментом, где посольство для них возможно более симпатичное и близкое олицетворение российского действия, чем русская действительность.

Мои практические планы, о которых я Вам уже сообщал в телеграммах, теперь в значительной мере устарели. Разложение на Юге пошло почти таким же темпом, как и в Сибири, и трудно мне настаивать при настоящих условиях на целесообразности предлагавшихся мер. Две вещи все же, однако, надо сделать; надо спасти золото и надо создать крупный и влиятельный центр русского национализма за границей. Недавно ко мне пришел один влиятельный американец и сказал: ну вот, представьте, что и от Колчака, и от Деникина ничего не останется. Создадут ли русские националисты такую заграничную организацию, которая будет приемлемой для нас, американцев, и, общаясь с которой, мы будем

иметь возможность работать на пользу той России, которую мы хотим в будущем видеть и с которой мы желаем кооперировать? Интересно, что предложение его не было чисто академичное; оно сопровождалось мыслью об образовании здесь особой организации или, вернее, особого общества, которое занималось бы обсуждением вопросов, относящихся к России, и путем информации и других мер способствовало бы правильному развитию общественного мнения и государственного действия.

Вспоминается мне Русское политическое совещание и, конечно, страшно становится даже предлагать образовывать какие-то центры. Но неужели же исторические уроки пропадут даром; неужели на обломках не возродится что-то более жизнеспособное и творческое? Здесь нет элементов подобного рода и потому мои мысли, поскольку дело касается Америки, совершенно бесплодны. Но ведь Париж и Лондон переполнены русскими деятелями, и я жду света от Вас.

Пока же всего хорошего. Пишите и считайте, что я всегда готов присоединить свои скромные усилия ко всякому начинанию, которое будет иметь надежду не просто болтать и особенно ругаться, а что-то делать.

Ваш Б.Бахметев.

№ 10

Б.А.Бахметев — В.А.Маклакову
Russian Embassy, Washington

19 января 1920 г.

!!! Совершенно лично и доверительно. Прошу не показывать никому. Не обращайтесь внимания на стиль. Написываю наспех.

Б.

Дорогой Василий Алексеевич.

Перечитывая письмо, которое я Вам написал несколько дней тому назад, и собирая мысли, которые за это время приходили мне в голову, хочу поделиться с Вами некоторыми заключениями, которые, чем больше я о них думаю, тем более представляются мне убедительными.

Трагичность нашего положения по преимуществу заключается в том, что у нас нет субъекта национального движения. Вы можете сколько угодно в своем собственном решении и поведении прочно придерживаться оазиса национальной военной силы, которая сохранится где-то на Дальнем Востоке или в Кубанских степях, но Вы никого не заразите своим энтузиазмом, а главное из этого упорства ничего практического не выйдет.

Совершенно ясно, что союзники и вообще мир не может находиться *ad infinitum*¹ в состоянии ожидания по отношению к России, откладывая разрешение тяготеющей над мировым сознанием русской проблемы до той поры, пока явится то желанное проявление национального действия, которое бы всех удовлетворило. В силу этого, уйдя с поля действия и не заменив себя ничем иным, военное национальное движение представит фактическую арену различным комбинациям с большевиками. В лучшем случае, если бы большевики повели себя так, что вынудили бы против себя прямое военное действие, пустая арена приводит к борьбе с большевизмом за счет России. Имейте в виду при этом, что я говорю преимущественно об Европе. Америка настолько изолирована от мира и эта изолированность настолько тяготеет над всей ее психологией, что пустота здесь не ощущается с такой остротой, и при настоящих антибольшевистских настроениях выжидать она способна сравнительно очень долго. Опасность такой пустоты увеличивается еще тем, что, как Вы сами говорите, многие русские, перепуганные и отчаявшиеся, впадают в соглашательские тона или идут по направлению заигрывания с национальностями.

Ломая себе голову, как выйти из создавшегося положения, я пришел к следующей мысли, осуществить которую, наперед Вам говорю, очень трудно, но которая есть единственная представляющаяся мне сейчас реальная возможность.

Отсутствие реального субъекта национального движения в России должно быть заменено программой. Нужно выработать известную программу разрешения русского вопроса, такую программу, которая включила бы в себя путь установления законной власти, наметила бы в основных линиях разрешение аграрного вопроса, установила бы рамки разрешения вопроса о национальностях и децентрализации вообще; и эту программу, задуманную и составленную в очень широких основаниях, идущую навстречу и открывающую двери теоретически и покаянному большевизму, сделать платформой национально-демократического возрождения России. Представьте себе конкретно, что был бы человек, достаточно авторитетный и решительный, которому бы верили и который бы умел принимать и проводить решения, которые выставила бы подобная программа. Подобный человек мог бы быть суррогатом субъекта национального движения. Союзники могли бы за него ухватиться и связать свое понимание разрешения русского вопроса и свою в дальнейшем помощь с осуществлением поставленных задач. В программе этой абсолютно никаких уступок большевизму быть не должно. Она должна быть построена целиком на идее народоправства и принципе «собственности» и включать чисто практические, а не отвлеченные, как Вы мне писали, положения, позволяющие разрешить такие вопросы, как аграрный и проч. Она должна исходить из единства России, но не должна обходить и существующего факта наличия местных государственных образований. Моя личная формулировка выхода из того

затруднения, на которое наткнулись на Юге, была бы такая: не подымая вопроса о хвосте и собаке и о том, кто кого создает или кто кого признает, прямо исходить из постулата, молчаливо и всеми признаваемого, что Россия мыслится как единая в сочетании составляющих ее местных образований. Не подымайте больших и бесполезных вопросов, были ли когда-либо местные образования самостоятельны, и добровольно или нет они признали единую Россию; получили ли они свою местную обособленность и присущи ли им местные права сами по себе или они дарованы сверху. Признайте, как факт, из которого все исходит, что существуют местные права и существует единая Россия, которая признает местные образования и местные права, которые признают единую Россию. То же самое и по отношению к национальностям: — национальные образования считают себя частью единой России, а единая Россия признает за ними известную совокупность автономных прав.

Я коснулся более подробно этого вопроса просто потому, что он, может быть, наиболее большой, а кроме того я вообще полагаю, что в будущем строительстве принцип децентрализации должен быть применен на самых широких основаниях с самого начала. Но дело не столько в деталях, сколько в самом факте установления программы. Если бы удалось это осуществить и связать с этой мыслью союзников, то будущее надлежало бы представлять союзникам в таком виде: поскольку в большевизме происходит внутренняя эволюция и поскольку большевики, отказавшись от крайностей, могли бы принять эту программу, — двери открыты; наоборот: поскольку такая программа отвергается, большевики неприемлемы и их вооруженные попытки отражаются военной силой. В такой же мере, однако, линия разграничения должна проводиться и к правым элементам, всего более, вероятно, к элементам военного держимордства.

Главное затруднение, которое я встречаю, обдумывая возможность осуществления своих мыслей, заключается в отсутствии лиц. Если бы у нас был человек, которому бы все поверили, половина дела была бы сделана. Но надо, чтобы поверили крепко и местные образования, и национальности. Если нет человека, быть может, нужна группа. Однако это должна быть группа, а не коалиция. Должны быть люди, которые всей душой и всем сердцем, — как здесь говорят, 100% — верят в то, что они делают и хотят осуществления мысли полностью. Наше военное национальное движение в значительной степени погубило то, что его носители, — конечно, в широком смысле, мало сочувствовали и верили тем целям и задачам, которые они выставляли. Народный инстинкт как в России, так и за границей, это отлично чувствовал, и все заверения политиков по существу ни к чему не приводили. Можно было надеяться, что силою военного размаха удастся сбить большевиков, а там откроется возможность внутренних перестроек и

изменений, но этого не произошло, и верить в повторение неудавшегося рецепта наивно и бесполезно.

Подумайте над тем, что я Вам пишу. Не совсем уверен, что моя мысль Вам достаточно ясна. Хочу лишь еще раз подчеркнуть, что программа, известная совокупность приемов, путем которых могла бы произойти перестройка России, в частности в формах, обеспечивающих кооперацию с союзниками, должна заменить несуществующего субъекта национального действия.

Программа должна быть совершенно конкретная, а не общий разговор об Учредительном собрании и свободах. Детали не нужны, но должны быть установлены в основе тип временной местной власти, гражданские и публичные права. Должна быть включена идея об амнистии и переходе к новым формам государственной жизни; должны быть в главных чертах установлены органические основания, определяющие права и взаимоотношения местной и центральной власти и национальных автономий. Выражаясь фигурально, при проведении этой программы в жизнь необходимо со стороны лиц, приемлющих под нею власть и ответственность, акт, равносильный присяге. Идея незыблемости этой программы до тех пор, пока окончательно не сконструирована власть в России, должна быть положена в основание всего действия. И вот эту незыблемость нужно обставить так, чтобы опять-таки в нее поверили.

Два слова о национальном собрании. Конечно, мы не можем отходить от идеи учреждения, которое будет олицетворять полностью национального творчества. Однако надо практически смотреть на вещи. Нельзя же в самом деле думать, что можно собрать 500 или 600 людей и заставить их с какой-либо долей плодотворности выдумывать из головы или даже обсуждать и принимать составленные какими-то умниками программы и положения. Учредительное собрание, которое соберется на пустом месте, дискредитирует само себя и потонет в бездне болтовни. Со своей личной точки зрения я всегда понимал роль подобного собрания, как закрепление и придание окончательной легальности известной совокупности отношений, которые создались в процессе жизни и получили оценку времени и практическую пробу. Надо бросить теоретические размышления и тонкие юридические построения, к которым так склонны наши схоластики, и смотреть на вещи просто и прямо. Россия разрушена; ничего нет; надо практически строить, и строить как можно скорее. Вот почему я считаю, что подобная программа должна включать в себя ряд совершенно точных и конкретных норм, касающихся многих сторон как политической, так и экономической жизни.

Я как-то писал Вам о том, что отличительной стороной американского обывателя является его преданность государственным учреждениям и основным институтам политической и экономической жизни. В них он видит охрану и залог устойчивости того круга жизни, который связан с его благополучием и возможнос-

тью преуспевания. Задача власти в России заключается не в установлении тех или иных форм голосования и не той или иной иерархии учреждений, основанных на весьма тонко продуманной юридической мысли, а в создании таких условий, при которых населению хорошо бы жилось, и такой власти, — понимая эту власть в широком смысле вплоть до тех чиновников, с которыми приходится сталкиваться обывателю в обыденной жизни, — которую население считало бы своей собственной, имеющей в виду его пользу, охраняющей его интересы и способствующей разрешению тех вопросов, которые возникают в его хозяйственном и жизненном быту. Государственное зодчество в России в настоящую минуту состоит в том, чтобы найти совокупность решений, удовлетворяющих подобной задаче, и если бы это [удалось сделать] и провести в жизнь хотя бы вчера и на этом построить сейчас практику возрождения России, то задача была бы решена.

Хочу отметить еще несколько мыслей, которые в связи с этим приходят мне в голову. Занимаясь составлением программы и представляя себе вообще процесс восстановления власти и законности в России, следует прежде всего поставить себе за правило составлять как можно меньше законов и возможно меньше регулировать жизнь. Правительства Колчака и Деникина оба грешили необыкновенным пристрастием к писанию законов. «Вестник Указаний и Распоряжений Правительства», по-видимому, представлялся главнейшим объектом государственного творчества. Нужно поступать как раз наоборот: как программа, так и в будущем функционирующая центральная власть должна свести свое вмешательство в жизнь к минимуму; и нужно предоставить как можно больше местным управлениям. Пусть они будут временно негодны; пусть будет воровство и взяточничество; пусть они будут безграмотны, но пусть они управляются сами собой и пусть волости, города и области на практике искусятся в искусстве управления. Хорошо управлять в России все равно нельзя, — по крайней мере долгое время, и незачем центральной власти брать на себя ответственность, тем более, что я все же думаю, что на местах утрясутся скорее. В частности я, например, убежден, что аграрный вопрос должен быть предоставлен именно самоутрясению. Признаки возможного разрешения земельных отношений таким путем явствуют из Вашего письма.

Второе замечание — это характер будущей России. Россия должна быть крестьянско-купеческой. Я хочу этим сказать, что развитие и укрепление нашей родины должно быть связано с укреплением и развитием, с одной стороны, крестьянского землевладения, а с другой стороны — промышленности и торговли на самых ярких капиталистических началах. Для первого нужно забыть интересы помещика, хотя бы временно, и не заниматься никакой реставрацией; для второго же нужно только не мешать; абсолютно отказаться от какого бы то ни было вмешательства государства в частно-экономические отношения. Предоставьте всем и каждому обогащаться и наживаться. Государственная нормировка,

поскольку это касается сейчас программы, должна это невмешательство твердо определить и заставить поверить банкира, промышленника и торговца, что его инициатива и его риск не пропадут даром и не будут в свое время эскамотированы завистливым чиновником. Если Вы придумаете такую программу и сумеете провести в практику жизни такие начала, при которых купец и крестьянин будут с вами, вы легко победите большевизм и положите начало настоящему восстановлению России. В частности, со стороны экономической необходимо лишь твердо определить экономическую целостность России, недопустимость внутренних перегородок и проч. Я провозгласил бы также в совершенно открытом виде право собственности, сделав это, однако, так чтобы крестьянин понимал, что земля не только от него не отнимется, но и будет закреплена. Я думаю, что ряд основных принципов, определяющих основы бытового и экономического строя, следовало бы провозгласить в тех органических статутах, которые будут определять строение Российского Государства.

Два слова о временной власти. Трудно предсказать, какую форму примет исполнительная власть в будущем фазисе воскресшего национального движения, но я все-таки не боялся бы сказать следующее: поскольку Россия мыслится как единая в сочетании слагающих ее образований и при каких бы то ни было формах непосредственной исполнительной власти, по мере освобождения областей от большевиков и практического объединения их на принятой программе, создается объединяющий и составленный из представителей областных и национальных управлений Государственный Совет, который является верховным объединяющим органом, олицетворяющим государственное единство.

Вот разные сырые мысли, которые приходят мне в голову. Итак, две основные вещи: программа и практика вместо схоластического умствования.

Надеюсь, Вы не посудите меня слишком строго за вольнодумство, а если все сии мысли покажутся Вам наивными или непригодными и несбыточными, то относите их к воздействию американской обстановки, спокойствию и скуке местной жизни и отсутствию занимательных предметов, увеселяющих Вашу жизнь.

Искренне Ваш *Б.Бах[метев]*.

№ 11¹

Б.А.Бахметев — В.А.Маклакову

9 февраля 1920 г.

Дорогой Василий Алексеевич.

Я получил Вашу телеграмму № 123 от 9-го января². Причины, почему я так долго не отвечал Вам, две: во-первых, она была не-

сколько задержана передачей и расшифровкой и попала мне в руки лишь перед самым моим отъездом в Нью-Йорк, где я пробыл несколько дней. Во-вторых, я хотел окончательно утвердиться в тех мыслях и соображениях, которые вызвало во мне Ваше сообщение.

Не скрою от Вас, что поездка Чайковского и Савинкова и все, что Вы мне сообщаете в связи с попыткой соглашения с поляками и инородцами³, глубоко меня огорчает. Я не могу понять ни мотивов целесообразности, которые заставляли бы искать подобных выходов, ни тем более мотивов политических и нравственных. В самом деле, нельзя же серьезно рассчитывать на то, чтобы можно было бы на польской почве организовать сколько-нибудь крупные русские отряды. Весь последний год был направлен по пути военно-национального действия, и если в настоящее время, благодаря совокупности причин, приходится констатировать неудачу, хотя бы временную, то смешно считать, что то, чего не удалось на русской почве, можно сделать на почве иностранной. При таких обстоятельствах совершенно очевидно, что фактически в случае, если бы переговоры, которые велись с Пилсудским⁴, привели к чему-либо и какая-то попытка была организована, то было бы не более и не менее, как решение русских националистов разрешить задачу русской гражданской войны путем военной силы нерусского происхождения. Подумайте о всем ужасе положения. Ведь это значит придти к заключению, что мы без «варяга» справиться не в состоянии. Если бы подобный поход в своей первой разрушительной фазе и был успешен, то и в этом случае на русском национализме осталось бы навсегда пятно несмываемого позора: сами, мол, не могли этого сделать и расписались в собственном бессилии.

Но совершенно очевидно, что успеха, даже первоначального, ожидать невозможно. Армии Колчака и Деникина имели несколько сот тысяч солдат и дух, хоть и плохой, но вряд ли много ниже того, который можно ожидать от инородцев и соседей. Полный провал военного действия для меня совершенно ясен; но вместе с военным провалом политически навсегда провалились бы и те национальные группы, которые связали свой успех с вознаграждением кого-то третьего за счет России. Результатом явилось бы полное политическое банкротство всяких национально-демократических групп, а большевистская борьба приобрела бы объективно задачу сохранения единства России, сплотив, по всей вероятности, за собой по крайней мере на первых непосредственных шагах, реакционные и военные элементы. Еще раз предположим, что в первой военной фазе даже был бы успех. Представляете ли Вы себе положение наших друзей, столь ратовавших за соглашение с инородцами, которые пришли на польских и эстонских штыках в Москву, пришли буквально на пустое место, без всякой связи с каким-то органически выросшим национальным движением, и принесли лишь какие-то пустые формулы кучки заграничных эми-

грантов. Уничтожение большевизма должно быть органически связано с успехами военными или моральными национального движения, как такового. Это русский вопрос, и чем ближе мы приближаемся к развязке, тем более настойчиво и последовательно должны мы это подчеркивать. Если мы от союзников требуем, чтобы они не вели борьбы с большевизмом за счет России, то тем более нужно быть последовательным в этом совершенно неоспоримом вопросе самим русским.

Вы, вероятно, будете крайне удивлены, но я совершенно убеждаюсь в том, — и именно в свете выше высказанных принципов, — что в период слабости национального движения, когда видимость такова, что русские представляются разбитыми, мы при настоящих условиях должны вести дело без вмешательства союзников и кого-либо постороннего, кроме, конечно, тех мест, где национальное движение в прежней военной форме еще сохранило известные оазисы и где оно, само собой разумеется, должно быть поддержано.

Перехожу теперь к основному вопросу, который связан с данной Вами в начале телеграммы постановкой.

Вы пишете о том, что возможны две дороги: примирения с большевиками или последняя попытка свергнуть их силой. Вы пишете далее, что политика союзников противоречива и приведет к принятию одной из возможных двух дорог. По-моему, во всей постановке вопроса есть известная неправильность, заключающаяся в смещении не цели, а лишь средства. Нет ничего такого, что объективно заставляло бы как русских, так и иностранцев, либо примиряться, либо обрушиваться немедленно же на большевиков военной силой. Я прежде всего не понимаю примирения. Примирение почему? Потому что они успешны, или потому, что они внутренне трансформировались. Я могу понять вторую причину, но это не примирение, а констатирование факта уничтожения большевизма путем его эволюции. Но этого пока еще на самом деле нет, и поэтому говорить, что большевизм изжил себя, преждевременно. Примиряться с разбойником потому, что он успешен, есть тактика бессилия. Она не дает никаких общих результатов и полезна лишь отдельным индивидуумам, которые ищут прощения за прошлое.

Независимо от общих соображений, я считаю, что в самой позиции большевизма обнаруживаются значительные трещины, которые все больше и больше подтверждают мое мнение о близости конца. На самом деле, та попытка военного движения на запад, о которой так много говорилось, с моей личной точки зрения вызывалась необходимостью, основанной на внутренней слабости. Потерявши политические корни в населении и обанкротившись экономически, большевики должны были для продления своей власти искать новых точек для приложения своих социальных экспериментов. С подобной необходимостью выйти за пределы России плохо мирится явное стремление большевиков к миру с союзника-

ми. Мир с Эстонией⁵, которую большевики могли раздавить в несколько часов, ясно показывает их желание не обострять своих отношений с Англией; телеграмма в Рим⁶ ясно свидетельствует о стремлении Ленина получить то, что англичане называют*. Необходимость военного движения, не раз притом громко возвещенного миру, и попытка примирения, — есть противоречие, разрешение которого надо искать в следующем: большевистский генеральный штаб, который совершенно справедливо оценивает вещи, отлично понимает, что военные операции на западных русских границах возможны лишь при более или менее правильном функционировании железных дорог, связывающих армию с достаточно отдаленным тылом, понимая под тылом области России, откуда можно получить пищу и военное снабжение. Заметим к тому же, что ни в Польше, ни в Германии, ни в Австрии нет ни пропитания, ни вообще каких-либо предметов. Рассчитывать, следовательно, на снабжение с мест по мере продвижения невозможно. К тому же ясно, что, неся на мече советскую революцию, нельзя грабить. Это можно было делать в России, но если бы за границей вместо дисциплинированной Красной армии появились хулиганские банды, результатом явилось бы не революционное восстание, а самозащита населения. В силу всех этих соображений поход на запад возможен лишь в рамках строго дисциплинированных и с обеспеченным тылом. Вот тут-то и получается у большевиков заколдованный круг: их внутренняя слабость побуждает их искать выхода в военных авантюрах: последние же невозможны без внутренней организации. Совершенно ясно, что большевики будут стараться использовать свое военное торжество и возможные компромиссы с союзниками в целях организации внутреннего положения, но на это нет никаких надежд, если только, конечно, союзники при помощи некоторых легкомысленных русских снова не поставят перед большевиками сравнительно легких и простых задач, которые закроют горизонт хотя бы на время и задержат естественные процессы.

Независимо от этого основного противоречия, само военное торжество приносит Ленину массу новых осложнений. Что делать с армией, которую нельзя распустить, которую надо кормить и надо занимать? Одним словом, я полагаю, что в самом торжестве большевизма есть много начал разложения, а обязанность русских националистов до тех пор, пока они снова не собрались с силами и не могут наносить ударов, не мешать этим внутренним самостоятельным процессам.

Что бы ни было сейчас, большевизм жить не может. Разрешение русской проблемы возможно лишь в результате его поражения и торжества конструктивных начал, и задача наша заключается, во-первых, в соответствующем воздействии на союзников, и во-вторых, внутри в анализе того, что произошло, и в создании, — возможно, на ошибках близкого прошлого, какой-то нацио-

* Пропуск в тексте.

нально-демократической платформы, которая могла бы явиться реальной основой действия в следующий непосредственно за падением большевиков период.

Что же говорить союзникам. Вы пишете, что их политика противоречива и что они либо признают большевиков, либо объявят им войну. Вы совершенно правы. Я же думаю, что если бы некоторые из союзников и признали большевиков, то и это не разрешило бы вопроса, так как в конце концов им придется объявить войну, — конечно, если только раньше большевизм не рухнет сам собой. Как это ни странно, но то, чего необходимо добиваться от союзников в настоящее время, есть невмешательство. Я лично в этом так же убежден, как был убежден в активной поддержке в то время, когда был субъект национального движения. Колчак и Деникин сражались за общесоюзное дело, и союзники обязаны были их поддерживать, и их нерешительность была политически бессмысленной, а морально граничила с предательством. Сейчас, однако, мы переживаем совсем иной период: национальное движение вообще эклипсировано⁷, а оставшиеся оазисы не изменяют основного факта. Национальное движение прошло известную фазу, разбилось, и в каком виде и когда оно снова подымет голову, — нельзя предсказать.

Что же должны делать союзники? К торжеству успешного победителя они должны были бы сказать: мы отвергаем большевизм. Мы считаем большевизм разрушительной силой, которую мы отказываемся признать и с которой, несмотря на ее временное торжество, мы не желаем иметь отношений. Мы твердо верим, что восстановление России связано с падением большевизма и приходом к власти конструктивных национально-демократических сил. Эти силы, хотя временно и эклипсированы, имеют вернуться в той или иной форме и принять руководство жизнью нации. Мы терпеливо ожидаем этих сил и заранее обещаем им дружбу и содействие.

Мы ценим жертвы России в войне. Мы считаем, что переживаемые Россией события являются следствием ее чрезмерных усилий. Мы считаем, что будущая восстановленная Россия должна унаследовать полностью достояние прошлого, и в этом достоянии государственное единство и целокупность являются наиболее ценным сокровищем. Наш долг охранить эти сокровища для будущей России. Сочувствуя стремлениям народностей к устроению жизни на началах национальной самобытности, мы отрицаем в корне идею расчленения России. Мы осведомлены о предположении большевиков вооруженной силой вторгнуться в пределы соседних государств или в области, где народностям удалось организовать жизнь на началах закона и самоуправления. Всеми доступными средствами мы поддерживаем стремление соседей и народностей отражать вторжение большевиков и защищать свои земли и порядок, но движение это не должно быть против России. Большевизм такой же враг России, как и других свободлюбивых народов. Никто более России не пострадал от большевиков, и Россия преж-

де всего должна выиграть от их поражения. Интересы народностей, соседей и России постольку, поскольку необходимо уничтожить большевизм, одинаковы.

Вы меня спросите, почему подобная политика благоприятного нейтралитета, ожидания и невмешательства? Разве не противоречит это пониманию большевизма, как мировой опасности и предполагаемому со стороны большевиков военному действию? Несомненно так, но необходимо дать событиям развиваться. В нынешнее время таких объективных проявлений милитантного большевизма, которые дали бы возможность усталым и обремененным демократизмом державам в своей практической политике подняться на высоту предвидения, налицо не имеется. События к этому могут привести, но сейчас кроме общих разговоров и пропаганды в этой области сделать ничего нельзя. Нужно спасать лишь от другой крайности — от попытки увлечения оппортунистическим миром с удачным противником. Скажу больше: я не слишком боюсь признания. Опять-таки, когда Россия была наполовину колчаковской, наполовину большевистской, признание большевиков было прямой изменой и ударом по другой. В настоящее время это лишь удар по самим себе. Некоторый моральный успех не заменит разочарования, когда по существу большевизм материально от этого ничего не выиграет. Основное же противоречие, ведущее к объявлению войны мировой социальной анархии, остается и все равно вскрыется. Для союзников опасно то, что, забывая о будущей России и интересуясь по ллойд-джоржевски тем, что происходит в ближайшие 24 часа, союзники компрометируют себя навсегда в глазах будущей национальной России. Я уверен, что Америка этого не сделает. Никогда еще настроение здесь не было столь определенно антибольшевистским. Я должен сказать, что общее понимание весьма близко подходит к тому, что я выше высказал. Жаль лишь, что вряд ли удастся заставить их сделать публичное заявление. За болезнью Президента государственный аппарат атрофирован.

Главное же, повторяю, что заставляет меня настаивать на политике невмешательства и ожидания, есть временный кризис национального движения. Как я Вам раньше уже писал, теперь все приближается к концу, активность в русской политике должна идти параллельно и должна следовать за разворачивающимся национальным движением. Трудно предсказать вообще, а тем более мне отсюда, какие новые формы примет этот русский национализм. Одно мне ясно: теперь более, чем когда-либо, необходимо охранять в чистоте его основные принципы. Необходимо воздерживаться и в поддержке союзников от чего-либо, что приводило бы к внутренней спайке хотя бы части национальных элементов с большевиками и что, с другой стороны, навсегда скомпрометировало бы конструктивные силы национальной демократии и лишило бы их в конечном счете возможности принять участие в реаль-

ной работе восстановления государства на просвещенных и отвечающих интересам нации основаниях.

Заканчивая письмо, не могу не передать Вам личного впечатления, что вся затея, о которой Вы пишете, есть мыльный пузырь, каких много было и раньше. Судя по переговорам поляков с большевиками, события пошли, к счастью, по иному пути, и Николай Угодник объективно помогает будущей России, невзирая на усердие не в меру суетливых спасителей.

С своей стороны хотел бы лишь добавить, что я лично никогда не присоединюсь ни к чему подобному, хотя бы и остался совершенно один, так как твердо верю, что разрешать русский вопрос путем «варягов» политически бессмысленно и нравственно отвратительно.

№ 11а

Б.А.Бахметев — В.А.Маклакову
Russian Embassy, Washington

18 февраля 1920 г.

Лично и конфиденциально!

Дорогой Василий Алексеевич!

В дополнение к ответу моему на Вашу телеграмму № 129-bis от 29 января¹, пишу более подробно некоторые свои соображения по поводу всего Вами сообщенного.

Не скрою, что телеграмма Ваша меня глубоко поразила. Я, прежде всего, не понимаю смысла и целесообразности предположений, о которых Вы сообщаете; но всего более я удивлен морально-политической стороной.

План, о котором Чайковский и Савинков говорили с Пилсудским и который, насколько я понимаю, пользуется известной популярностью в российских кругах, сводится к следующему: заключается соглашение с Польшей, которая мобилизует против большевиков как свои войска, так и войска инородцев и разрешает формирование в районе своей оккупации русских национальных отрядов. Последние вместе с поляками и инородцами в известный момент совершат поход на большевизм и должны покончить с советским режимом. В настоящее время, когда мы только что пережили кризис военно-национального движения, нельзя думать о сколько-нибудь крупных русских формированиях, тем более не на русской почве. При таких условиях фактически поход должен был бы быть совершен по преимуществу соседскими и инородческими войсками. Это означает разрешить задачу русской гражданской войны путем военной силы нерусского происхождения.

Я прежде всего считаю, что с практической стороны все эти предположения совершенно эфемерны. Никаких сколько-нибудь внушительных походов мы никогда не увидели бы; никаких большевиков не свергли бы. Впрочем, весь вопрос, по-видимому, в значительной мере уже вышел из практической орбиты: поляки и инородцы пошли по пути соглашения с Советами, и почва для авантюры тем самым потеряна. Должен сказать, что известие о соглашении большевиков с поляками отчасти даже порадовало меня². Порадовало потому, что я был весьма перепуган всем тем, о чем Вы пишете, и, видя огромную угрозу русскому делу, отчасти доволен, что события удержали нас от непоправимых действий.

Однако дело здесь не в практических, а в коренных вопросах политической стратегии, скажу больше, в основах мировоззрения. Представьте себе на минуту, что первая военная фаза похода завершилась бы даже успехом; польские и другие войска, а за ними и какая-то русская национальная военная сила входят в Москву и прогоняют большевиков. Представляете ли Вы себе положение русских националистов, пришедших на польских и эстонских штыках буквально на пустое место, вне всякой связи с каким-то органически выросшим национальным движением и опирающихся на какие-то бумажные формулы и соглашения кучки заграничных эмигрантов. Положение было бы истинно трагическое.

Неужели не ясно, что уничтожение большевизма может быть лишь органически связано с развивающимся успехом сильного и здорового национального движения. Гражданская война в России и уничтожение большевизма есть вопрос прежде всего русский, и чем ближе мы приближаемся к развязке, тем больше и больше все объективно происходящее должно носить русскую печать.

Это положение представляется мне одним из краеугольных камней теперешней политической стратегии. Два года тому назад, в первой фазе большевизма, мы призывали союзников к интервенции; делали мы это в предположении, что союзная инициатива облепится в процессе своего продвижения в Россию русским национальным движением. В те времена такая тактика была правильна, и правильность ее, — в частности в Сибири — была подтверждена опытом нарастания русского движения вокруг чехословацкого действия³.

С тех пор, однако, много утекло воды. Мы пережили весьма внушительные по размерам и по характеру действия Деникина и Колчака. Движение в своей военной фазе было близко к победе. Правда, теперь мы снова отброшены назад и то, что год тому назад представлялось решительным переломом, оказалось подготовительной фазой. Это так; но ясно, что в преимуществах фаз каждая следующая ступень должна быть, во всяком случае, крупнее и глубже. Поэтому-то теперь, когда мы временно сидим у разбитого корыта, надо уметь не унижаться до попрошайничества и до подчинения своих проблем мелким и второстепенным притязаниям.

Поставить разрешение русского вопроса в зависимость от того или иного действия нерусских сил означало бы признать себя морально и политически пораженным, т.е. окончательно расписаться в том, что Россия и русские сами не могут справиться со своими задачами.

Из сказанного можно сделать парадоксальный вывод: если русское национальное движение должно вообще проявляться на каждой следующей ступени в более глубокой и крупной форме, то теперь, пока такого проявления нет, мы как будто бы не должны требовать со стороны союзников активного действия. Хотя этот вывод и парадоксален, но это в значительной мере так. Более чем когда-либо, именно потому, что мы приближаемся к развязке, мы должны отстаивать самобытность русского национального действия, а помощь союзников или инородцев сводить лишь к поддержке и кооперации с основной и самостоятельной национальной русской борьбой.

Если бы русские националисты пошли на борьбу с русским большевизмом путем не русской военной силы, вознаграждаемой в конечном счете за счет России, то история никогда не простила бы подобной расплаты за успехи в гражданской войне. Лица, группы и партии, связавшие себя с подобным начинанием, обрекли бы себя на гибель. В тех условиях, в которых эти начинания зарождались, результатом явилось бы полное политическое банкротство либеральных и национально-демократических групп. Большевистская борьба приобрела бы объективную задачу сохранения единства России, сплотив за собой, по всей вероятности, в непосредственной предстоящей задаче военные и реакционные элементы.

Мое личное отношение к подобной постановке вопроса таково: политически бессмысленно и морально недопустимо.

Что же делать? Какой выход? Начну с некоторых замечаний по поводу Вашей телеграммы.

Вы пишете о двух дорогах — о примирении с большевиками или о последней попытке свергнуть их силой. Я не понимаю Вас: ведь и то, и другое — средства, а не цель. В настоящий момент и по крайней мере в течение известного времени, по-видимому, нет почвы для организации немедленного внушительного военного движения. Национальная Россия боролась в течение года, совершила невероятные, геройские дела⁴, но изошла духом. Пойдет ли будущее по испробованному военному пути или развал большевизма произойдет изнутри, — сказать нельзя. Ясно, однако, следующее: если в настоящий момент нет почвы для военного движения, то это несколько не значит, что военное движение вообще более невозможно. Оно может осуществиться через некоторое время в связи с иной международной обстановкой и после некоторых внутренних переживаний.

Второе же, и самое главное, — я не понимаю, почему невозможность немедленного военного действия должна привести к

примирению? Примирение в силу каких причин? Потому ли, что большевики успешны; или потому, что они внутренне трансформировались? Я могу понять второе, но это было бы не примирение, а лишь констатирование факта, что большевизм путем эволюции изменился и изжил себя⁵. Такой путь возможен, но для него нет почвы и оснований. Большевизм сейчас не в раскаянной фазе; наоборот, он кичится и хвастается победой. Примирение же лишь потому, что большевики успешны — есть тактика бессилия и отрицания самих себя. Она не даст никаких общих результатов и может быть выгодна лишь для отдельных лиц, которые идут в Каноссу, ища прощения за прошлое.

Я лично, наоборот, думаю, что в самой позиции большевизма обнаруживаются значительные трещины. Я писал Вам уже, что в моем понимании попытка военного движения на запад вызывается необходимостью, основанной на внутренней слабости: потерявши политические корни в населении и обанкротившись экономически, большевики должны для продления своей власти искать новой почвы для приложения своих социальных экспериментов. С этим, однако, весьма плохо согласуется явное стремление большевиков к миру с союзниками. Обратите внимание, в частности, на сделку с Эстонией⁶, которую большевики могли раздавить в несколько часов. Мир этот весьма благоприятен для эстонцев и явно продиктован стремлением большевиков задобрить Англию. Попытка примирения в час наибольшего военного успеха — противоречие, которое я лично объясняю следующим образом: активные операции к западу от русских границ возможны лишь при правильном функционировании железных дорог в тылу и правильной организации снабжения пищей из России. Не забудьте, что ни в Польше, ни в Германии, ни вообще где-либо к западу ни еды, ни вообще ничего нет. С другой стороны, неся в Европу на мече блага социальной революции, нельзя грабить. Это можно было делать в России, но если бы за границей вместо дисциплинированной Красной армии появились хулиганские банды, результатом явился бы не революционный восторг и солидарность, а противодействие населения во имя элементарной защиты. В силу этих соображений поход на Запад возможен лишь в рамках строго дисциплинированных и с обеспеченным тылом. Вот тут-то и получается у большевиков заколдованный круг: внутренняя слабость толкает советскую власть искать выход в военных авантюрах; последние же невозможны без внутренней организации. Отсюда стремление большевиков использовать свое временное торжество внутри страны и возможные компромиссы с союзниками в целях устройства внутренней организации. Что выйдет из этого, предсказать сейчас нельзя. Было бы ошибочно совершенно отрицать возможность некоторого успеха большевиков в попытке организовать основные железнодорожные линии и хотя бы на некоторое время обеспечить возможность снабжения армии. Перспективы, которые развешиваются в этом случае, анализируются ниже.

С другой стороны, затруднения, связанные с основным противоречием большевистского положения, могут осложниться еще целым рядом дополнительных трудностей, которые военное торжество принесло Ленину. На самом деле, как быть с армией? Ее нельзя распустить даже на время; надо кормить, чем-либо занимать и проч. Все это способно создать обстановку, в которой торжествующий большевизм начнет быстро разлагаться. Было бы, конечно, в корне неправильным строить всю тактику на ожидании подобного внутреннего разложения, но упускать из виду этой стороны дела нельзя. Главное же, при наличии всех этих обстоятельств основные краеугольные камни нашей концепции должны выдвигаться нами с особой яркостью и полнотой, и не только выдвигаться, но и соответственно исповедоваться нами самими.

Что бы ни было сейчас, большевизм жить не может и обречен на гибель. Разрешение русской проблемы и восстановление России возможно лишь в результате торжества конструктивных сил в тех или иных формах. Это основная аксиома, в свете которой более чем когда-либо не нужно делать никаких компромиссов. Настоящая фаза весьма грустна; но русские националисты потеряют моральное право руководить страной в будущем, если они усомнятся в исторической неизбежности своего конечного торжества.

Вы можете мне возразить, что это общие абстрактные фразы, в которых нет конкретного содержания. Это не так. Да, мы сейчас сидим у разбитого корыта и не можем формулировать программы практического действия. Но это означает не то, что нужно идти в Каноссу, а лишь показывает, что национальное движение еще не нашло себя, еще не формулировало и не приобрело тех форм и того содержания, которые должны привести и приведут его к успеху. Наша вера должна быть абсолютной. Если мы еще не осуществили своих целей, то не потому, что мы не правы, а лишь потому, что еще не умеем. Близоруко и неправильно отказываться от задачи потому, что в тот или иной момент вы не знаете, как ее решить. Вся наша слабость и весь неуспех прошедшей фазы был связан с раздробленностью, моральным распадом и главное, — с отсутствием одухотворяющего начала в действиях националистов. Уверенные морально в конечной победе, мы должны терпеливо переживать поражения и искать путей и выходов. Не пройдет и нескольких месяцев, как национальное движение снова проявится. В каких формах, — сейчас нельзя предвидеть. Однако, пока что надо хранить свою неприступную чистоту, и больше и прежде всего обратить свои взоры внутрь самих себя и заняться анализом прошлого и причин ошибок.

Я писал Вам уже, какую роль могла бы сыграть программа или, вернее, платформа национального действия. Чем больше я вижу людей, приезжающих с Юга и из Сибири, тем больше я убеждаюсь, что рок военно-национального движения заключался в том, что оно объективно было реставрационным и что оно не

несло одушевления, связанного с будущей Россией. Я не буду сейчас углубляться в эти вопросы; одно лишь Вам напомним: может быть, Вы не забыли наших разговоров рано в 1919 году вскоре после Принкипо⁷ в связи с моими посещениями Хауса⁸. Насколько мне помнится, Вы благоприятно относились к мысли о формулировке известных принципов, которые союзники положили бы в основание своих действий в России и на почве которых они поддерживали бы те или иные группы и начинания. В моей теперешней идее платформы есть много общего со всем тем, о чем я беседовал с Хаусом. В этом вижу я также определенный объективный путь для восприятия событий, если бы они развернулись в направлении, которое связано с идеей примирения с эволюционирующими большевиками. Но тут было бы ясно, что это не примирение с успешным и захватившим власть разбойником, а констатирование факта, что большевизм изжил себя, и что действительность привела Россию в то лоно, которое националисты предвидели и уготовили. Конечно, тут надо проявить то, что англичане называют *open mind* и *open heart*⁹ — не слишком мстить за прошлое в том случае, когда внутренние перемены и переживания привели безумцев на тот путь, который вы считаете разумным и неизбежным. Не будем забывать, что Россия переживает гражданскую войну и что, если можно и нужно наперед решить быть безжалостными к отдельным преступникам и носителям зверской жестокости, то, с другой стороны, в широком смысле окончание гражданской войны должно нести в себе уступчивость и забывчивость, особенно в плоскости людских взаимоотношений. Будем учиться у Линкольна¹⁰.

Что же делать союзникам? Вы пишете, что их политика противоречива и что они должны будут либо признать большевиков, либо объявить им войну. Я согласен с тем, что позиция Европы логически несостоятельна. На самом деле, понимая несовместимость коммунизма с цивилизацией, учитывая непосредственную военную опасность милитантного большевизма, считаясь, наконец, с экономическими последствиями затяжной анархии в России и со всякими политическими осложнениями, которые могут вырасти на почве российского хаоса, — союзники должны были бы давно решиться на искоренение большевизма военной силой. Однако, как Вы знаете, действия народов и правительств определяются не логикой, а предметными уроками. Я лично совершенно убежден, что, если бы большевики не рухнули в силу внутренних осложнений и их попытка военного вторжения на Запад или революционного движения на Восток осуществилась бы, то наступит фаза событий, которая выразится в общей мировой войне против большевизма. Думаю, что нам непрестанно надо указывать на этот исход, особенно для того, чтобы русский национализм не был, хотя и косвенно, связан с чувством досады и проклятия, которые неминуемо поднимутся у народов в связи с новым ополчением. Но надо признать как факт, что подобная война и, следовательно,

объективное разрешение указываемого Вами противоречия может прийти лишь на гребень или даже на хвост событий.

Не удивляйтесь, если я Вам скажу, что может быть нам даже не совсем не выгодно, чтобы союзники не объявляли этой войны сейчас, — хотя, конечно, говорить этого и не надо. В самом деле, польза от такой войны для нас видима лишь в случае, если национализм унаследует плоды победы. Но для этого национализм должен быть действенной силой. Широкая активность союзного действия в области русской политики в момент, когда русское национальное движение фактически бессильно, объективно будет приводить лишь к умалению России и будет неизбежно вредить нашим национальным интересам, понимаемым в глубокой исторической перспективе. Лучше, если временное затишье в действиях союзников по отношению к России позволит нам собраться снова с силами и активное действие отложить до момента, когда мы снова будем реальной силой и главным действенным фактором. Право же, лучше соглашение поляков и инородцев с большевиками, чем активное действие санитарного кордона, аффилированного с союзниками с вознаграждением различных соседей и национальностей за счет российского тела.

Но если так, — скажете Вы, — то союзники неминуемо признают большевиков. Я лично не вижу, почему это так, хотя известные взаимоотношения и могут установиться. Но возьмем самое худшее. Представим себе, что союзники признают большевиков, т.е., вернее, признают англичане и итальянцы. Я что-то плохо представляю, чтобы признали французы; так же мало расположены к этому и американцы. Что бы произошло из такого признания? Я откидываю, конечно, все личные переживания, удары по самолюбию и проч. Признание большевиков в момент, когда половина или значительная часть России была в тылу национальной армии и когда нарастала волна военного национального движения, было бы прямым ударом по национализму; сказал бы больше: предательством по отношению к русским патриотам, которые морально связывали себя с союзным действием. В настоящий же момент, когда национальное движение разбито (я не считаю маленьких оазисов, которые еще остались), признание Советов было бы лишь свидетельством политической недалёковидности и оппортунизма. Конечно, последствия этого в смысле компрометирования будущих отношений союзников к России могли бы стать весьма значительными. Но с точки зрения русского внутреннего процесса как такового вряд ли были бы какие-либо реальные изменения. Моральный успех большевизма не изменил бы его экономического банкротства. Получить столь необходимые им сырые материалы союзникам даже не удалось бы — этому помешала бы внутренняя дезорганизация. Действительность представилась бы в полной своей оголенности; и, вероятно, в скором времени горчайшее разочарование сменило бы восторженные клики,

и смущенная Европа очутилась бы в положении унтер-офицерской вдовы.

Не понимайте меня ложно. Я боюсь такого поворота и не хочу его; не хочу потому, что боюсь антисоюзной, германской ориентации русского обывателя. Но не будем преувеличивать опасности.

В чем же должна заключаться политика союзников и что мы должны им говорить? Конечно, и в разговорах, и в печати наша первая обязанность вскрывать все противоречия и указывать на неизбежность в конечном счете военного столкновения. Однако с точки зрения практической политики я высказался бы за политику невмешательства, прежде всего потому, что всякое вмешательство мыслится мною впрямь как действие, подсобное национальному движению. Мой основной тезис, что чем ближе к концу, тем больше движение должно быть русским, арифметически интерпретируется, если можно так выразиться, в том, что отныне всякое союзное действие должно быть во всяком случае меньше, чем наше собственное.

Мы не можем в силу этого конкретно указывать союзникам, что им нужно делать с точки зрения практического действия; мы не в состоянии дать им конкретные основания, по которым надлежало бы развертывать деятельность. Но обстоятельства этого и не требуют. Обстоятельства требуют, однако, определенной формулировки отношения к русскому вопросу, того, что по-английски называется attitude¹¹. Эта attitude для меня мыслится в следующих основных положениях: во-первых, союзники должны повернуться спиной к торжеству успешного победителя. Они должны сказать: мы отвергаем большевизм; мы считаем его разрушительной силой, которую мы отказываемся признавать, и с которой, несмотря на ее торжество, мы не можем иметь отношений.

Пусть, во-вторых, союзники скажут: мы твердо верим, что восстановление России связано с падением большевизма и приходом к власти конструктивных национально-демократических сил. Эти силы, хотя временно эклипсированы, неминуемо вернуться в той или иной форме и примут руководство восстановлением жизни нации. Мы терпеливо ожидаем появления этих сил и встретим их дружбой и содействием.

Пусть союзники заявят, в-третьих: мы ценим жертвы России в войне. Мы считаем, что переживаемые события являются следствием ее чрезмерных усилий. Будущая восстановленная Россия должна унаследовать достояние прошлого, и в этом достоянии государственное единство и целокупность являются наиболее ценным сокровищем. Наш долг хранить эти сокровища для будущей России.

Из этих трех позиций вытекает отрицание идеи расчленения, которое, конечно, не противоречит сочувствию стремлениям народностей к устройению своей жизни на началах национальной самобытности. Союзники, наконец, могут сказать, что в случае попытки большевиков вооруженной силой вторгнуться в пределы

соседних государств или в области, где инородцам удалось организовать жизнь на началах закона, они готовы всеми доступными средствами поддерживать стремление соседей и народностей отражать вторжение большевиков. Но помощь имеет целью и условием лишь защищать свои земли и порядок: она не должна быть использована против России. Большевизм такой же враг России, как и других свободлюбивых народов, и никто более России, наиболее пострадавшей от большевиков, не должен выиграть от их поражения.

Подобное отношение к русской проблеме в настоящее время, мне кажется, диктуется русскими национальными интересами*.

Политика эта хороша тем, что, во-первых, она не мешает развиваться процессам разложения внутри большевизма и не дает возможности затмевать эти процессы диверсиями второстепенного порядка. Во-вторых, охраняя принцип русского единства и не ставя практическую борьбу с большевизмом в плоскость борьбы за счет России, она предотвращает спайку хотя бы части национальных элементов с большевиками. Наконец, она, не давая морального и материального преимущества большевикам, откладывает в почетном виде активную фазу союзной политики в отношении России до момента, когда русское движение снова развернется, и активность союзников в состоянии будет следовать за ним.

Должен сказать, что в Америке потенциально большое сочувствие к такой позиции. Никогда еще положение большевиков здесь не было столь слабо. Я не думаю, с другой стороны, чтобы стремление англичан к торговле с Россией развернулось в формах, которые исключали бы возможность принятия подобной платформы, по крайней мере без разительных противоречий. Англичан, по-видимому, мало интересует и привлекает политическая сторона; их главным образом толкает стремление получить возможность выкачивать из России сырые продукты. Отказ Америки в кредитах и падение курса стерлинга сыграло весьма существенную роль. Потеряв надежду на Америку, как на источник сырых материалов. Англия неминуемо должна искать страну, с которой валютные отношения складываются в пользу Британской империи. Речь Ллойд Джорджа показала, что английский премьер не пойдет по пути политического сближения так далеко, как этого многие ожидали¹². Я лично, впрочем, так и думал, что дело ограничится блефом; на практике же торговля ни к чему не приведет, и в конце концов вся затея, как и многие другие подобные, окажется мыльным пузырем.

* Само собой, подобная концепция не противоречит, отнюдь, необходимости деятельной поддержки со стороны союзников сохранившимся оазисам национального движения на Северном Кавказе, Архангельске и при соответствующих условиях — на Дальнем Востоке. (Прим. Б.А.Бахметева.)

Заканчиваю. Будем повторять с упорством Катона¹³: в наших неудачах повинны мы сами. Сегодня один американец, вернувшийся от Деникина, исключительно сочувствующий генералу, рассказывал про все, что он видел на Юге России; и он убеждал меня, что вся Россия продолжает быть в делириуме и что никакой кристаллизации в национально-политическом смысле еще не произошло. Он относится к явлению с благодушным терпением, произнося фразы о медленности исторических процессов вообще и сравнивая наши теперешние переживания с эпохой американской революции. В сравнениях мало, конечно, утешения. Но, я думаю, что он не совсем не прав.

Надо противопоставить большевизму что-то реальное и животворящее. Пока же мы не нашли слова и человека или слов и людей, будем охранять хотя бы чистоту догматов веры и не совершать во имя национальной России чего-то такого, что несовместимо с национализмом ни политически, ни нравственно.

Ваш Б.Бахметев.

№ 12

Б.А.Бахметев — В.А.Маклакову
Russian Embassy, Washington

19 февраля 1920 г.

Исключительно лично!

Дорогой Василий Алексеевич.

Полагаю, что настало время для решительных действий в области заполнения того пустого места, о котором я сообщал Вам в связи со своими предположениями о выработке платформы. Развивающиеся с необыкновенной быстротой события, а также всякие разговоры с американцами, не говоря о размышлениях, приводят меня к убеждению, что за это дело нужно взяться со всей энергией и без всякого промедления.

Возможны два пути: 1) большими «представительными» собраниями — путь обычных российских действий. Лично думаю, что это ни к чему не привело бы. Возможно действовать иначе: 2) небольшая группа людей вырабатывает основной документ и является ядром начального действия. Эти люди должны обладать некоторыми свойствами, которые довольно редки в настоящее время. Помимо мозгов они должны обладать беспристрастностью и быть заражены политической горечью лишь в такой мере, которая не застилала бы их способности к отрешению от предрассудков, к отказу от кастового чувства и готовности к великодушию. Создать такой документ можно лишь в атмосфере спокойной, далекой от приводящих впечатлений, вызываемых эмигрантской

средой и непрерывным потоком обиженных или страдающих жертв. Я убежден, что в атмосфере Парижа и даже Лондона ничего сделать нельзя. Нужен свежий воздух, спокойствие и равновесие, которое люди получают, когда они способны созерцать звезды на небесном своде.

В связи с этим у меня явилась мысль, которая Вас, вероятно, крайне удивит. Я хочу просить Вас и нескольких других лиц, которые по Вашему способны к подобным действиям, приехать в Америку. Я говорю совершенно серьезно; я убежден, что на rue de Grenelle¹ и вообще под парижским небом ни до чего полезного додуматься нельзя. Уже самая вашингтонская атмосфера совершенно иная. Но если нужно, я имею возможность тех российских мыслителей, которые должны «найти выход», поставить в те условия, в которые в свое время, по преданию, какой-то меценат посадил Россини², заперев его в комнате и заявив, что прежде, чем он не окончит оперу, его не выпустят. Результатом явился «Севильский цирюльник».

Но шутки в сторону. Я имею возможность посадить этих мыслителей в условия деревенской тишины и полного необщения с какими бы то ни было волнениями и преходящими впечатлениями, в результате чего, я думаю, можно создать то, что надо.

Несомненно, первое впечатление, которое у Вас получится по получении настоящего моего послания, будет, что я несколько лишился рассудка или, может быть, потерял меру вещей, но уверяю Вас, что это не так и что по здравому размышлению Вы придете к заключению, что я прав. Путешествие сюда займет неделю; все предприятие займет не более месяца. Результат же может быть совершенно исторический.

Вам лучше знать, кого везти с собой. Я думаю, что 4—5 чел. максимум, что нужно. Захватите Аджемова³. Думаю, он был бы исключительно полезен. Кого других, не знаю; Вам видно лучше. Может быть Чайковского, хотя я совершенно не знаю, по какому пути он пошел. Гагарин⁴ привез слух, что Сергей Дмитриевич [Сазонов] публично назвал его устрицей. Это все-таки нехорошо. Кто-либо из левых был бы весьма полезен, однако принцип коалиции надо исключить, а просто найти единомышленников. Чайковский всегда твердил о разделении власти военной и гражданской. Я начинаю думать, что он был не так не прав и что если облечь все это в соответствующие формы, то можно построить систему и платформу, достаточно конструктивную по существу, чтобы на ней можно было начать восстановление России, и в то же время настолько отвечающую интересам тех слоев, на которых будет зиждиться будущая российская жизнь, что она являлась бы вдохновляющей и животворящей.

Я очень прошу Вас рассматривать это письмо как написанное исключительно Вам, и если Вы полагаете, что для переезда через океан нет почвы, то прошу письмо сжечь. Однако мне хотелось бы, чтобы Вы вняли моим мольбам и прислали мне личную теле-

грамму с вестью о предстоящей близком выезде Вашем и Ваших друзей.

Искренно Вам преданный
Б.Бахметев

№ 13

Б.А.Бахметев — В.А.Маклакову
Russian Embassy, Washington

27 февраля 1920 г.

ЛИЧНО.

Дорогой Василий Алексеевич.

Хочу написать Вам ещё несколько слов совершенно личного характера. Будьте любезны, объясните мне конструкцию русского представительства в Париже. Я имею в виду, конечно, не посольство, а Делегацию и пр. Дело в том, что мы получаем разные телеграммы и даже предписания, в которых Делегация устанавливает содержание чинов финансовой части, посылает циркуляры, касающиеся закрытия консульств и тому подобное. Вы знаете, что я был всегда сторонником того, чтобы в Париже создавался русский руководящий центр. До сих пор я не ощутил, чтобы Делегация была таким центром, так как никаких политических руководящих указаний мы не получаем, но я не думал, чтобы центр занимался разрешением административно-технических вопросов и даже не запрашивая нашего мнения.

Я стою за всякие сокращения и очень был бы рад, если б Ваша Делегация дала соответствующие указания общего характера, на которых я мог бы основываться в своих практических действиях; но то, что мы получили до сих пор, по существу и по форме просто смешно.

Я пишу это Вам с определенной просьбой не читать этого письма другим Вашим сочленам, но Вы тоже член Делегации, и было бы весьма желательно, чтобы деятельность этого учреждения приобрела более достойный и полезный характер.

Напишите мне, ради Бога, также о том, что сделали со всеми деньгами, полученными от займа. Насколько я знаю, в Англии было реализовано 3 миллиона фун[тов] стерл[ингов], т.е. другими словами 30 миллионов рублей золотом. Нам неизвестно, чтобы были там большие заказы; между тем, на нас сыпятся все время телеграммы с просьбой платить там и сям. У нас существует некоторое подозрение, что операция с переводом денег на частные счета привела к тому, что этими деньгами нельзя пользоваться вовсе. Так ли это? Эту информацию я испрашивал также в частном порядке. Мне не хотелось бы, чтобы мои сетования повели к

каким бы то ни было раздражениям или внутренним трениям, но если бы Вы всех обругали, право, было бы полезно.

С тех пор, как я Вам писал (мои послания ожидают очередной вализы), произошли некоторые события: во-первых, — Турция¹. Мы бьем тревогу и палим из всех пушек. Я хочу добиться, чтобы Америка заявила Европе, что турецкий вопрос нельзя разрешать без России и что всякие теперешние постановления должны рассматриваться как временные, причем об этом должно быть объявлено.

Во-вторых, — смена министра иностранных дел в Америке. Лансинг² был человеком не активным, но прекрасно понимал роль России в перспективе будущих отношений народов, прочно стоял за единство и неуклонно отвергал большевизм. Новый назначенный министр, пока еще не утвержденный Сенатом, полная загадка, — никто его не знает. Мы живем в эпоху, очень напоминающую распутиństwo со всей его удушливой и болезненной атмосферой. Лично по-моему, Президент безнадежно болен³, хотя иногда у него бывают действия великолепные, как, например, нота 10 февраля по Адриатическому вопросу. К сожалению, вторая нота 24 февраля столь же плоха.

Ну, вот и все. Я получил от М[арии] А[лексеевны], Вашей сестры, очень милое письмо, за которое я ей очень благодарен. Кажется, не успею написать ей с этой вализой, так как безумно занят. Передайте ей все самое хорошее.

Ожидаю Вас в Америке. М[ария] А[лексеевна] пишет разные вещи про Париж, в которых я вижу лишь новое подтверждение того, что Вы можете приехать сюда.

Ваш ББ.

№ 14

В.А.Маклаков — Б.А.Бахметеву

Париж, 12 марта 1920 г.

Дорогой Борис Александрович.

Большое спасибо Вам за Ваше письмо. К сожалению я не сумею ответить на этот раз обстоятельно: Ваше письмо получено вчера, а оказия к Вам завтра. Нынешний день у меня переполнен занятиями, о которых я Вам напишу, и свободного времени, как всегда, нет. К тому же, должен сказать, что я нисколько не сомневаюсь, что обстоятельность Ваших писем объясняется присутствием Елены Николаевны; если бы Вы своевременно мне ее уступили, и я Вам писал бы подробно, но так как Вы все-таки грязный эгоист, то Вы за это и наказаны.

Два слова о последнем деловом письме: я понимаю Ваше недоумение, издали иначе казаться это не может; впрочем, и из близости это не много лучше. Чтобы понять, что здесь делается, необходимо знать историю, генезис, а не статику. Дело происходило так: когда провалились и Деникин и Колчак и исчезла всякая надежда получить откуда-нибудь новые деньги, в руках Замена¹ осталась небольшая сумма того, что было. Одновременно явилась необходимость, и неотложная, чрезвычайных расходов на кормление беженцев, на санитарную им помощь, на перевозку остатков армии и т.д., и т.д. и тех денег, которые были в распоряжении Замена и за которые нам приходилось бояться, так как по почину французов был поставлен вопрос — может ли вообще этими деньгами кто-либо распорядиться. Тех денег, говорю я, очевидно, не могло хватить.

В то же самое время, с одной стороны, все служащие разных заграничных установлений, как дипломатических так и военных, не только не уменьшили своих расходов, но, ссылаясь на дороговизну жизни, все время требовали прибавки. С другой стороны было еще хуже; если Колчаковская организация рухнула совсем, то Деникинская все же существовала, и вот отсюда время от времени стали доходить к Замену непосредственно приказы произвести тот или другой расход. Эти приказы свидетельствовали часто о том, что господа, их дающие, не имеют ни малейшего представления ни о количестве их денег, ни о необходимости расходов, ни о степени важности того или другого назначения. Так, например, был дан приказ выдать около 600.000 фр. на посылку миссии Гронского² к Вам.

Видя все это и желая покрыть себя, Замен тогда обратился к Делегации с предложением, или даже просьбой, чтобы никакие выдачи денег не делались без Делегации, чтобы он имел право отказываться платить как по приказам, приходящим из Ростова, так и по требованиям генерала Щербачева, который ссылался на утвержденные Колчаком штаты. Делегация приняла на себя эту функцию; стоило ее взять, чтобы немедленно почувствовать необходимость сокращения и необходимость преодолеть сопротивление начальников, которые равно неохотно допускали вмешательство Делегации в вопросы о расходах по их ведомству, так и указания на то, что служащих там больше, чем нужно. Несмотря уже на то, что служащие сами и единодушно думали, что сохранение их постов дело первейшей государственной важности. Вы понимаете, сколько страстей и недовольства подняла такая деятельность Делегации; а зная, что такое Делегация, Вы понимаете также, что эта задача была ей не по плечу, и что на каждую разумную меру она принимала не менее десяти глупых. В конце концов ее работа сводилась к одному — торговаться. Если Щербачев просил у нас 300000 в месяц, то мы ему предлагали 100.000 и в результате торговля кончалась на 150.000. Словом, вся деятельность Делегации сводилась не к установлению штатов числа

служащих и их жалованью, а к наседанию на начальников ведомств. Дошло, наконец, и до Министерства иностранных дел. (Пример был уже дан раньше). Всем начальникам ведомства сократили, надо было сократить и Министерству. Сазонов лично для себя уменьшил вдвое свое жалованье, а рассмотрение предложения передал комиссии, в которой главную скрипку играл Нольде. Эта Комиссия что-то колдовала, а затем представила на утверждение Делегации ряд принципиальных положений, из которых выходило, что общая смета значительно сокращается. В мотивах так и было указано: ввиду необходимости сокращения расходов. Раз эта смета была представлена от имени Министерства и в результате достигла цели сокращения, то Делегация, не входя в подробности, это предложение утвердила. Все были довольны, но затем начался настоящий скандал: общие начала, принятые Делегацией, были сообщены главам заграничных Установлений. Немедленно посыпались протесты. Оказывается, что комиссия работала так, как работал в худшую пору старый бюрократизм, т.е. не поговоривши ни с кем из заинтересованных, ни из понимающих лиц и думая только о том, чтобы вышло красиво на бумаге, без заботы о результатах. Скажу Вам как забавную иллюстрацию, что первым подал категорический протест против этого постановления именно я, хотя я и член Делегации. Дело в том, что комиссия Нольде поступила очень хитро: она утвердила ряд общих положений о составе служащих, ограничиваясь по вопросу об их жалованьи словами «узаконенное содержание», это и было как раз то, что Делегация одобрила, а затем она дала на подпись Сазонову особое «разъяснение», по которому это «узаконенное содержание» исчислялось таким образом: из рублей переводилось в фунты по прежнему курсу, а из фунтов в местную валюту по курсу прежнему*. Этим маневром жалованье по Парижу увеличилось в два с половиной раза.

На мои вопросы Нольде мне разъяснил, что с его точки зрения надлежит иметь меньше служащих, но лучше их оплачивать. Не скрою от Вас, что с моей точки зрения это было сущее безобразие, не столько по результатам, сколько по приемам.

Типичный прием обхода установлений Делегации не путем Министерского постановления, о котором я узнал только случайно, а путем огульного повышения жалованья, необоснованным даже вздорожанием, и все это под заглавием — уменьшить расходы. Я подал заявление и в Делегацию и в Министерство, где возражал против этих приемов, а равно против предложенного сокращения.

По той строгой тайне, которая окружает работу всякой Комиссии и Делегации, всем стало немедленно известно, что я возражаю против исчисления на фунты; Вы можете себе представить, как должно было мне икаться. Но затем стали поступать протесты

* Так в тексте, вероятно, следует читать «нынешнему».

и недоумевающие вопросы и со стороны других учреждений. В результате было постановлено просмотреть все с начала до конца.

Я советую Вам прислать письменное изложение Ваших возражений и мы их здесь поддержим. По Парижу уже согласились с моей точкой зрения и, с одной стороны, не повышают жалованья исчислением на фунты, но, с другой, и не сокращают числа слушающих.

Перехожу теперь к самому главному, но предупреждаю, что моя стенографистка меня надувает, и потому я принужден буду писать более коротко, чем нужно; постараюсь говорить почти телеграфным стилем, а Вы меня понимаете.

Во-первых, Вы не совсем ясно представляете польскую комбинацию: ее нужно тоже понять исторически; главный ее защитник Савинков и повод к этому его разговоры с Пилсудским. Причины ее гораздо глубже: когда Деникин был в зените успеха, если бы он согласился с поляками и поляки ему помогли, большевизм был бы окончен и победа была бы за национальным движением. Деникин употреблял большие усилия, чтобы вовлечь поляков в совместные действия, но они не захотели, ввиду того, что условия, которые им ставили, были неприемлемы. По мере того, как Деникин падал, росло его желание привлечь поляков и в то же время уменьшились польские аппетиты; они сами почуяли опасность от большевизма. В представлении тех, кто остановился на этом плане, не было и речи о том, что поляки возьмут Москву; предполагалось, что их действия будут совместны с деникинскими, что отвлечение всех большевистских сил на западном фронте даст возможность Деникину повторить прошлогоднюю историю и идти опять на освобождение России с Юга, только согласуя свои действия с польским фронтом. Когда шли переговоры, то польская ориентация представлялась именно так: подмога русскому национальному движению, а не замена его. Самый польский счет, который они нам предьявляли, не был тоже отдачей им русских земель, а признанием принципа самоопределения, т.е. плебисцита, при котором заранее заявлялось, что плебисцит будет со всеми гарантиями беспристрастия, будет контроль союзников при наличности русских войск в районе польских оккупаций и т.д. и т.д.

Конечно, по мере того, как Деникин сходил со сцены, вся экспедиция получала другую окраску и Вам издали кажется, что мы сознательно пошли на то, что поляки нас освободят и мы заплатим им Литвой и Белоруссией. Мне бы не хотелось, чтобы такое ложное представление у Вас сохранилось. Вы знаете характер Савинкова, который, вцепившись в какую-нибудь идею, держится за нее и тогда, когда она невозможна. Это происходит и теперь, но не далее, как вчера еще, Савинков говорил публично, что если только Деникин исчезнет и поход против большевизма должен будет ограничиться польскими силами, то его план рухнет, и нужно будет сочинять другой. Прибавляю, что вообще этот план особенно энтузиазма не встретил по разным причинам, в которые

не вхожу, а отсутствие этого энтузиазма в свою очередь охлаждающе действует и на поляков. Нам уже говорят оттуда, что они удивляются, как это предложение, которое доказывает превыше всего желание установить прочный мир и дружбу с Россией, не встречает никакого отклика. Я между прочим подчеркиваю, что наши друзья, а не враги дают нам понять, что Пилсудский, ведя эту линию, если не встретит поддержку России, должен будет ее покинуть; а тогда возобладают шовинистические элементы Польши, которые просто постараются использовать русскую слабость для империалистической политики. К этому еще добавляю, что Пилсудский вполне убежден, что с военной стороны ему ничего не стоит наголову разбить большевиков, а известия с Юга России, что войска, разбившие Деникина, есть рвань, что мы вовсе не побиты силой, а просто так, как наша национальная героиня унтер-офицерская вдова, высекли себя сами, как будто говорят то же самое.

2) Вы недоумеваете, что я говорю, нам нужно либо драться, либо мириться, тут либо недоразумение, либо разномыслие. Под примирением я, конечно, не понимаю того, что мы признали большевизм в его настоящем виде настоящей формой правления, но я понимаю так, если мы не могли задавить большевизм извне, и если крушение Деникина или наш отказ от польской комбинации делает победу извне иллюзией, то Россию спасем уже не мы, заграничные счастливы, а те, кто сейчас в России, и те из большевиков, которые одумаются, и те из патриотов, которые там притаились, и те, наконец, которые пошли на службу к большевикам для того, чтобы их переродить. Всю надежду тогда приходится возлагать на рост отрезвления изнутри большевиков России: наша деятельность должна быть согласована с ними. Я бы сказал: руководство движением должно быть передано им. Кому это им? Для меня очевидно: уже не тем, кто, спрятавшись в подполье, готовил кадры восстания на случай приближения Добровольческой армии. Без Добровольческой армии это уже пустое занятие.

Надежду приходится возлагать тогда на те элементы большевизма, которые могут одуматься, например, Красина и Троцкого. Говорят, что он сейчас правое крыло большевизма, обвиняемое в реакционности.

Вот те элементы русской жизни, которые выведут ее из той ямы, в которую мы попали и которую нужно будет поддержать отсюда. Более того, нужно будет рекомендовать всем, кому угодно, поддержать этот элемент не отсюда, а идти работать вместе с ними в Россию, т.е. становиться в положение тех, кого мы осуждали. Вот это-то я называю примирением с большевизмом. Оно также мало примирение, как участие либералов в государственной жизни прежде было примирением с самодержавием, но все-таки, внешне, это примирение.

Конечно, отдельные лица могут на это не пойти и предпочтут остаться где-то за границей, сохраняя свою чистоту. Не думаете ли Вы, однако, что эта позиция самая бесплодная и что они навсегда

вычеркнут себя из числа тех, на кого Россия может положиться. Я еще понимаю, что дипломатические представители могут жить здесь для поддержки фикции законной власти и единой России, но вся эта масса русской эмиграции, чем она оправдывает свое существование здесь. Поэтому-то я и ставлю альтернативу — либо бороться извне, что кажется невозможностью, не привлекая сил поляков, либо сложить оружие и ехать в большевизию и работать с их позволения над их уничтожением.

3) Третье. Ваша точка зрения, как будто бы ждать. Все уладится само собой, большевизм при последнем издыхании. И вот тут самая опасность. То, что я Вам напишу, довольно неожиданно. Это свежие донесения и еще такие, где читают только между строчками. Но вот где опасность: нам все кажется отсюда, что когда большевизм съест сам себя и падет, то его место займет какой-то другой, лучший режим, хотя бы и социалистический. Но есть опасность, что после падения большевизма будет порядок, в котором мы пожалеем о большевизме, когда оправдывается фраза Тэна³ «дурное правительство лучше отсутствия правительства». Тогда начнется в России полная анархия: в одном месте будет господствовать Махно⁴, в другом Калмыков⁵ или Семенов⁶ и т.д.

Большевизм сейчас все-таки не выпустил из рук идею единого Государства и единой власти. Когда мы покорим большевизм не победой его извне, не даже постепенным его исправлением, а просто тем, что его разорвет возмущенная толпа, или что большевики удерут сами с награбленными деньгами, то он сменится просто анархией. Вы может быть скажете, что это будет лучше, тогда и появятся Минин и Пожарский⁷, которые начнут объединять Россию, не встречая того сопротивления, которое оказывал большевизм. Это может быть, но это делается только одной ценой: захватом у России всего того, что можно захватить — идею же единой России Вы этим не спасете и третий пункт Вашего предожения, самый важный, есть и самый слабый. Новые Минины на почве анархии Россию воссоздадут — это конечно она выйдет и без Кавказа, и без Прибалтики, и без Литвы, и без Белоруссии, и т.д. И поэтому-то мне кажется отсюда, что если мы потеряем всякую возможность раздавить большевизм извне, то вся наша ставка должна быть поневоле на перерождение большевизма и поэтому мы должны ехать туда, ехать не в качестве нелегальных метателей бомб, а в качестве «rallies». Один умный француз здесь недавно сказал «Tout régime est perdu par ses ralliés»⁸.

Пока не могу писать Вам больше, напишу в другой раз. Это не возражение против Вашего плана, это дополнение к нему. Я совершенно признаю необходимость формулировать здесь такие принципы, которые должны соответствовать условиям, которые будут поставлены для признания.

Мы, поскольку мы послы, опираясь на какие-нибудь* политические имена, можем сделать такие декларации. Но гораздо важ-

* Пропущено слово.

нее не декларации, а практическая работа. Я не вижу ее здесь за границей. Если мы бесполезны здесь, и не хотим ни менять подданства, ни стреляться, — мы фатально будем приведены к решимости вернуться назад, т.е. просить пощады у большевиков для начала и изменить им при первой возможности.

Сейчас я занят больше всего желанием поехать в Россию вместе с Комиссией от Лиги Наций, но обо всем этом я напишу Вам подробно.

13 марта

Перечитав то, что я Вам написал, я предвижу, что Вы ничего не поймете. Это неполно и неясно. Постараюсь сделать пояснение.

Во-первых, кончу о Польше. Пилсудский и сейчас сообщает, что он не мирится с большевиками; но ввиду позиции Антанты он не может просто отказаться от переговоров, но постарается их сорвать, возложив ответственность на большевиков. Для этого в свои условия он включает ратификацию Учредительным собранием и право всякой части России отказаться от принадлежности к большевизии. Большевики на это не пойдут, думает он, и тогда война станет необходима.

Эта позиция Пилсудского, по его словам, занята им не только для того, чтобы не разрывать с Антантой, но и для того, чтобы перетянуть польское общественное мнение к войне. Это, по его словам, будто бы уже удастся.

Что же будет, когда с большевиками мира не выйдет? Начнется война; как правильно пишете Вы, большевики полезут на Польшу, и в крайнем случае поляки их на это провоцируют. Не Польша, а большевики начнут войну; но раз война начата, ее надо вести до конца, надо разбить большевистское войско... И поляки пойдут в Россию. Вот какие перспективы и рисуются весной. Теперь какую позицию мы займем? Можно в этих условиях загораться патриотическим пламенем и желать побед большевикам. Так думают многие, втайне надеясь, что в такой войне выдвинутся наконец русские Бонапарты, которые в результате свергнут большевизм. Нет сомнения, что, отправляясь походом на Россию, поляки могут выставить такие лозунги, что перенесут на большевиков общее сочувствие. Но если этого не будет сделано, если поляки заявят, что границы будут установлены плебисцитом, что они воюют только оттого, что большевики претендуют заключить сами мир от лица России, и не созывают Учредительного собрания, то при таких условиях, как вести себя русским патриотам? Вот в чем вопрос. Остаться ли в стороне, предоставив одним полякам разбить большевиков? Повторяю, что исходный пункт подобных планов тот, что поляки с легкостью большевиков победят. Так вот, предоставить ли полякам и финляндцам разбить большевиков, войти в Москву и, как говорит Пилсудский, выкурить папироску и уйти, или идти вместе с ними? Я всегда люблю определенные

мнения, и мне отрадно было бы выслушать Ваше; на эту комбинацию не идти. Не скрою от Вас, что большинство русских думает как Вы; вчера Керенский⁹ читал публичную лекцию, сорвал аплодисменты всей залы, напав на поляков. Полякам не верят, их не любят, и их победы над большевизмом не хотят. Это скоро поймут и они. Тогда, может быть, план будет оставлен. И вот каюсь Вам, я этому не радуюсь. В этом вопросе у меня горькое сомнение. Если всеобщее русское общественное мнение против соглашения с поляками, то не нам, националистам, терять свое лицо, покрываться позором торга за счет родины, давать козырь в руки не только большевикам, но и Керенскому. «Sans l'assentiment de l'opinion publique le plus grand talent ne saurait triompher des circonstances», — сказал Mirabeau в речи sur la banqueroute¹⁰. Поэтому если русское общество не хочет и не понимает этой комбинации — ее не нужно. Но мое горькое сомнение в том, что я думаю, что общественное мнение в этом вопросе увлекается фразой, и не достаточно видит опасности. Мы не захотим устроить соглашения с поляками хотя бы в целях необходимости нашей будущей дружбы; мы не хотим — во имя целостности России — пойти даже на принцип плебисцита.

Результат — необходимость будущей войны нас с Польшей. Ныне оттолкнутая нами Польша тогда неминуемо захватит силой и Белоруссию, и Литву и т.д., как Румыния захватила Бессарабию. Захватив эти земли, она и ее союзники будут заинтересованы в том, чтобы мы как можно дольше оставались слабыми. Это определит надолго политику ослабления России. А так как война с Польшей в будущем неминуемо ведет к сближению нас с Германией, то все те страны, которые боятся этого сближения, будут заинтересованы в ослаблении России. Конечно, этим России не похоронят; но на сколько поколений отсрочится ее возрождение? Вот те результаты, которые я предвижу, если Польша захватит наши земли против нас, без плебисцита, без уговора с нами. А она их захватит непременно, как только конец Колчака и Деникина показал несостоятельность нашего национального движения. Поэтому-то соглашение наше с соседями, приближая наше возрождение, дало бы нам возможность обойтись для* теми жертвами, под которые можно подвести какой-либо принцип, т.е. плебисцит. Не увлекайтесь в Америке параллелями с Вашей гражданской войной¹¹; у Вас не было соседей, которые могли вас расхватать по частям; это то новое обстоятельство, тот лишний факт, который Вами упускается из вида. Я, как Вы знаете, легко уступаю авторитету других и не самоуверен; но признаюсь, что мой инстинкт мне говорит, что соглашение с поляками, особенно если Деникин уцелеет, было бы целесообразнее азартной игры: все или ничего!

* Одно слово неразборчиво вписано от руки.

И каюсь Вам; у меня есть психологический мотив, почему я неохотно расстаюсь с этой комбинацией...^{*} ибо другой в таком же роде не придумано — я вижу только то примирение с большевизмом, о котором я Вам писал. Примирение для борьбы с ним, для его неизвержения, но все-таки примирение. Большевизм будет признан; Франция не хочет, но она уступит Англии. Нам, как по-слам, делать будет нечего. Что же мы будем делать за границей? Переждать, ничего не делая, как это пережидают обломки прошлого, русский Кобленц¹². Это мне глубоко противно. Ехать с бомбами, на нелегальном положении, как ездили при Царе террористы, я не сумею. Сочинить и издать хорошую декларацию, и дать несколько интервью, это можно. Но все это скоро забудется. Что же мы будем делать? Писать мемуары? Ухаживать за женщинами? Нет, единственное, что нам остается, это ехать в Россию, к большевикам, работать с ними, приняв от них амнистию (!!), и выращивать семена более доброй жатвы... Именно эту перспективу я называю «примирением», и она так мало соблазняет меня, что я невольно цепляюсь за продолжение гражданской войны, где у меня может быть свое место. Это не логика, а психология.

Вы большой мастер на логические построения, а Ваши письма с этой стороны выше критики. Но Вы упускаете из виду одно. Речь идет не о том, чтобы установить те принципы, вне которых большевизма не признают. Здесь в Европе перестали быть «принципиалистами»; эти мотивы более не действуют. Можно иногда запугать революцией, иногда запугать безнадежностью трат и расходов, но Вы никого не соблазните логикой. Но главное дело не в этом. Главный вопрос, о котором надо думать, есть следующий: какую политику извне и изнутри надо вести, чтобы те силы вокруг России, которые большевизм лишь терпят, которые служат ему только внешне, чтобы они могли занять первое место. Как можно трансформировать большевиков? Вот основной вопрос. Укажите этот путь, заставьте в него поверить, постройте на этом пути всю политику — и Вы спасете Россию. Но вот как раз эта сторона дела предоставляется «самой России», «жизни» и т.п.... Движение Польши кого-то захватит, как-то свергнет большевиков и т.д. Пока это сделают другие, мы здесь будем указывать принципы, по которым мы распознаем, где добро и где зло... Это не то, чего от нас спрашивают союзники; это не то, чего требует наша собственная совесть... И потому при всей правильности Ваших логических построений, это программа не деятеля, а созерцателя... И это недостаточно.

Я Вас критикую, но я не лучше Вас. Но я вообще думаю, что если погибла гражданская война, то надо либо застрелиться, либо жениться на богатой американке и жить в свое удовольствие, либо ехать в Совдепию и там искать практического дела. Здесь же политической работы я не вижу.

^{*} Зачеркнуто: «Тот вид ее», неразборчиво вписано три слова от руки.

Но я отвлекся от главной мысли и ее не кончил. Польская комбинация пока сводится к следующему; если Польша доведет до разрыва с большевиками и пойдет их бить, заявляя, что этим не предпрещает вопроса о границах, что хочет быть в дружбе с Россией, и размежуется с ней по воле населения, то по этой комбинации — нам не надо возражать, не призывать к войне с ней; а приняв к сведению ее заявление, идти вместе с ними. Вот к чему свелся тот план, который поддерживают здесь его сторонники. Но в нем все-таки не было того, что Вам показалось; и это я говорю, чтобы Вы за него не слишком нас презирали.

Париж, 16 марта 1920

Мое письмо задержалось не по моей вине; курьер уехал сутками раньше, меня не предупредив; посылаю его теперь с американской вализой и потому имею несколько дней свободных для дополнений. Переделывать не стану, читайте так, как оно есть, когда писал его наспех, но читайте все до конца, в совокупности что-либо выйдет.

Весь спор о Польше сейчас, по-видимому, приобретает исключительно академический интерес. После немецкого переворота¹³, если только он не кончится полным развалом Германии, а мне кажется, что он кончится примирением двух правительств, что будет признаком такой политической зрелости, при которой германская опасность опять возрастет, — после германского переворота Польша будет вдвое осторожна на своей западной границе. При этих условиях выступать против большевиков она не решится, вероятно, поэтому весь этот план падет в воду и с большевиками найдут какой-то компромисс. Тем не менее я часто возвращаюсь мыслью к этому плану, так как он оселок для наших позиций. В самом деле, представьте себе, что началась война Польши с большевиками: Польша шла бы за границами [17]72 года¹⁴, а большевики стояли бы за национальную идею. Вы не хотели бы, чтобы мы шли с поляками, заменив границы [17]72 года перспективой плебисцита, шли бы вместе с ними на большевиков, как на врага России, славянства и мира. Но тогда, если бы своим воздержанием мы заставили поляков развернуть знамя воинствующего империализма, могли ли бы мы остаться нейтральными в столкновениях их с большевиками? Если мы не идем с Польшей только потому, что это противно нашей национальной идее, то как же Вы хотите, чтобы в тот момент, когда защитниками национальной идеи являются большевики, чтобы мы не только остались в стороне, но по-прежнему продолжали бы нападение на них и сзади и сбоку? Скажу Вам откровенно, что я не понимаю нейтралитета в таких вопросах. Либо я признаю, что большевизм и с культурной и с национальной точки зрения есть гибель, и тогда я не стыжусь идти бить его одновременно с поляками. Или же я поставлю национальную идею выше всего и желаю разгрома Польши и ее столкновений с большевиками. Но тогда мало этого желания, нужно

этому содействовать; ведь могло бы быть нечто очень внушительное во внезапном примирении всех русских партий перед национальной опасностью. Если бы в момент похода Польши на Россию все кинулись бы помогать большевизму, как при начале войны с Германией все примирились с Царем, то такое единение вышло бы очень внушительным. Я добавлю, оно показало бы такую действительную силу национальной идеи, при которой я за Россию больше бы не боялся, но ведь на самом деле будет не это. Большевики будут сражаться с поляками только прикрываясь национальной идеей, а на самом деле борясь за победу рабочего класса и международной революции. На помощь большевикам ползут отдельные лица вроде генерала Гурко¹⁵, который, как говорят, перешел на их сторону под этим предлогом. Или это будут только просто ловцы в мутной воде. Мы же, Вы, я и другие, мы во время этого столкновения под таким флагом останемся нейтральными, т.е. останемся в том положении, за которое в мудрое старое время в Афинах карали изгнанием.

Что из всего этого следует. Только то, что я Вам уже говорил: нужно отыскать линию действенной политики с Деникиным против большевиков или в среде самих большевиков, хотя бы это стоило унижительного примирения с ними. Говорю это не для себя; для меня морально с ними невозможно мириться. Мы не были друзьями с моим братом, но голос крови все же есть; они его убили, и я им этого не прощу¹⁶. Но ведь это личное настроение и личная политика. Для личностей есть и другой исход. А вот для этих десятков тысяч людей, которые удирают сейчас за границу и скоро станут тягостью для всех государств, какую мы для них политику можем придумать, когда вне большевизии нет ничего? И нужно работать в этом направлении мысли, искать точку опоры внутри России, согласовать свою политику с этими силами, главное, что-то делать, а не только ожидать.

И вот на почве такой психологии, чтобы не говорить такой логики, и созрел тот план, с которым я ношусь в настоящее время; план воспользоваться посылкой Анкетной комиссии от Лиги Наций, чтобы поехать вместе с ними. Об этом я подал официальное заявление, копию которого Вам прилагаю. Я не указываю в нем, что я предлагаю свои личные услуги, чтобы это не казалось слишком фатоватым, но это я всем сказал на словах. В сущности, в этой игре я играю без проигрыша. Возможно, и даже вероятно, что Анкетная комиссия этого не захочет; этого не хотят англичане, т.е. Ллойд Джордж, который больше всего боится, как бы не обидеть большевиков и их не рассердить. Если Совет Лиги Наций мне откажет, то я выигрываю по крайней мере одно — у меня получается твердая почва для оспаривания всех выводов этой комиссии, конечно, если они будут для нас неблагоприятны. То письмо, копию которого я Вам посылаю, было заслушано в Совете Лиги Наций, но никакого решения по нему не принято, так как они решали более общие вопросы, не входя еще в детали. Когда Анкетная комиссия будет образована, я то же предложение повторю и

вообще буду настаивать. Если мне удастся убедить комиссию, и мне откажут большевики, то мое положение вдвое выгоднее, ибо тогда позиция для дискредитирования выводов комиссии становится неприступной; самое предложение, на которое большевики ответят отказом, обязывает комиссию отнестись к большевикам с большим скептицизмом. Но теперь представьте, что большевики согласятся. Вы понимаете, что тогда меньше всего меня будет интересовать в России что там сделает и что найдет Анкетная комиссия. Факты, в сущности, говорят за себя и без руководителей. То, что тогда мне будет дорого, это возможность узнать, что там дается для низложения или разложения большевизма, какую линию ведут там те, которые по видимости служат большевизму, словом, где те здоровые силы внутри России, на которых выстроится Россия в будущем? Сам факт поездки меня туда под охраной Лиги Наций уже будет таким разительным доказательством того, что не все пропало, что я не сомневаюсь, что мне удастся дойти, несмотря на шпионство, до самых источников национального движения внутри большевизии. Вот после такой поездки можно будет и здесь, за границей, установить линию практической политики; если же там ничего нет и весь культурный класс России разлагается, то спрашиваю Вас, чего же мы здесь будем дожидаться и на что мы будем отсюда надеяться. Мы тогда надолго должны распрощиться с идеей Единой и Самостоятельной России. Когда-нибудь наступит то, о чем Вы говорите: военные действия цивилизованного мира против большевиков, но это уже полное поражение национальной идеи. Я добавлю еще. Есть, конечно, все шансы, что приехавши в Россию я буду большевиками захвачен в виде заложника, а может быть убит, в виде острастки. Так вот, не говоря никаких громких фраз, я Вам скажу, что если только в результате всей нашей революции, мы дадим Россию на растерзание иностранцам, то для всех людей как мы с Вами, которые повинны в том, что случилось, такой финал, пожалуй, еще самый светлый.

Любопытно здесь наблюдать те перемены политического настроения, которые происходят с людьми, у которых личные мотивы стоят на первом плане. Я уже писал Вам (в первом письме), — что Керенский пожал аплодисменты, ударяя по патриотическому барабану. Увидав это, он на этом построил всю свою политическую позицию и не без успеха. На его последней лекции его принимали уже совершенно иначе. Сейчас, направляя все свое озлобление на Савинкова за уступки, которые он делает полякам, он превозносил политику Сазонова, который ни на какие уступки не шел. Вместе с тем у него есть какие-то сведения, что через две недели большевизм будет низвергнут и потому здесь в социалистических кругах он ведет очень резкую агитацию против всякого соглашения с большевизмом. Эта позиция, конечно, полезна, как была полезна и его позиция в 1918 году; однако если только его сведения о близкой гибели большевизма преувеличины, а Вы знаете не хуже меня, насколько можно верить его сведениям и его признаниям, то ведь вся его политика сводится лишь к тому же

правилу wait and see¹⁷ которое недопустимо для русских, особенно политических деятелей, особенно повинных в Революции.

Чтобы закончить, прилагаю Вам три записки под номерами, которые я подавал здесь разным лицам, интересующимся русским вопросом. Вообще должен Вам сказать, что в смысле русофильства мы бы не могли желать лучшей комбинации чем Дешанель¹⁸ и Мильберан¹⁹, но, к несчастью, не они хозяева положения, и мы на этом примере видим, какое неблагоприятное положение быть бес- сильным другом. Этих друзей в конце концов больше всего ругают.

№ 15

Б.А.Бахметев — В.А.Маклакову
Russian Embassy, Washington

30 марта 1920 г.

Дорогой Василий Алексеевич.

Я жду обещанных в Вашей телеграмме писем и не пишу подробно потому, что, кажется, изложил Вам все, что мог, и ничего нового, по крайней мере существенного, сказать не могу.

Хочу сказать лишь, что мы бодры и полны надежды и веры, — может быть потому, что далеки от России, не видим приезжающих, не ощущаем непосредственно страданий и всех ужасов, переживаемых нашими друзьями, и рассматриваем события и все происходящее издали и с высоты. Все, что мы читаем, убеждает нас, что внутри советской России происходят глубокие органические процессы, подтачивающие большевистскую власть и ведущие ее к скорой и несомненной гибели. Я лично так убежден, что Ленин падет в течение ближайших месяцев, что первый раз с ноября месяца 1917 г. позволяю себе иногда говорить о том, что большевистская власть не продержится дольше шести месяцев. Меня гораздо больше смущает то, что я пока не вижу ничего конструктивного национального, но это само собой приложится.

Германские события нас не удивили. Общий характер происшедшего вполне соответствовал нашей интерпретации. С первых дней восстания Каппа¹ мы указывали, что кончился период импотентного спокойствия, характеризующегося управлением никому не нужного и бездеятельного правительства Эберта², и что Германия вступила в фазу вулканических и энергичных действий. Мы говорили, что процесс сведется к борьбе между силами порядка и красными, и мы вместе с разумными американцами бесконечно скорбели о той близорукости, с которой европейские политики

встретили германский переворот, отвергая без разбора и анализа самую идею установления в Германии более консервативного и эффективного правительства. Америка в общем весьма трезво смотрит на события, понимая, что красная Германия значит красная Европа, по крайней мере к востоку от Рейна. Это усиливает антибольшевистский дух, хотя, несомненно, уменьшает надежду в отношении восстановления России. С последним я лично не совсем согласен, так как полагаю, что российский большевизм внутренне разложился уже в такой мере, что торжество германского коллеги вряд ли способно оживить его на сколько-нибудь долгое время.

Последнее время было периодом напряженной работы. На очереди стоял вопрос о торговле с советской Россией и Турцией. В обоих вопросах мы выиграли. Пожалуй, это был наибольший успех за все время моего здешнего пребывания. Американское правительство в конце концов пришло совершенно к той постановке вопроса касательно торговли с Россией, которая представлялась всего более желательной мне. В турецком же вопросе Америка произнесла слово «Россия» и «русские интересы», тем самым заложив фундамент здания, размеры и ценности которого теперь даже трудно предусмотреть.

Я все жду Вас вместе с теми немногими мудрецами, которые остались еще у национальной России. Пока Вы никак не откликнетесь на мои приглашения, и я не знаю, что и думать.

Сокращаю посольство. Прошу от Парижа соответствующих полномочий. Надеюсь, что Вы меня поддержите и, если необходимо получить известные права от Делегации, Вы убедите сие учреждение мне их предоставить.

Самостоятельное выступление вашей четверки³ используется здесь всеми теми, кто в своих личных интересах хочет сеять смуту и создавать препятствия. Всем этим препятствиям грош цена, ибо у меня в руках и деньги, и ключ к положению каждого официального россиянина перед американским правительством, но напакостить, если кто этого захочет, может вполне, а главное, — может способствовать неблагоприятному политическому впечатлению.

Пока до свидания. Хочу верить, что Вы приедете.

Остаюсь искренне Ваш

Б.Бахметев

Р.С. Приезжал Сукин. Рассказывал много интересного. Вполне подтвердил, что мы странно ощущали. Он очень повзрослел и совсем молодец. Кстати, Третьяков⁴ показал ему и самый плохой стиль. И не наш министр, а наш gentleman. Никогда не предам про него и молчу, что на самом деле произошло.

Ваш Б.

В.А.Маклаков — Б.А.Бахметеву

Париж, 10 апреля 1920 г.

Дорогой Борис Александрович,

С тех пор, как я Вам писал, утекло много воды и много переменялось; настроения и комбинации меняются так быстро, что нет возможности отлучаться надолго; Ваш план поэтому, чтобы я приехал в Америку, мало осуществим. Другая Ваша мысль об устройстве здесь некоего комитета с программой скорее нашла бы сторонников, но столкнется с трудностью достигнуть сколько-нибудь широкого объединения; разнородной в мыслях идет все дальше и дальше, а события развиваются совсем по иному плану. Хочу посвятить Вас немного в курс тех вопросов, которые ставятся, и тех мнений, которые сталкиваются. Скажите мне потом сами, что Вы об этом думаете и какая Ваша политика.

Между прочим, посылаю Вам статью Милюкова¹, которую он прислал Бурцеву² для напечатания; Бурцев отказался ее напечатать; в этой статье есть кое-что верное, но лично для меня главный ее недостаток в том, что на основной вопрос, что и как сейчас делать, — ответа никакого не дается; а кроме того претензия управлять событиями в России из-за границы, кто бы эту претензию на себя не брал, мне представляется ложной в основе; то, что мы можем делать за границей, сводится только к растолкованию того, что делается в России и к удержанию иностранных держав от ошибочных шагов. Это мы можем сделать и, к сожалению, делаем недостаточно; все же большее и дальнейшее — иллюзии.

С тех пор, как я Вам писал, окончательно провалились все антибольшевистские фронты. Финал Деникина еще недостаточно выяснен, т.е. добровольная или вынужденная смена Деникина Врангелем³, с сохранением или без сохранения преемственности власти, но во всяком случае прежняя страница дописана, ни Деникина, ни его политики, ни его правительства больше не существует. Последняя попытка накануне крушения устроить демократическое правительство с участием Чайковского⁴, по-видимому, тоже лопнула. Всего этого нужно было ожидать, и я думаю, что Деникин явился в данном случае инициатором своей отставки с тою же простотой, с которой он когда-то подчинился Колчаку⁵; он понял, что он виноват или во всяком случае, что он в ответе, и уступил свое место другим; что сделают эти другие и, главное, что будет Врангель, поведет ли он явно реставрационную политику и, может быть, с уклоном в сторону Германии, — этого мы не знаем. Можно опасаться, что будет именно так, но пока данных не имеется.

Одно несомненно — Добровольческая армия и вообще армия, идущая на большевизм извне, попросту сказать, Русская Ван-

дея — кончилась; за граница им больше не поверит, а без помощи за границы они ничего не сделают. С того момента, когда надежду на Вандею приходится оставить, приобретают опять первостепенное значение сведения о том, что творится в Совдепии, и какие силы могут ее разложить. И вот здесь я могу с несколько большей определенностью говорить о том, о чем только намекал в предыдущем письме. Всю Совдепию можно примерно разделить на три группы.

Во-первых, сознательных политиков коммунизма, я подчеркиваю, сознательных, а не убежденных, потому что два эти понятия не совпадают. Для этих политиков вся внутренняя политика сводится к террору, т.е. к насильственному проведению их взглядов, а внешняя — к пропаганде большевизма за границей. В сущности, только эти господа и есть настоящие большевики и хозяева положения. В стране их меньшинство и у них два врага и две опасности. Это, во-первых, все те, кто к ним присоединились против воли, кто из хитрости, кто из подлости; здесь и промышленники, и техники, и военные. Долгое время по традиции мы полагали, что из их рядов выступит какой-либо Бонапарт и их задавит; эта надежда и сейчас не оставлена, но ее шансы значительно падают. Зато совершенно ясно обрисовывается другая картина, второй враг и вторая опасность — это чисто анархическое движение снизу, возмущение всем безобразием большевизма, движение, которое детским умом нашло козла отпущения и является со своими требованиями. Это движение начинает выливаться сейчас в такую стихийную форму, что многие начинают видеть в нем чуть ли не национальное движение; оно получило нарицательное название махновщины, которое сейчас заменяет прежнее название пугачевщины⁶. Говорят, что Махно давно уже умер от сыпного тифа, но никто этому не хочет верить и по-прежнему думают, что всем руководит какой-то батька Махно. Здесь мы уже вступаем в область фантазии и легенд. Передаю их Вам, нисколько не ручаясь за то, что все это не плод воображения. Но не только русские люди, офицеры Добровольческой армии, приезжающие оттуда, говорят о махновщине другим языком, но и бесспорные факты их как будто подтверждают. Вы, вероятно, знаете, что большевики оставили и Одессу, и Киев, и Харьков. Если Крым не взят, то это не столько по доблести добровольцев, сколько потому, что его невольно защищают махновские банды.

Кто входит в состав этих банд? Не преступный элемент деревни, как можно было ожидать, а скорее средний, чтобы не сказать богатый, мужик. Так, по крайней мере, говорят очевидцы. Махновщина явилась, в сущности, походом деревни, мужика против города, включая туда и господ, и интеллигентов, и рабочих. Передают довольно своеобразную формулу, которую носит с собой Махно: «земля — народу, народ — царю, а господь — мне». Некоторые наши соотечественники, чающие здесь движения воды, уже обрадовались, видя в этом чуть ли не монархическое движе-

ние и какую-то организующую силу. Такой творческой организующей мысли в них не видно, но сила разрушительная страшная и для большевиков опасная. Большевиков, комиссаров, рабочих, вообще все то, что имеет хоть какое-либо прикосновение к коммунизму, вырезают беспощадно, деревни не трогают, идут на города и уничтожают города; если не уничтожают, то грабят дочиста, а так как большевизм держится только на городах, то для него это самый опасный враг, и в народе это движение действительно сумело стать чуть ли не стихийным. В том, что я Вам пишу, нет ничего нового, кроме разве только размеров этого движения; но новое то, что к этому движению стали не только присоединяться авантюристы старого режима, но и остатки Добровольческой армии не прочь его использовать. По имеющимся сведениям, не только генерал Слащев⁷ входил с ними в соглашение, но будто даже и сам Деникин. За это не ручаюсь, но этому и не удивлюсь, видя как вообще к этому движению относятся. Возникает вопрос, как же к нему следует относиться; нужно ли, потирая руки, ждать, когда это движение сломит хрупкие остатки административного механизма большевиков и даже помогать ему, следует ли просто предоставить большевикам вариться в собственном соку, как им угодно и не связывать себя ни с одним из течений, которым мы по существу не сочувствуем, или, наоборот, нужно взять позицию против анархических течений; а так как кроме махновщины и сознательного большевизма в самом большевизме есть элементы более здоровые, то постараться, если завязать с ними сношения, то направлять международную политику так, чтобы она была водой на их мельницу. Этот принципиальный вопрос поставлен переговорами Антанты с большевиками о возобновлении экономических отношений. В этом вопросе Державы выступали сначала с известной долей неврастечности; одна Ваша Америка — дай ей Бог здоровья, — осталась непреклонной, большевиков не признает. Англия и Италия вдруг в припадке раскаяния за то, что они связывали свою судьбу с антибольшевиками, решили попробовать иной политики, соблазнить большевиков уступчивостью и предупредительностью; словом, было и еще остается возможным, что большевики просто будут признаны законным правительством России со всеми вытекающими из этого последствиями.

Конечно, Англия и Италия продолжали бы бояться большевистской пропаганды, вероятно, сношения с ними окружили бы рядом ограничений и юридических и фактических, дипломатический иммунитет был бы парализован контр-эспионажем и т.д. Но факт был бы все-таки фактом, большевики стали бы признанным правительством России. Французское правительство этого не хотело, но во французском общественном мнении, особенно среди торгового мира, это течение приобретало все больше сторонников; они боялись отстать, боялись, что Англия и Америка скупят у большевиков все то, что было возможно купить и т.д. С трибуны законодательных палат были произнесены сенсационные и неужи-

данные речи, которые все сводились к тому: нас обманывали, заставляя ставить ставку на Колчака и Деникина; хотим мы или не хотим, а большевизм есть фактическая власть и отрицать это безумие; нужно просто подумать о себе без сентиментальности; мы свою сентиментальность вели так далеко, что приносили жертву фантому Единой России; этого фантома больше не существует и мы сделали глупо, что вместо того, чтобы поскорее признать расчленение России, перенесли на ее части соответственные доли государственного долга, поддерживали единство России. Таков смысл последней сенсационной речи Монси⁸ в Сенате.

Прилагаю Вам тезисы, которые я сообщал здесь журналистам и политическим деятелям; это просто логическая схема того, что нужно делать, если не сходить с ума, если остаться последовательными, и не жертвовать своими интересами. Я хотел показать им, что даже с их точки зрения, оставляя в стороне всякий сентиментализм, только исполняя долг всякого правительства — защищать права и интересы своих граждан, будет необходимо раньше признания большевизма навязать им ряд таких фактических уступок, которые разрушат коммунизм в его основе.

Но теперь мне хочется перейти к самому важному вопросу, в котором среди русских нет единодушия и где будет нужна отчетливая, а не виляющая политика.

Вы уже знаете все, что можно знать относительно так называемой польской ориентации. С тех пор, как я Вам писал, ничего не переменилось, кроме одного. Тогда я думал, что мир поляков с большевиками неизбежен; теперь я этого не думаю. Пилсудский ведет ту линию, о которой говорил, т.е. что мир он не заключит, но не возьмет на себя одиума отказа. Одновременно с этим, со стороны Пилсудского начало проявляться предупредительное отношение к тем русским военным силам, которые могли бы драться с большевиками. Остатки армии генерала Бредова⁹ из Одессы пришли в Польшу, где были разоружены, но не грубо, с оставлением холодного оружия и т.д. Бредов отправился в Варшаву объясняться с Пилсудским. Настроение Бредова сначала было очень антипольское, о чем он нам писал; но по позднейшим донесениям Пилсудский был очень предупредителен и хотя не ясно, к какому они пришли соглашению, — имеются пока только телеграммы, но общее впечатление, что Бредов соглашается занять определенный сектор, кажется, в Подолии и координировать свои действия вместе с польскими при столкновении их с большевиками. Отмечаю это только как образчик того тона, который усвоен сейчас поляками в этом вопросе, т.е. воевать вместе с Россией, а не против России. Воскресает, таким образом, старый план, хоть и в подмоченном виде, ибо нет больше Деникина; и этот план вызывает по-прежнему то же сдержанное, чтобы не сказать враждебное, к себе отношение среди многих. Но сейчас появились здесь носители противоположного плана; их все больше и больше, и главное они говорят все увереннее. Это представители германской ориентации;

они утверждают, что Германия оправляется, что подымается ее моральный дух, а с ним и возможность экономического возрождения; авантюра Каппа чуть-чуть не испортила всего, сдвинувши власть влево, но, к счастью, спартакисты¹⁰ постарались и опять двинули власть направо; власть, которая сумела их раздавить, снова приобрела авторитет в стране, немцы приобрели доверие к самим себе и будущие выборы в Национальное собрание дадут более разумное большинство. Кроме того, французское выступление во Франкфурте имело последствием то, что подчеркнуло их изолированность; оно охладило их связь с союзниками, а если Германия сумеет себя в этом вопросе провести со сдержанностью, то сблизит Германию с ними. Я не буду развивать Вам всех этих мыслей, их не трудно понять с их окончательным выводом: в борьбе с большевизмом нужно учитывать и силы Германии.

Но выставляя этот тезис, они придают ему такую форму. То чего следует добиваться, — это совместные действия всех Держав против врага цивилизации — большевизма; таким образом, чтобы участие Германии в этих мерах отнюдь не было направлено своим острием ни против союзников вообще, ни против Франции, в частности. Все, что Германия уступила Франции, должно остаться неприкосновенным. На почве этого нужно, говорят сторонники этой мысли, добиваться общего соглашения для действий против большевиков. За какую же плату Германия будет это делать, в чем должен состоять пересмотр Версальского договора? Во-первых, нужно будет уменьшить экономические требования к Германии; все равно, заставить Германию заплатить все невозможно, и потому лучше взять на себя почин и от некоторых излишеств отказаться, а, во-вторых, надлежит сделать и некоторые территориальные исправления там, где они всего необходимее, т.е. на Востоке. Нельзя отделять Восточной Пруссии и т.д. Вы понимаете, что это значит. Соглашение с Германией должно происходить за счет Польши. Такая комбинация, конечно, вызовет протесты Франции, но этим нечего смущаться; Франция уже теперь изолирована, а скоро будет так слаба, что с ее протестом можно будет не считаться. Вот в общих чертах схема сторонников этой ориентации, которая теперь может встретиться в самых различных политических течениях.

Эта схема ставит в самой острой форме альтернативный вопрос, с кем мы: с Польшей против Германии или с Германией против Польши. Этот вопрос станет ребром и при столкновении поляков с большевизмом. Конечно, Вы можете сказать, что такая постановка вопроса искусственна. Мы и не с Польшей, и не с Германией, — мы сами по себе. Это правда, но слабость этой позиции в том, что у сторонников ее нет практического плана, что она возлагает свои надежды либо на силу вещей, либо на чудеса вроде Махно. Эта позиция пока совершенно пассивная, которая простительна дипломатам, как таковым, но не та, которую можно рекомендовать тем русским людям, которым надлежит выносить

Россию на своих плечах. Из всех возможных политик я вижу только три:

1) политику самих большевиков, которые хотят объединить Россию и устроить ее по-своему. Я в этот план включаю и тех, которые идут к большевикам по разным мотивам и намереваются их постепенно трансформировать;

2) план тех, которые хотят задавить большевизм внешней силой, для этого соединиться с ее соседями, и раз не могли этого сделать одни, то пользуются непримиримостью поляков с большевиками, чтобы в союзе с ними нанести большевизму последний удар.

3) Вижу, наконец, и третью политику, о которой здесь говорить нельзя, которая зародилась в Берлине, вышла из наиболее консервативных кругов, но которая не только есть конкретный план, но и охватывает все больший круг сторонников.

Эти 3 политики сводятся в сущности к двум категориям. Во-первых, идти с большевиками, войти в них и среди них явиться разлагающим элементом. Для этого и за границей нужна определенная система действий, нужно снять блокаду, войти с Россией в наиболее тесный союз, ввязать их в экономический оборот капиталистических стран и т.д. Очевидно, при такой политике нужно перестать быть эмигрантами и уже совершенно перестать разыгрывать непримиримых, которые отсюда ведут с большевизмом какую-то борьбу. А две другие политики обе сводятся к продолжению военных действий против них в союзе с тем, на кого можно рассчитывать. Из таких союзников пока видно только два, которые друг друга уничтожают: либо поляки, либо Германия. При этом хитроумные люди германской ориентации говорят: не беспокойтесь, что Вы очутились среди двух возможных союзников, в *embarrass de richesses*¹¹. Предоставьте большевикам сломить Польшу и подойти вплотную к Германии. Когда Польша будет большевистской, тогда Германии будет и больше поводов и больше возможностей ввязаться в усмирение большевизма. Поэтому смотрите спокойно, как большевики будут бить поляков. Но такое решение может быть имеет свое оправдание, если, действительно, большевики будут бить поляков, если не силой оружия, то силой пропаганды. А если вместо этого поляки побьют большевиков и победа их будет уже не над большевизмом, а над Россией? Не упустим ли мы тогда гораздо более простую и почетную возможность спасти Россию от большевизма, оставаясь в русле не только антантофильском, но даже и славянофильском? Не упустим ли мы возможности справедливо размежеваться с поляками на восточной границе и установить с ними те дружеские отношения, без которых вообще Россия не сможет играть той роли в славянском мире, которую мы бы хотели? Ведь невозможно же закрывать глаза на то, что, позволяя большевизму разложить Польшу в надежде потом водворить там порядок немецкими штыками, мы возвращаемся к политике Екатерины II¹² со всеми ее роковыми последст-

виями. Вот тот вопрос, который скоро станет перед нами. Ваш ответ я знаю. Вы скажете: «мы должны быть ни на той, ни на другой стороне; мы не будем с Германией делить в будущем Польшу, но мы и не пойдем с поляками против большевистских войск, мы здесь за границей истинная и будущая Россия и стоим около нашего знамени, не спуская его и веря в его торжество». Это очень последовательно и как все последовательное меня соблазняет; но рискую Вас раздражить, я все-таки Вам повторю, что не раз уже говорил, что эта политика годится только для дипломатов и только для заграницы; мы не можем рекомендовать ее тем, которые находятся в Совдепии, тем, которые приезжают сюда вместе с совдепскими комиссарами для переговоров об экономических сношениях и еще меньше можем мы ее рекомендовать тем, кто где-то там в России не покладает оружия. И при этом дело идет не только о рекомендациях. Вопрос станет так, что придется либо одобрять известную политику, либо ее дезавуировать.

Если Врангель теперь сговорится с поляками, пойдет вместе с ними; если Бредов станет под их командование, — должны ли мы осудить их так же определенно и резко, как мы когда-то осудили Бермонта¹³. А когда Бискупский¹⁴ или кто-либо другой в тесном единении с немцами будет формировать русские отряды на немецкой территории, то, осуждая Бредова и Врангеля, должны ли осудить и их? И не рискуем ли мы тогда тем, что нам по справедливости скажут, что до сих пор мы систематически и последовательно мешали всякому практическому плану, избрав себе роль знаменосцев, которая позволительна только тогда, когда кроме знаменосцев есть и действующая армия. Мы же думаем, что держась за знамя, мы тем самым делаем и практическое дело, и потому всякому делу мешаем. Скажу Вам и еще, что если деятельность нас, официальных представителей, была до сих пор очень трудна и парализовалась безответственными советчиками, то трудность этой роли удесят�ерилась с тех пор, как провалились все протезы и фавориты. И еще добавлю: миллюковская мысль, которая отчасти совпадает и с Вашей, что центр, который будет являть собой истинную, новую Россию, может или должен быть за границей, очень компрометируется наплывом за границу наших соотечественников, в лице всякого рода беженцев. И не только потому, что сюда приезжают в сущности наиболее беспомощные и бездеятельные элементы России, но потому, что вместе с этой беспомощностью и неделовитостью они приносят картину такой отсталой претенциозности и морального разложения, что страшно роняют за границей шансы России, по крайней мере той России, которая сохранилась за границей. Не далее как вчера я получил письмо от Родзянко старого¹⁵; он требует, буквально требует, чтобы Европа — заметьте, речь идет именно о Европе, как будто это нечто цельное и определенное, — чтобы Европа кормила всех тех, кто убежал из России и которых он же исчисляет, может быть преувеличенно, в полмиллиона людей. Мотивом к этому долгу Европы является то,

что все эти беженцы суть жертвы их верности союзникам и, во-вторых, идеи Великой и Единой России. Родзянко, по-видимому, и не приходит в голову ни того, что это еще не составляет никакого долга для союзников, ни того, наконец, что союзники превосходно знают, что эти беженцы вовсе не жертвы их верности союзникам, что громадная часть их в свое время с удовольствием перешла на германскую ориентацию, грозит ею и сейчас, а что все они исключительно и, главным образом, жертвы нашей русской несостоятельности в управлении громадной страной. И наряду с этими претензиями, которые эти беженцы всюду заявляют, идет и нежелание брать работу, если она слишком черна, и изумляющая здесь за границей личная недобросовестность, которая своего апогея достигла в Сербии, и желание, чтобы не только их кормили, но и соответственно их рангу не смешивали с простыми. И все это *a la longue*¹⁶ начинает возбуждать такое недоброе чувство к эмигрантской России, что и наши посольские претензии, будучи в сущности тоже эмигрантскими, говорить от имени России, теряют всякую почву.

Сообщаю Вам все это к сведению и жду Вашего ответа.

№ 17

В.А.Маклаков — Б.А.Бахметеву

Париж, 6 мая 1920 г.

Дорогой Борис Александрович!

Перехожу к делу без всяких предисловий. Последнее письмо я послал Вам уже совершенно больной; после этого я чуть не околел от заражения крови; но обошлось. Теперь есть неожиданная вализа, и я хочу несколько осветить Вам положение за это время.

Есть два главных вопроса, которые, вероятно, и Вас интересуют: вопрос о Врангеле и вопрос о Польше. Меня кроме того интересует вопрос о Сибири, Владивостоке и Японии, но я буду ждать, что Вы его мне осветите, о нем сказать ничего не могу.

С Врангелем дело обстояло так. Последнее время, как Вы может быть слышали, был резкий раскол между Деникиным и Врангелем; трудно сказать, возникло ли это на почве личной или какой-либо принципиальной. Возможно, и то, и другое. Больше всего думаю, что, по мере того, как меркла звезда Деникина, на-верное, в противовес ему поднималась звезда Врангеля во всякого рода интригах. Так наворачивался ком недоразумений. В результате, Врангель был отставлен от командования, отставлен от всех дел и в это время вел себя безупречно. Популярность его росла, на Деникина делали нажим, чтобы вернуть Врангеля к командованию и даже передать ему главное командование; исходили эти

нажимы не от определенных политических партий, а в широком смысле от общественного мнения, даже левого. Деникин не хотел этого слушать. В Крыму произошло восстание Орлова¹ в пользу Врангеля. Врангель резко его осудил, обратился с призывом подчиниться Деникину и вообще вел себя, как я говорил, безупречно. Измена сначала донских, а потом главным образом кубанских казаков, полное крушение деникинских фронтов, неспособность нового деникинского правительства что бы то ни было устроить совершенно подорвали авторитет Деникина; он собрал какой-то совет, — мне неясно, военный или гражданский, — который единодушно указал ему, что нужно передать Врангелю власть². Тогда Деникин это сделал, уехал сам в Константинополь, по дороге потерял Романовского, который был убит в посольстве³, и теперь доехал до Англии, где живет частным человеком. Политической роли он сейчас не играет, хотя, к сожалению, должен сказать, что некоторые здешние политики стараются разыграть Деникина против Врангеля, и Деникин, если этому не содействует, то, к сожалению, и не противодействует. Здесь источник возможных осложнений в будущем. Но возвращаюсь к Врангелю. За несколько дней до отставки Деникина адмирал Робек, от имени английского правительства, обратился к Деникину с заявлением, что англичане находят, что гражданская война в России более нетерпима и потому они, англичане, предлагают Деникину сдать Крым большевикам, а они за это обещают ему добиться у большевиков личных гарантий для его армии и его сторонников, а для желающих — и помощь в эвакуации⁴. Деникин письмо то получил уже на последнем издыхании и передал его по принадлежности Врангелю. Так Врангель вступал во власть. Для него было очевидно, что если это предложение англичан стало бы общеизвестным, то его фронт рухнет так же быстро, как и деникинский; добровольцы, прибывшие в Крым, не были вовсе в блестящем виде, а местное население, особенно в Севастополе, было уже достаточно распространено. Тогда Врангель договорился с англичанами, что он принимает их предложение, но исполнение его просит отсрочить на 2 месяца с обязательством эти два месяца держать это в абсолютном секрете.

Его задачей было выиграть время. Если фронту его суждено было развалиться раньше, то, конечно, его ничто спасти бы не могло; но если он устоит два месяца, то он надеялся и привести в порядок войска, и успокоить немного Крым, и в дальнейшем решать вопрос о его эвакуации или о каком-либо ином соглашении не в том состоянии крайности, в котором это пришлось бы делать теперь. Так состоялось это соглашение с англичанами, и Врангель принялся за работу. Он образовал около себя правительство, состав которого Вы, вероятно, знаете, в котором по финансам и торговле остался Бернацкий, а пост министра иностранных дел и главного политического советника занял наш приятель Струве⁵. Это министерство Врангеля, очевидно, сейчас же получило репу-

тацию реакционного и здесь, за границей, вызвало против себя сильное движение. Наблюдая то, что о нем слышно и что они делают, я думаю, что с этим министерством, составленным, в общем, из, конечно, правых людей, но людей очень не глупых, может случиться та же фатальная необходимость, которая часто случается в политике, т.е. что консервативным людям приходится вести либеральную политику, как французским монархистам в [18]73 году пришлось создать Французскую республику⁶. Достаточно Вам указать, что, в отличие от Деникина, Врангель уже заключил соглашение с всеми тремя казачьими областями, вступил в самые дружелюбные отношения с Азербайджаном и Грузией и поручает мне здесь позондировать почву в украинских кругах о возможном соглашении с местными украинскими правительствами. Если Вы вспоминаете то упорство, с которым у нас не хотели слышать слова федерация и вообще о каком бы то ни было соглашении, то несомненно, что подобного рода политика со стороны консервативного Врангеля, централиста и украинофоба Струве является показательной. Они кое-чему научились и стали гораздо более гибки, чем были Колчак или Деникин. Тем не менее, отношение к Врангелю здесь иное, чем отношение к Деникину или Колчаку. Что те, кто были враждебны Колчаку или Деникину, его травят — это в порядке вещей; но нельзя скрыть, что отрицательно к нему относятся кое-кто и из прежних сторонников Деникина или Колчака. Это вызвала, конечно, репутация Врангеля как монархиста и реакционера, которая требует еще очень много показательных фактов, чтобы перестать ему вредить. Господа кадеты в вопросах отношения к нему раскололись. Степанов определенный и горячий сторонник Врангеля, но другие кадеты, и во главе их сам Милюков, не решаясь пока выступать против Врангеля, противопоставляют ему Деникина и утверждают, что вся полнота власти апостольски преемственно сохранилась за Деникиным, а Врангель только назначен им военачальником. По этому толкованию выходит, что проживающий в Лондоне, вдали от дел и без всяких претензий управлять Россией Деникин есть глава Российского государства, а Врангель и его правительство, работающие на местах, только его подчиненные.

Вы понимаете сами, какую это вызывает смуту в умах. Но одновременно с этим против Врангеля ведется и скрытая интрига, т.е. распускание против него всякого рода вредящих ему слухов. Если я не ошибаюсь, в этом принимает участие и Ваш тезка⁷. Врангелю ставят в вину: 1) что он монархист; 2) что он идет на соглашение с большевиками (вы видели раньше, в чем заключается это соглашение) и 3) что он, конечно, германofil. Под рукой говорят здесь, что он послал и специальных посланцев в Берлин. Как бы то ни было, пока все это делает, что положение Врангеля не такое ясное, какое было Деникина, несмотря на то, что претензии его тоже гораздо меньше. Претензии его в настоящее время не идут дальше того, чтобы ему помогли удержаться и основаться в

Крыму; он не называет себя Всероссийским правительством и еще об этом сейчас не говорит, но хотел бы удержать в руках национальную Россию, известную часть территории, составить, таким образом, национальную базу, которая, очевидно, будет распространяться на Россию не путем завоеваний, как было у Деникина, а путем соглашений. Французское правительство в общем этой постановке вопроса сочувствует. Оно против Врангеля не выступит, может быть, при случае его и поддержит. Труднее сказать, что сделают англичане. Акции большевиков сейчас опять пошли на убыль. Во-первых, стало ясно, что все их блестящие победы не только не свидетельствуют об их силе, и они, на Юге по крайней мере, разбиваются о те же самые анархические движения крестьян, которые они когда-то подняли против Деникина и которые задавили Деникина; во-вторых, совершенно согласные и неопровержимые сведения, идущие с разных концов, не исключая и того, что было получено при переговорах о восстановлении экономических отношений, доказывают, что большевизм агонизирует и рухнет под влиянием внутреннего экономического разложения; все их рассказы о том, что экономическая жизнь налаживается, есть в сущности блеф; в-третьих, стало также ясно, что, вопреки ожиданиям, большевики не обнаружили никакого желания к переходу к более нормальным формам общежития; они нисколько не исправляются; единственное изменение, которое происходит в их строе, это только некоторое упрощение политического аппарата, в смысле возможной самозащиты, экономически они ничему не научились и ничего не улучшили; несмотря на некоторые новые слова, которые они говорят, они и не покинули своей прежней мысли о мировой революции и заняты только ею. Англичане начали это понимать и все больше приходят к заключению, что с большевиками ничего не поделаешь.

Однако, говорят они, не менее любопытно, что когда спрашиваешь русских людей, чего бы они хотели сейчас от англичан, какую форму помощи можно было бы им оказать, ничего не слышишь, кроме явных нелепостей; до чего эти нелепости доходят, видно и из того, что некоторые наши соотечественники серьезно просили Георга V⁸ восстать на Всероссийский престол. Таким образом, говорят англичане, нам остается только одно: ждать и не вмешиваться; а пока стараться извлечь из России ту пользу, которую можно извлечь. Если такова точка зрения англичан, то нечего говорить про французскую, правительство которых совершенно не склонно идти ни на какие соглашения с большевиками. Если верить нашим представителям, то нужно признать, что и сами итальянцы приходят к заключению, что из большевизма ничего не выйдет и что говорить с ними бесполезно и что, если они с ними говорят, то только потому, чтобы этим заткнуть рот своим левым партиям, пусть они на практике убедятся, что из этих разговоров не может ничего выйти. Таково здесь общее положение. Самый главный вопрос есть все-таки отношение к Врангелю, нужно ли

нам так же относиться к поддержке его, как мы делали относительно Колчака и Деникина, пользуясь тем, что, несмотря на более реакционный состав его правительства, оно способно вести несравненно более либеральную политику, чем деникинское и колчакское и, в частности, гораздо более гибким является в вопросе о национальностях. Мое личное мнение, что мы Врангеля должны поддержать и никоим образом не противопоставлять ему Деникина, превратившегося в эмигранта, во всяком случае, в настоящее время потерявшего кредит в России. Мне было бы интересно, чтобы Вы мне сказали свою точку зрения со всей откровенностью.

Второй важный вопрос — это вопрос польский. Он сейчас становится уже совсем в иной постановке. Поход поляков на Волинь и Подолию и соглашение их с Петлюрой⁹ являются главными фактами минуты, и выводят вопрос на иную плоскость, чем та, на которой мы с Вами его обсуждали. По имеющимся у нас сведениям, которые я считаю достоверными, большевики не в состоянии сражаться с Пилсудским; с другой стороны, несмотря на враждебное отношение к полякам этих частей России, их пока там встречают с радостью. Спрашивается теперь, какую позицию должны мы занять. Савинков ведет какую-то свою личную линию, о которой он не говорит даже и мне; в общем, он настроен очень пессимистически и говорит, что все пропало; и вся вина наша, а именно в том, что мы оттолкнули протянутую руку Пилсудского; тогда он, не встретив сочувствия с нашей стороны, поневоле устремился к Петлюре. Такова версия и самих поляков, которые не желают ссориться с нами, и полонофилов, вроде Савинкова. Иные говорят и литовцы, и украинцы. Литовцы уверяют, что Пилсудский повернул на Юг с того момента, когда узнал, что и Англия, и Америка решительно против какого бы то ни было притязания Польши на Литву и Белоруссию. Украинцы-русофилы добавляют, что Петлюра сейчас простой пленник в руках поляков и католиков и что поход Пилсудского, что бы он ни говорил, есть определенная аннексия всего правобережного Днепра. Вы спрашиваете в Вашей телеграмме, стоит ли за походом поляков какая-либо держава. Я убежденно скажу Вам, что нет, никто, там, очевидно, речь может идти только о Франции. Поляков на это не толкали, но это не мешает Франции в настоящее время относиться к этому походу очень сочувственно и польским победам радоваться, и это не только потому, что поляки их любимцы, что их армия отчасти французское создание, но и потому, что здесь радуются всякому поражению большевизма. Возможно, что поляки предвидели это сочувственное отношение Франции и что, если бы его не было, они бы на поход не решились, но самое это сочувственное отношение росло по мере того, как становилось ясно, что мысль о том, что большевики стали национальным правительством и способны вести национальную войну, есть иллюзия. Но, сочувствуя полякам, французы прекрасно дают себе отчет в том, что этот поход

может представлять опасность для России; т.е. и в том, что поляки могут пожелать аннексировать себе украинскую землю и в том, наконец, что они могут содействовать расчленению России. По обоим этим вопросам я имею самые несомненные сведения, что французы дают полякам вполне категорические предостережения. Но несомненно, что сейчас дело не в этих предостережениях. Поляки идут дорогой не права, а факта, они рассчитывают, что время превратит факт в право, если только они поведут себя умно.

Сейчас у нас нет средств помешать полякам захватить от нас территорию. Не знаю, есть ли у нас и международные средства сделать это чужими руками, а главное, я не так убежден и в том, что было бы предпочтительнее оставить эту часть России под большевистским владычеством. Очевидно только одно, что поражение большевиков, если только таковое окончательно состоится, их ослабит, а не усилит и что с водворением поляков в крае, раз опасность большевизма будет устранена, явится очень определенная и разрешимая задача, вызвать в этой Украине полонофобское настроение и, несмотря на польскую оккупацию, двинуть правительство в национальную сторону. Вообще, ни один окраинный вопрос не может быть правильно разрешен, ни один захват не может быть предотвращен, пока в центре России господствует большевизм, пока он еще имеет шансы несколько длиться.

Вот те соображения, которые побуждают меня не заявлять никаких протестов против польского похода и ограничиться утверждением основных положений, что эта часть земли русская, что русскую землю мы не уступим полякам и что украинский сепаратизм есть тоже иноземное изобретение, но протестовать против польского похода, как это мы делали раньше, когда поляки занимали Луцк, и тем более помогать их поражению, мы пока не решаемся, но все это заставляет нас немедленно же начать подготавливать элементы для второй главы книги возрождения России; т.е. национальное возрождение Украины против захвата ее Польшей и сближение Украины с Россией. Здесь после перемены курса Петлюры из остатков прежней украинской делегации и из новых элементов образовалось русофильское украинство; у них нет ни армии, ни власти, у них есть только политики, которые, как и всякие политики, претендуют на популярность и авторитет в стране. Пока что мы поддерживаем с ними отношения и впоследствии, может быть, будем работать вместе с ними. Самое это письмо привезет Вам один из подобных деятелей, живущих в Америке. Я направляю его к Вам и прошу Вас оказать ему всякое содействие, так как, мне кажется, Вы с ним легко сговоритесь.

Больше писать Вам я не в состоянии, но мне бы хотелось, чтобы Вы сообщили мне, что Вы думали за этот месяц, когда я ни о чем не думал; многое из Ваших предсказаний и предвидений исполняется. Большевизм изнашивается от собственной негодности, а не от внешнего, тем более иностранного, воздействия, но только

также, несомненно, становится то, о чем я писал Вам в прежних письмах, что крушение большевизма приведет за собой не торжество кадетской партии и не правительство с культурными мерами, а приведет полную анархию, поход мужика против города, торжество исключительно желудочных точек зрения, полное культурное и экономическое одичание. Тому правительству, которое мы с Вами ждем, придется строить на этих развалинах, придется бороться не с большевизмом, а с этим одичанием. Что Вы для этого рекомендуете и что может в этом отношении сделать Америка, которую Вы еще недавно считали будущей спасительницей России — обо всем этом я прошу Вас мне рассказать.

№ 18

В.А.Маклаков — Б.А.Бахметеву

Париж, 7 мая 1920 года.

Дорогой Борис Александрович,

Податель сего, доктор Биллик, американский гражданин, по происхождению украинец и по направлению украинский русофил. Не знаю, слышали ли Вы что-либо о нем, но по утверждению его соотечественников-украинцев у него в Америке хорошее положение и он возвращается туда с поручением [вести] известного рода агитацию по украинскому вопросу. Так как он русофил и полонофоб, то ему очень полезно находиться с Вами в полном контакте; думаю, что Вы друг друга поймете и что между Вами возможно сотрудничество. Поэтому направляю его к Вам с горячей его рекомендацией.

Я вместе с ним хотел послать Вам подробное письмо о политическом положении здесь и в России, но оказалось, что не могу дать ему вализы, как американскому гражданину, и не рискую послать письмо не в вализе, поэтому получите его с некоторым запозданием.

№ 19

Б.А.Бахметев — В.А.Маклакову
Russian Embassy, Washington

11 мая 1920 г.

Письмо это надиктовано наспех в последний день пребывания Ел[ены] Ник[олаевны], которая уехала на лето в окрестности N.Y. Не судите строго о форме.

Дорогой Василий Алексеевич.

Спасибо Вам большое за Ваши письма от середины марта и последнее от 10 апреля. Надеюсь, что Вы теперь выздоровели и снова бодры и крепки.

Вы начинаете Ваше последнее письмо с того, что утекло много воды и многое переменялось, что настроения и комбинации сменяются и что многое из того, о чем Вы писали месяц назад, отпало. Вы совершенно правы; я только замечу, что отпало уж многое и из того, на чем Вы основываетесь в Вашем последнем апрельском письме. Прежде всего я думаю, что польское выступление и их победоносное шествие с новым Лжедмитрием — Петлюрой на Киев¹ раскрыли истинную суть польских вождедений и разубедили в возможности русско-польского действия даже самых сильных сторонников подобной идеи. Ведь теперь ясно, что все переговоры как с большевиками, так и с антибольшевиками имели затаенную цель, которая теперь раскрыта, а именно использовать военную машину польской армии не для временной военной задачи защиты от большевизма, а в целях реализации известных, рассчитанных на перманентность политических планов — а именно создания под протекторатом Польши системы более или менее автономных, но связанных с Польшей в военном, экономическом и политическом отношениях государств. Вы мне пишете о том, что Польша хотела действовать не против России, а вместе с Россией. Я думаю, последние две недели показали, что острое исходящее из Варшавы действия направлено именно против России как таковой и основано на ее унижении и временной слабости.

Что касается германской комбинации, о которой Вы мне пишете, то мое суждение в этом вопросе было сформулировано еще в одном из февральских писем. Вы вспомните, как пессимистично я относился к идее, импонировавшей некоторым русским националистам, — а именно к победоносному движению большевизма через Польшу. Я тогда еще указывал, что если бы такая перспектива осуществилась и если бы Европа обратилась к Германии за помощью и согласилась дать послабление бывшему врагу в награду за спасение европейской цивилизации от большевистской угрозы, то* совершилась бы в конечном счете за счет России. Я продолжаю думать, что это было бы так и не вижу никаких оснований полагать противное.

Вы ставите вопрос в альтернативной форме: с кем мы? С Польшей против Германии или с Германией против Польши? Я думаю, что вся ошибка заключается именно в том, кто же такие «мы». Кто такие та Россия, с которой Германия будет солидаризировать свои действия против Польши. Такой России не существует. Субъект национального движения еще не народился, и в этом печальном факте и заключается вся бесплодность тех комбинаций, которые ежедневно возникают и умирают в калейдоскопе

* Одно слово написано неразборчиво, вероятно, «расплата».

развертывающихся событий. Если бы были «мы», если бы существовала хотя бы тень организованного национального движения, то была бы почва для разговоров о каких-то соглашениях. Пока же этого нет, я считаю, что упрек о том, что я занимаюсь созерцанием, за которое в свое время в Афинах наказывали остракизмом, несправедлив.

Не считаете ли Вы, что констатируемая Вами смена событий, а с ними вместе и изменение всяких практических планов, в значительной мере отвечает на упрек, что моя позиция не указывает практического выхода. Почему необходимо быть всегда практически активным. Разве это непреложное правило политического деятеля. Разве та или иная степень активности не есть чисто тактическая категория, целиком подчиняющаяся соображениям политической стратегии. Разве на войне всегда необходимо развертывать наступление и поддерживать активность на всех секторах. Неужели качество доктора определяется только тем, что он активно пичкает больного лекарствами и обязательно пускает в ход пинцет и скальпель. Я, признаюсь, не могу дать Вам конкретного плана активной политики для русского национального движения, и это прежде всего по причине, что национального движения нет. Военная фаза, в которую оно облеклось в прошедших годах, разбита; новой формы движение еще не приобрело; ее надо создать — и это есть первейшая обязанность и задача и политических эскулапов, и дипломатов, и русских деятелей вообще.

Но, — скажете Вы, — что же делать. Ведь больной вопрос о линии индивидуального поведения стоит перед каждым русским, в котором не умерло гражданское чувство и ощущение национальной обиды и стыда. Я понимаю Вашу психологию и понимаю вопрос. Согласен также, что из-за границы нельзя руководить движением; глупо создавать генеральный штаб, который писал бы диспозиции и определял бы те или иные выступления. В связи с этим я думаю, что бесполезно нам за границей вовсе задаваться целью найти «практический выход». Нельзя писать в третьем лице. Вы пишете все время от имени какого-то фиктивного национального тела и сами приводите красноречивые доказательства раскола и разложения. Нет, не существует не только объединенной политической национальной мысли, но нет и единой морали и психологии, и из этого отсутствия единства и вытекает неизбежное многообразие практического поведения.

Я понимаю, что весьма много людей, честных и добросовестных, склонны идти в Большевизию и пытаться там работать. Я не хочу их осуждать, и даже больше скажу, — не помешал бы им это делать. Большевизм разложился настолько и столь близок к концу, что «примирение» с ним тех или иных лиц не даст ему новой силы и не прибавит жизнеспособности. Я думаю только, что нужно оценивать вещи в их истинном смысле и называть их правильными именами. В том, что те или иные наши друзья вернутся в Совдепию, нет никакого акта «соглашения» между двумя сторонами. Большевизм никому ничего не уступает. Дело сводит-

ся к факту поступления на службу к большевикам лиц, либо отчаявшихся, либо не видящих себе никакого иного применения. Повторяю, при данных обстоятельствах в этом нет ничего опасного. Трудно даже нравственно осуждать подобное поведение. Но не будем прикрывать тогой благородства просто акт индивидуального «пристраивания». Не будем думать, что в этом есть какие-то элементы высокой гражданственности и даже есть отражение какой-то принципиальной позиции и глубоко продуманной цели. Не будем строить себе иллюзий относительно возможности перерождения большевизма изнутри. Вы согласитесь со мной, что в большевистской программе и тактике есть элементы, от которых большевистская организация не может отречься, не уничтожив самой себя. Нельзя строить государства в современных условиях, не признав принципов частной собственности и гражданского равноправия. А через эти два препятствия большевики не могут перейти и никогда не перейдут. Так называемые «умеренные» элементы показали зыбкость фундамента, на котором они стояли, и американская оценка миссии Красина и европейского политиканства оказалась совершенно правильной². Не будем обольщать себя также мыслью, что умеренные элементы все же лучше, чем махновщина. Дело не в том, что выглядит более привлекательно, а в том, что имеет жизненные корни и способно к существованию и развитию. Я упорно стою на той точке зрения, что большевизм неспособен к перерождению и что никакого растения и цветка Вы из этого гнилого гриба не вырастите. То, что Вы пишете о махновщине, я слышал от приехавших с юга. Я мало доверяю правдивости рассказов, обычно прошедших через воспаленное воображение ряда передатчиков. Суть же всего дела, однако, в следующем: способна ли Россия и русская нация, как таковая, вообще к жизни или нет. Если верить в Россию, если считать, что ее теперешние несчастья и испытания лишь временный, хоть и ядовитый недуг, то тогда можно пережить и махновщину, и красновщину³, и всякую другую чепуху. Если же нет, тогда бесполезно хвататься за соломинку. Я лично непоколебимо верю; верю не зря; верю потому, что не могу изгнать из своей головы представление о народе, который через десять веков исторической жизни при самых нелепых обстоятельствах и условиях пронес свою национальность, свою культуру, свой язык, свою религию. Нельзя российское великодержавие приписать творческой силе заимствованных у Западной Европы приемов военного империализма.

Есть же какие-то силы в этом забитом, — как говорят, — лишенном национального чувства народе, который скушал Польшу, Литву, который парализовал монголов и создал к началу XIX-го столетия самое могущественное государство в мире. Вы будете смеяться над моими упражнениями в созерцании. Скажу Вам лишь одно, что только такой созерцательной аргументацией я подерживаю ту практическую линию поведения америк[анской] по-

литики, которая так выгодно отличается от европейского практицизма.

Возвращаюсь к вопросу, что же делать русским людям. По вопросу о примирении я Вам ответил: тем, кого привлекает ехать служить к большевикам, — скатертью дорога. Однако делать откуда правило и особенно обобщать это в теорию национального действия не следует. Более того, я думаю, что очень многие не поедут, и слава Богу. Я уверен, что ни Вы, ни я не поедем. Это тоже хорошо. Но что же нужно делать нам, не только дипломатам, но и тем людям вроде Милюкова и др., которые темпераментально и по другим соображениям не пойдут в Каноссу. Я возвращаюсь снова к своей мысли: у нас нет национального движения и его нужно создать. Для того, чтобы его создать, необходимо начать с того, чтобы разобраться в ошибках прошлого, в задачах будущего. Вы, кажется, меня не поняли. Я вовсе не писал Вам о тех условиях, которые мы должны поставить для соглашения с большевизмом. Еще менее я хотел писать какую-то платформу или программу для какого-то правительства или национального центра, который пытался бы диктовать из-за границы путь практического движения антибольшевистским ячейкам в России. Я иду по другому пути. Моя мысль приближается к идее политической партии, группы или союза, который за границей начнет свою работу с того, что выставит идейное знамя. Не надо увлекаться мыслью, чтобы собрать как можно скорее, как можно больше людей вокруг себя. Я писал Вам, что идея коалиции должна быть отброшена. Надо искать полной солидарности и полного единодушия. Пусть образуется группа людей, которые скажут, как они представляют себе будущую Россию, чего они будут добиваться, к чему стремиться, — конечно, в ближайшие переходные периоды. Если они правильно учтут современное положение и предопределят будущее, им успех обеспечен ходом разворачивающихся событий. Жизнь пойдет вместе с ними и они получат доминирующее влияние. Вы спросите меня, должна ли подобная группа стремиться к власти. Я Вам отвечу, что плох тот солдат, который не хочет быть генералом. Но власть должна придти к ним естественно, с их политической победой, с завладением политической ареною, а не должна быть выставлена и определять практику поведения как непосредственная практическая задача. Подобная группа или партия не должна ставить своей задачей руководить практическими действиями антибольшевиков в России, которые с неизбежным разложением советской власти будут открыто выступать в борьбе с пролетарской тиранией; не надо создавать почвы для ревности и зависти. Но, если партия будет сильна, то ее идеология пропитает среду антибольшевистских сил и национальная борьба естественно встанет под развернутый флаг. Для того, чтобы построить национальную Россию, надо, чтобы весь мир знал, что такое эта Россия — и иностранцы, и инородцы, и скажу больше, — сами русские люди. Чтобы собрать Россию, надо чтобы ей верили те ячейки,

группы, области, народности, которые сольют свою судьбу с идеей единого российского государства. Нельзя ждать патриотизма без того, чтобы знамя, которым этот патриотизм прикрывается, не разрешало сомнений, не манило, не привлекало бы.

Вот все, что я могу Вам написать в ответе. Про наше житье-бытье и нашу работу расскажет Вам Сукин, который везет это письмо. Внешнюю политическую сторону я изложил, правда вкратце, в письме Сазонову.

Желаю Вам здоровья. Поклон сестрице
от искренне Вашего Бориса Бахметева.

№ 20

В.А.Маклаков — Б.А.Бахметеву

Париж, 10 июня 1920 г.

Дорогой Борис Александрович,

Я буду довольно краток, хотя давно Вам не писал; но Вы мой должник, Вы оставили все мои последние письма без ответа. А, кроме того, у нас здесь еще продолжается некоторая кутерьма, которой, вероятно, в Америке нет. Теперь я Вам пишу только затем, чтобы побудить Вас к немедленному и обстоятельному ответу.

Я уже писал Вам, что я был очень болен и теперь жду только маленькой передышки, чтобы недели на три уехать отдыхать; не знаю только, куда поеду, вероятно, в какой-нибудь курорт, так как здесь я из одной болезни перехожу в другую, подобно большевистскому локомотиву. Там, вдали от Парижа и от его сутолоки, может быть, просветлеет и мысль, потому что здесь ни до чего путного не додумаешься.

А пишу я Вам все это потому, что вспоминая все то, что я прочел в Ваших письмах, я очень завидую тому философскому спокойствию, с которым Вы смотрите на события. Может быть, я ошибаюсь, но мне представляется, что Ваша психология приблизительно такая. Рано или поздно большевизм сам себя съест и свалится; тогда настанет время перестраивать Россию, тогда у нас не будет недостатка в помощниках и прежде всего — в Америке, тогда на нас посыпятся сотни миллиардов долларов, золота, товаров, — и Россию ожидает невиданный расцвет. Пока же этого не сделается, будем сидеть спокойно, не волноваться, не терять национального и культурного знамени, и поддерживать веру американцев в будущую Россию. Затем, чтобы поддержать эту веру, будем поменьше обещать конкретных благ и скорых перемен; с такими обещаниями мы систематически проваливались и, вероятно, будем проваливаться и впредь. А потому, не будем суетиться, будем уст-

ранять всякие соблазны такими быстрыми ударами покончить с большевистской Россией. Будем с добродушием, но и скептицизмом относиться ко всем подобным попыткам — все равно из них ничего не выйдет. Раз мы не можем помочь, не будем надоедать больному и не будем наводить панику на публику: все идет к лучшему, все образуется. Я, может быть, ошибаюсь, но, читая Ваши письма, я представляю себе именно подобного рода психологию, и ей завидую. Заметьте, я говорю это вовсе Вам не в осуждение, не потому, чтобы мне было досадно смотреть на Вашу корпуленцию и на то, как Вы жуируете в Америке. Я просто думаю, что подобного рода философская точка зрения есть произведение той среды, где Вы живете, т.е. Америки. К нам она неприменима, да и Вы у нас бы ее скоро потеряли.

С Вашей философской точки зрения можно было бы довольно спокойно смотреть на то, как крушился Колчак и Деникин и даже спокойно предусматривать крушение Врангеля; судорожные старания Врангеля сойтись сейчас со всеми соседями, чтобы удержать свой фронт, сойтись даже с Польшей, пренебрегая тем, что она сделала с Петлюрой, — эти усилия Врангеля в Вас, вероятно, тоже вызывают одно недоверие а, может быть, и осуждение: он компрометирует национальное знамя. А для нас здесь падение Врангеля значило бы другое: это новые сотни тысяч беженцев по всей Европе, десятки тысяч вырезанных и, что самое главное, чего нет у Вас, та потеря веры в Россию, при которой ни одной политической ставки на нее сделано не будет, это захват Польшей Украины, союз Прибалтийских государств, их соединение с Польшей и т.п. Я опять хорошо понимаю, что против этого можно сказать, что все это ненадежно и ненадолго, что Россия когда-то все-таки оправится, но, признаюсь Вам, что это только последнее утешение, подобно надежде на загробную жизнь; умирать все-таки не хочется, хотя бы Вам и говорили, что Вы когда-то воскреснете.

Вот почему мотивы, которыми мы руководствуемся в нашей политике, гораздо более мелкие и преходящие. Мы делаем или, по крайней мере, стараемся делать как раз то самое дело, на которое Вы издалека смотрите с высокомерным презрением. Вы ждете, когда все уладится, а мы стараемся это улаживать; т.е. когда я говорю — мы — это не заграничные люди, а те, которые еще работают в России, и мы, которые всеми мерами стараемся их отсюда подпирать. Вот то коренное различие между нами, при котором мы просто теряем способность друг друга понять; по крайней мере обмен наших последних писем по поводу Польши носил этот характер. Говоря нынешним слогом, мы стоим в разных плоскостях.

Я не буду пытаться Вас убедить, я только констатирую причины разномыслия. Вас же хочу только несколько информировать.

Наш герой теперь Врангель, заменивший Колчака и Деникина; но отношение к нему не то, что было к прежним героям. Их крушение сделало нас скептиками, хотя нельзя не сознаться, что Врангель сам по себе бесконечно более соответствовал бы той задаче, которая перед ним ставилась. Но этот скептицизм, а равно колоссальные материальные жертвы, потраченные зря, ставят задачу Врангеля бесконечно уже; он уже не думает объединить всю Россию, он думает уберечь некоторые ее части от большевизма; когда он говорит, что не только уберечь, но и увеличить, это не идет дальше захвата той небольшой полосы, которая необходима, чтобы Крым экономически явился бы самодовлеющей единицей. Вот в такой узкой области Врангель и хочет закладывать основы настоящего государства. Дальше пойдут уже не завоевания, а соглашения. Он хочет соглашаться с казаками, с грузинскими республиками, со всеми, с кем можно, и соглашаться только о военном сотрудничестве против большевиков; пока не дальше. Дальнейшее покажет сама жизнь. Если большевизм будет постепенно разрушаться на экономической почве, причем даже если Европа начнет сейчас ему помогать, это разрушение не остановится, а только замедлится. Если большевизм будет разрушаться, то от него все больше и больше будут откалываться куски, особенно на периферии, которые могут входить в соглашение с Врангелем. Процесс может идти очень долго, но может пойти гораздо быстрее, нужно только, чтобы где-то сохранилась территория, не подвластная большевизму, хотя бы для того, чтобы уничтожить позор русского беженства за границей. Вы его не видите в Америке, а мы здесь его чувствуем очень больно. Это несчастье и для беженцев, и для всего русского имени, так как в конце концов они убивают всякое к нам доверие со стороны заграницы. Вот я прилагаю Вам при сем несколько документиков, в которых Вы прочтете — поскольку Вас может заинтересовать — мысли в этом направлении. Это все планы.

Я возвращаюсь к тому вопросу, о котором у нас шел с Вами спор — польскому. Вы были против соглашения с Польшей даже на тех условиях, которые Полсудский предлагал Савинкову, но с тех пор было нечто худшее. Он сговорился с Петлюрой и, тем не менее, это не заставило Врангеля и нас здесь объявить ему войну, хотя бы словесную. По имеющимся у нас здесь небезынтересным сведениям, в самой России к походу поляков относятся без всякой враждебности; большевики могут призывать к патриотизму, они могли соблазнить даже Брусилова¹, которому приятнее быть главнокомандующим, раз это не становится зазорным делом, а приобретает национальное оправдание, но в России они никого не привлекли; там готовы принять избавление от большевиков из каких угодно рук. Патриотические протесты против польского похода выходят почти исключительно из рядов эмиграции, которая из пределов досягаемости большевиков уже вышла. Мы же пока в польском деле занимаем позицию нейтральную, но переговоры с

полями продолжают вестись, хотя и конфиденциально. Конечно, в этих переговорах мы никогда не согласимся отдать какие-либо русские территории и население полякам, но мы можем, во-первых, сговариваться о совместных военных действиях а, во-вторых, указывать на мирные пути, как, например, плебисцит, которым впоследствии будут разрешены спорные пограничные вопросы. Польское нападение сейчас находится в стадии полной неопределенности; начали они хорошо, потом остановились. Есть слухи, что они встретили гораздо большее сопротивление, чем рассчитывали, и что у них самих дело неладно. Я не знаю, где правда, но что могу сказать наверное, это то, что если бы от меня зависело дать победу большевикам или полякам, я в этом вопросе предпочел бы победу поляков. Когда Россия от большевиков избавится, вопрос о том, что ими было у нас захвачено, будет поставлен на очередь и тогда несправедливости могут быть исправлены.

Другой вопрос, который всех здесь занимает — это приезд Красина в Лондон². Наша позиция здесь в общем определилась. Мы уже не возражаем против торговли с отдельными лицами, но мы возражаем против торговли с правительством, ибо правительство может торговать только краденными вещами. Ллойд Джордж с большой легкостью и беззастенчивостью перескочил это затруднение, но он наткнулся на другое: большевики не могут дать никакого сырья, если предварительно им не исправить железные дороги и не дать подвижного состава. За это они могли бы заплатить золотом, но протест французов против пользования их золотом произвел все-таки большое впечатление и навел сомнение и на банкиров, и на правительство. Большевики просят отдать им подвижной состав в кредит, но здесь начинают приходиться к твердому убеждению, что оказывать кредит большевикам есть совершенная нелепость и бессмыслица. Поэтому мы не теряем надежды, что из переговоров Красина не выйдет ничего. А тогда перед нами стоит такая перспектива: большевизм будет продолжать разрушаться, он будет все более и более впитывать в себя враждебные ему элементы и тем будет слабеть, на периферии будут возникать новые государственные образования с небольшевистской властью. Нашей задачей будет помогать разрушению большевистских образований и объединению этих периферийных образований. С этой точки зрения даже на Дальневосточное правительство я смотрю без всякой предвзятости³.

В заключение скажу Вам только еще, — что интересно специально для Вас, — что Правительство Врангеля все-таки имеет много японофильских симпатий. Эти симпатии увеличиваются еще тем, что все приезжающие из Сибири люди, кончая небезызвестным Вам Грондайсом⁴, в восторге от японцев и уверяют, что так к ним относятся и население. Сообщаю Вам это для сведения.

Б.А.Бахметев — В.А.Маклакову
Министерство иностранных дел
Российское посольство в Вашингтоне
№ 1861

20 июля 1920 г.

Дорогой Василий Алексеевич,

Я действительно Ваш должник и не отвечал или, вернее, не успел ответить на Ваши письма от 6 мая и 10 июня. Причин две: первая — я был в постоянных разъездах, на двух конвенциях и т.д., и в промежутках обременен текущей работой; вторая — у нас нет Елены Николаевны, обычно уезжающей на лето в отпуск. Сейчас я пользуюсь возможностью написать Вам хотя бы несколько слов в надежде со следующей вализой быть более обстоятельным.

Прежде всего основной вопрос — действительно ли мы друг друга не понимаем и стоим на разных точках зрения или в разных плоскостях? Я положительно протестую против обвинения в политическом эпикурействе. Я утверждаю, что мы в Вашингтоне не меньше реагируем на практические потребности. Разница, я думаю, лишь в том, что постоянный приток беженцев и сравнительная близость к арене русских действий вызывает в вас психологическую необходимость что-то решать и как-то реагировать даже тогда, когда ни решать, ни реагировать по существу нельзя. Но не стоит об этом писать, тем более, что события многое уже изменили из того, о чем Вы пишете.

Два слова прежде всего о Врангеле. До сих пор о нем мы знали очень мало. Главным источником осведомления были сочувственные отзывы американского представителя на Юге Мак Колли¹. Ваши письма и пересланные Струве документы² явились для нас в значительной мере радостной и полной обещаний неожиданностью. Стремление Врангеля оградить часть территории для восстановления национального государственного центра более чем разумно. Принятая линия политики в значительной мере отвечает на те вопросы, о которых я Вам писал, говоря о необходимости создать лицо национального движения. Вместе с присланной резолюцией кадетской партии документы Струве показывают, что эта потребность найти себя уже начала приводить к самым утешительным результатам. Документы эти не отвечают на вопрос об организации самоуправления коренной России, а также не касаются экономической политики, но это, надо думать, приложится. Я намерен всячески поддерживать Врангеля и его помощников и склонен полагать, что национальному делу в новой его фазе предстоит будущее. Не потому, что я жду чрезмерных военных успехов, а потому, что, с моей точки зрения, правильно заложены

основы государственного восстановления. Лишь бы хватило мужества и веры не сойти с правильного пути и безжалостно гнать палкой никчемные и обветшалые элементы.

Центром практической политики является, конечно, лондонское совещание³ и связанные с ним события на русско-польском фронте. Мое понимание в этом деле следующее. Я считаю, что Красная армия обязана своей небывалой победой тому национальному порыву, который вызвало в россиянах вторжение и покушение поляков. Так же понимают вопрос и американцы, которые успех большевиков и критическое положение Польши оценивают как тяжелую расплату за польский империализм. Несомненно, роли переменялись, и Европа просит мира у большевиков. Я лично считаю, что всякая внешняя война выгодна большевикам, особенно в случае, если Европа ставит эту войну в условия, когда приходится защищать Россию как таковую. Наоборот, мир, бездействие Красной армии, необходимость вновь вернуться к внутренним проблемам — убийственны для большевиков. Заключено ли будет перемирие или нет — я не знаю. Это зависит от того, в какой мере советская власть действительно может распоряжаться армией, другими словами, — от соотношения между советской властью и, несомненно, растущей в армии самостоятельной организацией и национальным сознанием. С точки зрения коммунизма советская власть обязана использовать момент и вторгнуться в Европу. Если она этого не сделает, то лишь потому, что не сможет. Потому ли, что дезорганизован тыл, или потому, что ей не позволит сделать этот шаг самостоятельная воля Красной армии — вопрос, который отсюда решить нельзя. Здесь мы говорим об этом лишь как о тенденциях, но говорим со всей откровенностью и убеждением.

Одно ясно: породив вследствие нелепой политики небывалый успех большевистской власти, Европа должна и может его обезвредить, лишь в корне подорвав ту струю помощи, которую она дала большевизму, не разграничив в своей политике борьбы с большевизмом от борьбы с Россией. Это значит следующее: если перемирие состоится, Европа должна понять, что причиной этому является не добрая воля большевиков, а их боязнь растущего национального сознания. В этом случае условия перемирия должны отделить большевиков от националистов и поставить большевизм объективно в такие условия, которые способствовали бы наискорейшему его разложению. Для этого требуется гарантировать Россию от всяких возможных посягательств извне, тем самым прекратив нужду в национальной защите. Мудрая политика включила бы в подобное ограждение России как Бессарабию, так и Карельские области, захваченные Финляндией. Горький урок эфемерности санитарного кордона, существующего за счет России, подсказывает необходимость повернуть вопрос о кордоне в обратном направлении. Кордон в этом понимании есть граница, отделяющая Россию, включая все национальные образования, от пограничных

государств, в том числе новообразованных Финляндии и Польши. Европа гарантирует неприкосновенность этой линии от вторжения с Запада. Остается вопрос о национальностях. Перемирие с большевиками должно обезопасить их от красных вторжений, а мудрая позиция Врангеля указывает пути для будущего.

Труднее, особенно психологически, Европе определить политику в случае, если большевики не согласятся на перемирие. В этом случае им грозят всякими сквернами, а главное — военной помощью Польше и другим. Я скептически отношусь к результатам военной помощи, так как и раньше эта помощь оказывалась и результаты ее налицо. Европа сделает еще новую ошибку, если всемерной, не ограниченной условиями, помощью Польше и др. Запад фактически объявит войну России. Это лишь усилит общность национальных элементов с большевиками и приведет Красную армию к новым победам. Как это ни странно, но и в случае продолжения большевиками вооруженной борьбы единственно правильный для Европы путь — в коренном пересмотре своей русской политики и в обеспечении России и ее неприкосновенности. Разбить большевистское вторжение можно, только лишив Красную армию поддержки национальных элементов и отняв от ее движения какие-либо объективно национальные цели. И в этом случае, формулируя условия военной помощи полякам и др., Европа должна торжественно провозгласить и обеспечить соответствующими соглашениями, что помощь дается лишь для защиты и что результатом победы над большевиками явится гарантия для России неприкосновенности той же линии и пограничного кордона.

В связи со сказанным возникает вопрос, какую практическую линию следовало бы занять по отношению к переговорам русским националистами и в частности представителям оазисов национального движения? Мне лично представляется следующая линия поведения. Мы всегда были и продолжаем быть против переговоров с большевиками. Однако переговоры эти — факт, который мы бессильны изменить. С ним надо считаться и использовать в наивысшей мере. В случае, если большевики пойдут на перемирие, я думаю, не следовало бы противиться тому, чтобы одним из пунктов соглашения явилась разграничительная черта на Юг. Из писем Струве я заключаю, что Главное командование противопоставляло первоначальным английским предложениям подобное разграничение, само собой в необходимых экономических границах и с включением казачьих областей как желательное разрешение вопроса. При этом я понимаю, что подобное разграничение явилось бы следствием переговоров с большевиками европейских держав без нашего прямого участия.

Затруднения явятся в том случае, если большевики на мир не пойдут и если, следовательно, в ответ на дальнейшее движение Красной армии Европа приступит к вооружению Польши и мобилизации всех других антибольшевистских сил. Вот здесь, по-

моему, для южного национального центра наступает момент величайшего испытания. Я лично использовал бы этот момент, чтобы поставить перед Европой со всей ясностью необходимость отделить борьбу с большевизмом от борьбы против России. Я сказал бы так: да, большевики заклятые враги русского национализма, как и всей цивилизации вообще, но мы можем идти вместе с Европой против большевиков лишь тогда, когда всякому русскому будет ясно, что результатом победы над большевиками не явится умаление нашей родины. Юг должен потребовать от союзников гарантии неприкосновенности русской территории и обусловить присоединение своих военных сил к общему выступлению подобной гарантией. Это не жест и не поза. Это коренное условие успеха и победы Европы над большевизмом вообще. Вряд ли явится другой случай, когда бы удалось поставить вопрос перед Европой в такой очевидной потребности.

Я не буду касаться коммерческих переговоров в Лондоне. Все это вздор и блеф. На самом деле Англия старается выгадать время и успокоить хотя бы на короткий период общественное мнение, которое хочет мира и спокойствия и которому органически противна растущая сумятица, особенно в Малой Азии и Персии.

26 июля 1920 г.

Я не успел Вам отправить письма с вализой и теперь продолжаю писать почти что неделей позже. События вокруг большевистско-польского перемирия не вызывают необходимости добавлять что-либо к тому, что я уже писал; вопрос применения известных принципов. Суть того практического пути, который я считаю единственным для спасения Европы, если вообще не слишком поздно что-либо делать, сводится к следующему: я считаю, что Европа не способна механически остановить движение Красной армии, единственный путь — это лишить Советы поддержки национальных элементов. Для этой цели державы должны публично принести покаянную и провозгласить торжественно начало новой политики, основой которой является обеспечение и гарантия неприкосновенности России. Я переслал Гирсу меморандум по этому вопросу, который я на днях передал американцам. Правительство весьма сочувственно отнеслось к моей точке зрения, причем практическим последствием явилось предположение об обращении к европейским кабинетам сделать необходимое выступление. Разговаривал я с американцами под впечатлением отказа большевиков и угрозы дальнейшего наступления⁴. Возможно, что эвентуальное перемирие создаст обстановку, в которой Европе можно будет снова отложить практические решения. Удивительно, что старая распутница вещает только тогда, когда уголья обжигают ее брهنное тело. Достаточно убрать уголья, и она мирится с тем, что все еще сидит на жаровне.

Теперь о Дальнем Востоке. О последнем вообще сведения противоречивы и туманны. Передаю Вам резюме своего понимания действительной обстановки и динамического положения, не гарантируя абсолютной достоверности. Правительство Медведева во Владивостоке и Краснощекова в Верхнеудинске учреждены и действуют с ведома большевиков⁵. Движение последних к Востоку от Байкала вызвало бы столкновение с японцами, что сулило мало надежд, поэтому большевики, которые в Иркутске и к Западу безжалостно выметали социал-революционные правительства, согласились на существование подобных правительств в Забайкалье и Приморье. Эти факты в виде переговоров по прямому проводу между большевистским наместником в Иркутске и с.-р. пигмеями во Владивостоке напечатаны в дальневосточных газетах. Что касается японцев, то последние, по-видимому, согласились на подобный *modus vivendi*⁶, который лишает их необходимости тратить силы и людей на войну с большевиками и фактически не мешает им быть господами положения. На самом деле с.-р.-ам принадлежит лишь гражданская власть, их войска обезоружены и фактически с.-р.-овская территория находится в военной оккупации Японии. До нас доходят курьезные анекдоты о фактических взаимоотношениях гражданских и военных властей, о том, как пигмеи часто пыжались, чтобы соблюсти собственное достоинство. Я думаю, однако, что из этого механического сожигания произойдут некоторые последствия и что в конце концов правительства эти стоворятся с японцами, которые дадут больше видимой власти местным честолюбцам, а сами получают из рук различных представительных учреждений от местного населения известные экономические преимущества. Ведь юридический вес концессий, полученных от представительных собраний много доказательнее соглашений в конце концов с безответственными атаманами. Настолько, я думаю, удовлетворительно для японцев подобное сожительство, что совершенно естественным является известие о намерении увести войска из Забайкалья. Это значит ликвидировать Читу, герой которой со всеми пожитками и свитой переедет в Харбин⁷, где он будет будто бы готовить новое войско для сражения с большевиками. Уводимые из Забайкалья войска Япония сосредотачивает в долине Амура и Приморья, куда, как и в Сахалин, все время посылаются пополнения. Для меня, равно как и для американцев, нет сомнений, что Япония решила накрепко оккупировать Сахалин и Тихоокеанское побережье от корейской границы к северу до Николаевска и далее насколько это нужно. Трудно говорить сейчас об условиях, при которых японцы пойдут на прямые аннексии, но вопрос о том, как легализуется положение вещей — дело будущего. Пока что создается фактическое положение, которое ничто не в состоянии изменить, ни силой, ни убеждением. Объяс-

нять захват Сахалина и Николаевска необходимо бороться с большевизмом нельзя, тем не менее протестует одна лишь Америка; между тем у последней руки связаны, т.к. у Америки вообще весьма натянутые отношения с Японией и, следовательно, ее дружеские заявления не ведут к последствиям, между тем как для военного конфликта не назрело ни время, ни обстоятельства. Америка отлично понимает, что она может вести активную дальневосточную политику лишь опираясь на сильную Россию. Вопрос, успеет ли Япония отрезать русских от моря и отодвинуть Россию за Байкал.

Что касается перевода Семенова в Харбин, то тут, думаю, имеется в виду парализовать деятельность тех, которые пытаются сохранить Восточно-Китайскую железную дорогу от захвата Японией путем международной опеки законных русских прав. Появление Семенова с большой палкой и длинным ружьем среди людей, апеллирующих лишь к законам, может иметь весьма желательные для японцев последствия. Захват же Восточно-Китайской железной дороги в связи с оккупацией Владивостока есть решительный успех в смысле отрезывания России от моря и господствования Японии на путях сибирского вывоза. Вот каково реальное положение; начинают ли русские сознавать, что японцы далеко не такие невинные их друзья, не знаю; кажется, начинают, хотя в Японии собралось много обломков сибирской государственности, старающихся убедить Японию, что в ее интересах не расчленять и не проглатывать Россию, а наоборот. Вероятно, я действительно заражен политическим эпикурейством; но действия людей, заявляющих японскому правительству, что вне Японии нет России спасения, для меня непонятны и отвратительны, хотя я в такой же мере психологически не могу понять, как можно было разговаривать с Пилсудским.

Я имею в руках прямые доказательства, что Япония требовала от Семенова, во исполнение якобы соглашения с правительством Колчака от сентября 1919 года, передачи всех рыболовных промыслов и считает Семенова лично ответственным за установление в будущем компенсации за услуги Японии. Все это до невероятности тяжело, но более всего поведение и психология наших соотечественников.

Чтобы закончить, хочу лишь отметить, что можно предвидеть положение, при котором мы будем поставлены в необходимость выбирать между Японией и Америкой и не только в военном смысле. Япония, ссылаясь на традиции союзов и соглашений, правильно будет настаивать на преимущественном своем положении и из каждого американского предприятия в Сибири и на Дальнем Востоке будет делать политический вопрос. Нам надо избежать подобной дилеммы, причем можно будет добиться этого лишь тем, что сил теперь, пока Россия существует только в теории, мы пере-

станем влачиться в хвосте всяких союзов*. Национальная мысль должна воспитываться сама и приучать мировое общественное мнение к тому положению, что будущая Россия не будет связана вообще никакими военными союзами и связывающими соглашениями. Это не значит намеренный разрыв с нынешними союзниками и искание новых.

В моем понимании там нет намерения быть политически изолированным и показывать всем оскаленные зубы. Мне кажется вот что: Россия должна преследовать общие интересы мира и устойчивости; с одинаковой дружбой относиться ко всем державам, намерения которых не воинственны и направлены в ту же сторону. Равная дружба со всеми, пока державы не наступят нам на мозоли; одинаковые права и преимущества для всех дружественных народов; ни к кому ни монополий, ни особых благоприятствий. Будьте уверены, что в будущем не мы будем искать союзов, а нас будут искать. Не будем же дешевить, волочиться в хвосте и вынимать каштаны из огня для других. Это политика достойного и миролюбивого величия, с которой все считаются и которую все уважают. Но чтобы это было возможным, нужно уже теперь перевоспитать себя и мировое мнение; иначе наше практическое поведение будет объяснено в будущем не как конкретное применение известных принципов, а как теория, нарочито придуманная для оправдания коварных и изменнических по отношению к союзникам действий. Представьте себе, насколько благоприятно будет положение России на Дальнем Востоке и в других местах, когда она вообще не будет позволять разговаривать кому бы то ни было о преимущественных правах и когда, скажем, и Америка и Япония должны будут заведомо пользоваться одинаковым положением. Хорошо было бы подумать об этом и на Западе. Не скрою, насколько неприятное впечатление вызывают все заявления, назойливо твердящие о «союзниках» и прочем. Союзников давно нет и нечего этот факт скрывать. Чем это яснее будет для Западной Европы, тем она более будет искать нашей дружбы и благоволения.

Ну вот, кажется, это все, что я Вам могу написать. Я много ездил за последние недели, знакомился с Западом⁸, был на конвенциях, намечающих кандидатов в президенты и проч. Сейчас несколько простужен, но в общем чувствую себя очень хорошо. Крайне жалею о Ваших болезнях и все же полагаю, что Вам следует приехать сюда, хотя бы на короткое время; отчего нет? Думаю, что успею до поездки в Нью-Йорк написать и Марии Алексеевне, которой страшно благодарен за все присланное. Пишу Струве и Гирсу и если Вы интересуетесь, почитайте письма, ибо там излагаются другие стороны здешней жизни.

Искренне Ваш Б.Бахметев.

* Так в тексте.

В.А.Маклаков — Б.А.Бахметеву

Париж, 6 сентября 1920 г.

Дорогой Борис Александрович,

Много раз собирался я Вам написать, но было некогда и главное, были частые вализы в Крым; наконец-то я до Вас добрался, хотя и то между делом, и хочу отвести душу.

Не могу начать письма, не выразивши Вам величайшего, чтобы не сказать высочайшего, удовольствия. Как только появилась американская декларация¹, я увидел в ней знакомые мысли и потому узнал знакомую руку². Ваше письмо с копией Вашего меморандума это подтвердило. Честь Вам и слава. Американская нота, с моей точки зрения, гораздо важнее и лучше, чем французское признание³. Я готов применить к Вам и себе слова Пушкина:

И Вашей славою и Вами
Как нянька старая горжусь.

Конечно, я учил Вас не этому, и результата моих уроков Вы мне не сообщаете. Но в жизни все тесно связано, особенно полоса успехов и неудач, и потому я Вас поздравляю и Вам завидую. Чтобы к этому больше не возвращаться, прибавлю, что я и лично от себя по Вашему совету послал благодарность Вашему стат-секретарю, за что получил телеграфный ответ, и подтолкнул к тому же наших кадет.

Мое положение было совершенно другое. Я в течение двух месяцев болел или, вернее, добаливал; меня оперировали в предстательной железе, чего я Вам не рекомендую испытывать. Все, что здесь произошло, включительно до признания Врангеля, произошло без меня и помимо меня; не заслуживаю за это ни похвал, ни упреков и потому могу судить об этом в достаточной степени объективно. Я узнал об этом, когда окончательно выздоравливал в Шамони; каюсь, что это известие мне не доставило радости. Я опасался бурного протеста англичан и отступления французов; это было бы нехорошо; более всего опасался того, что это признание фактического правительствa Юга России, представляя из себя простой жест, — при этом даже жест полемический, — как всякий жест имел свойство дразнить одних, обещать другим и ничего не давать. Отношение французского общественного мнения к этому шагу было более чем сдержанное, — не говорю о социалистах, которые требовали предания суду Мильерана. Но французы страшно боялись разрыва с Англией и вообще они мало верили Врангелю. Я узнал потом от Палеолога⁴, что Мильеран в момент подписания своего письма задумался; но потом, подобно Цезарю, произнес: жребий брошен⁵. А так как по характеру Мильерана,

раз он что-нибудь решил, он за это держится с большой настойчивостью и даже упрямством, то раз сделано заявление, он уже от этой политики не отступает; уехав после этого жеста в путешествие по опустошенным провинциям, он своему заместителю Палеологу дал одну красноречивую инструкцию: всеми мерами помогать Польше и Врангелю. Если бы после этого жеста Америка стала на сторону Англии, где уже давно сидит Италия, поляки бы потерпели неудачу, и Врангель тоже, то жест Мильерана мог бы стоить ему портфеля; спасла его американская декларация, а затем и окончательная польская победа; в меньшей мере, но в том же направлении действовали и успехи Врангеля. Все это создало такое ликование и гордость, когда я приехал сюда, что я вновь застал медовый месяц совместных франко-русских ликований и дружбы.

Все это наводит все-таки на некоторые тревожные размышления. Для меня совершенно ясно, что это ликование больше вызывается тем, что во Франции преуменьшают трудность положения. В Америке распускали клевету про Францию, судя по Вашим телеграммам; французы, действительно, стали помогать Врангелю, как они до сих пор никогда не помогали; Деникину помогала Англия. Никаких решительно покушений на наш золотой фонд они не делали⁶. Дипломатическую поддержку нам и в Румынии, и в Польше, и в Болгарии они оказывают полностью, и если бы Англия сейчас была бы только нейтральной и не противилась бы, например, передаче нам того оружия, которое находится в Болгарии, то помощь Врангелю была бы оказана очень действительная и своевременная. Но французское правительство, не говоря уже об общественном мнении, думает, что раз они все на нашей стороне и кое-чем нам помогли, раз Польша одержала победу, то, в сущности, почти все сделано и остается пожинать одни лавры; сначала, конечно, лавры чести и славы, а потом, вероятно, и более прозаические, вроде хлеба и сырья. Я припоминаю, что когда несколько времени тому назад я вместе со Струве был у Мильерана и говорил ему о планах Врангеля, в общих чертах тех самых, о которых я Вам писал в одном из моих писем с представлением записки, то Мильеран, прослушавши меня, сказал, что он бы предпочел, чтобы я ему этого не рассказывал; в этот момент он очень осторожно, даже сочувственным молчанием не хотел принимать на себя какой-нибудь ответственности за то, что будет делать Врангель. Он понимал тогда, какие трудности еще придется переносить и не хотел являться за эти трудности ответственным. Теперь общее настроение переменялось и, в сущности, трудностей почти не видят. После разгрома поляков Палеолог спрашивал меня, как отразится эта победа у большевиков и скоро ли они падут? Для него не было сомнения, что правительство, разбитое так, как разбиты большевики, по всем Божеским и нечеловеческим законам немедленно должно пасть. Он не сомневался также и в том, что Врангелю нечего опасаться заключения мира больше-

виков с Польшей, так как ни одного солдата из Польши не выйдет и все военные силы их уничтожены. Поэтому среди французского ликования мне ясно мерещилось, что если только большевики обнаружат ту живучесть, которую мы не раз у них констатировали, а если у Врангеля, со своей стороны, начнется полоса неудач, то настроение сразу перевернется; больше того, если мы будем требовать от них больше того, что они могут нам дать, а, конечно, то, что они могут нам дать, очень ограничено, если вместо сырья или хлеба мы будем от них же требовать золото, то это разочарование в них опять очень быстро переменит настроение. Словом, настроение здесь очень благоприятное, но очень хрупкое и нервное; это настроение французов перед Ватерлоо и перед Седаном⁷. Одной крупной неудачи достаточно, чтобы они утратили веру.

Но плохо не только это их настроение. Еще хуже, что там, в Крыму, думают совершенно обратное.

Слово «признание» имело такое магическое значение, что там кажется, что оно само собою предполагает целый ряд дальнейших шагов в том же направлении; не говорю уже об упорных настояниях, чтобы мы скорее добивались признания и со стороны других великих держав, мы получаем оттуда такого рода запросы: 1) Сообщите, какие юридические последствия может иметь это признание? 2) Просить, ввиду признания, передать остаток всех находящихся на кредите Русского государства сумм, в том числе, следовательно, и остаток по старым, дореволюционным суммам, правительству Врангеля. (Чтобы оценить эту просьбу, надо помнить, что мы до революции большевистской перерасходовали 1¹/₂ миллиарда из кредитов, отпускаемых нам французами, но эти 1¹/₂ миллиарда долга поставщикам им пришлось заплатить самим, поглотив для этого те несколько миллионов остатков, которые мы сейчас от них хотим истребовать.) 3) Самый интересный из поднятых ими вопросов — это объединение русско-польских войск в деле борьбы с большевиками под французское командование. Этот вопрос, очевидно, держите про себя; из него ничего не выйдет, но о нем не следует говорить. И когда я здесь наблюдаю, как трудно французам удержаться на их линии, т.е. оказывать явно поддержку Врангелю в то время, когда Англия толкает их на признание большевиков, посылать военную помощь Врангелю, когда у союзницы Франции, в ее столице, официально живут представители большевиков, когда, — повторяю я, — я вижу, как трудно им выдержать эту линию и сопоставляя, насколько она далека от того, что кажется совершенно ясным на Юге России, я все время жду какого-нибудь неприятного конфликта.

Теперь хочу Вам сказать, в частности, по поводу некоторых вопросов.

1. Первый вопрос польский. В то время, как с Юга телеграфируют о желательности организовать русско-польский фронт про-

тив большевиков, поставив его даже под французское командование, может быть, затем, чтобы придать этому характер борьбы всей цивилизации с большевизмом, а может быть, затем, чтобы постепенно затянуть в это дело одних французов, — в это самое время ко мне приезжает Грабский⁸, польский министр финансов, и говорит мне свое личное мнение, но совершенно категорическое, что поляки непременно с большевиками мир заключат, во-первых, потому что в этом смысле на них действуют все (не исключая французов) державы, а, во-вторых, потому, что соблазнить польский народ продолжением войны есть только один способ — развратить его угаром шовинизма, что было бы очень вредно для возможных совместных русско-польских действий. Грабский считает, что для проведения русско-польских границ можно было бы действительно воспользоваться 87 статьей мирного трактата⁹, которая дает права державам самим указать границы, на которые Польша уже заранее согласилась, но он думает, что, если только державам преподнести русско-польское соглашение о границах, т.е. соглашение с Врангелем, то державы возражать не будут и это примут. В общем, Грабский претендует не на многое, со своей точки зрения; поляки даже отказываются от Вильны; но они настаивают на Гродно и Брест-Литовске с Пинскими лесами. В этом смысле будут вестись переговоры, я еще не знаю, где и кем, но в этом именно смысле. Заметьте, что эти новые границы с уступкой русских земель нам предлагают не за участие в войне против большевиков, а просто затем, чтобы могли установиться русско-польские дружеские отношения. Очевидно, если бы Врангель стал настаивать на участии поляков в войне, то ему бы пришлось обещать нечто большее; я спрашиваю себя, если бы на этой почве состоялось действительно соглашение и это соглашение мы бы преподнесли союзникам, стали ли бы они отступать от усвоенного принципа этнографических границ, для того, чтобы заставить поляков продолжать войну? Я убежден, что ни Англия, ни Америка этого бы не захотели; но думаю, что и Франция этого не хочет и потому мысль, которая бы могла быть осуществлена при Деникине, мысль об объединении России с другими государствами под союзным командованием для успешной борьбы с большевиками, эта мысль в настоящее время, по-моему, не имеет никаких шансов на практическое осуществление и показывает, что там, в Крыму, несмотря на пребывание здесь Струве, плохо разбираются в европейской атмосфере. Но вопрос здесь осложняется еще одним входящим обстоятельством.

Как Вы, может быть, слышали, наш друг Борис Викторович [Савинков] в самом начале польско-большевистского столкновения еще по Киевскому направлению, на свой страх и риск, лично от себя, но получив некоторое моральное оправдание Струве, отправился в Варшаву формировать войска из находящихся там русских и вместе с ними участвовать против большевиков на стороне поляков. Струве, как представитель Врангеля, не противил-

ся этому, но и отнюдь к этому не присоединялся; было решено, что если все это кончится скандалом, то вся ответственность ляжет на Савинкова; Врангель же согласился только не протестовать, не запрещать и не обличать его. Так обстояло дело, когда Савинков, приехав в Варшаву, получил от Пилсудского монополию на организацию русских войск на польской территории, вооружение и деньги, с этим совпала полоса польских неудач. Многие друзья Савинкова в Париже злорадствовали, что он себя утопил. Но зато в Польше формирование войск русских русскими же в этот момент было таким утешением, что поскольку Савинков тонул в русском общественном мнении, склонном в минуту успеха большевиков разделить их славу, постольку же Савинков рос в польском общественном мнении и сделался там таким левым, каким он не был даже в Париже. Вот тут начались его бестактности. Вместо того, чтобы, пользуясь терпимостью Врангеля, вести это дело тихо и скромно, он послал Врангелю официальное сообщение о том, что он делает, причем неизвестно с какой целью вклеил в это сообщение фразу, что он Врангеля не признает, так как его программа ему неизвестна, но что противодействовать ему не будет. Если у меня сохранился лишний экземпляр этого письма, то я Вам его пришлю для осведомления. Врангель, обидевшись ли на эту фразу, или по соображениям стратегическим, или, — что было бы хуже, — по политическому предубеждению, отнесся ко всему этому очень отрицательно и потребовал, чтобы формирование русского войска в Польше было прекращено и все части отправлялись в Крым. Савинков сделал все, чтобы Врангеля от этого отговорить: посылал сам письма и телеграммы, просил заступничества у Вегана¹⁰, писал сюда Чайковскому, заставил Горлова¹¹ и военного агента в Варшаве от себя телеграфировать Врангелю, указывая на тяжелое впечатление, которое это распоряжение произведет на поляков. Но, не довольствуясь этим, он послал еще два письма к Черчиллю¹² и к Лефевру, французскому военному министру, прося их воздействовать на Врангеля, а наконец, по причине уже совершенно для меня непонятной, эти два письма в копии препроводить Врангелю. Врангель, очевидно, совершенно взбесился. В результате вышел резкий запрет продолжения формирований и письмо Струве на имя Гирса, где о Савинкове отзываются очень резко. Между тем теперь, когда в Польше появилось около полутораста тысяч русских пленных, из которых многие перешли бы охотно на сторону белых, становится осуществимой мысль о создании здесь нового фронта. А напротив того, когда поляки будут заключать мир, — если они будут его заключать, — то от условий их мира зависит, смогут ли быть эти силы использованы против Врангеля, вместе с Врангелем или останутся вполне нейтральными.

Предоставляю Вам теперь самому судить о том впечатлении, которое произведет на поляков ссора Врангеля и Савинкова, особенно в изображении и комментариях самого Савинкова, и если

Юг действительно думает продолжать войну вместе с поляками, хочет, чтобы поляки воевали, и в то же самое время вместо того, чтобы использовать Савинкова и его влияние на Пилсудского, делает этот шаг, мне доказывает, что там многое понимают не так, как оно есть.

Одним словом, чтобы покончить с Польшей, для меня несомненно, что по тем или иным причинам Польша выйдет из войны и мы останемся одни. Это можно было предвидеть и раньше. Вас, как противника соглашения с Польшей, это не должно огорчать, но здесь лично меня огорчает несоответствие цели с приемами. Можно было не хотеть союза с Польшей, и за это были свои основания; гораздо хуже, что мы его хотели и не сумели сделать так, чтобы его добиться. Впрочем, если смотреть на всю польскую историю *post factum*, то, я думаю, и Вы согласитесь, что она кончилась гораздо лучше, чем можно было этого ожидать; первоначальные победы большевиков сбили польскую спесь и, конечно, теперь гораздо легче покончить с ними на разумных границах, чем это было прежде. С другой стороны, победа Польши не дала морально укрепиться большевизму, не говоря уже о том, что не дала ему проникнуть через Польшу в Германию и заварить снова европейскую кашу. Некоторое время польско-большевистской войны дало возможность оправиться и Врангелю. Словом, все кончилось наилучшим образом; но это не может меня примирить с тем, что в самое последнее время мы сделали гаффы¹³; предложить русско-польский наступательный союз и получить в этом отказ, это значит скомпрометировать себя без всякой пользы.

Что теперь делается в Крыму? Мы это должны знать лучше, чем Вы, и все-таки же мне многое не ясно. Приезжающие оттуда люди иногда рассказывают восторженные вещи, но такие же рассказы мы слышали и от приезжавших от Деникина накануне его краха. Можно сказать одно, что как в письмах, так и в рассказах очень часто проводится параллель между временем Врангеля и Деникина и всегда в пользу Врангеля. Это говорят даже враги Врангеля или, по крайней мере, скептики. Во-первых, Врангель действительно занимается военным делом и все время проводит на фронте, и как нам говорят, армия его гораздо лучше, чем деникинская; я продиктовал эти слова, но невольно вспомнил, как я Вам то же самое писал про Деникина, т.е. про его армию. Затем, все отмечают гораздо больший порядок в тылу, по крайней мере, порядок внешний; большую требовательность Врангеля от властей, более упорную борьбу со всякого рода злоупотреблениями; взятками и т.п. Словом, вот эта внешняя, но немаловажная сторона, конечно, лучше. Врангель сумел гораздо практичнее подойти и к некоторым реформам; происходят выборы в земские учреждения, причем сообщая для Вашего сведения, что выборы не оправдали ожидания; ожидалось, что будут выбирать священников и местных помещиков, — выбирают богатых мужиков и третий элемент. Затем, аграрная реформа имеет успех. Мужик идет с день-

гами покупать землю и очень этим интересуется. Еще более новым духом повеяло в отношении к инородцам. Сейчас Врангель выписывает Маркотуна и Могилянського¹⁴, как представителей украинства, и там недалеко от того, чтобы сойтись и с остатками петлюровцев при условии исключения самого Петлюры, как человека слишком скомпрометированного, и отказа от сепаратизма. В отношении к другим мелким инородцам есть полная возможность сойтись, а слово федерация, которое, как мне объяснил в прошлом году лично Деникин, у них на Юге запрещено, — теперь повторяется повседневно; общий принцип, что отношение частей России будет установлено взаимным согласием. Не раз слышишь такие отзывы: если это все было бы в прошлом году, то победа была бы обеспечена. С Врангелем мы бы дошли до Москвы. Но то, что было возможно в прошлом году, становится труднее теперь; ни помощи никто не оказывает, кроме французов, которые тоже сделать могут не много, ни, наконец, самые условия, в которых придется действовать Врангелю, не напоминают прошлого года, когда за ними был весь Юг России. Больше всего это отражается на самом важном вопросе — экономическом. Когда я в прошлом году был в России, то за франк давали 200 рублей, теперь за франк дают 2600 рублей. Между тем, в прошлом году при желании можно было вывезти много сырья, в частности хлеба; много раз заходила об этом речь, но этому мешала либо рутина, либо недобросовестность. Бернацкий на предложение, которое ему было сделано отсюда, ответил только через три месяца, когда они уже потеряли часть Юга, и ответил отказом.

Сейчас я видел представителя фирмы Дрейфуса, который, вернувшись оттуда, очень восхваляет Врангеля, но все-таки замечает: вывозить с Юга не придется ничего. В то же самое время, хотя нам французы и помогают оружием, но эту помощь они могли бы легче оказывать, если бы могли войти в какие-нибудь договорные отношения, которые позволили бы сказать, что эти кредиты чем-либо обеспечены; а некоторые вещи, как уголь, мы должны уплачивать наличными, и вероятно, об этом Вы знаете из Заменовских телеграмм. В этих условиях собирается на Юге России то экономическое совещание, о котором я Вам телеграфировал¹⁵. Я спросил Вашего мнения лично для себя, так как мне случилось слышать от Вас не очень глупые советы, но на этот раз Вы мне ответили чепуху. Я вовсе не предполагал, конечно, чтобы в совещании русских специалистов по экономике участвовали французы или вообще иностранцы. Но я все-таки думал и думаю, что в условиях этого момента, когда Врангелю еще приходится вести войну, все мероприятия в области экономики непременно столкнутся с вопросом об использовании иностранного капитала и предприимчивости. С какого конца бы ни взяли, мы к этому непременно подойдем. Потому-то мне и хотелось, чтобы обсуждение этого вопроса шло там, где можно было бы иметь контакт с иностранцами не только, чтобы знать и видеть, что возможно и что

невозможно, но и предвирать факты, что было возможно. Как бы то ни было, совещание будет не здесь, а в Крыму. Едут туда очень многие, но выйдет ли какой-нибудь практический толк от этого совещания, установят ли они хотя бы ту линию, о которой Вы пишете, т.е. линию частной предприимчивости, — предвидеть очень трудно. Я думаю, что в этом отношении есть шанс на успех; зовут все-таки же людей деловых, финансистов и коммерсантов, которые очень* за государственное засилье в области экономики. Может быть, все заседание созывается для противовеса слишком военного разрешения вопросов, которое было около Деникина, но лично для меня представляется все-таки же, что все это или вообще слишком рано, или слишком поздно¹⁶. Настоящей помощи иностранцев, как, впрочем, прежде всего Вашей Америки, — не будет прежде, чем в России не установится порядок; ведь в России нет сейчас ни одной пяди земли, которую бы Врангель мог гарантировать как стоящую вне большевистской опасности. Поэтому в настоящее время капитал сюда не придет и не начнет устраивать экономической жизни; а, с другой стороны, экономическая разруха зашла так далеко, что продолжать жить прежними путями, т.е. печатая деньги, смотря, как сокращается площадь засевов, так как крестьянин не считает нужным своим хлебом торговать, продолжать жить этим путем, натягивая последние струны, уже невозможно. Так могут жить еще большевики, у которых в распоряжении есть и принудительный труд под угрозой расстрела, и отрицание денег, система карточек и т.д.; но жить в этих условиях, провозглашая свободу труда, собственности, совершенно невозможно. И потому я был бы очень рад, если бы Вы дали мне какой-нибудь ключ в ответ на эти вопросы.

Что делать Врангелю и тем подвижникам, которые около него хотят ввести порядок в русскую жизнь, пока большевизм еще дальше и дальше разоряет Россию, и пока около Врангеля все-таки же есть и корысть, и партийные ссоры, как здесь за границей есть спокойное выжидание, когда можно будет прийти на готовое место. Как помочь Врангелю в эту минуту? Можем ли мы по совести дать ему совет, который ему дала Англия, — бросить борьбу и уйти, а если нет, то как помогать ему бороться сейчас, когда в сущности он оставлен на одного себя и на истощенную Францию, — это вопрос, на который я был бы рад знать Ваш ответ.

Теперь, какая там политическая линия? Я уже писал Вам, что идут выборы в земство и проводится аграрный закон; наши здешние мудрецы нашли, что все это недостаточно, что земский избирательный закон недостаточно демократичен, ибо дает право голоса только тем, которые имеют какое-нибудь касательство к земле, а не всякому проживающему, и что аграрный закон тоже недостаточен. По отзывам приезжающих людей, это неверно. Но в общем тот основной вопрос, который больше всего занимает заграничных

* Пропуск в тексте.

политиков, не исключая и русских, т.е. есть ли это реакция, или нет, конечно, недостаточно ясен. Или вернее, для меня он совершенно ясен, но разрешается так: это демократическая политика, которую ведут люди совершенно не демократические ни по своему прошлому, ни по своим симпатиям, но умом понявшие ее необходимость. Оттого, с одной стороны, им не верят и всякую осторожность и медлительность в проведении реформ объясняют желанием изменить и оттянуть, а, с другой стороны, их прежние сторонники негодуют и их компрометируют. Эту атмосферу легко наблюдать здесь, нетрудно представить ее и там, около них. Наши здешние политики плохо осведомлены о том, что там делается, судят только по отрывочным письмам и рассказам, здесь занимают политическую хиромантикой. У каждого есть свои любимцы в зависимости от степени его левизны, и все сводится к тому, побуждает ли он или уходит. Мы каждый день узнаем про несколько министерских кризисов и отставке то Бернацкого, то Кривошеина¹⁷. Бернацкий сейчас самый левый из министров и потому фаворит князя Львова и Коновалова¹⁸ и их сторонников. Для этих же людей Кривошеин есть трагическая фигура, которая всех обойдет и надует; потому с особым интересом подбираются рассказы о том, будто Кривошеин скомпрометирован, что он был причастен к каким-то торговым обществам, спекулировавшим около Деникина, что он чуть ли не был выслан Деникиным и что его разоблачат перед Врангелем и т.д. Толки об этом, с ссылкой на достоверные источники, доходят и до французских сфер и являются одним из способов служить за границей русскому делу. Мне очень трудно сказать, есть ли какая-нибудь правда во всем том, что по этому поводу говорится. Я читал письмо известного Вам Долгополова¹⁹ к кн. Львову, в котором тот, отвечая на опасения Львова, что Кривошеин предаст демократию, читает ему резкую отповедь о том, что такая постановка вопроса свидетельствует, как далеко он ушел от жизни; это совсем не важно, — пишет Долгополов, — хочет ли предать Кривошеин демократию или не хочет, от этого ничего не изменится, сейчас русская жизнь по необходимости выливается в такие демократические формы, которые от нее не отдерешь. А вот что важно и что страшно, это то, что сама демократия, т.е. общество и народ в широком смысле, исподличались и развратились, и не желают и не умеют работать.

Конечно, это свидетельство человека очень честного и очень демократичного, который по горло сидит в деле, — он служит там в Американском Красном Кресте врачом, — гораздо страшнее, нежели все опасения, что спасет Россию Кривошеин, а не кадеты. Но когда посмотришь на то, чем живут здесь и что видят в Крыму, то все-таки нельзя не сознаться, что того, в чем Вы лично видите исход для России, т.е. возрождение национального движения, которое захватило бы массы, пока все-таки нет; на это в одном из Ваших писем Вы мне отвечали: надо ждать этого движения, а не надо его создавать: я еще хочу вернуться к этому вопро-

су в этом же письме, но сейчас скажу Вам, что время не работает на пользу этого движения: и если оно разрушает большевизм, то оно понемножку ослабляет то, что было хорошего в белом движении.

Я диктую Вам по маленьким кусочкам и за то время, что письмо валялось незаконченным, произошли новые факты. Вкратце Вам их резюмирую.

1. Состоялось примирение Врангеля и Савинкова. Сначала Савинков по настоянию Чайковского послал Врангелю телеграмму о том, что признает его; под влиянием ли этого или тех соображений, которые мы ему отсюда телеграфировали, но Врангель послал ему ответ, который Вам здесь прилагаю. Как видите, тон изменился, а требование в Крым тех войск, которые могут и хотят быть переведенными, открывает некоторый простор для местных формирований.

2. Центр военных действий перенесен с Кубани на запад к Днепру, экспедиции в Кубань ликвидированы²⁰. На это дают два объяснения. Первое официальное, — что победа поляков дала возможность более успешных действий именно на этом фронте и потому Врангель, сообразно с переменившимися обстоятельствами, перевел войска сюда. Это официальная версия; неофициальная, то есть слухи, говорят обратное; казаки, посланные Врангелем, т.е. те казаки, которые когда-то, под напором большевиков, переехали к Врангелю в Крым и были посланы на Кубань, чтобы поднять там восстание, эти казаки, придя на место, отправились по домам. Об этом ходят только слухи, и официально версию эту отрицаю. Где правда — сказать не могу.

3. Отношение поляков к продолжению войны остается неясным. Они все-таки говорят о мире, указывая на то, во-первых, что державы на них в этом направлении воздействуют, во-вторых, что и без этого они не могут воевать без финансовой помощи, которая им не оказывается, в-третьих, что нельзя воевать, не разрешивши с Врангелем политический вопрос, т.е., иначе говоря, вопрос о границах. Поэтому поляки, по крайней мере, правительство, возвращается к прежней мысли о том, что нужно не разрешать окончательно спор о границах сейчас, в момент военных действий, а только указать способ его разрешения, т.е. способ мирного разрешения, и если Врангель бы согласился условиться с поляками, что по восстановлении России границы в известных пределах будут указаны либо плебисцитом этих местностей, либо арбитражем, — то поляки воевать бы могли, так как они понимают, что с большевизмом нужно окончательно кончить.

4. За последнее время все больше выяснялась незначительность той помощи, которую нам оказывает и может оказать Франция. Правительство распорядилось давать все из их военных запасов, что превышает ту норму, которую по закону они должны иметь наготове для себя. Но эти излишки не слишком велики, а главное — состоят из вещей, нам не нужных. То, что нам нужно,

преимущественно ружья, все в пределах их нормы; давши что-нибудь из этой нормы, по закону нельзя немедленно этого не пополнить. Военный министр поэтому не решается подчиниться здесь распоряжениям Фоша и говорит, что он исполнит только, если ему выдадут кредиты на его пополнение. А для кредитов нужно согласие министра финансов; а для министра финансов нужно согласие парламента, — и потому мы стоим здесь перед стеной. Во всех же тех случаях, где по той или другой причине мы могли бы получить ружья без этой процедуры, т.е. где есть наши ружья, будь то у румын, будь то у болгар или даже в самой Англии, нами уплаченные, мы встречаемся с определенным и злым противодействием Англии, ружей нам не дают, и Врангелю вооружать своих солдат нечем. Сюда приехал Бах и рассказывал очень интересные вещи, вдобавок в Ваше прославление. Но он же сообщил мне, что Америка становится сейчас на путь активной помощи России в экономическом отношении; об этом нам уже телеграфировали и с Юга, что такое предложение сделано. Мне пришла в голову несколько суммарная мысль, что было бы желательно привлечь американских представителей к нашим беседам с французами об оказании нам помощи, т.е. чтобы, говоря русским языком, координировать наши действия. Французы за эту идею очень схватились; я буду говорить сегодня с американским послом. Во что это выльется — предвидеть трудно, но помимо всех прочих соображений я считал бы колоссально важным, чтобы французы не чувствовали себя одними и чтобы американцы иногда видели не только необходимость помощи нам, но и ту форму, в которой мы ее просим, т.е. помощь оружием. Комбинация экономической помощи нам со стороны американцев могла бы, быть может, различными манипуляциями облегчить французам помощь нам ружьями.

Теперь, если из всего этого ничего не выйдет, тем более, что время все идет, и если год кончится тем, что Врангель останется в Крыму, а при перекидывании на его фронт всех большевистских сил, может быть, даже в Крыму в узком смысле слова, т.е. за Перекопом, то все это дело окажется мертворожденным; тогда этот уголок останется простым символом, местом убежища некоторых русских интеллигентов, но возрождение России все-таки же нужно будет ожидать уже вне его непосредственной деятельности, т.е. от тех процессов, которые разовьются в большевизме. Мы здесь, в сущности, и подходим к самому интересному вопросу о том, что делается в большевизме. Нужно ли нам ставить ставку на его эволюцию или на его разложение. Вы знаете, что здесь был момент, когда все очень рассчитывали на эволюцию. Красин представлялся типом большевика, который не мог не понимать его бессмыслицы и который, опираясь на помощь заграницы, мог бы постепенно переводить большевизм на другие рельсы. Во всяком случае, предполагалось, что все те люди, которые служили боль-

шевизму поневоле, раскроют здесь свои карты и научат нас, какие нажимать кнопки, чтобы помочь умеренному течению большевизма побороть неумеренное. На свидание с Красиным поехало много людей, уверенных в том, что они не только там сделают дела, но и перевернут большевизм в разумную сторону. На первом плане таким был, конечно, Путилов. Они вернулись в полном разочаровании. Никто с ними откровенно не разговаривал, и даже, если разговор состоялся, как у Путилова с Красиным, то Красин, по видимому, понимал, что в его положении нельзя совершать неосторожности. Другие же так и не добились свидания и их лучшие приятели им в этих свиданиях отказывали под разными предлогами. Правда, доходили слухи об излияниях, будто бы сделанных теми же лицами в минуту откровенности тому или другому своему знакомому, причем все эти излияния сводились к тому, что большевизм погибает, но справедливость требует указать, что подобного рода разговоры только слухи, и я не видел ни одного человека, который бы это слышал от Красина. Напротив, все те люди, которые их видели и которые предлагали им дела серьезные, вернулись совершенно разочарованные: никакого отступления от коммунистических начал не предполагается. Предложение Путилова взять себе целый ряд предприятий, заставить их работать на пользу большевизма при условии только, чтобы они могли работать на прежних началах, т.е. без коммунизма, встретило отказ. Это невозможно: Красин указывал как на причину, что десятки тысяч коммунистов занимают посты около этих производств, которые они не согласятся оставить. Могла бы идти еще речь о предоставлении новых концессий с предоставлением в этих новых предприятиях не устанавливать коммунистических порядков, но такое позволение сводилось к приглашению под честное слово затратить много миллионов на оборудование нового дела и ненадежность этого была слишком очевидна.

Таким образом, все, к чему могли свестись коммерческие отношения с советской Россией, было не более того, как принятие участия в дальнейшем ограблении России, ссужая ее товаром за ворованное добро. Совершенно также осталось бесспорно, что коммунисты не покинули своей надежды и на возбуждение мировой революции; события в Англии и Италии как будто бы подкрепляют эти надежды, а уязвимость Англии на восток, в частности, в Персии и Индии, эту надежду еще укрепляет. Самыми консервативными странами остаются Америка и Франция, но Америка далека, а Франция одна едва ли устоит и вот почему по тому тону, который держали большевики, видно, что они считают свое положение гораздо более прочным, чем оно было в том смысле, в котором они всего больше интересовались, т.е. в смысле переброски большевизма в другие страны. Если Вы наблюдаете события в Италии, то Вы согласитесь, что, конечно, они имеют все внешнее право торжествовать. Опубликованные ими условия III Интерна-

ционала тоже вовсе не имеют вид лица, которое признает свои ошибки²¹, а инцидент депутата Лафона²², которого Вы, конечно, хорошо помните по Парижу как ярого защитника большевиков, показывает, что во французских социалистах они не нуждаются. Посылаю Вам письмо самого Лафона, так как, к моему изумлению, Бах о нем ничего не слышал. Итак, первое предположение, что можно рассчитывать на эволюцию большевизма, падает; рассчитывает ли на нее Ллойд Джордж? Этим ли объясняется его политика, которая срывает все попытки бороться с большевизмом — судить я не берусь. Но процветает ли большевизм внутри, не началось ли его разрушение? Тот высокий тон, который держат большевики с Европой, конечно, может быть вовсе не сознанием своей силы, а простым маневром; не было бы ничего удивительного, если бы большевизм вообще был сильнее там, где его не видели, чем там, где его испытали. С этой точки зрения, отделавшись от всякого пристрастия, я думаю, что большевизму действительно плохо. Походящим из России сведениям, там громадный недосев, громадный неурожай, полоса пожаров и т.п. Всякое правительство, которое бы опиралось на сочувствие и доверие страны, конечно, этого не выдержало бы. Но думать, что это непременно приведет к краху большевизма при той деморализации и депрессии русского общества, о которой единогласно свидетельствуют все данные, значило бы быть слишком поспешным в выводах. Голод на этот раз коснется не только городов, но и деревень целых губерний, у которых нет хлеба и которые кормить не будет никто. Россия будет вымирать от голода и болезней, но для того, чтобы кормить коммунистические центры или тех, на которых опирается большевистская власть в России, может быть, зерно и найдется. Возможно, конечно, что мы сами будем смеяться над этой новой верой в непобедимость большевизма, но возможно, что он подарит нас еще сюрпризами и проживет эту зиму.

Конечно, в таких условиях он не мог бы вести наступательных войн на все фронты, как это делал в прошлом году; но он может со всей яростью голодного желудка захватить и ограбить те области, где есть хлеб и силы Врангеля, конечно, ничего против этого не сделают. Вот почему, если только не будет того чуда, в которое мы больше не верим, т.е. если державы не поймут, что наступил момент, когда сравнительно без особенно больших жертв, но с очагом большевизма в России можно покончить, и не согласятся принести те жертвы, которые их сейчас пугают, но которые покажутся ничтожными в сравнении с теми, которые придется принести, если большевизм перекинется в Европу, — то возрождение России пойдет теми таинственными путями, которые мы сейчас не можем предсказать, так как они относятся в область веры в таинственные силы страны и народа, как в случаях почти безнадежной болезни врачи рассчитывают на силу организма. Это фраза, кото-

рая ничего не объясняет, но которая часто оказывается совершенно справедливой.

№ 23

В.А.Маклаков — Б.А.Бахметеву

Париж, 21 октября 1920 года

Дорогой Борис Александрович,

Я и без Вашей телеграммы собирался Вам написать, но первое время после приезда все время мое расхватывали на всякие нужные и ненужные вещи и я откладывал это писание со дня на день; и сейчас пишу Вам между делом и предвижу, что оно затянется надолго и заранее извиняюсь за некоторую бессвязность и длинноту.

Перехожу прямо к делу. Я вернулся из Крыма¹ с очень сложным впечатлением, во всяком случае не похожим на прошлогоднее впечатление от Деникина. Характерной чертой прошлого года было полное несоответствие между моими поверхностными впечатлениями и настроениями людей, с которыми я там на месте беседовал; там были спокойны и оптимистичны, мне же казалось, что они сошли с ума. Там обижались, если я выражал сомнение, что они будут в Москве к январю, мне же казалось, что все там накануне катастрофы. Правда, я хранил смутную веру в то, что у них превосходная армия, но эту веру я мог питать только оттого, что сам этой армии не видел. Теперь все как раз наоборот: я ехал туда без всякого оптимизма; напротив, меня провожали напутствия политических единомышленников, которые предсказывали, что Врангель опять уже попал в колею Деникина и разделит его участь; там на месте, среди наших единомышленников, я тоже встретил много малодушия в отличие от прошлогоднего оптимизма. И в то же самое время я пессимизма не вынес; я очень ясно вижу трудности, которые громадны; но потому-то я и не вынес пессимизма, что я ясно вижу, как, в отличие от прошлого года, все деятели в Крыму превосходно понимают эти трудности и по мере сил с ними борются; впервые мы и они говорим на одинаковом языке. Если даже мы, может быть, и не всегда согласны, то язык у нас все-таки один, и если даже мы не согласимся, то понять друг друга можем. Такого кошмара, который я испытал в Ростове на кадетском заседании, у меня уже нет.

Прежде всего необходимо сказать несколько слов о личности тамошних деятелей; для такой маленькой территории они имеют свое значение.

Врангеля я раньше не знал; это человек очень колоритный и живая противоположность Деникина. Врангель представляет любопытный тип человека, который делает совершенно новое дело, работает совершенно новыми для себя приемами и еще не успел в

этом новом деле ни усомниться, ни разочароваться. Я не буду говорить о нем как о военном, слышал от всех, что здесь у него значительные дарования и глазомер, быстрота и натиск, большое воображение со столь же большой осторожностью, смелость и решительность, и легендарная осторожность. Вот те своеобразные качества, которые внушают к нему большое доверие. Он настоящий военный, любит военное дело и, в сущности, конечно, предпочел бы заниматься только им. Судьба заставила его быть политиком, и в этой новой для него роли политического деятеля во время революции он сумел довольно быстро разобраться и найти подходящий курс; он нашел его, вероятно, также отчасти интуитивным путем, отчасти тем применением здравого смысла, в котором Наполеон видел весь смысл военного гения. Он оценил имеющиеся в его распоряжении средства, наличные возможности и, оставляя в стороне всякие симпатии и антипатии, сознательно и без всякого зубовного скрежета, не насилуя себя и не притворяясь, пользуется всеми средствами для достижения поставленной им цели. Как военному приходится пользоваться и солдатами, и шпионами, и народными восстаниями, и ядовитыми газами, всем, всем, что может ему помочь, так и Врангель в своей политической задаче также спокойно пользуется всем тем, что может оказаться полезным для главной цели: избавить Россию от большевизма. В этом отношении спор может быть с ним только об одном — о вопросе факта, что может быть полезно и что вредно, никогда о вопросах симпатии. Конечно, даже в суждениях о факте людям свойственно руководствоваться известного рода предрассудками: одни думают, что демократия всегда всякое дело погубит, другие — что вне ее нет спасения.

Преимущества или недостатки Врангеля, что у него нет этих недостатков; всем своим прошлым и всеми своими связями он принадлежит к той среде, которая провалилась; он хорошо понимает этот провал, и как провал, и лиц, и системы. У него нет ни малейшей мысли о возможности восстановить прошлое и никакого желания это делать. Как человек, работавший все время, а не злобствовавший из-за границы, не выжидающий событий, а действующий, он всем своим существом оценил бездарную претенциозность своих бывших единомышленников. Он разорвал с ними и, вероятно, глубоко их презирает, кроме тех отдельных людей, которых лично знает или для которых мы всегда в нашей оценке делаем исключение. Но, с другой стороны, у него нет никаких предрассудков и в обратном направлении, он не имеет фанатической веры в Милюкова и допускает, что кадетам свойственно иногда ошибаться. Более того, наблюдая все то, что произошло, и деятельность кадетов около Деникина, у него есть известное недоверие и к ним, т.е. к так называемым либеральным партиям; у них есть то преимущество перед правыми, что они все-таки желают что-то делать, думали о России, а не только о себе, но в душе он ясно сознает, что политической дальновидности они не проявили.

Оттого-то он во всем государственном деле полагается на здравый смысл. Совершенно искренне готов использовать всякого — буквально всякого, кто ему покажется полезным и на том месте, которое он считает для него подходящим. Наблюдая его очень часто в течение той короткой недели, что я там жил, я скажу, что я редко встречал человека, до такой степени отделившегося от всяких политических предрассудков, так внимательно вслушивающегося во все то, где ему кажется ключ к разрешению интересующего его вопроса; что сейчас нужно сделать для победы над большевиками. Мне иногда было забавно представить его на наших политических совещаниях, спорящего с Сазоновым. Когда я подумаю, сколько труда нам [надо] было, чтобы заставить принять наше постановление 9-го марта², примирить с идеей федерализма, то меня невольно поражает та легкость, с которой Врангель был бы готов, если нужно, признать сейчас независимость любой национальности, войти в соглашение с Петлюрой и Махно³, прислать своим представителем в Варшаву Савинкова⁴ и, как я сам был свидетелем, предложить на место управляющего прессой еврея Пасманика⁵. Все это он делает без малейшего усилия над собой, с той простотой, с которой действуют убежденные люди. А у него это не столько убеждение, сколько военная привычка использовать сразу все возможности. Но, будучи сам вне предрассудков и предвзятых точек зрения, готовый когда угодно их изменить, если обстоятельства это подскажут, не стесняющийся встать в противоречия с самим собой, отлично усвоивший свое новое положение как революционного вождя, Врангель отдает себе ясный отчет в настроении той среды, среди которой ему приходится действовать и в Крыму, и за границей; та основная политическая трудность, среди которой идет деятельность Врангеля, необходимость совмещать требования Запада и требования самой России или, по крайней мере, той ее части, на которую он опирается, — войско, для него совершенно ясна. Он никогда не повторит, как Драгомиров или Деникин, что мы не смеем ему давать советы, так как мы не понимаем России, или что Россия не нуждается в Западе.

Трудная проблема совмещения несовместимого для него совершенно ясна, и он не будет ни проклинать за границы за то, что она не понимает России, когда она идет путем, ему нежелательным. Он старается найти равнодействующие, но строго различая, что предназначено для внутреннего и что предназначено для внешнего употребления, как он говорит, а то, когда возможно, желая убеждать и влиять. Словом, в отличие от прошлогоднего самодовольства Деникина и прославления кадетов Врангель понимает проблему, жадно выслушивает всякое указание, может пойти всяким путем и, если его задача ему не удастся, то он будет несравненно менее виноват, чем многие другие.

Вторым лицом в Крыму является Кривошеин, я не знаю, знакомы ли Вы с ним и имеете ли об нем представление; это тип,

конечно, менее интересный и менее красочный, чем Врангель. Но это все-таки тип. Это хороший образчик того, что в политике называют *gallie*⁶. Как и Врангель, он хорошо понял необходимость иной политики и иного курса, но если Врангель разорвал с прошлым без всякого сожаления, то Кривошеин, в сущности, с ним даже не разорвал. Он принес с собою много разочарований, но зато и много принципиального недоверия; он просто понял, что то, что ему хотелось видеть в России, сейчас неприменимо; этот Кривошеин — прекрасный представитель новой формулы: левая политика правыми руками. В нем все достоинства и недостатки этой формулы: хорошая техническая подготовка, административный опыт, но зато и некоторая сдержанность в осуществлении новых программ. Как когда-то говорил Столыпин — вперед на легком тормозе. В этом отношении очень характерна его позиция в аграрном вопросе. Врангель с увлечением проводит аграрную реформу: говорю это без преувеличения, — с увлечением и без задней мысли. Для него это *point d'honneur*⁷; это требование армии; это оружие, которым он привлек к себе по крайней мере на первое время крестьян. Кривошеин проводит эту реформу без всякого увлечения и этого не скрывает. Он говорил мне: я всегда считал подобную реформу вредной для России; она понизит производительность сельского хозяйства, главного источника нашего богатства. Но сейчас она стала необходима и экономически, и политически; экономически, так как теперь нет возможностей, чтобы вести большое хозяйство, а политически, так как это есть орудие в борьбе с большевизмом. И раз он это понял, то уже он тут не лукавит. Он эту реформу проводит честно и не саботируя. Но, конечно, тот факт, что он стоит во главе этой реформы, сопоставление его прежних заявлений, подрывает доверие к нему; малейшее замедление, малейшая неудача будут поставлены ему в вину как желание саботажа. Это уже не вина Кривошеина, это свойство его положения, это оборотная сторона медали в левой политике правыми руками. Лично у Кривошеина есть и другие минусы; при самых лучших намерениях он приносит с собою все-таки слишком много политических предрассудков; он не всегда достаточно ясно понимает неприемлемость некоторых старых имен, не всегда, может быть, понимает и их внутреннюю негодность, наконец, совершенно естественно ищет сотрудников среди своих старых сотрудников и, с другой стороны, на новых людей он также часто смотрит старыми глазами; он хорошо понимает, что это неправильно и в каждом данном случае, если ему докажут противное, готов от своей оценки отказаться. Но в отличие от Врангеля, у которого нет предрассудков, но который требует какого-либо доказательства, чтобы остановиться на том или ином лице, доказательства его пригодности, у Кривошеина в отношении к людям есть две мерки; для людей одного типа доказательство возлагается на критиков, а для других доказательство требуется от истцов, от сторонников.

Это уже не свойство его положения, а свойство личности. Это та черта, которая делает, что в ряде случаев, без всякой злой воли, он может сделать гаффы⁸, производящие непоправимые последствия. Но зато Кривошеин лучше, чем кто бы то ни было, усвоил основное противоречие между идеологией Запада и России. Одним словом, и у Кривошеина не может быть таких ответов, какие нам давал Деникин. Но, конечно, нужно сознаться, что брак Кривошеина с левой программой не брак по страсти или склонности, а брак по расчету. Кривошеин и не притворяется, что это иначе; поэтому вся его правительственная программа формулируется им исключительно как программа деловая, компромиссная, как программа частичного соблазна. Нынче он успокоит крестьян, завтра сделает что-нибудь для горожан, рабочих, чиновников и т.п. Это политика чуткого и разумного доктора, который дает лекарство по мере обнаружения симптомов болезни. Но он поджидает этих симптомов и смотрит на них, как на болезнь; в нем нет упрямства и самодовольства Деникина, но в нем нет той программы реформ, которая идет вперед, предупреждая симптомы и устраивая все здание на новых началах. У него, говоря истинным русским языком, сейчас не осталось никакой идеологии; сказать, что он явился создать новую Россию, провести, как это принято теперь говорить, — программу февральской революции в пику октябрьской, сказать это ему помешает добросовестность; он никогда не рассматривал февральскую революцию как благо, и под революционное знамя он не встанет, но совершенно так же он не развернет никакого из старых знамен, не только монархического или иной реставрации, но даже деникинского знамени Единой, нераздельной России. В отношении этого национального единства Кривошеин в отличие от Сазонова тоже охотно идет на большие уступки; мне кажется, в нем здесь говорят несколько иные мотивы, чем у Врангеля; у Врангеля несокрушимая вера в то, что как только большевизм будет сломлен, Россия немедленно воссоединится; а что русскому национальному самолюбию нисколько не обидно стать на позицию самоуправления национальностей. У Кривошеина иная идеология. Он и в вопросе о национальностях готов уступить так же, как он уступает в вопросе аграрном, уступить поневоле, без радости и воодушевления, но потому, что нет иного выхода, и он не виноват в том, что случилось. Потому-то Кривошеин сейчас не политическая программа, а исполнитель, техник, ремонтер. Идеологии нет у него, как ее вообще нет у Врангеля, и если скептики, подкапываясь под Врангеля, упрекают его в реставрационных замыслах, то они, глубоко ошибаясь по существу, правы в одном, что если бы это было нужно, если бы Врангель на минуту мог поверить в силу реставрационных элементов, то он бы не поколебался это сделать.

И вот, чтобы не возвращаться к этому впоследствии, я Вам скажу, что в среде либеральных интеллигентов Крыма, оставшихся поневоле не у дел, в мою бытность там была мысль создать по

образцу Керенского Предпарламент⁹, предбанник, как его называли, исключительно затем, чтобы где-то такое систематически раздавалось слово для одобрения, разъяснения и т.д., к которой я отношусь не враждебно, но скептически и на которую указываю только, как на симптом.

Но довольно говорить о лицах, буду говорить сейчас о политике, и вообще о положении Крыма.

Здесь прежде всего полезно идти путем сравнений; можно вообще сказать, что Врангель во всех отношениях идет путем, противоположным деникинскому. Во-первых, его военный план — в противоположность Деникину он твердо решил на Москву не идти. Он занял известную линию от Днепра до Азовского моря, часть Северной Таврии, достаточную, чтобы прокормить все население, из-за нее не выходит; на случай неудачи он впервые укрепил Перекоп и настолько сильно, что его можно считать неприступным. Свез в Крым большие запасы провианта и может там отсиживаться. Занимаемую им линию от Днепра до Азовского моря он занял настолько прочно, что рассчитывает, что какие бы силы на него ни были направлены, он этот фронт своими войсками способен удерживать. Потому его военные действия не идут дальше того, чтобы время от времени из этой своей области делать вылазки. Его цель, говоря военным языком, — уничтожить живую силу противника. Он это до сих пор и делает. Как только узнает, что где-то собрались войска, он идет против них, наносит им удар и затем возвращается, взяв много пленных и забрав все те материалы, которые можно забрать. В этом отношении он очень осторожен и ни под каким видом не хочет рисковать быть отрезанным или завлеченным в предприятие, которое бы ему слишком дорого стоило. Он не раз мне говорил, что если бы нужно было, то он через неделю или через две недели может занять Одессу и Харьков, но не делает этого только потому, что удержать их был бы не в состоянии. Даже когда перед моим отъездом из Севастополя в связи с разговором о необходимости получения кредита кто-то указал, что легкость получения кредита зависит от военной удачи, он совершенно серьезно мне сказал, что, хотя подчинять стратегию политике есть ошибка, но что если бы в виде исключения оказалось нужным произвести в известный момент какое-нибудь впечатление, одержать эффектную победу, то мне только нужно дать ему условную телеграмму; он тотчас займет Одессу или Харьков. С другой стороны, когда ему сообщили, что Кубань готова к восстанию и что нужно только бросить туда кристаллы, как в насыщенный раствор, он эту экспедицию сделал, произвел на Кубань десант, но как только заметил, что готовность Кубани к восстанию преувеличена и что он встречает больше сопротивления, чем он предполагал, благодаря ряду случайностей и ошибок, в которых он не виноват, то он тотчас же, не желая ввязываться в длинную борьбу, отступил от Кубани.

Эта его стратегия, избавляя его от возможной катастрофы, имеет свою выгодную сторону. Во-первых, моральную; всякое там отступление сейчас же толкуется в большевистской прессе как знаменательная победа и отголоски этого появляются и в европейской печати; так, например, за два дня до моего отъезда из Севастополя была получена телеграмма о занятии Мариуполя. Врангель хотел об этом вовсе не опубликовывать, так как по стратегическим соображениям не считал возможным остаться там более 2—3 дней. Тем не менее оказалось возможным задержаться дольше, занимаясь в то же время [очисткой] всех мариупольских складов, и известие попало в газеты. Ровно через неделю после моего приезда в Париже появилось известие об оставлении Врангелем Мариуполя; здесь начались волнения, что Врангель побежден, потерпел крупную неудачу. На самом деле, как Вы видите, это была удача и очень крупная, ибо он оставался там больше двух недель. Но впечатление на некоторое время сохранялось. Во-вторых, другое неудобство — материальное. Хотя все эти столкновения с уничтожением живой силы и клонятся к выгоде Врангеля, ибо потери противника бесконечно больше, но все-таки же это изнашивает его силы, а главное, подвергает мирное население тех местностей, откуда он отступает, всем ужасам террора. Все это, конечно, большие неудобства, но выхода из них нет; поход на Москву потребовал бы тех расходов, которых у него нет. Его система войны предполагает некоторые процессы в самой большевизии; он предполагает ослабление центральной власти большевиков, результатом которого получится то состояние, при котором может быть и с теми небольшими силами, которые есть у Врангеля, можно будет, если не начать поход на Москву, то водворение в близлежащих местностях, казачьих областях, Кавказе и т.д. Это возвращает нас к тому общему плану кампании, о котором я Вам писал, и ставил еще вопрос о том, есть ли признаки разложения в большевизии; об этом я напишу Вам особо.

Теперь, во-2-х. С того момента, когда Врангель отказался от похода на Москву, конечно, на очередь ставится вопрос о прочной организации тыла, о внутренней политике и о создании внутреннего управления. Это вторая забота Врангеля, которой у Деникина, в сущности, не было. Именно в этой области и сказываются как, с одной стороны, трудности, так, с другой, и государственные интересы. Посылаю Вам брошюры, в которых сущность и той и другой изложены. Хочу тут же Вам указать и на ту критику, которую это встречает; критика против аграрной реформы идет главным образом в том направлении, что она происходит слишком медленно, что ее саботируют люди, которым она поручена. Для этого пользуются именно Кривошеиным и Глинкой¹⁰. По моему убеждению, основанному на разнообразной проверке этого обвинения, это все неправда. Кривошеин с реформой помирился, а Глинка ею совершенно увлечен; но замечу Вам, что тот, кто хотел бы саботировать эту реформу, рисковал бы, как только это обна-

ружится, вызвать на себя такой гнев Врангеля, который небезопасен. А медленность реформы объясняется не только техническими условиями — сейчас трудно найти землемеров, планы, документы, — и близостью военных действий (все-таки факт, что в одно из заседаний земельного совета попал большевистский снаряд), но и тем еще, что вся техническая, практическая сторона дела переложена на земельные советы. Это был очень умный шаг. Благодаря этому разговоры о саботаже действительно до такой степени явно клеветнические, что на местах им никто не верит; с другой стороны, население мало-помалу захватывается комплексом тех практических вопросов, которые сами по себе всегда лучшая защита против предвзятых обвинений, но зато и оборотная сторона медали, что работа идет медленно. Эта почва и не так важна; медленность — упрек, которым пользуются враги Врангеля перед границей, там же, на месте, никто их в медленности не упрекает, а напротив того, благодаря публичности работы земельных комитетов, всем ясно видно, что, несмотря на медленность, реформа все-таки совершается, поэтому с этой стороны я считаю, что дело благополучно. Конечно, если думать, что реформа непременно должна была состоять в том, чтобы передать землю даром, то она многих не удовлетворит, но опять-таки, на местах никто на это не претендует. Сами земельные комитеты, которые отдают землю одному, отказывая другому, были бы поставлены в бесконечно более трудное положение, если бы земли раздавались даром; тогда сейчас нашлись бы охотники, и развелась бы спекуляция. А так как в этой реформе вознаграждение помещиков поставлено совершенно вне связи с разделением земли и отнесено комитетом в будущее, причем даже сами основания этого вознаграждения не выработаны, то пока создается даже как будто бы иллюзия, что никакого вознаграждения нет.

Все это делает реформу в общем приемлемой. Несколько сложнее вопрос о земском самоуправлении. Основная черта этой реформы — создание мелкой земельной единицы, волости; над волостью стоит уезд. Что касается губернии, то губернское земство как общей формы не предполагалось. В этом многие сейчас же и усмотрели продолжение политики Плеве¹¹, травлю земства и т. д. В этом обвинении тоже, наряду с недоразумениями, есть простая и злостная ложь, ларчик открывается очень просто — говорить о губернском земстве там, где у Врангеля есть в распоряжении только одна целая губерния — это ставить себя в смешное положение. Потому они, может быть, поступили правильно, когда предоставили уездам соединиться в одну крупную единицу по своему усмотрению на тех началах, на которых они захотят. Слабая часть этого закона — это неудачный избирательный закон. Вы увидите из него, что, в сущности, весь третий элемент, интеллигенция, от выборов устранена; закон очень демократический, но интеллигенцию обижает. На мои указания в этом направлении Кривошеин признал, что закон действительно редактирован не-

удачно; они хотели бороться против того засилья военных гарнизонов, которое было при Львове и Керенском, против предоставления права голоса совершенно пришлым людям, поэтому они потребовали какую-нибудь связь с землей, будь то в виду собственность, аренда или торговля. Интеллигенция оказалась исключенной, что в их планы не входило. Я не сумею сказать, объясняется ли это простым неискusstвом редакции или саботажем, так как может быть и то, и другое, но, во всяком случае, этот факт налицо; сам по себе он менее важен, чем может показаться, но повод к нареканиям дает; но так как по этому закону уже были составлены списки, то менять его наспех не захотели. Вот две главные реформы Врангеля: аграрная и административная. В остальном он мало-помалу хотел приблизиться к обыкновенному порядку. Это менее интересно, но чтобы ни о чем не умалчивать, упомяну здесь о произведем целую сенсацию назначении Климовича¹² заведующим полицией. У Деникина шпионаж и контрразведка были привилегией всякого отдельного ведомства; разведка была и при военных и при морских ведомствах, и даже при Осваге¹³, чтобы не говорить о Министерстве внутренних дел. Все это дело объединено и поставлено под власть одного заведующего полицией и внешней, и внутренней. На эту должность, к ужасу Запада, был назначен Климович.

С той добросовестностью, которой отличается всякая полемика, здесь распустили слух, что это вовсе не полицейская должность, а непосредственного помощника Кривошеина, т.е. его политического вдохновителя; это, конечно, ложь, речь шла только о назначении техника, профессионала и, как говорит Кривошеин, нужно было выбирать: либо признать, что Россия пришла в то состояние, когда можно управлять ею на нормальных началах, т.е. без сыска, без административного произвола, так, как она управлялась при Львове и Керенском; если же такое управление в момент гражданской войны признается невозможным, то на должность заведующего разведкой, конечно, приходилось ставить не профессора, не либерала, а полицейскую собаку. Из всех пород собак этой породы Климович казался еще наилучшей; я, например, могу удостоверить, что в свою бытность городским головой Челноков¹⁴ не один раз отзывался мне о Климовиче с большой похвалой. Он наш враг, говорил он, но дельный, энергичный, не беруший взятку, вполне лояльный по отношению к своим политическим противникам. Все это говорилось очень давно, и запало мне в голову только как западают иногда разные мелочи, но сейчас это было нелишне вспомнить. То же самое мне говорили и в Севастополе. Но, конечно, здесь, в Париже, Климович выставляется уже как вполне отъявленный мерзавец; но только вот в чем беда — на мою просьбу к его критикам назвать какое-нибудь другое подходящее имя, Чайковский мне назвал Орлова¹⁵ как протеже Бурцева и специалиста по сыску. Но в том же кадетском комитете, когда я назвал это имя, послышался прямо вопль: Орлов

был одним из главных деятелей Батюшинской комиссии¹⁶, который, по общему впечатлению комитета, под видом сыска вымогал деньги и, следовательно, ясно видно, как трудно было бы угодить этим назначением. Поэтому, хотя я к этому отношусь спокойно, отмечая с грустью только повод к политической инсинуации безответственных критиков, однако не могу скрыть от себя, что я вижу в этом все-таки опасность; мы хорошо знаем ту роль, которую может играть в политике тайная полиция и агентура; знаем те очки, которые она вставляет своим начальствам, знаем и то, что она не умеет различать между отдельными течениями, наконец, знаем маневр, которым она запугивает и застрашивает власти перспективами комплотов и заговоров. Все это крайне опасно, но единственное средство борьбы с этим, как мне кажется, все-таки же в том, чтобы эту опасность видеть и держать Климовича в руках. Это все, что я могу им посоветовать.

Следующий по важности вопрос или, даже вернее сказать, несравненно более важный, чем какой бы то ни было, это вопрос экономический.

Менее всего, конечно, нужно настаивать перед Вами на трагическом значении экономического вопроса в Крыму; но кое-чего Вы, может быть, не знаете. Прежде всего Вы не знаете, вероятно, того, что хотя Франция и обещала нам помогать, и хотя она действительно помогает, но не делает этого даром. На золотой фонд в 300 миллионов¹⁷ она не покушается, в этом Вы ошиблись; но простого кредита, ничем не обеспеченного, она нам тоже не дает. И если бы Вы представляли себе ее финансовое положение, и в особенности невозможность сейчас удовлетворить законные претензии опустошенных местностей, и недовольство жителей этих опустошенных местностей, которые требуют, чтобы о них заботились в первую голову, и то давление, которое оказывают именно эти недовольные на французское правительство в смысле большей требовательности к Германии, настаивать на немедленной уплате обещанной по Версальскому миру контрибуции и вознаграждения; если бы Вы, одним словом, учли тот обстрел, которому подвергается французское правительство со стороны своих же сторонников, то Вы бы поняли, как трудно, чтобы не сказать невозможно, ему пронести хоть какую-нибудь каплю меда мимо носа французов к русскому делу. По этим соображениям нас заставляют платить деньгами; я не вхожу в детали, не описываю вам тех предложений рассрочек, которые, с одной стороны, крайне ограничивают количество отпускаемых материалов, а с другой связывают нашу будущую торговлю, — скажу только, что, благодаря этому, благодаря требованию денег, которые у нас подходят к концу, Врангель не получает от французов того, что ему нужно, и становится больно вспомнить о том, насколько лучше англичане помогали Деникину. Другое, не менее важное осложнение, то, что мы не владеем Донецким бассейном, что мы уголь покупаем, в том числе и у Вас, и этот расход пожирает все наши средства с неве-

роятной быстротой. Между тем вывоз из той части, которую занимает Врангель, крайне ограничен; он мог бы вывозить в лучшем случае хлеб, который на руках у мужиков и недоступен без товаров на обмен. Словом, прежний ложный круг. Он еще гораздо более трагичен, чем при Деникине, так как, с одной стороны, его возможности несравненно меньше, чем при Деникине, а с другой стороны, благодаря отсутствию угля и английской помощи, в той же [степени] возросли его потребности. Словом, здесь, если смотреть хладнокровно, мы находимся накануне катастрофы. Можно ясно представить тот день и час, когда никаких денег в распоряжении Врангеля не останется и мы взлетим на воздух. При этом совершенно очевидно, что никаким вывозом этих денег достать нельзя, что необходима какая-то кредитная операция. Я скажу прямо, что отношение врангелевского правительства к этому вопросу напоминало мне минутами дворян-помещиков доброго старого времени: они разводили культурное хозяйство, учитывали по пальцам все предстоящие доходы и забывали только то, что через несколько дней предстоял платеж процентов в банк, которых в их распоряжении не было. Для них было до такой степени ясно, что извлечь нужные деньги из хозяйства было невозможно, что они на это и не покушались, но как-то не могли допустить мысли, что их дворянское гнездо пойдет с молотка и потому смутно верили, что кто-то их выручит; не то американский дядюшка с наследством, не то свершится чудо и им вернут какой-либо их старейший долг.

Минутами я встречал в этом вопросе на Юге ту же инстинктивную веру: не может быть, чтобы все дело рухнуло из-за отсутствия помощи: Европа этого не допустит; Америка деньги даст. Этого рода иллюзии я встречал и у Врангеля, и даже иногда у Струве; у него, правда, все это коренилось на глубоком убеждении, что деньги дадут под военные успехи, что все дело в них. Меньше всего делает себе иллюзий Кривошеин, который смотрел на вопрос как на вопрос действительно трагический. Менее всего, — по моему впечатлению, — болел над этим вопросом тот, кому об нем следовало наиболее думать, т.е. Бернацкий, который находил для этого один выход: уйти. Вот этой психологией объяснялись получаемые здесь нами, а может быть, и Вами, сумасшедшие выходы: устроить заем и т.д. Я думаю, что особенного значения никто этим советам и не придавал, это просто крик погибающего. Но одной из серьезных попыток достать деньги был созыв на Юге экономического совещания; я уже в последнем письме написал Вам несколько слов об нем. Теперь скажу подробнее. Началось оно с того, что я получил прилагаемую Вам здесь телеграмму; обратился по ней к указанным лицам. Почти все были в отсутствии, так что приходилось сноситься телеграммами. Стали поступать ответы, в общем, благоприятные. Все хотели ехать. Но по мере того, как приближался день отъезда, начались отказы; одни мотивировали это личными делами, другие — соображениями общественными, указывали на то, что состав приглашенных лиц неудачен, что с таким-то и таким-то они не поедут, словом, по миллио-

ну причин, всецело входящих в свойство русского характера, на совещание поехал мало народу. Я с ними разъехался и выехал из Севастополя тогда, когда туда начали прибывать только первые из приглашенных; самый съезд должен был занять много времени, так как никакой возможности дать в* отдельный вагон не оказалось. Совещанию этому вообще приписывали две цели: теоретическую и практическую. С одной стороны, Кривошеин хотел этого совещания, чтобы опереться на его авторитет для проведения той экономической политики, которой он является сторонником, т.е. политики большей или меньшей свободы торговли, возвращения к нормальным условиям экономического оборота. Так как эта точка зрения встречает возражения в военных кругах, то для проведения ее ему хотелось иметь опору компетентных органов. Другая цель созыва была практическая — помочь достать валюту. Так эту цель поняли и некоторые из промышленников, в частности, та группа промышленников, которая объединилась здесь под председательством Денисова¹⁸. Они решили, что не стоит ехать в Крым, чтобы выслушивать там заявления о необходимости достать деньги; что стоит ехать только в том случае, если они эти деньги достанут. Все переговоры на эту тему затянулись настолько долго, что они и сейчас в Крым еще не выехали. Три дня тому назад я и Струве были приглашены уже официально на заседание этих промышленников, где шла речь о той помощи, которую промышленники могут нам оказать для того, чтобы достать валюту. Я не вхожу в детали; к тому же я недостаточно в этом отношении сведущ. Могу Вам сказать только, что на некоторое время и в небольших размерах это не представляется как будто невозможным; по крайней мере Струве очень оптимистично смотрит на это.

Вся эта комбинация доставания денег в общих чертах, очевидно, сводится к тому, что некоторые обязательства нужно будет учесть в**, эти обязательства должны быть гарантированы как французскими капиталистами, так и русскими; в числе таких реальных гарантий могут быть уголь, железные дороги, главным образом нефть. Выйдет ли из этого что-нибудь или нет, я сейчас сказать еще не могу, но надежда не потеряна. Но изложение этих обязательств, в сущности, не входит в мою задачу писать Вам о Крыме, Крым здесь, в сущности, ни при чем. Крым в отличие от Деникина пойдет решительно на все, чтобы достать денег. Деникин не хотел отдавать угля, хотя миллионы тонн у него лежали в портах; этот уголь он предназначал для восстановления промышленности центра России. Деникин оставил три месяца без ответа предложение французского правительства, сделанное им в слиянии и в согласии с некоторыми русскими обществами и где могла выйти очень выгодная операция с американскими стоками¹⁹, в ре-

* Пропуск в тексте.

** Пропущено одно слово.

зультате которой мы получали и валюту, и кредит на амуницию. Деникинскому правительству условия казались невыгодными, и он три месяца не отвечал, ответил тогда, когда он потерял почти всю территорию, но и тогда ответил отказом, что производило не то смешное, не то жалкое впечатление; сейчас там иные настроения и иная политика. Там не останутся ни перед какими жертвами и ни перед какими обязательствами, чтобы достать деньги, но возможности очень слабы. Вывозить нечего, а изменить свою обычную осторожность с тем, чтобы захватить богатые базы вроде Донецкого района или Кавказа, значило бы для Врангеля изменить всему своему военному пониманию. В этом лежит трудность. Но, с другой стороны, то, что касается внутренней экономической политики, то здесь, в общем, господствуют здравые понятия; основное желание Кривошеина возможно больше поощрять частную предприимчивость, товарообмен; привлекать иностранные капиталы, иностранных предпринимателей, не торгуясь с ними за ту выгоду, которую они могут извлечь. Самое экономическое совещание из представителей промышленности, которые, конечно, все стоят на этой позиции, было не что иное, как средство доставить торжество этой идее, у которой, к слову сказать, есть и противники. Но, конечно, в настоящее время действительность еще очень далека от этого идеала. Министр торговли пока там некий Налбандов²⁰, это местный житель, правого направления, но, по общему отзыву ярых его противников, безукоризненно честный человек. Но он упрям, недоверчив, хотел делать все сам, своими руками, больше всего боится, как бы его не обманули и как бы казну не обворовали, и в результате этого создается большая волокита, важные дела застревают где-то в центре и жалобы на Налбандова единодушны. Кривошеин вовсе не стоит за него, как это инсинуирует заграничная эмиграционная публика, которая от ничегонеделанья изощряет свое остроумие в искании подвохов и политических козней; Кривошеин лично был бы рад от него отделаться. Но всякий раз, когда мы сталкиваемся с необходимостью нового назначения, мы лицом к лицу оказываемся с основным злом нашей жизни — отсутствием подходящих людей; а из подходящих — большинство предпочитают жизнь за границей или нести частную службу, чем ехать в Крым и жить на том нищенском жалованьи, которое здесь получают все чиновники, даже министры.

Конечно, на должность министра торговли, может быть, легче найти кандидатов, чем на другую должность. Бесконечно трудно будет найти министра финансов, так как Бернацкий, очевидно, уйдет. Здесь это будет понято как торжество реакции, как поворот направо, потому что Бернацкий взят под защиту наших левых; могу Вас уверить, что его уход не будет иметь никакого политического значения; Бернацкий просто оказался совершенно не подходящим для своего поста в настоящее время. Ему охотно дали бы должность государственного контролера, министра народного просвещения, что угодно, но не министра финансов. Кан-

дидатом на этот пост и любимым Кривошеина долго был Сергей Андреевич²¹, но против него уже заранее велась такая борьба и кампания, которая воспользовалась для этого некоторыми не очень ясными инцидентами в парходных обществах, что Кривошеин с грустью мне сказал, что, вероятно, эту кандидатуру придется устранить. Здешние торгово-промышленные круги, которые приходят к сознанию, что нужно помочь Врангелю и что можно это сделать, только приняв риск и ответственность, соглашаются это сделать тоже только на некоторых условиях; пока они не очень требовательны, не желают руководить всей политикой, но довольно чувствительны к тем неправильностям, которые создаются в экономическом аппарате; поэтому, как только от общих обещаний мы перейдем к делу и будут ими внесены или при их посредстве найдены первые деньги, то, по всей вероятности, сейчас же и проснется живой интерес торгового мира к порядкам экономической жизни в Крыму; от этого реального вмешательства в эту жизнь я ничего не жду, кроме пользы.

Теперь, чтобы сокращать размеры моего письма, хочу Вам уже более кратко коснуться некоторых иных сторон. Во-первых, о тех опасностях, которые я вижу в Крыму. Кроме первой и, главное, основной, т.е. нашего абсолютного отсутствия людей, которые умели бы совмещать требования идеи с практическими приемами, кроме этой первой трудности, я еще вижу три политические в тех настроениях, которые здесь накапливаются. Я вижу в общем три политические опасности: 1) опасность милитаризма, 2) реакции и 3) эмиграции.

Опасность милитаризма я ясно ощутил, когда столкнулся совершенно случайно с одним из типичных представителей нашего офицерства и членом военных офицерских организаций; у меня были к ним письма; поэтому они ко мне питали доверие и с большой откровенностью рассказали мне свои чаяния и желания. Это совершенно новая психология, я бы сказал, сколок с большевизма; они из него усвоили и политическую, и социальную программу. В области политической они тоже хотят диктатуры, жестокой, беспощадной и централизованной; для них Врангель и особенно его правительство из штатских — это все слюнтяи и кисляи, которые наверное проиграют русское дело. Нужен диктатор, Кромвель, Бонапарт²² или что-нибудь в этом роде, конечно, непременно военный, так как военные есть единственная реальная сила, которая действует, а не болтает. Но вместе с тем они революционеры в том смысле, что заимствовали от большевизма все те стрелы, которые большевики направляли в капиталистов и буржуазию; это молодое офицерство и, к сожалению, не без основания, прониклось такой ненавистью и презрением к тылу, к деятелям тыла, купцам и даже интеллигентам, что на ненависти к ним построило социальную программу, отличающуюся большой наивностью, хотя и такую же смелостью. Весь вопрос для них разрешается просто — аграрный вопрос, даже в более радикальном виде,

т.е. без всякого вознаграждения за отнятую землю, вполне соответствует их концепции. Жадность помещиков, говорят они, погубила Деникина, ну так вот мы им покажем. Они возмущены тем, что, когда они голодают или во всяком случае зябнут, — что правда, — проживающие за границей и в тылах буржуи все-таки сравнительно благоденствуют, — отсюда вывод: отобрать у них все имущество, начиная с фабрик и заводов, и это не национализировать, — это был бы большевизм, которого они не хотят, — а отдать в собственность тем, кто на этих фабриках работал — начиная с управляющего и рабочих, создать общество собственников, которые будут работать для себя, устранить только собственника и все будут довольны, а собственники пускай платятся. Так же просто разрешается вопрос о товарообмене. Армии не хватает одежды, обуви — реквизируют все в магазинах и у буржуев. Они доходят до того, что посылают комиссии по лавкам искать материалов, и если эта комиссия найдет какие-нибудь две дюжины кальсон, то это уже превращается стоустой молвой в тысячные запасы, и отсюда прежнее негодование — мы мерзнем, а вы товары прячете. Реквизировать, и кончено. Так же и вопрос валютный. Вся беда в том, что мы кланяемся иностранцам и ищем валюту. А вот нужно устроить вывоз и брать за вывозимый хлеб только русские деньги, и этим поднимем их курс.

Я изложил все это Вам потому, что вижу в этом некоторую долю опасности. Это то молодое офицерство, то самое, которое когда-то в тылу Деникина произвело Орловский бунт²³. Они не стесняясь говорят, что это только первая ласточка и что такой бунт повторится снова. Я говорил об этом с Врангелем; он относится к этому совершенно спокойно, утверждая, что все эти господа ему известны и что их ничтожное меньшинство. Может быть, и правда, что их меньшинство, только пока дела на фронте идут хорошо, но если только начнутся неудачи и если бы Врангель должен был, к несчастью, уйти за Перекоп, то я очень опасюсь, что это течение приобретет форму настоящего военного заговора, которому, конечно, помогут и большевики, и что это будет ударом в спину. Опасность этих настроений для меня очень реальна, хотя опасность в будущем, на случай неудач, но как можно иногда видеть ту яму, в которую споткнется путник, то вот эти настроения для меня та же перспектива, которая перед нами раскрыта. Но затем нельзя скрывать, что и среди покорного, дисциплинированного высшего генералитета такие мнения, хотя в смягченной форме, существуют, и Кривошеину нужен весь его авторитет и все его прошлое, чтобы с этим бороться; генерал остается генералом и их мысль, что это они, а не кто другой, пока спасает Россию или, по крайней мере, делает возможным существование в каком-то антибольшевистском уголке. Эта мысль внушает генералам претензию и на управление внутренними делами государства. Кривошеин — и нужно отдать ему справедливость — борется с

ними энергично, без послабления; но многие не понимают смысла этой борьбы и не прочь нанести удар ему в спину.

Другая, не менее реальная опасность, — это настроение реакционное; и с места говорю Вам, не в правительстве, а в обществе и, заметьте, в очень широком обществе, не только в среде офицерства и военных, но и в среде интеллигенции. Пока это не столько убеждение, сколько инстинкт, направленный, как всегда, на отрицание и на борьбу, не на созидание. Они, во-1-х, идут против всего, что им напоминает революцию, против всех тех партий, которые взяли ее под свое крыло; во-2-х, и Вы понимаете сами, с особенной быстротой и стихийностью превращается в антисемитизм. Антисемитизмом сейчас менее всего заражено правительство; я воистину не ожидал, что Врангель с такой ясностью будет представлять себе государственный вред от антисемитизма²⁴. Я с полной уверенностью скажу, что там, где есть Врангель и его армия, погромов не будет; и я говорю это не сам, так думают и местные евреи, с которыми мне приходилось говорить. Врангель и смелее, и решительнее Деникина, и это знают. Наконец, и территория у него меньше, поэтому погромов государство и правительство не допустят. Но та общая волна антисемитизма, которую породил большевизм и которая захватила теперь, во-1-х, крестьянство, где его прежде не было, так как комиссары-евреи в деревне сумели развратить и крестьянство и, во-2-х, захватило и интеллигенцию, вообще совершенно нравственно расшатанную и подорванную. Эта волна антисемитизма из советской России переносится сюда. Но главная опасность заключается не в том, что проснулись эти инстинкты; хуже, что сейчас намечаются силы, которые им могут воспользоваться. В этом отношении в первую очередь я ставлю духовенство. Деятельность духовенства в Крыму приобретает сейчас своеобразно опасный характер. Во-первых, несомненно, что некоторое пробуждение религиозного чувства налицо, вернее всего, что в виде реакции против прежнего, но оно налицо. Затем на сцене появился так называемый либеральный батюшка, бывший любимец нашего либерализма, и на первом плане Востоков²⁵, тот самый Востоков, которому были запрещены служения Митрополитом Макарием за его выходки против Распутина²⁶, и которого за это мы все, либералы, в особенности думские, взяли под свое покровительство. Сейчас он превратился в настоящего яркого черносотенца и юдофоба. Так что его смешивают уже с Восторговым²⁷. Когда я был в Севастополе, то мне передавали о проповедях, которые духовенство произносит в церквях, а иногда даже и на площадях; говорили, будто Востоков просто призывает к погромам. Ссылались на постановление Симферопольской городской Думы, которая обращалась к Врангелю с просьбой принять меры против подобной агитации.

Произведя в пределах доступного анкету в Севастополе, я не могу не признать, что все это страшно преувеличено: у нас видят призыв к погрому в простом наименовании Троцкого Бронштей-

ном; поэтому с этой стороны и в этой форме обвинение есть ложь, а ссылка на постановление Симферопольской Думы меня лично ни в чем не убеждает, так как я по опыту знаю, что стоило в смысле доказательства факта постановление Государственной Думы. Однако, несомненно, что если бы не было призыва к погрому, то содержание пастырских речей все-таки же было явно реакционное; все они дышали ненавистью к революции и видели корень несчастья, обрушившегося на Россию, именно в том, что Россия сделала революцию. Те, кто слышал эти проповеди, а еще больше те, которые не их слышали, а об них слышали, могли совершенно добросовестно, одни с радостью, а другие с ужасом, утверждать, что в церквах ведется реставрационная пропаганда, а отдельные намеки на роль еврейства в этой пропаганде, конечно, питают и настоящих погромщиков, да и кроме того и среди большевиков всегда могли найтись умные провокаторы погромов, и все это вместе взятое создавало тревожную атмосферу. Этого рода проповеди, как раз во время моего приезда, получили некоторое обострение. Высшее духовенство, т.е. епископы, почему-то такое решили назначить три дня покаяния; они воспользовались тем, что в субботу было Воздвижение и вот, начиная с пятницы вечером и кончая воскресеньем, в церквах читалось епископское послание к пастве, в котором они перечисляли русскому народу те его грехи, за которые Бог его карает; главных грехов было 4; я их не помню всех, знаю только, что первым было забвение Бога, вторым — служение маммоне, а третьим — измена присяге во время революции, причем говорилось прямо, что Государя заставили отречься силой; четвертого пункта я не помню. Все это воззвание, конечно, не могло быть понято иначе, как доказательство явного сочувствия монархической реставрации, хотя этого прямо и не говорилось. Это было до такой степени ясно, что немедленно по всему городу разнеслись слухи, что после этих трех дней покаяния откуда-то вывезут какого-то великого князя, который и посажен будет на престол. Слухи об этом ходили самые упорные и никаким опровержениям никто верить не хотел. Мне хотелось посмотреть на слушателей; но, несмотря на все свои старания, я не смог войти в церковь, до того все церкви были переполнены. Я говорил с Врангелем об опасностях, которые представляют подобного рода проповеди. Он не только со мной не спорил, но сейчас же во всем согласился, согласился в том, что вообще проповеди духовенства принимают уродливую форму; я запретил, сказал он, печатать в газетах послания этих епископов, и действительно, в газетах были напечатаны только краткие изложения со смягчением всех углов. Но, говорил он, мог ли я, барон Врангель, запретить своею властью чтение проповедей и вообще цензуру пастырских обращений. Было бы желательно, говорил он, чтобы восточковская проповедь была обуздана самими же епископами, чтобы в среде самой же церкви пробивались другие течения, а не то, чтобы я прибежал к мерам убеждения, что вообще обнаружило бы

конфликт между государственной властью и высшей церковной властью.

И он настойчиво рекомендовал мне дружески поговорить с Булгаковым²⁸, который был моим товарищем по университету, с которым мы были в самых лучших отношениях, который был, наконец, совершенно культурным человеком и на которого он рассчитывал как на возможного представителя такого рода культурного духовенства. Я действительно говорил с Булгаковым и после этого многое стало для меня понятным. Мы с Булгаковым встретились очень дружески и дружески разошлись, проговорив целую ночь и целое утро. Я скажу больше, мы кое до чего договорились, но все-таки между нами обнаружилась такая пропасть в исходных точках, после которой никакое соглашение не представлялось возможным. Основная позиция Булгакова все-таки же та, что у духовенства сейчас совершенно задача не политическая, не партийная, а задача воспитательная; Россия погибла именно потому, думает он, что народ испортился, что русская душа развратилась, и развратилась она потому, что она забыла религиозные идеалы и усвоила начала современного мировоззрения, жаждущего материальных благ, и т.д. Поэтому Булгаков думает, что духовенству нужно полностью и целиком сделать призыв к этим чувствам и настроениям народной души, не смущаясь никакими политическими, тактическими и партийными соображениями. Говоря грубо, он мне сказал, что предпочитает, чтобы Россия сделалась большевистской вся целиком, откуда она выйдет перерожденной в духе христианства, чем стала бы буржуазно-демократической, самодовольной, благоустроенной, но и забывшей Бога. Вот та исходная точка зрения, которую нужно констатировать, но нет никакой возможности оспаривать; это не поддается спору и, столкнувшись здесь в этом пункте с Булгаковым, я вспомнил теоретические споры с Львом Толстым²⁹ — на известном пункте они прекращались. Но Булгаков совершенно признает, что государство не может стать на эту точку зрения, что у него свои задачи; он согласился со мною, хотя он мне указывал, что все эти проповеди в Крыму возможны потому, что Врангель стоит на Перекопе, а последнее мыслимо только потому, что Запад дает ему ружья; и что если бы Врангель исчез, то те чудотворные иконы, которые были привезены в Севастополь при громадном стечении народа (я видел эту встречу), были бы исщеплены на кусочки и потом синематографы это бы показывали. Булгаков согласился и с этим, но вывод у него простой: Врангель не устоит и они будут побиты. Но что же делать. Это тоже Божеское попущение. Что же касается до того, что они своими проповедями мешают Врангелю, то в конце концов, хотя из этого и не следует, что они должны от своей точки зрения отказаться, но даже не согласен в том, чтобы духовенство ему мешало; напротив, нам, дипломатам, следует только использовать эту реакционную тенденцию духовенства, чтобы еще

на большой пьедестал поставить культуру Врангеля и его сравнительный либерализм.

Я не буду передавать Вам в подробностях моих разговоров с ним, как они ни интересны. Скажу только, что в области политической Булгаков против даже парламентарной монархии, он хотел бы просто возвращения к самодержавию; он признает, что никаких шансов на успех нет, но так как он не политик и не тактик, он проповедник, то этот вопрос об успехе его не касается. Что же касается до антисемитизма, то здесь я встретил, пожалуй, самый опасный вид антисемитизма: подозрение, если не говорить убеждение, что вообще всем миром владеет объединенный еврейский кагал, организованный где-то такое в Америке в коллегию, и что большевизм был сознательно напущен им на Россию. Я скажу Вам, что пока это не убеждение самого Булгакова; но у него большие сомнения, что это правда, и он настойчиво и очень подробно допрашивал меня о том, в какой мере теми данными, которыми я обладаю, можно было бы опровергнуть это представление. Он пытался меня о моих связях с масонством, о том, что мне пришлось там видеть и слышать, и о *raison d'être*³⁰ существования масонства и т.д.; словом, я вижу, что для Булгакова, если не теперь, то в будущем, а для менее культурных епископов и в настоящее время, преобладающая роль евреев среди большевистских главарей не случайность и объясняется не историческими причинами, а есть только проявление той тенденции завоевать мир, которая приписывается [евреям]. Булгаков определенный противник погромов³¹ и с этой стороны признает, что проповеди Востокова, хотя и не погромные, — он это отрицает, — но могут вызывать не христианские и очень опасные чувства в массе. Он достаточно культурен, чтобы это признать, но, с другой стороны, Булгаков мог бы дать опору гораздо более опасной, я бы сказал, отжитой тенденции государства смотреть с совершенным удовлетворением на самозащиту от еврейства; я бы не удивился, если бы Булгаков одобрил если не черту оседлости, то запрет вступать в государственную службу и вообще правовые ограничения еврейства. Так вот, видите ли, какие проснулись вновь тенденции среди представителей интеллигенции, так как Булгаков все-таки интеллигент. Опасность всего этого отлично понимают и Врангель, и Кривошеин. Но если здесь, за границей, кажется, что этому легко положить предел и что нужно только окрикнуть духовенство, то стоит побывать в Крыму и видеть тамошнее общественное настроение, чтобы понимать, что простая элементарная осторожность не позволила бы относительно духовенства слишком кавалерийских мер. Эта реакционная опасность, на которую я Вам указываю, с моей точки зрения, все-таки же опасна не столько в настоящее время, сколько в будущем; что бы ни говорил Булгаков, что предпочитает большевизм демократизму, и что он не считается с тактическими доводами, обращаясь только к человеческой душе и занимаясь воспитанием, это, может быть, верно для самого Булгако-

ва, хотя и в этом я не убежден, но, конечно, несколько не верно для большинства духовенства.

Недаром, когда полоумный Восторгов³² стал пропагандировать план о походе на Москву без ружей и пулеметов, а только с одними иконами, крестным ходом, уверенный, что весь народ сбегится со всех сторон и что они дойдут до Москвы без единого выстрела, то когда серьезные люди указывали им все безумие и, главное, весь риск такого похода, они не стали настаивать и от него отказались. Поэтому, как только опасность большевизма станет реальной, духовенство замолчит и даже убежденные люди возьмут себя в руки. Но, подобно тому, как большевистски-правое офицерство есть опасность на случай неудач, так реакционность духовенства будет очень реальной опасностью на случай удач; и тогда, когда большевизм действительно дрогнет и начнет разваливаться, — что может быть гораздо скорее, чем кажется, — вот тогда духовная проповедь по всей России, если только она пойдет в том же направлении, может стать колоссальной опасностью с точки зрения культуры, да и вообще благопристойности. Но против этого, конечно, Врангель абсолютно бессилён; он не допустит погромов в Крыму, он даже может помешать проповеди в тех двух губерниях, где он властвует, но совладать со стихийным движением, если оно пойдет, он не сможет. Направление мысли нашего духовенства при перевороте в религиозную сторону, вообще народное настроение, конечно, покажет демократическому Западу и Соединённым Штатам, насколько, с их точки зрения, была бы выгоднее победа Колчака, Деникина или Врангеля, т.е. смена одной власти другой, хотя бы имеющей реакционные задатки, но все-таки же властью, понимающей обязанности государства, насколько такая победа была бы предпочтительнее стихийному крушению большевизма народной волной. Эта волна затопит многое из того, что пощадил до сих пор большевизм.

Теперь третья опасность, о которой я Вам говорил и на которой мне менее всего хочется настаивать, ибо она самая назойливая и самая неприятная, это опасность наших эмигрантских настроений. Цена ей была бы, конечно, грош, этой опасности, если бы число эмигрантов не было так велико — в одном Париже их полтора-два тысячи, и если бы, с другой стороны, она бы не передавалась и общественному мнению тех стран, где они живут. Здешняя эмиграция в большинстве случаев, будь то правая или средняя, здешняя эмиграция предпочитает все-таки же выжидать и критиковать, чем действовать; она попала на очень знакомую дорожку безответственной критики и, так как ей большевизм не грозит и так как в большинстве случаев она кое-к чему пристроилась, то она и отводит свои досуги на создание или повторение политических сплетен и на пережевывание политических задов. Никто из них не удосужился съездить на места, чтобы дать себе вьявь отчет в том, что там делается; о том, что там происходит, судят по отдельным письмам, а иногда даже и не по письмам, а по слухам.

Отдельные факты и часто действительные ошибки раздуваются на степень усвоения нового курса; каждый день мы слышим о переворотках то в ту, то в другую сторону, и все это вместе взятое создает то нервное настроение, при котором все дело Врангеля невольно начинает казаться совершенно эфемерным. Должен сказать, что правая эмиграция здесь, за границей, в общем ведет себя гораздо приличнее, может быть, потому, что они не могут не сознавать, что общественное настроение, которое здесь сложилось, не в их пользу; они упрекают Врангеля, негодуют на Кривошеина, просят и требуют привлечения их на службу, удивляются, что многие куски идут помимо их носа, но все-таки же под Врангеля они пока не подкапываются; скажу Вам, что в общем это, пожалуй, плохо, так как их критика против Врангеля за его реакционерство могла бы сделать ему хорошую рекламу; но, во всяком случае, недовольство правых, характеризуя их недомыслие, никому не вредно, никому не мешает, но зато истерические возгласы левых, не только Керенского, но и блаженного Милюкова, который все-таки не может поверить, чтобы могло существовать правительство, которое не преклоняется перед его государственным талантом, вопль о том, что идет погромная проповедь, негодование при всяком назначении правого и упреки за то, что мало привлекается левых, все это кипящее в котле бездействия и праздности, все это, конечно, нам очень вредит. И особенно вредит теперь, когда можно определенно сказать, что если нам не будет оказана помощь реальной поддержкой, то самые лучшие намерения Врангеля все-таки же осуждены на крушение.

Я хочу Вам в заключение, так как я и без того написал слишком много, сказать два слова о том, что мы слышим о большевизии. Общее мнение, и людей самых разнообразных, что большевизм действительно переживает самый критический момент. Прежде всего, в России будет такой голод, с которым, может быть, не справилось бы никакое правительство, и, конечно, не справится и то правительство, которое его сменит. Во-вторых, совершился колоссальный перелом и в общественном настроении. Хуже всех оказалась, конечно, российская интеллигенция, да и вообще избалованные классы; на них приходится махнуть рукой; по ним иногда ошибочно судят и о всей России; три года террора так надломили их морально, что рассчитывать на это поколение совершенно не приходится. Я видел одну даму, служившую в Добровольческой армии и которую посылали в большевизию, пользуясь тем, что она женщина, чтобы выглядеть и сообщить, что там происходит; эта дама из высшего общества; у нее в Москве и Петербурге было четыре дома родных; ни один из них ее не принял; захлопывали дверь перед носом и говорили; уходите, уходите скорей. У патриарха Тихона³³, у которого она была, тряслись руки во время беседы с ней. Представление этой интеллигенции о том, что происходит помимо них, действительно фантастическое; никто не хотел верить ей, что у Врангеля можно

войти в лавку и купить, что хочется, и переехать из города в город, из квартиры в квартиру, не получив нескольких десятков разрешений. Такова интеллигенция. Но как только она переходила в деревню, то была другая картина: ей нечего было скрывать. Достаточно было сказать, что она идет от Врангеля, чтобы ее приятели ее накормили и проводили. Вся деревня сбегалась на нее посмотреть и с ней поговорить. Деревенские комиссары ничего не решались сделать; в сущности, между деревенскими комиссарами и населением устанавливается молчаливый *modus vivendi* — население их не убивает, опасаясь карательных экспедиций; но и комиссары знают, что они могут существовать безнаказанно только при условии их ни во что не вмешиваться. Деревня не то чтобы помирилась с большевизмом, но к нему привыкла и его непосредственно не ощущает; поэтому она молчит, но когда большевикам придется делать поход на нее, чтобы кормиться, здесь, конечно, начнется такое негодование, которое превратится в сплошную партизанскую войну. Тогда может создаться то настроение, при котором небольшого кристалла будет достаточно, чтобы повсюду создать и организовать чисто национальное течение, народный бунт. Увы, конечно, все-таки бессмысленный и беспощадный, но направленный уже не против нас, не против господ, а против большевиков, против большевизма во всех его видах. Сможет ли организованное меньшинство противиться этому — в этом весь вопрос.

Но та ненависть, которую питают сейчас к большевикам матросы, рабочие и красноармейские солдаты, показывает, что, может быть, приближается тот день, когда эта сила покинет большевиков при их столкновении с мужицким восстанием. Сейчас делаются опыты подобного рода использования настроения. Это очень любопытная вещь, которая либо кончится провалом, либо может приблизить нас довольно быстро к концу. Посылаю Вам копию с того воззвания, в котором генерал Балахович (я называю его генералом из эвфемизма)³⁴ обратился к солдатам и населению. Весь интерес этого воззвания заключается в том, что, во-первых, около Балаховича стоит сам Савинков, получивший (это достоверно, а не слух) от Пилсудского 300 миллионов польских марок, и, во-вторых, большой интерес в том, что если Вы внимательно прочтете это воззвание и разыщете посланные мною Вам когда-то планы тех трех петербургских мужиков, которых привозили французы из Ревеля, то Вы увидите полное сходство этого плана. Савинков вместе с Балаховичем пытается осуществить то, о чем говорили эти крестьяне, желает вызвать и направить вот это стихийное восстание. И я скажу Вам, что в настоящее время я вовсе не убежден, что это намерение кончится пуфом; я совершенно допускаю, что красноармейцы не станут сражаться с подобной народной армией. Савинков, может быть, очутится в Москве раньше Врангеля; он исполнит этим заветное желание Пилсудского, который и помогает ему, в сущности, в этом расчете; но так

как я думаю, что тогда мы увидим совершенно противоестественное зрелище, что под эгидой и под знаменем Савинкова начнется массовое избиение еврейства, а может быть, и остатков культурных элементов в России. Это все-таки же, что бы мы ни старались видеть, новая махновщина.

Ну, на этом я сейчас кончаю не потому, чтобы нечего было до-
бавить, но потому, что и без того я достаточно Вам наговорил. Теперь буду ждать от Вас письма и, главное, некоторых практических указаний, чего нам ждать от победы Врангеля; Ваш Спарго уверяет нас, что победа Хартвига³⁵ будет равносильна признанию большевизма. Я надеюсь, что к марту месяцу это уже станет явным безумием. Большевизм, вероятно, падет, но лучшего будущего еще не настанет. Тогда мы увидим и прелести анархии, и реальное распадение России. Но это уже будет то настоящее дно, после которого мы начнем выплывать на поверхность.

* * *

В минуту отправки к Вам письма я заметил, что ни слова не сказал о вопросе, пожалуй, самом важном — о национальностях; причиной тому, что я все время писал отрывками, по несколько минут ежедневно. Чтобы не очень затягиваться, скажу Вам о нем вкратце. Врангель в этом отношении полная противоположность Сазонову; с ним бы не пришлось тратить ни одного слова, чтобы провести нашу резолюцию 9 марта. Пожалуй, он грешит в противоположном направлении — слишком большой легкостью, с которой он сейчас готов давать обещания. Вы, который в Америке вели свою линию главным образом на сохранение единства России, Вы должны были испытать некоторое смущение при виде того, как равнодушен он к этому вопросу. Это равнодушие, конечно, только тактическое; но Врангель увлечен мыслью о том, что до низвержения большевиков никакое единство России невозможно, а с другой стороны, что после их низвержения Россия соберется. Врангель в настоящее время может идти очень далеко по пути уступок. К тому же надо добавить, что в настоящее время больше, чем когда-нибудь распространяется убеждение, что почти никто в России не желает гражданской войны во имя России, и что ее можно вести только для защиты своего собственного угла. Отсюда совет, который нам дают наши благожелательные люди: признать без каких бы то ни было оговорок фактическую независимость всех тех, кто ее желает; признание факта, говорят нам, в сущности никого ничем не связывает. Ведь сам Врангель находится в таком же положении, являясь фактическим правителем Юга России и согласившись принять от французов признание в этой форме. Ему не к лицу поэтому оспаривать у других то, в чем является его база. Отсюда Врангель без каких бы то ни было колебаний признает какое угодно фактическое правительство и фактическую независимость; он будет стремиться только к заключению

с ними военного соглашения, причем все его претензии в этом направлении сводятся только к желанию создать единый фронт и единое общее командование. Типом подобного соглашения является его соглашение с казаками³⁶, о котором Вы, может быть, уже знаете. По этому же типу он хотел заключить соглашение и с другими народностями Кавказа и с самой Украиной. Принципиальная уступка, которая делается и в которой он отдает себе отчет, есть большая уступка сравнительно с той позицией, на которой мы стояли; мы с Вами всегда считали, что отношение России к ее национальностям будет санкционировано Всероссийским Учредительным собранием; наши споры о национальностях шли именно в этом русле, требование суверенности для всех частей России Всероссийского Учредительного собрания.

Эта позиция Врангелем уже сдана, если не в виде торжественной декларации, то в виде ряда отдельных заявлений; он уже признает местные Учредительные собрания и даже как будто бы не предвидит Всероссийского Учредительного собрания. Россия, с его точки зрения, сложится путем соглашения между отдельными частями, будь то федерацией*. Помните наш старый спор о федерации и автономии. Для Врангеля он с большой легкостью и бесповоротно разрешен в пользу федерации. Таким образом, как будто бы исчезли главные идейные препятствия к соглашению с инородцами; однако это все-таки вопроса не разрешает. Этим Вы уже теперь людей не подымете; там, где есть большевики, где они господствуют, поднять население может не обещание федерации, а только присылка достаточной и надежной вооруженной силы; этого у Врангеля и не хватает, по крайней мере в этом есть недостаток. Там же, где большевики изгнаны и побеждены, там эти мелкие народности не чувствуют никакой надобности становиться под военное командование Врангеля. Единственная народность, с которой имело бы практический интерес соглашение, это соглашение с Украиной. Но именно с ней всего труднее это сделать. Попытка Врангеля сговориться с теми украинцами, которые не отреклись от России, а именно с Маркотуном и Могилянским обнаружило то, что в сущности нужно было ожидать, что эта попытка не дала нам ровно ничего, а нас скомпрометировала. Маркотун и Могилянский в общем очень порядочные и приличные люди, но все-таки же генералы без войска; за ними не стоит решительно ничего, и в их распоряжении находится только квартира их комитета в Париже; да и то они потребовали от Врангеля, чтобы он оплачивал эту квартиру. Вот вся та помощь, которую они нам дали. Но сам факт этого крушения произвел отвратительное впечатление на сторонников Петлюры, которые увидели, — и не без основания, — в поездке Маркотуна и Могилянского их попытку стать властью в Украине с помощью Врангеля. Единственной серьезной властью в Украине является сейчас Петлюра; но его сила

* Так в тексте.

очень своеобразна и относительна. Нам говорили, и это казалось правдоподобным, что с тех пор, как Петлюра вошел в правобережную Украину с польскими силами, он так себя дискредитировал, что связаться с ним это значит потерять себя; так нас уверяли и это казалось правдоподобным. Врангель решил на этом основании с Петлюрой не разговаривать, и этим было вызвано его обращение к Маркотуну и Могилянскому. Но как ни справедлива была теоретически оценка национального духа в Украине, у Петлюры была там реальная сила, а именно помощь Польши; Пилсудский с ним не разорвал, а Пилсудский это значит и деньги, и вооружение, и тыл. Командующий бывшими петлюровскими войсками генерал Петренко³⁷, по сведениям вполне достоверным, совсем не сторонник Петлюры, был бы рад отделиться и от него и от поляков; но он этого не может сделать, так как разорвавши с Петлюрой и разорвав с поляками, он останется без всего; если бы Врангель мог заменить ему Польшу, и вооружить его и кормить, то он это бы сделал; но так как Врангель не в состоянии, то Павленко остается с Петлюрой.

Я скажу Вам дальше; самая непопулярность Петлюры в Украине все же подвержена изменению; по крайней мере, имеющиеся во французском министерстве сведения показывают, что Петлюра делает набор войск в Украине и он проходит там довольно успешно. При этих условиях само собой подсказывается мысль, и Врангель на нее идет с полной готовностью, забыть все прошлое и заключить соглашение с Петлюрой; единственное условие, которое он поставил, это было то же военное соглашение и то же общее командование, мотивированное вдобавок исключительно стратегическими соображениями³⁸. Но тут есть два препятствия: 1) это то, что для Петлюры этого уже мало; нам официально сообщено, что основной предпосылкой, без которой они не будут разговаривать с нами, без которой Петлюра скорее согласится с большевиками против нас, чем с нами против большевиков, основной предпосылкой является признание независимости Украины и правительства Петлюры, не говоря уже о суверенности будущего Учредительного собрания. А во 2-х, такого рода заявление, на которое Врангель мог бы идти, затрудняется тем, что ведь Петлюра является не фактической властью, а только претендентом; что признавая его властью Украины мы, в сущности, ставим весь свой авторитет на карту, которую еще так недавно мы считали невозможной. Ведь если, может быть, нас подвел Маркотун, то нас точно также может подвести Петлюра; согласившись с ним, мы рискуем потерять всякую популярность на Украине. Вот так стоит дело в настоящий момент. Савинков из Варшавы не только рекомендует нам переступить эту опасность, но и сам ее переступил; он уже признал Петлюру, хотя лично от себя, и признал независимость Украины; можно с уверенностью сказать, что если Врангель этого не сделает, то он не только не сумеет провести никакой координации действий с украинцами, но что он рискует, что Петлюра, который кому угодно изменит, как он изменял уже и Польше и украинству, что Петлюра изменит и Врангелю и очутится в

рядах его врагов. А при том положении, в котором сейчас находится Врангель, на которого устремились все большевистские силы, это могло бы быть гибельным.

Вот Вам небольшой пример той разницы положения, в котором находитесь Вы в Америке, где Вы отстаиваете неприкосновенность русского единства, и Врангель, который в разгар борьбы и опасности может быть принужден, буквально принужден забыть все прошлое и признать независимость (фактическую) Украины, и даже Петлюру, как ее представителя. Если же принять в соображение, что сейчас и в самой Польше возможны две политики, что Польша может продолжать поддерживать против большевиков те русские войска, которые были в ней набраны, из которых одна часть, как Вы знаете, с Балаховичем идет на Москву, а другая с Перемыкиным³⁹ на Юг, если принять в соображение, что поляки могут опять поддерживать эти войска, но могут также и от них отвернуться и заключить с большевиками вполне серьезный мир, то Вы поймете ту сдержанность, которая Вас удивила, судя по Вашим телеграммам М.Н.Гирсу, Вы поймете, почему мы, т.е. Врангель, так как мы сейчас не только представители всей России, но представители Врангеля, мы не решаемся наш протест против Рижского договора⁴⁰ ставить на почву нарушения единства России; мы его ставим исключительно на почву отрицания смысла соглашения и мира с большевиками. Что же касается до границы, то мы принуждены делать *bonne mine au mauvais jeu*⁴¹; мы становимся на почву ст. 87 Версальского договора, которую я Вам советую почаще перечитывать, и говорим, что то, что поляки называют границами государства, есть только демаркационная линия между двумя воюющими вооруженными силами; государственная граница Польши по силе ст. 87 должна быть указана великими державами, и поляки заранее на это согласились, и этот пункт Версальского договора не может быть односторонне нарушен соглашением поляков с большевиками. Вот почему мы не возбуждаем вопроса об единстве и целостности России и притворяемся, что этот вопрос еще не скомпрометирован. Но, конечно, по существу он скомпрометирован и в отношении Польши и даже в отношении всех национальных образований; но только скомпрометирован, но не предрешен, разрешен же он будет после падения большевиков тогда, когда явится наконец власть, которая сможет распоряжаться Россией, но и настаивать на своих решениях. Этим же определяется отношение к вопросу Бессарабскому. Вы знаете из газет, что державы, уже не стесняясь Америки, отдали Бессарабию Румынии⁴². Мы промолчали. Почему? А просто потому, что максимум, чего можно было здесь добиться, это помещение оговорки, что будущее русское правительство будет приглашено к присоединению к этому акту; хотя нам и говорилось, что оно должно будет только присоединиться, а не оспаривать, но для нас очевидно, что это будущее правительство может его оспаривать простым фактом непризнания, что тогда вопрос останется откры-

тым и будет решен так, как сложатся фактически соотношения сил. Вот эта оговорка, которая, конечно, сама по себе не много значит, но тем не менее позволила нам сейчас промолчать.

Вы, может быть, ответите: это наше желание молчать; но для этого Вы должны считаться со следующими соображениями. Если сейчас мы заявим протест, и Врангель станет явно против Румынии, Румыния закроет проход через свою территорию для русских войск, находящихся в Польше; а, между тем, если не состоится соглашения с Украиной, то Врангелю необходимо будет перевести эти войска и оружие к себе в Крым, т.е. через Румынию. На это мы уже почти получили согласие; эту примирительную линию Румынии к нам ведет здесь Таке Ионеско⁴³, и мы сейчас за нее схватываемся. Если же мы станем на ту позицию, которую Вы занимаете в Америке, и которую я рад, что занимает сама Америка, то неизбежным последствием этого может быть крушение врангелевских сил; и вот здесь, когда с признанием Врангеля связана вся наша ориентация, здесь мы не можем быть непримиримыми, и мы ищем отговорок и всяких словесных приемов, которые позволяют нам делать *bonne mine au mauvais jeu*.

Таким образом, Вы видите из всего сказанного, что в отношении национального вопроса и единства России Врангель скорее вызывает упрек в том, что он слишком уступчив, а не наоборот.

№ 24

Б.А.Бахметев — В.А.Маклакову
Russian Embassy, Washington

11 ноября 1920 года

Дорогой Василий Алексеевич,

Я кругом перед Вами виноват. Уже более месяца, как я получил Ваше письмо и теперь с нетерпением жду Вашей реляции о поездке в Крым, а сам молчу. Причина весьма проста: Ваш друг, Елена Николаевна, имеет мужа, который всегда являлся препятствием на нашем жизненном пути (ради Бога, Вы ей этого не пишите). Теперь муж получил работу в Нью-Йорке, через нас; они купили ферму и, как добродетельная женщина, Елена Николаевна заявила, что в Вашингтон больше приехать не может. Следствием этого явилось временное расстройство нашего технического аппарата и я, несмотря на горячее желание, не мог с Вами письменно беседовать.

Прежде всего, сердечное и глубокое Вам спасибо. Вы — единственный источник живого общения, и из Ваших писем я больше всего угадываю о настроениях и умственных процессах, которыми живет Париж и вообще русские в Европе. К сожалению, когда

подходит время отвечать на Ваши письма, вопросы, которых Вы касаетесь, в значительной мере отходят в историю.

Также случилось и теперь. Ваше послание преимущественно сосредоточено на вопросе о Польше и Врангеле.

Рижское соглашение¹ завершило — удачно или неудачно — долго и мучительно тянувшуюся польскую эпопею. Отступление за Перекоп, боюсь, закончило и врангелевский период русского национального движения. О Рижском мире много писать не буду; Америка против него протестовала, Европа смолчала. Если бы в моей натуре преобладало злорадство, я бы, вероятно, торжествовал, так как все, что произошло, подтвердило мои опасения и мысли. Но дело слишком печально, чтобы злорадствовать.

Серьезнее дело с Врангелем. Боюсь, что та возможность, которую вы предвидите, что Врангель очутится за Перекопом — уже совершившийся факт²; а Ваше предположение, что Крым сделает-ся уголком, символом, местом убежища, а возрождения России нужно ожидать от процессов, которые разовьются в большевизме, — есть уже истина, из которой нам и необходимо исходить во всем последующем. Боюсь также, что всем нам надо стать революционерами, не в смысле, конечно, устройства революций, а в том, чтобы самым коренным образом пересмотреть наше мышление, психологию, пересмотреть те понятия и приемы, которыми мы оперировали, и твердо начать что-то новое, серьезное и большое.

Врангель проявил огромные военные способности. Я не удивлюсь, если когда-нибудь его военные операции будут приводиться как образцы военного искусства. Возможно, что даже тот, немного наивный, восторг, который его фигура и политическая мудрость вызывали во многих, не совсем необоснованы. Судя по всему, он — лучший из диктаторов и военных вождей; тем более показателен его неуспех. Неуспех этот я не связываю с военными причинами. События на польском фронте показали, что большевистская армия — уже почти иллюзия и что никаким серьезным военным аппаратом Москва не владеет. Поражение Врангеля представляется мне трагическим доказательством того непреложного факта, что Россия не может вынести военного движения как такового и что мысль о спасении ее через военную диктатуру должна быть оставлена, как безнадежная, и чем скорее, тем лучше.

Сущность руководящей национальной психологии в области тактического мышления сводилась к тому, что важна лишь кавалерия. Реальный опыт должен убедить, что кавалерия всего менее важна. Не упрекайте меня в ереси. Право же, не правы те, которые видят в России только два серьезных и реальных фактора: милитантный большевизм и военный национализм, и не усматривают той третьей России, которую столь тщетно отстаивают неискоренимые оптимисты. Где эта синяя птица? Существует ли она подлинно, или то есть иллюзия людей, мысли которых являются рабами их желаний? Конечно, эта третья Россия до самого пос-

ледного времени не выявила себя в каком-либо положительном смысле. Однако она существует, и существует совершенно реально. Эта Россия подобна дикой, необъезженной лошади, на которой не может усидеть ни военная диктатура, ни большевики. Она лишь брыкается и, как говорят в деревне, играет. Но факт остается фактом: седоки не по лошади, и уже третий год никак не могут этой России обломать.

Теперь я буду высказывать совсем грешные мысли.

Тот факт, что на России не усидеть военной диктатуре — не так может быть и плохо. Конечно, путь восстановления России через единую централизованную волю — куда как заманчив и прост. Но чем больше я наблюдаю военные диктатуры в работе, тем больше они меня повергают в уныние. Ничего творческого они не обнаруживают; они несут в себе восстановление рутины старой власти, самых отвратительных приемов и традиций; они не способны ни понять, ни осуществить чего-либо, в чем действительно нуждается Россия. Вообще одним из наиболее вредных элементов русской жизни является военщина как таковая. Шесть лет войны и революции до того развратили самую психологию военной среды, что само существование военного круга представляет огромную опасность.

Того чуда, о котором Вы пишете в конце письма, что державы наконец поймут и покончат с очагом большевизма, — не произошло, не произойдет и, я скажу, слава Богу. Чем больше я наблюдаю и думаю, тем больше прихожу к заключению, что иностранное вмешательство было и есть основное зло русской жизни и всего более способствовало укреплению власти большевиков. Ниже я подробно коснусь вопроса о русском национализме, сейчас же лишь мимоходом выскажу парадоксальную мысль, которую Вы, может быть, захотите характеризовать также чепухой, что главной причиной неудачи Врангеля было признание его правительством Францией, положившее начало фактическому подчинению Юга России иностранному руководству.

Тогда, пишете Вы, возрождение России должно и может пойти таинственными путями, которых мы сейчас не можем предсказать, так как они относятся к области веры в таинственные силы народа и страны. В одном, я думаю, Вы ошибаетесь: в том, что эта фраза ничего не объясняет, хотя часто и оказывается совершенно справедливой. Таинственно все то, чего мы не можем объяснить законом причинности и что лежит за узким пределом нашего непосредственного понимания и воздействия. К разряду подобных явлений всегда относились и будут относиться крупные народные движения, те изменения в жизни стран и наций, которые учебники истории называют революциями. Революций никто никогда не предвидит. Все и всюду встречают события неподготовленными и человечество лишь потом пытается умственно их объяснять. Процесс трансформации России относится именно к подобным явлениям и то политическое эпикурейство, в котором Вы меня как-то

упрекали, основано именно на этом убеждении. Тот факт, что Россия изжила большевизм, — для меня достаточное доказательство, что ей долженствует от него избавиться. Это детерминизм, который везде и при всех обстоятельствах оправдывался в истории. Свидетелем его мы были в феврале 1917 года; в то время все говорили, что Россия изжила старый режим, но никто в глубине души не верил в его падение. Такое падение также относилось к таинственным возможностям, а иностранные государственные люди, в лице лорда Мильнера³ и других, справедливо доносили своим правительствам, что никогда полнота государственной власти не была так совершенна, а революция более дезорганизована. Между тем, наступило 27 февраля и спелый плод упал, даже без особого дуновения ветра. Характерно, что эти вещи великолепно понимают американцы, которые смеются над людьми, склонными к применению логических доказательств к русскому вопросу и настаивающими, что вне вооруженной борьбы нет логического хода для борьбы с большевизмом. К тому же, за последнее время в России появилось много того, что является прямым предвестником наступающей бури. Крестьянские движения, по-видимому, сделались повсеместными. Эти движения, насколько я понимаю, сводятся к созданию каких-то самодовлеющих ячеек местной власти, целью которых является огородить, защитить себя от большевистского моря. Возможно, что исторический путь возрождения России лежит именно через подобный процесс первоначального распада, за которым последует воссоединение политических атомов. Каким путем совершится это распадение и воссоединение — трудно предугадать. Можно лишь думать, что потребность в образовании центральной власти будет весьма сильна, хотя бы по чисто экономическим соображениям. Как только не будет мертвящей опеки коммунистических центров и люди смогут свободно производить и торговать, явится огромное искушение и потребность использовать то исключительно выгодное положение, которое скудость международного рынка в продуктах земледелия создает для русского крестьянина. Вообще говоря, следующая власть в России, надо думать, будет эсеровской.

Против этого не следует бороться; наоборот, это отчасти хорошо. Эсеры, конечно, будут переходной ступенью. Они неспособны по своей сущности и понятиям дать России тот уклад, который диктуется ее государственными и экономическими потребностями. Но они всего более приспособлены, чтобы расчистить путь. Что всего более необходимо — это восстановить индивидуальную жизнь в России, дать свободно вздохнуть испуганному и забитому обывателю. Россия за последнее время непрерывно страдала от избытка власти; слабая центральная власть является естественной реакцией. К тому же Россия должна изжить предрассудок умеренного социализма, раньше чем вступить в период беззастенчивого капитализма, который необходим для достижения основной очередной задачи — перестать быть бедной и сделаться богатой

страной. Умеренные социалисты у власти принуждены будут действовать все время наперекор своим убеждениям. Практические задачи: спасение от голода, восстановление хоть какого-нибудь производства, транспорта, санитария, и т.д. — будут безжалостно отметать попытки доктринерства. Будет происходить нечто вроде Владивостока, где правительство, с участием коммунистов и буржуев, но с большинством умеренных социалистов, провозглашает основой своей программы охранение и развитие частной собственности⁴.

К тому же, я должен сказать, у с.-р. за последнее время произошло необыкновенное прояснение в области внешней политики. Скажу более, из всех русских газет единственно с.-р.'овские говорят языком достойным и производят мудрые и соответствующие обстоятельствам слова. Буржуазная русская пресса до невероятности ничтожна и отвратительна. Парижские «Последние новости»⁵ превзошли в своем лакействе худшие образцы старых русских рептилий. Дальневосточные правые органы стоят у разбитого корыта своего японофильства. Между тем, пражская «Воля народа», которая в вопросах внутренней политики все же безнадежно заражена ядом старой кружковщины, о внешних делах пишет умно и правильно. Знаменателен факт, что большинство в редакции — бывшие интернационалисты⁶. Для них в прошлом национализм был буржуазным предрассудком. Их трансформация для меня является отражением огромного психологического преобразования, которое волной прокатилось по русским долам и весям. Этот новый патриотизм, новый русский народный национализм влияет, по-видимому, и на Мартова⁷, который в своем недавнем интервью требовал признания Советов на том основании, что лишь таким признанием можно спасти целостность России и прекратить ее колониализацию. Что все это не является выдуманным продуктом заграничной интеллигентской мысли, я вижу из документов, которые приходят к нам непосредственно из России. Недавно я читал весьма замечательное письмо рядового с.р. работника с Дальнего Востока. Пока он пишет о внутренней политике, он проникнут кружковщиной и повторяет старую ерунду; но как только он переходит к вопросам международного положения, к защите и охране Дальнего Востока от покушений Японии, его письмо дышит благородством активного патриотизма и подлинным националистическим жаром. И видно из всего, что это есть не единичное настроение, а мысль, охватывающая всех и вся в промежутке между большевиками и реакционной правой. Только эти два крайних крыла, по-видимому, готовы купить свое господство любой ценой.

Русский либерализм в области внешней политики не выдержал экзамена; не сумел отстоять свою самостоятельность и сохранить лицо. События последнего времени, надеюсь, послужат ему хорошим уроком и может еще не поздно будет проявить себя. Я лично приписываю в значительной степени робости русского либерализма те бессовестные операции, которые произвела над нами, в част-

ности, Франция. Я никогда не считал, что Франция искренне и глубоко верит в необходимость защиты единой и сильной России, и всегда думал, что эта задача не мыслится ею как конкретная, реальная необходимость политики ближайшего дня. Но я никогда не предполагал, что ее политика будет так слепа и ничтожна. Я вполне разделяю Вашу мысль о бесполезности признания правительства Юга России, которое только толкнуло это правительство на путь великовластия и уничтожило те зародыши и надежды на успех, которые лежали в скромности и ограниченности поставленных задач, в том внутреннем такте, о котором Вы так хорошо написали в письме Вашем владивостокскому правительству. Но не в этом дело. Ведь Франция фактически держала Польшу в руках. Весь польский успех был связан с генералом Вейганом⁸ и той помощью, политической и материальной, которую Париж давал Варшаве. Я не допускаю ни на одну минуту, что если бы французское правительство действительно этого не хотело, рижское торжище состоялось бы. Между тем, оно прошло лишь с одним, и то отчасти слабым, протестом Америки — слабым потому, что историческое заявление Колби от 10 августа⁹ не нашло отклика в Европе, а внутреннее положение и выборная борьба в невероятной мере ослабили возможности реальных достижений для нынешней американской власти.

За этим последовал договор о Бессарабии¹⁰. Зачем, почему? Какие практические потребности толкали юридически закрепить факт предательства русских интересов в бессарабском вопросе? Разве только комбинация с новой Антантой Придунайских государств, где надо было купить уступчивость Румынии по отношению к Венгрии, уступив первой Бессарабию. Меня во всем этом, однако, очень мало раздражает поведение Франции как таковой: ее финансовое и международное положение настолько печально, что никакой здоровой политики от нее ожидать нельзя. Но меня поражает готовность русских плыть во французском кильватере, когда для этого нет никаких оснований, и когда от этого по существу нет никакой настоящей пользы. Нельзя же требовать от других быть более бережным к России, чем мы сами.

Южно-Русское правительство попало с Ригой в самое глупое положение. Что ни говорите, но одной из существенных причин, заставивших большевиков идти на уступки, явилось давление с Юга. Мы сами подарили полякам огромную территорию, а большевикам, вдобавок, дали согласие Польши препятствовать организации на польской территории антибольшевистских сил. Все это произошло лишь вследствие слабости и оппортунизма официального русского национализма. Беда в том, что за большевиками, да и за самими собою, мы не видели России. Я с болью хочу одного, чтобы мы наконец сбросили с себя это увлечение реальной политикой, в которой нет ничего реального кроме неизбежного поражения, и чтобы мы стали достойными того огромного историчес-

кого процесса, который медленно, но неизбежно совершается и ведет к торжеству чистого национализма.

О том, что делать, говорить мне трудно — я слишком оторван; я могу высказывать лишь пожелания. Я прежде всего ощущаю повелительную необходимость образования какого-то центра, вероятно, за границей, который мог бы говорить от имени России. Здесь важна вовсе не та или иная фактическая власть или владение территорией, а нравственный авторитет, уверенность союзников, что люди и стремления, которыми одухотворяется центр, есть то подлинное, что нужно, чего хочет Россия, что имеет право на победу и на будущее руководство. Для моей американской работы подобный центр сейчас — почти необходимость: старое правительство уходит, и через четыре месяца в Вашингтоне будут править новые люди. Мы делаем героические усилия, чтобы удержать их в старом курсе, но нельзя бесконечно долго и безнаказанно оперировать только надеждами и элементами исторического предвидения. Я не боюсь признания большевиков: его не произойдет. Но опасаясь, что нам не удастся удержать Америку на почве активной практической политики в направлении единства и сохранности России. С падением или герметизированием Врангеля за Перекопом реально в России не будет, по крайней мере на ближайшее время, ничего, кроме торжествующей по всем линиям большевистской власти. Независимо от того, что подобное положение вызовет вообще оппортунистические стремления к соответствующим приспособлениям, будет очень трудно отстаивать необходимость игнорирования окраинных образований. Представьте себе картину бушующего большевистского моря, без реальной надежды и просвета, в лучшем случае с ожиданием следующей фазы в виде отсутствия всякого правительства и более или менее долгого процесса самоутрачения местных образований. В то же время на окраинах — хотя бы полууспешные государства, с видимостью порядка, конституциями, действующими учреждениями, законами, желанием торговать и пр. Признание фактически существующего положения не только соблазнительно, но прямо диктуется здравым смыслом. Однако нам нужно избежать того, чтобы операция эта совершилась через нашу голову. Поэтому инициативу необходимо взять самим. Тут я невольно возвращаюсь мыслью к почти забытой декларации 9 марта¹¹. Начала этой декларации до сих пор применимы, и если бы был внушительный русский национальный центр, то можно было бы предложить державам реальную перспективу фактических отношений с существующими образованиями, оставляя вопрос об окончательной судьбе окраинных территорий будущему соглашению между ними и Россией. Фактически Врангель уже вступил на этот путь; однако он имел дело с наиболее сомнительными образованиями; кроме того, никто не верил в искренность военно-бюрократического-правительства. Между тем, если бы мы встали на откровенный путь федерации, то я убежден, что уже теперь легко было бы нашему националь-

ному центру столкнуться с национальными образованиями на почве воссоздания единого федеративного демократического государства. То, что центр, о котором я говорю, будет носителем идеи, а не реальной государственной властью, не только не вредно, но вполне соответствует потребностям и положению России.

Основной процесс, которым шли военно-национальные движения, было создание власти, которая должна была подчинить себе Россию и дать ей тот или иной придуманный и заготовленный порядок. Аграрная реформа Южно-Русского правительства была отлична, но в уме крестьянина невольно должна была шевелиться мысль: почему, собственно, власть дает мне то, чем я уже владею, притом требует с меня еще какой-то платы? Как ни соблазнительно все это, однако это все же навязанный легитимизм, хотя и усовершенствованный значительно против денкинской эпохи. Недаром Шульгин¹² говорил о столыпинской реформе, проводимой столыпинскими людьми. Я не спорю, что, если бы подобный эксперимент удался, это было бы лучшим разрешением вопроса, хотя призрак военщины не дает покоя моему воображению. Однако, самое главное, что опыт не удался и повторять его не следует. Власть не может прийти извне, а должна явиться результатом внутреннего процесса, подобно тому, как ребенок сам учится ходить на своих ногах.

Прочтя мое письмо, Вы, вероятно, меня обвините, во-первых, в отвлеченности, а, во-вторых, в революционности. Но право же, здесь дело не в этом, а в истинно-политическом реализме, который ищет правильной оценки фактов, который стремится построить и найти методы, исходя из действительных отношений, а не из несбыточных желаний.

С нетерпением ожидаю Вашего письма о Крыме. Теперь, с восстановлением наших технических сил, предполагаю Вам писать часто по всем злободневным вопросам.

12 ноября.

Перечитал письмо и боюсь, что, кажется, вопреки своему обыкновению, написал очень не систематически. Поэтому попытаюсь резюмировать свои основные положения.

Первое. На основании опыта последних лет необходимо признать, что большевизм в России не может быть ликвидирован военным путем. Ввиду этого стремления и усилия, направленные на организацию и поддержку военно-национального движения, должны быть оставлены. (Это не мешает частной задаче сохранить остаток национальной организации в Крыму и не дать погибнуть укрывшимся там интеллигентным силам.)

Второе. Ликвидация большевизма произойдет в результате внутренних процессов, осязательное развитие которых налицо и

успешному развертыванию которых мешает, с одной стороны, международное положение России, с другой, — неправильно устремленная в сторону военных движений ориентация русских национальных сил.

Третье. Хотя внутренние процессы, которые приведут к падению большевизма, относятся к разряду явлений, коими нельзя непосредственно руководить и которые нельзя систематически организовывать, тем не менее процессы эти могут быть значительно облегчены и ускорены созданием соответствующей международной обстановки и правильной тактической ориентацией национальной мысли.

Четвертое. Одним из главных факторов, поддерживающих большевизм, является систематическое нарушение европейскими державами и Японией принципа целостности России. Непрестанные покушения на российское достояние дают основание для поддержания большевистского военного аппарата и препятствуют национальным элементам внутри советского государства свободно сосредоточить свои усилия на свержении большевиков изнутри, без опасения того, что временное отсутствие центральной власти повлечет за собой дальнейшего раздробления России и новых потерь. Принимая во внимание охватившую Россию волну острого национализма, проявления которого несомненны и который отражает здоровое, интуитивно правильное понимание действительного положения, руководящие элементы национального движения должны покончить с политикой компромиссов в области международных отношений, не приводящей к практическим результатам и лишь подрывающей авторитет и возможность успеха организованного национального действия. Ясная и не компромиссная позиция должна быть провозглашена и активно проводима национальными организациями и лицами на официальных постах, в политических организациях и национальной прессе.

Пятое. Для авторитетного выявления представительства национальной России в целом должен быть образован, пока за границей, особый орган, который, не стремясь к власти, ставил бы своей задачей защищать интересы России как таковой, равно как стремился бы координировать и объединять развертывающееся в России движение вокруг известных основ в области политической, экономической и социальной. Одной из первых задач подобного центра должно было бы явиться провозглашение принципа федерации и установление, по соглашению хотя бы с некоторыми крайними образованиями, тех оснований, на которых могло бы быть осуществлено воссоздание единой федеративной России.

Не ругайтесь слишком, искренне Ваш, Б.Бахметев.

Б.А.Бахметев — В.А.Маклакову
Russian Embassy, Washington

15 ноября 1920 г.

Дорогой Василий Алексеевич.

Мое письмо не попало в вализу, ушедшую 12-го ноября, и я пользуюсь сим случаем, чтобы прибавить еще несколько слов.

Когда я начинал писать Вам, я надеялся, что Врангель сохранится за Перекопом. Я знал и чувствовал, что как активная сила в русских делах он исключен событиями, но не думал, что катастрофа достигнет такого размера и разразится с такой быстротой.

Америка, по своему почину, делает все, чтобы облегчить положение несчастных беженцев. Адмиралу Бристоль¹ послана инструкция принять все зависящие от него меры; кроме военных судов дано распоряжение использовать суда коммерческие в распоряжении Шиппинг Борд'а², не стесняясь даже тем, чтобы отвлекать суда от прямого назначения. Стараются Красный Крест; *как всегда, они широко откликнулись, когда требуется* гуманность и облегчение страданий.

Ни одной минуты мы не можем поддаваться отчаянию или растерянности. Нам немедленно надо думать о будущем.

Я надеюсь, что у Южно-Русского правительства найдется достаточно здравого смысла и гражданского мужества, чтобы не пытаться продолжать свою деятельность за границей. Если бы к этому проявилась склонность в среде бюрократической, то, я убежден, лично Врангель на это не пойдет и дело ликвидирует. В случае, если бы такая комбинация осуществилась хотя бы в частичной мере, Вам надо ее немедленно пресечь.

Что касается Америки, то во взглядах нынешней администрации провал Врангеля не вызовет никаких изменений. На военные движения, как я Вам писал, здесь не возлагали за последнее время никаких надежд. Падение большевиков и начало конструктивной эры связывали с внутренними народными движениями. Вероятно, совершенно других последствий надо ожидать от Франции. Франция стремится к реалистической политике, и, обжегшись на Врангеле, наверное, бросится в другую крайность. Вам предстоит весьма трудный период. Я думаю, что теперь вряд ли у кого-либо есть сомнения в необходимости немедленного создания субъекта национального движения в виде национального комитета. К тому времени, когда это письмо достигнет Вас, Вы, вероятно, получите мою телеграмму и ответите на нее. Повторяю Вам письменно свои основные соображения.

Подобный комитет не должен представлять собою какой-либо власти и не должен брать на себя каких-либо правительственных функций. Всего менее он должен представлять собою фракцию, группу, партию. Комитет должен олицетворять собою националь-

ное стремление России, как таковой, восстановиться на национальных и демократических началах. Так как в этом суть и задача революции, и так как подобной задаче неоспоримо широко сочувствует мировая демократия, то подобное отвлеченное стремление не является практически бесплодным. Наоборот, оно может облечься в плоть и кровь определенных, хотя бы официозных отношений, а главное — иметь огромный моральный успех. Ведь существовал же Чехословацкий национальный комитет задолго до того времени, когда были самые небольшие объективные основания для существования Чешского государства. Случается, что «ноумены» имеют больше конкретной и реальной цены чем «феномены».

Трудность в вопросе о лицах. Коалиционный состав почти неизбежен, между тем по существу необходимо полное единомыслие. Мне кажется, его можно достигнуть путем соответствующего подбора лиц. Необходимо отбросить все правее кадетов. Как это ни печально, но сейчас иначе нельзя. Центром должны быть народные социалисты и правые эсеры; кадеты и промышленники — на правом крыле. Если бы Вы могли привлечь элементы, группирующиеся вокруг пражской «Воли народа», то это было бы только желательно. Боюсь однако, что военный период русского национального движения вырыл слишком глубокие пропасти.

Я думаю, что Вы сами лучше меня понимаете, как все это сделать и, я убежден, чувствуете необходимость этого шага.

Странно, но за последние 24 часа люди самых разнообразных направлений говорили со мной и высказывали, в конце концов, ту же мысль, хотя и на разный лад.

Жду от Вас совета.

* * *

Пока писались эти строки, я был в Государственном департаменте и беседовал с заменяющим отсутствующего министра Дэвисом³. Он официально подтвердил мне, что политика Америки ни в чем не изменяется, что нота 10 августа есть и будет краеугольным камнем отношения к России.

Государственный департамент ежедневно получает новые подтверждения роста антибольшевистского движения в России и ждет решительных событий в течение ближайших месяцев. В беседе о причинах, которые привели к крымской катастрофе, мне было дано понять, что одним из основных факторов, подрывавших положение Южно-Русского правительства, Соед[иненные] Штаты считают недостаточную ясность национальной политики южной России. Мне трудно было возражать против этого, так как это близко подходит к моему пониманию.

Я в близких чертах коснулся идеи образования комитета и в ответ получил не ожидаемое горячее сочувствие. Это — лишнее доказательство, что необходимо образовать подобный комитет без всякого отлагательства. Я думаю, что этому комитету не следует провозглашать идей организованной борьбы, особенно вооружен-

ной: это само собой приложится и зависит вообще не от слов, а от действий различных организаций и фракций на местах. Комитет, олицетворяя стремление России к устройению ее на национально-демократических основах, должен представлять Россию, как таковую, перед миром, отвергать большевиков в принципе и в практике; препятствовать их признанию, противопоставляя ту Россию, которая должна быть. Главное же, вне всяких компромиссов высоко держать национальное знамя.

Невольно приходит мысль, что если бы события пошли по тому пути, как я Вам гипотетически предлагал, т.е. если бы вместо того, чтобы объединяться с поляками и т.д., Юг России заявил, что он не будет нападать на большевиков, пока они выгоняют поляков из России и вообще пока Польша и Западная Европа не дадут абсолютных доказательств своего непокуительства на Россию. Я отлично понимаю, что в те времена подобная программа казалась беспочвенной и непрактичной и даже, может быть, смешной. Теперь, в свете поражения, позволительно гадать, что события могли бы повернуться иначе. Конечно, Рижского мира не было бы, и вряд ли Москва смогла бы заставить Красную армию возобновить свои действия на Юге против тех, кто в свое время, во имя высших национальных целей, прекратил гражданскую войну. Лично я убежден, что в этом случае катастрофы не было бы.

Но все это — теория и lamentации. Психология и настроения русских были иные, и это — самое главное. Будем надеяться, что новый урок не прошел даром.

Ваш ББ.

№ 26

В.А.Маклаков — Б.А.Бахметеву

Париж, 24 ноября 1920 г.

Дорогой Борис Александрович,

Пользуюсь оказией, которая едет очень скоро и потому буду краток, чтобы поставить Вас в курс здешних событий. Перехожу прямо к сути дела.

Падение Врангеля сразу выдвинуло мысль о национальном комитете; эта мысль стала носиться в воздухе, в самых различных политических кругах и объединениях ее старались уже ставить на практическую почву. Словом, можно сказать, что было ли бы это признано полезным или не было бы, создание какого-то комитета сделалось неизбежным, и потому все старания мои и моих друзей, как принято говорить за границей, были направлены к тому, чтобы из этого комитета не вышло бы чего-либо уродливого. В это же время я получил Вашу телеграмму, с которой по существу

был совершенно согласен и которая совпадала с моим представлением о том, в каких условиях комитет мог бы быть безвредным. Но в этот момент главною трудностью сделалось поведение левых партий, т.е. в сущности эс-эров; о других пока говорить не приходится. Вы издали, читая их газеты, были ими очень довольны; по-видимому, Вас больше всего прельщала их непримиримость в вопросе о национальном единстве России и их последовательный демократизм. Все это очень хорошо, когда это остается на бумаге, как газетная статья. Но полезность этой партии нужно оценивать не по тому, что она говорит в газетах, а по тому, какие факторы для борьбы с большевизмом она представляет. Керенский и его ближайшие друзья не раз говорили нам, что их партия имеет связи с народом в России, имеет организации, ячейки и т.д. Что они потому только и не действовали, что им мешала военная диктатура; если бы это было правда и если бы с падением Врангеля борьба перешла в руки эс-эров, у которых была бы хотя бы десятая доля тех возможностей, которые представляла вооруженная борьба Врангеля, то не только нужно было бы их приветствовать, но действительно нужно было бы жалеть, что гражданская война отсрочила эс-эровское выступление. Но, к сожалению, я думаю, что эс-эры ошибаются, а может быть, и просто лгут; вернее, есть и то и другое вместе — одни лгут, а другие им верят. Никакого аппарата для борьбы у них нет; аппарат борьбы террористической давно разрушен, в движениях народных и восстаниях не они играют первую скрипку; вернее, не играют никакой; пока так называемое национальное движение приняло только форму махновщины, в котором, конечно, ничего эс-эровского нет. Такое же национальное движение пытаются создать и возглавить Савинков и Балахович; на него многие возлагают надежды, например, старик Чайковский. Конечно, отсюда пока это движение представляется обреченным на полный разгром при встрече с вооруженными силами большевиков. Он очень хорош как дополнительные действия, но как самостоятельный способ борьбы он имеет все невыгоды открытой борьбы, не имея ее преимуществ. Но как бы то ни было, вот эти уверения эс-эров, которых я не разделяю, делают их сейчас очень неуступчивыми и притязательными; они думают, что настал их момент и их время; что они сейчас господа положения и руководители судьбами России. Несомненно, что наш провал, явившийся косвенным подтверждением правоты их взглядов, ибо это они твердили, что Колчак, и Деникин, и Врангель непременно провалятся, дал им сейчас в глазах французов право на некоторое специальное внимание; человек, который верно предсказал, имеет некоторый капитал доверия.

Сейчас это у них есть, и они это учитывают. Поэтому, когда сейчас заходит речь о совместных действиях с ними, об участии их в национальном комитете, то они смотрят на это приблизительно так же, как Временный комитет Государственной Думы¹ во время революции смотрел на тех министров старого режима, ко-

торые приходили к нему посоветоваться о том, что делать и предлагать свои услуги. Тем, кто начал переговоры с ними, — а велись они Винавером² и Коноваловым, — отвечали: «нет, господа, к вам мы теперь не пойдем»; в лучшем случае они соглашались пробовать работать с нами, но ставили ряд предварительных условий, а именно: полное покаяние, отречение от самой идеи военной диктатуры и резкий протест против попыток Врангеля сохранить за собой некоторое подобие власти. Нежелание их работать с теми, кто представлял собою Врангеля, шло так далеко, что они не признавали возможным участие в этом национальном комитете, даже в переговорах о нем, Политической Делегации; все то, что носило на себе отпечаток военной диктатуры — Политическая Делегация, посольство и даже самое здание посольства, — отстранялось. Национальный комитет должен был возникнуть совершенно независимо от них, я бы сказал против них, и тогда мог бы допустить к совместной работе с собой тех, кто в старых прегрешениях покаяется. Таково было настроение эс-эров. Кадеты здесь обняли все крайности; одни говорили, что нужно всецело примкнуть к эс-эрам и публично отречься от своих заблуждений о военных диктатурах, которые им были навязаны и привели кадетов к крушению; другие, тоже кадеты, считали, что Врангель и его армия, если от нее хоть что-нибудь сохранилось, есть все-таки такая политическая сила, пренебрегать которой нельзя и отказываться от которой в момент несчастья неприлично. Поэтому кадеты, как всегда, занимали выжидательную позицию, но соглашение их с эс-эрами становилось маловероятным. С другой стороны, Струве, коорый здесь представляет правительство Врангеля, хотя и сдал в вопросе о необходимости национального комитета, и в этом смысле послал очень решительную телеграмму Кривошеину, но самый этот комитет мыслил не иначе, как орган, создающийся для поддержки остатков врангелевской армии, и если не признающим себя подчиненным, то во всяком случае неразрывно с ним связанным. Самое образование такого комитета, с точки зрения Струве, должно было быть результатом соглашения Врангеля и его правительства с общественностью. Несколько дней можно было думать, что ничего не выйдет и что все останется по-прежнему. Но затем положение, стало проясняться; кое-что становилось ясным и бесспорным.

Во-первых, оказалось, что армия Врангеля была спасена в гораздо больших размерах, чем можно было ожидать; спасена как боевая сила без деморализации и потери дисциплины; эвакуация произошла в идеальном порядке, поскольку может быть порядок в эвакуации, вывезены были почти все, кто желал, и солдаты уезжали с оружием, т.е. с ружьями. Таким образом, врангелевская армия не была уничтожена; и если ей было суждено быть уничтоженной, то смертельный удар ей нанесли не большевики, а за границей, союзники. Во-вторых, из телеграммы, которую я Вам полнотью переслал, посланной самим Врангелем с борта корабля,

стало очевидным, что Врангель сделал все необходимые выводы из своего положения; он признал, что правительство больше не существует, что оно расформируется и что те органы, которые им оставляются на местах или вновь назначаются, должны будут обслуживать интересы армии как боевой силы, без какого-либо притязания быть правительством. Прилагаю Вам к сведению копию с той телеграммы, которую послал Кривошеину, где я старался зафиксировать этот их добрый почин. Это, конечно, нам развязывало руки. Мне бы лично претило лягать Врангеля в тот момент, когда многие тысячи из его армии легли костями за то дело, за которое мы здесь стараемся бороться. Я вообще считаю большим хамством со стороны Парижской колонии, в частности Делегации, что она не нашла в себе той силы духа, которая когда-то заставила Римский сенат благодарить консула за то, что он не отчаялся спасти государство. Слово благодарности Врангель от нас заслужил и оно нами не было сказано; благодарили его русские из Константинополя и из Лондона, но мы в Париже дипломатически промолчали. Но повторяю Вам — это вопрос чувства, а политически это развязывало нам руки. Если сам Врангель не признает себя властью, то, следовательно, образование здесь политического комитета, каковы бы ни были его цели и задачи, не могло быть рассматриваемо, как ход против Врангеля. С другой стороны, здесь также здравый смысл начал подсказывать верную оценку положения. Так, сами эс-эры, которые говорили сначала весьма развязно, что в падении Врангеля они не видят никакой катастрофы, что они ее предвидели и предсказывали и что потому все остается по-прежнему, эти самые эс-эры поняли одно: что крушение Врангеля по крайней мере здесь, во Франции, сделало очень вероятным и уже, во всяком случае, возможным постепенное признание большевиков. Только поскольку в России была какая-то сила, которая представляла борющуюся против большевиков настоящую Россию, только до тех пор и можно было с успехом бороться против признания факта — большевики победили — и они власть в России. И когда эс-эры усвоили, что раньше чем они своими фантастическими связями ниспровергнут большевизм, большевизм может получить колоссальную опору в признании его всеми державами, и что первой задачей национального комитета здесь будет помешать этому признанию, — только тогда они стали более склонны к переговорам. Они поняли другое, что мы стоим настолько близко к полному повороту заграничной, в частности французской, политики к большевизму, что нужно приднести им новый осязательный факт, который мог бы их удержать от этого признания; этим фактом и могло быть политическое соглашение тех, кто прежде находился в разных лагерях.

Вот если те силы прогрессивной России, которые раскололись на вопросе о военной диктатуре, если эти силы перед лицом заграничной сольются вместе, войдут в состав одного и того же комитета, то это может быть тем политическим фактом, который будет

способен задержать, если не предотвратить, переворот в сторону большевизма. Вот это они, по-видимому, стали понимать, по крайней мере разговоры с ними стали легче, и не далее как сегодня в 3 часа, здесь, в посольстве, по почину Делегации, будет происходить совещание Делегации, представителей кадет (Винавер и Коновалов), эс-эров (Авксентьев³ и Бунаков⁴) и промышленников (Денисов и Лианозов⁵). Письмо мое уйдет раньше, чем обнаружатся результаты совещания. К слову скажу, что я забыл сказать в своем месте, что в самом начале катастрофы Чайковский явился с настойчивым требованием, чтобы Политическая Делегация не промолчала, а сделала какое-либо заявление. В результате двухдневной работы над заявлением был выработан компромиссный текст, который я подписал без всякого энтузиазма, ибо он, в конце концов не высказывал ничего кроме [плато]нической мысли, что борьба продолжается, но включил в конце фразу: «Политическая Делегация остается на своем посту». Так вот, единодушие в Парижской колонии было таково, что почти все пришли в негодование, как смеет Делегация обнаруживать признаки жизни и брать на себя какую-либо инициативу.

Возвращаюсь к национальному комитету. Более или менее ясно наметились его функции. Мысль о том, чтобы он объявил себя чем-то вроде правительства, теперь оставлена. Отказались от этого в связи с отказом самого Врангеля считать себя правительством, что устраняет конфликты на этой почве; предположение о том, чтобы комитет поставил себе практические задачи борьбы с большевизмом, объединенные отдельные выступления, будь то военные, будь то заговорщические, тоже покинута, ибо все хорошо понимают, что для этого национальный комитет не годится, а потому осталась только одна функция — представительство за границей русских интересов; защита их, во-первых, перед иностранцами путем морального на них воздействия; и другое — входить в соглашение с национальностями прежней России. В такой постановке вопроса я вижу совпадение здешних мыслей с Вашими, и этому очень радуюсь; все главные опасности будут устраняться. Никакого конфликта с Врангелем не будет, посольство, как такое, в этот национальный комитет входить не будет, правые партии сами туда не пойдут и потому внешних препятствий к образованию такого комитета, я думаю, не будет. Но если спросить себя, что выйдет из этого комитета, то тут я являюсь таким же пессимистом, как Вы были относительно Врангеля. Конечно, соглашение прежних непримиримых противников может произвести известное впечатление; на очень немногих и ненадолго. Так как у этого комитета не будет никаких средств воздействия на Россию — у него не будет даже призрака власти, а только одна литература, — то реальные политики Франции очень хорошо поймут, что этот комитет не может ни обмениваться товарами с ними, не может им ни повредить, ни помешать, что этот комитет не идет ни в какое сравнение с большевистской Россией и не он будет бу-

душим хозяином в России. Еще, если бы действительно на создании этого комитета сошлись бы в едином порыве все русские заграничные представители; но ведь это, очевидно, самообман — люди придут с камнем за пазухой, вынужденные к этому соглашению обстоятельствами дела и, в чем я совершенно не сомневаюсь, все туда не вошедшие весьма быстро начнут этот комитет дискредитировать. Я понимаю, что он ответит пожеланиям Америки, которая вообще в борьбе с большевизмом не участвует, которая довольствуется только установлением правильной идеологии. Здесь рассуждают иначе, идеологии здесь меньше и один батальон солдат на русской территории произведет больший политический эффект, чем красноречивые декларации комитета. И вот здесь самое большое горе момента: Врангель сделал чудо, увезя из Крыма почти 100-тысячную армию; но эта армия будет добита отсюда. У французов нет денег и нет веры, чтобы сохранить эту армию; образование комитета, которое все-таки же доказывает, что мысль русской общественности идет в другом русле, не увеличит веры в то, что эта армия когда-то пригодится. Поэтому армию эту покинут, она распылится, будет образовывать рабочие дружины, но как армия существовать перестанет. Все это породит страшное франкофобство в той же самой армии, что увеличит желание французов сблизиться с большевизмом. Словом, если не произойдет в самом непродолжительном времени какого-то чуда или полного изменения мировой конъюнктуры, то соглашение с большевизмом для меня представляется несомненным. Конечно, от этого еще не все погибло бы, но все это будет бесконечно дороже стоить России.

Кстати, Вы жалуетесь на то, что Вам не пишут, а сами пишете еще меньше; что такое за история с Вандерлипом⁶; расскажите мне подкладку этого. Мировая же ситуация сейчас очень осложняется; большевики могут начать войну с Польшей; и, конечно, сейчас их шансы против Польши очень увеличились, и Вы никакими уже силами не можете заставить русские войска помогать полякам; если большевизм проникнет в Польшу, то снова выступит на сцену Германия; я еще не знаю, в какой роли она выступит, но люди, бывшие там, думают, что Германия от большевизма застрахована; тогда произойдет столкновение большевиков с германцами на территории Польши и, может быть, восстановление порядка в России путем военной победы немцев. Может быть, будет иное. Соглашение Германии с большевиками и отказ от исполнения Версальского договора против Франции. Есть и другие перспективы, столь же своеобразные. Большевики могут пойти на Румынию, отнимая у нее Бессарабию; Вы понимаете, что опять-таки ни один русский человек не пойдет защищать Румынию. А союз большевиков с кемалистами⁷, направленный к завоеванию Грузии, тоже вызовет совершенно различные чувства. Словом, совершается как будто бы объединение прежней России большевистскими руками, что в некоторых политических слоях вызывает

большое сочувствие к большевизму. Словом, когда оценишь все то, что происходит, то можно прийти к двум печальным выводам: 1) что разгром наших военных сил есть катастрофа, всю важность которой мы недостаточно оцениваем; мы думали, что мы и без них можем справиться с большевизмом, а это не вышло; а, во-2-х, что та новая общественная Россия, на которую Вы рассчитываете, не представленная ни военными, ни большевиками, — сама по себе оказывается наиболее бессильным политическим элементом и те, кто не выбрал по эс-эровской формуле Колчака, принуждены будут выбрать Ленина⁸.

Буду ждать от Вас, который с этим согласен, каких-нибудь утешительных доводов.

* * *

Я ошибся, говоря, что посылаю Вам письмо с оказией. Оказия идет сначала в Японию и потому доедет до Вас ко второму Пришествию; посылаю письмо почтой, но пользуюсь отсрочкой, чтобы сказать Вам два слова о вчерашнем заседании. Общее впечатление: мы еще очень далеки от соглашения. Авксентьев и Руднев⁹, которые присутствовали, принципиальные его сторонники, но признаюсь, что нужно еще колоссальное усилие над их партией, чтобы из этого что-либо вышло; а кроме того, в обмене мнений обнаруживается и довольно существенное несогласие. Эс-эры не признают смысла в комитете, если у него не будет некоторых, как они называют, правительственных функций; под этими правительственными функциями предполагается, например, право распоряжаться государственными средствами и добывать средства за счет государства. В этом отношении с ними согласны и представители промышленников. На этой же позиции стоит и Чайковский. Кадеты стоят на позиции обратной; не претендовать на правительственные функции. В сущности, конечно, обе точки зрения примиримы, и мы самым дружелюбным образом, — потому что разговор вообще был крайне корректный, — нашли общий язык. Вы догадываетесь, конечно, что он сводится к простой мысли: комитету нужно заслужить некоторое доверие и признание, для того, чтобы он мог претендовать на распоряжение государственными средствами, чтобы его подпись что-нибудь стоила на международной бирже; а для того, чтобы заслужить это доверие, нужно прежде всего, чтобы его признали собственные соотечественники; а для этого необходимо, чтобы они не заявляли слишком больших притязаний, которые вызовут отпор. Что же касается до тех средств, которые сейчас находятся в обладании государства, то их, в сущности, нет — кое-что находится в руках Врангеля, но если эти средства пойдут не на беженцев и не на его армию, то это вызовет такое негодование среди его армии, что оно подорвет морально самый комитет; да, наконец, никто не поймет и правительства союзников, что имея в руках государственные средства, он направляет их на какие-то иные цели, а на содержание своих беженцев обращается к союзному кошельку. Все эти доводы, ко-

нечно, достаточно убедительны и со справедливостью их все согласились; но самая постановка этих вопросов, как предварительных вопросов, которые ставятся с характером ультимативным, грозя в случае несогласия разрывом, показывает Вам, что еще нет того национального движения, которое Вы усматриваете издалека. А между тем, вопрос стоит очень остро. Если отсюда в самом ближайшем времени у нас не будет создано чего-нибудь единодушно, широкого и внушительного, то никакими силами мы не сможем воспрепятствовать признанию большевизма.

№ 27

Б.А.Бахметев — В.А.Маклакову
Russian Embassy, Washington

2 декабря 1920 года

Дорогой Василий Алексеевич,

За письмо Ваше с впечатлениями о Крыме огромное спасибо и поклон. Письмо полно жизни и интереса, не говоря уже о блеске характеристик и пр.; не мне говорить Вам комплименты по этому поводу.

Вы удивитесь, однако, моему основному впечатлению: Ваше письмо доказывает как раз обратное тому, к чему Вы стремились. Конечно, Вы пытались быть беспристрастным; однако, несомненно, Вы хотели убедить себя и других, что в Крыму было что-то новое и обещающее. Между тем, Ваша правдивость взяла свое. Даже если бы письмо Ваше пришло ранее гибели Врангеля, всякий беспристрастный читатель должен был бы прийти к заключению: дело это длиться не может, ему положен скорый конец.

Я радуюсь еще тому, что в письме Вашем нашел много мыслей и переживаний близких и сродных мне. Это показывает, что мы мыслим в близких плоскостях, что легко прийти к общему пониманию. Разница может быть лишь в темпераментах и в окружающей обстановке. Я не могу не отметить, в частности, важности Ваших слов о настроениях среди офицерства. Это не реакция, это — большевизм. Я убежден, что по ту сторону баррикады руководящий военный элемент Красной армии живет теми же страстями и ненавистями, о которых Вы так живописно говорите. Разница лишь в том, что в круг ненавистных буржуев и помещиков они включают также и людей, предавших Россию, купленных Западом и т.д. Я все более и более убеждаюсь, что преобладание военного сословия, военная психология как социальное явление есть одно из самых опасных наследий войны. Это явление не только русское: военщина существует и опасна везде и всюду. Она расцвела махровым цветом в срединной Европе; мы видим ее в цивилизованной и полированной форме в господствующих

тенденциях французской политики. Об этом подробно ниже. Сейчас хочу лишь отвести душу и сказать Вам, что страх давит меня и что ликвидация господства военной психологии и уничтожение для нее каких бы то ни было возможностей есть вообще одна из самых главных и очередных задач дня.

Вы спрашиваете меня о Хардинге¹. Конечно, Спарго преувеличил, сказав Вам, что победа Хардинга равнозначна признанию большевиков; в словах его, однако, была доля правды. Было много причин, по которым мы опасались прихода республиканцев и предпочитали оставление у власти демократов. Долгими стараниями нам удалось ввести американцев в курс правильной политики, от которого они в последнее время уже не уклонялись; было достигнуто положение, при котором наши усилия надо было сосредоточивать лишь на том, чтобы в линии этой политики достигать более или менее энергичных и конкретных действий. Это уже очень много, особенно при нынешних условиях, когда так трудно обрабатывать людей и когда элемент времени часто может играть решающее значение. Кроме того, как я писал Гирсу, в республиканской партии преобладают две крайности: с одной стороны — консерваторы, решительные антибольшевики по психологии и понятиям, но склонные снобировать Россию и увлекаться реалистической политикой. С другой стороны — сильное радикальное крыло, в котором видную роль играют убежденные и энергичные сторонники если не признания Советов, то, во всяком случае, широкой с ними кооперации. Мы наметили широкий план энергичной борьбы за то, чтобы политика Америки не изменилась. Авангардный бой уже в полном разгаре; мы захватываем позиции и ведем систематический обстрел. Надо сказать, обстановка сейчас много благоприятнее того, чем она была в то время, когда Вас посетил Спарго. Это признает он сам, продолжая оказывать нашему делу неоценимые услуги. Я скептик, боюсь сглазу и, в силу примеси малороссийской крови, следую весьма мудрой пословице: не кажи гоп, докиль не перескочишь. Поэтому, пожалуйста, не думайте, что все уже обстоит благополучно и что мы перескочили. В один прекрасный день Вы можете быть разбужены неприятным известием, что мы проиграли кампанию. Если это будет касаться лишь положения посольства, то не пугайтесь. Официальный уход не означал бы потери всех наших позиций. Мы много потеряли бы в этом, но кое-что и приобрели бы. Одним словом, — масса всяких возможностей и перспектива живительной атмосферы, стоящей борьбы.

Я писал о первом впечатлении, вызванном здесь падением Врангеля. Дальнейшее вполне подтвердило правильность моей оценки. Америка отнеслась к событиям спокойно и, за малыми исключениями, вредных для нас выводов не сделала. Наоборот, в последнее свое посещение Нью-Йорка я был изумлен, насколько, в общем, события в России правильно оцениваются даже консервативными, весьма несклонными к иллюзиям, кругами. Я сказал

за малым исключением, так как были отдельные голоса, и даже довольно влиятельные, которые сделали неизбежно диктуемый реалистической политикой вывод, которого я всегда боялся. К счастью, они рано выпустили свои заряды и сейчас еще много времени, чтобы парировать их удары. Предприятие Вандерлипа произвело, по-видимому, гораздо большее впечатление в Европе, чем здесь. Из прилагаемых вырезок Вы увидите, что американская пресса и серьезные круги по справедливости оценили посулы этого шарлатана. Общее настроение по отношению к России остается крайне благоприятным, как в среде правительственной, так и широко общественной. Этого, конечно, не понимают люди, склонные к передоношине, вроде нашего друга Корфа², который пишет глупости на страницах русской парижской прессы.

Оценивая будущее, я повторяю, что не вижу перспективы признания советской власти. Этого не произойдет. Чего я опасюсь — это понижения всего тона политики по отношению к России. В настоящее время в настроениях власти и печати Россия — один из основных вопросов, активный и серьезный субъект международного положения. Чего я боюсь, это чтобы Россия, как это случилось в Европе, не обратилась в объект, во временно ненужный и неинтересный предмет, который убирают в пыльный шкаф, не мешая, конечно, тем, кого это интересует, разживаться.

И в этой, однако, области, я не теряю надежды выиграть кампанию, причем для этого, вероятно, придется перенестись в сферы самой большой европейской политики. Два обстоятельства, думаю, помогут нам в этом, и об этих явлениях мне хочется написать Вам несколько подробнее.

Я чувствую, во-первых, что Европа приближается к весьма серьезному кризису. Вызван этот кризис, в общем, неудовлетворительным разрешением дел на конференции мира. Вы согласитесь, вероятно, со мной, что характерным в мировом положении настоящего времени является всеобщее недовольство. Нет ни одной страны в Европе, которую можно было бы назвать удовлетворенной и вошедшей в спокойный, устойчивый период национальной жизни. Все чего-то ждут, чем-то тяготятся, что-то желают переменить. Несомненно, победа республиканцев в Америке освободила долго накоплявшуюся потенциальную энергию. Смена власти здесь понята была в Европе не только как фактическое удаление Америки из сферы мировых дел, но и как освобождение от того сдерживающего начала, которое было связано с именем Вильсона и с теми новыми принципами международной жизни, которые он стремился установить³ и которые конкретно давили на воображение и действия европейской государственности. Падение Вильсона было понята как возможность возвращения к старым, временно оставленным приемам. Вместе с тем, с видимой изоляцией Америки гибли надежды на американскую помощь и оставалось лишь утрястись и приспособиться самим. В этом приближающемся процессе переоценки и пересмотра установленных в Париже соотно-

шений, как ни странно, русский большевизм, по всей вероятности, будет играть существенную роль — и это потому, что, в силу обстоятельств, московская власть приобретает свойства активного великодержавного фактора. Международное значение большевизма не есть уже только международная опасность (кстати, давно, по-моему, пора перестать повторять эти надоевшие, всем известные и никому не нужные слова), или центр всемирной пропаганды; как это ни странно, но большевистская Россия, прогнившая и ослабленная изнутри, приобретает, в силу безумной политики Западной Европы, черты и свойства действенной великодержавной силы. С некоторым преувеличением можно даже сказать, что московская власть, пожалуй, единственная, которая по характеру и размаху достигаемых успехов может быть названа сейчас великодержавной. Сущность процесса, приводящего к такому ненормальному положению, заключается в том, что, по мере разочарования в принципах, провозглашенных при завершении войны, и в действительности созданных в Париже гарантий и учреждений, взоры оскорбленных народностей, чувства обиженных и боящихся — невольно направляются к Москве. Уже трюизмом звучат слова о том, каким образом большевизм сумел использовать горечь, посеянную в России безнравственной политикой Запада; но вдумайтесь в положение на Ближнем Востоке. Ведь в действиях турецкого национализма не все — буффонада, и есть известная доля справедливости в заявлении Кемалья-паши⁴, что единственным защитником турок является нынешнее русское правительство. Выйдите на минуту из круга обычных понятий, погрузитесь в атмосферу Ближнего Востока и посмотрите, во что обратились идеи мандатов⁵, как заплатила Западная Европа арабским народностям за помощь во время войны. Оцените горечь их разочарований и силу их ненависти.

Конечно, Франция в последний момент стремится заменить поддержку Греции политическим флиртом с турецким национализмом⁶ — но какая цена этих влияний? Восток чуток и отлично все понимает.

Оцените, далее, ленинский кунштюк с Арменией. В момент, когда Лига Наций в Женеве свидетельствует о бессилии Европы спасти Армению, — Ленин грозным окриком убирает турецкие полчища за Арпачай⁷. Как ярко доказывает, между прочим, этот инцидент ту реальную силу, единственно способную направлять и разрешать вопросы, которую представляет Россия на Ближнем Востоке; но, к сожалению, факт остается фактом, что сила России в настоящее время эскамотирована большевиками и что при данных обстоятельствах лишь большевистская власть смогла разрешить и сделать то, перед чем в бессилии барахталась Европа. Вы, вероятно, знакомы с разоблачениями относительно венгерских происков в серединной Европе. Я посылаю Вам копию этих документов; *si non e vero, e ben trovato*⁸ — несомненный факт, что в серединной Европе образуется в настоящее время две основных

группировки. Одна из них — Чехословакия и Сербия, остаток малой Антанты, ослабленный и искалеченный отказом Румынии (я лично никогда не ожидал иного решения со стороны Румынии); против них создана группа военных государств — Польша, Венгрия и Румыния. Эта комбинация — лишь повторение мысли о санитарном кордоне, распространенном не на одну лишь Россию, а и на срединную Европу. Конечно, за этой мыслью — инспирация Парижа; это — результат той преобладающей реалистической военной психологии, согласно которой важны лишь генеральные штабы и войска. Вдумайтесь в опасности, таящиеся в создании системы военных государств, весь смысл которых в военных авантюрах. Вникните в то, какие последствия связаны с образованием в Венгрии армии для борьбы не только с Советами в России, но и с коммунистическими образованиями в государствах средней Европы. Мы все знаем, что Чехословакия переживает глубокий внутренний кризис. Страна эта очень легко может войти в фазу самых радикальных социалистических экспериментов. Из того, что у власти будут лица, исповедующие коммунизм, не следует заключать, конечно, что практика управления будет следовать московским примерам. Наоборот, можно ожидать, что практика будет сравнительно умеренна. Огромное отличие от Москвы — социальный состав Чехословакии: радикальное правительство не явится делом захвата власти ничтожной группой, а будет лишь явлением массовой патологии. В этом случае Венгрии будет, по видимому, позволено занять своими войсками оторванные области; подобный захват произошел бы, вероятно, независимо от того, разрешили бы его державы или нет. Но ясно, что военная авантюра Венгрии заставит Чехословакию искать защиты погранных национальных прав в Москве. Румыния — на грани между большевизмом и милитаризмом; неизвестно, куда склонятся весы судьбы, но если охватившая сейчас Румынию революционно-социальная конвульсия привела бы к временной победе радикальной группы, то последствием явился бы подобный же захват Трансильвании венгерскими солдатами — и с теми же перспективами, о которых я писал выше для Чехии. Нелишне, наконец, вдуматься и в то, какие перспективы развертываются для взаимоотношений большевистского великодержавия с Германией. Немцы не пошли с большевиками, когда шло наступление на Варшаву.

В те времена я был уверен, что Германия не пойдет, так как варшавский поход был военно-революционной авантюрой. Сочетать свою судьбу с успехами большевистского наступления значило бы рискнуть бросить на весы все свое будущее, поставив его в зависимость от весьма ненадежной военной кооперации с недисциплинированными красными ордами. Но если большевистский успех будет лежать не непосредственно в области военных наступлений, а в сфере великодержавного влияния, если международный авторитет большевистской власти укрепитя рядом признанных и несомненных дипломатических побед, то создадутся усло-

вия, исключительно привлекательные для Германии, в смысле политического сотрудничества. Пересмотреть договор — основной вопрос, от правильного разрешения которого зависит все будущее немцев. Германия изголодалась и измучилась благодаря той экономической неопределенности, в которой она живет. Она не может начать работать и встать на ноги без того, чтобы вопрос о контрибуции был урегулирован. В связи с этим создаются весьма заманчивые перспективы для большевистского водительства. Если в прошлом, благодаря ошибкам союзной политики и, позвольте мне сказать откровенно, слепоте русских националистов, большевистская власть объективно выступала как национальный водитель России, то теперь можно предвидеть однородные явления в более широкой области. В конечной перспективе можно даже предвидеть конъюнктуру, когда большевистская Россия, *horribile dictu*⁹, займет среди народов положение, аналогичное тому, которое имела Америка в конце войны, когда она являлась арбитром справедливости и той единственной активной силой, к защите которой прибегали униженные и оскорбленные, и где искали приюта слабые и боящиеся.

Как встретит новое положение официальная Европа? То, что пока делается, лишь усложняет положение и помогает большевикам. Один из важных, основных вопросов — приостановка вооружений. Вы помните, во время перемирия раздавалось много голосов, справедливо утверждавших, что разоружение народов после войны явится экономической необходимостью. Правильность этого положения лишь усилилась. Современное состояние хозяйственных дел не позволяет Европе нести бремя милитаризма: между тем, Лига Наций признала, что подымать вопрос о разоружении преждевременно, и в той общей международной обстановке, в которой рассматривался этот вопрос, иного решения ожидать было нельзя. Мало того: милитаризация срединной Европы в полном ходу. К чему же это ведет? К экономическому развалу, к универсальному бунту и анархии, которые по своим последствиям равнозначны тому, что принято называть социальной революцией? Раньше, чем делать общий вывод из высказанного положения и касаться вопроса о том, какую роль я предвижу во всем этом для Америки, мне хочется коснуться нескольких побочных соображений, имеющих значение для нас, русских.

Несомненно, что признаки российского великодержавия, осуществляемого даже большевиками, будут льстить известного рода национальным самолюбиям. Исторические пути настолько многообразны и сложны, что неправильно просто отмахиваться от вопроса: а не выиграет ли действительно Россия от достижений в международной области, хотя бы и под большевистским водительством? Я лично на этот вопрос отвечаю безусловно отрицательно, в силу непререкаемого для меня положения о неспособности большевизма к внутренней эволюции. Если бы большевизм, как таковой, способен был к внутреннему перерождению и развитию, дело

Иллюстрации

19 января 1920 г.

!!!
Отвращенно мысли
и доверчивости
попы не надо - Василь
не отравит Вас или
из страха. Надпись
на конверте.
В

Дорогой
Василий Алексеевич.

Перечитывая письмо, которое я Вам написал несколько дней тому назад, я собираю мысли, которые за это время приходили мне в голову, хочу поделиться с Вами некоторыми замечаниями, которые, čímь больше я о них думаю, čímь больше представляются мне убедительными.

Трагичность нашего положения по преимуществу заключается в томъ, что у нас нѣтъ субъекта національнаго движенія. Вы можете сколько угодно въ своемъ собственномъ рѣшеніи и поведеніи прочно владѣться оазиса національной военной силы, которая сохранится гдѣ-то на Дальнемъ Востоцѣ или въ Кубанскихъ степяхъ, но Вы никого не заразите своимъ энтузіазмомъ, а главное изъ этого упорства ничего практическаго не выйдетъ.

Совершенно ясно, что осеменни и вообще миръ не можетъ находиться *ad infinitum* въ состояніи ошкандальна по отношенію къ Россіи, откладывая рѣшеніе

.А. МАКЛАКОВУ.

Вотъ разныя сырыя мысли, которыя приходятъ мнѣ въ голову. Итакъ, двѣ основныя вещи: программа и практика вмѣсто схоластическаго умствованія.

Надѣюсь, Вы не посудите меня слишкомъ строго за вольнодумство, а если всё сія мысли покажутся Вамъ наивными или непригодными и несбыточными, то относите ихъ къ воздѣйствию американской обстановки, спокойствію и скукѣ мѣстной жизни и отсутствію занимательныхъ предметовъ, увеселяющихъ Вашу жизнь.

Искренно Вашъ

В. Франклин

" 18 " Февраля 1920 г.

Лето и Конфиденциально!

Дорогой Василий Алексѣевичъ.

Въ дополнение къ отвѣту моему на Вашу телеграмму № 129-bis отъ 29 января пишу болѣе подробно нѣкоторыя своя соображенія по поводу всего Вами сообщеннаго.

Не скром, что телеграмма Баба меня глубоко поразила. И прежде всего не понимаю смысла и целесообразности предположеній, о которыхъ Вы сообщаете; но всего болѣе я удивленъ морально-политической стороной.

Планъ, о которомъ Чайковскій и Савин - ковъ говорили съ Пилсудскимъ и который, насколько я понимаю, пользуется известной популярностью въ русскійскихъ кругахъ, сводится къ слѣдующему: заключается соглашеніе съ Польшей, которая мобилизуетъ противъ большевиковъ какъ свои войска, такъ и войска инородцевъ и разрѣшаетъ формиро - ваніе въ районѣ своей оккупации русскихъ націо -

Б. А. Бахметев (крайний справа) перед строем почетного караула. Вашингтон, 1917 г.
На заднем плане — здание российского посольства в Вашингтоне.

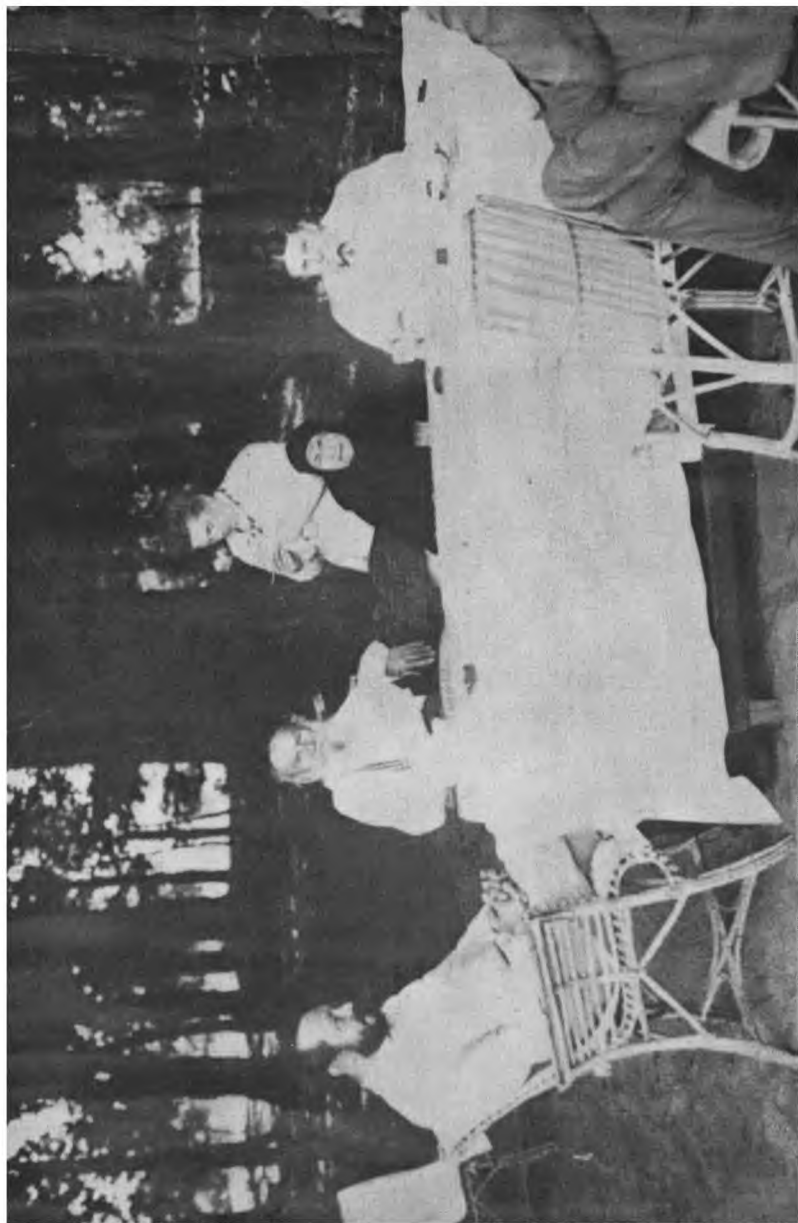
Фото предоставлено Бахметевским архивом Колумбийского университета.

Здание российского посольства в Вашингтоне.
Современный вид. Фото Джорджа Маджеска.

В.А.Маклаков. Автограф В.А.Маклакова
«Дорогому другу Б.А.Бахметеву на память о трудных годах.
В.Маклаков. 15 февраля 1921 г. — Париж».
Фото предоставлено Бахметевским архивом Колумбийского университета

У Л.Н.Толстого в Ясной Поляне (слева – В.А.Маклаков)

Здание российского посольства в Париже.
Современный вид. Фото Владимира Аллоя

В.А.Маклаков
на Московском государственном
совещании. Август 1917 г.
Рис. Ю.К.Арцыбушева

А.Р.Ледницкий

В.А.Маклаков.
Фото предоставлено Бахметевским архивом
Колумбийского университета

Б.А.Бахметев.

Фото предоставлено Бахметевским архивом
Колумбийского университета

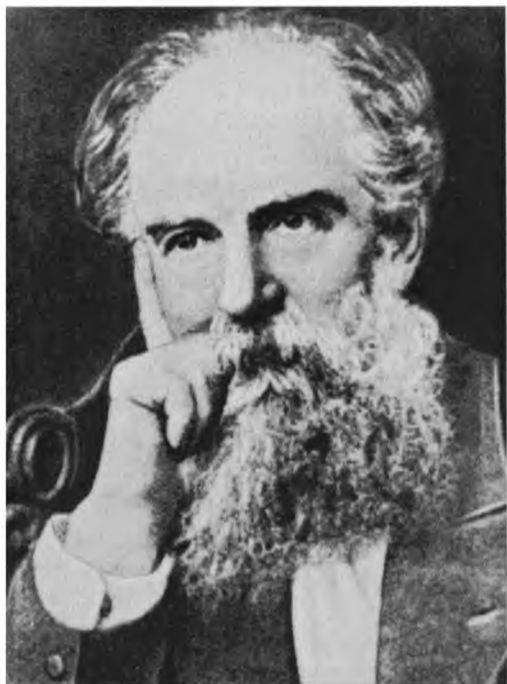
Б. А. Бахметев в рабочем кабинете.
Фото предоставлено Бахметевским архивом Колумбийского университета

Г.Е.Львов

С.Д.Сазонов

Н.В. Чайковский

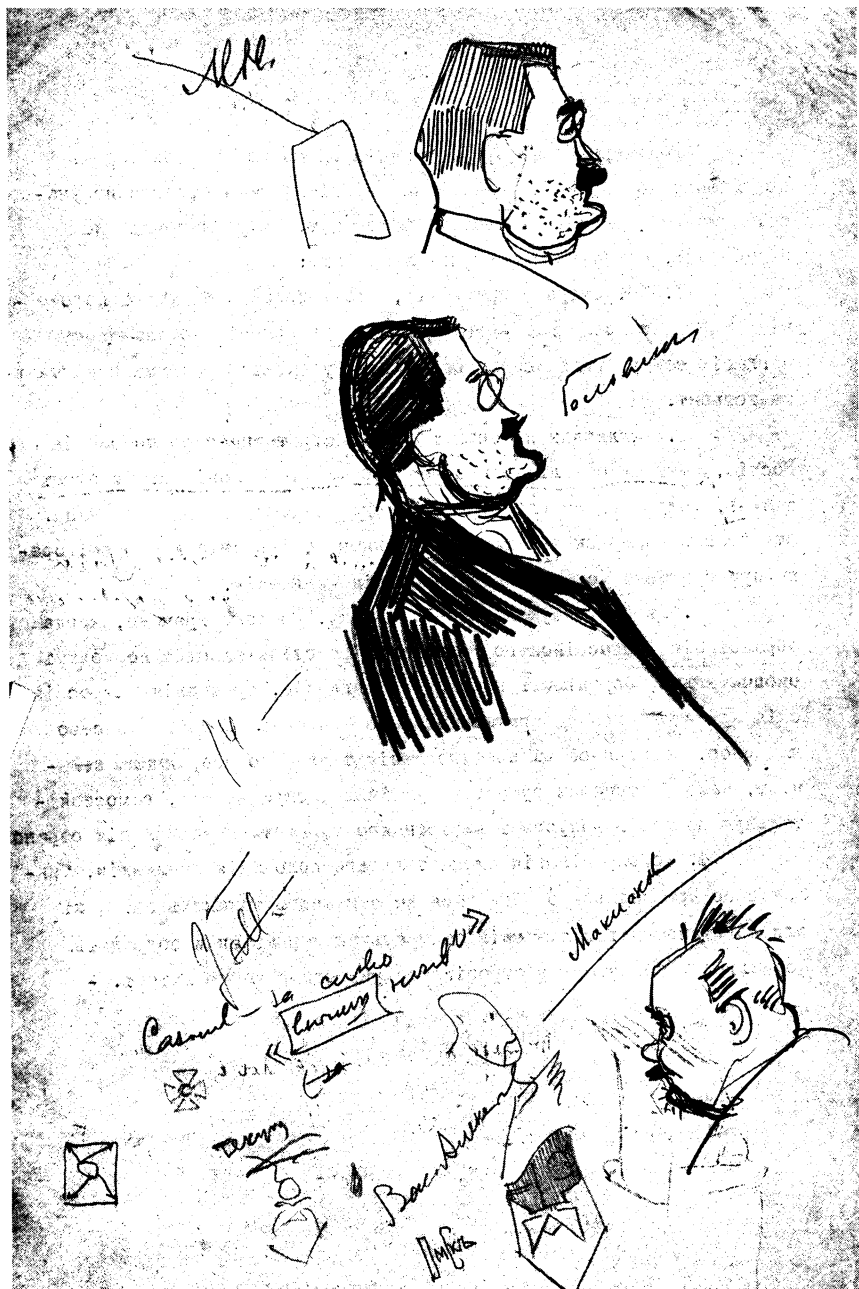
Б.В. Савинков

М.М.Карпович,
секретарь российского посольства
в Вашингтоне в 1917—1922 гг.
Фото конца 1920 — начала 1930-х гг.
Предоставлено архивом Гуверовского
института

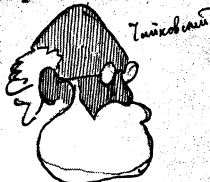
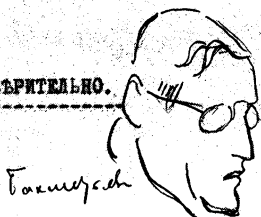
А.И.Деникин
на параде в Харькове,
1919 г.
Фото предоставлено
архивом Гуверовского
института

Генерал Н. Н. Головин, В. А. Маклаков.
Рис. генерала Б. В. Геруа.
Предоставлен архивом Гуверовского института

СОВЕРШЕННО ДОВЕРТЕЛЬНО.

19 Апреля 1919 г.

Сложившееся за последнее время военное положение в России снова выдвинуло в острой форме вопрос о необходимости военного движения на Петроград. При настоящих условиях трудно ожидать, чтобы в ближайшее время можно было разрешить эту задачу исключительно путем формирования русских военных частей как в Финляндии, так и в Эстляндии. Необходимы для обеспечения подобного предприятия денежные средства, транспорт, материальные довольствие и пропитание слишком велики, чтобы можно было рассчитывать на предоставление их в распоряжение русского национального движения раньше, чем советники, отказавшись от минимальной интервентальной политики в отношении большевиков вообще и русского в частности, открыто и действительно стали бы на почву активной военной борьбы с большевиками в мировом масштабе.

Ввиду этого, ставится вопрос о разрешении задачи путем использования контингентов войск финляндских и эстляндских. Военные авторитеты указывают особенно на доброкачественность финляндских войск и их достаточное число для предприятия серьезной операции против Петрограда. Само собой разумеется, что подобная операция могла бы быть предпринята с согласия и при участии русского национального движения только в случае, если бы инициатива этой операции исходила от русских и если бы все дело осуществлялось под русским флагом и при участии известных хотя бы и небольших русских отрядов, или уже известных или могущих быть образованных в Финляндии и Эстляндии.

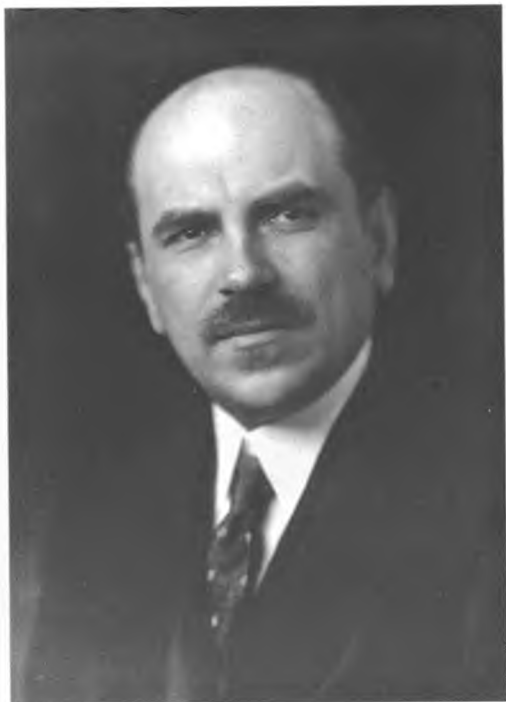
Осуществление подобной задачи требовало бы не только внешнего согласия, но и политического. Ввиду этого, следует усла-

Б. А. Бахметев, Н. В. Чайковский.
Рис. генерала Б. В. Геруа на протоколе заседания
Русского политического совещания.
Предоставлен архивом Гуверовского института

И. П. Романовский, А. И. Деникин, К. Н. Соколов, стоят — Н. И. Астров и Н. В. Савич

Е. В. Саблин,
российский поверенный в делах
в Лондоне.
Фото предоставлено архивом
Гуверовского института

Князь М. А. Гагарин,
1-й секретарь российского посольства
в Вашингтоне.
Фото предоставлено архивом
Гуверовского института

Н.И.Махно

А.В.Кривошеин

С.Н.Булгаков

Ю.Пилсудский

П. Н. Милуков

Н. Д. Авксентьев

Г.В.Чичерин

М.М.Литвинов

**Русская армия в изгнании.
Парад юнкеров Константиновского училища. Лагерь Галлиполи. 1921.
Фото предоставлено архивом Гуверовского института**

**Гимнастика в русской гимназии в Константинополе. 1920—1921.
Фото предоставлено архивом Гуверовского института**

**В сапожной мастерской Дроздовского артиллерийского дивизиона
в г.Орхани, Болгария. 1921—1922.
Фото предоставлено архивом Гуверовского института**

Русская армия в изгнании.
Галлиполи. В подземном жилище. 1920 — 1921.
Фото предоставлено архивом Гуверовского института

И. И. Бунаков
(Фондаминский)

Н. М. Кишкин

С.Н.Прокопович

Е.Д.Кусова

В. А. Маклаков.
Конец 1920-х — начало 1930-х гг.
Фото предоставлено архивом
Гуверовского института

А. Ф. Керенский в Париже.
1918 г.

А.В.Каргашев

А.В.Тыркова-Вильямс

А.И.Гучков
Рис. Ю.К.Арцыбушева

В.Л.Бурцев
Рис. Ю.К.Арцыбушева

П. П. Рябушинский.
Рис. Ю. К. Арцыбушева

А. А. Бубликов. Рис. Ю. К. Арцыбушева

могло бы обстоять иначе. Однако в силу отрицания принципа собственности и идеи гражданского равноправия, от которых коммунизм не может отступить, не уничтожив себя самого, большевизм есть система, обреченная на гибель, система, от которой Россия может быть освобождена лишь путем фактического упразднения, либо путем насильственного переворота, либо путем отпадения частей России из-под большевистского влияния и фактического лишения большевиков на местах и в Москве власти и авторитета. Подобный процесс отмирания не есть путь эволюции. Это есть процесс замены, вытеснения одного несовместимого начала другим. Он отличен от насильственного переворота лишь по темпу и форме, но не по существу. В силу основных причин большевистское великодержавие есть явление паразитическое: оно развертывается за счет энергии наций, накопленной в прошлый период, и представляет собою бесполезное и безрезультатное рассеяние национальных сил. Оно откладывает вопросы, не разрешая их; между тем, элемент времени весьма существен. Само собой разумеется, вместе с падением большевизма рассыпается в прах мираж великодержавия, а между тем и для России самой и для мировой цивилизации затяжка кризиса может иметь огромные последствия. Вот почему я считаю необходимым объявить самую беспощадную борьбу тому шовинизму, который мог бы увлечься призраком великодержавия. Это все то же, что в просторечии русской военщины называется кому-то что-то показать и кому-то набить морду.

С точки зрения общей политики, как основная задача дня выдвигается необходимость лишить большевизм возможности достигать великодержавных успехов и, в частности, представлять в качестве защитника оскорбленных национальностей и государств. Для этого необходимо смело и открыто пересмотреть основы созданных в результате конференции взаимоотношений и установить европейскую и ближнеазиатскую систему на началах и в формах, обеспечивающих удовлетворенность и допускающих восстановление экономической самостоятельности народов.

Таким образом, я предвижу исторические обстоятельства, в которых русскому большевизму суждено будет сыграть весьма важную роль. Эти-то события не позволят превратить Россию в объект. Вместе с тем, я считаю, создаются конкретные мировые положения, которые заставят Америку выйти из позиции молчания и бездействия и поведут ее вновь в орбиту активных международных действий. Это, неизбежное с моей точки зрения, возвращение Америки в сферу действенной мировой политики есть второе обстоятельство, которое я считаю крайне важным с точки зрения русских дел. Европа была совершенно права, найдя, что Соединенные Штаты переживают известную реакцию после усилий военного времени, что здесь господствовала наклонность отойти от мировых событий и вернуться к домашним делам. Однако действительность разрушит надежды, связанные с естествен-

ным желанием покоя. Я писал Гирсу о приближении промышленного кризиса. Он уже наступил. Началась острая безработица. Цены на главные продукты полетели вниз, поставив в исключительно тяжелое положение банки, в свое время выдавшие ссуды под высоко стоившие товары. Кредит застопорен, денег нет. Все это уже связывается с отсутствием вывоза и широкого мирового обмена вообще. Не только банкиры и промышленники, но уже и американские фермеры начинают остро чувствовать необходимость кооперации и помощи Европы, дабы восстановить мировой экономический механизм.

То или иное решение, касающееся Лиги Наций, не изменит основных тенденций. Я лично продолжаю думать, что если бы в свое время предложения о Лиге с участием Америки осуществились, то положение в Европе как экономическое, так и политическое, было бы неизмеримо лучше. Но сейчас бесполезно говорить о возможностях и плакаться о несчастливом обороте событий. Лига не будет центром мировой политики; это не помешает, однако, Америке найти способ решительно и увесисто сказать свое слово и настоять на том, чтобы слова сопровождалась результатами. Заметьте, что за последние дни уходящая администрация активно выступила с нотой английскому правительству по поводу Месопотамии, приняла арбитраж об Армении¹⁰ и сделала Мексике конкретные предложения касательно договора, регулирующего имущественные отношения с американцами. Это — почти небывалый в истории Америки пример; обычно проигравшая кампанию администрация сидит тихо и смиренно. Заметьте при этом, что все эти выступления имеют здесь значительный успех, особенно Месопотамия и Мексика. Во-первых, они касаются вопросов, близких и понятных каждому американскому обывателю, вопросов, откладывать которые нет возможности. Затем, они удовлетворяют, в общем, накопившуюся здесь за последнее время неприязнь к Англии. Антибританское чувство вообще одно из основных явлений американской политической психологии. За время войны оно было сглажено — теперь оно снова появилось и проявляется в весьма резкой форме. Посылаю Вам передовую из руководящей республиканской газеты Вашингтона, в которой Вы увидите, какими словами американская печать реагирует на замечания лондонских газет касательно ноты о Месопотамии. Новая администрация, даже если бы она желала противного, будет вовлечена в пучину активного международного действия, просто потому, что в мире будут происходить события, в которых Америка будет заинтересована, и пройти мимо которых она будет не в состоянии.

Я не буду удивлен при этом, если новая администрация, столь триумфально разбившая Вильсона, в практических применениях будет фактически воплощать те основные начала, которые в свое время были возведены ныне уходящим от власти президентом. В вильсонизме, несомненно, кроются начала, близкие американской психологии вообще и отвечающие специфическим на-

циональным интересам Соединенных Штатов в международной области, в частности. Если это произойдет, то мы будем свидетелями глубоко поучительного примера иронии истории. Я лично думаю, что возвращение Америки к активной международной деятельности будет для нас исключительно выгодным, потому что в такой деятельности будут прилагаться в силу объективных причин, в общем, начала, провозглашенные нотой Колби¹¹. Поскольку, кроме того, Америка возьмет в свои руки инициативу в практическом пересмотре вытекающих из принятых в Париже конструкций и взаимоотношений, для России открывается возможность только выиграть и ничего не проиграть. В 1919 г. Россия не была активным фактором международной жизни; нас оставили за дверью. Впредь это, при настоящих условиях, будет невозможно.

Пока я писал только об Америке, имея в виду те перспективы, которые открываются для русской работы здесь и намечая те направления, по которым, как мне представляется, возможно будет выиграть кампанию. Значительно более широкие горизонты открываются, конечно, для русской работы вообще. Если наш русский национализм правильно оценит положение и сумеет использовать международную обстановку, то, мне представляется, он может достичь огромных успехов.

Я, кажется, писал Вам о тех крайне ненормальных взаимоотношениях, которые создались между антибольшевистской Россией и широким общественным мнением Европы. До сих пор, вообще говоря, русский антибольшевистский национализм был непопулярен в Европе; его поддерживал сравнительно узкий военный и бюрократический круг. Насколько нелепые положения получались в силу этого, можно судить хотя бы потому, что либеральная партия в Англии и консервативные элементы рабочих организаций были в общем за большевиков и против нас. Я часто размышлял над этим явлением и приходил к тупику. Причина, однако, лежала в том, что по существу движение наше было нежизненно и объективно реакционно, а что большевики, несмотря на свою коммунистическую сущность, объективно защищали те элементы демократической революции в России, которые составляли историческую необходимость и понимались как таковые чутьем народных масс встревоженной Европы. В этом основная суть дела и Ваше письмо не оставляет никаких сомнений в этом вопросе. Задача дня — поставить антибольшевизм в такие условия, чтобы отнять у него какую бы то ни было возможность преломляться в глазах кого бы то ни было в виде поборников реакции. С осуществлением подобной задачи связано не только все будущее русского национализма в самой России, но и успех в области международных достижений. Что касается России самой, то понятие реакции надо, судя по обстоятельствам, относить уже не столько к самой программе, как ко всему процессу восстановления страны.

Россия, по всей видимости, не примет никакой власти, которая будет стремиться захватить государственный механизм с тем, чтобы наделить население благами свободы и благоустройства, какими бы либеральными ни были программы, по-видимому, в современной фазе страна отвергает в самой сущности такой порядок. В таком случае восстановление государственно-экономического порядка может явиться лишь в результате процесса самоутрачения. Устой жизни выработаются естественным путем в результате взаимодействия лиц и групп, которые свободно, за свой страх, начнут делать те практические дела, которые диктуются им инстинктами и потребностями. С подобным представлением связан, по всей вероятности, период отсутствия в течение известного времени центрального правительства; о чем я уже писал. Тут мы подходим к весьма важному моменту. Все сходится на том, что большевизм должен пасть, но бояться периода последующей анархии. Я лично думаю, что надо перестать бояться подобного периода отсутствия власти и не только потому, что надо преклониться перед печальной неизбежностью, но и потому, что по существу этот период не так страшен, как о нем говорят. Я не могу вообразить себе перспективы большего беззакония и разнузданности, чем мы имеем налицо. Наоборот, я скорее склонен ожидать, что местная власть и самостоятельность охранят личную безопасность и имущество лучше, чем это делается теперь. Существует развал транспорта — но ведь и ныне то, что осталось от железных дорог, мало используется большевиками для нужд населения. Наладить же перевозку хлеба и топлива будет сравнительно много легче, как только не будет сковывающей всякую инициативу и исключаящей какую-либо добрую волю большевистской власти.

Другое, — и это весьма серьезное соображение — использование русского безвластия для нападения на Россию и дальнейшего ее расчленения. Это весьма серьезный вопрос, который упирается в самую больную точку нашей иностранной политики. Я продолжаю неустанно повторять, что большевистский милитаризм и его централизованная власть всего более укрепляются необходимостью защищать Россию от внешнего врага. Пока возможны Рижский мир, трактат о Бессарабии¹², пока не только не уничтожена в корне возможность новых нападений, но намеренно в середине Европы вращиваются военные образования — к разложению русской военной машины создаются непреодолимые препятствия.

Вам, вероятно, надоело неустанное повторение с моей стороны этих мыслей. Но в них я вижу весь корень вопроса. Если русскому национальному антибольшевизму суждено сыграть в предстоящих событиях крупную историческую роль, признание этого основного принципа должно явиться краеугольным камнем всей практической политики. Крымская катастрофа позволяет сделать это сравнительно легко. Мы теперь не имеем причин материально

зависеть от Западной Европы и различные переходящие соображения, которые сковывали свободу совести и выражения, отошли в прошлое. Вы, может быть, меня обвините в франкофобстве. Это было бы несправедливо. Я писал Вам, что трудно ожидать от посторонних держав более бережного отношения к нашим национальным интересам, чем проявляем мы сами. Независимое положение не должно носить и тени враждебности по отношению какой-либо державы, особенно Франции; оно должно иметь целью показать как Франции, так и другим державам правильный путь разрешения русского вопроса. Русскому национализму нужно прежде всего весьма сильно отряхнуться. Тогда, в частности, можно использовать и то международное положение, которое сложится, когда наступит момент пересмотра парижских решений. В этот момент фактическое преобладание в европейской жизни будет не за теперешними правительствами; нам необходимо заранее поставить себя в такое положение, чтобы мы могли сочетать свои усилия с теми новыми силами, которые могут прийти. Нужно, чтобы в нас верили, чтобы в нас видели наследников разлагающегося большевизма, чтобы мы были глашатаями (spokesmen) той демократической Российской империи, которая должна выйти из современного хаоса.

Вы прислали мне ободряющую телеграмму по вопросу о национальном комитете. Должен сказать, однако, что русские газеты, более подробно передающие чаяния русской заграничной среды, содержат мало утешительного. У меня создается впечатление, будто хотят сохранения преемственной власти, которую будет поддерживать общественное ядро; в таком смысле говорят об общественном центре. Если это так, то это — только затяжка агонии и прямая помощь большевикам. Я повторяю: для меня совершенно несомненно, что новый Национальный центр должен решительно порвать со всем прошлым; иметь мужество назвать ошибки своими именами и открыто встать на почву представительства и осуществления начал революции марта 1917 года. Идея образования правительства за границей и поддержка армии должны быть брошены.

Я чувствую, что национальная мысль переживает переходное время; это, кстати, отразилось в резолюции делегации. Меня она не удовлетворила. Жаль, что делегация истратила заряд бесполезно и безрезультатно.

Я написал Вам длинное послание, может быть, недостаточно ясное, и посвященное неожиданным отвлеченным предметам. Я весьма откровенно высказываю Вам свои мысли и, может быть, лучше не давать читать моих писем людям, которые могут истолковать их вкривь и вкось. С моей точки зрения, для русского национализма наступает критический период. Впереди — огромные возможности. Но если мы не дерзнем и снова окажемся позади, то поле остается безраздельно за большевиками. Что же

дальше? Троглодитный период? Я думаю, что при всяких обстоятельствах в результате придут Колупаевы и Разуваевы и что их-то правительство и будет началом прочного благосостояния и процветания.

Ваш Б.Бахметев.

№ 28

В.А.Маклаков — Б.А.Бахметеву

Париж, 7 декабря 1920 г.

Дорогой Борис Александрович,

Спасибо за Ваше письмо; не желая говорить Вам комплиментов, я скажу, что Ваши письма все-таки доставляют мне то удовольствие, которое в настоящее время доставляет возможность после длинного путешествия среди пыли и грязи сесть в чистую ванну, а в былое время, в дни моей молодости, удовольствие от газеты перейти к чтению какой-либо серьезной литературы. Вы ведь, в сущности, политический философ и наблюдатель; в этом Ваша слабая сторона, но в этом и Ваш шарм. Я скажу Вам более, — в этом польза от общения с Вами; мы здесь, в погоне за результатами «реальной» политики, живем исключительно практическими и деловыми вопросами и мотивами, словом, опускаемся в грязь и пыль; необыкновенно полезно подняться над этим, как бывает полезно отойти на несколько шагов от той картины, которую смотришь вблизи; тогда начинаешь улавливать не только основные принципы того, что делается, но и начинаешь видеть основы тех справедливых суждений, которые об нас и об наших действиях через несколько лет будут произносить историки и историки. Вы вообще историк с той разницей, что Вы описываете не прошлое, а настоящее и отчасти будущее; Вы предвещаете, — и я думаю совершенно верно, — суждения истории; их полезно услышать и, прибавлю, с ними полезно считаться и в выборе практического пути. Беда только в том, что они весьма часто, чтобы не сказать всегда, дают только очень фактические ответы на то, что нужно делать. После этого длинного предисловия, перехожу к делу.

Если бы можно было злорадствовать, то нужно было бы сказать, что сейчас на Вашей улице праздник; Ваши предсказания сбылись, и Вы можете прослыть пророком; думаю, кроме того, что идейные мотивы, которыми Вы объясняете все происшедшее, не лишены основания. Во всяком случае, обсуждая события с высоты птичьего полета, вероятно, и эти основания будут указаны; Крым погиб оттого, что спустил национальное знамя.

Я говорю Вам, если не желать злорадствовать; в сущности, Вы не представляете себе всю глубину происшедшей катастрофы; там в Америке у Вас это и не было понято как катастрофа; случилось

то, что Вы предсказывали; после этого, в сущности, ничего не изменилось; Россия с ее задачами, с ее правами осталась там же, где была; лопнул один из мыльных пузырей, которые и были мыльными в Вашем понимании. Поэтому там не случилось особенной катастрофы ни в перемене политики правительства, ни даже в настроении русских людей. Здесь же — это настоящая катастрофа. Французы в своей политике руководились не общими идеями и принципами, которыми руководится Америка; не желанием сохранить ее единство, ее мощь и прийти ей на помощь; не обвиняя французов так жестоко, как это делаете Вы, я скажу, что их политика была все-таки политикой эгоизма, и эгоизма непосредственного, ближайшего; думаю, что это свойство не только французов, а вообще почти всех демократов; не зная Америки, я не могу судить, почему она отличается в этом от других стран, даже не уверен, что она вообще отличается. Ведь и у самых эгоистических демократий есть тоже иногда глупые сентиментальности, и отношение Америки к России и Армении быть может напоминает отношение французов к полякам, которые ничего кроме зла французам не сделают. Но это дело другое, и сейчас важно то, что если французы продолжали худо ли, хорошо ли, вернее, худо, — нам помогать, если французы не увлеклись политикой Ллойд Джорджа и уговорами Керенского, который настаивал на восстановлении торговых сношений с Россией, если, повторяю, она не вовсе потеряла веру в Россию, то, главным образом, потому, что была какая-то фактическая сила, был Врангель, его войска, и была территория; когда это разрушилось, то в сущности, разрушилось все; конечно, и в государственном организме есть закон инерции, не все обнаруживает такую бесхребетную гибкость, как кадетская партия, которая за один день из монархистов превращается в республиканцев, и из поклонников военной диктатуры в ее жесточайших противников. Для демократической страны такой быстрый переход невозможен, но если в те несколько недель или месяцев, которые необходимы для переворота страны на новую ориентацию, не случится чего-то неожиданного и резкого, то этот переворот все-таки совершится непременно. С того момента, когда стало ясно, что Врангель погиб, и погиб навсегда, что никакими силами Вы не восстановите его армию, ни вообще вооруженную борьбу потому, что немедленно за крушением Врангеля с такою же быстротой, — с быстротой мыльного пузыря, — лопнули и Петлюра и Балахович, — с того момента, когда стало ясно, что здесь кончено, — я испытываю то, что испытал человек, который вдруг видит, что между ним и неприятелем нет никакой преграды; скоро ли добежит сюда неприятель или нет, это вопрос факта; но он, наверное, добежит; точно также я сейчас скажу и о большевиках. Скоро ли признает их Европа, я еще не могу предвидеть, но все, конечно, идет к этому признанию. Если успею, я Вам буду дальше, в конце письма, говорить те комбинации, при которых это может быть отсрочено или предотвращено, но сейчас круше-

ние Врангеля, которое для Вас вовсе не катастрофа, для нас есть начало крутой перемены в политике Франции.

Но катастрофа идет еще дальше. Не только переменится политика Франции, но меняется, в сущности, и настроение самих русских, и меняется не в лучшую сторону; можно было надеяться, — и я сам на это рассчитывал, — что когда устранится фактической силой вещей идея военной диктатуры, которая когда-то разделила всех на два лагеря, поссорила кадет с эс-эрами, то это примирение восстановится. На это можно было рассчитывать и надежда на это вовсе не потеряна, но это все еще впереди; пока же я вижу другое, в настроении русской эмиграции, русской колонии также исчез тот становой хребет, при котором даже недовольные люди, даже проводившие критическую линию к Врангелю, тем не менее чувствовали, что есть какой-то символ России, есть какие-то рельсы, на которых куда-то можно было докатиться. Даже те, которые критиковали Врангеля, как делала наша пресса, особенно та газета «Последние новости», относительно которой я вполне подписываюсь под Вашу оценку, даже, повторяю, те, которые его критиковали и под него подкапывались, даже те чувствовали, что именно Врангель есть тот элемент, который антибольшевистской России дает какое-то отражение закона, именно законного знамени; когда это провалилось, вся антибольшевистская Россия осталась совершенно без знаменосца, без какой бы то ни было почвы; как это всегда бывает, бросились искать суррогат, создавать это знамя, словом, создавать национальный комитет. Уже теперь, после 3 дней поисков я Вам скажу, что для меня никакого сомнения нет, что даже если создастся этот комитет, то пока, пока я подчеркиваю, пока, так как не знаю, что будет через несколько месяцев, — у этого комитета не будет и сотой доли того авторитета, который имел Врангель; сила Врангеля была не моральная, а в том, что у него была физическая сила, которая, как бы ни рассуждали, есть факт; когда же мы пожелаем импонировать чем-то таким, заключающимся исключительно в моральной силе, то все наши дефекты, вся наша несостоятельность с этим покушением скажется так резко и так ужасно, что моральной силы этой мы не создадим. Чтобы к этому больше не возвращаться, я Вам укажу на еще одну драматическую сторону катастрофы, именно на то, что эта катастрофа не окончательная; может быть до Вас уже дошли слухи, что эвакуация Крыма вообще была делом совершенно чудесным по своему искусству и ловкости; поражение Врангеля нужно приписать ряду и случайных внешних, и глубоких условий; с высоты птичьего полета можно, как Вы, сказать, что причиной этого было отступление его от национальной программы, но это философия, в которой я нахожу большой вкус и чтение которой мне доставляет эстетическое наслаждение; но как объяснение это все-таки чепуха. Ближайшими причинами поражения Врангеля были и недостаток помощи, оказываемой французами; и недостаточная распорядительность его сотрудников, кото-

рые все-таки втирали ему очки, так что к нужному моменту его армия оказалась все-таки без одежды¹, и злоупотребления в тыловой администрации, так как тут тоже оказалось, что присылаемое из-за границы платье шло сначала на одеяние тыла и только то, что осталось, шло на фронт.

Наконец, в довершение всего, невероятно искусное командование большевиками со стороны немецких офицеров и генералов — они известны по именам² — наступление в октябре месяце холодов до 16^о мороза, и т.д., и т.д. В известный момент оказалось, что укрепления Перекопа еще не закончены, что тяжелая артиллерия большевистская привезена и находится в лучшем состоянии, чем ожидали, что на Перекопе нет достаточного количества землянок, — но армия его дралась все-таки же превосходно, отбила 23 яростные атаки, потеряла несколько десятков тысяч человек, но не падала духом и не сдавала. Но в этот момент для Врангеля встал вопрос — до каких пор же это продолжать. Как человек очень осторожный, — и на это свойство его я Вам указывал, — он по тем же причинам, по которым когда-то Кутузов оставил Москву³, решил, что спасение России в армии и что армию нужно спасти; перевес большевистских сил слишком большой, чтобы можно было продолжать войну до бесконечности. Чем раньше он уйдет, тем больше он спасет войска; вот почему он решил оставить Перекоп тогда, когда еще можно было продолжать сражаться; но решил оставить его в предположении, что армию сумеют спасти, сохранить ее боевую силу, дать ей отдохнуть и потом, в каком-то новом месте*. Все телеграммы Врангеля и рассказы лиц, которые прибывают, свидетельствуют о той громадной популярности, которой пользовался Врангель среди войск и среди населения до последней минуты; самая армия приехала в Константинополь как армия, с ружьями и винтовками, хотя и без пушек, не в состоянии паники, а в состоянии полного спокойствия и с желанием продолжать войну; она ушла, подчиняясь приказу. Может быть здесь есть какое-нибудь преувеличение, но в общем это свидетельства всех, даже критиков Врангеля. Но Врангель одного не учел — это настроения заграницы. Он все-таки не мог представить себе, что последний удар ему нанесут не большевики, а союзники — французы; не мог представить себе, что когда он делал этот красивый жест и ставил все свое войско под покровительство Франции, что Франция принуждена будет его покинуть, потребовать, чтобы войска его были превращены в штатских, были всюду распылены и исчезли, как военная сила⁴. Врангель не учел здесь самое главное, то, что составляло — в этом я совершенно с Вами согласен, — нашу слабость, то, что мы своей политикой всецело зависели от иностранцев. Так же, как когда-то англичане покинули Северное правительство и оно должно было ликвидироваться, когда всякому было ясно, что оно могло устоять и

* Пропуск в тексте.

что англичане, а не большевики прикончили правительство Чайковского и Миллера⁵, точно так же это пришлось испытать и на Франции; а главное, это еще не кончено. От Врангеля идут отчаянные телеграммы, в которых видно, что он не допускает мысли, что это случится, просит всех нас раскрыть глаза французам, присылает оттуда генералов, которые бы занимались раскрытием глаз на это и не может представить себе, чтобы в настоящее время можно было с легким сердцем уничтожить военные силы, которые еще могут пригодиться. Когда он это узнает, это пройдет не гладко. Начнется негодование солдат против Врангеля, офицеров и Врангеля против французов, и кончится все это безобразием и другими прелестями российской неурядицы. Все это мы предвидим, а помешать этому не можем. Никакими аргументами, никакими силами вы не убедите французов в возможности дать деньги на содержание армии, рискнуть явиться с этим предложением перед парламентом. Вот все это и создает драматическую сторону всей катастрофы.

Вы указываете, что причиной падения Врангеля была неясность его национальной программы; я уже сказал Вам, что Вы тут предвещаете суждение истории. Вероятно, так будут говорить, и в этом есть доля правды. Конечно, Врангель и сражавшийся вместе с поляками против большевиков, и соглашавшийся на настояния французов уступить Румынии Бессарабию, конечно, Врангель во всем этом понижал национальное знамя. Делал это не потому, чтобы был равнодушен к национальной идее, а по той фактической необходимости, которую испытывает только деятель, фактически борющийся за известное дело и понимающий, что значит пословица: сила солому ломит. Но Вы правы в том, что эта уступчивость Врангеля роняла его в глазах иностранцев и уронит его и в глазах русской истории. Вместе с ним скомпрометировали себя и наши либеральные партии, у которых не было даже того оправдания, которое могло быть у Врангеля. Вот этот упрек будет бесконечно больше заслужен и, конечно, много нам повредит. Наш либерализм уступал подряд и Финляндию, и Эстонию, и Литву, словом, уступал все, что угодно; национальное знамя было спущено. И этим мы ничего не приобрели, все это правда, в этом я с Вами согласен, но только свой личный скептицизм я проведу еще дальше Вас. Вы сами такой последовательный и непреклонный националист, что говорите, что из-за национального знамени все прощаете и все забываете; Вы прощаете эс-эрам их глупость, их политику относительно Колчака за то, что они сейчас в Праге держат высоко национальное знамя. Вы видите в этом национальный порыв, которого не было у нас; видите в этом, говоря короче, начало давножданного национального движения. Я не хочу Вас слишком разочаровывать, но скажу, что в этом я с Вами не согласен; я очень боюсь, что за исключением отдельных лиц, которые были и остались националистами и в социалистическом и в либеральном лагере, за исключением этих лиц национализм с.р. не столько то течение, какого ждете, а простой полемический прием; тот же самый прием, который употребляется теперь эс-эрами от-

носителем Врангеля, обвиняя его за то, что он соглашался и с поляками, и с румынами, это тот самый прием, по которому когда-то кадеты надевали тогу*, в которой они настаивали на войне, заступничестве за Сербию, хотя были в душе пацифистами; эс-эры надели на себя тогу патриотизма и национализма, потому что это было уязвимым местом в политике военной диктатуры; когда же они станут властью, и даже не властью, когда, просто, они будут во главе этого движения, когда им придется принимать те или иные меры фактической борьбы, то я очень боюсь, что они так же легко сдадут свою национальную позицию, как ее сдали в свое время и кадеты. Боюсь я этого и по их прошлому и по их отдельным замечаниям; не забывайте, что лозунг самоопределения народностей есть их изобретение, что в одном из первых номеров «Воли народа» было сказано, что если народности России хотят от нее отделиться, то ничего против этого они возражать не могут.

Конечно, Вы можете сказать, что я копаюсь в чужой душе, на них клеветчу, и определенно я Вам этого утверждать не смогу. Но, наблюдая ход переговоров с эс-эрами, сейчас я прихожу к несомненному выводу, что и для них вопросы внутренней политики важнее внешнего единства России и что если бы можно было сохранить это национальное знамя путем возведения на трон военного диктатора, то они предпочли бы укороченную, уменьшенную, раздробленную Демократическую Россию, чем сильную единую диктатуру. В этом, в сущности, весь оселок. Если национальное знамя для вас не выше всего, если ради этого вы не прощаете той внутренней политики, которая не по вашему вкусу, то вы не подлинный националист; тогда это для вас только орудие борьбы, полемический прием, но не содержание жизни.

Я несколько утрировал свою мысль, чтобы подвести Вас к сути вопроса; он в том, что в настоящее время национальная русская программа во внешней политике осуществляется именно большевиками; конечно, Вы уже не раз про это думали; в этом мы очень часто заподозревали исключительно политический маневр. Это, может быть, так и есть в действительности; но национальный характер их внешней политики выясняется сейчас с такой силой, что оспаривать его становится все труднее. Они протестовали против удержания Бессарабии Румынией и грозят Румынии войной; они объявят Польше войну, очевидно, на почве Рижского договора. Они сейчас захватили уже в свои руки и Азербайджан и Армению, завтра захватят и Грузию. Наконец, их сближение с Литвой стоит на очереди, и я не удивлюсь, если то же произойдет и с Прибалтикой. Большевики сейчас осуществляют единство России; вот факт, который всем бросается в глаза; как Вы в своем письме советовали Врангелю воздержаться от нападения им во фланг пока они выгоняли поляков из России, то с таким же основанием можно, во имя национализма, предоставить им осуществить свою программу объединения России.

* Два слова вписаны неразборчиво от руки.

Я лично не думаю, как, вероятно, и Вы, чтобы большевики стали действительно националистами; но как бы то ни было, их внутренние мотивы, потому ли, что они должны считаться с теми патриотическими элементами, которые служат в их армии, потому ли, что через объединение России они имеют больше шансов распространить коммунистическую программу, но остается верным то, что пока они объединяют окраины, которые отделились от нас, и, во-вторых, что в ту оборотную мысль, которой они заражают умы в России, они включают и здоровую идею национализма и патриотизма; и тот и другой результаты настолько полезны, что является довольно трудно выяснить ту идейную основу, по которой мы можем отрицать их международную политику. Наша критика большевиков очень сильна, когда она покоится либо на осуждении их социальной и политической программы или когда она в области международной указывает на опасность от большевистского империализма для соседей России; но в первом случае вопрос ставится в другой плоскости, не в плоскости оценки внешней политики, а исключительно в плоскости политики внутренней, не имеющей ничего общего, или очень мало общего, с идеями национализма и патриотизма; связь этой политики с патриотизмом заключается разве в том только, что все то, что вредно России как таковой, есть недостаток патриотизма; с этой точки зрения можно было бы предположить, что и абсолютизм не патриотичен, но это уже игра словами, а не та истинная национальная позиция, при которой мы говорим, что перенесем любые лишения, только бы сохранить национальное единство и международный престиж Российского государства. Во втором же случае, если мы будем указывать, что большевизм вреден и опасен для соседей, то мы можем, конечно, попасть в очень чувствительные места для иностранцев; но тогда мы можем вступить в очень острый конфликт между интересами России, как таковой, и интересами иностранцев; мы будем, например, указывать англичанам, что империалистические замыслы большевиков могут их сблизить с турками, что благодаря этому Россия получит в Турции то влияние, при котором Константинополь ускользнет из рук англичан; не сомневаюсь, что на это найдется отклик у английских политиков; но Вы согласитесь со мною, конечно, что подобного рода аргумент не может содействовать тому, что должен был бы думать и говорить русский националист. Это было бы явное принесение в жертву русского патриотизма, пробуждением внутренней политики. Из всего этого следует, что в настоящее время большевики оказались хитрее и искуснее нас. Либо потому, что они поддались влиянию тех, кого к себе присоединили, т.е. русских патриотических военных элементов, либо потому, что они просто желают втереть очки большой публике, но они усвоили язык и идеи русского национализма; мало того, они начинают действительно являться серьезным фактором в европейской жизни; благодаря им Европа начинает видеть опасность, вовсе не считаться с тем, что скажет и что сейчас дела-

ет Россия, но даже и мы в будущем начинаем думать, что они готовят нам некоторую почву; они объединяют силой Россию, а когда мы придем, нам останется только воспользоваться этим объединением, чтобы вложить в него другое содержание. Так начинает сейчас представляться внешняя политика большевиков.

Вот теперь и сообразите сами, что может противопоставить этому национальный комитет, построенный на тех началах, на которых Вы его строите; заметьте, что это не критика; из моего предыдущего письма Вы могли видеть, что этот комитет, поскольку он может создаться, представляется мне желаемым в тех самых формах, которые Вы рекомендовали, т.е. без элемента правительственной власти, а с защитой только национальных интересов России. Какая будет его программа? Он будет защищать единство России; прекрасно. Но в этом он совершенно совпадает в главных своих чертах с тем, что говорят и большевики. Выдвинете ли Вы программу 9 марта⁶⁷? Но против этого большевики выдвигают уже готовую федерацию этих независимых окраин с Россией. Если мы говорим: «пусть окраины будут независимыми федеральными государствами, отношения с Россией сложатся после», то большевики против этого преподносят окраины, федерированные с Россией. Я понимаю, что украинцы, такие же эмигранты как и мы, предпочтут идти с нами потому, что идея внутренней политики их с нашей совпадает. Но с точки зрения экзальтированного национализма, на которую Вы становитесь, большевистская программа более соблазнительна и являясь в этих случаях против большевиков с программой 9 марта, мы как будто работаем не над объединением, а над расчленением России. Но это трудности программы, которые, в конце концов, во-первых, можно обойти, а, во-вторых, которые могут создать некоторый золотой мостик не примирения с большевизмом, а установление тех общих точек зрения, которые все-таки же, в конце концов, найти нужно. Но другое не меньшее затруднение в этом национальном комитете — это тот авторитет, который мы можем поставить под его решение. Возьмем, например, вопрос, где мы, кажется, наиболее согласны все — вопрос о Бессарабии. Национальный комитет может всеми силами своего политического авторитета протестовать против присоединения Бессарабии. Что из этого следует. Пока — ровно ничего; разве только то, что Румыния начнет преследовать русских в Румынии, что иностранцы начнут злиться на нас за то, что мы не слушаем их советов, во всяком случае, это протест литературный, который оставляет только литературный след. Между тем, большевики в вопросе Бессарабии имеют ту реальную угрозу, которой мы не имеем; протест большевиков против отторжения Бессарабии сейчас здесь наводит панику и на румын, которые боятся войны, и на все те державы, которые хотели бы избежать этой войны. С ними со всеми происходит то, что происходит в Англии, где из боязни большевиков шли на уступки им. Не говоря о другом, еще более классическом примере, о споре тех же самых большевиков

с Польшей. В сущности, долгое время нам казалось, что готовность большевиков подписывать какой угодно договор о расчленении России лишит их права говорить о национализме и патриотизме; Савинков, когда его упрекали за его соглашение с Польшей, победоносно возражал, что не полякам это говорить, когда они готовы признать границы [17]72 года.

Все это была правда, однако, очень скоро оказалось, что все те договоры, которые большевики подписывают, их ни в чем не стесняют; все скоро поняли, что хотя это очень плохо характеризует их с моральной стороны, что в договорных отношениях с ними надежда на святость данного слова есть суцая ложь, но что если они проиграли со стороны моральной, то они столько же выиграли со стороны национальной и политической. Хотя бы путем бессовестной лжи, но они служат сохранению территориального единства России, и Вы понимаете, что выходит из всего этого; если образуется такой национальный комитет, то в ряде случаев он принужден будет соглашаться с большевиками, т.е. повторять то, что говорят они; показать, например, что в вопросе русско-польском и русско-румынском между Россией нет различия, даже Россией большевистской. Если бы мы поставили себе прямо и ясно задачу находить возможность к примирению с большевизмом, то я сказал, что это был бы хороший прием; мы находим эту возможность как раз в области того вопроса национального, который, с Вашей точки зрения чистого социалиста, превышает каких бы то ни было партийных раздоров, но именно поэтому, соглашаясь с большевиками в этом отношении, мы будем в противоречии с собою, если будем по-прежнему всеми мерами колебать и потрясать авторитет власти. Я Вам скажу больше: Вы рекомендовали Врангелю когда-то остаться безучастным, нейтральным в большевистско-польском конфликте; но, вообще, ведь нейтралитет есть позиция* только редко и в исключительных случаях. С того момента, когда мы согласимся, что большевики осуществляют национальную программу, нам придется желать, чтобы они одержали верх, нам придется нейтралитет превратить в благожелательство и, кто знает, может быть и стать на их сторону если не материально, то морально. Мы здесь тоже подходим к одному основному водоразделу — к двум различным тезисам. Одни говорят, как говорил мне вчера и Игорь Костяковский⁷ и генерал Данилов⁸: для нас нет худшего врага, чем большевизм, и мы против большевиков пойдем с кем угодно, не только с чертом, но и с Румынией и поляками; дадим кому угодно независимость, потом все это образуется, но сейчас будем их бить всеми мерами, всеми способами, ничего не щадя. Это одна позиция, и, стоя на ней, Врангель был прав, не послушавшись Вашего совета, прав Савинков, который признает независимость Украины, прав Чермоев⁹, который говорит: начните с того, что объявите полную независимость всех на-

* Одно слово пропущено.

циональностей, живущих в России и т.д., и т.д., уничтожьте сначала гидру большевизма, а затем Вы сговоритесь со всеми теми, кто шел вместе с Вами. Это одна позиция. Но есть и другая, которая говорит: сохранить Россию как государство для меня всего важнее, сохранить единство России и ее международное положение есть мой патриотический долг. Всякое вмешательство иностранцев в русские дела, отторжение от России известных ее частей и т.д., все это вещи, которые претят моему национальному чувству.

Я вижу, что сейчас большевики, какие бы они ни были злодеи, одни сохраняют в России видимость государства и даже возвращают известный международный престиж; в конце концов ведь сбылось то, что Вы когда-то предсказали, — у одних большевиков во всей Европе сохранилась армия и вот, хотя это и подлое правительство, но это все-таки русское правительство и они служат русским интересам. И потому, ставя эту задачу выше всего, я, в худшем случае, просто перестану подставлять им ножку, а в лучшем — начинаю говорить иностранцам: не смейте трогать большевиков, хотя они негодяи, но они все-таки — Россия. Вот Вам две различные позиции, взятые в крайних их выражениях. Мы все едем как-то посерединке. До известной степени допускаем вмешательство иностранцев и даже расчленяем Россию. Мы готовы были идти вместе с поляками ценой уступки им по плебисциту русской земли, но не пойдем с румынами ценой Бессарабии и т.д. Повторяю, мы шли полутеньями и потому, как всегда это бывает, вместо того, чтобы и приобрести капитал и соблюсти невинность, мы потеряли невинность, не приобретя капитала. И вот, когда образуется национальный комитет, который должен будет не замалчивать и не скрывать, а поставить свои задачи с той ясностью, которой требует всякая принципиальная постановка вопроса, этот комитет должен будет высказаться с той или другой альтернативой; по-видимому, для него приемлема только вторая альтернатива, т.е. принципиальное признание государственного единства России выше всего. Но как только он выскажет эту альтернативу, логически он станет на ту дорогу, при которой он должен будет установить более мирные отношения с большевизмом; этого не захотят ни под каким видом многие участники этого комитета, прежде всего сами эс-эры, потому что вопрос государственного единства для них есть вопрос партийной полемики, которую они то вели против нас, то против большевиков, и которого не захотите может быть и Вы. Вот те основные трудности в области тактики и программы, которые я предвижу для этого национального комитета.

А затем самое первое и основное. Для того, чтобы этот комитет мог импонировать иностранцам, чтобы они могли считаться с ним больше, чем с реальной силой большевиков, словом, чтобы они в нем продолжали видеть Россию, этот комитет должен явить патриотический порыв истинного, до конца проведенного, национального объединения; но если я раньше выражал сомнение в

этом, то сейчас я скажу — сомнений у меня больше нет. В эмигрантской России такого настроения нет и не будет. Не успела родиться идея об образовании этого комитета, как на образование его бросилась масса людей, и около него создалась та свалка, которая бывает в театрах, когда крикнут: «пожар». Эс-эры, в течение трех недель, толкуют о возможности соединиться с кадетами, но до сих пор этой возможности не признали; они разговаривают очень миролюбиво, если хотите доброжелательно, но, разводя руками, говорят, мы не можем сейчас, не рискуя подорвать свой кредит, не можем публично где бы то ни было выступить вместе с вами. Еще хуже когда заходит речь о каких-нибудь элементах правостоящих. Если бы там были действительно одни только правые, то и Вы согласитесь с тем, что можно и должно обойтись без них; но ведь там не только правые, а вчерашние наши союзники, например, Гучков¹⁰. По инициативе Гучкова состоялось в посольстве довольно безобидное собрание всех членов 4-х Государственных Дум и членов [Государственных] Советов по выборам, чтобы обменяться взглядами о положении момента, осведомиться о том, что делается и т.д. Достаточно было собраться этому заседанию, как эс-эры подняли гвалт и сказали, что если туда пойдут кадеты, то всякие разговоры с ними будут прекращены; кадеты имели мужество туда все-таки же пойти, хотя бы затем, чтобы предложить этим членам бывших законодательных палат оставить всякую надежду на то, чтобы можно было что-либо сделать из них, но кн. Львов был так испуган этим эс-эровским вето, что вовсе туда не пошел. Я не буду писать Вам дальше на эту тему — вывод ясен. Мы здесь, за границей, превратились в типичных эмигрантов, которые что угодно могут сделать, но никогда не смогут объединиться. Да мы видели это и на примере более ярком. Французы обратились к нам с официальным предложением создать комитет, который бы взял в свои руки организацию помощи беженцам Крыма; этот комитет нужен им и как простая техническая, и как моральная помощь поведения их перед парламентом; французы пока что, все-таки же, взяли на себя не дать всем беженцам умереть с голоду. Для этого они тратят деньги, хотя кредита на это не имеют, и очень боятся парламента. Но они думают все-таки, что их положение перед парламентом очень облегчится, если они будут иметь право сказать, что русские, без различия партий, образовали такой комитет, дадут в погашение расходов французов на этот предмет все деньги, которыми могут располагать или достать, одним словом, делают все, чтобы им помочь.

Этот комитет, по словам французов, будет для них как будто бы символизировать всю Россию в области этого вопроса. Они очень недвусмысленно дали нам понять, что если дела такого комитета пойдут хорошо, то он приобретет такой значительный авторитет в глазах французов, что они будут считаться с этим комитетом, даже и в других вопросах. Вот Вам возможный зародыш и национального комитета. Как же отнеслась к этому русская эми-

грация. Во-1-х, что и нужно было ожидать, условием работы в этом комитете было поставлено абсолютное устранение не только теперь, но и в будущем какой бы то ни было претензии на какую бы то ни было политическую роль и политическое влияние. Если бы этот комитет вздумал когда-либо заступиться за Россию, то подобного рода претензия вызвала бы резкий протест со стороны всех, кто в него не вошел, протест более резкий, нежели когда-то позволяло себе русское правительство, когда медицинские и ветеринарные съезды утверждали, что в России необходимо ввести конституцию и Учредительное собрание по 4-хвостке. Во 2-х, даже ограничив деятельность комитета исключительно гуманитарной, исключительно представительством материальных интересов России, и тут начались такие глубокие внутренние разногласия, что я боюсь, что никакого комитета не образуется; объединенные промышленники под председательством Денисова, гордые тем, что у них одних есть деньги и возможность их достать под заклад имущества, которое находится в Совдепии, взяли на себя организацию этого комитета, но при условии, что у них будет преимущество голосов; мы не желаем, — говорят они, — давать деньги, чтобы другие ими распорядились. С другой стороны, представители весьма почтенных организаций, как-то Земский и Городской союзы¹¹ и Объединение городских и земских деятелей (злые языки говорят, что в этой последней организации набирается чуть ли не целые десятки членов, во всяком случае не больше), все эти организации изъявили согласие дать свою поддержку этому предприятию, но не иначе, однако, как имея право голоса на «паритетных» началах; таким образом, одни и те же люди будут иметь голос и как члены земства и как члены городского союза и еще, в-третьих, как члены их объединения. Вырубов и кн. Львов, впрочем, приступили к действиям уже немедленно. Они решили послать депутацию в Америку, чтобы произвести там сборы, и уже потребовали от Торгово-промышленного союза, чтобы им на посылку этой депутации открыли кредит до 200 тыс. фр[анков]. Я предвижу, что такое объединение не состоится и в этом вопросе; что, по-видимому, одни торгово-промышленники и останутся в этом комитете, так как все общественные элементы откажутся в нем участвовать.

Вот Вам образчик психологии здешней эмиграции и залог того, что никакой комитет ни при каких условиях в глазах французов морального веса не получит; если комитет будет состоять больше, чем из одного человека, то в нем непременно будет разногласие; если же он будет состоять из одного человека, единогласие будет обеспечено, но все в него не вошедшие будут утверждать, что из всех существующих на земном шаре людей нет ни одного более презренного, чем участники этого комитета. А так как, очевидно, комитет из одного человека немислим, то в нем будет и то и другое — и внутренние распри и внешняя ругань. Можно сомневаться, что в Париже, где все это видно непосредственно и где к французскому правительству имеют доступ все, —

моральная беспочвенность и несостоятельность комитета не будет ни для кого секретом. Если и издали из Америки на первое время такой комитет и будет представляться чем-то новым и влиятельным, то здесь он никого не обманет. Заметьте, что все это я говорю не в осуждение самой цели; напротив, я стараюсь по мере своих сил этому содействовать; но чем больше разворачивается картина того, что есть, тем более я проникаюсь скептицизмом и говорю, что создание такого комитета, о котором все одинаково мечтали, вещь невозможная и неосуществимая здесь; мы все мечтаем о нем потому, что это единственный выход, но это вовсе не причина, чтобы он создался. Ведь мы точно также печатали по трафарету, что необходимо, чтобы появился и Бонапарт, которому, конечно, успех был бы обеспечен. Бонапарт для России необходим, и все-таки же это не причина, чтобы он явился.

Теперь мне хочется поговорить с Вами о другом вопросе, о тех путях борьбы с большевизмом, которые остаются в нашем распоряжении, но об этом я поговорю завтра.

1) Есть люди, которые по инерции предполагают, что можно будет в другой комбинации продолжать прежнее дело; так, все военные, находящиеся около Врангеля и он сам, ставят первой задачей сохранить армию как таковую, в уверенности, что весной, на каком-нибудь фронте по каким-нибудь причинам возобновится вооруженная борьба, и тогда эта армия найдет свое приложение. Я считаю, что все это иллюзия, во-первых потому, что к весне от армии Врангеля не останется следов, она вся разложится, расплывится, частью уйдет к большевикам, частью превратится в грабителей; во-вторых потому, что если бы даже армия и сохранилась, то ни одно государство не пожелает тратить деньги, чтобы снабдить ее необходимым вооружением для возможности воевать; в-третьих, я очень плохо представляю, в каком именно месте, на какой фронт можно было бы эту армию поставить. Это точка зрения, которую высказывают военные и даже штатские представители Врангеля, как, например, Струве и Бернацкий, встречает, конечно, сочувствие в французских военных сферах; но это платоническое сочувствие, так как ничего в этом смысле сделано не будет. Я считаю с фактом совершенного уничтожения регулярной военной силы.

2) Имеет свой план Варшавская группа Савинкова и его присных; здесь был и находится сейчас Философов¹²; он передает мнение Варшавского политического комитета¹³, которое состоит в том, что весной большевики, вероятно, набросятся на поляков, поляки будут воевать, и тогда русские военные силы пригодятся; эти господа совершенно не учуяли и не понимают той перемены, которая совершилась в умах относительно сотрудничества с поляками; они были Вашими главными идейными противниками; они считают, что всякие толки о национальном знамени и национальном единстве России есть устарелые предрассудки, что нужно как можно скорее признать независимость всех государств и столкно-

ваться с ними для разгрома большевиков; я не буду входить в детали; я считаю, что эта позиция тоже устраняется жизнью. То, что было в рядах савинковской армии действительно военного и патриотического, от них отойдет; правда, к моему изумлению, некоторые генералы, представители Врангеля, держались другого мнения и считали, что они могут воевать рядом с польскими войсками; но это я объясняю только инерцией мысли, при которой люди не могут отстать от того, что говорили раньше.

Третья точка зрения — это то, что военные действия регулярной армии действительно кончились; но нужно сейчас вести войну партизанскую, непременно вооруженную, но только партизанскую. На этой точке зрения, между прочим, остановилась, как Вы, вероятно, читали в газетах, и Делегация; она издала воззвание, где высказывала некие мысли в этом роде. Я должен Вам сказать по секрету, что хотя я и сам подписал эту декларацию, но сделал это не только без энтузиазма, но даже, если хотите, с сознательным нежеланием этого делать; я не хотел в этом вопросе говорить только «нет», когда не имел ничего предложить положительного, а главное не хотел толкать Чайковского и Львова на путь совершенно иного мышления. Но для меня нет сомнения, что этот план есть в сущности вздор, что он даже имеет с нашей стороны немного провокаторский характер. Мы подстрекаем крестьян к действиям, за которые они жестоко расплатятся. Вообще весь этот вопрос выдуман Чайковским и в нем сказалась старая идеология полулиберала, полу-^{*} и в общем старого человека. Может быть о чем-нибудь подобном будет мечтать и Савинков, поднимая партизанскую войну исключительно силами Балаховича; но это тоже попытка, о которой говорят больше в порядке газетных иллюстраций, в порядке доказательства того, что народ не хочет большевизм, что народ борется.

4. Четвертая точка зрения, о которой я упоминаю больше для порядка, это надежда на террористические акты, на образование революционных ячеек, очагов восстания, сочувствующих кружков среди воинских частей и т.д. Есть некоторые люди, которые специально этим занимаются, очень увлекаются ходом работы и прочтат близкие и непосредственные результаты. Но лично я в это заговорщичество совершенно не верю как в самостоятельный способ борьбы; по моей адвокатской деятельности у меня слишком много воспоминаний о подобного рода деятельности, которая кончалась всегда скамьей подсудимых и обвинением по 102 или 126 ст. Уголовного уложения; теперь, конечно, никакой скамьи не будет, а будет просто стенка. Поэтому об этом способе борьбы можно говорить так же мало, как мало говорят меню, какого рода горчица подается к столу.

5. И потому я перехожу сейчас к тому, что сейчас представляется самым интересным. Приходится опять надеяться на те самые

* Пропуск в тексте.

стихийные силы внутри страны, которые, очевидно, в конечном счете и выведут Россию куда-то, если ей суждено вообще куда-то выйти. Я говорю это не потому, чтобы я потерял надежду, что большевизм когда-нибудь кончится, а потому, что я все-таки допускаю возможность, что выйдет куда-то не Россия, а отдельные ее обломки, расхватанные при этом соседями, подпавшими под их влияние, так что соединение их с прежней Россией будет делом во всяком случае не нашего поколения. Эту возможность я все-таки же с ужасом начинаю предвидеть. Но допустим, что этого не будет; если мы, эмиграция, и даже мы, заграница, допускаем, что нам удастся склонить все державы к усвоению той политики, которой бы мы хотели, если мы не можем преподнести ничего подобного вооруженной борьбе с большевизмом и надеемся на силы внутри самой Совдепии, то очевидно одно: все зависит от того, каковы эти силы, что там делается, и всю нашу политику нужно строить уже в учете этих сил. Здесь мы стоим перед постоянным дефектом нашего положения: мы не знаем то, что происходит в Совдепии, или, вернее, знаем, но все наши сведения так противоречивы, что опускаются руки, когда хочешь разобрать, где правда. Сюда приехала жена Струве, которая уже, конечно, не большевичка; слушая ее, я как-то невольно чувствую, что она говорит правду и, в общем, ее вывод таков — прежде всего не считайте, что большевизм есть анархия, ничего подобного, большевизм есть государство, и большевики — государственная власть; конечно, это не демократическая власть, не излюбленная народом власть и т.д., но это все-таки же власть, которая путем очень несовершенных органов успевает держать некоторый порядок в стране. Можно более сказать, что за время этих трех лет население приспособилось к власти и власть приспособилась к населению; все менее и менее видно саботажа и хотя все служащие у этой власти ее клянут, но все-таки же видя, что ничего с ней не поделаешь и на низвержение ее трудно рассчитывать, мало-помалу усваивают общую политику, которая состоит в том, чтобы стараться по возможности смягчать глупость этой власти, заставлять ее склоняться перед силою вещей. Словом, усвоили ту самую политику, которую когда-то либеральные люди усваивали при самодержавии; в сущности, это одно и то же мышление и одни и те же результаты. Сама жена Струве была секретарем народного деревенского суда; это один из тех судов, которые для заграницы являются синонимом бестолковщины, бестолковости и несправедливости; у них нет никаких процессуальных законов, судят только по совести, причем в инструкции сказано «по революционной совести». И вот представьте себе, что жена Струве работала в этом суде и даже работала с увлечением. Председателем этого суда была тоже женщина, и как Струве говорит, превосходная женщина, несколько не большевичка; этому суду удавалось не только не делать зла, но и даже много добра в смысле установления каких-то идейных правопорядков между частными лицами, а главное в смысле борьбы с злоупотреблениями комиссаров, большевистских властей и т.д.

Борьба эта была не легка, но если не ставить весь вопрос на почву борьбы с советской властью, как таковой, но только на почву борьбы с злоупотреблением, то весьма часто можно находить поддержку в высших инстанциях и репрессии против злоупотреблений такой энергии, о которой, действительно, мы в былое время не имели понятия. Слушая рассказы Струве в этом направлении, я невольно вспоминал «Записки волостного писаря» и десятки раз повторял себе, что сколько мы ни живем, а все остается по-прежнему. И так этот политический аппарат Советов и комиссаров, воссоздавших в сущности идею бюрократии и правящего класса, можно сказать губернаторов и предводителей дворянства, приправленную еще организацией коммунистической партии, которая была то же в русском дворянстве в старое время и в Союзе русского народа во время более позднее, весь этот, говорю я, политический административный аппарат кое-как приспособился к населению, и во всяком случае скорее укрепился, чем разложился. Вам покажется ересью то, что я скажу, но слушая это, иногда кажется, что вся жизнь может пойти через эту власть, т.е. через назначение других комиссаров, через создание других Советов, которые все усвоят только иную идеологию и иную политику, и через роспуск коммунистической партии, которая, впрочем, и сама покончится, раз им перестанут давать привилегии. Но если административный аппарат в настоящее время уже поддался требованиям жизни и логике фактов, то строй экономический, конечно, разрушается; здесь, и только здесь, и гибель большевизма. Большевики, по крайней мере руководящие элементы, обнаружили в этом отношении довольно ослиное упрямство и, добавляю, неустойчивость. Мы давно бы на их месте признали, что опыт не удался и стали бы переходить к частной собственности; они этого все-таки же не делают; можно, конечно, говорить, что как только они начнут сдавать в этом отношении, так сейчас же развалится и все их здание, а вместе с ним и они сами. Это, может быть, правда, но наряду с этим объяснением, несомненно, правильно и другое, что сами главари пока еще по тем или иным причинам, а, вероятно, потому что еще надеются, если не на устройство коммунистического порядка в России, то на заразительность этого примера для Запада, но еще не сдают в своем коммунизме. От этого экономическая жизнь все более и более замирает; в некоторых отраслях промышленности и торговли, преимущественно промышленности военной, большевики иногда делают отступления, очевидно, только временные, но все-таки же делают; так, например, генерал Ипатьев¹⁴, которого Вы, может быть, помните, он же был профессором какой-то военной школы Петербурга, этот генерал Ипатьев, который в прежнее время был членом нашего Совещания по государственной обороне и был поставлен тогда пороховым диктатором и справлялся с этой задачей мастерски, так что

* Пропуск в тексте.

организация всех заводов как взрывчатых веществ, так и пороховых, шла на первом плане, этот Ипатьев был приглашен большевиками на то же амплуа; он согласился, поставя условием, во-первых, что никаким коммунизмом не будет пахнуть на его заводе и, во-вторых, чтобы ему вернули его собственное имение. Большевики согласились исполнить и то, и другое условие, и изготовление взрывчатых веществ у них совершается правильно и безостановочно.

Подобного рода изъятия они все-таки же допускают; в большинстве же случаев, допуская фактические изъятия, номинальные они сохраняют; таким образом работают прежние фабрики, с прежними хозяевами, на прежних началах, но только все это считается принадлежностью государства. Всего менее сохранилось старых порядков в области торговли; здесь было бы правильно сказать, что коммунисты торжествуют вполне; потому никакой торговли нет, кроме одной нелегальной; все лавки закрыты, в национальных магазинах можно получать только по карточкам, и с этой системой можно справляться потому, что вообще покупать и продавать нечего. Всякая область торговли, до которой коснулись коммунисты, сейчас же погибает. Струве рассказывает любопытный факт. В декрете о национализации промышленности, умышленно или не умышленно, но почему-то забыли оптические магазины, и представьте себе, что до последнего времени, — до ее отъезда, — оптические магазины почти не были разорены; можно было что угодно купить, начиная с очков и кончая биноклем. Все это каким-то путем выписывалось из Германии и торговля шла вовсю; никто не страдал от отсутствия инструментов. Но за несколько времени до бегства Струве кто-то вспомнил про эти оптические магазины и распространил и на них декрет о национализации. Через несколько дней все было покончено, лавки были пусты и продавцы сказали: «ничего больше не получишь». Таким образом, здесь в области экономической жизни несостоятельность большевизма вполне очевидна. Мы можем, не греша против правды, повторять нашу формулу: они живут только старыми запасами. И вот здесь, конечно, должно начаться перерождение большевизма, т.е. установление ими прежних позиций; на это, по-видимому, и рассчитывал Ллойд Джордж, когда настаивал на снятии блокады. Может быть у него были и другие расчеты, и даже вернее, что были другие, но та мысль, которую он увлеклся, что восстановление торговых и других экономических сношений с Западом расстроит всю коммунистическую машину, не вовсе лишена оснований; по крайней мере теперь, среди здешней эмиграции все больше и больше начинает создаваться такой силлогизм; если только спасение от большевизма должно прийти изнутри, то всякая форма блокады есть безумие; нужно самим проникать туда внутрь всякими мерами и главный, первый голос в этом отношении должен принадлежать самим заблокированным, т.е. представителям Совдепии; между тем, очевидно, что Вы едва ли найдете одного человека, обреченного жить в Совдепии, который бы согласился принести себя в жертву и упрасивать Европу не торго-

вать с ними, не приезжать к ним с товарами и оставить их постепенно вымирать экономически и физически. Таким образом, вопрос о восстановлении торговых сношений с советской Россией есть не только очередной вопрос, но начинается в сознании у многих подниматься и как одно из средств видоизменения этого большевизма.

Но тут, конечно, Вы понимаете сами, есть целый ряд модальностей и приемов; никто не будет оспаривать, что торговля с частными лицами в советской России ничему не повредит, а напротив того, только воочию будет доказывать всем безумство и преступность большевистской экономической политики. Другой вопрос, насколько целесообразна торговля с большевистской властью, как таковой, которая при этом будет за ввозимые ей товары уплачивать краденым добром, золотом, бриллиантами и т.д. Покуда с большевизмом велась вооруженная борьба, какая бы она ни была, партизанская или регулярная, конечно, можно было сочувствовать тому, что все железные дороги в большевизии останавливаются, что переброска войск делается невозможной и что военные действия против нее очень облегчатся. Сейчас это рассуждение уже не своевременно. Кроме того, по-видимому, и это опять-таки одно из тех открытий, о которых мы здесь мало знали, железные дороги не так уж расстроены, как про это говорят; конечно, если бы общественная жизнь продолжалась нормально, если бы железные дороги должны были удовлетворять потребности публики и торговли вообще, то при том подвижном составе, который имеется, его бы не хватило и на тысячную долю потребности; но так как в большевизии все должны сидеть на местах и не шататься по России без дела, так как право ездить и возить по железной дороге есть привилегия власти, а самой власти возить почти нечего, то для потребностей властей этих железных дорог может хватить, и даже надолго; по крайней мере их совершенно хватало на чрезвычайную быструю переброску воинских частей. И так с того момента, когда исчезло оправдание блокады, т.е. гражданская война, особенно с того момента, когда в столкновении большевизма с поляками и румынами, как я Вам излагал ранее, мы начинаем сочувствовать победе большевиков над поляками, ибо в этом отношении Вы даже гораздо раньше нас заняли эту позицию, поневоле приходится поставить здесь другой вопрос: в наших ли интересах желать полного и быстрого разложения железнодорожной сети в России, и не должны ли мы, напротив, сочувствовать тому, чтобы какой-нибудь военный подвижной состав был туда послан. Отмечаю это противоречие как раз затем, чтобы Вы видели, до какой степени нам приходится пересматривать и перестраивать все наши прежние формулы. Как бы то ни было, мы не можем не понимать, что торговля с советским правительством, поскольку она происходит только с ним, как таковым, может не ослабить советское правительство, а, напротив, дать ему некоторую силу; все это только пока еще можно кое-чем платить, покуда последнее зо-

лото и драгоценные камни не выехали за границу в обмен на вещи, нужные населению. Тогда ставится и этот вопрос — не нужно ли, чтобы это сделалось поскорее; чтобы кроме тех бриллиантов и золота, которое где-то прочно зарыто в земле, чтобы бриллианты, которые идут за границу, скорее были обменены на предметы первой необходимости, которые в населении опять возбудят хотя бы вкус к жизни и желание бороться за улучшение этой жизни.

Этим наше отношение к этой торговле смягчается, и на вопрос, который мне задают французы о том, как я смотрю на восстановление торговых сношений, я отвечаю им приблизительно так, что восстановление этой торговли для меня, как русского, безразлично, если будут торговать не французы, то будут торговать другие страны; запрещение этой торговли нужно не для меня, а нужно для самих французов, ибо это они рискуют, что восстановление торговли на них отзовется, во-1-х, потому, что, получая ненужные вещи, как-то золото и бриллианты за предметы первой необходимости, они обогащают новых нуворишей падением цен на товары во Франции, во-2-х, потому, что этим они открывают путь для пропаганды, не только впуская к себе большевиков, но и давая им орудие для пропаганды, т.е. новое вздорожание товаров, новые обогащения и без того богатых людей, в-3-х, что они подрывают сами принцип собственности, считая возможным получать в уплату краденые вещи, считая возможным иметь дело с правительством, которое собственности не признает и тем самым ослабляя возможность своей собственной борьбы со сторонниками этих взглядов во Франции, а самое главное это то, что, став на эту позицию, они очень ухудшают свое положение перед лицом будущего русского правительства, когда будут от него требовать расчета по всякого рода обязательствам; если они приняли участие в расхищении русского государственного достояния и принимали краденые вещи от рук большевистского правительства, то будущему лояльному русскому правительству будет очень трудно отстаивать принцип платежа долгов. В этом, — говорю я, — Франция больше, чем какая бы то ни была страна, заинтересована в том, чтобы торговля с правительством, как таковым, не имела места, чтобы это могло быть предоставлено на исключительный страх и риск частных лиц. Это позиция, с которой Вы, вероятно, не разойдетесь, потому что это и есть позиция Америки. На почве этого уже возникает целый ряд курьезов, которые не знаю, доходят ли до Вас в Америку. Вы, может быть, видели, что большевики уже потребовали от англичан обязательства в том торговом договоре, который они хотят заключить, что ввезенное ими в Англию золото не могло быть обращено ни на какие надобности, кроме уплаты по заключенным ныне торговым сделкам. Англичане сказали на это, что они принимают это условие, но принимают его только для договаривающейся стороны; т.е. для правительства; но что в то же время они не могут помешать никакому частному человеку обра-

титься в суд с просьбой обеспечить этим золотом какие-либо их претензии. Если знать о том, что происходит в английских судах, то Вы увидите, что большевистские опасения и английский ответ имеют под собой весьма реальную почву. Не знаю, что будет дальше, но пока английские суды и низшая инстанция вовсе не склонны рассматривать большевизию как правительство, награбленные вещи как государственное достояние, которое могло бы быть изъято из частного обихода.

Мне вчера рассказывали про один большой курьез. Большевики наложили арест на какое-то частное судно, которое находилось в их власти. Тогда собственник этого судна предъявил иск к страховому обществу, которое должно было отвечать за гибель судна; страховое общество стало доказывать, что здесь не было никакой гибели, а что означенное судно, на основании какого-то постановления большевиков, поступило в распоряжение правительства и, следовательно, это есть не гибель, а правомерный переход, о котором надлежит уже разговаривать с органами этого правительства. Английский суд, правда, пока низшая инстанция, отверг это возражение, признавши, что поступление судна в распоряжение советской власти должно быть приравнено к захвату его пиратами, и что страховое общество должно возместить за этот убыток по кораблекрушению.

Из этих примеров Вы можете видеть, что торговля большевистского правительства с Европой все-таки наталкивается на некоторые фактические затруднения, которые в конечном итоге будут доказывать несовместимость коммунистических воззрений с принципами собственности и в конечном результате будут ставить дилемму перед большевизией: либо жить своими собственными ресурсами, прервав всякие экономические отношения с Европой, или в угоду европейскому предрассудку допускать у себя применение собственности. В наиболее яркой форме эта последняя необходимость сказывается в вопросе о концессиях. Вы, вероятно, уже знаете, что один из пунктов тех правил, которые устанавливаются на концессии, гласит, что концессии, сданные иностранцам, гарантированы от всяких национализаций, иными словами, что они будут капиталистическими оазисами в коммунистическом строе. Это, конечно, давно нужно было ожидать. Но теперь может быть одно из двух: либо со стороны большевиков простое надувательство и что их план получит какой бы то ни было аванс, а затем издать декрет, по которому все концессии отнимаются; или, напротив, это признание крушения коммунистического строя, сознание необходимости увеличить национальные богатства России и решимость во имя этой необходимости допустить частичную отмену коммунизма, хотя бы для новых концессий, хотя бы для иностранцев с сохранением коммунистической терминологии, но все-таки с возвращением к старым началам. Если это второе, то вот в этом и есть тот путь, которым произойдет экономическое оздоровление России. Поэтому относительно этих концессий придет-

ся занять такую позицию: возражать против всего того, что могло бы повести к простому надувательству и не препятствовать тому, что могло бы внедрять в коммунистической России начала здоровой экономической жизни. Для достижения первой цели нужно возражать против уплаты каких-либо авансов советской власти или, по крайней мере, свести их до минимума; категорически возражать против уплаты вперед денег за все время концессии; нужно ясно дать понять всем концессионерам, что новое правительство может сохранить в силе их концессии, но только при условии, что для него эти концессии не будут даровыми, ибо все причитающиеся за все время концессии платежи уже были кому-то уплачены; здесь приходится применять то правило, которое наш X том¹⁵ устанавливает для пожизненных владельцев. Для достижения же второй цели, конечно, необходимо, чтобы в этом отношении, в отношении эксплуатации концессии на принципе собственности, никаких сделок с коммунизмом допущено не было; а потому, прежде всего, если в концессию сдается то, что принадлежало прежде частным лицам или компаниям, то новые концессионеры должны предварительно сговориться с собственником и обеспечить его согласие. Вот та позиция, при которой мы отступаем от первоначальной непримиримости и идем на некоторый мостик, где может начаться сотрудничество капитала с большевистскими властями и где начнут образовываться некоторые ячейки. Конечно, большевистская власть сумеет это все вновь разрушить, но это значило бы, иными словами, хотя в меньших размерах, но произвести вновь ту революцию, для которой уже не будет никакого идейного оправдания, никаких надежд, что установится новая лучшая форма национализации богатств, а будет просто непримиримый грабеж.

Вот Вам те точки зрения, которые мы здесь отстаиваем при разговорах с деловыми и политическими сферами. Но как видите, это все необычайно длительный процесс, которого может хватить на несколько поколений, и на протяжении которого можно, конечно, опасаться того, что предвидите Вы и что, в сущности, есть единственная реальная непоправимая опасность — это захват России соседями или разложение ее на национальные образования; этот захват особенно страшен в Сибири, так как мы и плохо знаем, что там делается и, должен сказать, недостаточно этим интересуемся. Кстати, меня очень заинтересовало, почему пишете Вы про мое письмо Владивостокскому правительству. Насколько помню, я Вам его не посылал; если послал, то тогда, конечно, все равно, этот вопрос меня больше не интересует. Но интересно, если Вы об нем узнали помимо меня и тогда мне хотелось бы узнать, откуда Вы его узнали; неужели они его напечатали? Но теперь я хочу просто привлечь Вашу мысль на то, чего Вы не видите или чем совершенно не интересуетесь в Америке; это на некоторые последствия совершившихся событий в международной конъюнктуре. Впрочем, вместо того, что Вам сейчас это описы-

вать, я прилагаю Вам при этом весьма секретный документ, который прошу не только никому не показывать, но о котором даже не заикаться. Это тем правильнее, что из этого документа я, вероятно, никакого употребления не сделаю и что он написан главным образом ради фиксации собственных мыслей; потому я и придал ему в некоторых отношениях несколько утрированную форму. Впрочем, должен Вам объяснить происхождение этого документа. А происхождение его таково: не так давно у меня завтракал Юль Камбон, который официально сейчас состоит председателем конференции послов¹⁶, а не официально пользуется большим уважением не только по своему прошлому, но, главным образом, потому, что он уже больше ничего не ищет и ни на что не надеется, кроме безболезненного, непостыдного мира и т.д.

И вот в беседе с ним я в общих чертах излагал ему ту точку зрения, которую Вы найдете в записке; а заработала у меня мысль в этом направлении особенно под влиянием некоторых разговоров, которые я имел с представителями французской контрразведки в Берлине; нужно сказать, что люди, живущие в Берлине, за исключением военных, отдают справедливость тем усилиям, которые делает Германия для экономического возрождения и, что еще важнее, начинают признавать справедливыми ее притязания, главным образом, на территориальное единство и на Верхнюю Силезию. Вот эти разговоры с ними, в связи с собственными соображениями на те же темы и поставили перед глазами ту возможность, о которой я говорю в этой записке; т.е., что Германия воспользуется большевизмом для ликвидации польского вопроса или, по крайней мере, для крутого изменения Версальского договора в этом отношении. Камбон так заинтересовался этими мыслями, что стал настойчиво советовать мне поговорить об этом с Мильераном или с Лейгом¹⁷. Я категорически отказался это сделать, говоря, что по настроению французского общественного мнения всякий разговор на эту тему заставил бы меня зачислить в разряд германофилов и лишил бы всякого доверия. Камбон на это сказал: «Вы совершенно правы, но с другой стороны то, о чем Вы говорили, уже давно бродит в головах очень многих и было бы очень полезно, если бы эта основная мысль о необходимости помириться с Германией, отказаться от мысли задавить ее экономически, если бы эта мысль была приподнесена в той оболочке, которую Вы даете, т.е. в виде угрозы нашествием на поляков, если это не состоится»; тогда же он и просил меня изложить все это на бумажке для него самого, обещая никому этой записки не показывать, но по содержанию ее говорить с теми, с кем это может быть интересно, и держать меня в курсе тех советов, которые он получит. Та бумага, которую я Вам посылаю, и есть то, что я передал Камбону. Должен Вам сказать, что почва для этого гораздо более благоприятная, нежели можно было полагать; очень многие, чтобы не сказать все ответственные люди, признают, что ведя ту политику против Германии, которую они ведут, они скоро оста-

нутя одинокими, разве только с одной Польшей, и что следовательно нужно было бы сделать здесь резкий поворот; конечно, в вопросе об условиях этого примирения, т.е. в вопросе о том, насколько и в каком отношении можно пересмотреть Версальский договор, существует полное разногласие; но это вопрос детали; необходимость же некоторых изменений признается громадным большинством политических деятелей. Но правительство никогда не решится этого сделать, ибо парламент скувернет* его немедленно за малейшее движение в этом направлении; но что еще интереснее, парламент скувернет его не потому, чтобы он этой точки зрения не разделял, но потому, что сам парламент будет бояться широкого общественного мнения. Вот Вам та трагедия, в которой живут французы. Они двинули такие силы ненависти, злобы и самодовольства, которые сейчас уже остановить не в состоянии.

В моей записке, которая должна была быть откровенным изложением вопроса перед Камбоном, с которым я разговаривал, с этим дружески ко мне расположенным человеком, я немного поддельвался под его психологию; как будто бы рекомендовал ему все-таки политику поддержки Польши, заставляя самого сделать вывод, как быть, если это поддержание окажется недостаточным. Я даже для Камбона не мог прямо непосредственно от себя рекомендовать примирение с вчерашним врагом. Но то, что я рекомендую в виде риторики, это, в сущности, и есть программа, настоящая программа тех шовинистических слоев, которые ни за что с Германией не помирятся; их программа выражается в одном слове: всякими мерами поддержать Польшу. Теперь, излагая им свою точку зрения на будущее, я не могу не сказать, что я предвижу совершенно другие возможности; предвижу, что большевики либо на востоке, либо будут бессильны пойти на Польшу, либо, пойдя на нее, будут все-таки разбиты*. Тогда восторжествует французский шовинизм, а с ним, вероятно, и германский большевизм; и в том и в другом случае ясно одно: большевизм пробьется в Европу. Как видите, я прихожу к такой дилемме: большевизм может быть раздавлен при столкновении с Германией, тогда начнется возрождение России, но с значительным засильем в нас германской культуры, промышленности и политики; либо, если этого не совершится, возможно, что то состояние анархии, в котором будет продолжаться находиться Россия в связи с той бессильной злобой относительно Германии, которую будет проявлять Антанта, что все это вызовет ряд политических кризисов в самой Европе. Тогда большевизм опять становится мировым явлением и замрет, заглохнет уже в мировой конъюнктуре. В этом случае наша роль российской эмиграции и русских национальных комитетов станет еще более ничтожной, чем она была раньше, если только мы, национальные комитеты, не найдем возможности впрячь свои силы в то общее международное сотрудничество представителей

* Так в тексте.

европейской цивилизации, которая должна была бы признать большевизм мировой чумой и установить относительно его согласную и ясную политику, вместо того, чтобы постараться не только спасти от него себя самого, но и извлечь для себя какую-то маленькую ничтожную выгоду. Но не знаю, как у Вас в Америке, а в Европе нет даже и признаков, которые бы позволили надеяться на установление такой общей линии поведения и общего культурного сотрудничества. С точки зрения вечности, конечно, не только Россия, но и вся Европа есть маленькие детали; подождем, увидим, что из этого котла выварится. Но с точки зрения политики нынешнего дня, я повторяю, что с тех пор, как кончились военные диктатуры, я очутился в том положении врача, который говорит: наука не знает лекарства, будем ждать, пока больной выздоровеет сам; будем пока только уверять его родственников, кредиторов и друзей, чтобы они не отчаивались, не расхищали его дома, не заказывали бы ему преждевременно гроба, тем более, не придушили бы его, чтобы облегчить его страдания, но никакого решительно способа лечения в распоряжении мы не имеем. И вот я скажу Вам напоследок; в том, чего Вы боитесь, т.е. в перенесении всех мировых симпатий на окраинные государства, в этой опасности можем ли мы для защиты России прибегать к одним указаниям на права русского государства и т.д. без того, чтобы указать какой-нибудь практический путь, какое-нибудь практическое лекарство, которое могло бы дать хотя бы иллюзию возможной борьбы и скорого выздоровления.

№ 29

Б. А. Бахметев — В. А. Маклакову
Russian Embassy, Washington

8 декабря 1920 года.

Дорогой Василий Алексеевич,

Хочу прибавить еще несколько слов к тому пространному посланию, которое я Вам написал.

За это время мы получили новые русские газеты, в частности, прочли заявление Петра Бернардовича Струве об отступлении в море и интервью с различными деятелями по поводу образования национального комитета.

Я прежде всего вижу, что в головах русских националистов все же бродит безумная мысль сохранить правительство за границей. Нелепость и вредоносность этой мысли совершенно очевидны. Я вполне рисую себе милейшего Петра Бернардовича, с обычной искренностью повторяющего очередное заблуждение. Его заявление мило и трогательно; оно привлекает своей наивностью и чистотой. Но уж если делать отступления в стихию, то всего

лучше отступить в воздух путем испарения¹. Я уверен, что Вы не разделяете мысли о желательности, из квазилегитимистических и других соображений, сохранять призрак, который, не помогая, будет страшно вредить. Сохранение видимости потенциала военного движения, не обещая никакого живого антибольшевистского действия, будет лишь питать большевистскую пропаганду и оправдывать сохранение военной системы. Помимо того, либеральный и умеренно-демократический национализм обречет себя окончательно на изолированность и гибель.

Я понимаю, насколько трудно Ваше личное положение. Благодаря признанию Юга Францией, посольство в Париже сделалось представителем Врангеля, а не нации вообще². Какова в настоящее время позиция Франции? Мы здесь ничего не знаем, и я снова обращаюсь к Вам как к источнику света.

На страницах даже репильных «Последних известий»* я видел отражение настроений и переживаний, близких к своим. Из этого я заключаю, что национальный комитет будет образован. Лучше всех, по-моему, сказал Винавер. Хуже всех, как ни странно, Чайковский. В частности, я никогда не думал, что Делегация, в создании которой я в свое время был столь повинен, окажется столь живучей, — и, может быть, даже слишком. Я понимаю также брыкания левых. Они правы; в течение по крайней мере двух лет мы с военными на них фыркали или их снобировали. Не надо бояться делать слишком много уступок. Исторические обстоятельства требуют их фактического преобладания в настоящий момент, но это преобладание — кажущееся. Кажется, П.Б.Струве придумал выражение «делать левую политику правыми руками». Ближайшее будущее покажет, что правая политика будет делаться левыми руками. Вот это-то и нужно понять, и как правильно в свое время заметил Г.Г.Бах, делать правую политику обеими руками, — правую, конечно, не в смысле правизны, а в смысле соответствия требованиям дня и жизни.

Я считаю неотложность образования комитета совершенно очевидной, причем для меня эта очевидность вытекает не из абстрактных суждений, а из практических потребностей работы каждого дня. Я веду активную кампанию и отсутствие морального центра, который можно было бы противопоставить большевикам, мне страшно мешает. Я считаю все же, что задачи комитета формулировались в парижских интервью несколько узко. Дело не только в объединении практической борьбы против большевиков или в переговорах с национальностями; дело именно в образовании политического центра, который представлял бы моральную и идеологическую силу, абсолютно без какого-либо покушения на фактическую власть или административное руководство. Основным правилом поведения этого центра должно быть: никаких попыток кому бы то ни было приказывать или что-либо непосред-

* Так в тексте; очевидно, следует читать «Последних новостей».

венно организовывать, и безграничное дерзание в смысле противопоставления национально-демократической идеологии коммунизму и представительства от имени России перед внешним миром. Последнее особенно важно: этот комитет должен быть Россией в глазах общественного мнения Европы и должен суметь подсказать правильное решение в момент, когда будут практически пересматриваться результаты парижской конференции.

Остается вопрос средств. Возможно, что в значительной мере сохранение правительства объясняется материальными соображениями и что финансовые зависимости вынуждают во многих случаях принимать практические решения. Я думаю, что дружный и энергичный напор со стороны заграничного представительства мог бы и в этом случае помочь. Возвращаясь, однако, к мысли о комитете, я думаю, что мне, может быть, удалось бы достать в Америке денег на подобный комитет, если бы лишь он организовался на началах, обещающих жизненность и национальную независимость, и исключил бы какие бы то ни было опасения реакционности и подчинения иностранным влияниям.

Подобную возможность имейте в виду, хотя и не слишком разглашайте. Вернее говоря, так: в случае, если бы этот аргумент мог сыграть решающее значение, Вы можете его пустить в ход; Вы знаете, что я обещаний зря не даю, особенно денежных.

Всего лучшего. Ваш Б.Бахметев.

№ 30

Б.А.Бахметев — В.А.Маклакову
Russian Embassy, Washington

14 декабря 1920 г.

Дорогой Василий Алексеевич.

В дополнение к политическим письмам, хочу коснуться нескольких, сравнительно мелких, практических вопросов.

Прежде всего, я не могу не обратить внимания на ту, крайне пристрастную и, сказал бы, неправильную информацию об американской жизни, которую питается парижская русская пресса, как «Последние известия»* и бурцевское «Общее дело»¹. Судя по подписи, сочинитель этих пакостных и неумных реляций — наш общий с Вами друг, Корф. Перестав получать от нас деньги, сей господин сделался злостным врагом посольства и пытается пакостить в своей мелкой, ядовитой злобе. Но это, конечно, совершенно неважно, потому что никто на него здесь не обращает никакого внимания. К сожалению, однако, я считаю правильные представления русских об основных тенденциях и явлениях американской

* Так в тексте; следует читать: «Последние новости».

жизни крайне важным политическим фактором и в этом смысле, должен сознаться, с.-р. печать гораздо ближе к жизни и лучше улавливает психологию, чем Бурцев и гольдштейновская газета². Хуже всего то, что Корф весьма плохо осведомлен и всегда неправ в своих предсказаниях и оценках.

Конфиденциально сообщаю Вам, что по этому вопросу мы сносились с Ростовцевым³, который к нам, вообще говоря, кажется, расположен. М[ихаил] И[ванович] вполне понимает, что информация неправильна, но прозрачно намекал нам о предубеждении, существующем в парижских газетных кругах к Вашингтонскому посольству, указывая, что убедить их в вредности и неправильности корфионства трудно. Не знаю, так ли это; очень хотелось бы знать Ваше мнение. Оппозиция их нам весьма забавна; не знаю, на чем она основана. Может быть, на влиянии того же Корфа и Бубликова? Но важно опять-таки не это; важно, чтобы эти газеты обратились к людям толковым и понимающим Америку, а главное — свободным от принципиальной передонощины. У нас имеется отличное информационное бюро, во главе которого стоит Зак⁴. Зак пользуется здесь вполне заслуженной популярностью и уважением — говорю об американских кругах. Серьезные друзья России из американцев весьма лестно отзываюся о его деятельности и о достигаемых результатах. Наоборот, все те русские, которые были связаны в свое время с затеянной в Омске интригой с целью уничтожить Зака и создать новое бюро, во главе которого в течение нескольких недель и стоял Корф, не могут простить Заку его торжества и полного развала своих предприятий.

Затем есть Пазвольский⁵ — полуамериканец, полурусский, очень толковый и хороший журналист. Я бы очень Вам был благодарен, если бы Вы повлияли на эти газеты и сказали им, насколько неправильно и вредно пропитывать русское сознание ядом мелкого недоверия и отвратительной подозрительности. Если необходимо считаться с фактом недоверия к посольству и с нежеланием ничего принимать от данайцев, пусть газеты обратятся хотя бы к Ростовцеву и положатся на его авторитет в смысле выбора корреспондентов.

Раз зашел уже разговор о парижских газетах, я хочу обратить Ваше внимание на текст моей к Вам телеграммы, помещенной в № 124 бурцевского «Общего Дела» от 16 ноября. Телеграмма приведена в кавычках, между тем ее текст передан заведомо неверно⁶. Что это, небрежность или предумышленное изменение? Мне не хотелось бы все же, чтобы подобные случаи повторялись. Я всегда знал, что Бурцев очень против нас; в свое время он делал какие-то разоблачения в Стокгольме.

Напишите, как обстоят дела. Все же это занимательно, и необходимо знать, так как приходится считаться в политической тактике со всякими личными отношениями.

Теперь другой вопрос. В той кампании, которую я здесь веду, крайне важно показать американцам, что политика, которой при-

держивалась вильсоновская администрация последнего периода в отношении России и которая выразилась в ноте Колби, в переписке с Польшей и в отказах ратифицировать Рижский договор и соглашение о Бессарабии, находит живой отклик и сочувствие среди россиян. В свое время Вы устроили, по моей просьбе, ряд манифестаций, непосредственно обращенных к Колби. Теперь мне нужно несколько более широкое действие, которое было бы услышано всей Америкой в целом. Желательно было бы получить от ряда крупных деятелей как Вас самого, князя Львова, Чайковского, Милюкова, затем промышленных деятелей и политических групп соответствующие интервью или заявления. Протелеграфируйте мне, возможно ли это сделать, т.е. сделать в такой форме, в которой отразилась бы действительно правильная оценка и признательность; тогда я через Вас направлю к этим лицам или группам представителя Ass[ошиэтед] Пресс, газеты «Таймс» и других. Я не хочу, однако, обращаться к своим связям раньше, чем буду уверен, что будут благоприятные результаты. Буду ждать от Вас соответствующей телеграммы.

Затем, большое значение имело бы, если бы русские академические группы также сделали заявление. Этого можно было бы достигнуть, написав коллективное обращение к Nicholas Murray Butler, President of the University of Columbia, New York City⁷. Это один из важнейших академиков⁸ Америки и крупная политическая фигура. О нем даже говорили, как о кандидате в президенты от республиканской партии. Ему надо несколько польстить, сказав о его высоком положении и в политическом и ученом мире Америки, и просить его от имени русских ученых и т.д. представлять перед американским общественным мнением в том смысле, чтобы политика, выявившаяся в ноте Колби — непризнание большевиков и охрана целостности России — была продолжена и впредь. Все, вообще, интервью о которых я пишу выше, должны, оценивая прошлое, оканчиваться выражением надежды на то, что политика, столь благоприятная и ценная для России, будет продолжена. Все это весьма существенно и важно для успеха моей здесь работы и я надеюсь, что Вы сделаете все возможное.

Ваш Б.Бахметев

№ 31

Б.А.Бахметев — В.А.Маклакову
Russian Embassy, Washington

15 декабря 1920 года

Дорогой Василий Алексеевич,

Я послал Вам свои пространные писания раньше, чем получил письмо Ваше от 24 ноября, в котором Вы обрисовываете положение, создавшееся после падения Врангеля.

Вы страшно пессимистичны. Нет сомнения, во многом Вы правы, особенно когда Вы пишете о соблазнах, возникающих для иностранных государств, проникнутых политическим реализмом. По всей вероятности, Вы правы также и в осуждении наших россиян, хотя надеюсь, что Вы меня лично не относите к тем, кто склонен, как Вы пишете, лягать. Надеюсь, Вы будете справедливы и признаете, что я всегда был последователен. Для меня фигура Врангеля была скорее привлекательна, и об этом я Вам неоднократно писал.

Раз уж зашел разговор о лягании, хочу сообщить Вам о недавно полученном письме вдовы адмирала Колчака¹. Софья Федоровна горько жалуется на свою судьбу и на то, что ей перестали помогать. Не знаю, что ее побудило обратиться ко мне, тем более, что я, кажется, был под «сомнением» и, во всяком случае, был не в милости у Верховного правителя. Само собой, я немедленно помог ей в пределах возможности, так как я глубоко и свято чту память и деятельность всех искренно и честно положивших свою жизнь за национальное дело, независимо от того, удачно или неудачно кончались их начинания.

Перейдем теперь к сути дела. Я хотел подробно отвечать Вам, но решил этого не делать — решил потому, что в настоящий момент это преждевременно. Ваше письмо дышит крайне трудным переходным моментом; в нем все — преходяще. А главное — преходяще само положение. Вы с восторгом пишете о чуде, именно об эвакуации и спасении южно-русской армии. Я отлично понимаю, что когда с такими усилиями удалось эвакуировать эту армию и она налицо, на кораблях и островах, как потенциальная боевая сила — через этот факт перейти нельзя. Это то же самое, когда умирает безнадежно больной. Все знают, что пришел конец, все сознают, что оставшиеся дни — одни страдания, однако, все ожидают смерти и не преступают естественного рока. Также и тут. Ведь очевидно, что сохранить армию за границей невозможно: во-первых, на это нет средств, никто средств не даст, а наконец, невозможно сохранить и дисциплину. Если бы и нашлось безумное иностранное правительство, которое решило бы сохранить боевую силу армии — все равно ее ни на что нельзя было бы использовать. Армия существует, но она обречена. В этом весь ключ создавшегося положения: уничтожить армию, взлелеянную и спасенную с таким трудом, невозможно. Вот тут-то и создается безвыходное положение, которое нужно переждать так же, как для того, чтобы начать новое дело и новую работу, переживают, пока естественной смертью отойдет безнадежно больной. Из Вашего письма я не вижу, чтобы у Вас была какая-либо надежда на иной исход. Вы чувствуете неминуемую гибель армии, и потому в письме Вашем отражается сознание необходимости нового центра национального действия и нового содержания национальной работы. Но пока существует армия, Вы неизбежно будете стремиться при-

мирить два непримиримых начала. Вот почему я считаю, что надо переждать и дать событиям самим привести нас к тому положению, когда то, что представляется ныне невозможным или бесконечно трудным, делается простым и исполнимым. До тех пор, пока мы будем оперировать под гнетом феноменов и неизбежно приспособлять свою политику к преходящим явлениям, в которых нет настоящей жизни и надежды, мы не сможем быть свободны.

Вот и все, что я Вам сейчас пишу. Я завтра рано еду в Нью-Йорк и нужно еще бесконечно много сделать. Искренний привет Вам и сестрице Вашей, в связи с праздниками. Предстоящие праздники сулят мне мало радости; моя жена больна, она в санатории. Лично я очень устал и голова моя не слишком хорошо работает. Однако, ни бодрости, ни уверенности не потерял.

Ваш сердечно, Б.Бахметев.

Б.А.Бахметев — В.А.Маклакову
Russian Embassy, Washington

19 марта 1921 года

Дорогой Василий Алексеевич,

Я все не успеваю сесть писать Вам, несмотря на искреннюю потребность, и сейчас пишу под свежим впечатлением известий о падении восставшего Кронштадта¹. Еще не совсем ясно, закончатся ли с падением крепости вспыхнувшая с такой силой первая подлинная народная волна антибольшевистского движения. Скажу лишь, что для меня падение Кронштадта и даже более, неудача восстания, — не неожиданны и нисколько не ослабляют тех выводов, которые следует делать из бурных явлений последних недель. Даже откинув все преувеличения газетных сообщений, события огромны по своей сущности и значению. Прежде всего, события эти доказывают, что те, которые как я, верили в неизбежность народного движения, направленного изнутри на погибель большевиков и которые не преклонялись перед логическими доказательствами интеллигентных скептиков, были правы. Кронштадт и всколыхнувшееся крестьянское море превзошли наиболее радужные предвидения и доказали справедливость тактики, основанной на вере в неизбежность свержения большевиков усилиями народных масс.

Вернувшись из Парижа, я высказал американскому правительству убеждение, что внутреннее антибольшевистское движение вступает в новую фазу ввиду появления двух новых активных элементов. Это, с одной стороны, — рабочие, с другой стороны — набранные по набору солдаты Красной армии. В Париже я получил определенное убеждение, что с поражением Врангеля и отсутствием организованного военного движения под предводительством генералов, резко стало меняться настроение тех рабочих масс, которые не включались в узкий круг советских чиновников, комиссаров, красногвардейцев и привилегированных ударных заводских групп. Вне всей этой рабочей камарильи все еще остается достаточно значительная масса подлинных рабочих, которых большевики не в силах кормить и привлекать особыми условиями. Масса эта должна была страдать поневоле от общей экономической разрухи и особенно от крушения производства, так как жизнь

ее была связана с возможностью приложения своего труда, а труд этот, в рамках национализированной экономики, оказывался ненужным и бесполезным.

С другой стороны, у меня создалось впечатление, что масса Красной армии начинает определенно выходить из повиновения советским комиссарам, да и самые размеры народного ополчения превосходят те пределы, в которых большевики способны укладывать армию в рамки железной дисциплины путем систематического шпионажа и наблюдения со стороны преторианских коммунистических ячеек. Настолько определенны были эти два моих впечатления, что я не остановился перед тем, чтобы высказать их в интервью Асс[ошиэйтед] Пресс, данным мною в Париже перед отъездом и, как я говорил, передать их политическим сферам Вашингтона, как один из главных и наиболее отрядных результатов моих впечатлений касательно внутреннего положения России. Характерно, что первые телеграммы, полученные здешним правительством, говорили о рабочих выступлениях в Петрограде, Москве, Харькове, Перми и Вологде, причем рабочие выступали с одинаковыми требованиями хлеба, Учредительного собрания и свободы торговли — что надлежит понимать как восстановление свободы экономической инициативы. Для успешной революции против большевиков нельзя придумать более невыгодных пунктов, чем Петроград, Кронштадт, вообще северные города. О том, что местности эти зависят целиком от большевистской власти в смысле питания, мы научены горьким опытом. Под угрозой лишения снабжения пищей северные области могут явиться опорным пунктом успешного восстания лишь в том случае, если последнее распространялось бы с молниеносной быстротой и захватило бы южные районы раньше, чем иссякли запасы продуктов. С другой стороны, и Петроград, и Кронштадт являются более чем неблагоприятными с точки зрения того контактного действия, которое столь характерно и важно для революции вообще. Революции относятся к разряду тех явлений, которые, подобно шаровой молнии, не объяснимы и не могут быть предсказаны. Успех их связан с быстротой распространения революционной волны, растущей путем непосредственного контакта, захватывающей массы и, в своем стихийном движении, переводящей на сторону восставших войска. Это последнее событие — захват революционными событиями психологии военных сил есть основной залог успешности всякого народного движения — а это явление психологическое и зависит прежде всего от динамики революционной волны, от быстроты и неожиданности ее появления.

Нельзя придумать более невыгодного пункта в смысле революционной радиации, чем Петроград, окруженный болотами и лесами с редким чухонским населением. Всего же менее благоприятен в этом отношении Кронштадт — специфическая морская база, наполненная матросами, всем известными в свое время лояльностью большевикам, а вообще — проказничеством и забиячеством.

С первого дня движения мы тщательно оберегали здешнее правительство и общественное мнение от чрезмерных увлечений и краткосрочного оптимизма. Мы говорили о невозможности ожидать быстрых успехов, но настаивали определенно на том, что эти явления знаменуют собою новую полосу активной борьбы народа с советской властью, эпоху, которая сравнительно быстро должна привести неминуемо к крушению большевиков. Мы отмечали следующие три несомненные результата движения:

1. Как я выше писал, оно явилось ярким доказательством правильности нового курса в русской политике, основанного на неизбежности народного восстания и свержения большевиков изнутри. Мне интересно, как отразились явления эти на психологии тех, которые с таким упорством противились новому курсу, исходя из представления о полной подавленности населения и его неспособности к активному сопротивлению. Лично я считаю, что моральный отголосок, который события нашли в сердцах мира, уже превосходит по своей силе и интенсивности все, что было достигнуто за последние три года наибольшими успехами организованных военных движений. Впервые Россия, как таковая, показала свою силу и свой истинный дух. Я искренно был рад получить телеграммы от Гучкова и Денисова, наибольших противников нового курса, всего более склонных к тому, что я называю механически-военным пониманием исторических событий. Как полагается неопитам, группы эти, по-видимому, дальше всех зашли в оценке событий, телеграфируя мне, что вне Петрограда и Москвы большевиков в России уже нет.

2. События в России положили конец тому очарованию фактическим положением, которое Московский совет, несомненно, оказывал на политическое мнение мира. Мы с Вами всегда соглашались, что фактические положения имеют огромную силу, несмотря на всю их моральную низость и неприглядность. Также было и с большевиками: все справедливо оценивали по заслугам теории и практику коммунизма, однако естественный практицизм, который даже не следует чернить словом оппортунизм, позволял считаться с фактическим положением и наталкивал на путь практического взаимодействия с властью, доказавшей в течение нескольких лет свою силу и устойчивость. Вот от этой-то спазмы большевистского удушья мир в настоящее время следует считать в значительной мере освобожденным. На большевистскую власть совершено нападение изнутри, атака огромной силы и энергии. В общественном мнении мира эти явления должны преломиться как конец периода устойчивости и незыблемости. Вы мне скажете, что подобное понимание противоречит соглашению Ллойд Джорджа с Красиным². Но этого, особо важного, пункта я коснусь ниже.

3. Наконец, я считаю, что народное движение в значительной степени подорвало возможность вооруженного нападения большевиков на Польшу, Румынию и тем избавило как Европу, так в конечном счете и Россию, от весьма больших осложнений, размеры

и характер которых при настоящих условиях трудно предвидеть и конкретно определять. Русская правая оппозиция хотела нападения на Польшу, которое, в их понимании, должно было вызвать реакцию Германии и тем неминуемо привести снова к военному вмешательству западных держав в российские дела. Я ничего так не боялся, как именно этого результата, который, с моей точки зрения, был бы концом национальной России, по крайней мере на много десятилетий. Я слишком, с другой стороны, мировой гражданин, и слишком ценю прогресс и цивилизацию, чтобы с такой легкостью относиться к мечу и потопу, который был бы связан с успешным наступлением большевиков. Снова, как в момент Марны, русский народ спас Европу³ от потрясений и осложнений самого серьезного характера.

Прежде, чем переходить к рассказу о делах в Америке, хочу немного отвести душу, и высказать Вам свои впечатления по поводу телеграмм, полученных мною из Парижа в связи с народным движением и вообще относительно всего того, что русскими было, по-видимому, сделано или, вернее, не сделано.

Я получил не менее десятка телеграмм из самых разнообразных источников, касающихся положения Кронштадта и необходимости ему помочь. Я убедился, что по-прежнему действия учреждений и групп ничем не связаны и не координированы. В телеграммах было весьма мало фактической стороны; между тем, из русских газет двумя неделями позже мы узнавали весьма существенные подробности, недостаток которых мешал нам сильно работать. Убеждать меня в необходимости помогать было бесполезно: я сам отлично это понимал и делал все возможное. Тяжело писать о вещах, которые связаны с голодом и кровью; но весь тон телеграмм напоминал мне те просьбы о вооруженной помощи, которые в свое время приходили от Колчака и с Юга России. Опять, как и раньше, забывая об уроках прошлого и не разбираясь в условиях, в которых протекает международная жизнь, все повертываются к загранице и ищут от нее помощи и спасения. Я убежден, что и результат психологического процесса будет одинаков: Америка не дала миллионов — она будет обвиняться в предательстве России, как обвиняли ее за отсутствие военной помощи наши реакционеры. Я снова буду украшен ярлыком либо изменника, либо никуда не годного дипломата.

Все то же самое: мы ищем обязательной помощи извне, между тем как главная и первая основа правильного международного понимания в настоящий момент, что ниоткуда, ни при каких условиях, в процессе развертывающейся гражданской войны мы серьезной помощи не получим и получить не можем. Мы можем добиться моральной поддержки; мы можем обеспечить известную международную ориентацию; мы можем добиться ряда международных выступлений, предохраняющих процесс восстановления от изолированности и создающих благоприятную атмосферу. Но вопрос о материальной помощи — дело иное. Смешно думать, что

при настоящем хозяйственном кризисе, при той финансовой разрухе, которую переживает мир, какая-либо одна страна или даже комбинация нескольких стран вместе взяли бы на себя всю совокупность материальной помощи и забот о восстановлении России. Это невозможно и по фактическому состоянию, и по психологии парламентов, которые все стоят у разбитого корыта военных бюджетов и изыскивают пути избавления от тяжести финансового кризиса и гнета военных налогов.

Возьмем, например, Америку — страну, которая, несомненно, больше всех нам сочувствует и от которой, в общем, мы всего больше получим сочувствия и реальной поддержки. С политической и моральной стороны можно достичь весьма многого. Несомненно, сильно нам помогут и гуманитарные организации, прежде всего Красный Крест. Если бы Россия освободилась, то можно было бы здесь организовать особую drive⁴ в национальном масштабе и собрать много миллионов. Этой задаче вполне сочувствовал, в частном разговоре, представитель Красного Креста и общим результатом этого явилась бы довольно существенная продовольственная и санитарная помощь. Но все-таки это — малая толика. У американского правительства никаких денег на помощь другим государствам и особенно на участие в гражданской войне, само собой, не имеется. Было бы наивно и неправильно ожидать также, чтобы при настоящем настроении Конгресс, выбранный под знаком невмешательства и понижения налогового бремени, мог пойти на какие-нибудь ассигнования. Наконец, вся позиция американского правительства, установленная прошлой администрацией, и которую в этом отношении вполне будет продолжать нынешняя власть, основана на идее невмешательства. Видя в интервенции силу не подтачивающую, а поддерживающую большевизм, Америка считает, что дело восстановления России должно быть делом рук ее народа, делом, в которое никто не должен вмешиваться. Америка считает необходимым поставить народную борьбу в атмосферу сочувствия и дружбы, оградив борющуюся за свое освобождение Россию от иностранных посягательств — не больше. Несомненно, эти соображения повлияли и на Красный Крест, когда, заверяя меня в полном сочувствии движению в Кронштадте, Красный Крест, в то же время, не считал возможным выступать на помощь одной стороне в самый разгар боя, рассматривая такое выступление как прямое участие во внутренней распре. Это не помешало Красному Кресту заверить меня, что как только положение более или менее установится, Красный Крест всячески придет на помощь Петрограду. Я не удивлюсь, если подобное доктринерство будет раздражать россиян. Поверьте, что я все делал, чтобы добиться немедленной помощи — но твердость в принципах иногда бывает неприятна.

Я не могу также скрыть от Вас своих горестей по поводу того, насколько мало русские организации в Европе использовали движение политически. Во-первых, они перехватили через край в

оценке немедленного результата движения и тем заложили, как и в предыдущих случаях, основу для разочарования. В заграничной среде нельзя открыто показывать всем свои эмоции. Надо было использовать огромный мировой интерес к развернувшимся событиям, для того чтобы повернуть мнение на свою сторону и закрепить это мнение в известных направлениях. Для этого нужны были десятки резолюций, постановлений, интервью, и всему этому должно было давать мировую publicity. Я могу ошибаться, или, вернее, не знать, но отсюда впечатление, будто бы ничего не было сделано. Посмотрите, как англичане разыграли свое соглашение с Советами, какую пропаганду они разлили по всему миру, связав с этим и перелом в направлении деятельности Москвы, и проч. Что мы этому противопоставили? Ровно ничего. Я откровенно буду писать об этом учредилловцам, но дело не в той или иной группе. Мы сейчас вступили в новую активную эпоху русского дела и мы должны суметь работать за границей, чтобы быть достойными его выразителями.

Раз я коснулся вопроса о Ллойд Джордже, позвольте углубиться в этот вопрос несколько детальнее, причем не удивляйтесь, что в этом письме отражаются довольно разновременные впечатления. Дело в том, что начало его я надиктовал неделю тому назад, под свежим впечатлением Кронштадта, теперь же оно переписывается и додиктовывается в конце одной из наиболее трудных и бурных недель, которые нам пришлось здесь пережить, когда нужно было напрячь все силы, чтобы удержать Америку на правильном пути и не дать ей быть увлеченной той волной пропаганды, которую неожиданно развернула Англия, в связи со своим соглашением с Красиным. Я должен сказать, что в первый момент я не понял, почему Ллойд Джордж нашел необходимым подписать соглашение в тот момент, когда положение большевиков казалось наиболее слабым. При настоящих условиях приписывать это давлению рабочих было бы неправильно; наивно было бы также считать, что англичане использовали слабость большевиков, чтобы подписать соглашение на продиктованных Хорном⁵ условиях. Еще несколько недель тому назад для меня была ясна решающая побудительная причина в давлении на Ближнем Востоке. Но опасность была в тот момент, когда большевики были сильны. Почему Л[лойд] Джордж тянул, а теперь, в момент слабости Советов, вдруг согласился? Что с этим соглашением не связаны никакие экономические предположения, как у Л[лойд] Джорджа, так и Ленина — ясно. Оба они отлично понимали, что торговать в России нечем и никакая торговля невозможна. Ленин стремился к получению политической выгоды, связанной с самим фактом соглашения с первостепенной державой. Л[лойд] Джордж искал облегчения положения на Ближнем Востоке. В комментариях, переданных в Америку из Англии по поводу соглашения, прямо говорится о том политическом значении, которое придают этому соглашению руководящие сферы, причем это значение связывается

с тем, будто бы коренным, изменением политики, которое выявлено Лениным в одной из последних речей на съезде коммунистической партии и которое нашло такое полное отражение в речи Л[лойд] Джорджа. Все это, конечно, вздор — никакого изменения в коммунистической партии нет, хотя перемене их тактики нельзя не придать огромного значения. Перемена эта есть прямой результат экономической разрухи и внутреннего народного движения и есть первая крупная трещина в здании большевизма. Как в былое время самодержавие, Ленин пытается спасти положение мелкими уступками и реформами, забывая, что компромиссы в политике возможны и полезны, в то время как в экономической сфере между коммунизмом и системой, построенной на частной собственности и свободе инициативы, не может быть примирения и промежуточных форм.

Все это мы, конечно, пытались доказать здесь, насколько возможно ясно и широко, пытаясь противопоставить пропаганде и словам факты и добываясь политики, основанной на реальном учете действительности. Вчера, наконец, 25 марта, кризис разрешился, и Америка выступила с резким и определенным ответом на предложение Советов вступить в переговоры по поводу торговли; ответом, который вполне соответствует тем пожеланиям и намерениям, которые я считал наиболее правильными в настоящий момент. Ответ государственного секретаря на ноту Литвинова — акт огромного значения⁶. Ему предшествовало несколько дней болезненного и напряженного ожидания, когда было неизвестно, склонится ли или нет правительство на сторону Л[лойд] Джорджа.

Я думаю, что политические стремления Англии во всем вопросе идут значительно дальше, чем вопрос о Ближнем Востоке. Прежде всего, я думаю, у Англии был план повторить в отношении Америки то же самое, что она сделала с Вильсоном в Париже. Суть английской политики заключалась в том, чтобы лишить Америку того независимого положения, которое давало ей мировой авторитет и фактическое мировое водительство и прицепить ее к победной колеснице британского политиканства. Л[лойд] Джордж достиг этого в Париже; искусно маневрируя и используя некоторые слабости бывшего президента, он сумел развенчать Вильсона и сумел склонить его принять все практические предложения, совокупность которых составила Версальский и другие договоры. Результат этой политики — налицо, и нынешняя мировая разруха дорого платит за то, что Вильсон не понял коварных замыслов британского премьера и попался в ловушку. То же самое Л[лойд] Джордж хотел сделать и теперь. Англии крайне неприятно независимое положение, которое Америка заняла по отношению к России; не говоря уже о политических и экономических последствиях американо-русского сближения в будущем, просто в настоящий момент независимое поведение Америки весьма мешает намерениям англичан. И вот, избравши тот момент, когда у боль-

шевиков были вырваны зубы и когда из свирепого леопарда они принуждены были переделаться в отвратительного шакала, Англия поставила Америку и весь мир лицом к лицу с совершившимся фактом подписания договора. Вслед за этим разыгрывается искусственная буря в прессе, провозглашающая на весь мир раскаяние Ленина и отказ Советов от коммунизма, с переходом к мудрой политике компромиссов с собственностью и с крестьянами. К этому прибавляется игра на мелкие зависти и обывательские соображения страдающих от кризиса американских деловых людей, которым говорится о тех преимуществах, которые Англия извлекает из договора, преимуществ, которых будут лишены бедные американцы благодаря упорству и доктринерству своего правительства. Наконец, перед лицом обывателя разыгрывается картина, что все другие страны — Италия, Германия, Япония и проч., вступают на путь соглашения с большевиками, и Америка остается изолированной. Вы легко поймете, что, если бы администрация Хардинга попала на эту удочку или просто не имела бы мужества противостоять всколыхнутой пропагандой обывательщине, то все первородство, завоеванное с таким трудом в русском вопросе нотой Колби⁷, было бы раз навсегда потеряно, и Америка из благородного и твердого друга, независимо шедшего с Россией, перешла бы в разряд держав, позорно плетущихся за колесницей Англии. Я начинаю сильно бояться, что у английских политиков, с одной стороны, и у известной группы дельцов, с другой стороны, вообще не имеется особой склонности видеть замену умеренного большевизма сильным и молодым демократизмом.

На самом деле, демократическая Россия — это значит, прежде всего, новая и сильная государственность, с неограниченными перспективами в области международных отношений. Мирное по существу и неагрессивное, это есть, тем не менее, великодержавие с таким влиянием, притягательностью и силой, о которых никогда не мог и мечтать реакционный империализм. Демократическая Россия, во-вторых, есть перспектива сближения с Америкой и создания экономической и политической комбинации такого мирового влияния, при котором Англии будет более чем трудно господствовать на международной арене. В-третьих, наконец, демократическая Россия обозначает бешеное развитие производительных сил и создание в будущем центров производства, которые не могут не отразиться на других государствах, живущих по преимуществу внешним товарообменом. Наоборот, советская Россия с вырванными зубами, т.е. смягченный и расслабленный коммунизм, обрекает Россию на медленное угасание в экономическом и политическом параличе, лишает ее всяких перспектив великодержавия, исключает соглашение с Америкой, которая никогда не пойдет даже на экономическое сближение со страной, где собственность и вообще экономические отношения не будут покоиться на прочной базе законов и превращает Россию в отсталое крестьянское государство, где коммунистическая власть может долго

существовать, если та или иная внешняя держава будет готова поддерживать ее экономическими снадобьями. Англия, при таком положении, получает преобладающее значение в политике и экономике России, узаконение и признание власти дает юридическое обоснование концессиям и другим экономическим монополиям хищнического характера, — в общем, создается конъюнктура, весьма благоприятная традиционным путям и приемам британской политики. Вы помните, я всегда был того мнения, что в конечном счете интересы Англии лежат в ином направлении; но я не говорю об объективных, глубоко продуманных путях; я имею в виду вещи, как они представляются среднему уму, воспитанному в известных традициях и пониманиях. Более того: я не думаю, чтобы у кого-нибудь в мозгу сознательно окреп подобный макиавеллистический план, напоминающий конан-дойлевского злодея, который прививал своему родственнику болезни. Суть дела в том, что элементы общего положения подсознательно влияют на психологию участников и деятелей исторического процесса и каждый в своей сфере и в пределах частных решений бессознательно придерживается линии поведения, соответствующих сущности всего положения в целом. Прошу Вас, читая эти строки, не забывать, что вообще я не склонен к чрезмерной подозрительности и диаволизму в политике.

Перехожу теперь к русским делам.

Ответ государственного секретаря на телеграмму Советов определил в значительной мере основное направление в русской политике. Как видите, я был прав, когда в Париже высказывал убеждение, что новая администрация в основных вопросах не изменит существовавших взглядов по отношению к России. По своему возвращению из Парижа я очень скоро убедился, что преемственность окажется гораздо более полной, чем можно было ожидать. На самом деле, я нашел весьма значительные изменения в психологии и взаимоотношениях уходящей и входящей партии. Когда я уезжал, между двумя лагерями чернели непроходимые пропасти, еще более мрачные и страшные из-за полного отсутствия взаимного осведомления. Однако ряд практических вопросов, по которым уходящей власти пришлось принимать решения, как-то: вопрос о мандатах вообще и судьба острова Яп,⁸ в частности, Мексика, Месопотамия заставили республиканцев и демократов сойтись для обсуждения дел, требовавших неотложного решения. Более того, в обеих палатах были поставлены вопросы, касающиеся русской политики, наших фондов и т.д., на которые демократам пришлось отвечать. Как часто бывает, достаточно честным противникам сойтись, чтобы понять друг друга и многое позабыть. Так случилось и здесь. Политика Колби и Дэвиса в вопросе о мандатах и весьма удовлетворительные объяснения Министерства иностранных дел по русским делам привели к известному психологическому сближению дотоле чуждавшихся друг друга сторон. Уходящей власти была оказана всемерная поддержка в во-

просе о мандатах и фактически вынесено одобрение ее русской политике. Установилось известное понимание, и у приходящей власти отпало желание действовать во что бы то ни стало наперекор. Соображения партийной страстности отпали и была установлена фактическая непрерывность и преемственность, причем новая власть в течение долгого времени искала разъяснений со стороны бывших чиновников вильсоновской администрации.

Американская политическая обстановка вообще сопряжена с полной переменой административного аппарата. Поэтому пройдет сравнительно мало времени, пока новая власть достаточно ознакомится с обстановкой и окажется в состоянии непосредственно заниматься вопросами своих международных отношений и что-то в них творить. Поэтому надо ожидать, что первые несколько месяцев будут фактически мертвыми и сношения с дипломатами будут носить формальный характер. Декларация Хьюза по вопросу о торговле⁹ не исчерпывает ответа по всем вопросам русской политики. Ответ этот не затронул вопроса о единстве и, кроме того, остается вопрос о нашем посольстве. Кстати, я забыл Вам передать, уезжая, копию ноты, которая являлась политико-юридическим обоснованием нашего существования. Пересылаю Вам ее теперь, причем, перечитывая, получаю впечатление значительно большей убедительности, чем мне казалось в момент ее передачи. По возвращении я увидел, что и в этом вопросе острота несколько спала, чему в значительной степени способствовали дебаты в комиссиях Сената и Палаты представителей. Пока на официальных приемах президента и президентши и во время официальных представлений в Министерстве иностранных дел все было по-старому. Однако я не считаю вопрос окончательно разрешенным. По совету искушенных и мудрых друзей, я держу себя пока весьма смиренно, не делаю политических выступлений, которые могли бы повести к преждевременным осложнениям, и выгадываю время, используя влияния, которые дают широкие дружеские связи. В общем, события развиваются лучше, чем я ожидал, но я не хочу быть чрезмерно оптимистичным.

В области русской политики, мне представляется, мы подошли к новой фазе, которая требует новых начал. Старая политика, выявленная нотой Колби, по существу негативна. Эта политика направлена против признания, против интервенции, против раздробления. Это не политика, а скорее то, что можно назвать словом attitude¹⁰. Не требуя активных действий, она вполне отвечает тому, ныне приходящему к концу периоду, когда в России безраздельно господствовала большевистская власть и со стороны населения не проявлялось активных шагов, направленных к освобождению. Ныне мы вступили в период активной народной борьбы и, надо думать, момент свержения большевистской власти не за горами. Признаками этого периода являются также и те уступки, которые Ленин делает крестьянам и иностранным капиталистам, с очевидной целью во что бы то ни стало сохранить власть. Стрем-

ления Ленина понятны. Убежденный в том, что международная обстановка не благоприятствует немедленной социальной революции, Ленин пытается сохранить действенный центр активного коммунизма в России, причем для этой цели готов идти на всякие компромиссы, лишь бы последние не изменили беспределного господства коммунистической партии в центральных государственных отправлениях. Итак, настает время, когда надо готовиться к моменту падения большевиков и, подготавливая правительства и общественное мнение Европы и Америки к тем явлениям, которые придут на смену большевизму, вырабатывать линии поведения, которых, в интересах России, надлежало бы придерживаться. Я пишу Милюкову свои соображения относительно линии поведения групп, поддерживающих Учредительное собрание¹¹. Я, в частности, очень против того, чтобы стремиться образовывать центральную власть и быстро объявлять кого-то правительством. Попросите П[авла] Н[иколаевича] дать Вам письмо, я не хочу повторяться. В письме этом я также излагаю свои взгляды на тот процесс, которым пойдет восстановление русской государственности и целостности.

Вообще говоря, за граница отнесется неодобрительно к самому факту отсутствия власти. Даже теперь американцы не скрывают своего разочарования, когда на вопрос, кто явится лидером или диктатором освобождающейся России, я отвечаю, что подобного руководителя нет и, возможно, и не будет. В связи с этим необходимо постепенное и систематическое воспитание за границы для спокойного и правильного восприятия будущих событий, как неизбежной необходимости, тем более, что отсутствие правительства или диктатора не исключает руководства. Все это особенно важно потому, что процесс воссоздания России в значительной мере будет зависеть от той международной обстановки, в которой он будет происходить. В центре воздействия на здешнее мнение я кладу мысль, что интересы восстановления политического и экономического равновесия мира властно требуют возможной быстроты в процессе восстановления России и что эта быстрота, в свою очередь, находится в зависимости от той международной обстановки, в которую Россия будет поставлена и от той помощи, которую Россия сможет получить. Восстановление России есть, прежде всего, вопрос экономический. Поэтому особенно важно давать себе отчет о вредности и бесплодности экономических фантазмагорий, подобных тем, в которых упражняется наш друг Чернов на страницах «Воли России»¹². Я, впрочем, не боюсь этих упражнений. Это — тот же декретизм, в котором автор так справедливо обвиняет большевиков. Все это будет сметено жизнью и совершенно неопасно. По моему убеждению, дело восстановления России на 99,9 будет зависеть от самодеятельности нас самих; остаток я охотно отдаю доброй воле и помощи иностранцев. Такое положение связано с нескончаемыми затруднениями, будет сопровождаться безумными страданиями и, может быть, в известных

случаях, повальным вымиранием — но это неизбежность, от которой не уйти. Есть, однако, обстоятельства международного характера, которые весьма существенны. Весь процесс может совершаться весьма различно в смысле быстроты и удовлетворительности, в зависимости от того, будет ли он происходить в атмосфере международной безопасности и сочувствия, или Россия будет строиться в атмосфере изолированности и, скажу больше — враждебности и покусительства. Вот тут-то и заключается главное, что может сделать наше представительство и я, в частности, возлагаю в этом отношении большие надежды на Америку.

Новая власть пришла с идеей обособленности и независимости в международных отношениях, временно выкинув из обихода идею солидарности международного действия, олицетворенную Лигой Наций. Это не значит, конечно, что не будет сотрудничества с Европой и что Америка не будет интересоваться мировыми делами. Наоборот, как я высказывал в Париже и в чем я теперь еще более убежден, Вы скоро увидите, как Соединенные Штаты будут вмешиваться во все дела, исходя, конечно, из своих национальных интересов. Важно, однако, что с крушением идеи Лиги Наций естественно ставится вопрос о сближении с теми государствами и нациями, с которыми имеется общность экономических и политических целей. В печати начинают уже проскальзывать нотки, говорящие о всегданней дружбе Америки с Россией и о значении кооперации в будущем. Мысль эта пока сосредоточена в мозгах отдельных и немногочисленных писателей и не сделалась еще достоянием широкого общественного мнения, но самый факт ее появления знаменателен. Это есть первые ростки того процесса, неизбежность которого для меня была всегда ясна и первостепенная важность которого, с точки зрения русских интересов, давала мне, во всей моей деятельности внутреннюю энергию и воодушевление. Пока ограничусь тем, что Вам пишу; масса дела, я не успеваю делать половины.

Сердечный Вам привет, не прерывайте привычки писать мне, как Вы писали в прошлом.

Ваш Б.Бахметев

№ 33

Б.А.Бахметев — В.А.Маклакову
Russian Embassy, Washington

13 апреля 1921 г.

Дорогой Василий Алексеевич.

Пишу пока два слова, в надежде в скором времени беседовать продолжительно с Вами. То, чего я ожидал в свое время, наконец,

свершилось. Неистовый Бурцев обрушился на меня¹. Меня все это мало трогает. За три с половиной года я приобрел все свойства обстрелянности и невозмутимо хожу под пулями здешних большевиков, желтой прессы типа Херста² и «русских друзей» в духе Бубликова. Сейчас, по-видимому, к этой почтенной компании присоединяются врангелианцы и черносотенцы.

С точки зрения американской работы, я уверен, никакого влияния вся эта шумиха иметь не будет: если мы вообще погибнем в бою, то только от общих условий, а не от собственных радетелей. Но все же противно и отвратительно, особенно имея в виду, что Бурцев имел репутацию честного и правдивого человека, а между тем его статьи — сплошная ложь. До меня доходят слухи, что сотрудники Бурцева пытаются использовать Вас в деле их атаки на мою политику. Ради Бога, не давайте втаскивать себя в эту грязь и гоните их вон, не говоря им решительно ничего. Я всегда придерживался такой практики в подобных случаях — и с неизменным успехом.

Ультиматум Франции Врангелю поставлен, по-моему, в исключительно неудачной форме, которая должна вызвать справедливое осуждение всех русских и которая подтвердила основное положение, проводившееся нами в письме Врангелю, подписанном Гирсом: что разрешение положения армии неминуемо примет катастрофический, независящий от нас характер, если мы его в свое время не возьмем в свои руки и не ликвидируем сами.

Душевно Ваш

Б. Бахметев

№ 34

В. А. Маклаков — Б. А. Бахметеву

Париж, 15 апреля 1921 г.

Дорогой Борис Александрович,

Очень рад получить Ваше письмо и начинаю отвечать тотчас же. И я давно собирался написать и не писал по тем же причинам, что и Вы. Главная причина это даже не недостаток времени, сколько слишком быстрая смена событий; хочется отложить писание, пока что-то окончательно не выяснится, — там завязывается новый невыясненный вопрос, и настоящего момента так и не дождешься. Ваше письмо есть повод ответить, и потому я больше не откладываю; буду отвечать Вам на все, хотя по иному плану.

Прежде всего хочу тоже Вас информировать и потому буду писать о Франции; здесь вопрос об отношении к Германии заслонил все остальное. На нем держится правительство, определяется внешняя, отчасти и внутренняя политика. Отношение к русскому

вопросу в значительной мере будет зависеть от того, как сложатся отношения с Германией. Это основной фактор, всемогущий здесь, который для Америки не существует.

На этом вопросе после некоторых колебаний определилась политика Бриана¹; после попытки двинуться в другом направлении, он занял определенную позицию: Германия должна все заплатить, и мы силой ее заставим это сделать. После первого мая начнутся эти насильственные действия; об этом объявлено так торжественно, что для Бриана отступления больше нет, если бы он и захотел. Думаю, что его заявление и не простая фраза, которой он на несколько недель оберегает портфель. Бриан, очевидно, получил свободу действий и ею воспользуется; действия будут насильственные, т.е. военные. Какие это действия — пока секрет; близкие к правительству люди думают, что этого и сам Бриан хорошенько не знает. Значение их вообще психологическое; когда они начнутся, думают французы, немцы увидят, что с ними не шутят и пойдут на уступки. Здесь общее мнение, что Германия не хочет платить и того, что могла бы заплатить довольно легко; она хочет своим отказом заставить союзников пойти на уступки, а французы хотят насильственным ударом ее переупрямить. Конечно, насилем можно достигнуть результатов только на короткое время, но, во-первых, ближайшие результаты сами по себе нужны финансовому положению Франции, а во-вторых, они нужны правительству по политическим соображениям. Самые эти действия могут быть разнообразны и, вероятно, будут выпускаться пакетами. Сначала просто расширят пределы оккупации, займут Рур, а, может быть, и другие местности, которые Версальским договором не предусмотрены. Французы считают, что Версальский договор если не *expressis verbis*², то в общем смысле дает им право применять все те насильственные действия, которые вообще применяют к неисправным должникам; я присутствовал при одном любопытном споре, который один известный французский профессор международного права вел с французскими политиками; он доказывал им, что текст Версальского договора не дает права на оккупацию вне известных пределов; политики немедленно напустились на него, доказывая, что это не так, и он очень охотно им уступил. Итак, сначала будет расширение области оккупации. Если этого окажется недостаточно, могут приступить к захвату и эксплуатации государственных имуществ, особенно лесов и даже к захвату частной собственности; Версальский договор, в сущности, уже установил этот метод, когда возлагал на германское правительство обязанность вознаградить германских подданных, у которых союзники отнимали имущество, и когда таким образом установил принцип, по которому отнятие имущества частного человека стало рассматриваться как способ добиться уплаты у государства. Если думают здесь, ударить таким образом по богатым немцам, то сами богатые немцы в мере своего влияния на свое правительство, добьются того, чтобы правительство не доводило бы до такого ре-

зультата. Эти насильственные меры, по-видимому, будут произведены армией, созванной на добровольных началах; таких добровольцев, несомненно, найдется достаточно, так как раздражение против Германии все еще велико. Все то, что я Вам сейчас говорю, есть область сплетен и слухов, хотя исходящих от очень непосредственных источников, и я за них не ручаюсь; но думаю, что либо министерство падет, либо оно должно будет делать нечто подобное, так как оно уже слишком ангажировалось и потому систематически готовит общественное мнение именно к этому.

Предполагаю далее, что и Англия и Италия дали французскому правительству *carte blanche*, предоставив ему одному вести эту политику; эта свобода рук для Франции и есть та победа Бриана в Лондоне³, которая дает ему сейчас возможность говорить громкие фразы вроде «твердой руки, которая схватит Германию за шиворот», которая помирила с ним и Палату, и политиков вроде Пуанкаре⁴ и создала ему растущую, хотя еще и не вполне прочную популярность.

Франция, раз ей предоставили свободу, конечно, одна сможет сломить всякие попытки к военному сопротивлению Германии, даже если она на такую попытку решилась бы; только если и после этого ее экономическое положение не улучшится, если и этот путь не удастся, придется подумать о других. Но пока она твердо рассчитывает и уверяет себя, что немцы принуждены будут уступить, что они смогут все заплатить, и потому политика, на которой сейчас остановился Бриан, удовлетворяет широкое общественное мнение и обезоруживает демагогов.

В такой резкой постановке вопроса повинно не только несколько легкомысленное общественное мнение Франции, сколько и сама Германия. Она не сумела использовать своего положения, не сумела выдвинуть подходящих аргументов для самозащиты.

Главным аргументом Германии могло быть только одно: необходимость заранее знать точно ту сумму, которую ей придется заплатить, причем, разумеется, ею должна быть сумма, которая не представлялась бы заранее и абсолютно безнадежной. Пока эта сумма ей не указана, естественно, что она не может делать частичных платежей, если даже они ей и по силам; Германия могла утверждать, что она не может заставить свой народ бросать свое достояние в яму, пока в этой яме еще не выведено дно; а это дно появится только тогда, когда будет известна общая сумма и когда всякий платеж эту общую сумму соответственно уменьшает. Но, заявляя это, она, конечно, должна была одновременно с этим искренне или неискренне, но утверждать, что она свой долг непременно покроет; при этом, если союзники не должны были назначать сумму, заведомо превышающую платежные средства страны, то и Германия не могла в качестве общей суммы признаваемых ей платежей указывать меньше издержек, которые должны были бы нести разоренные ею страны; нельзя было согласиться с тем, что Германия, которая не имела разоренных областей, благодаря

этому по окончании войны оказалась бы в более выгодном положении, чем победители. Кроме того, Германия могла указывать и на то, что отсутствие в *commission de réparations*⁵ Америки, т.е. единственного не пострадавшего государства, лишало всякого объективного значения оценку этой комиссии. Вот что она должна была говорить, но она, со свойственной ей толстокожестью, не только не соглашалась платить то, что она могла платить, не только ставила для платежей условия, которые были политически неприемлемы (Верхняя Силезия), но даже не обуславливала это необходимостью предварительно знать общую цифру своих платежей; она просто утверждала, и вполне голословно, что платить не может, причем было ясно, что она платить не желает. Это отношение к вопросу возмутило Ллойд Джорджа и заставило его предоставить Франции сделать все то, что она захочет. Конечно, когда имеешь дело с таким капризным характером, как Ллойд Джордж, трудно понять, что у него в голове и что там завтра окажется. Может быть, играло роль и личное расположение Ллойда Джорджа к Бриану; он хорошо понимает, что от Ллойда Джорджа зависит свалить теперешнее министерство во Франции и вместо него получить Пуанкаре; может быть, есть желание показать Франции несбыточность ее притязаний в полном объеме; может быть за свою уступчивость, которая Англию ни к чему не обязывает, Ллойд Джордж выговорил у Бриана и реальные уступки и выгоды; все это может быть, но пока результатом всего этого является только одно: Франция крепко-накрепко связала свою судьбу дружбой с Англией и чем дальше будут развиваться события, тем Франция будет больше делать уступок за сохранение этой поддержки Англии; конечно, когда-либо наступит момент, когда близость Англии станет в тягость и она с ней разорвет; но для этого нужно либо, чтобы Англия затянула ее в слишком для нее опасное предприятие, слишком явно обманула ее или чтобы перед Францией предстала какая-либо иная политическая конъюнктура, иная реальная помощь. Пока же этого нет, она пойдет вместе с Англией и это главный результат всего происшедшего.

Чтобы покончить с этим вопросом, я хочу указать еще одно. Наблюдая развитие переговоров с Германией, я вижу, что есть один путь, на котором соглашение с нею могло состояться, или на котором она могла бы и выиграть. Германия должна была бы самым искренним и серьезным образом предложить им восстановление разрушенных провинций в натуре. Вначале сами французы этого не хотели, считая унижительным, что к ним в большом количестве явятся немцы, и, во-вторых, боясь конкуренции французской промышленности. Но в этом отношении теперь совершается спасительный переворот среди многих французов, причастных к Версальскому договору; французы чувствуют, что только на этом пути они могут получить большое облегчение, что все остальные выводы гадательны; и самые аргументы, которые сначала они выставляли против этого плана, поворачивают сейчас в его

пользу. Они находят, что работа немцев в разрушенных провинциях не только не унижительна для французов, но, напротив, символ их торжества, искупление нанесенного ими зла. Они находят, во-вторых, что пока немецкая промышленность будет работать на восстановление областей, французская промышленность захватит те рынки, где сейчас работают немцы, и приспособят свою промышленность к потребностям завтрашнего дня. Искренне или не искренне, но такова новая нота в их отношении к этому вопросу, и если бы немцы сделали серьезное, обдуманное, честное предложение, которым поставили бы французов перед альтернативой, или согласиться на это или взять на себя одиум непримиримости, они могли бы не только расколоть общественное мнение в самой Франции, но и получить на свою сторону сочувствие других государств. Это они должны были сделать, и это они, может быть, еще сделают. Конечно, и предлагая подобного рода способ возмещения убытков, они имели бы полное право требовать, чтобы предварительно был установлен *forfait** и чтобы таким же порядком была определена и стоимость восстановления в натуре, а не комиссией, в которой у них нет голоса. Это предложение означеновало бы их добрую волю, но этим путем они пока не идут. Они надеялись, и очень глупо, то на ссору между союзниками, либо на революцию и сопротивление пролетарской массы в самой Франции, то на поддержку Америки, то на большевиков и вообще на разные *deus ex machina*⁶.

Образчик того, что у них в голове, Вы можете видеть из прилагаемого резюме беседы Гуго Стиннеса⁷ с одним из моих русских друзей; за точность его передачи не ручаюсь; мой приятель не хвастун и не лгун. Конечно, со стороны Стиннеса это может быть блеф, но характерно, чем он блефирует.

Непримиримость позиции, занятой немцами, дала такое оружие в руки непримиримых французов, что Бриан как тонкий политик понял, что и он не может вести иной политики. Он на ней и остановился, хотя в душе хотел другого. Если немцы в последнюю минуту не уступят, а теперь это труднее, так как к ним будут строже, чем раньше, и в их уступчивости увидят признак слабости, то с 1 мая начнется серия сюрпризов. К чему приведет вся политика посылки «жандармов». *A la longue*⁸ ни к чему; но в первое время, конечно, получатся результаты, которые будут подхвачены прессой и дадут иллюзию успеха; наконец, и сам по себе самый факт удовлетворит патриотическое самодовольство. Худо, что это временное торжество может иметь политические последствия в самой Германии, которыми воспользуются тамшние большевики. Оптимисты думают, что этого не будет, что после неудачи непримиримой политики и в Германии возобладает демократия, которая отнесется к своим обязательствам иначе, найдет сочувствие в демократических странах, Англии и Франции. Словом,

* Forfait (франц.) — сумма, недостающая для покрытия расходов.

думают оптимисты, то насилие, которое сейчас собираются употребить, имеет непосредственной целью отогнать от власти в Германии шовинистические, реакционные и непримиримые элементы; с ними, как показал опыт, дело иметь невозможно, они мечтают не о платеже, а о реванше. Не знаю, основательны ли эти надежды. У меня есть сомнение, чтобы демократический режим в Германии мог увеличить ее производство, чтобы демократии стало легче платить; конечно, демократия поведет атаку против своих капиталистов, будет заставлять их раскошелиться на уплату контрибуций, это бесспорно; но этим многого она не достигнет. А с другой стороны, я не думаю, чтобы правящие круги Англии и Франции, одержав подобную победу над Германией, были склонны за прекрасные глаза демократии отказаться от того, что они считают своим правом. Опыт Версальского мира достаточно оправдал это сомнение. Словом, я опасаясь, что в Германии начнется затяжной процесс, что ее капиталистическое здание будет трещать, а она сама станет не оплотом порядка, а очагом опасного для всех социального разложения. Но все это *Zukunftsmusik*⁹, которую я предугадывать не хочу; реальным же последствием настоящего дня пока является только одно — то, что политика немцев тесно приковала Францию к колеснице Англии и Ллойд Джорджа и потому нам надо глядеть именно на Англию, чтобы догадаться, что нас и здесь ожидает.

Перехожу теперь к Англии.

Я был точно также как и Вы изумлен, что Англия заключила договор с Советской Россией в разгар Кронштадта. Как Вы, я искал объяснения этому. Совершенно согласен, что его приходится видеть не в боязни за азиатские владения, так как эта опасность, конечно, ослабела ввиду Кронштадта, ни в настойчивости рабочей партии, так как и эта настойчивость по тем же причинам уменьшилась. Факт этой поспешности доказывает, что причины политики Ллойд Джорджа лежат не в этих соображениях, которые публика считала главными. Вы приводите новое объяснение, желание Англии быть первой скрипкой в политике относительно России. Это объяснение для меня неожиданно, ново и потому интересно. Думаю, что в нем есть доля правды, которую мы здесь недостаточно ценим. Но тем не менее это соображение очень побочное. Большая политика не определяется такими мотивами.

Чтобы объяснить себе это недоумение, надо, мне кажется, различать два вопроса. Во-первых, само решение Англии возобновить в этот момент торговые сношения, во-вторых, ее желание привлечь к этому решению и другие страны. Это не одно и то же.

Конечно, подписание договора в этот момент само по себе свидетельствует о том, что Ллойд Джордж считал большевизм более прочным, чем мы про него думали при вестях о Кронштадте. И, как оказалось, он был правее нас. Но одного этого недостаточно; он ничего не потерял бы, если бы подождал, когда положение выяснится; не мог же он опасаться, что его кто-либо предупредит. Ведь начавшееся народное движение в России заставляло и дру-

гих приостановиться, даже если они и хотели заключить такой же договор с большевиками. Поэтому ничто его не торопило, и он мог выждать более благоприятного момента, ничем не рискуя и ничего не теряя. И потому эта поспешность все-таки остается недостаточно объясненной, если никто не был заинтересован в том, чтобы заключение договора не откладывалось. Но мне кажется, что заинтересованные в этом были, и именно те финансовые круги, которые вообще настаивали на этом соглашении; мы напрасно ставили его более на счет рабочей партии; гораздо больше на этом настаивали финансовые акулы. Ллойд Джордж не скрываясь говорил это одному моему знакомому французу; он смеялся над мыслью, чтобы эта торговля могла бы дать какие-либо выгоды для Англии, но не хотел дать повода нападать на него со стороны влиятельных миллиардеров. Англия страдает от отсутствия рынков, от избытка мануфактуры, и Ллойд Джордж хотел избежать упрека, что он эти рынки от них закрывает. Для этого по английской психологии было недостаточно только разрешить им торговать на свой страх и риск, как это сделали Франция и Америка; правительство, по их мнению, должно помочь капиталистам, должно заключить договор, который бы облегчал их положение, и Ллойд Джордж это сделал. Если в угоду этому классу людей он решил переступить через опасные и некрасивые стороны этого соглашения, разрешил государству принимать краденые вещи, оказал давление на судей, чтобы они отказывали в охране ограбленным собственникам, если он решился через это перешагнуть и это сделать, то было ясно, что события Кронштадта, которые стали возбуждать сомнения в прочности большевистского режима, должны были ускорить заключение договора. Ведь у англичан, да и у французов, укрепляется мысль, что за падением большевизма последует период анархии; она будет невыгодна для торговли; а если она и не скоро наступит, то большевизм, чувствующий, что доживает последние дни, не остановится ни перед чем, чтобы продлить свое существование, пустить в оборот все золото, которым он располагает. Если его не возьмет Англия, то словят нейтральные страны, Германия и т.д. Поэтому бунт Кронштадта, который напоминал о непрочности большевистского режима, мог заставить англичан поторопиться хоть в последнюю минуту выхватить из России, что из нее еще можно выхватить; руководствуясь этими опасениями, манчестерские миллиардеры нажали на Ллойда Джорджа, требуя от него скорейшего заключения договора, и он им уступил.

Вот то объяснение, которое мне представляется наиболее правдоподобным, так как оно и соответствует фактам и действительно может объяснить непонятную торопливость. На большую публику произвели впечатление и те новые уступки, которые англичане сделали большевикам, несмотря на то, что договор заключался в невыгодных для последних условиях. Это остается недостаточно разъясненным, но некоторое объяснение находится в существовании другого, тайного соглашения. О нем ходят легенды в значи-

тельной части не только не проверенные, но и прямо неверные. Так, утверждают, будто бы англичане заведомо согласились отдать большевикам на съедение Грузию, за что те будто бы обязались отдавать им бакинскую нефть. Но это область фантазии и страхов. Но что несравненно более верно, хотя я не решусь утверждать этого, как безусловную истину, это что англичане выговорили от большевиков для своих соотечественников уплату долгов, хотя и заключенных до большевиков, и, во-вторых, выговорили для англичан право вести в большевизии свободную торговлю. Результатом первого соглашения явилось, что англичане соглашаются покрыть долги англичанам по Добровольному флоту¹⁰ из той суммы, которую английское правительство ему должно; до сих пор этой суммы никому не выдавали, а теперь, опираясь на соглашение с большевиками, они решили долги английский поданным покрыть и этим очистить Добровольный флот от долгов. Новое обстоятельство, которое, если только осуществится, развяжет руки Добровольного флота и поможет ему выйти из той ямы, куда он свалился. Вторым результатом можно считать декрет, который разрешает крестьянам свободную торговлю продуктами; по имеющимся у нас сведениям, хотя, конечно, довольно косвенным, Ленин издал этот декрет именно по настоянию англичан и в их интересах для того, чтобы именно они имели право торговать в России с крестьянами¹¹.

Теперь второй вопрос: почему англичане стараются толкнуть другие страны на то, чтобы они последовали их примеру. А они, несомненно, стараются. Если та газетная шумиха, которая, по Вашим словам, делается в Америке на эту тему, может быть поставлена не на счет англичан, а самих большевиков, то давление их на французов совершенно прямое и непосредственное; я знаю из Министерства иностранных дел, что не далее как 8 дней тому назад французы еще раз категорически отказались последовать их примеру. Зачем они это делают? Тут Ваше объяснение может быть и годится: им может быть хочется быть авторами новой мировой политики относительно России. В этих рамках я Ваше объяснение готов допустить, хотя мне все-таки не все в нем было ясно. Прибавлю к нему, что с моей точки зрения им это нужно не только из горделивого чувства, что они определили мировую политику, забив американскую ноту, сколько из стыдливого чувства, из конфуза быть единственной великой державой, которая не стесняется покрывать воровство. Ллойд Джорджу все-таки совестно перед многими из его соотечественников, которые нападают на него с точки зрения морали, быть может особенно горячо потому, что для них нет выгоды от пренебрежения этой моралью. Он чувствует себя уязвимым, когда ему тычут в глаза примером благородной Америки и Франции. Поэтому для внутреннего потребления ему полезно иметь возможность ответить, что таковая общая мировая политика, за которую он, Ллойд Джордж, не ответствен. Вот почему, думаю я, он так и стремится всеми мерами, не

исключая прессы, привлечь все страны к усвоению его точки зрения и с этой стороны, конечно, для нас бесконечно ценна та позиция, которую опять заняла Америка; если этой позицией мы обязаны Вашему влиянию и Вашей работе, то честь Вам и слава; Вы можете этим поддержать и Францию на ее дороге. Она пока с нее не сходит, но ее стараются сбить. Недавно бывший редактор «*Matin*» Жувенель¹², ставший ныне сенатором, произнес сенсационную и шумевшую речь, где он указывал на ту опасность, которую представляет для Франции заключение договора большевиков с англичанами и в смысле уменьшения кредитоспособности России, и которая кончалась указанием на необходимость для Франции воспользоваться переговорами Америки с большевиками, чтобы были ограждены интересы французов. В этой роли Жувенель не договорил до конца своей мысли, я ее знаю потому, что год тому назад он лично мне ее высказывал. Жувенель считает, что нужно учредить международный финансовый контроль над Россией; пока он защищает только теоретическое положение, настаивая, что кредитоспособность России есть общее международное дело, а не дело одной только Англии. Наконец, и в общей прессе то и дело стали попадаться намеки, почему одна Франция остается в стороне от торговли. На это мы обыкновенно указываем, что заключение финансового соглашения большевиков с Англией снимает с будущей России моральный долг платить долги Англии, и что это для французов было бы не выгодно. Мешает французам идти этой дорогой боязнь их большевистской пропаганды, а, наконец, и сознание, что у них вовсе не так много предметов для вывоза. Но как-никак эта дорога, на которую вступила Англия, для нас очень вредна не только потому, что она дает большевикам моральную поддержку, но и потому, что она вводит в ход развития событий в России элемент, который может оказаться опасным, т.е. заинтересованность иностранцев в поддержке того правительства, которое будет раздавать им концессии и пр.

Возможность появления такого иностранного хищника, особенно опасного в момент полной государственной разрухи, предвидите и Вы сами; чем он скорее появится, тем будет опаснее, так как тем дольше может просуществовать большевизм. С этой точки зрения мы так рады влиятельному голосу Америки, который, конечно, подкрепляет и позиции Франции.

Теперь хочу перейти к большевизму в России. Что там происходит.

Начну с информации. Посылаю Вам копии с трех писем, полученных из Петрограда. Это выдержки, но я выпустил только то, что имело слишком личный характер и могло навести на след автора. Автор — хорошо знакомая дама, человек исключительной честности, доброты и правдивости; ее политические симпатии я не выдаю за что-либо серьезное, но после той передрыги, которую все там пережили, у нее едва ли остались политические предположения. Она всегда склонна была поддаваться настроению окру-

жающих, вероятно, и теперь их отражает. Два слова в разъяснение этих писем. После крушения Врангеля я получил от нее письмо, полное упреков за то, что не отвечал на ее прежние письма (очевидно, все они не дошли), полное негодования на то, что делает «Европа», почему не приходит спасать Россию, упреков нам, русским, за то, что мы ничего даже не делаем, чтобы раскрыть глаза Европе и т.п. На это письмо я ей ответил с окаянностью и очень решительно. Сказал, чтобы не надеялись на Европу, что «Европы» нет и что она для нас ничего не сделает; чтобы не надеялись и на нас, так как последняя наша ставка была побита с Врангелем; что мы ждем, что они внутри России сумеют сбросить большевиков. Вместе с тем говорил, что раз центр действий переносится внутрь России, то нам нужно знать, чем мы отсюда сможем им помочь, какой политики они от нас бы хотели; указал и на то, что если борьба с большевизмом им не под силу, может быть им было бы правильнее ее прекратить, стараясь влиться в большевистскую машину, направлять ее изнутри. Это письмо она получила и на него отвечает. Первые письма писаны до Кронштадта, последнее, только сегодня полученное, после его подавления. Вот голос непосредственного наблюдателя, притом такого, который не собирается бежать из России и не собирается жить нигде, кроме России.

Вы знаете, что я был сторонником белых движений; я надеялся, что из них что-либо выйдет и тогда, когда Вы предсказывали им крушение. Относительно их я был оптимистичнее Вас. Теперь наши роли переменялись, Ваше письмо полно оптимизма: на Вас действует «восставший Кронштадт» и «расходившееся крестьянское море». Вы уже стараетесь готовить правительство и программу, которые водворятся в России после крушения большевизма. Я пессимистичнее Вас. Может быть, потому я так и хватался за белое движение, что надеялся, что белое движение сметет один порядок и на его место поставит другой, хотя бы этот порядок и был мне совсем не по вкусу, и больно ударил бы нас самих. На «низвержение» большевиков путем гражданской войны была хотя бы теоретическая возможность. Но я мало верю, чтобы «низвержение» большевизма стало возможно путем крестьянских восстаний. Представьте конкретно, что значат эти восстания; поднимается деревня, восстание охватывает волость, находятся группы головорезов, которые при пассивном, а может быть, и активном сочувствии крестьянства начинают бунт, как всякий бунт, бессмысленный и беспощадный. Вырежут коммунистов, в которых, кстати, включают и остатки интеллигенции и буржуев, которые присосались к административным учреждениям Совдепии. Допустим даже, что таких эксцессов не будет, что просто перебьют большевиков всех до последнего; допустим, что повстанцы не ознаменуют победы безобразиями, которые оттолкнут и от них деревню, что они выберут какую-то власть, которая установит примитивный порядок и т.д. Но что же дальше. Можно ли представить, чтобы эта крестьянская власть справилась с самой незначи-

тельной, но организованной военной силой. Освободившись от коммунистов, деревня или даже губерния останется спокойной только до тех пор, пока большевистская власть не придет туда карательной экспедиции. Эта экспедиция, не стесняясь никакими ни моральными, ни политическими соображениями, подавит восстание, т.е. перестреляет наиболее отважных и заметных людей, всех, кого заподозрит в тайном сочувствии, всех, на кого укажут местные предатели, сожжет целые деревни, перепорет десятого, наведет ужас и страх, и снова уйдет. Вы скажете, что через несколько месяцев эта деревня опять будет готова к восстанию. Быть может. Но ведь и это восстание так же кончится. Вы скажете, что когда эти восстания будут повсеместны, у большевиков не хватит вооруженной силы, чтобы их усмирить. Это правда; но это значит только, что большевизм падет только тогда, когда сломается до конца весь правительственный аппарат в России; сломается он не сразу, а по частям, начнется с окраин, но он не справится с разгулявшейся стихией, и большевистский центр или убежит или будет физически уничтожен. Но тогда вместо большевистского режима и наступит полоса анархии.

В прежних революциях аппарат существовал, кое-что в нем менялось, но в центре на место одной власти становилась другая, и аппарат, хотя бы надломленный, оказывался в ее руках. Сейчас так не будет; люди, держащие в руках аппарат, понимают, что им спасения нет, что они продали душу дьяволу; они будут защищать не строй, не порядок, не режим, а свою собственную шкуру, но защищать ее до последнего издыхания. Когда их уничтожат, не будет и аппарата, нужно будет начинать все сначала. Что такая анархия долго не продлится и что из нее что-то выйдет — я не сомневаюсь; но это долгий процесс, при котором менее всего российской эмиграции можно являться в Россию в качестве правительства и с какой-то программой. Если у нас нет другой перспективы, кроме успеха крестьянских восстаний, то выработать программу и создавать правительство столь же несвоевременно, как советоваться с архитектором относительно перестройки дома, отнятого у меня большевиками. Итак, с моей точки зрения путь крестьянских восстаний приведет не к созданию новой власти, а к одному кровопролитию. Переменить власть могла регулярная армия. Перебить коммунистов, еще глубже продвинуть экономическое расстройство страны, и расстроить аппарат, которым большевики пытаются управлять из центра, могут и крестьянские восстания. Комбинация обоих факторов могла привести нас к победе; когда эта комбинация оказалась невозможной и регулярной армии больше нет, я не отворачиваюсь от крестьянских восстаний; я предпочитаю анархию большевистскому деспотизму. Предпочитаю потому, что это стало национальным этапом, и чем он скорее начнется, тем скорее все кончится. Потому я готов им содействовать, но раз мы проходим через это, то основы будущей власти в России явятся из нее самой, из недр большевизма, а не из эмигра-

ции. Эмиграция предложит новой грубой крестьянской власти свои технические силы и опыт, но она будет подчиненным элементом, не властвующим.

Что из этого следует. Не то, что большевистский режим победил и что он сильнее, чем когда бы то ни было, как пишут здешние социалисты. Эти восстания, конечно, начало конца. Но только большевизма, а не большевиков. Не то важно, что восстал Кронштадт и что его подавили, не то важно, что бунтуют крестьяне; а важно то, что большевикам приходится хотя бы неискренне, и частично, и со всякими оговорками, но сдавать свои экономические позиции. Важно, что Ленину пришлось уступить, и не только старая истина, что для всякого дурного правительства самый опасный момент тот, когда оно начинает исправляться, заставляя меня думать, что им скоро наступит конец; но то, что эти уступки уже производят, что всего важнее, раскол внутри них самих, и что каждая уступка их, как в былое время при старом режиме, делается тогда, когда ее недостаточно. Свобода торговли сельскими продуктами и припасами была хороша, когда деревня еще была богата и когда городу было что продавать, когда что-то значили деньги. Но что теперь даст эта свобода торговли, когда нет денег, когда ничего не производится и никаких капиталов не хватает на то, чтобы восстановить те фабрики, на которых в былое время работали рабочие. За первой уступкой обнаружится необходимость других и их необходимость будет обрисовываться с такой ясностью, что ее поймет всякий мужик. Недаром и сейчас лозунгами в Кронштадте и в крестьянских восстаниях были не общие места вроде Учредительного собрания, власть советам и т.д., а что-то гораздо более реальное: свобода торговли, долой реквизицию, твердые цены и т.д. Как только в большевизии станут на путь улучшения расстроеной экономической жизни, начнется раздор между теми, кто хотел устраивать жизнь на началах коммунизма, но в интересах России или ее пролетарских слоев, и теми, которые всем этим сознательно жертвовали во славу III Интернационала и мировой революции. В среде самой России и пойдет водораздел: на одной стороне будет сытый коммунист, который ездит в международных вагонах и одевает свою жену в бриллианты, а на другой тот, кто, не гоняясь за властью, не споря о формах управления, будет говорить для них очевидные вещи: что правительство отнимает то, что им нужно самим, не дает того, что необходимо, и не потому, что преследует кооперативы или не дает хода капиталу. Объективная необходимость даст победу второму течению; те, кто будет мешать оздоровлению экономического быта из-за интересов Интернационала, будут тогда обезврежены или устранены путем ли террористических актов, или отдачей под суд и т.д., а может быть сами уйдут, чтобы не быть убитыми в первую очередь. Крестьянские восстания толкают на реформы и улучшения, и не имеют другого значения, но это значение громадное. Они заставляют менять всю систему и не только в каких-нибудь

мелочах, но в самом ее основании. Из этого я вывожу, что низвержения большевизма не будет, что не произойдет того, что было в феврале 1917 года, когда одно правительство пало, а другое его заменило. Будут появляться новые большевистские имена или знакомые имена будут брать иной курс, будут происходить прежние внутренние конфликты, которые только кончатся будут не так, как до сих пор кончались в виде внешней опасности, а так, как кончаются в революциях, гибелью одной стороны.

На этом пути я вижу спасение и принимаю его не потому, чтобы он мне нравился, а потому, что не вижу другого. Этот путь мне не нравится, не только потому, что он томительно долгий, но и потому, что не дает морального удовлетворения; а оно нужно стране, молодому поколению, чтобы мы опять поверили в прописную истину, что торжествует добродетель, а порок наказуется. Слишком отвратительно с моральной стороны, что преступление восторжествует; и как восторжествует. Ведь еще возможно, что Ленин станет народным героем, каким был когда-то Керенский. Если Ленин свергнет Троцкого¹³ и сделает некоторые облегчения крестьянам, то он может на некоторое время очутиться крестьянским идолом. Конечно, это ненадолго, так как никакое правительство и никакая программа не приведут к быстрому улучшению жизни и, напротив, главные тягости начнутся именно тогда, когда кончится большевизм. Но на время Ленин станет героем, и тот, кто его заменит и тот, кто приведет в порядок Россию, выйдет из недр большевизии и на его руках будет кровь, за которую нам хотелось бы мстить. Вот один из путей окончания большевизма: самый прозаический, не интересный, но и самый верный; и это путь, где эмиграции нужно думать не о том, с какой программой явится она в Россию после большевизма, а обдумывать те этапы, на которые с помощью самих большевиков надо сдвигать большевизм, чтобы его уничтожить. Но для этого эмиграции пришлось бы заниматься соглашательством, т.е. делом, на которое мы идти не решаемся. Нужно, словом, найти дорогу к оздоровлению России, начиная ее не с момента падения большевизма, когда на сцене появятся его враги во всеоружии власти, а обдумывая те шаги, которые должен сделать сам большевизм и которые можно было бы навязывать ему и непосредственно, и через те союзные правительства, которые вступают с ним в переговоры. Вот та постановка вопроса, которую я считал бы правильной, но которая останется между нами: говорить о ней вслух значило бы увеличить смуту в умах, которой и без того слишком много.

Есть другой путь, тоже возможный. Я не верю, чтобы крестьянские восстания, которые могут смести большевизм на какой-либо территории, могли создать власть, *status in statu*¹⁴, который просуществует среди общего хаоса. Но подобные образования возможны на окраинах, не только потому, что там является новый цемент в виде национальной идеи, но и потому, кроме того, что окраинные образования могут находиться в сношениях с Европой,

получать от нее помощь. Словом, среди общего хаоса России я мыслил освобождение отдельных территориальных лоскутков, но при условии, что они станут под защиту соседа. Это можно представить себе на Кавказе, в Крыму, на более широких территориях, как казачьи области и целая Украина. Но рекомендовать этот путь значило бы проповедовать то самое, с чем мы боролись, т.е. расчленение России. Правда временное, преходящее, с надеждой на будущее изменение, но все-таки расчленение. Таким путем сейчас пошел Савинков. Мы уже раньше слышали про эту его политику, а теперь он приехал в Париж, находится здесь уже три дня, никого из нас не видал, но по нашим сведениям проповедует эту точку зрения французам.

Его слова падают на готовую почву, так как ничего другого не проповедует*, который, к слову, в отличных отношениях с Брианом. В известных пределах в этой политике есть здоровое ядро. Главное возражение против Савинкова то, что эта политика расчленения делается им под эгидой Польши, т.е. под руководством врага, а не друга России; но когда можно было вести эту политику под эгидой друзей, она нам претила. Я могу себе представить, что мы сейчас бы выдумали некоторую формулу, подобную той, которую Вы когда-то придумали в нашем постановлении 9 марта, но формулу, идущую дальше, которая настаивала бы на выделении здоровых частей России из-под крыши сумасшедшего дома, настаивала бы на этом во имя спасения если не России, то ее бывшего населения и делала бы это так, что это не предreshало бы ничего в будущем. На Дальнем Востоке, например, и вообще в Сибири, самые условия жизни подсказывают возможность создания независимых областей, которые не мечтают о будущем отделении от России, но которые могли бы использовать внешнюю помощь для защиты себя от власти большевистского центра. В этом вопросе я рассуждаю теоретически, и мне не ясна международная конъюнктура; не ясно, что нужно делать на полосе отчуждения, согласиться ли с японцами, чего Вы, конечно, не одобрите, поддерживать ли претензии китайцев, или взывать к помощи американцев, так как русских сил, по-видимому, там не осталось. Мне также не ясно, что следует делать в Дальневосточной республике¹⁵, поддерживать ли большевиков, которые требуют удаления японцев, или поддерживать японцев, которые сражаются против большевиков. Это неясно, так как мы отсюда плохо осведомлены и о целях и о силах борющихся сторон. Но из этого следует только то, что надо не поворачиваться спиной к тому, что там происходит, а избрать определенную линию поведению. Но вообще политика создания нами самими новых государств, вступление с деятелями этих государств в дружеские отношения, помощь им со стороны иностранцев, т.е. та политика, с которой мы в Совещании боролись и которую сейчас на свой страх со свойственной ему

* Одно слово пропущено.

неискренностью и запальчивостью ведет Савинков, и есть та политика, которая при известных условиях могла быть полезной и могла создать пункт приложения сил для той эмиграции, которая сейчас сидит там, где ей нечего делать. Но обе эти возможности, обе эти политики противоречат нашим началам. У нас их два: во-первых, непримиримая борьба с большевизмом, и во-вторых, единство России. Первая политика, которая ведет к соглашению с известной частью большевизии, использованию ее собственного аппарата для наших целей, противоречит принципу непримиримости, вторая противоречит единству России. И потому я повторяю то, что десять раз говорил: с того момента, когда мы потеряли надежду на белое движение, мы потеряли всякую возможность практических действий, если не пересмотреть самых оснований этих действий.

Я перейду к последнему вопросу, что мы, эмиграция, в Париже, после Вашего приезда, с Вашей помощью и даже с Вашим вдохновением, что мы здесь делаем. В этом пункте я больше всего боюсь быть несправедливым. Я не забываю, что сам нахожусь в выгодных условиях; ими я обязан не себе и это для меня новое ощущение. До сих пор я мог с гордостью говорить, что не место красит человека, а человек место; если я имел преимущество перед другими, то заслужил это сам; когда я стал адвокатом в Москве, где адвокатов больше полутора тысяч, и депутатом, которых свыше 400, у меня не было преимуществ перед коллегами; я мог их критиковать потому, что сам был в таком же положении, как и они. Теперь наоборот. Относительно меня сбывается пословица, что место красит человека: одним тем, что я занимаю, я имею много очков перед другими. В этом нет моей заслуги, или прошлые заслуги, которые к делу не относятся. Неизвестно, что бы я сам стал бы делать, если бы очутился в Париже на положении беженца; я это помню и сознаю и потому, как ни обидно смотреть на то, что делают другие, я должен быть терпимым, не осуждать. Это я говорю Вам, который находится в таком же положении, чтобы оба мы помнили, что во все, что я говорю, я должен вносить большую поправку и не придавать этому характера осуждения. Но я все-таки спрашиваю: в какой мере те элементы, которые находятся за границей, и которые мы с такой легкостью называем лучшими элементами России, в какой мере они оправдывают ожидания, которые мы к ним предъявляем и которые вправу к нам предъявить иностранцы.

Я не буду говорить Вам о том, что здесь больше всего бросается в глаза: несостоятельность, беспомощность, досадная непрактичность, которую мы обнаруживаем в заботах о личной жизни, не буду говорить о вреде, который мы здесь приносим, желая играть политическую роль, от своего личного имени, о соперничестве, взаимных нареканиях и т.д. Мы оба слишком это знаем. Я готов признать, что это свойство всякой эмиграции, а специальный русский характер его особенно развивает; мы издавна привыкли, что нас не могут бросить без помощи и заботы, что кто-то за нас все должен сделать; только русские студенты выдумали забас-

товку и требуют политических реформ под угрозой, что они перестанут учиться. Наши политические заключенные требовали улучшения положения под угрозой, что они умрут себя голодом; во всех методах этой борьбы была предпосылка, что к нам не могут повернуться спиной, дать умереть с голоду. И такая борьба удавалась. Наша эмиграция не вполне отделалась от этих требований. Она тоже в своих рассуждениях исходит из мысли: не могут же допустить такого поворота дела. Вероятно, большевизм в России от этого нас отучил; возможно, что отучит Европа. Но пока этого нет и мы обнаруживаем удивительное притязание на заботу других. В своем письме Вы сами отмечаете это недоумение русских надеяться на себя и на свою силу; мы вечно смотрим куда-то в сторону, на «общество», на «Европу», на «Америку», на «Красный Крест», на «Лигу Наций» и т.д. до бесконечности. Обо всем этом Вы осведомлены не хуже меня и выводами я Вас угощать не буду. Но посмотрите на тех людей и на те учреждения, которые по своему положению находятся в выгодных условиях, которые должны и могли что-то сделать, могли явиться тем устоем национальной России, который Вы ищете.

Посмотрите, во-первых, на Учредилку¹⁶. Она родилась под счастливой звездой; родилась в момент, когда все с нетерпением ждали, не появится ли общественный центр; благодаря ее названию и присутствию громких имен, она привлекла к себе общее, притом сочувственное, внимание. Наконец, Вы дали ей деньги и даже идеи. После Вашего отъезда она существует уже несколько месяцев. Рано подводить итог, но можно видеть ту дорогу, по которой она идет, и предвидеть, куда она может пойти. Не знаю, как отражаются вдалеке впечатления от ее деятельности, но для меня стало ясно, что на нее рассчитывать нечего; она ничего сделать не сможет и даже не замечает, что она идет по ложной дороге.

Что она сделала. Прежде всего наняла роскошное помещение за 50000 фр[анков] в год (Авксентьев говорил мне, что благодаря тому, что оно находится в* они платят только 30000 вместо 50-ти; это неважно). Заказала великолепную мебель с мягкими кожаными креслами и диванами. Авксентьев сидит в кабинете величиной с посольскую гостиную, за громадным столом из красного дерева. Остальные в таких же хоромах. На службе у них с хорошими окладами все знакомые лица, которые когда-то служили в посольстве и Совещании. Если бы дела наши шли блестяще, то и тогда это было бы ненужно и неосторожно, ибо ставило бы перед всеми вопрос, на какие деньги все это делается. Теперь же этот вопрос ставится особенно остро. Вы может быть читали в одном из номеров «Общего дела» выходку, направленную против Вас за то, что Вы Вашими деньгами, принадлежащими государству, поддерживаете партийное дело во Франции. Эта выходка была неприлична; я вызвал к себе Пасманика и Бурцева и без труда добился обеща-

* Пропуск в тексте.

ния, что ни одного нового слова в таком направлении сказано не будет. Но попутно оба сказали, что им известно, откуда у учредителей деньги, что у них есть счета магазинов, которые поставляли им мебель и что есть копии тех телеграмм, которыми Вы с учредителями обменялись. У Бурцева есть сыскной талант и меня не удивляет, что это все у них имеется. Я сказал Милюкову в разговоре с ним после этого, что раз это вышло наружу, я не вижу основания стыдиться того, что государственные деньги тратятся на государственное дело; но большое основание быть приведенным в смущение и даже в негодование, что деньги тратятся не на то, что необходимо, а на ненужную роскошь и представительство. Было бы приличнее и импозантнее помещение Учредилки в прежней квартире на*⁶; мне бы импонировало, что государственное дело делается из такого помещения, и мне стыдно, когда я вижу Авксентьева в его кабинете, оплаченном на последние гроши русского фонда. Это впечатление не только мое, но и других. Но если Учредилка нашла приличным пойти по старой дорожке дипломатического представительства, полагая в комфорте и роскоши держание русского знамени, то как только Вы перейдете к существу, к внутреннему содержанию их деятельности, то придется констатировать, что здесь пустота; в этом трагедия дела, что за эти месяцы, когда Вы уехали, не было сделано ничего. Помните Вы проект обращения ко всем государствам Европы, где должны были быть изложены основные принципы демократии, которые позволили бы разрешить вопрос будущего устройства Европы, споры между пограничными государствами и, что важнее всего, возможность общего экономического оздоровления. Вы говорили, что нечто готовится и даже готово; это было бы интересно как дебют, как новое слово, как программа, которая могла привлечь и внимание и симпатии, и которую было тем легче сделать, что с точки зрения специально русских интересов такое обращение было и своевременно и настоятельно.

Ничего сделано не было, обращения не появилось. Помните второе обращение к русским, томящимся в Совдепии? Надо было им показать, что о них думают, что их не забыли и на каких началах видят спасение России. И в этом отношении ничего ни сделано, ни написано. Было бы полезно, и это была одна из основных задач Учредилки, войти в соглашение с народностями, преподнести им что-либо взамен декларации 9 марта, показать им, на что они могут надеяться и рассчитывать. Общения с ними не установлено, попытки для этого не сделано. Чем же занимались члены Учредительного собрания. Они вырабатывали и вырабатывают никому не нужный статут об охране прав русских подданных за границей, статут, которым занимаются посольства и консульства помимо них, вне всякой связи с ними, статут, который вне их компетенции, в котором они не знают самых основных и

* Пропуск в тексте.

повседневных фактов и который они начали с того, что запрашивали никому не нужные мнения профессоров международного права. Эта работа еще не кончена, но можно, наверное, сказать уже сейчас, что это потерянное время и труд, который вдобавок имеет ту дурную сторону, что обращение их и к французскому правительству и профессорам, о которых они велеречиво оповещали в газетах, наводит правительство на недоуменный вопрос: какое же отношение этого Учредительного собрания к существующим дипломатическим учреждениям. Не так давно они разразились непонятым и ненужным обращением ко всем правительствам и к Красным Крестам с рекомендацией обращать их пожертвования в русло Львовского комитета¹⁷, который они брали под свое покровительство. Жест тем более ридикульный, что им нужно было приобрести еще себе авторитет раньше, чем укреплять им других. Они с большим опозданием, лишившим их выступления всякого интереса, опубликовывали протесты против Рижского мира и торгового соглашения Англии, которые могли иметь значение, либо если бы появились раньше других, или покрывали собой все подобные произведения; но это делалось и раньше их, и помимо их. Их запоздалые выступления не вызывали ничего, кроме недоумения. Они в массе экземпляров на разных языках издавали труды своего съезда, их резолюции и постановления, которые теперь уже никто не читает. У них была еще одна задача — явиться центром объединения, около которого сгруппировались бы другие политические элементы; эта мысль сейчас вовсе оставлена. Во-первых, против них началась кампания и справа и слева, а во-вторых, и это самое главное — они и сами вовсе не расположены делиться с кем-нибудь своей властью и положением и тщательно устраняются от совместных выступлений с другими. Это может быть было бы правильно, если бы то, что они делали, было настолько интересно и ново, что отличало бы их от других, и становится смешным, когда они за другими повторяют те же самые забытые слова и мысли. И отчего все это произошло. Не оттого, чтобы они не умели работать или не хотели работать; а просто потому, что ни в коллективе, ни в отдельных лицах не оказалось запаса мыслей, которые бы освещали существующий хаос новым светом, представлялись бы что-либо внушающее интерес; винить за это никого не приходится; но и надеяться на них после этого невозможно. Милюков чувствовал, что необходимо сделать что-то новое, указать, как он говорил, какую-то новую тактику; но он не знал, в чем состоит это новое; в его полемике то и дело встречается аргумент: это новая тактика.

Ссылка на новую тактику как будто освобождает от дальнейшего объяснения; но если вы его спросите, в чем состоит эта новая тактика, он ничего не сможет сказать кроме того, что надо идти с эс-эрами, не поссориться с ними, или чтобы идти с вчерашними друзьями. Кадетская партия представляет в настоящее время трагическое зрелище полного отсутствия политического творчества; одни примкнули к Врангелю и к окружающим его людям и готовы идти за ним туда, куда он их повлечет; другие

примкнули к эс.-эрам и в этой связи с ними, возможности работать вместе, видят то новое слово, которым они подымут Россию. Тот же Милюков, который 2 года тому назад писал мне, что, познакомившись поближе с Замысловским¹⁸, он видит, что он совсем не такой плохой человек, как казался, тот же Милюков все прощает теперь Керенскому и Чернову, потому что, говоря его словами, этим он добывает всем нам паспорт на возвращение в Россию. Я присутствовал на лекции Милюкова «Заветы революции»; я в общем не люблю Милюкова, но он был мне в ней даже трогателен; в моей жизни я редко видел Милюкова смущенным или растерянным; когда у него убили сына на войне, он, если и испытал волнение, его не обнаружил и использовал это убийство в печати, как использовал и пощечину, которую ему дал когда-то один негодяй. Но когда он читал свою лекцию о заветах революции и кончил тем, что всем нам нужно совлечь ветхого человека, его голос дрогнул, и я увидел в этом искреннее смущение и волнение; он как бы понимал, что сам ничего не может, а знает, что нужно проститься с тем, чему служил и над чем работал, и что нужно установить для деятельности какие-то новые начала; он усваивал их не из глубины собственного сознания, не из собственной веры, а из уроков, из примеров, которые ему давали другие; то из того, что ему навязали программу с.р., то из заветов, которые он сам извлекает из революции. Смотря на Милюкова и его близких друзей, я вспоминаю 60-е годы и попытки наших господ к опрощению; им тогда импонировали эти признаки простоты; они не умели различать, что в них было серьезного, что ненужного и вредного; увлекаясь чужим делом, чужим костюмом и чужой терминологией, они с наивностью доводили это до конца, не рассуждая; это* им верили, потому что было ново. Это произошло и с людьми Милюковского толка; он потерял самого себя, потерял партию, потерял индивидуальность и самостоятельность. Сами с.-р. рассуждают трезвее и спокойнее, чем он; они**.

От этого все Учредительное собрание оказалось беспомощным и бессильным. Коновалов говорил мне с большой грустью о том, каким холодом веет в их хоробах; в сущности, публика ими больше не интересуется, никто к ним не ходит и они чувствуют себя так же всеми покинутыми, как чувствовало себя перед большевистской победой правительство Керенского. Я это говорю не в осуждение; может быть, это естественное последствие эмигрантской психологии; может быть, среди нее нет элементов для веры; все, что скопилось здесь, мечтают только о прошлом, более или менее отдаленном; одни о том, что было до февральской революции, другие, что было между февралем и октябрем, и третьи, может быть, что было до 1905 года. Но все пока смотрят на прошлое; нужно пережить и даже переживать большевизм, чтобы

* Одно слово пропущено.

** Пропуск в тексте.

смотреть на будущее, иное будущее, находя корни его в настоящем. Этого нет и никакой коллектив Учредилки этого не создаст.

Перехожу к другой организации, которая тоже могла сыграть свою роль.

Второе учреждение, которое могло внушить доверие иностранцам и стать школой общественности — это Львовский комитет. Мы ему оказали авансом доверие и даже на нашу беду приняли решение направлять именно в него предназначенные для беженцев суммы; я говорю на нашу беду, так как Львов очень широко пользуется этим старым постановлением и требует, чтобы деньги, ассигнуемые на беженцев, без дальнейших околичностей шли именно к нему. Правда, с тех пор как стало ясно, что Красный Крест не работает вместе с ним, а работает лучше и работает не вместе потому, что и сам этого не хочет, да и они его не пускают, с этих пор часть сумм стала по необходимости направляться в другие русла непосредственно, не проходя через Львовский комитет. Но как-никак Львовский комитет существует уже три месяца, и мы теперь достаточно на него нагляделись. Он сохранил все черты, которые в этих учреждениях были в дореволюционное время, и тогда нравились публике, в которых наша общественность полагала его главную политическую заслугу. Земский и Городской союзы отличались следующими чертами: во-первых, замечательным искусством получать от правительства деньги и не давать в них никакого отчета; Львов в этом отношении считался феноменом и довел свой бюджет, как Вы знаете, до 3 миллионов рублей в день. Вторая черта, что они никогда не взяли ни одной отрасли в свое полное заведование, чтобы взять на себя всю ответственность за удовлетворение известных потребностей; их организации всегда были дополнительной роскошью, при которой они могли тратить большие деньги, все хорошее приписывать себе, а все, что за недостатком средств не доделано, сваливать на ответственность либо правительства, либо официозных учреждений вроде Красного Креста. Третьей чертой этих организаций был партийный подбор, кормление около них разнообразных представителей обществ, очень довольных собой, ревниво смотрящих за тем, чтобы к ним не попадали люди иного лагеря иначе, как при условии полного перерождения и крещения в ту же общественность. И, наконец, в-четвертых, большая публика, вся общественность, прощала им все грехи и недочеты; во всех попытках критики видела проявление старорежимных симпатий и расхваливала и превозносила все, что им удавалось сделать порядочного. Вот черты этих общественных предприятий, какими они создались в нездоровой атмосфере революционного времени. Ничего не изменилось с тех пор; все осталось, как было, несмотря на то, что отправные точки зрения должны бы были быть иные. Во-первых, и относительно нас эта организация продолжает прежнюю политику: вытиснуть у нас все деньги, какие возможно, не давая в них отчета.

Еще до преобразования этой организации в связи с эвакуацией Крыма зародыши ее существовали в виде остатков земских и го-

родских союзов; на эти остатки в свое время от Сопещения и Делегации были взяты крупные суммы; никакого отчета в них не давалось; сам Львов был членом Делегации и было кумовство в ассигнованиях; я, который был наиболее скупым, в это время был болен и участия в Делегации не принимал. Уже постфактум я узнал, что ему были даны многие миллионы, в которых они не сочли нужным дать отчета, кроме общих фраз, что они пошли на организацию разного рода трудовой помощи. Я вовсе не думаю, что они эти деньги расхитили, хотя допускаю, что отдельные злоупотребления здесь возможны и вероятны. Причины такого отношения к делу иные. Во-первых, принципиальные; общественность отчетов правительству давать не должна, контролирует себя сама и не иначе как сама, требуя к себе безусловного доверия; она хозяин; она не только притворно, но искренне возмущается тем, кто у нее попросит отчета; она не хотела опускаться знамени и перед Делегацией, тем более перед контролем, и отстаивала свое право проверять свои расходы сама; наше дело было им деньги давать и верить. Во-вторых, не обвиняя их в присвоении денег, не могу не сказать, что за границей, как и в России, они отличались склонностью к самым произвольным расходам; деньги чужие, даровые, в них отчета они не дают, и потому они сорили ими хотя на почтенные цели, но без всякого плана и соответствия с реальной возможностью. Им ничего не стоит в виде трудовой помощи купить и оборудовать типографию, в которой по их же отчету занимаются 12 рабочих, что дает несколько тысяч франков на человека. Они, конечно, укажут, что типография является источником культурно-просветительской деятельности, что она печатает их бюллетени и другие полезные произведения, но никакого соответствия между средствами и тратами не находится. Просто нужно пристроить какого-нибудь Т.И.Полнера¹⁹ (говорю это имя как нарицательное); ему приходит в голову открыть типографию, он носится с этой мыслью, составляет смету и, наконец, раз есть даровые деньги, их получает. Он устроит около себя нескольких знакомых, и дело сделано. До чего идет вольное распоряжение деньгами видно из того, что Земский союз покупает имение, на которое тратит 300 тыс. франков; это до меня дошло как сплетня, но на мой вопрос Львов признался, что это верно и что это имение будет колонией для земских служащих. Он объяснил, что это делается на их собственные деньги, а не из тех денег, которые мы им ассигнуем. Но их собственные деньги — это остатки от прежних ассигнований. И нужно было, чтобы я разъяснял ему все неприличие такого оборота дела, когда требуя от нас деньги на беженские нужды, и когда нужды эти вопиющи, они из каких-то остатков, которые должны были быть первыми обращены на общее дело, покупают себе имение, в сущности, только для себя, для привилегированных лиц. Когда я указал те нарекания, которые это вызовет, Львов согласился, что это несвоевременно; но стал доказывать, что это был только проект, далекий от осуществле-

ния; это неправда; но если бы даже это была правда, то характерно, что об этом они помышляли.

На мой вопрос, почему они эти остатки не показали в общей смете как свою наличность, Львов, который всех подозревает в утайке денег, и Новицкого²⁰, и Красный Крест и Вас, с большой наивностью ответил, что Земский союз не считает беженское дело настолько прочным, чтобы вносить остатки своих средств в общую кассу. Вот образчик их психологии. Она сказалась и в отношении к нам. Еще до Вашего приезда при подписании их воззвания мы им выдали миллион; получили от них обещание, что этот миллион будет немедленно послан на Балканы для помощи беженцам. Это обещание было дано, и затем они несколько раз заявляли, что деньги были тотчас отосланы. После этого вся система Львова сводилась к требованию новых ассигнований под предлогом, что денег уже нет, что они тотчас расходятся, что нужды большие и т.п.; все наши попытки указывать на необходимость некоторых ассигнований помимо них встречали формальное возражение: Совещание послов уже постановило, что деньги на беженцев будут расходоваться через них; мы продолжали с ним соглашаться; но на все наши просьбы представлять сведения, куда деньги были израсходованы, он отвечал, что подробный отчет готовится и через несколько дней будет представлен. Так дело продолжалось довольно долго; должен покаяться, что во избежание конфликта с общественностью, мы долго ему уступали и в общем передали около 5 милл. франков. В один прекрасный день к нам обратился за деньгами Красный Крест, которому мы вначале думали отказать, считая, что он вошел в Львовскую организацию и получает деньги от них, но затем к изумлению узнали, что все, что делается пока на Балканах, делается именно Красным Крестом, что Земский и Городской союзы занимаются исключительно трудовой и культурной помощью, которая находится покуда в проекте, а помощь продовольственная и медицинская вся в руках Красного Креста; стало ясно, что гегемония всего дела на Балканах стоит под флагом и руководством именно Красного Креста. Мы обсудили их смету по пунктам в Фин[ансовом совете] в присутствии Львова. Обнаружилось, что все, что Красный Крест требовал для себя, Львов без всякого стеснения поместил в свою смету, притом в увеличенных размерах. Создавалось впечатление, будто целый ряд организаций на Балканах принадлежит именно Земскому и Городским союзам, между тем как это был Красный Крест. Львовская организация включала их в свою смету, ни слова им не сказавши, ни о чем не спросивши, и часть поместила в свою смету даже в больших размерах, чем они требуют сами. При этом пользуясь довольно бесцеремонно их учреждениями для получения денег, они их к себе не допускают и никакого контакта с ними не установили. Когда это было обнаружено, Львов был довольно смущен и согласился все эти цифры из своей сметы выбросить и передать их Красному Кресту непосредствен-

но. Все обошлось по-хорошему, но прием был характерный. После ряда безрезультатных требований я поставил вопрос резко и сказал, что, если система ассигнований Львову будет продолжаться, то я слагаю с себя всякую ответственность и ухожу из Совещания. Мы устроили частное совещание — я, Гирс и Львов, где изложили ему это прямо; Львов защищался, ссылаясь на то, что у него еще нет достаточных для представления отчетов, но под конец покаялся, что ему нужно иметь в кассе запас на непредвиденные расходы и что именно поэтому он требует денег, когда еще не все израсходовано. Наконец их отчет был представлен.

Что же оказалось: из 5 миллионов с лишним, переданных Львову, к моменту представления отчета было израсходовано меньше 2-х, а 3 миллиона лежали на их текущем счету, что не мешало ему требовать денег еще и еще. Из того первого миллиона, который, по их словам, был немедленно послан на Балканы, как это было поставлено условием, было послано только 400 тысяч, а 600 тыс. были удержаны. Нечего говорить, что никаких конкретных сведений, куда израсходованы эти деньги, не было представлено, и мы уже считали себя удовлетворенными, когда было доказано, что деньги посланы их уполномоченным на места, хотя ясно, что и там они могли лежать на текущих счетах. Вместе с тем, при всякой попытке контроля, приглашения контролера, на сцену появлялось возражение, что если им не верят, то делать нечего. Вот Вам немножко растянутая иллюстрация деятельности союза по первому пункту, т.е. по искусству требовать деньги, сосредоточивать их в своих руках и никому отчета не давать. Второе свойство, на которое я указывал, это не брать ничего на свою ответственность, оставаться в положении оппозиции, критикующей действия других; это тоже ими соблюдено в точности. Главные нужды беженцев, их питание и медицинскую помощь они оставили за другими, за французами, за Врангелем, откуда у него были средства, и даже за Красным Крестом; для своей заботы они оставили «невесомую» культурно-просветительную деятельность, трудовую помощь, выдачу ссуд и т.п. Если бы вдруг все осталось на их руках и другая деятельность прекратилась, это было бы полной катастрофой. От их деятельности остаются только ячейки, их уполномоченные разных сортов, имеющие кредиты, которыми они пользуются, создавая обманчивое впечатление, что, если бы их было больше и им давали достаточные средства, то все было бы хорошо. Все их объяснение, и это не злостный умысел, не система, а просто психология русских общественных деятелей сводится к тому, что им не дают достаточно денег. В этом нет умысла, есть эгоизм людей, которые существуют около этого дела и за счет этого дела, и которым именно поэтому оно кажется важным, нужным и полезным; есть и психология российских общественных людей, которые верят, что кто-то другой за них должен делать, которые, существуя во время войны с бюджетом в 3 миллиона в день, о чем не мечтали военно-медицинское санитарное ведомство

и Красный Крест, которые благодаря этому бюджету могли блистать сравнительной роскошью, возбуждая в одних зависть, в других восторг, которые благодаря этому поверили сами, что вся суть не в даровых деньгах, а в их собственном искусстве и таланте. И как после революции они искренне думали, что, когда руководство городскими делами перейдет к ним, они его исполнят с таким же успехом, как делали раньше, так и теперь все желание этих людей — забрать в свои руки все до последней копейки, и наивно верят, что тогда все пойдет хорошо, что пока участие других им только мешает; потому первая забота сейчас — устранить этих других. И третье сходство с прежним порядком: тогда им все пришлось потому, что они были общественность, которую противопоставляли ненавистному русскому правительству; сейчас этой же психологией обуславливается та терпимость, которую им все оказывают, не исключая и «Общего дела».

Конечно, личная честность многих из них, особенно главарей, одна из причин, почему к ним относятся хорошо. Но бесхозяйственное и бесцеремонное отношение к государственным деньгам, которые они берут, не давая в них никакого отчета и ругая тех, которые их дают, это отношение, которое возмутило бы всех в любом чиновнике, им сходит с рук только оттого, что они общественность. И единственная оппозиция, которая идет против них, идет из других оснований, из упреков им за партийность, за предвзятость и т.д., что тоже верно. Существа же дела не трогают; общественность еще импонирует. Последнее сходство со старым порядком. Львов всегда был мастер путем личных отношений, которые он имел с отдельными членами правительства, обеспечить себе с их стороны доброжелательное отношение; по этой же дорожке он пошел и с французами. Он уже сейчас вошел с ними в дружбу, кормит их завтраками и старается путем таких же приемов обеспечить себе сочувствие и среди русских людей; одних пригласит на службу, другим обещает и т.д. Как смешной образец этого, укажу Вам на контроль. Львов, конечно, отказал признать компетенцию за Крыжановским²¹. В этом я ему не перечу не только потому, что имя Крыжановского одиозно, но и потому, что вообще сохранение его на некоторое время (теперь он уходит) было только слабостью Бернацкого. Но мы хотели пригласить в качестве контролера Савича²², который был контролером на Юге России и который в смысле честности один из кристальных людей; прибавлю, что к тому же он политически многому научился и отношение его к Врангелю и армии совершенно разумное, далекое от шумихи, которую делают многие из других общественных деятелей. Львов восстал против мысли о привлечении Савича, ссылаясь на то, что его левые сочтут это вызовом и т.д. Не желая, однако, возражать против всякого контроля, он усиленно доказывал, что контроль должен быть правительственный, что нужно только поставить контролером того контролера, который был Совещанием приглашен из Лондона и работал все время, т.е.

Ренненкампфа. Это теория, которую, как всякую иную, можно оспаривать или соглашаться. Но вдруг мы узнаем от самого Ренненкампфа, что Львов вызывал Ренненкампфа и предлагал ему частным образом производить контрольную работу в Союзе, получая за это хорошее вознаграждение. Ренненкампф, не зная, удобно ли это, не дал ответа и пришел консультировать Гирса*. Характерно, что Львов, настаивая перед нами на основании общих соображений о желательности привлечения к нам в контроль именно Ренненкампфа, в то же самое время, ни слова нам не сказавши, уже превращал его в зависимого от себя человека. Все сказанное приводит к одному основному выводу: вся эмиграция слишком мало научилась или слишком скоро позабыла все то, чему научилась, чтобы заслужить название новой России; никто из нас ничего нового не придумает. Не говорю об отдельных лицах, а о тех общих течениях, которые сильнее личного творчества.

Беженское дело могло бы дать повод показать Европе, что такое русская общественность, когда она занимается таким бесспорным и важным делом; а эта общественность, как когда-то в России, думала об одном, чтобы иметь вид, что она все делает, сваливая ответственность на других, прославиться за чужой счет. Она еще может обманывать нашу глупую публику, наши газеты, которые все ей прощают; но иностранцы быстро ее раскусывают и теряют доверие к ней. И причина этого, что мы остались тем, чем были. Учредилка иллюстрирует те же начала. Мы остались тем, чем были тогда, когда вертелась царская машина, а мы занимались критикой, вырабатывали программы и резолюции, заботились о чистоте знамени и физиономии. Я пойду дальше. Я думаю, что в известной мере и большевики заплатили дань тому же греху; хотя они и антиподы старых порядков, но склеены из того же самого теста; то старое тесто и старые приемы видны на каждом шагу; но по крайней мере исходные точки зрения у них все-таки другие и потому они принесли с собой кое-что новое. Откуда же явится подлинная новая Россия. Тут и у меня начинается вера в чудеса; но если нужно искать не столько конкретного, сколько принципиального ответа, то я думаю, что этой новой Россией будет та большевистская Россия, которая переживает поучительный опыт, перенесет ярмо власти и сопряженную с нею ответственность, так как эту ответственность начинают сейчас чувствовать даже Ленин и Троцкий; люди этой психологии и этого прошлого вырабатывают из себя разновидность того класса, который будет новой Россией. Я не хочу сказать, что они выдумают, что надо сделать; им поможет в этом и эмиграция, т.е. те отдельные люди, которые используют свои досуги, знакомство с Европой и результаты наблюдений, чтобы открыть и показать пути, на которых спасется Россия. Но только прожившие школу большевистской России смогут это воспринять и осуществить; смогут именно

* Так в тексте.

потому, что у них в прошлом есть их собственные большевистские ошибки, от которых они поторопятся исправиться. Сама необходимость будет толкать их на творчество, на изменение того порядка, который они же создали. Мы же, люди, которые воспитывались в иной школе, в школе критики действий власти, которые сразу провалились в творчестве и провалились так быстро, что не успели к нему даже привыкнуть, и сейчас критику большевизма ведем такими же аргументами и путями, которыми вели критику против царизма. Ведь и тогда мы были уверены, что царизм скоро рухнет, и нас позовут, и потому нужно иметь и готовое министерство и готовую программу. Мы думали тогда так, живя внутри России и упражняясь в игре в земские и городские союзы, как сейчас, живя за границей и читая газеты, спрашивали себя, когда же, наконец, мы вернемся в Россию. Я начинаю думать, что мы никогда не вернемся, или вернемся так, как роялисты вернулись к Наполеону, покаявшись, капитулировав и пойдя к нему на службу. Я не хочу этим сказать, что большевизм победил; напротив, для меня ясно, что движение внутри России потому и начнется, что большевизм уже побежден и побежден самой Россией силами крестьянства и даже честных, но глупых коммунистов, которые сообразили необходимость собственности и т.д.

Эти силы вчерашних коммунистов — наша главная надежда и опора; нам нужно только найти к ним доступ и говорить с ними языком, который они бы поняли. Контакт именно с ними есть наша задача и задача нелегкая, так как по всем данным, и это слишком понятно, в этих силах, на которые мы рассчитываем, скопляется против нас такое озлобление, при котором нам смешно думать о возможности повелевать и управлять ими. Та мысль, которую Вы здесь когда-то высказали о необходимости обращения к большевистской России, к тем, которые там работают и борются, обращение к ним на таком языке, который был бы для них понятен, это была неотложная задача; Учредилка не поняла этой задачи, не поняла даже, что она существует, а если поняла, то не сумела ее исполнить. Достаточно этого, чтобы поставить на них крест. Я часто гляжу лично на Вас и думаю, сколько правильных мыслей, которые Вы высказываете, пропадают без всякого результата; это доказывает, что либо для них не пришло еще время, либо что Вы даете их людям, которым с ними нечего делать, у которых совершенно другая психология. Представьте себя в роли советчика Красина, в роли консультанта Совета народных комиссаров, с Вашим знанием Америки, ее психологии, с Вашей творческой мыслью, так как у Вас творчества больше, чем знания, — представьте, что Вы с ними говорили бы, и я нисколько не сомневаюсь, что результаты таких разговоров были бы бесконечно выше разговоров с учредилковцами. В конце концов мы все обречены на провал потому, что то движение, которое собралось за границей, будь то реакционное офицерство или демократические общественники, одинаково отмечены политическим бессилием; право претендовать быть властью в России да-

ется недаром; его нельзя заслужить тем, чтобы самовольно присвоить право распоряжения казенными деньгами, и живя в атмосфере сравнительного благополучия и полной безопасности, твердить Европе про то, что мы в будущем будем править Россией. Это, может, было полезно твердить, так как лучше, чтобы Европа разговаривала с большевиками теперь, чем если бы она разговаривала с ними месяц тому назад. Но эти слова для внешнего употребления. Претендовать быть будущей властью и вести Россию может только тот, кто все ее горе пережил вместе с нею, кто рисковал своей собственной шкурой, кто исходным пунктом всех своих построений возьмет теперешнее фактическое состояние страны и будет лечить его, а не тот, кто воспринимает формы, в которые вольется новая Россия, только как необходимую уступку, делаемую старым порядкам. Конечно, наступило время компромиссов и эволюций; но не старый порядок должен произвести эту эволюцию в демократическом смысле, а эволюцию назад направо должен произвести новый порядок, фактически установившийся у нас большевизм. Мы придем к одному и тому же месту, откуда бы ни вышли. Но не старый режим полевеет, а большевизм поправеет. Вот тот основной вывод, к которому я прихожу, чем более об этом думаю; говорю его Вам и только Вам в порядке откровенности, не рекомендуя из него ничего делать, кроме того, что время от времени размышлять на эту тему, и сообщать мне, что Вы об этом надумали.

25 апреля 1921 года.

Перед тем как запечатать письмо, хочу добавить Вам еще несколько слов. Писал с такими большими перерывами, что не удалось достаточно сосредоточиться на мыслях.

Во-первых, подчеркиваю один из главных дефектов Учредительного собрания, который я недостаточно отметил. Это их желание играть первую роль, самодовлеющую и независимую. Они не избежали общей участи наших общественных организаций смотреть с ревностью на тех, кто существует помимо них и раньше них, и не только не координировать своих действий с ними, но стараться их по возможности устранять. Это вполне соответствует и идеологии эс-эров, которые считают, что Конституанта есть выражение народной воли и суверенное учреждение, и чувствуя, что только в этой Конституанте у них подавляющее большинство, не желают соглашательством с другими организациями и лицами дискредитировать свое учреждение. Эта точка зрения сказывается прежде всего на отношении к дипломатическим учреждениям. Курьезное обстоятельство, что они, которые живут на Ваши деньги и к Вам обращаются в нужных случаях, в душе считают, что они выше Вас и оказывают Вам услугу тем, что принимают от Вас деньги. Когда Учредительное собрание стало разрабатывать статут о положении иностранцев, они обратились к Гирсу с бумагой, где просили его истребовать нужные сведения у дипломатических учреждений; Гирс сде-

дал это, обратившись к нашему консулу помимо меня. Когда я обратил его внимание на некорректность такого поведения, он тотчас это признал, сослался на ошибку канцелярии, что была правда. На него я не претендую. Но когда я упрекнул Винавера в том же самом (в этот момент я не знал, что они писали Гирсу), то Винавер наивно ответил, что пославши Гирсу такое требование, они, в сущности, сделали это в наших интересах, доказывая, что признают существование и компетенцию дипломатических учреждений. Было бы неважно и неинтересно следить, как они в душе глядят и на нас и на себя, если бы это не имело определенных практических выявлений. Так, например, на Ваши же деньги они устроили активную и пассивную информацию; сообщать кое-что газетам через посредство очень, к слову сказать, несовершенной организации, и имеют корреспондентов в европейских центрах. У меня не раз заходили переговоры с Авксентьевым о взаимной информации, оба мы признавали ее желательность и я добросовестно начинал посылать к нему почти все, что могло представить для него интерес и чем я имел право располагать. Мне же они никогда ничего не присылали; имея среди их субалтернов близких людей, я частным образом осведомлялся об известиях, которые они получали; еще чаще встречая интересное газетное известие, узнавал, что это результат полученных ими справок. Но нам, дипломатическим установлениям, они ничего не посылают, и, как говорили мне эти субалтерны, никогда и не станут посылать. Они дорожат тем, что имеют перед нами плюс, знают то, чего мы не знаем. Словом, того сотрудничества и совместной работы, которую Вы, очевидно, желали бы установить, не только не установилось, но и не установится. И поэтому получается комическое зрелище, что Вы своими деньгами даете им возможность вести эту политику и даже просто претендовать на нее.

То же самое, конечно, в еще большей мере совершается и в области личных отношений; я знаю иногда прямо, иногда косвенно, что тот или другой представитель Учредилки, обыкновенно Авксентьев, ходят к тому или другому представителю Министерства иностранных дел или какой-нибудь власти. Никогда они не считают нужным сообщить мне содержание их разговоров. Это опять не случайность, а вполне определенная система. Я пойду дальше и скажу, что той же системы держатся они и в своей собственной среде; эта политика независимости от официальных учреждений есть политика эс-эров; они хорошо понимают, что мы неверные их слуги и единомышленники; наши кадеты, Милюков и Винавер, держатся других взглядов и хотели бы полного сотрудничества; но по одному этому они уже стали подозрительны в глазах эс-эров; я имею самое достоверное сведение, что хотя Милюков и Винавер и сидят в одной комиссии по международным делам, но что они знают не все детали; там произошла та же концентрация власти и функций; привилегии сношений с Министерством принадлежат

Авксентьеву, доклады субалтернов о том, что узнали в Министерстве, должны направляться только к Авксентьеву, и им запрещено посвящать в это членов комиссии; таким образом, Милюков и Винавер знают только то, что пройдет через Авксентьева. Я лично считаю Авксентьева очень порядочным человеком и не заподозреваю его в никакой интриге и личной политике; но это тенденция вполне необщественная, которую он проводит в своем управлении, так на него не похожа, что я не могу не приписать ее другому влиянию. Чье это влияние, совершенно ясно, это политика Керенского. Вы не являетесь его врагом, и в некоторых отношениях я с Вами согласен; но Вы не будете оспаривать, что в политике Керенского есть бесконечно много личных элементов, что ему не свойственно ни желание, ни умение устраняться. Он понял, что теперь не его время, что встать на первый план ему опасно; он проводит свою политику через других и, в частности, через Авксентьева, которому импонирует живостью своего характера и большим творчеством ума. Но Керенский, войдя в комбинацию с Учредилкой, вошел туда с тем, чтобы сохранить личное влияние и возможность личной политики; он желает использовать для этой комбинации кадетов и этого достигает; роль Милюкова и Винавера, которые ради сближения с ним рассорились с 3/4 своей партии в теперешней Учредилке является весьма неблагоприятной; к ним относятся и будут относиться с принципиальным недоверием и они, несомненно, будут оставаться на амплу граждан второго разряда, по выражению Столыпина²³. В том же положении находимся и мы все, дипломаты, которых тоже терпят только потому, что мы можем быть полезны и с нами так просто нельзя справиться; но взаимности нет никакой. От нас берут сведения, от Вас кроме того берут и деньги, но держат камень за пазухой. И я насколько не сомневаюсь, что во всех тех частных разговорах, которые ведут о нас с властями, ведут линию против нас в тех размерах, в которых она не опасна для тех, которые ее ведут. Вы лично думаете использовать эту Учредилку в интересах той политики, которую Вы ведете; в этом я Вам не препятствую и Вас не отговариваю, но знайте, что здесь относятся ко всему подобному с большой подозрительностью и с готовностью на отпор.

Второе замечание касается сепаратистического движения. Пошлю Вам для справки копию одного письма человека, заслуживающего всякого доверия, о его впечатлениях из Украины. Конечно, это может быть субъективно, но только преувеличено; считайтесь и с этим фактом. Незадолго до этого письма подтверждалось мне это с совершенно другой стороны от генерала Кирея²⁴, который когда-то Врангелем был поставлен во главе украинской политики, но с ним разошелся и от дела отошел. Это впечатление доказывает одно — рост сепаратизма, усиление той почвы, на которой он может укрепиться; в связи с этим политика Петлюры, которого поддерживают и Савинков, и поляки, может стать очень опасной; пусть только временно, но во всяком случае на ближай-

шее время. Спрашивается теперь: какую линию нам нужно вести. Ту ли, которой может быть желательно использовать эти новые настроения против большевиков или наоборот, надо признать, что большевики в национальном вопросе идейно стоят на нашей же позиции и стараться отыскивать некую почву если не соглашения, то взаимного понимания с ними. Ставлю этот вопрос перед Вашим вниманием как вопрос очередной.

В заключение несколько слов о том, к чему я возвращаюсь в каждом письме, потому что события подгоняют нас к этому основному вопросу — об нашем отношении к большевизму. Если Вам не нравится то, что я говорю по существу, то позвольте угодить Вам по форме, т.е. сказать об этом в порядке тех общих философских идей, которые Вы любите более, чем конкретные практические вопросы. Я думаю теперь и думаю уже давно, с момента войны, что результатом этой войны будет усиление государственной власти, попросту усиление государства, этатизм²⁵. Это началось по необходимости во время войны, не могло кончиться и с ее окончанием. Как ни надоел этатизм во время войны и сколько он ни принес с собою зла, по неумелости его применения, он был необходим и без него вести войны было нельзя. В нем была и сила, по крайней мере временная сила Германии. Для меня ясно, что он не мог окончиться после войны, когда перед человечеством остались неразрешенными те же основные вопросы, требующие общих усилий, солидарности отдельных государств и тем более солидарности отдельных классов внутри государства. Было невозможно допустить, чтобы от этой войны, которая есть общее несчастье, — одни люди страдали, другие наживались; что калеки должны были превратиться в нищих, а разрушенные войной местности восстановлены силой самих потерпевших; было бы невозможно допустить это, особенно в то время, когда другие на этом бы самом разорении и восстановлении разрушенного, продолжали бы наживать капиталы. Было ясно, что результаты войны могли быть получены только совместными усилиями целой нации, без различия классов и положений; но все это в свою очередь требовало страшного усиления государственной власти, которая могла бы сломить головы всем тем, которые не хотели бы идти в этом русле. Потому-то усиление государственной власти одновременно с этим должно было совпадать и с демократизацией этой власти. Она должна была быть не только сильна, но вполне демократична по своим задачам, а с того момента, когда вообще демократии кое к чему привыкли и кое-что раскусили, а во время войны еще воочию увидели в какой мере государство без них бессильно, она должна была быть и демократична по составу. Итак, вот те основные задачи, которые человечество должно было положить в основу своего устройства после войны. Правительство демократичное по цели, демократичное по составу, но и деспотичное по объему власти и приемам.

Эти основные начала и лежат в основе большевизма; большевизм удовлетворяет именно им; то, с чем он не справился и на чем провалился — это программа реформ, способ осуществить ту солидарность, которая могла разрешить национальные и международные вопросы. Большевизм победил слишком рано; он не вышел из пеленок старых идей о борьбе классов, о том, что борьба предполагает уничтожение; подменил вопрос национальной солидарности вопросом, чтобы демократию поставить на место буржуа, а буржуа превратить в работающего пролетария, и провалился именно на этом; но если этим он скомпрометировал ряд лиц, идей и приемов, то не подорвал объективной необходимости в дальнейшем идти по тому же пути деспотической демократической власти. Но в наших попытках низвергнуть большевизм, какую идеологию мы ему противопоставляем? С одной стороны мы противопоставили ему идею либерализма, кто бы ее ни олицетворял, Милюков или Керенский, теорию, которая боялась сильной государственной власти потому, что боролась с этой властью, во имя прав человека и гражданина, во имя свобод, неприкосновенности личности и т.д. Попытка осуществить полностью эти начала в государственной жизни, которую мы имели глупость и преступность осуществлять в момент самой войны, повела их к крушению; и сейчас попытка бороться с большевизмом во имя этих начал, либо подымая крестьянские восстания, либо делая террористические акты, может найти сторонников; народы соскучились по свободам, для России они представляются каким-то недостижимым идеалом. Но эти свободы до такой степени не соответствуют объективной необходимости момента, что на них можно поднять бунт, но нельзя построить государственную жизнь; в столкновении этих идей с большевиками историческая правда на стороне большевиков, а не этих идей, и потому большевизм их победит. Мы инстинктом поняли, что борьба либералов с большевиками сводится к разложению власти в тот момент, когда ее нужно усилить и попробовали идти другим путем, путем противопоставления большевистскому деспотизму белого деспотизма; этот курс создал временную популярность военных диктатур; в этом было преимущество Колчака против Авксентьева²⁶, или Врангеля против Парижской Учредилки. Но и эти течения провалились; во-первых потому, что они, сумев установить начала государственного деспотизма, т.е. сильной правительственной России, по своему составу и идеологии не сумели осуществить второго требования — демократизма; эти диктатуры не были демократичны ни по составу, ни по цели, хотя и притворялись, что ими становятся; а когда они почувствовали необходимость влить себя в струю демократизма, хотя бы по составу, то обращались к так называемой общественности; общественность, которая приходила им помогать, была носителем той самой либеральной идеологии, защищавшей права человека и гражданина, и враждебной усилению государственной власти, которая составляла ее слабость в борьбе с больше-

виками. Соединение белого деспотизма с политическими свободами соединяло только недостатки двух направлений, не давая им выгоды.

Это и создавало ту их внутреннюю слабость, при которой большевизм не мог их не победить; вот Вам философия в Вашем духе и стиле; но теперь вывод из этого. А он тот же самый, о котором я Вам твержу в каждом письме. Спасти большевизм может только сам большевизм, т.е. те люди, которые, сохранив неприкосновенным то, в чем объективные задачи момента, т.е. демократическую деспотическую власть, сумеют влить в нее совершенно другое содержание, т.е. демократическую социальную политику, которая в настоящий момент будет, конечно, исключительно буржуазная. В большевизме должна произойти борьба, которая завершится победой здорового начала над нездоровым и глупым; но борьбу эту должны вести сами же большевики, которые поймут, наконец, эту задачу. Большевики с тех пор уже сумели осуществить то, чего мы не сумели, т.е. сумели отделаться от предрассудков либерального доктринерства, научились быть сильной властью; они же направят ее наконец на благо России, когда поймут искренне и всей душой необходимость насильственной классовой солидарности для поправления разрушенного государства. Когда это будет понято и из большевиков найдутся люди, которые возьмутся за это, тогда они смогут кувырнуть тот глупый большевистский деспотизм, который так же не сумел воспользоваться властью, как я не сумел бы играть на виолончели. Но думать, что это будет сделано не ими самими, а какими-то эмигрантами, представителями ли демократического либерализма, как Милюков, Керенский, Авксентьев, или представителями реакционеров, как Марков²⁷, Врангель и другие, — или что еще безумнее, коалицией этих сил — это верить в чудо, т.е. в нарушение всех законов природы. Такие реалисты, как мы с Вами, в чудеса не верят.

Ну, а затем прощайте.

26 апреля 1921 года.

Еще несколько слов: сегодня видел Савинкова и разговаривал с ним 3 часа. Вы знаете, что нужно вводить поправки в то, что он говорит. Но вот как он изображает свое положение и цели. Во-первых, он прекращает открытую политическую деятельность и уходит в подполье; если до поры до времени он остается в Польше председателем Эвакуационного комитета²⁸ и, следовательно, играет официальную роль, то это для отвода глаз, а может быть, и по инерции. Все его планы сводятся к развитию революционных организаций в России и борьбе с большевизмом революционным путем. В движение регулярных войск он больше не верит, не только когда во главе их стоят люди вроде Врангеля, но даже если бы во главе их стояли народные вожди. Зато революционная

деятельность развивается им очень глубоко и успешно. По его словам, на нее громадный спрос и громадное предложение материала. Савинков работает не один своими организациями, есть и другие: Петлюры в Украине и даже наших эс-эров в области около Пскова. Его задача была связать все это в одних руках; эта задача не удалась, так как эс-эры не хотят иметь с ним ничего общего. Он об этом жалеет, но обойдется без них. Для революционной деятельности его положение выгодно: во-первых потому, что он на границе, куда валом валит специальная беженская волна из Совдепии, подчеркиваю — специальная, так как сюда уходят не те, которые бегут скрываться и переждать, а те, которые хотят возвращаться, чтобы работать революционным путем. Во-вторых, потому, что за ним стоит Пилсудский, который снабжает их деньгами. Будучи только начальником революционных организаций, он старается связаться со всеми же революционными организациями, действующими как в центре, так и на периферии Совдепии, имеет связь и с Махно, и с Антоновым²⁹, и с петлюровскими организациями. Его убеждение, которое разделяет Пилсудский, имеющий и свое наблюдение, что большевизм не переживет этого лета; менее ясно, как он падет. Главная надежда Савинкова не на крестьян, которые поголовно ненавидят коммунистов, но и недостаточно организованы и недостаточно инициативны, чтобы создать не только что-либо организующее, но даже и достаточно разрушительное. С восставшим крестьянством справится маленькая часть большевистского регулярного войска. Главная его надежда — это сама Красная армия, особенно ее офицерство; несмотря на свою холодную душу, Савинков способен увлечься; эти увлечения бывают довольно оригинальны. Вы знаете, что одно время он даже увлекался Балаховичем, хотя это увлечение прошло³⁰. Но сейчас он увлечен не личностью, а типом краснощеккого молодого красноармейского офицера — его подлинные слова. Такой офицер одинаково враждебен и коммунистам, и всей российской эмиграции, всем прежним партиям и всем без исключения именам. Будущая Россия, по его словам, пойдет только с теми, кто вместе с ней выстрадал борьбу с большевизмом. И это борьба еще на долгие годы; летом будет катастрофа, но только в этом смысл, что радикально треснет вся их система, провалятся их теперешние кумиры. Движение будет сначала против коммунистов во имя большевизма, потом против большевизма во имя совдепов, потом и против совдепов во имя демократии и т.п.

Это длинная история. Но и в этой смене настроений долгое время не будет места никаким остаткам буржуазии и интеллигенции, проживающей за границей; их когда-нибудь помилуют и простят; Савинков считает, что и сам он для этой России человек конченный, но может быть, скорее заслужит прощение потому, что сейчас он с этой Россией связывается.

Два слова об его отношении к инородцам и национальностям. По его словам, он не мыслит расчленения России; но объединение произойдет непременно на почве соглашения и при этом не очень отдаленного. Сейчас же невозможно говорить даже о федерации. Одно это слово отталкивает от себя инородцев. Нужно как можно скорее всех признать, со всеми мириться и помнить, что проблема объединения России есть проблема 1931 года. Совершенно неожиданная мысль, что в будущей федеративной России частью ее будет и сама Польша. Я не знаю, серьезно ли он в это верит, или это есть одна из тех предпосылок, которыми он оправдывает в своих собственных глазах свою слишком большую зависимость от Польши. Я склонен думать, что это скорее последнее, но не решил еще, в какой мере этот самообман заведомый, предназначенный для внешнего употребления. Но именно потому, что он верит или представляется верящим в федерацию с Польшей, он пока спокойно глядит на те границы, которые она себе проводит. С его точки зрения, это вопрос внутреннего российского распорядка, ибо сама Польша будет Россией. Но так ли это или не так, из его слов обнаруживается, что притязания Польши идут только в одну сторону, — в сторону Литвы. Поляки готовы уступить что угодно на юге, по мнению Савинкова, даже Восточную Галицию, но Литвы не отдадут. Конечно, это отражение специальных настроений Пилсудского. Не стоя на этой позиции, Савинков перешел рубикон относительно теперешнего расчленения России; он совершенно спокойно говорит о независимости Украины, об украинском правительстве и о Петлюре. По его словам, Петлюра окружен очень крупными людьми, например, Левицким³¹; этот Левицкий по тому, что о нем говорили люди, его знающие, есть один из главных врагов России. Савинков уверяет, что нет. Украинцы, по его мнению, превосходно понимают, что у них нет выхода, как Москва или Варшава, и, конечно, они предпочитают Москву. Я кончаю, чтобы не быть слишком длинным. Тороплюсь отправить Вам письмо; национальная программа у Савинкова, конечно, самая слабая и спорная часть его планов. В его словах одно указание: констатирование зарождения в России определенного типа людей, которые в свое время составляли силу большевизма, но которые сейчас в его недрах ведут с ним борьбу. Пока лозунги этой борьбы недостаточно скомбинированы; но есть основные их элементы, которые интеллигенты вроде Савинкова переделали в программу; в политическом смысле это борьба против коммунистического засилья, против диктатуры петроградского и московского Олимпа; социальная программа сводится к одному слову: собственность. И что еще курьезнее для Савинкова, что в какой-то конъюнктуре они включают сюда и Бога, так как, по его словам, рост религиозного чувства в народе огромный; но происходит, по его словам, и перерождение в новый тип и самого духовенства.

В.А.Маклаков — Б.А.Бахметеву

[не позднее мая 1921 г.]¹

Дорогой Б.А.

Моя стенографистка заболела; не хочу отпустить в Вашингтон курьера, не написав Вам двух слов, но буду писать кратко. Сейчас является некоторая надежда на ликвидацию войск. Под сильным моральным нажимом сербы принимают еще беженцев, взамен некоторой уплачиваемой им суммы, и таким образом может быть достигнуто частичное, если не полное, расселение войск из военных лагерей, а это избавит их от опасности ссылки в Бразилию, в Совдепию и т.п. Ваши 300.000 плюс 100.000 дол[ларов] это облегчают.

Но вот что хочу Вам сказать. Мне сообщили из З[емско]-г[ородского] о[бъединения], будто Львов надеется, что Вы устраните посредничество Финансового совета² между Вами и им, и будете все деньги посылать прямо ему. Вы знаете, как я был бы счастлив, если бы мне больше не заниматься деньгами и не брать на себя ответственности за отказы в них; и тем не менее считаю долгом моей дружбы к Вам предупредить Вас против подобного шага.

Во-первых, потому, что там не все ладно; я уже раньше Вам о том писал, но теперь это грозит выйти наружу. Ко мне приходили самые почтенные деятели Земгора и говорили о своих намерениях уйти оттуда, дабы не замарать своей репутации. Конечно, там нет растрат и злоупотреблений в прямом смысле. Но там кумовство, швыряние деньгами, лицепрятие, и все то, что среди голодающей и обозленной публики дает повод говорить о панаме.

К тому же у них не хватает морального чутья. Что З[емский] с[юз] в это время из каких-то, как он говорит, своих (!) остатков, купил на имя В.В.Вырубова имение в 300.000 для колонии земских служащих, это скандал, о котором сейчас все говорят и который не знаю как оправдывать. А их упорное нежелание дать нам отчет и ссылка на то, что они свои отчеты поверят своими контролерами, роняет к ним доверие. И потому, если бы что-либо надо было сделать сейчас — это установить за ними больший контроль, если не нас, то хотя бы Ваших представителей, — во всяком случае контроль тех, кто дает деньги — свои или чужие; если же вместо этого Вы освятите их автономию, и будете посылать деньги прямо им, то если здесь разразится какой-либо скандал, Вы окажетесь к нему косвенно прикосновенным.

Второе основание, почему я Вам отсоветовал бы непосредственные отношения с ними, это вполне выяснившийся теперь факт, что они не могут быть «центральным» органом. Их нетерпимость, с одной стороны, их *mauvaise presse*³ с другой, сделали то, что

они — только один из органов, даже главный, но не единственный. Их желание казаться главным и единственным ведет их к подпольной или закулисной борьбе с другими организациями, напр[имер] Красным Крестом. И французы, увидев это, очень к ним охладели. Хотя Львов и думает, или, по крайней мере, говорит, что доверие к ним все растет — это совершенный вздор. Французы уже признаются, что они ошиблись в них. И потому они, т.е. французы, довольны, что Ваши деньги идут к нам, в Совещание послов, которое их уже распределяет. В частности, эту радость они мне сообщили, узнав, что ассигнованные Вами 400.000 пойдут на устройство беженцев из лагерей, а не в распоряжение комитета Львова. А прогос, французы ведут точный учет Вашим деньгам, т.е. Вашим присылкам.

Все это говорю затем, что как ни несовершенна наша машина, она все-таки кое-как налаживается и налаживается путем непрерывной борьбы с расточительностью Зем[ско]-г[ородского] комитета, который на первый же месяц потребовал 8 миллионов франков. Вся наша деятельность сейчас свелась к обузданию жадности комитета и широкого размаха Вырубова. Это скучно, но необходимо. И избави Вас Бог им всецело отдаться.

Ваш Маклаков.

Напишите мне о Вивиани⁴ и отношении А[мерики] к лондонскому соглашению.

№ 36

В.А.Маклаков — Б.А.Бахметеву

[не позднее мая 1921 г.]¹

Дорогой Б.А.

Вышло так, что я не успел ни продиктовать, ни написать письма, чтобы послать с Новицким и буду надеяться, что он, который в курсе всего, Вам на словах все расскажет.

Бриан сильно подорвал себя соглашением в Лондоне, им французы недовольны, считая, что без занятия Рура их надуют и проведут; потому они держат под ружьем мобилизованный класс и воспользуются первой немецкой оплошностью, чтобы Рур занять. Но его столкновения с Л[лойд] Джорджем из-за Верхней Силезии, его ответ Л[лойд] Д[жорджу], помирили с ним палату; в нем увидели «эмансипацию от англичан» и довольны; повалить его сейчас показалось бы непатриотичным и послезавтра он получит большинство. Но в вопросе о Верхней Силезии правы не французы, а англичане.

Так как очевидно, что мы живем все только Вашими деньгами, которые некоторые организации тратят слишком легко, то мы осо-

бенно заинтересованы в том, чтобы этого источника нам не закрыли. Скажу Вам прямо: я небольшой любитель замаскированного хранения денег, но когда я подумаю, что колчаковское золото попало к большевикам и что Ваши деньги могут быть арестованы — даже не возвращены большевикам, а просто арестованы, я считаю, что это худший исход и мне поневоле, как и всем нам, приходит на ум, что нужно заблаговременно предвидеть это и сохранить их всеми мерами*. Лучше на них купить автомобили для будущей России, чем их держать в ящике. Это, конечно, несерьезно и непрактично, но знайте, что на Вас глядят сорок веков² и не простят Вам, если Вы прозеваете.

Ну, остальное Вам расскажет Новицкий... Ваша телеграмма уже не смогла его остановить.

Ваш Маклаков.

№ 37

В.А.Маклаков — Б.А.Бахметеву

Париж, 2 мая 1921 года.

Дорогой Борис Александрович,

Сейчас получил Ваше второе письмо, которое разошлось с моим. Хотя и в первом содержится некоторый ответ на то, что Вы пишете, но все же пользуюсь случаем, чтобы ответить поподробнее; особенно ввиду Ваших слов о доходивших до Вас слухов о желании втянуть меня в эту кампанию.

Вот как было дело. И сам Бурцев, и его сотрудники не раз приходили ко мне зондировать почву относительно возможности получить субсидию или на «Общее дело», или на «Виктуар», или хотя бы на телеграфное агентство. Все эти разговоры не приводили ни к чему, так как мы неизменно указывали на недостаток средств, на невозможность обращать их не по прямому назначению на беженцев и т.п.; добавляю, что эти возражения я в то время мог делать совершенно искренне, так как не подозревал ни о том, что Вы дали деньги Бернацкому на прессу, ни о том, что Вы дали на тот же предмет и Учредилке¹. Как Вы знаете, все это было сделано помимо меня, а последнее, т.е. дача денег Учредилке для прессы, может быть, даже и не соответствует правде; я знаю это только по слухам. Но отказывая им в деньгах, я из тактических соображений не лишал их надежды на будущее, старался найти какую-нибудь промежуточную форму, где можно было бы не обрывать резко всяких отношений с ними, не лишать их мотивов не занимать относительно нас враждебной позиции. Так, лично я считал бы возможным в течение нескольких месяцев под-

* Пропуск в тексте.

держать их агентство, так как это исключительно информационное дело. Так шли переговоры в порядке откладывания, обещаний и т.п.

Затем в одно прекрасное утро я читаю в газетах ту выходку, которая дошла и до Вас. Сейчас же вызвал к себе Бурцева и Пасманика. При этом я менее всего говорил о том, что невозможно одновременно просить у нас помощи и Вас травить; считая и Бурцева и Пасманика патриотами, я указывал им на вред кампании против Вас в то самое время, когда наши политические надежды мы перемещаем именно на Америку. Как я уже Вам писал, мне не стоило никакого труда привести их к сознанию, что они не правы, и я получил от них торжественное обещание, — которое они и сдержали, — что ни одной строчки в этом направлении ими больше написано не будет; они обещали даже, что будут молчать, как бы им ни ответил на их статью Милюков и «Последние новости». Но во время разговора они мне сказали, что главный укор, который делают Вам, это то, что Вы государственными деньгами поддерживаете «Последние новости»; так как я об этом не знал, да и считал, что это неверно, я категорически это опровергал; при той таинственности, которой Вы облекли свои сношения с Учредилкой, я и теперь не знаю, правда ли это; но тогда я опровергал это с полной искренностью. Моя уверенность произвела на них впечатление, и они стали расспрашивать меня, откуда же у «Последних новостей» деньги. Это я, конечно, объяснить не мог, но мог сказать, что деньги «Последние новости» находили и в то время, когда там Милюкова и Учредилки не было. Тогда Бурцев или Пасманик, — не помню кто, — переменили позицию и сказали, что Вы деньги дали Учредилке; не знаю, что бы я им на это сказал, но мне не дали ничего ответить; Пасманик говорит: «Я хорошо понимаю, что Вы будете это отрицать или ссылаться на то, что Вы не знаете, но это, — это он подчеркнул, — это мы знаем на верное. Мы знаем и те условия, на которых деньги были даны, те письма, которыми по этому поводу обменялись, знаем, наконец, все расходы Учредилки. У нас есть счета за мебель и т.п. Мы, — добавлял он, — знаем это уже очень давно и у нас в редакции целая куча писем, которые мы по этому поводу получали и которые мы тем не менее не печатали; но теперь, когда мы узнали, что это Бахметев субсидирует "Последние новости", мы хотели сделать ему предостережение». Так как я вовсе не был уверен, что у них действительно нет тех писем, которые Вы писали и мне и Милюкову и которые он сообщал членам Учредилки, то я не хотел ставить себя в положение человека, который спорит против очевидности и воспользовался тем, что они меня ни о чем не спрашивали, чтобы перейти на другие темы.

Так этот диалог и кончился; я хотел предупредить Милюкова, что он не умеет хранить секретов и что «Общее дело» знает гораздо больше, чем они хотели бы. К слову сказать, у меня было досадное чувство на Учредилку, которая своим внешним величием и ненужными расходами вводит людей в соблазн и заставля-

ет их предполагать с Вашей стороны гораздо большие субсидии, чем те, которые есть в действительности; это делает им повод думать, что и сами «Последние новости» субсидируются на те же средства. Но я не успел исполнить своего намерения и сообщить об этом разговоре Милюкову, когда сам Милюков ко мне позвонил; он хотел отвечать «Общему делу», сослаться на полную солидарность Гирса и меня с Вами в нашем отношении к Врангелю и спрашивал меня, может ли это сделать, не рискуя разойтись с моим пониманием. Я дал ему полномочие заверить это совершенно категорически, что он и сделал. Но тут же сам Милюков мне сообщил, будто поход, открытый против Вас, приписывают моему влиянию. Для меня было очевидно, что это очередная эмигрантская сплетня, у которой нет никаких оснований, кроме фантазии того, кто ее распространил; но Милюков прибавил, будто кто-то слышал это от Пасманика, будто я рассказал Пасманику, что Учредилка получает деньги от Вас. Тогда я привел Милюкову разговор, который имел с Пасмаником и Бурцевым и предложил вызвать Пасманика и Бурцева, а Милюкову привести в это время того, кто передал ему этот разговор, чтобы вывести все это на свежую воду. На это Милюков ответил, что пока просит этого не делать, что наведет справку у тех, кто передал об этих словах Пасманика, и, если она подтвердится, он моим предложением воспользуется. Через несколько дней он мне сказал, что все разъяснилось и никакой очной ставки больше не нужно. Вот все, что я по этому поводу знаю. Я не знаю, в какой форме дошли до Вас эти слухи, есть ли это письмо Милюкова или что-нибудь другое; но самое возникновение этих слухов и сообщение их в Америку — только небольшая иллюстрация к той нездоровой атмосфере, которая здесь существует. Не характерно ли то, что Учредилка, которая не сумела не дать повода к возникновению таких сплетен, которая, напротив, как будто поставила себе задачей их вызывать, что эта Учредилка, когда пожинает то, что посеяла, не находит ничего другого, как винить за эти слухи какого-то злоумышленника, и этого злоумышленника находит во мне.

Я сказал Вам все это, чтобы не оставить письма без немедленного ответа; но пользуюсь этим, чтобы еще раз повторить те горестные выводы, к которым я прихожу. Вот Вам, во-первых, Учредилка, которая не пожелала уехать из Парижа, не пожелала или не сумела встать на ту высоту, на которую должны теперь встать независимые представители России, не сумела сказать своего слова ни по поводу переговоров с Германией, ни по поводу новых течений, обнаруживающихся в России и которые требуют какого-то разъяснения, которая всю свою деятельность свела к тому, чтобы собирать сплетни в Министерстве иностранных дел и информировать партийную газету. Спора нет, что по существу она в своих главных чертах идет в том русле, в котором и мы; но если она раздражает любопытство одних эмигрантских кругов и возбуждает негодование других, то никакого ключа к пониманию

того, что совершается в России, Европе она не дает; никакой опорой для дипломатического представительства не является, никакой надежды на то, что именно она будет будущей Россией, она не дает. Пусть повинны в том не личности тех, кто в ней сидит, а просто ее положение эмиграции; в конце концов это вопрос наименее интересен. Факт остается фактом. Учредилка — такой же очередной мыльный пузырь, как многие другие, и которая лопнет раньше, чем успеет засиять радужными цветами надежды. Посылаю Вам выдержку письма, полученного из России; не хочу его оспаривать, ни с ним соглашаться; отмечаю только, насколько интересны те вопросы, которые оно ставит, и мотивы, которыми оно руководствуется. С ними можно не согласиться, но мимо них нельзя идти, их не замечая; Учредилка их не замечает; Учредилка в этом бесконечно ниже Савинкова, который может делать глупости и даже преступления, но который стремится разрешить известные вопросы на деле; Учредилка ничего не разрешает и даже не огорчается тем, что она их не разрешает; просто в том сумбуре, в котором мы живем, она нашла определенную позицию, на которой можно существовать и даже фигурировать; она эту позицию заняла и успокоилась; что будет завтра, неизвестно, а пока что у нее есть *position sociale*², ей есть, чем наполнить свободное время, есть чем жить. Она пошла по линии наименьшего сопротивления и будет существовать, пока внешние обстоятельства не заставят ее занять какую-то другую позицию. Даже то недовольство, которое Учредилка вызывает в обоих лагерях, и правое и левое, она поворачивает в свою пользу; она, по крайней мере кадетская ее часть, которая по самому своему существу всегда была наименее активной частью общественности, повторяет фразу, которую я столько раз слышал на русских избирательных собраниях: «нас ругают, следовательно, нас боятся». Это парафраза Декартовской аксиомы: «меня ругают, значит я существую».

А вот Вам другая организация, которой Вы опять в последней телеграмме при посылке 4000 долларов оказываете доверие: через нее, а не через кого-либо другого, Вы хотите устраивать колонизацию. Это Земско-городское объединение. Эти господа — не воры, конечно, и не празднолюбцы; с утра до вечера они в своем помещении произносят речи, спорят, решают вопрос о постройке прачешной или культурно-просветительных учреждений. Но все это делается при условии, что кто-то будет снабжать их деньгами и что никто, кроме их самих, этим не распоряжается; никакой ответственности за то, что происходит с беженцами, на себе они не несут. Вы подумайте, что случилось: они провозгласили себя центральным учреждением о беженцах; только по нашим настояниям не стали они над Красным Крестом и над всеми другими учреждениями, работающими помимо них. Претендуя быть центральным и главным учреждением, через которое идут все деньги, они тем не менее считают незыблемым положение, что, если они не сумеют сделать максимум того, что нужно при наличности

наших средств, то вина на них; Львов говорит нам, что по-настоящему их бюджет должен был быть несколько десятков миллионов франков в месяц, тогда что-либо могло бы быть сделано. А пока этого нет, все равно ответственности за состояние беженцев они на себя не берут; ответственности они не берут, а деньги все желают сосредоточить именно у себя; мы недавно вместе со Львовым расшифровывали, во что обходится их трудовая помощь; она сводится к трате на человека от 1 до 10 тыс. фр[анков]. Последнее, конечно, случайно и касается только привилегированных лиц: 12 наборщиков, целая группа интеллигентов, которые ютятся вокруг издательского дела. На оборудование этой типографии было истрачено около 300 тыс. фр[анков], что при распределении между всеми теми, кто живет от этой типографии и составляет около 10 тыс. на человека. Но и другая, более скромная помощь обходится не меньше тысячи на душу. Это в сущности немного. Но это возможно делать только для такого незначительного меньшинства, что становится неизбежной предпосылка, что в задачи земского объединения вовсе не входит устройство всех, что это лежит на ком-то другом. Я говорю обо всем этом с раздражением, потому, что это идеология, которая была до революции и при которой земцы делали просто политическое дело, желая на казенные деньги показывать свое преимущество перед казной, это отжившая идеология, а в условиях настоящего момента идеология безответственных людей. А мы, которые по Вашей инициативе связали себя с ними, мы, которые являемся людьми ответственными, мы ответим в свое время за то, что ценили людей по личным симпатиям, по ярлыкам, по политической благонадежности. Я Вам писал в прошлом письме, что Львов согласился со мной о неприличии покупать имение в настоящее время; он согласился, но имение все-таки купили. 300 тыс. фр[анков] сейчас истрачено Земским союзом для себя; пусть это для инвалидов земской службы, это все деталь, это истрачено ими для себя. И это в то время, когда мы все деньги направляем к ним, и когда они именно этого требуют. Не говорю о том, что будут в связи с этим теперь про всех нас говорить. Для меня омерзителен самый факт, как он есть; систематический обман об истинных средствах, которыми располагает Земский союз, переманивание денег в их кассу в то время, когда у них под разными соусами и в разных местах остаются резервы.

Несколько дней тому назад я получил самые точные сведения из Министерства иностранных дел, что под влиянием всех тех сплетен и слухов, которые здесь ходят, у французов явилось предположение, что у Вас имеются очень большие средства; они уже начинают делать нам намеки, что не мешало бы Вам Вашими средствами покрыть расходы французского правительства. Можно оспаривать эти претензии; можно, вообще, очень много возразить французам по поводу ликвидации ими нашего добра. Но одно, к сожалению, несомненно. Квартира Учредилки, покупка земцами

имения в то время, когда мы говорим французам, что у нас никаких денег нет и когда все обделенные нами элементы, оставшиеся за пределами Учредилки и Львовского комитета, все чувствуют себя обиженными и обойденными, все эти факты способны возбуждать и укреплять слух о том, что в Вашем распоряжении находятся очень большие деньги, которые идут на цели если не личные, то и не государственные.

Что же из всего этого следует. Пока только один вывод: будущая Россия — не Учредилка, не Львовский комитет, не те слои, которые они представляют; конечно, еще меньше Парламентский комитет³, который представляют сейчас Гучков и Алексинский⁴, не генералы около Врангеля, не генералы вроде Данилова и Юзефовича⁵, которые и сейчас откуда-то получают какие-то суточные. Не это та будущая Россия, которая заменит большевизм. Кто она, сказать я сейчас не могу; но можно сказать, где она. Она там, где-то в России, и появится только оттуда. Наша эмигрантская роль могла бы заключаться только в одном: облегчить эти трудные роды, сыграть роль акушера. Мы же пока вместо этого бьем палками родильницу и может быть мешаем ей разродиться.

И последнее слово; поведение нашей эмиграции здесь и комментарии вроде тех, которые я Вам даю, когда они даются не мне, а французам, и даются в гораздо более жесткой и конкретной форме, могут иметь одно последствие: иностранцы поверят, что будущая Россия выйдет из самой Совдепии и тогда не согласится связывать свою судьбу с нами, эмиграцией, кто бы мы ни были: дипломатические представители, Учредилка, земцы и т.п. Они поймут тогда, что, не признавая большевиков, нужно сохранить свободные руки и перестать якшаться с эмигрантами. Когда они придут к этому выводу, настанет та полоса, когда всем нам придется скрыться и уйти. Так может кончиться последняя попытка воскресить Россию в лице Учредилки.

№ 38

В.А.Маклаков — Б.А.Бахметеву

Париж, 14 мая 1921 года.

Дорогой Борис Александрович,

Постараюсь написать Вам покороче, но коснуться самого главного.

Я писал Вам несколько раз и ничего из того, что писал, обратно не беру; но готов согласиться, что настаивая на одних и тех же, и при этом теневых сторонах нашей жизни, этим извращал перспективы. Впрочем, некоторые коррективы Вы, вероятно, внесли и сами.

С Львовым и Земгором у нас по-прежнему идут упорные препирательства о деньгах; как полагается тому, кто берет, он стремится взять как можно больше и быть единоличным хозяином; мы, как всякие кассиры, торгуемся и упираемся. Прибавлю, что еще слишком мало упираемся. Но от этого мы живем в атмосфере вечного препирательства, которая искажает обстановку.

Признавши это, я тем не менее утверждаю, что в общем не ошибаюсь и что против Львовской организации можно формулировать несколько обвинений.

Во-первых, эта организация, которой надлежало быть центральной, делает далеко не все и не потому, чтобы у нее не хватало денег, а потому, что не сумела и не захотела установить нормальных отношений с другими аналогичными и нужными для нас организациями, например, с Красным Крестом, Торгово-промышленным союзом и т.п. Как ни ясно для всех, что работу Красного Креста с Балкан вытолкнуть невозможно, и что флаг Красного Креста необходим для Земгора, в этом последнем заседают люди, которые на все смотрят старыми глазами и по старой привычке заподозривают всех конкурентов в реакционности. Они не оценили и того, что в Красном Кресте, уже после Вашего отъезда, была произведена революция, восстановлено правление, которое было введено еще правительством князя Львова, либеральное, с участием, например, Чайковского. И с этим Красным Крестом они пока все-таки не захотели установить сотрудничества, а потому самая их претензия быть центральным беженским учреждением, через которое должны протекать все средства, ничем не оправдывается.

Второй упрек в расточительном, неэкономном и не всегда целесообразном расходовании средств; этим отличалась всегда работа Земского союза; этим она характеризуется и сейчас. Дорого стоит не содержание самих учреждений, потому что расточители, принципиальные расточители на личное представительство вроде Вырубова здесь редкость, но потому, что всякий третий элемент покоя века не умеет считать казенные деньги; он умеет их только требовать и тратить. Потому он любит создавать явно не по карману нам стоящие предприятия, вроде типографии, о которой я уже не раз Вам писал и которая вовсе не одна в этом роде, что вызывает против них справедливые нарекания.

Третий упрек, что они одержимы систематической страстью тратить деньги, не давая в них отчета; в этом, во-первых, известного рода принцип, унаследованный от старого режима, при котором дача отчета правительству считалась признаком унижения достоинства общественных организаций. В этом, кроме того, прямое нежелание выносить наружу, подвергать публичному суждению случаи слишком дорогих трат на сомнительные предприятия, которые многие из них и сами не одобряют и поэтому охотно замалчивают и скрывают.

Это три упрека, которые я делаю; из-за них ссоримся и пре-
пираемся; но пока деньги идут через нас, а не непосредственно
им, эти дефекты могут быть нами в значительной степени парали-
зованы.

Перехожу к Учредилке.

Мой упрек ей, сделанный в предыдущих письмах, я всецело
поддерживаю. Он состоит в том, что они не активные политики,
а созерцатели. У нас их роль, как в смысле влияния на прави-
тельство, так и в смысле авторитета среди «общественности» но-
левая. Реальный результат их существования — только увеличе-
ние раздоров, которые раздирают нашу эмиграцию. Если Учре-
дилка своим существованием сколько-нибудь полезна в Америке,
я с ней мирюсь; Америка сейчас главное. Здесь же в Париже,
может быть, было бы лучше, если бы она не появлялась; это тем
более досадно, что, если бы деятели ее были более живы, более
активно патриотичны, она могла бы, пожалуй, и здесь сыграть по-
ложительную роль. В последние дни опять целой волной идут
сведения из России, и самые достоверные. Я зашел бы слишком
далеко, если бы стал их пересказывать. Скажу кратко, что основ-
ные идеи, на которых начинает перестраиваться русская жизнь,
демократизм и национализм. Отношение народных масс, и преж-
де всего рабочих (мои последние наблюдатели жили в городах и
потому больше говорят о рабочей среде), — отношение городской
рабочей массы к интеллигенции резко изменилось; после долгого
опыта массы поняли, что интеллигенция им нужна, что они без
нее не обойдутся, и сейчас их окружают всяким уважением и по-
четом. С другой стороны, и интеллигенция изменила свое отноше-
ние к массам; она инстинктивно поняла, что без активной опоры
народа они сделать не могут ничего. И интеллигенция подходит к
народу на иной манер; она несет всю полноту технических зна-
ний, хотя бы и в тех областях, которые близки к политике; но
она пока обрекает себя на вторые роли, идет как будто бы слу-
жить народу, предоставляя ему устраивать жизнь по своему жела-
нию. Отсюда примирение интеллигенции с формой советского уп-
равления, принятие ряда народных лозунгов. А эти лозунги, вы-
думанные самой массой, извлеченные из шкурного опыта, поража-
ют практичностью, иногда наивностью, но все-таки правильно на-
меченным направлением. Они таковы: перевыборы советов, част-
ная собственность, свобода торговли. В области фабричной жизни
— возвращение фабрик прежним хозяевам, только с участием ра-
бочих в контроле и прибылях. Любопытно отношение к иностран-
цам; сознают необходимость иностранного капитала, но не хотят
иностранца-фабриканта; массы думают, что дело иностранцев —
ссудить капитал русским капиталистам, — а они пусть устраи-
ваются, как хотят. Все это довольно наивно, но в основе всего
лежит довольно здоровое чувство: желание управлять самим, сво-
ими людьми; это желание своих питает одинаково и национализм
и демократизм. Отношение массы к политическим партиям преж-

них названий отрицательное потому, что они прежние; большое желание увидеть за границей образование новой, непременно демократической партии, которая бы обдумала программу действий и могла бы явиться за границей глашатаем тех, кто сейчас живет в России. Это желание соответствует Вашим советам; последние мои сведения оправдывают Вашу точку зрения.

Демократическая программа интересна еще тем, что, как Вы правильно указываете в одном из Ваших писем, она будет определенно антисоциалистическая; деятели социалистических партий, будь то эс-эры или эс-деки, признают одинаково, что крушение коммунизма потянет их за собой. Социализм, как таковой, во всех его разновидностях, скомпрометирован коммунизмом. Но демократизм в полном расцвете. Какая бы то ни было попытка перескочить дальше и вернуться к знакомым именам старого режима осуждена на неуспех. Вот те основные мысли, которые могли бы вдохновить деятельность Учредилки, быть той платформой, с которой она бы могла пустить воззвание к России, показать тем, кто в ней остался, что создалась партия и учреждение, вполне одномысленное с настроением, которое господствует в России. Этой задачи Учредилка не исполнила и не исполнит; она козыряет и именами, которые ненавистны, и партийными программами, и партийными организациями, о которых там не хотят слышать. Учредилка тем и слаба для России, что явилась следствием примирения двух старых политических партий, кадет и эс-эров. В этом был ее смысл для эмиграции, но и в этом ее слабость для России. Ни кадеты, ни эс-эры, именно потому, что они старые партии, никаким обаянием в России не пользуются. А само Учредительное собрание как собрание партий социалистических, давно потеряло всякий кредит. Если бы в Учредилке сидели люди более живые, которые бы поняли, что наступил момент создания именно демократической народной партии с определенными, ясными лозунгами, с определенными практическими выводами из них, ибо характерно, что люди, приехавшие из Совдепии, повторяют, что там отлично понимают необходимость блокады, невозможность торговать с Россией, мирятся с этим и менее всего просят соглашения с большевистскими узурпаторами, — если бы Учредилка сумела это сделать и на этой почве притянула бы к себе элементы более правые, ибо там, в России, вовсе не боятся правых людей, когда они не возглавляют движение, а идут в общем фронте, — если бы Учредилка эту задачу не только исполнила, но просто поняла, от нее кое-что и осталось бы. А вместо этого только неудачная пародия на государственные департаменты, игра отчасти в дипломатическое представительство, а отчасти в правительство, а как результат всего — углубление противоречий и раздоров в эмигрантской среде.

Два слова о правых организациях; в них наблюдается усиление деятельности, но характера преимущественно подковырного; они то подставляют ножку Львову, то Учредилке, то Вам лично.

Психологически я их понимаю; им делать нечего, они остались от всего в стороне; у них нет денег, которые как-то текут к другим помимо них; все это для них ново и неприятно; поэтому они суетятся, а благодаря некоторым — не всегда удачным — ходам противников иногда имеют на своей стороне внешнее право. Конечно, самый уязвимый путь для нападений это тот, что мы распоряжаемся государственными деньгами, не имея на то полномочий и, что хуже, не желая в них давать публичных отчетов; вопрос об отчетности у нас, действительно, вопрос больной не только потому, что о многом публично говорить не приходится, но и потому, что Земгор в этом отношении стоит на позиции недопустимой, а некоторые из его трат слишком известны и возбуждают общее недоумение; все это дает повод обвинять нас в том, что мы если не воруем государственные деньги, то распоряжаемся ими произвольно и не экономично, покровительствуя своим единомышленникам. Покупка именина, широкая жизнь Львова и, главное, Вырубова, все эти мелочи в глазах недоброжелателей превращаются в соблазны и скандалы; а у них не хватает такта это учитывать. И спасает их только безукоризненное поведение и репутация отдельных лиц из их среды. Мы пока отстреливаемся от этих обвинений, но не могу скрыть, что даем им поводы.

Теперь перед нами стоит практическая задача, в которой начинает замечаться просвет; под напором французских ультиматумов и насильственных действий, которые трудно оправдать, Врангель уступил, и мы сейчас занимаемся ликвидацией военных лагерей; беда в том, что никто не принимает этих людей даже в виде простых беженцев, если заранее не заплатит за каждую голову такую сумму, что в совокупности наших денег не хватает; обо всем этом Вам расскажет Новицкий, когда придет. Хорошая сторона настоящего момента в том, что мы, наконец, правильно поставили вопрос, хотя и поздно; делаем подсчет того, что может стоить их переселение во все те страны, куда их можно переселить, и сопоставляем с этим как наши наличные деньги, так и иные возможности. Определяется, таким образом, некоторый *forfait*¹, который как всякий *forfait*, как бы он ни был велик, дает по крайней мере твердую позицию для разговоров. Мы будем знать, сколько нам нужно денег, и не будем лить их в бездонную бочку, без всякой надежды ее наполнить, и предвидя день, когда придется все бросить и убежать. Теперь Львов и Зеелер² едут в Белград, чтобы на месте соединенными силами всех элементов, заведующих беженцами, выработать такой план, приблизительные цифры и затем уже посмотреть, откуда и какими надеждами можно его исполнить. Ко всему этому прибавлю, что французы нашли средство, которое доказало нам, и особенно Врангелю, что они, действительно, сильнее нас. До сих пор при угрозах прекратить выдачу пайка мы отвечали с полным убеждением: это невозможно, психологически невозможно. Так это было в действительности. Полное прекращение пайка могло бы вызвать негодование во всем мире,

повести к голодным смертям, к кровопролитию и т.п. Этого французы не делают; они просто начинают систематически понижать паек; после первого же понижения Врангель немедленно из имевшихся в его распоряжении средств пополнил эту разницу, доведя паек до прежней нормы; как только это было сделано, последовало новое понижение. Таким образом, нас могут взять измором.

Теперь я Вам больше писать не буду. Хочу поставить Вам несколько вопросов.

Напишите мне о миссии Вивиани, видели ли Вы его там, какое он произвел впечатление на американцев и вообще, как определяется теперь американская политика.

Отношение американцев к Лондонскому соглашению, смысл их вступления в международные организации и дальнейшие виды на Германию. Дадут ли они деньги за боны Германии.

Отношение их к России и Польше, к большевизму и нам.

Словом, напишите, что хотите, чтобы дать картину того, что происходит в Америке.

Ваш *Маклаков*.

№ 39

Б.А.Бахметев — В.А.Маклакову,
Russian Embassy, Washington

8 июня 1921 г.

Дорогой Василий Алексеевич.

Ваши письма доставили мне самую искреннюю радость и я бесконечно виноват перед Вами, что так задерживаю ответ. Причиной тому всякие стечения обстоятельств: я был в отъезде, у нас временно расстроился писательский аппарат, затем была масса всяких дел и вот лишь теперь я принялся за систематические ответы по огромной накопившейся русской корреспонденции.

Особенное удовольствие мне доставило Ваше письмо от 14 мая. В нем есть какие-то слова истинного прояснения, приходящие из России. Вы не можете себе представить, как мне дорого было услышать от Вас, что мое понимание того, что развивается в России, оправдывается получаемыми Вами письмами. Вообще Вы и я гораздо ближе стоим к общему пониманию, чем это может представиться; и может быть, если смотреть на события с несколько иной точки зрения, я соглашусь с большинством того, о чем Вы пишете в Вашем огромном письме от 15 апреля. Мы только делаем разные выводы, и в этом вся суть.

Сейчас, однако, я не буду касаться наиболее привлекательных тем. Я еще не вполне обдумал свой ответ, а отвечать Вам нелег-

ко — Вы слишком убедительно и талантливо пишете и очень трудно поймать, в чем Вы не правы. Я постараюсь это сделать в самом скором времени. Сейчас буду писать Вам о практических вещах, о приезде Новицкого, об отношениях наших с различными организациями и проч. Вообще придется Вам отвечать по частям, т.к. иначе все устареет или ответ будет каким-то холодным монументом, нагроможденным из отдельных частей. Итак, начнем с Новицкого.

В результате беседы с ним мы написали протокол, в котором содержатся более или менее краткие ответы по всем возбужденным вопросам. В ответах этих Вы увидите известные абзацы, которые будут осуждать ведение дел Финансовым советом. Хочу, чтобы Вы понимали, что я отнюдь не навожу критики. Я скорее думаю, что мое заключение Вам лично будет приятным, так как оно в существенной мере направлено против той самой бесхозяйственности и бессистемности, о которой Вы столь красноречиво пишете. У меня сложилось впечатление из разных сведений, которые я получаю, что в некоторой мере известное направление дел Совета приписывается мне, вернее сказать, наследию тех взаимоотношений, которые установились в период моего пребывания в Париже и которые в настоящее время как бы предопределяют внутренние отношения между различными элементами Совета.

Я понимаю, что именно то преобладающее положение, которое получали до настоящего времени в Совете ходатайства Земгора, отчасти как бы трассируется к поддержке мною Георгия Евгеньевича [Львова] и его учреждений. Вот тут-то я и хочу, чтобы не было никаких недоразумений. Вы достаточно меня знаете, чтобы быть уверенным, что какое-либо политиканство, вообще личные отношения в государственных делах, для меня никогда не играли никакой роли. Я думаю, отсутствие этих свойств, не знаю, качеств или недостатков, составляет скорее слабую сторону моих личных ресурсов. Оценивая создание земгорской организации и определяя, в знаменитом протоколе, что помощь беженцам должна направляться через Земгор, я исходил из совершенно определенного политического положения, которое, как мне казалось в те времена, приводило и Вас и Гирса совершенно к тем же самым результатам. Я до сих пор думаю, что необходимо иметь определенную беспартийную организацию, через которую идет помощь беженцам. Конечно, Земгор разделяет участь всех других русских организаций и не обладает особой действенностью и хозяйственностью. Я думаю, что Вы в общем правы в своей блестящей критике деятельности этого учреждения, что снова напомнило мне, что Вы совершенно несравненный по блеску юрист. Но ведь наше дело — не обвинять только, а делать практическую работу; как-никак, эта организация все же лучше той невероятно сложной и путаной казенной организации, которая управляла финансами и снабжением в Европе во врангелевско-деникинский период и которая привела к той путанице и беспорядку, в которых находятся

европейские финансовые и хозяйственные дела теперь. Ведь полный же скандал, что мы фактически ничего не могли реализовать и получить, что мы потеряли все имущество и все деньги. Пример Америки, казалось бы, скорее свидетельствовал в пользу государственного авторитаризма. Но это — вопрос не принципа, а факта, факты же таковы, что ничего лучшего в Европе придумать нельзя.

За всем тем, я думаю, что в деятельности Земгора, по-видимому, в значительной мере повинен Финансовый совет. Львов один против четырех: два посла, Бернацкий и Новицкий. И отчего Вы так легко дали все переведенные деньги? Каким образом можно было растратить 400.000 долларов за четыре месяца? На что Вы рассчитывали дальше? Почему Вы не потребовали бюджета? Отчего Вы не отказались давать дальнейшие суммы, пока не будет дано точного отчета? Потому ли, что Львов грозился выйти? Если бы он вышел, не желая согласиться с Вашими справедливыми требованиями, одним лежал бы на нем, а не на Вас. Он и не вышел бы, потому что Финансовый совет есть единственный источник получения денег. Для Земгора не было бы выхода, кроме как подчиниться Вашим справедливым настояниям. Вы скажете, у Львова была надежда получить деньги от меня непосредственно. Вы даже пишете мне об этом и стараетесь уговорить меня не обходить Совета. Какие обстоятельства побудили Вас думать, что я могу стать настолько нелояльным к Вам и к созданному в значительной мере по моей же инициативе порядку? Я неоднократно в письмах Львову ясно и определенно говорил, что я твердо стою на почве конституции нашего протокола и что для меня нет иного пути кроме Финансового совета. В телеграммах Гирсу я повторял то же самое, в частности, указывая, что ответственность и отчетность Финансового совета определяются протоколом. Для меня такая ответственность и отчетность сама собою разумеется. На чем основывались суждения Земского союза, понять я не могу. Могу Вас уверить лишь в том, что с моей стороны не было дано даже малейшего повода к подобным заключениям.

Вы мне можете указать, что уступки настояниям Львова были сделаны, так как деньги были мои и так как предполагалось, что вообще я сочувствую Учредилке и Земскому союзу. Я не скрывал своих взглядов и в Париже и считаю, что не ошибся. Учредилка провалилась по крайней мере на 95%, и это — печальный исторический факт, о котором я думаю писать ниже; но если бы я снова был в тех обстоятельствах, в которых я был в январе, я пошел бы по тому же пути. То же я могу сказать про Львова. В той конъюнктуре, в которой мы работали в январе, включение Львова в Совет и работа через его организацию были практически целесообразными мерами. Положение это не изменилось и донныне, хотя каналы работы пополнились реформированным Красным Крестом. Но во всем этом нет ничего личного, а если возникали сомнения, отчего мне не телеграфировали? Вы должны были меня достаточно знать, чтобы предугадать характер моего ответа. Земская

организация всегда исходила из принципа: развернуть работу, а деньги найдутся. Должен признаться, что как ни антигосударствен подобный принцип по существу, в условиях старой России это может быть было целесообразно. Как-никак, мы вели войну в значительной мере наперекор бюрократии; многого можно было достичь, лишь поставив чиновников перед совершившимся фактом. В этой тактике Львов был искусным чародеем и то, что он доставал такие безумные деньги, скорее идет ему в похвалу.

Однако, конечно, обстоятельства круто переменились: во время войны средства на военные потребности были практически безграничны, особенно при нашей склонности обращаться к печатному станку. Теперь это обстоит иначе: Финансовый совет должен был вообще учесть последние запасы валюты и ввести деятельность всех учреждений в бюджетные рамки. Теперь придется закрывать массу созданных учреждений, т.е., оказывается, что значительная часть сумм, Вам переведенных, окажется истраченной зря. Вот причина, побудившая меня высказать пожелание в протокол, чтобы в будущем главнейшие ассигнования производились с моего согласия, и настаивать на бюджетно-отчетном ведении финансового хозяйства.

Что касается главной задачи, по которой приехал Новицкий, то я не очень хочу подробно развивать этот вопрос в письме: он слишком деликатен, чтобы о нем писать. Хочу лишь сказать, что Вы в Париже и русские в Лондоне действительно совершенно в ином круге понятий и взаимоотношений, чем мы, и потому невольно приходите к заключениям и путям, которые более чем далеки от нас. Раз идет дело о сохранении государственных средств, то нельзя не признать той основной истины, что всего более надежен, в конечном счете, откровенный государственный метод их хранения, и раз наше положение позволяет эту роскошь, то мы не имеем ни причин, ни поводов от нее отступать. Происки реакционеров во главе с моим тезкой — бесплодны: им не удастся ничего добиться. Я лично не думаю, чтобы французское правительство даже обратилось с просьбой о захвате наших денег к здешним властям — особенно, если бы в Европе знали, о каких сравнительно ничтожных суммах идет речь. Ведь даже если бы конфисковали все, то это составило бы около двух миллионов долларов, а из них значительная часть несвободна, будучи фактически завязана в различных обязательствах по отношению к американскому правительству и пр. Во всем этом деле повредили всякие слухи о размерах наших денежных запасов; но разве, вообще говоря, Финансовому совету не известны истинные размеры наших фондов, и отчего в таком случае не подорвали всю злостную пропаганду сообщением фактов? Если бы даже что-либо было не известно, почему не запросили? Если бы даже французы и обратились к американцам, то у последних нет никакого иного пути, чем добровольное с нами соглашение. Нас могут лишить официального признания или могут иммобилизовать наши счета — но это предел. Это выведет

деньги из нашего распоряжения, но не передаст их ни в чье ведение. Даже в последнем случае деньги фактически остались бы нетронутыми до образования будущего национального правительства. Это печальный, но вовсе не столь уж плохой исход. От этого пострадают беженцы, пострадает национальное дело в настоящий переходный период, но будущая власть будет донельзя порадована.

Вообще надо немного подумать о том, на какие заграничные ресурсы может рассчитывать восстановившаяся власть? Мы все как-то хотим бросить на потребность минуты. Подобная политика уже стоила нам безумных денег. В связи с этим я давно проникся плюшкинской бережливостью и Ваши, весьма мудрые, советы весьма подкрепляют мое нормальное настроение.

Так вот, дорогой Василий Алексеевич, вкратце те соображения, которые не позволяют нам стать целиком на точку зрения, по-видимому, господствующую в Париже. О том, как мы конкретно разрешаем различные вопросы, Вам расскажет Новицкий. Хочу лишь, от себя лично, добавить, что я крайне скептически отношусь ко всяким схемам сохранения флота, подготовки мобилизации промышленности, колонизационным фондам и пр. Прежде всего, русские за все эти три года неизменно показывали свою способность к прогоранию; кажется, ни одного коммерчески успешного дела никогда еще не было. Во-вторых, смешно с двугривенным в кармане подходить к миллионным предприятиям. В конце концов, все сводится к расходам на изучение, т.е. опять к кормежке каких-то ненужных людей.

Во время моего пребывания в Париже была введена территориальная система расходов, т.е. ведение всеми вопросами в Европе — благотворительной помощью, политическими расходами, трудовой помощью — было возложено на Финансовый совет. Между тем, ко мне сейчас опять поступает вереница писем и всяких жалоб на недостаток средств и т.п. Почему, скажем, не получили поддержки *ouvroir*'ы¹ Касьянова в Швейцарии? Мне их, между прочим, аттестовал с наилучшей стороны американец Brownpe, член исполнительного комитета Лиги обществ Кр[асного] Креста в Женеве. Вы не поддержали «Экономиста»² — весьма полезное начинание, не политическое, а общезкономическое. Неужели 300.000 дол[ларов], переведенных Совету, и 100.000 дол[ларов], переведенных ранее в тройной адрес, было для этого недостаточно?

Видите, я все советую. Но что поделатъ: Вы — член органа, являющегося ответственным распорядителем государственными фондами в Европе. Пока я кончаю и в ближайшем будущем обращусь к более заманчивым вопросам. Хочу лишь поделиться глубокой радостью, которую я ощутил, прочтя в пришедших вчера газетах отчеты о торгово-промышленном съезде³. Ведь, по существу, это есть та концепция крестьянско-купеческой России, о которой я Вам писал после падения Деникина. Но еще более важна не

программа, а манера подхода к вопросам. Наша буржуазия, наконец, поняла, что нельзя спасти России, создав какую-то внешнюю власть. Поскольку можно судить по газетам, господствовавший на съезде дух был именно тем *spirit of service*, а не *rule*⁴, который составляет, по моему мнению, основной оселок в вопросе воссоздания в России центральной государственности. П.П.Рябушинский — фигура символическая⁵: он суетлив, бестолков, всем мешаает в нормальные периоды; но в момент острого напряжения он восстает, как Феникс из пепла, и вырастает до высоты вещания. В этом — его историческая заслуга. И в прошлом он остался верен себе, и теперь. Его слова — это целое мирозерцание и целый переворот. Я считаю, что впервые буржуазия осознала себя и впервые объективная потребность российского воссоздания, которую мы все ощущали, нашла субъект, обрела носителя. Буржуазия выступила на арене, как самодовлеющая сила. Она отмежевалась от реакционных методов; в ней чувствуется какой-то юный задор и уверенность, которые так приятно поражают по сравнению с пессимистическим доктринерством милейшего Петра Бернардовича [Струве]. Он так же безнадежно запутался, как реакционный романтик Шульгин. Читали Вы его замечательную статью «1920 год» во второй книжке «Русской мысли»⁶? Вдумайтесь также в речь Вл. Набокова в Берлине по поводу участия в русском съезде⁷. Обо всем этом я буду Вам писать подробно.

Еще два слова *pro domo sua*⁸, в связи с теперь уже отошедшим в прошлое инцидентом с Бурцевым, Милюковым и т.д. Я поддерживал Учредилку, об этом Вы знаете. Утверждение, что я им дал на прессу — неправильно. Я несколько помог «Последним известиям»*, но в общем я никаких новых ассигнований не делал, а лишь исполнил обещанное. Все это вместе составляет ничтожную сумму, и не Бурцеву и врангельцам ставить это мне в упрек. Я очень подозреваю, что все те средства, которые позволяют существовать и самому Врангелю и его окружающим и представителям в Париже, имеют своим источником перевод в 200.000 дол[ларов], который мы в декабре сделали отсюда на нужды беженцев. Вообще, на беженцев Врангеля, включая последние 400.000 дол[ларов], мы истратили 1.300.000 долларов. Недурненькая сумма, в общем брошенная в воду, так как мы сейчас стоим у того же разбитого корыта, где стояли в декабре. Как ничтожны по сравнению с этим все мои политические расходы! Бурцев интересовался моими ассигнованиями на прессу и возмущался партийным назначением государственных средств. На какие же фонды поддерживается и издается его «Общее дело»? Или он претендует на национальную непогрешимость и монополию? Во всяком случае, для Вашего личного успокоения могу Вам сказать, что я прекращаю материальную поддержку даже в тех скромных размерах, в которых поддерживал раньше. Я написал Авксентьеву, что Учредилка не может далее рассчитывать на помощь с моей стороны,

* Очевидная описка; следует читать: «Последним новостям».

по крайней мере, если она не проявит какой-то необычной деятельности, ожидать чего нет никакого основания. Ну вот, пока до-вольно. Вернусь к беседе с Вами в ближайшем будущем.

Ваш Б.Бахметев.

9 июня 1921 г.

Маленькое послесловие к письму.

На днях я читал исторические речи Ленина на съезде коммунистов⁹. В связи с новой тактикой во всех этих речах есть одна характерная особенность. Говоря о необходимости привлечь крестьян на сторону рабочих, Ленин противопоставляет рабоче-крестьянское соединение власти капиталистов и помещиков. Подобное противопоставление — не просто тактический прием, которым большевики пытаются запугать крестьянские массы и подчинить их своему влиянию: в нем много исторической правды, и правды недавнего времени. В прошлом буржуазия у нас не была самостоятельной, а в общем солидаризировалась с помещичье-бюрократическим государством. В эпоху же военных движений помещичья реставрация была специфично выражена в окружении военных диктаторов, причем промышленность и торговля также полностью и безоговорочно шли за белым военным движением. Я не сомневаюсь, что будущий историк, когда-нибудь лет через 50 или 100, анализируя социальные основы переживаемых нами событий, в общем определит причину неудач военных движений в этом соединении потенциальной реставрации власти капиталистов и землевладельцев.

Нам нужно глубоко вдуматься в этот тактический прием Ленина, который он повторяет с самого начала революции. В нем — ключ вопроса. Необходимо разделить, разделить резко и бесповоротно, помещиков от буржуев по существу¹⁰. Буржуазия великолепно может принять революцию, и ее интересы не только не противоречат крестьянским, но наоборот, слабость нашего торгового развития лежала в бедности крестьянского хозяйства. Отмечаю, что инцидент Рябушинский — Гурко¹¹ весьма символичен. Чем больше об этом думаю, тем больше убеждаюсь, что в этом столкновении может быть заложено начало новой эпохи, ростки тенденций, которым суждено будет правильно распределить социальные силы вокруг главной баррикады и тем самым подготовить почву для восстановления России.

Отсюда вывод: торгово-промышленной буржуазии необходимо поставить себе активную задачу — разорвать окончательно возможность всякого союза крестьян с рабочими и, наоборот, активно спаять буржуазию с крестьянством¹². На днях я услышал интересное предложение по этому поводу, рекомендующее использовать в этих целях кооперацию. Я думаю, что это — вполне возможно, и если бы Торгово-промышленный союз решил вступить

на стезю активной политики и если он способен на это, то надо немедленно начать объединяться с кооперацией на почве крестьянско-купеческой России.

* * *

Еще два слова о Дальнем Востоке. Чем больше я думаю о меркуловском предприятии¹³, в котором, по-видимому, все сильнее разочаровываются японцы, тем больше я прихожу к странному и парадоксальному заключению, что попытки национального движения на Дальнем Востоке не только бесполезны, но и просто вредны. По свидетельству всех, никакое национальное движение невозможно без поддержки японцев, между тем, японская поддержка убивает смысл движения и усиливает большевизм. Таким образом, получается неразрешимое противоречие. Ключ — в том, что положение на Дальнем Востоке не может быть разрешено самостоятельно, и дальневосточная проблема подчинена полностью проблеме общероссийской. Это — очень печальный вывод для тех, кто связывает с движением там личные надежды или стремления. Но основа хорошей политики — это правдивость и искренность к самим себе и отброс каких бы то ни было иллюзий. Так и в этом случае: нужно честно прийти к убеждению, что всякие попытки движения на Дальнем Востоке обречены на неуспех и помогают только большевикам. Вывод ясен — необходимость «полного воздержания».

* * *

К характеристике комитета, избранного Национальным съездом¹⁴. Среди членов фигурирует имя уважаемого промышленного деятеля Ф.А.Иванова, члена Гос. Совета от торговли и промышленности и крупного уральского заводчика¹⁵. В платформе съезда — безоговорочная борьба с большевиками, как мошенниками, и иудами, и предателями. Между тем, насколько я знаю, Ф.А.Иванов входит в группу уральских заводчиков, которые имеют в виду вместе с англичанами получить ряд концессий от большевиков. Концессии эти в общем имеют целью промышленную эксплуатацию Урала. Не можете ли Вы разрешить мое недоумение по поводу этого сопоставления? Я не желаю упрекать Ф.А.Иванова: это вопрос тактики, и многие думают, что идя с большевиками на промышленные соглашения, можно приносить пользу национальной России. Я убежден, в частности, что Ф.А. руководится исключительно национальными и благородными побуждениями. Я только недоумеваю, как это совместимо с гробокопательскими платформами съезда?

Ваш ББ.

Б. А. Бахметев — В. А. Маклакову
Russian Embassy, Washington

27 июня 1921 г.

Дорогой Василий Алексеевич.

Ну вот, наконец, я приступил к обстоятельному ответу на Ваши многочисленные письма. Все это время я был страшно занят и не был в состоянии приступить к весьма важному с моей точки зрения писанию. Я крайне дорожу обменом мыслями с Вами: независимо от удовольствия, это есть почти единственный для меня путь отковыивания ясных и отчетливых понятий. Посему в занятии нашим надлежит видеть нечто более значительное, чем просто переписку с друзьями. Многообразные вопросы, которых Вы касаетесь, относятся к трем областям:

1) положение дел в России, 2) практические вопросы русской политики, включая организацию и 3) международные дела. Свой отчет я начну с последнего вопроса, пожалуй, все же наиболее простого, причем теперь, после того, как письма пролежали почти два месяца, трудно писать по горячим следам. Поэтому буду писать, применяясь к обстановке сегодняшнего дня.

Первый, наиболее важный вопрос — англо-русское соглашение или, вернее говоря, английская политика по отношению к России. Вы поняли мои объяснения в смысле желания Англии быть первой скрипкой в политике относительно России. Вы совершенно справедливо отмечаете, что такое желание не могло явиться основной причиной решения Л[лойд] Джорджа; конечно, нет. Говоря в своем письме о стремлении англичан лишить Америку самостоятельной роли, я отнюдь не имел в виду мелких побуждений, порождаемых тщеславием или спортизмом. Центральной осью моих размышлений было соображение об отношении Англии к возрождению и восстановлению России как таковой. Вина моя, если это было неясно: в то время мои мысли еще не откристаллизовались в отчетливые формы. Теперь, к сожалению, у меня не остается сомнений в том, что я прав, так как почти ежедневно я получаю новые доказательства справедливости моего понимания. Вы ищете разрешения вопроса во влиянии финансовых кругов и связываете англо-советское соглашение с затруднительным положением английского экспорта. Конечно, Ваши рассуждения логически безупречны. Однако информация определенно свидетельствует о том, что широкие круги английского делового мира вполне ясно отдают себе отчет об истинном положении дел в России и не питают иллюзии относительно возможности плодотворных соглашений. Таким образом, несправедливо было бы винить английский деловой мир как целое в активном споспешествовании договору — споспешествовании, вызываемом непосредственными ком-

мерческими потребностями. Наряду с этим имеются совершенно определенные указания на то, что ряд отдельных дельцов, особенно из разряда спекулянтов, были крайне заинтересованы в перспективах хищнических концессий. Конечно, влияние подобных групп было также использовано Л[лойд] Джорджем. Не в меньшей мере, далее, сыграло свою роль еврейство. Вам известно, конечно, что еврейские буржуазные круги значительно изменили свой курс по отношению к Советам. Причины этого изменения в том, что всякое антибольшевистское движение сопровождается погромами. К сожалению, это факт, которого нельзя отрицать, и тут еврейство стоит перед роковым кругом: необходимо бороться с большевизмом как с мировым злом, — но каждое поражение большевизма в России ведет за собой неминуемые насилия над еврейскими массами. Эти обстоятельства побудили американских евреев занять позицию более или менее строгого нейтралитета. С другой стороны мне известно, что английские евреи весьма поддерживали идею соглашения и вели энергичную работу в направлении его осуществления. Но опять-таки, все это лишь часть истины. Главный ключ к пониманию вопроса лежит в области чисто политической и разрешается основным положением, что Англия, как таковая, не желает падения большевистской власти и что ее русская политика в настоящее время сознательно направлена по пути сотрудничества и приспособления.

В большой политике есть всегда две стороны: сторона непосредственно практическая, задача настоящего дня, совокупность вопросов, выдвигаемых переживаемой действительностью и требующих немедленного практического ответа, и сторона глубоких провидений и основных ориентаций. В большинстве случаев все определяется соображениями, относящимися к первой категории; почти никогда государство не формулирует свои пути в свете глубоких и отдаленных предвидений. Но область этих предвидений в существенной мере, хотя часто и в бессознательной форме, определяет практические шаги. Вернее так: известная практика интуитивно отбрасывается, если она противоречит основе национального сознания и, наоборот, известная практика принимается без труда, если по существу она лежит в плоскости подсознательного понимания глубоких национальных путей.

Мне приходится входить в эту философию, чтобы ясно объяснить, почему, раскрывая всю истинную картину русско-английской проблемы, я искренне далек от мысли обвинять англичан в изуверстве и сознательном макиавеллизме. Наоборот, в повседневной политике англичане меньше, чем какой-либо иной народ, разговаривают от общих принципов. Их ориентация и мышление, всегда крайне практические, деловые, при преобладании рассуждений от здравого смысла. Но разбираясь в практических путях, всегда нужно иметь в виду их внутреннее соотношение с основными направлениями глубоких политических ориентаций. Итак, мое основное положение: Англия не желает падения советской власти.

Развал коммунистической автократии и означал бы снова хаос и неопределенность; надо было бы начинать все сначала. К чему приведет анархия, как откристиализуется будущая власть — неизвестно. Опять со стороны Англии потребуются бесконечные усилия и заботы; а между тем сейчас, после трех лет огромных трудностей, Россия сделалась *handable*¹. Советская власть утратила ту остроту и могущество, которые делали ее опасным и неуязвимым врагом. Большевизм ослаб и сделался ручным; с ним можно ладить; открывается путь приспособлений и эволюции, идущий настолько далеко, что в перспективах можно даже ожидать платежей по долгам и некоторых реальных экономических возможностей. Зачем же терять такое положение, которое далось после почти четырех лет сомнений, тревог и расходов? Потому ли, что Советы органически не могут восстановить России, что при них Россия политически и социально осуждена на вымирание? Но разве англичан интересует восстановление России как таковой? Очевидно нет; американцев — да. У американцев с представлением о единой и сильной России связаны широкие перспективы экономического и политического сотрудничества, и потому они мало смущаются периодом временной анархии, в убеждении, что историческая динамика приведет к восстановлению России в таких формах, которые обеспечат ее будущее величие и силу.

Англичане же в этом совсем не заинтересованы, скорее даже наоборот. Я развивал Вам мысль, что восстановленная российская демократия таит в себе огромные великодержавные возможности и что все эти возможности, хотя и не противоречат в глубине вещей интересам Англии, но лишают Великобританию господствующего положения в мировых отношениях; между тем, это господство есть традиционное стремление и привычка Британской империи, тесно связанные как с ее имперской структурой, так и с ее экономическими интересами. Вдобавок, перспектива потери преобладающего положения на мировой арене еще больше обостряется возможностью сотрудничества, сближения России с Америкой. Все это — космогония, но космогония весьма вероятная и даже не слишком отдаленная; приход подобных событий весьма вероятен на нашем с Вами веку, и мы его можем увидеть даже не слишком убежденные седины. Также и экономически: какой интерес Англии развивать в России производство? Зачем ей создавать себе конкурентов? А подобный конкурент весьма ясно вырисовывается в комбинации русских естественных богатств, русского труда и американского капитала. Гораздо, по существу, желательнее, чтобы Россия навсегда осталась аграрно-культурной страной, без самостоятельного промышленного развития, но с широким рынком для иностранного привоза. Правда, в России есть нефть, лес, уголь и руды. Но эти-то именно материалы можно экспортировать путем хищнических концессий, их можно вывозить из России, не оплодотворяя страну, подобно тому, как можно вывозить копру из Полинезии. Все это прекрасно гармонирует с перспективой ки-

таизации России, управляемой тиранической олигархией, правда, называющей себя коммунистическим центром и мечтающей о социальной революции, но фактически представляющей собою ничтожное меньшинство на крестьянском море, способное держаться лишь военной силой и при условии, что какая-то внешняя держава даст те продукты, без которых нельзя удовлетворить крестьянских потребностей.

Китаизация России есть объективная цель современной английской политики, объективная цель, может быть неформулированная и неосознанная. Основным элементом ее является удержание у власти сделавшихся ручными большевиков и борьба с такими переменами, которые сулят временную анархию и новые практические затруднения, а в будущем — демократическое великодержавие и экономическую мощь.

Когда я писал Вам прошлое письмо, я высказывал такое понимание, как предположение. Ныне это — мое прочное убеждение, подкрепленное фактическими доказательствами, что отношение англичан к большевикам давно вышло из чисто отрицательной фазы и что в связи с намерением сохранить советскую власть уже формулируются определенные практические предположения, основанные на надежде соответствующих эволюционных перерождений.

Газеты неправильно передали обстановку, в которой произошло известное решение английского суда по делу Сагора против «Лютера»: надеюсь, в Париже имеется текст судебного решения; если нет, достаньте его: Вы увидите, что в основу решения суда было положено официальное письмо британского Министерства иностранных дел, в котором свидетельствовалось, что большевистская власть признается Великобританией как фактическое правительство России². Странно, что Англия до сих пор не имела мужества откровенно опубликовать акт признания; но, как Вы видите, подобное решение уже сделалось основной частью судебного решения. Вы знаете, конечно, тон и содержание английских ответов на вопросы обеспокоенных французов по поводу обеспечения займов и т.д.; во всем тоне английских ответов сквозит предпосылка непрерывности советской власти. Говорится о том, что власть эта делается все более и более *reasonable*³ и что в скором времени возможно будет стране поднять во всем объеме вопрос об удовлетворении иностранных интересов. Характерна мысль о консорциуме, о каком-то международном учреждении, которое должно взять на себя фактический контроль над русской экономикой. Невольно даже терминология напоминает Китай. Надо разобрать, какие опасности связаны с этим новым направлением английской политики. По существу весьма легко построить логическую цепь аргументов, которая подтвердит возможность осуществления подобного плана. К тому же затея не нова: в прошлом она лежала в затаенных мыслях Протопопова⁴ и в других концепциях цезаристического характера. Крестьянская Россия, раздробленная и рас-

пыленная, управляемая олигархической группой — вполне возможная теоретическая концепция, особенно облегчаемая ныне благодаря полному разрушению города, исходу буржуазии и интеллигенции и фактическому подавлению всякого промежуточного между крестьянством и властью слоя. Если бы олигархическая власть была в состоянии получить из-за границы достаточное количество промышленных продуктов для удовлетворения товарного голода и для налаживания обменного аппарата между крестьянской Россией и мировым рынком, то за мыслью о превращении нашей родины в земледельческую колонию могли бы предполагаться материальные основания.

Что же стоит на пути к осуществлению подобной задачи? Отвечаю: во-первых, те производственные и потребительские навыки, о которых столь умно говорил на торгово-промышленном съезде мой бывший коллега, В.Б.Эльяшевич⁵. Это — та же мысль о традициях и навыках России к формам крупной современной экономики, которую я неоднократно Вам высказывал и которая должна, по-моему, явиться важнейшим фактором в процессе собирания России. Далее, непреодолимое препятствие заложено во внутренних противоречиях подобной политики. Как я отметил, политика китаизации в общем подсознательна. Если бы даже отдельные маньяки британского империализма вполне отдавали себе отчет во всей цепи макиавеллистических замыслов, то им невозможно было бы открыто оперировать этой концепцией в той новой обстановке, в которую Британская империя поставлена благодаря росту влияния доминионов. Осуществить подобный цезаризм можно лишь путем затраты огромных средств, притом немедленно; не только получить эти деньги, но и публично раскрыть эти замыслы совершенно невозможно. В Британской империи развивается очень показательный в смысле перестройки международных отношений процесс, и эти глубокие силы, против которых не устоять старой дипломатии и старым навыкам, также работают в нашу пользу. В конкретной обстановке международного дня английская политика сохранения Советов имеет, несомненно, ряд союзников. Во-первых, Польша. Вы помните рассуждения польской печати в период Кронштадтского восстания. Не менее заинтересована в сохранении расслабленного советского режима и Румыния. Наконец, судя по всему, Германия также медленно вовлекается в орбиту английского водительства. То, что Вы мне прислали о Стиннесе, оказалось не совсем новым; уже с некоторого времени я стал получать доказательства, что мои надежды на новый германский курс в отношении России, в смысле поддержки российского единства и целокупности, не оправдались. Наоборот, у меня стало складываться впечатление, что немцы, разочаровавшись в возможности подчинить своему влиянию русскую демократию и превратить ее в германфильскую, окончательно сосредоточились лишь на игре с двумя крайними группами: с большевиками и крайними реакционерами. Причины понятны: как больше-

вистское, так и монархическое реакционное правительство явятся неизбежно властью слабой, неспособной выявить национальную мощь и трясущейся перед народной стихией. Подобная власть неизбежно будет зависеть от иностранной поддержки. Традиционным немецким вожделям снова рисуются манящие перспективы. Немцы потеряли надежду на Америку и весьма ловко стремятся использовать противоречие европейского положения. В газетах на днях промелькнуло известие, что Англия сговаривается со Стиннесом по вопросу о возможности экономической эксплуатации России. Я не получил подтверждения этих сообщений, но *si non e vero, e ben trovato*⁶: английская позиция китаизации России усилилась бы, если бы в этом деле она могла получить к себе в помощь немцев. Тут, во-первых, исключение Германии из рядов активной оппозиции: представьте себе, насколько было бы трудно осуществление английских планов, если бы Германия пошла в области русской политики за Америкой. К тому же Англия приобретает весьма умелого и опытного сотрудника, весьма полезного для развития хищнических концессий.

Где стоит Франция? Ее настоящие интересы ясны. Ее будущее, поскольку таковое существует — с сильной и единой Россией, но положение ее бесконечно трудно и Францию надо не осуждать, а жалеть: она изошла кровью, она ослабла благодаря героизму и напряжению, она покинута и защемлена между финансовыми тисками и перспективой возрождающейся Германии. В этой обстановке понятен ее милитаризм и хватание за Польшу и другие военные центры восточной Европы, как за соломинку. Германская опасность существует, но вся суть дела в том, что военная опасность есть не дело дня, а дело 15—30 лет вперед. А раз так, то парализование этой опасности лежит не в милитаризации кордонных государств, а в надежде на восстановление России.

Теперь об Америке. Начну с ответа на поставленный Вами вопрос — об отношении Америки с большевизму, к англо-русскому соглашению и прочим очередным делам.

Свое отношение к большевизму новая администрация определила еще в марте, в знаменитом ответе советскому правительству на предложение вступить в торговые сношения⁷. С тех пор резко антибольшевистская позиция не только не ослабла, но, наоборот, усилилась. Этому способствовало не только общее консервативное направление нынешнего правительства, но также и ряд внутренних и внешних обстоятельств. Американский лагерь пережил какие бы то ни было иллюзии относительно большевистского рая: еще на днях, на годовом съезде Американской Федерации Труда снова победил огромным большинством старик Гомперс⁸, с которым отождествляется активная боевая политика против большевизма во всех формах. Ныне заседает в Детройте здешняя социалистическая партия, которая еще в прошлом году проявила явные большевистские наклонности, всячески прославляла Москву и, может

быть, лишь боясь судебного преследования, воздержалась от полной солидарности с Третьим Интернационалом. Голос бывших апологетов большевизма ныне звучит совсем иначе: слышится разочарование; больше того, прямые обвинения в тирании и в смертельных ударах, нанесенных Москвой социализму. С другой стороны, Америка страшно возмущена фактом задержания американцев в русских тюрьмах. Всяческие стремления кружным путем добиться освобождения не привели ни к каким результатам, так как, по-видимому, большевики пытаются играть в кошку и мышку и довольно цинично дают понять, что они немедленно выпустят американцев, но лишь после того, как здешняя власть непосредственно к ним обратится по этому поводу. Этого не произойдет; скорее можно ожидать весьма решительных действий, от которых не поздоровится московским управителям.

Таким образом, с точки зрения основных предпосылок, определяющих отношение к большевизму, со всеми вытекающими практическими последствиями, дело обстоит вполне благополучно. Я полагаю, что твердая и ясная позиция американской власти не останется безызвестной европейским державам. В связи с этим, отношение к англо-русскому соглашению — резко отрицательное и осуждающее. Первоначально вся печать встретила заключение договора как победу большевиков. Теперь постепенно начинают прорываться нотки, правильно определяющие заключение договора как звено намеренного политического плана. Понимание стремления Англии к китаизации России постепенно начинает проникать в американское сознание. Вообще, Америка начинает чувствовать, что во многих областях ее интересы и интересы ее бывших военных союзников — не идентичны, и это сознание, конечно, еще более укрепляет то стремление к изолированному положению, которое явилось основным лозунгом смены власти. В какой мере Америка будет активно стремиться противодействовать китаизации — сейчас еще сказать нельзя. Моя политика целиком направлена на этот вопрос. Значительные затруднения приходится вставлять в лозунгах невмешательства (изолированность и невмешательство — понятия различные, и об этом я буду говорить ниже). Но одно можно сказать твердо: ни на какое участие Америки в разделе и эксплуатации России и в ее китаизации Европа рассчитывать не может; приходится говорить лишь о большей или меньшей степени активного и сознательного противодействия этому процессу. В общем, как симпатии, так и интерес к России у новой власти весьма сильны и, пока что, каждая неделя укрепляет мои надежды и упования.

Вы помните, еще в Париже, да и в письмах, я высказывал Вам свои опасения относительно взглядов новой власти в вопросе о лимитрофах⁹, в частности, о так наз[ываемых] балтийских государствах. Мое предположение, что в этом вопросе республиканская власть будет склонна пересмотреть решения демократической администрации и легко может поддаться искушению временной

практической целесообразности, оказалось не без основания. Несколько недель тому назад вопрос этот стоял в довольно неблагоприятном для нас свете, и я серьезно опасался, что соображения «здравого смысла» и коммерческой целесообразности затмят позицию, основанную, в конце концов, на довольно-таки отвлеченных и далеких соображениях. Пока все обошлось благополучно, хотя вопрос окончательно еще не разрешен. Официальные сферы продолжают усиленно работать над вопросом, и самый факт подробного его обмозгования идет нам на пользу. В основе сомнений американцев, как я могу судить, лежит вопрос: поскольку вообще, в практической политике, можно рассчитывать на более или менее скорое возвращение России? Политика, основанная на поддержке принципа единства, может быть практически оправдана, если восстановление России мыслится, как факт сравнительно недалекого будущего, скажем, нескольких лет. Если же, как толкуют поляки, лимитрофы, да я думаю и не только они одни, возрождение России — дело далекого будущего, 40—50 лет, то, конечно, положение в корне меняется. Я стараюсь обойти этот вопрос и мне кажется, решение, которое я подсказываю, не только тактический отвод, но соответствующая историческому пути справедливая и мудрая линия поведения. Моя политика в значительной степени питается теми же мыслями, которые были положены в основу нашего решения 9 марта. Я говорю, что образование балтийских и вообще окраинных государств есть явление временное, вызванное целиком фактом торжества большевистской власти в России. При существующем положении освободившиеся от советской тирании окраинные государства не могут быть иными, как только самостоятельными. Их стремление ввести гражданский правопорядок и разумную экономику должно вызывать всяческое сочувствие и поддержку. Этим народам в их сношениях с другими странами должны быть незамедлительно предоставлены все те возможности и преимущества, которые приняты между цивилизованными государствами вообще. Этого требуют здравый смысл и признание фактического положения вещей.

Предоставление возможностей и преимуществ равносильно признанию. Я даже не возражаю против этих слов и самого акта признания при условии, однако — и в этом существо дела, — чтобы в акте признания было оговорено, что режим устанавливается, как временная практическая мера, вызываемая преходящими обстоятельствами, и что окончательное правовое определение статуса народностей откладывается до времени «возвращения» России и должно произойти при участии и соглашении последней. Многие пытаются выйти из положения, противопоставляя признание *de facto* признанию *de jure*. Я боюсь этого вербализма. Насколько я знаю, практика международных отношений не определяет существенной разницы между этими понятиями, и сейчас, более, чем когда-либо, опасно играть словами. Центр моего понимания направляется на определение самой меры, как временной,

условной, вызванной необходимостью удовлетворить временную потребность без того, однако, чтобы нарушить суверенные права России; наоборот, должна вполне определенно быть констатирована необходимость в будущем разрешить вопрос при участии России. Я даже выдумал формулу: *de facto governments of provisionally self-dependent states*¹⁰. Слово «provisional» относится, как Вы видите, не к правительству, а к понятию «self-dependent», причем, я думаю, что слово «self-dependent», которое можно перевести «самобытный», здесь более уместно, чем выражение «independent» — самостоятельный, независимый.

Я не знаю, в какой форме отольются окончательные результаты. Понятие о временной независимости не имеет прецедентов в международных отношениях. Но я возражаю на это, говоря, что вообще все нынешнее положение не имеет прецедентов и что нельзя подходить к разрешению вопросов, по существу динамических и временных, используя орудия и прецеденты, созданные практикой для разрешения постоянных, статических отношений. Удобство моей формулы в том, что она исключает всякие суждения о времени восстановления России. В самом деле: государство получает временный статус фактической независимости, вполне обеспечивающий все практические потребности. Подобный статус может продолжаться десятилетиями; конечно, абсолютного юридического суверенитета государства не получают, — а в конце концов нам этого только и надо. Если бы Америка пошла на подобную меру, то вопрос был бы навсегда решен и нам бы ничего больше не грозило. К тому же можно было бы побудить некоторые европейские государства, которые, в конце концов, должны же образумиться и повернуть свою русскую политику на правильный путь, присоединиться к американскому пониманию и пост-фактум истолковать свои акты признания в том смысле, в каком определила их Америка.

Памятуя Ваше справедливое замечание, что у меня «мало знаний», я беседовал с некоторыми выдающимися международными юристами, в частности, с бывшим министром Лансингом. Оказалось, что Лансинг независимо от меня подошел к аналогичному решению вопроса. Он выдвигал мысль об условном, «conditional», признании де-факто правительств, причем он именно говорил об «условном», впредь до восстановления России, признании правительств, совершенно обходя вопрос о признании независимости страны. На днях, много спустя после того, как кристаллизировались мои мысли, литовцы передали мне меморандум, заключающий различные документы, касающиеся международного положения Литвы. Формулы, которыми различные державы определили юридическое положение литовцев, представляют букет вербализма, где неясными словами пытаются затмить истинный смысл принятых решений. Это лишь показывает, как легко присоединить по «правильной» интерпретации.

Если Вам мысль моя понравится, может быть Вы придадите ей присущий Вашим юридическим талантам блеск и обоснование. Но было бы хорошо, если бы эту мысль выдвинули сами русские и, скажем, убедили правительства хотя бы Франции и Италии соответственно интерпретировать статус балтийских государств.

Теперь еще два слова о Литве. Ваша телеграмма о брюссельской конференции¹¹ примерно совпала с посещением меня здесь литовским представителем Вилейкисом, оказавшимся довольно славным, но заурядным адвокатом провинциального типа¹². Я его отчасти ругал за их антирусскую фразеологию и за всякий вздор, который они говорили и писали. Он краснел и извинялся, но я ему сказал, что Россия слишком велика, чтобы обращать внимание на подобные детскости и что я всячески буду ему помогать и поддерживать литовцев. Между прочим, он мне сказал, что, если литовцев никто не поддержит, то им ничего не останется иного, как пойти с поляками на унию. Если бы, говорили они, Америка признала их независимость, то Польша их бы не тронула и т.д. Это, конечно, смешные аргументы, и американцы сразу же указали, что Литва признана самой Польшей и всеми окружающими европейскими державами. Однако все же назначен американский консул в Ковно и этим назначением Литву сравнивали с Эстонией и Латвией. До этих пор Литва расценивалась как-то ниже (консулов вовсе не было), и когда шел вопрос о признании, имелись в виду лишь Латвия и Эстония, а Литва как-то исключалась. Я посылаю Вам текст извещения о назначении консула. В этом тексте много пищи для внутреннего понимания: говорится об *independent government*¹³, а не о независимой стране. Затем подчеркивается, что это не есть признание. Это все уже оговорки, связанные с теми концепциями, о которых я писал выше. Я сильно старался получить какое-нибудь более прямое выступление, но этому помешала та самая идея невмешательства, о которой я уже упоминал.

Таким образом, мы снова подошли вплотную к основным началам американской внешней политики.

Чтобы разобраться в происходящих сейчас течениях в области американской иностранной политики, необходимо вернуться назад, к моменту выборов. Как Вам известно, смена правящей партии и подавляющая победа республиканцев на выборах в прошедшем ноябре внешне прошла под лозунгами, направленными против основ иностранной политики президента Вильсона. Лозунги эти были, по преимуществу, отрицательного характера: долой Лигу Наций, долой вмешательство в европейские дела, Америка для Америки и т.д. Я сознательно употребил слово «внешне», так как по существу те или иные направления господствующего массового мнения, от которого в Америке зависит исход выборов, являются не столько результатом ясно продуманных политических ориентаций, программ или платформ, сколько выражают известный поворот массовой психологии. Также и тут: страна устала от

методов управления Вильсона, методов, которые, при глубоко демократической или, лучше сказать, популистической сущности, были внешне авторитарны; приемы власти раздражали обывателя и антагонизировали профессиональных политиков — клику все еще весьма многочисленную и значительную в Соединенных Штатах. По совокупности обстоятельств вышло, однако, что сравнительно небольшая группа непримиримых республиканцев сумела облечь выборы в форму народного вотума именно против известных направлений внешнеполитических действий. Эта группа сильна, организована и влиятельна в Конгрессе. С ней приходится считаться, несмотря даже на то, что министр иностранных дел, и даже может быть отчасти сам Хардинг, склонны были бы к значительно более мягкой политике. Лично Хьюз, как Вы знаете, принадлежал к той группе прогрессивных республиканцев, которые стояли вообще за Лигу Наций и за Версальский договор с известными изменениями. Пишу «стояли», так как сейчас произошли известные психологические сдвиги, которые, может быть, заставляют даже людей, менее непримиримо настроенных в прошлом, держаться несколько иного практического поведения. Крайнее выражение «непримиримость и озлобленность» нашла в знаменитой речи нового американского посла в Лондоне, который сделал несколько весьма неудачных замечаний, дав грубо материалистическую интерпретацию поводам вступления Америки в мировую войну. Слова Харвея¹⁴, известного вообще своей резкостью и угловатостью, произвели неприятное впечатление в Америке. Подавляющая часть прессы отнеслась к ним с резким осуждением, не исключая газет республиканских. Несомненно, в идеях и психологии, которые сделали возможным невероятное напряжение и героический порыв Америки, не было ничего приближающегося к пониманию Харвея, — наоборот, все вступление в войну было окутано идеализмом и высокими мотивами. Я бы сказал, что иначе американцев не сдвинуть, а сдвинуть их надо было в порыве. В смысле правильной оценки крайне характерна недавняя речь Хьюза на одном университетском торжестве, а также многочисленные выступления самого президента и других членов республиканского Олимпа, выступлений, вращающихся в круговороте высоких мотивов и пр. Вильсон, в общем, был глубоко национален; его сломили не мотивы и побуждения, не высокие принципы, а скорее отступление от них, недостаточная твердость в практических применениях, всего же больше — манера действия.

В Америке, в общем, существует глубокое стремление к международной солидарности; к прочному миру, основанному на справедливых, удовлетворяющих народы, международно-политических разграничениях; сейчас общественное мнение выдвигает идею разоружения, ликвидации международных затруднений путем соглашений и арбитража и широкого принципа открытых дверей и одинаковых возможностей в экономической политике, как противовесу системе монополий и исключительных положе-

ний. Все это является основными, вытекающими из самого существования американского *body politic*¹⁵ началами американского международного действия и в качестве таковых должно быть рассматриваемо как элементы американской внешней политики вообще.

Внешне в практике официально господствует принцип невмешательства. Он нашел яркое выражение в вопросе о Силезии и был официально формулирован в ответе Хьюза полякам, где американский министр иностранных дел сказал, что вопрос об определении границ Польши и Германии не составляет прямого *сесепн*¹⁶ Северо-Американских Соединенных Штатов. Аналогичное соображение руководило нежеланием американцев вмешиваться в литовско-польский спор. Для меня ясно, однако, что подобная редкая и определенная отповедь в сравнительно второстепенных вопросах, удовлетворяющая непримиримо настроенные политические группы, уже теперь перестала быть существом политики в ее целом. Мировая экономическая разруха, в которой жизненно заинтересована Америка, не может быть превзойдена без политических разграничений, и Америка против воли неминуемо будет вовлечена в круговорот мировой политики. Весьма разительным примером тому является согласие Америки на участие в Верховном совете и других международных комиссиях. Насколько я понимаю, европейские кабинеты были поражены неожиданностью такого решения, ожидая, наоборот, отказа. Но они глубоко ошиблись, думая, что согласившаяся на участие в международных советах Америка возвращается к принципу совместных решений. Вот здесь-то выступает тот второй принцип изолированности, о котором я писал выше; Америка, заинтересованная в мировых делах, будет участвовать в заседаниях, но участие это не будет происходить в форме растворения в тех или иных международных образованиях: участие это будет пониматься американцами прежде всего, как практическая возможность ознакомления; далее, в случае необходимости, как возможность влиять на такое решение мировых вопросов, которое соответствует национальным интересам Соединенных Штатов. Это стремление к обособленности есть, прежде всего, реакция против печального опыта Парижской конференции, где, по мнению «публики», искушенные в методах старой дипломатии европейцы «обошли» американцев; с другой стороны это есть отражение той общей психологии недовольства, сказал бы больше, раздражения и отвращения против мотивов, руководящих европейцами в политических делах, и методов, ими применяемых. Это можно вполне понять, лишь окунувшись в американскую жизнь и освоившись с ее психологией. Американцы инстинктивно чувствуют, какая огромная пропасть разделяет стандарты политической морали, мотивы и приемы, обычные здесь, и господствующие в Старом Свете. По моему убеждению, именно эти морально-психологические настроения всего больше отвратили Америку в целом от какой бы то ни было склонности заниматься парижскими договорами. С этими настроениями принуждены счи-

таться и те, более спокойные и рассудительные люди, которые составляли группу mild reservationists¹⁷, т.е. являлись сторонниками подписания мира со сравнительно небольшими изменениями.

Сейчас еще нельзя сказать наверное, как оформится выход Америки из войны и ее участие в мирных договорах; но можно наверное сказать, что американцы ни при каких обстоятельствах не растворятся в европейских комиссиях и что тенденция изолированности и обособленности надолго определит основной тон американских выступлений; в Верховный совет Америка пошла с тем, чтобы знать обстановку, и имеет возможность более непосредственно говорить свое слово. Она попробовала было выступление в новой форме (я имею ввиду переговоры с Германией по поводу репараций, предшествовавшие лондонскому соглашению). Но результат был неудачен.

Основное заключение моего, довольно неясного, писания: невмешательство — временный лозунг, не оправдываемый сущностью дела и питаемый политиканством. События, наоборот, неизбежно вовлекают Америку в круговорот мировых дел. Это участие в мировых делах, однако, будет происходить в рамках обособленности; Америка, как таковая, будет, вероятно, довольно холодно и часто весьма резко и неприятно формулировать свои положения и настаивать на угодных ей решениях. Выступление ее по поводу мандатов и Япа, а также по поводу нефтяных интересов в голландской сфере, — первые признаки такого курса. Не желая быть пророком, я предвижу кислые выражения лиц европейских государственных мужей, когда они на практике ознакомятся с тем, что действительно будет значить американское вступление в международные органы. Всего же неприятнее им будет сознание, что американцы в большинстве случаев будут правы, что на их стороне будут гуманность, историческое провидение, благородство и здравый смысл. Для России вступление Америки в международные дела так же полезно, как и сохранение ее обособленности; главная причина, почему Парижская конференция была столь невыгодна для России, заключается в практическом отказе Америки и Вильсона от своего обособленного положения. Это было сделано по искренним побуждениям, но результат получился плачевный.

Теперь некоторые отдельные вопросы, которые Вас интересуют. Вы спрашиваете о миссии Вивiani; миссия прошла совершенно бесцветно и незаметно. Здешняя печать и общественное мнение не то что считают ее неудачной, а просто не придают ей никакого значения. Никому не было ясно — зачем приехал Вивiani. Никто не считал, что Франция может что-либо получить, потому результат миссии никого не удивил и не заинтересовал. В Америке сохранилась еще значительная доля традиционного сентиментализма по отношению к Франции, и Франция справедливо может считать Соединенные Штаты своим другом. Но американцев раздражает милитаризм, французская политика в Польше и на Востоке Европы вообще. Американцы понимают французскую

энтрансижантность* по отношению к Германии; они склонны даже оправдывать французскую точку зрения необходимостью уничтожения германской опасности. Но, подчеркиваю, это все «понимание» французской точки зрения. Они понимают, но сожалеют, считая, что все это противоречит основному стремлению скорее установить общий мир в Европе и начать экономическое восстановление. Вот почему всякие шаги Франции, направленные к компромиссам или соглашениям, находят здесь живой отклик и сочувствие: победа Бриана, вероятно, встретила гораздо больше сочувствия в нью-йоркской прессе, чем в парижской.

К Германии, как таковой, симпатии мало; кроме известных специфических групп инородного происхождения, американцы в общем еще anti-German, но опять-таки они понимают невозможность уничтожения Германии, необходимость ее экономики для оздоровления Европы и с осуждением относятся к политике, которая огульно, не дифференцируя различных групп, направлена на систематическое унижение Германии, как таковой.

Вы спрашиваете о бондах — купит ли Америка германские бонды. Не знаю; трудно подвести итог и найти равнодействующие: в этом вопросе существуют крайние мнения. Обыватель, в общем, весьма не склонен к покупке каких бы то ни было иностранных ценностей. Он глубоко и высокомерно скептивен к европейским делам вообще, и на всякое предложение участвовать в финансировании европейского государства отвечает отмахистым жестом. Значительный скептицизм в этой области проявляют и германцы американского происхождения. Тут и боязнь потери и, может быть, отчасти, мысль отомстить. В положительном смысле высказываются скорее профессиональные финансисты. Это понятно, причем я недавно слышал мнение, что непосредственные германские бонды будет легче разместить, чем союзные, в случае, если бы европейские государства выпустили свои собственные займы под обеспечение германских обязательств. Германии экономически все же как-то больше верят. К тому же чисто германский элемент в конце концов понял бы, что в случае успеха непосредственного германского займа получается непосредственная американская заинтересованность в германском имперском хозяйстве, что в свою очередь ставило бы немцев политически в очень сильное положение. Мой личный взгляд, если хотите знать, или вернее, догадка, так как, повторяю, я еще не в состоянии суммировать впечатления — что размещение бондов в каком бы то ни было виде встретит большие трудности.

Отношение к Польше — более чем отрицательное. Доля моего польского коллеги нелегка: официальное мнение о польском государстве и государственных людях — самое низкое. Империализм находит, в общем, резкое осуждение. На нью-йоркской бирже польская марка котируется относительно ниже русских царских

* Энтрансижантность (от франц. intransigent) — непримиримость.

рублей. Польша стремится войти в коммерческие договоры и пр., но она должна будет скоро понять, что ей ничего не удастся добиться, прежде чем она введет свою политику в мирное и устойчивое русло. В силезском вопросе общее мнение здесь на стороне Англии. Позиция Л[лойд] Джорджа встретила общую поддержку — и это, кажется, в первый раз за много месяцев, что какой-то политический акт англичан был одобрен. Впрочем, за последние дни англичане стяжали несколько серьезных успехов: к таким, несомненно, относится весьма правильное и умное обращение Л[лойд] Джорджа к враждующим ирландцам с предложением уладить вопрос конференцией. В общем сочувствен также весь тон по отношению к имперской конференции. Вы вспомните, может быть, мои слова еще в 1919 году в Париже, что в британской имперской политике наступает резкий поворот — и не столько даже под влиянием роста рабочей партии, как благодаря тому новому положению, которое приобрели доминионы вследствие войны. Имперская конференция — лучшее доказательство изменения; речь Смутса¹⁸ и заявление других представителей доминионов — это в общеамериканской психологии — «новая дипломатия». Эти отдельные положительные штрихи не изменяют общего осторожного и, скорее недружелюбного, отношения к Англии. Китаизация России и вся политика в Малой Азии не встречают никаких симпатий. Во всем этом резко проводится грань между американскими интересами и приемами и мотивами английской дипломатии. О существовании американских интересов в русском вопросе говорить не приходится: все это давно известно, основное положение о том, что сильная и единая демократическая Россия соответствует прямым и непосредственным интересам американской внешней политики, медленно и непрерывно переходит из области интуитивного понимания в ясно осознанную и определенную цель. Что касается Ближнего Востока, то тенденция политической мысли направляется в сторону провозглашения того же самого принципа «открытых дверей и одинаковых возможностей», который со времен Джона Хейя¹⁹ неизменно продолжает быть краеугольным камнем американской политики на Дальнем Востоке. Интересно отметить, что как на Ближнем, так и на Дальнем Востоке основное содержание будущей русской политики должно будет направляться по тем же линиям.

Какие же выводы следует сделать для определения ближайшей задачи нашей политики? Пишу о ближайших задачах нашей политики, а сам иронически улыбаюсь столь важной и многозначительной фразе. Должен сказать, что все мои мечты, что мы в состоянии вести какую-то политику, разбиваются о печальную действительность. Ни Совещание послов, ни Учредилка, ни вообще какая-либо русская организация политики не ведут. Я сказал бы — нет ясной линии внешнеполитического мышления и в наших русских газетах; очевидно, ее не имеет в русской эмиграции вообще. А между тем отчетливая, ясная политика, основанная на далеком предвидении и, может быть, смелых, но верных догад-

ках, — абсолютно необходима, если только не помириться с мыслью, что разрешение русского вопроса произойдет лишь путем сцепления и смены стихийных обстоятельств, без какого-либо воздействия сознательной воли, построенной на мышлении и предвидении. Берите основную задачу: китаизация России; это — самое главное, об этом надо кричать и трубить. Я уверен, что в самой Англии протест против объективных результатов политики Л[лойд] Джорджа может найти широкий отклик. Франция: всем ее политическим и экономическим интересам политика китаизации России противоречит по существу. То же самое Италия, Чехословакия, Югославия. Да и в самой Германии можно, несомненно, найти много элементов, которые с осуждением отнесутся к наездничеству некоторых промышленных и финансовых кругов. В конце концов ни в одной основной проблеме, ни на Дальнем Востоке, ни на Ближнем, ни в главнейшем, наконец, вопросе об отношении будущей России к тому глубокому процессу, который перевертывает мирозерцание народов и родит новые пути международных отношений и приемов, — нигде мы ничего не сказали, нигде мы ничего не определили, мы молчим, мы отсутствуем. Мы занимаемся мелкими, тривиальными проблемами, спорим из-за Врангеля, возмущаемся англичанами, рукоплещем подачкам — и больше ничего. Струве, в одной из своих статей, весьма правильно рассуждает о старорежимной психологии. Эта старорежимность — явление весьма глубокое, хотя стрелы обвинений П.Б. направлены не по адресу. Я недавно читал мемуары Витте²⁰. Приходится поражаться, как держалась российская государственность; но мы теперь проявляем ту же некультурность, ту же неспособность подняться до современных методов политического мышления, не можем рассуждать в тех же плоскостях и теми же приемами, которыми пользуются цивилизованные народы. Не сердитесь на мои лирические выступления; они вызваны мучающей меня мыслью, что мы теряем время, теряем прекрасные возможности и не только сдаем позиции без боя, но часто не проглатываем пирога, который рука истории сует нам в рот. Возвращаясь к ближайшей задаче, я бы определил ее, как противопоставление на широкой международной арене задачи собирания и укрепления России стремлению ее китаизировать и продолжить ее слабость и разложение; надо ясно формулировать это противоположение и систематически освещая его всеми возможными фактическими материалами, собрать вокруг положительной задачи все те державы, интересы которых положительно требуют восстановления России.

Эта задача не столь уже трудна и вовсе не безнадежна. В ней заинтересованы слишком кровные интересы. С другой стороны, сознательная политика, направленная на поддержку России в отравленном состоянии, слишком уж мерзка и имморальна. Успешное разрешение этой задачи, впрочем, требует активного и конкретного выступления вообще по всем линиям международного фронта. Мы уже делали один раз попытку положительного опре-

деления отношения России к очередным международным задачам: я имею в виду деятельность политической Делегации во время Парижской конференции. Тогда мы были связаны мракобесием и отсталостью Сибири и Деникина. Теперь это делать легче, но, чтобы достичь какого-либо успеха, нужно действовать широко, размашисто и смело. Надо отбросить путы приемов старой дипломатии; имеет же какое-нибудь преимущество внешне безответственное положение, позволяющее говорить от имени будущей России, основываясь на прогнозе.

Вы можете сказать, что нельзя строить политику, основываясь на догадках. Я Вам отвечаю, что в мире нет и не было движения вперед без риска и предвидения. Наступает момент, когда надо принять какие-то глубокие решения. Нужно определить, с кем мы и где; и тот, кто верно догадается — тот победит. Вопрос о том, как это сделать — в значительной мере зависит от будущего, попыток организовать идеологическое национальное представительство. К этой цели я вернусь ниже, в третьей части письма, когда буду говорить об организации. Теперь же заканчиваю первую, международную часть и перехожу ко второй — вопросу о положении дел в России вообще.

Б.

1 июля 1921 г.

Добавка к письму о международной политике, вызванная Вашей телеграммой, запрашивающей о том, как относиться к правительству на Дальнем Востоке.

Мой ответ, конечно, Вас не удовлетворит. Я рекомендую воздержание и лишь указываю, что есть серьезные основания бояться, что в основании всего дела лежит японская выдумка. Главный мой источник информации, помимо, конечно, официальных телеграмм, не имеющих никакого значения, — различные американские источники. Чтобы правильно оценивать эти сведения, надо иметь в виду, что Дальневосточная республика, в общем, не была популярна у американцев. Они считали ее полубольшевистской и рассматривали лишь, в лучшем случае, как известную ступень к более трезвым и практическим образованиям. Поэтому, в общем, надо исключить подозрение, что в оценке переворота играет роль пристрастная психология. Сведения о готовящейся перемене американцы получили за неделю, если не больше, до переворота. Сведения, весьма конкретные, указывали, что произойдет и рассматривали весь комплот как действие, исходящее от японцев и ими поддерживаемое. По некоторым сведениям, за достоверность которых не могу ручаться, недели за две до переворота в Токио было совещание главных японских деятелей по вопросу о будущей политике на русском Дальнем Востоке. Вы знаете, конечно, что либеральная партия давно настаивает на эвакуации войск. На заседании, будто бы, присутствовал главнокомандующий оккупационными войсками в русском Дальнем Востоке, который, защи-

щая необходимость продолжения оккупации, будто бы заявил, что скоро произойдут события, которые докажут правильность его точки зрения.

Сведения об этом совещании, если только это не легенда, напоминают старые русские времена, когда полиция устраивала покушения и беспорядки, чтобы оправдать продолжение чрезвычайных положений.

Как-никак, переворот совершился. По американским сведениям, люди, вошедшие в состав нового правительства — невысокого калибра. Я знаю одного — «министра иностранных дел», Колесникова²¹. Это — бывший мелкий служащий Министерства земледелия, в свое время служивший в Америке у В.Н.Башкирова²². Последний отзывается о новом руководителе ведомства как о дрянном и маленьком человеке. В общем, вся американская информация свидетельствует в один голос, что движением руководят японцы, и что группа — резко реакционна, настолько, что Семенов признается либеральным. Конечно, они написали всякие демократические слова, — но кто же их и когда не писал? Я думаю, даже д-р Дубровин²³ и Н.Е.Марков теперь не обошлись бы без Учредительного собрания. Интересен инцидент с Семеновым. Вы знаете, что японское посольство в Лондоне опубликовало заявление, где отрицалось всякое соучастие японцев в неудачной попытке Семенова высадиться во Владивостоке; на самом деле, Семенов приехал на японском пароходе; это — факт. Остальное мне неизвестно и окутано таинственностью. Судя по некоторым сведениям, японцы уже разочаровались во Владивостоке и разговаривают снова с Читой²⁴. Общее мнение русских с Дальнего Востока, заслуживающих доверия и настроенных скорее консервативно, что корней у нового образования нет, что как только японцы лишат новое правительство поддержки, оно слетит.

Я воздержался от всяких сношений с правительством, а также от выражения публично какого-либо мнения, думая, что лучше дать обстоятельством выяснить истинную сущность происшедшего. Лично я не вижу причин радоваться и нахожу, что циркулярное оповещение из Парижа было преждевременно. Мои сомнения основаны на глубоком убеждении, что все, связанное с японцами, обречено вперед на успех и только укрепляет большевиков, так как последние представляются в глазах населения единственной силой, последовательно борющейся против японского влияния. Этим, по-моему, объясняется и тот непонятный факт, почему во главе дальневосточного правительства, опирающегося на избранное собрание, в подавляющем составе меньшевистское, стояли два бывших большевика — Юрин²⁵ и Краснощеков. Я склонен был понимать это явление, как удовлетворение народной психологии иметь во главе управления людей, связанных органически с антияпонской ориентацией. Боюсь, что буржуазия, вообще средний класс на Дальнем Востоке сыграл ту же роль, которую играла московская знать и верхние слои купечества в Смутное время.

Я был весьма низкого мнения об абсолютных качествах дальневосточного правительства, но это, во всяком случае, в общем была не большевистская власть: провозглашена была частная собственность, и весь дух и строй республики был в общем не лучше и не хуже того, чего можно было ожидать от буферного государства, соприкасающегося с неразложившейся еще большевистской Россией; улучшения можно было ожидать в будущем лишь по мере того, как влияние большевиков из центра ослаблялось бы. Но все это — соображения исторической динамики, которая органически непонятна нашей старорежимной психологии. Я очень боюсь, что в результате влияния большевиков на Дальнем Востоке не только не ослабнет, но усилится: Меркуловы²⁶ слетят, и вместо розового мы получим уже ярко-пунцовый, если не совсем красный цвет. Разочарованным японцам, по всей вероятности, не останется ничего больше, как разговаривать с большевиками, что теперь на основании опыта с Англией делается возможным. Весь комплекс взаимных интересов, поведший к заключению англо-советского соглашения, может с таким же успехом быть применен и к японо-советскому договору. Аналогия может пойти далеко, очень далеко; ведь и для японцев крайне полезна пребывающая в перманентном полупрокаженном состоянии Россия.

Вы знаете, многие считают, что оздоровление России должно пойти с Дальнего Востока. Я, не возражая, мало верю таким теориям. Ничего здорового нигде не может быть, пока мы не избавимся от отравляющего русскую жизнь внутреннего порока.

Я посылаю это письмо, не дожидаясь следующих томов. 15-го я уезжаю в Калифорнию недели на две, хочу и отдохнуть и повидать людей. Думаю много о том, как организовать правильное политическое воздействие в Англии и доминионах: это совершенно необходимо, мы упускаем большие возможности.

Искренне Ваш [Подпись]

5 июля 1921 г.

Прочитал продиктованное Вам письмо и не вполне удовлетворен его содержанием. Все это время меня теребили и не давали сосредоточиться и я писал невольно урывками. Сейчас особенно трудно, так как оказывается, что я через пять дней еду в Калифорнию и потому придется остальные части писем сократить.

Хочу сделать несколько замечаний, дополняющих и разъясняющих написанное.

По вопросу о подсознательном и сознательном элементах в английской политике. Тот факт, что она подсознательна, дает ключ к борьбе с ней. Нужно выявлять ее объективное значение, и я убежден, что даже если бы в самой Англии показать, к чему фактически приводит англо-русское соглашение и развертывающаяся вокруг него практика, то мы получили бы к себе значительную симпатию и значительно затормозили бы игру направленных против нас элементов.

Вопрос о земледельческой колонии. По существу есть значительная разница между добывающей и обрабатывающей промышленностью вообще. Между тем как обрабатывающая промышленность оплодотворяет страну, возможно значительное развитие добывающей без того, чтобы страна получала какие-либо серьезные преимущества. Агрикультурная колония с добывающей промышленностью в форме хищнических концессий — вот экономическая формула для слабой России.

Вопрос об окраинных государствах. Очень жаль, что Национальный съезд ограничился разговорами о желательности соглашений и не сформулировал никакой конкретной политики. Факт, что собравшиеся в таком количестве выдающиеся русские люди не сумели предложить никакой формы и никакого настоящего пути — не только печален, но вреден, и сейчас дело обстоит хуже, чем было несколько недель назад. В частности о Литве: по моему, положение улучшилось. Заседание Лиги прошло безопасно, окончилось *en queue de poisson*²⁷, а пыл Польши крайне смягчен, как опытом в Силезии, так и неслышанным падением марки. Кстати сказать, здесь в Конгрессе был запрос по поводу польско-литовских отношений. Друзьям Литвы или, вернее, противникам Польши удалось обратить на вопрос внимание крупных газет.

Говоря о Японии, Англии и, вообще, об очередных проблемах мировой политики. В русских газетах усиленно проводится схема, что ось мировой политики передвигается в Тихий океан. В связи с этим произносятся всякие слова о неминуемых конфликтах и проч. Я далек от того, чтобы отрицать серьезность положения и закрывать глаза на психологическую обостренность вопроса. Но те, которые продолжают мыслить мировые отношения в плоскости войны и только войны — глубоко ошибаются. Для них, по-видимому, весь опыт последних семи лет прошел даром. Они не учитывают основной перемены, явившейся следствием войны. До 1914 г. правительства управляли государствами и народами; ныне — правительствам дай Бог сохранить государства. Ощущение огромной ответственности и учет народной психологии, желающей мира, несомненно, превалируют и в Англии и в Америке. Здесь это приводит к странному и на первый взгляд противоречивому сочетанию демагогического шовинизма по отношению ко всему, что исходит из Японии, со все растущим укрепляющимся требованием ограничения вооружений. Не менее характерен известный задор по отношению к Англии, наряду с крепнущим сознанием, особенно в правительственных кругах, что сохранение мира и недопущение мировых потрясений требует согласованных действий с Британской империей. За последние две недели я чувствую, что это сознание укрепилось в высших кругах и оно не исключает различия интересов во многих областях. Но англо-американская «дружба» требуется для обеспечения непосредственной и высшей цели, в которой заинтересованы оба государства. Я думаю, что стремление сговориться весьма сильно и искренне в

Англии. Британская империя, несмотря на внешний успех, вышла из войны сильно подорванной и с задачами огромной трудности. Имперская конференция внешне окончилась ничем и ясно показала эти трудности. Мое глубочайшее убеждение, что ни Англия, ни Америка не хотят осложнений в Тихом океане и что не хотят они этого глубоко и искренне — а раз так, то ничего и не произойдет. Япония одна ничего не может сделать; к тому же ей самой придется нелегко: страна она маленькая, без больших ресурсов и пытаться за имперскими гигантами в морских вооружениях ей трудно. Затем, если бы Япония была разбита в открытой войне, то это означало бы ее конец — конец навсегда, так как второй раз повторить историю последних десятилетий, конечно, не будет возможно.

Вообще мировая мысль — и не только народов, но и правительств, по крайней мере самых главных, работает по преимуществу в плоскости не войны, а мира. Ищут путей и возможностей восстановить мирное житье и экономическое процветание. Это особенно верно для Англии, опять-таки по причинам коренного изменения внутренних отношений между основными частями империи. Справедливость этого положения распространяется не только на Тихий океан, но и на Европу. Практическая политика будет всегда равнодействующей известных навыков — чисто империалистических побуждений и этой, повелительно диктуемой новой потребности. Вы понимаете теперь, почему мне кажется бороться с самым опасным последствием англо-русского соглашения возможно, вскрывая его истинную объективную сущность.

[Подпись]

№ 41

Б. А. Бахметев — В. А. Маклакову
Russian Embassy, Washington

6 июля 1921 года

Дорогой Василий Алексеевич,

Приступаю к ответам на те части Ваших писем, где Вы касаетесь русских дел, вообще, и русских организаций за границей, в частности. Приступаю с ощущением, что вряд ли что-либо напишу интересное и свежее. Во-первых, я чувствую огромную умственную усталость и мне трудно даже выражать мысли. Нет никакого воодушевления, и желание — просто отдохнуть. Я это тем более ощущаю, что, перечитав Ваше замечательное письмо от 15 апреля, резко вижу разницу тех настроений, той силы убеждения и порыва, которыми оно все проникнуто, с временно затухшим состоянием моей ментальности. Вы писали, по-видимому, наболевшие

мысли; я чувствую, что в этом письме содержится тот самый знаменитый разговор о большевизме, которого мы, в парижской суе и глупом распределении времени, так и не имели с Вами.

Перечитывая Ваше письмо, я чувствовал, что я почти во всем с Вами согласен. Поскольку Вы касаетесь анализа происходящих в России событий, поскольку вскрываете всю неудовлетворительность парижских организаций — все это, к сожалению, верно. Я бы высказал то же, но с меньшей силой и талантливостью. Я не согласен, однако, с Вашими практическими выводами и протестую внутренне очень сильно против лично Вами занятой позиции: Вы все критикуете, все поносите — и не говорите, что же нужно делать? Это было бы простительно, если бы Вы не понимали, в чем дело — но ведь Вы же понимаете, и понимаете так глубоко и правильно. Тогда почему же Вы не предложите правильного, по Вашему мнению, пути? Итак, с выводами Вашими я не всегда согласен, а в некоторых случаях и в корне расхожусь. Впрочем, Ваше письмо от 14 мая и здесь делает для меня излишним многое. Во всей Вашей характеристике происходящих в России событий, которую Вы даете в письме от 14 мая и во всей оценке задач, стоящих, будем говорить, не перед интеллигенцией вообще, а перед тем, что представляем мы с Вами, — интеллигентами-государственниками — у меня нет с Вами спора. Я уже в одном из писем отмечал то глубокое удовлетворение и радость, которые Вы мне доставили Вашим письмом; подтверждая, на основании непосредственных сведений из России, справедливость моих догадок и практичность моих советов. К сожалению, и вот в этом весь трагизм, мудрые советы пока еще бесполезны. Опасаюсь, что еще не пришло время и не созрела та обстановка, не совершились те внутренние процессы, которые готовят русскую ткань для восприятия соответствующих ориентаций и волевых импульсов. Вот это, может быть, главное, что меня лишает воодушевления в переписке.

Когда я Вам писал о новом курсе после падения Деникина и в момент Крымской катастрофы, я чувствовал, что необходимо формулировать что-то новое и отбросить что-то старое. Тогда самый факт формулирования был важен, так как, хотя бы идеологически, надо было выйти из узла противоречий, в котором запуталось русское национальное движение и хотя бы теоретически правильно показать пути к исходу. Это было сделано; пути ясны и ничего иного сказать нельзя. Каждый день подтверждает правильность принятой точки зрения, но сейчас нужно не умствование, а работа, не теоретизирование, а приспособление — приспособление, конечно, не в смысле соглашательства с большевиками, против чего я буду писать ниже.

Ну-с, все-таки необходимо приступить.

Прежде всего, что правильно и что неправильно, с моей точки зрения, в Вашем письме от 15 апреля. Вы справедливо ограничиваете непосредственный результат крестьянских восстаний и пра-

вильно пишете, что большевизм падет только тогда, когда сломается до конца весь правительственный аппарат в России. Тогда, вместо большевистского режима, наступит полоса анархии, которая, как Вы пишете, долго не продлится. Но все же это процесс такой, при котором российской эмиграции всего менее можно являться в Россию в качестве правительства с какой-то программой. Потому выработать программу и создавать правительство — несвоевременно. Вы дальше говорите, что основа власти в России родится в ней самой, явится из недр большевизма и что восстания вообще — начало конца, но только большевизма, а не большевиков. Практический вывод, который Вы из этого делаете, заключается в том, что изменятся большевики — как в смысле лиц, непосредственно стоящих у власти, так в смысле направления остальных, и потому практический путь — обдумывать те этапы, на которых, с помощью самих большевиков, надо их уничтожить. Но это значит вступать с ними в переговоры, идти с ними на соглашение. Тут Вы останавливаетесь, отмечая, что это — постановка вопроса, которую Вы считали бы правильной, но которая должна остаться между нами, так как вслух говорить о ней — значит увеличивать смуту в умах.

Мое понимание таково: дело не в одних крестьянских восстаниях, а дело в общем народном движении, движении всего населения, органически направленном против большевиков и их вытесняющем. Это движение — не только отрицательное: в нем есть глубоко и органически положительные стороны. В России существуют два полюса: один полюс — большевистско-правительственный, другой — народный. Отличие того подготовительного революционного процесса, который происходит внутри России, от подобных процессов в других революциях — в том, что между этими полюсами имеются лишь отталкивания. Никакого притяжения, никакого взаимодействия, никакого сотрудничества нет. Всякое правительство в прошлом, даже самое самодержавное, не только брало, но и давало народу, и население в общем участвовало в организованной государственной жизни. Население имело привычку пользоваться, а потому и считаться с властью, получая от власти нечто реальное и необходимое. Следствием всего этого и был факт, на который Вы правильно указываете, что в прошлых революциях одна власть сменяла другую и, сменив, управляла страной, в значительной мере пользуясь старым административным аппаратом. Вы правы в том, что теперь этого не будет, так как народная полюсность от правительственной ничего не получает. Последняя только вымогает и преследует. Таким образом, постепенно, в процессе развития, складываются две России: одна — пока еще внешне сохраняющая подобие централизованного государства, и другая — внутренняя, со своей организацией, психологией, пониманием и волей, Россия, слагающаяся вокруг чисто отрицательных действий спасения жизни и спасения себя от правительственного воздействия, но все-таки Россия, организую-

щая сильные политические и социальные атомы, из которых в будущем, путем интеграции, и родится обновленная родина. Народная полюсность постепенно вытесняет большевистскую полюсность, вытесняет целиком, без остатка. Я думаю, Вы правы, что на девять десятых в России большевизма уже нет. В процессе этого вытеснения огромную роль играют уступки, на которые принужден идти Ленин. Эти отступления не от теории или цели большевизма, это — отступление перед победоносными фактами, уступки, которые делаются во имя спасения большевистской власти. Они являются трещинами в большевистской плотине, через которую хлещет волна народной стихии и подрывает самые корни большевистского здания. Каждая уступка открывает новые возможности народной полюсности, и после каждой реформы большевистский государственный аппарат слабеет, а народная организованность крепнет и расширяется. Таким образом, как Вы справедливо говорите, все движется, все находится в эволюции. Но вот здесь и есть главное различие между тем, что Вы пишете в первом Вашем письме, и моими мыслями.

Вы говорите об эволюции, если не большевизма, то большевиков, думая, что даже окончательный результат этой глубокой социальной динамики произойдет под главенством нынешних вождей¹. Я же, наоборот, вижу во всем этом исключительно не эволюцию большевиков, а только динамику событий. Эволюционирует русская жизнь, крепнет та самая демократия, о которой Вы пишете в Вашем первом письме, национальная демократия, которая по существу несовместима ни с каким, даже сильно эволюционировавшим большевизмом. Во втором письме, впрочем, Вы отмечаете тот резкий антибольшевистский дух, которым дышит Россия. Эта глубоко народная психология интуитивно отражает глубокую и бесспорную социологическую истину, что большевизм как таковой, как известная политическая и экономическая система, не способен к эволюции и не может путем непрерывных изменений перейти в тот политико-экономический строй, основанный на принципе народовластия, частной собственности и экономической свободы, который является предпосылкой восстановления России и основой ее будущего строя. Разные мелкие пичужки, разные маленькие люди, которые год тому назад называли себя большевиками, могут переменить точку зрения и стать буржуйчиками и демократами. Иначе и быть не может, так как, вообще, суть истории в замене различных фаз, характеризуемых тем или иным состоянием народного ума и ориентации. Но именно на верхах, где по необходимости известные принципы должны проводиться и поддерживаться с отчетливостью и целостностью, этот непрерывный переход от одного полюса к другому невозможен. Тут необходим разрыв непрерывности, выражаясь математическим языком, разрыв, который мы ежечасно видим в химии, физике, биологии, вообще, во всех явлениях природы. Для того, чтобы этот социальный разрыв произошел, одна полюсность должна ос-

лабиться до значительных пределов, другая, наоборот, должна укрепиться и организоваться. Момент взрыва определить нельзя и неправильно исключать его приход ссылкой на слабость восстания, возможность подавления любого крестьянского беспорядка, организованного кучкой, и проч. Все это так, и было не менее правильно в 1917 г., вообще во времена всех революций; но я всегда Вам повторял, что революции совершаются не в силу организации и вообще представляют собою не результат столкновения каких-то материальных организованных сил, а относятся исключительно к области психологических явлений. Успешная революция связана с внезапным и бурным изменением массовой психологии, заражающей и увлекающей войска и другие органы охраны старой власти, внезапно, через психологическую заразу перенося фактическую власть в руки восставшего народа.

Как Вы видите, я не верю в эволюцию большевиков, наоборот, убежден, что на известной ступени произойдет насильственная смена и потому, конечно, отбрасываю всякие идеи соглашательства, как бесполезные и противоречащие существу дела. Усилия наши должны быть направлены на организацию и прояснение народной полюсности.

Особый характер этих полюсностей и, как я отмечал, присутствие лишь отрицательных сил отталкивания исключает перспективу смены одной власти другой. Я в этом совершенно убежден и с этим примирился, как с печальной неизбежностью. Я пришел к убеждению, что одним из основных результатов большевистского режима является то, что на смену его в России вообще не может прийти никакая центральная власть². В этом, между прочим, кроется внутренняя безнадежность всяких реакционных попыток. По существу можно долго спорить о том, хороша или плоха реакция, и не лучше ли все же хотя бы реакционная централизованная власть, которая, по Вашему выражению, нас ударит больно, но все же — власть. Я к этим спорам отношусь совершенно равнодушно, так как, по-моему, для них нет почвы. Повторяю, по моему убеждению, непосредственным наследником большевиков не может быть никакая центральная власть. Если бы Врангель со своей армией пришел в Москву и пытался чем-то управлять, то он оказался бы совершенно в том же положении по отношению к народной стихии, в каком оказывались большевики. Он также должен был бы встретиться с отсутствием желания подчиняться, о которое разбились большевики и которое явилось следствием чисто отрицательного, паразитического характера их управления. Он также бессилен был бы помочь народу экономически, и единственный путь, которым армия могла бы питать себя — были бы те же насильственные реквизиции с подавлением всякого сопротивления, которые характеризовали большевистскую власть. Большевики вообще показали наибольшую способность к активной воле, наибольший централизованный энтузиазм и наибольшую действенность. Если можно говорить о власти вообще, опери-

рующей над народом и использующей известный механизм принуждения, то большевики в этом деле были высшими виртуозами, и если они провалились, то провалятся и все иные. Единственно возможно, если бы эти иные пришли в Москву, опираясь как на внешний источник материальной силы, так и на внешний, независимый от России, источник финансового и материального снабжения. Другими словами, если восстановление России сделалось сознательной целью какой-то внешней державы, способной уделить для этого военные материалы, пищу и снабжение. Но это равносильно завоеванию; это такая форма интервенции, которая невозможна, даже если бы ее кто и желал. Она еще менее осуществима, чем захват России через большевистский цезаризм, о котором я писал в предыдущем письме, трактуя об объективных задачах английской политики.

Струве на Национальном съезде³ произнес весьма умную речь — быть может, единственно интересное, что вообще говорилось. Он теоретически правильно установил две фазы будущей русской экономики — эпоху спасательную и эпоху экономического развития. Но первая предполагает существование власти, которая способна мобилизовать ресурсы страны, вообще управлять Россией. Струве ошибается, молчаливо предполагая эту неосуществимую предпосылку. Наследие большевиков в том, что власть явится лишь в результате второго органического процесса, в котором укрепление власти и форм государственности будет сопровождать органическое восстановление народного хозяйства. Спасательного процесса, как некоторого законченного круга действий, характеризваемого особыми чрезвычайными мерами и предшествующего органическому процессу — не будет, и спасения только можно будет ожидать от органической самодеятельности изнутри. Это — глубоко трагический факт, обрекающий, может быть, нас на перспективу голодания, сплошного вымирания в частях массового переселения⁴.

Вы спросите меня, куда же делся мой оптимизм, Вы скажете, что я пессимистичнее Вас. Но разве я когда-нибудь закрывал глаза на трудности, на неизбежность невероятных страданий и мучений? Я просто принимаю это как должное, и мой оптимизм относится к результатам процесса и, я сказал бы, еще к быстроте его движения. Процесс разложения большевиков происходит невероятно быстро, быстрее, чем можно было ожидать, и странно, что Национальный съезд даже не обмолвился по поводу нового курса Ленина и вообще всего трещания большевистской надстройки. Вот эта-то быстрота и питает преимущественно мой оптимизм, и сейчас, собственно говоря, я настроен гораздо более оптимистически, гораздо более воодушевленно, чем год тому назад, когда так много писалось о неприступности перекопских позиций. Я вижу и ощущаю эту историческую динамику и ощущаю ростки тех настроений и той психологии, которая необходима для успеха.

Тут мы подходим к другому очень важному пункту: кто же явится носителем восстановления России? Скажу больше: какие психологические перерождения необходимы, хотя бы в интеллигенции, чтобы новая фаза была реально возможна? Отвечу опять парадоксом: одна из причин, почему большевизм так долго держался, в том, что у него не было еще наследников. Раньше, чем исторические фазы делаются реальностью, они должны существовать в понимании и в воле будущих носителей. Носители этой новой, органически демократической психологии, по крайней мере среди интеллигенции в широком смысле, еще не родились, и это — показатель того, что час большевиков еще окончательно не прошел. Все наши демократы в прошлом исходили из идеи опеки над народом. Даже русское революционное народничество, в конце концов, рассматривало народ как объект, которым во имя его же блага, должны руководить какие-то просвещенные идеалисты. Эта психология в уродливой форме лежит в основе большевизма, психологией этой дышит варяжская теория, как я в шутку окрестил направление, исповедуемое Шульгиным, Струве, Набоковым и вообще огромным большинством русской эмиграции, которое сгруппировалось вокруг константинопольских и парижских так называемых национальных образований⁵. Сущность этой варяжской психологии заключается в глубоком недоверии к творческим силам нации как таковой. В лучшем случае народ может свергнуть большевиков, т.е. совершить чисто отрицательный акт, но ничего положительного он построить не может. Это ясно сказал Шульгин, весьма красноречиво доказывая Струве; в наиболее, может быть, простой, а потому и естественной форме проявилось это понимание у Набокова, у которого вообще сказался его правоведческий атавизм. Как это ни странно, но весь Национальный съезд не пошел дальше той государственной психологии, в которой воспитывали учеников Училища правоведения⁶.

Относительно роли интеллигенции в Ваших письмах есть две глубоко правильные мысли, правильные, конечно, с моей точки зрения, потому что они совершенно совпадают с теми, что я исповедую. Вы пишете, что массы поняли, что интеллигенция им нужна и что сейчас интеллигентов окружают всяким уважением и почетом. С другой стороны, Вы отмечаете, что и интеллигенция подходит к народу на иной манер. Она несет полноту технических знаний, идет как бы служить народу. Вы глубоко правы. Кажется, я писал Вам о той формуле, которой я здесь широко пользуюсь, говоря, что лишь то правительство сможет иметь успех в России, которое будет не *government of rule*, но *government of service*⁷, что правительство это должно отказаться от мысли кем-то непосредственно управлять и кому-то навязывать свои желания. Наоборот, правительство должно помочь населению осуществить и наладить тот государственный аппарат, который необходим населению для его экономических нужд и для удовлетворения его

национального духа, и который само население пожелает построить при участии и помощи просвещенных сил⁸. Вот эта-то психология готовности служить должна предшествовать возможности смены большевизма и то, что Вы пишете об этом, притом ссылаясь на письма из России, а также пишут и разные другие лица, свидетельствует, что начало конца — близко. Огромным удовлетворением для меня в этой мысли явился торгово-промышленный съезд. Еще в ноябре торгово-промышленники, в общем, безнадежно плелись в хвосте варягов. На съезде же прозвучали новые самостоятельные ноты, надеюсь, искренние ноты, впервые выявившие буржуазию, как силу с самостоятельным классовым самосознанием, с пониманием своей роли и своих непосредственных задач. Инцидент с Гурко — символичен⁹. Будущее России не может быть ничем иным, как буржуазно-демократическим, но для того, чтобы такие перспективы осуществились, необходимо, чтобы буржуа растворились в демократии, т.е. сделались такими же составными частями народа, какими они являются в Америке, в английских колониях и т.д. Для этого надо резко порвать со старорежимностью, и П.П.Рябушинский это сделал.

Почему же, спрашиваю я Вас, Вы не хотите открыто делать тех выводов, к которым Вы приходите? Я не говорю о соглашательстве с большевиками, потому что этого не требуется и, судя по письму Вашему от 14 мая, непосредственные сведения из России, которые в конечном исходе являются основным оселком, на котором нужно проверять всякие умствования, определенно свидетельствуют против подобной тактики. Отчего же, спрашиваю я, Вы, с Вашим блеском, талантом, поразительным анализом и другими всякими качествами, молчите? Отчего, так прекрасно понимая сущность происходящих в России процессов, столь справедливо осуждая бесполезность и ветошность тех понятий, в которых мы пока вращаемся, Вы храните это драгоценное понимание для себя? Я пишу это не с целью упрека, я знаю, как трудно — трудно потому, что все окружение, большинство друзей — органически связаны с отжившей ныне психологией. Я пишу это с целью только убедить Вас открыть Ваше настоящее лицо, сказать то, что вы думаете о вещах и явиться одним из новых центров кристаллизации мысли и новой психологии. Сейчас нет ничего более важного: всякие организационные последствия придут позже, сами собой; но слова нового Евангелия должны говориться со всей прямотой и смелостью.

Тут мы невольно подходим к вопросу о различных организациях. Я не сомневаюсь, что, если бы Вы были прокурором, то, выслушав Ваше обвинение, присяжные закрыли бы Учредилку и придумали весьма суровые наказания для Земского союза. Во всей Вашей критике Вы рассуждаете совершенно правильно: я с Вами вполне согласен во всем, кроме, может быть, лестного упоминания о моей собственной персоне. И тем не менее, Вы, в общем, глубоко не правы, и не правы только потому, что чисто от-

рицательная критика вообще недопустима. Где же лучшее? Где нас нет? — Мы ничего не предлагаем взамен. Как и Вы, я думаю, что Учредилка могла много сделать, если бы осуществила хотя бы те скромные советы, которые я давал. Этого не произошло; из семени баобаба дерева не выросло. Где причины? Отчасти в людях; скорее в том, что еще не созрело время. Но не можете же Вы отрицать того несомненного факта, что если в какой-нибудь организации или группировке хотя бы в минимальной мере сохранялось сознание и понимание истины, зачатки правильной психологии и подхода к вещам, то это было только в Учредилке. Как положительный фактор она пока почти не сыграла роли и в общем провалилась. Здесь на нее возлагались некоторые надежды, вероятно, впрочем, в силу моего же влияния; эти надежды не оправдались. Я менее, чем когда-либо, буду защищать детище, которому я сам же дал меч в руки; но принужден сказать, что, как оно ни было плохо, все другое было еще хуже. Если бы в них была хоть капля истины, то наша обязанность была не травить их, не затруднять им работу, а помочь. Берите ту же газету Милюкова¹⁰. Я писал откровенно Павлу Николаевичу, что не вполне сочувствую его приемам, что у него слишком много фракционной полемики и нападок вообще, что Евангелие надо сеять в положительной, а не в отрицательной форме: но все же — есть ли хоть какие-нибудь органы общественного мнения, в которых истина высказывалась бы талантливее, полнее и правдивее? Раз так, отчего же тем, которые понимают и видят, не помочь, не приблизиться?

Я Вам писал, что в силу различных обстоятельств моя помощь этим учреждениям должна прекратиться. Но, перебирая в памяти недавнее прошлое, я считаю, что я был прав, явившись садовником, поливающим посеянное семя баобаба. Если из него не вышло могучего дерева — не вините садовника, не вините семя, а вините обстановку, климатические и почвенные условия, в которых росткам суждено было зачахнуть. Да и потом — так ли, зачахло ли оно? Я пишу Милюкову, отмечая, что постепенно и незаметно его же противники воспринимают столь ненавистную им аргументацию и повторяют, сами того не замечая, столь противные слова. Несомненно, процесс налицо и торгово-промышленный съезд явился этому блестящим доказательством. Я жду многого от нашей буржуазии, но, к сожалению, должен поставить крест над всем тем, что вышло из предприятия Бурцева¹¹. Прочитайте вступительную речь В[ладимира] Л[ьвовича]: для нас большевики — не политическая партия. Для нас большевики — захватчики, убийцы, палачи, предатели родины, иуды... для борьбы нужен блок всех честных политических партий. — Я понимаю моральное негодование в личных переживаниях и вполне искренне сочувствую возмущениям В.Л. Но почему же никто на съезде не задумался над простой истиной, что большевики, несмотря на все эти эпитеты — реальный, существующий факт, факт огромного значения

и последствий; факт, который, очевидно, утвердился на глубоких органических причинах, бороться с которыми надлежит не анафемой, а уяснением тех сторон русской жизни, на которых держится большевистская власть.

В России происходит глубокий процесс. Каждая новая речь Ленина — откровение. Съезд проходит мимо, констатируя с негодованием лишь результаты большевистского хозяйства. Это — поведение гробокопателей, а не строителей новой жизни. Говорится о борьбе, борьбе честных партий против изуверов. Как это напоминает честное негодование помещиков послереформенной эпохи, перед приходом Колупаевых и Разуваемых! В чем же борьба? Хотя бы одно слово, хотя бы тень практического предложения. Армия? Но откинем даже факт, что та армия, которая имеется в виду, есть уже лишь фантом; как эти гробокопатели понимают армию? Вообще нельзя быть против армии. В процессе восстановления России, хотя бы и через government of service, элемент принуждения неизбежен, хотя, конечно, это принуждение и будет принуждением волей народа. В Вашем рассуждении о демократическом деспотизме есть много правильного, хотя это относится не к большевизму, а к той сильной власти, которая вырастет в процессе самостоятельности народа и даст нам, может быть, Кромвеля, а не Наполеона¹². Армия может сыграть положительную роль, если она будет орудием, отвечающим исторической необходимости, если она будет подчиненным инструментом в руках той сильной и любящей власть группы, которая создастся в процессе народного творчества. Но разве о чем-либо подобном говорит бурцевский съезд? Он просто говорит слово армия, также как либеральный обыватель кричал полиция, когда ему мерещились страхи и опасности. Армия, самодовлеющая, которая придет и что-то построит. Как смешно писать программу и не желать и не искать власти. А ясно, что раз армия — самодовлеющая, то власть будет у нее. Дальше — ни слова о положительной программе для окраин. В безнадежном пессимизме забыли об единстве России. Какие же это строители? Куда выше психология Учредилки, со всей ее слабостью и практической неумелостью.

Кстати, об армии. Вы пишете мне, что Савинков увлекается идеей краснощеких поручиков, а я этих краснощеких поручиков боюсь как смерти. Это — элемент бесшабашного милитаризма, о котором, сами того не желая, Вы правильно писали после возвращения из Крыма. Эти бесшабашные краснощекие поручики — основа Красной армии и той белой трагедии, о которой столь красноречиво писал Шульгин, в замечательной по искренности и силе статье, во второй книжке «Русской Мысли»¹³. Я не понимаю, как Василий Витальевич может продолжать пребывать в воряжском стане после того, как он столь доказательно выяснил, к чему ведет военщина. Мало кричать Россия, во-первых, во-вторых, и в-третьих. Подобные слова, в конце концов, есть разновидность того же барабанного патриотизма. Смешно скорбеть о прошлом

России, как это делал какой-то докладчик — России сильной и богатой и культурной, которую мы-де недооценили и помогли столь легко уничтожить. Это — уж совсем покаяние перед алтарем Кобленца¹⁴. Тем более, что Струве совершенно справедливо показал, что основным источником большевизма была российская бедность и что практический опыт социализма в России был возможен лишь благодаря ее отсталости и некультурности. Россия, в последние десятилетия, по сравнению со своими западными соседями была не сильна, и некультурна, и небогата. В этом был трагизм ее положения, и судьбе было угодно, чтобы из этой ямы она должна была выйти не путем восхождения по ступеням просвещенного реформаторства, а путем злейшей и глубочайшей революции. Но революция эта была как тиф для организма, который не в состоянии убить тифозные палочки: она оживет и сможет стать великой, культурной и богатой. Обстоятельства показывают, что мы подходим к исторической черте. Год тому назад мы еще жили в психологии той гнетущей неподвижности, которая напоминала мне траншейную войну первой половины 1918 года: все безнадежно остановилось, никакого движения, никакого просвета ни в ту, ни в другую сторону. Сейчас, наоборот, мы политически переживаем по отношению к большевизму ощущения военной эпохи августа и сентября 1918 года: силы противника подточены, все трещит, все движется¹⁵. Вы справедливо зовете отбросить все старое и смотреть только вперед. Это надо пытаться сделать в положительной работе, работе откровенной и смелой. В этом и заключается та малая толика, которую мы с Вами можем внести в настоящий момент в общую сокровищницу.

№ 42

В.А.Маклаков — Б.А.Бахметеву

Париж, 12 августа 1921 года

Дорогой Борис Александрович,

Пишу Вам наскоро только по одному вопросу, не касаясь других; о других напишу на днях и отвечу Вам на Ваше последнее письмо. Теперь буду писать только о голоде¹; может быть, мое письмо и запоздает, но некоторые пробелы в Ваших сведениях пополнит. Я отвечаю на вторую Вашу телеграмму, на которую сегодня же вкратце ответил телеграммой. Дело, в общем, стоит так. Связи с Россией у нас еще не установилось, о том, что там делается, мы знаем по газетам; никаких делегаций оттуда не выехало и никто из наших друзей непосредственно к нам не обращался. Поэтому мы можем только расшифровывать и комментировать газетные известия.

Здесь в Париже во взглядах на то, что делается в России, есть два течения; одни думают, что весь московский комитет² — одно надувательство со стороны большевиков, которые желают сделать вид, что они беспартийны, этим фасадом приобрести доверие Европы, оправдаться от нареканий самой России, разделив ответственность со своими врагами, а в конце концов оставить все в своих руках. А оставить в своих руках значит сделать так, чтобы катастрофа не подорвала их фактического господства: для этого, конечно, во-первых, прежде всего накормить Красную армию и те городские центры, где сосредотачивается ядро большевизма; накормить, может быть, и те районы, где находятся нужные для них промышленные предприятия; что же касается до тех местностей, куда пробраться трудно, то предоставить их собственной участи, не допустив голодные массы оттуда добежать до центра. Этим путем нельзя помешать десяткам миллионов сдохнуть с голоду, но можно временно спасти правительственный механизм. Часть наших здешних русских организаций думает, что большевизм непременно постареется поступить именно так и что мы предаемся иллюзии, возлагая надежды на московский комитет: мы этим только приобщимся к тому злу, которое он сделает.

Другое мнение говорит иное: оно полагает, что образование московского комитета есть не камуфляж, а горькая необходимость для самих большевиков; что они почувствовали, что они ничего сделать не смогут, что им нужно обращаться к другим силам, к своим прежним противникам; что самый состав комитета в этом отношении необычайно характерен; он как будто бы предопределяет, кто сейчас в России пользуется доверием широких масс; они думают, что большевики это настроение хорошо понимают и что невольно они показали, кто теперь те люди, пользующиеся доверием, о которых в свое время мы говорили перед революцией. Ведь состав комитета характерен, в нем нет правых и нет определенных социалистических элементов; ибо Кускова³ и Прокопович⁴ социалисты очень условные. Словом, состав комитета есть определенно левый центр, то, что называется демократия. Вот почему, по мнению этого фланга, на этот комитет нужно возлагать большие надежды и всеми мерами его поддержать. Мое мнение, к которому в большей или меньшей степени все присоединяются, что в создании комитета играют роль оба соображения, что в деле есть элементы и той и другой политики. Самый комитет возник по собственной инициативе, а не по почину большевистской власти; он вырос из общества сельского хозяйства, которое подняло во всей широте вопрос о голоде, послало депутацию к Ленину, настаивало на привлечении общественных сил и т.д. Но возможно, что когда этот комитет образовывался, то в головах большевиков была надежда его использовать, как я Вам указывал. Я пойду дальше и скажу, что одни и те же большевики в зависимости от хода обстоятельств могут пожелать придать ему то или другое значение. Словом, все это находится в стадии образования, гру-

бее — в стадии борьбы. Так, за последнее время трудно отрицать наличность попыток большевиков умалчивать значение и независимость этого комитета и требовать, чтобы комитет был только его органом; если большевикам не удастся получить помощь за границей непосредственно в свои руки и пользоваться ею помимо комитета, то они будут давать бой на второй позиции, будут настаивать, чтобы местные органы, занимающиеся помощью голоду, были большевистскими агентами, чтобы никакого аппарата власти у комитета на местах не создавалось. Как видите, будет знакомая борьба, состязание, соперничество и компромиссы во всем деле помощи. Если бы этому комитету удалось сохранить свою независимость и самостоятельность, и создать органы на местах, то, конечно, они могли бы весьма быстро обрасти всеми здоровыми демократическими элементами, которые родились во время большевизма. Тогда наметился бы тот остов власти, который идет на смену большевизму. К счастью, большевики многому научились и обыкновенно чувствуют, откуда опасность; возможно, что они или не допустят образования такой власти, или допустят с тем, чтобы потом раздавить всех, кто был местами выдвинут, т.е. что все это обратится в грандиозную провокацию. Повторяю, все это возможно, но пока мы не вступим в непосредственные сношения с теми, кто сейчас находится в большевизии, мы не можем взвесить шансов за тот или другой исход.

Но одно представляется несомненным, а именно: 1) что та заграничная помощь, которая бы пошла непосредственно в руки большевиков, т.е. передавала бы все запасы им для распределения их собственными силами, принесла бы больше вреда, чем пользы, ибо подкрепила бы морально большевиков, а материально их аппарат; 2) что если наши надежды на роль московского комитета не оправдаются, то во всяком случае на него следует сделать ставку и следует ему помочь; а так как едва ли было бы осторожно и удобно ясно сказать, что мы имеем дело только с этим московским комитетом и только ему помогаем, то может быть самое разумное было бы, чтобы те государства, которые готовы помогать, явились в Россию с своим собственным аппаратом, будь то одной страны, будь то международным, в зависимости от того, как будет ставиться помощь, и чтобы уже там на местах они входили в контакт и в связь с русскими организациями и употребили все свое влияние, чтобы связаться именно с московским комитетом, если к тому времени не обнаружится, что это мыльный пузырь. Для поддержания этого комитета можно будет тогда найти очень много благовидных доводов и в задаче, которую он ставит, т.е. задаче чисто аполитичной под флагом Красного Креста. Такая постановка дела может помочь добиться того, что нужно, т.е. организации в России помощи народу, а не одной только власти. Ввиду этого наши пожелания пока идут в таком направлении: а) чтобы помощь была; б) чтобы помощь сосредоточивалась в руках иностранцев, а не направлялась непосредственно большевикам; в) чтобы иностранцы в самой России работали бы

купно с аполитическими русскими организациями, ставя это условием своей помощи и зорко контролируя, чтобы эти организации были действительно аполитичны и независимы. Что из этого выйдет, зависит уже от искусства большевиков, от того, что осталось в России от так называемой общественности и от отношения ко всему этому русского народа.

Теперь два слова в ответ на Вашу вторую телеграмму, что делается здесь русскими организациями. В нескольких словах скажу про другие страны. В Германии, Англии и Варшаве образовались какие-то русские комитеты, все не партийные, все заключающие широкий фронт, начиная от монархистов и кончая эсэрами. Но это и все, что я про них знаю. Конечно, пока ни у кого нет ни денег, ни влияния и все зависит от того, что привезут с собой те делегации, которые приедут из России. Но о Париже могу сказать Вам несколько подробнее, тем более что то, что произошло здесь, в достаточной мере характерно. Началось это тогда, когда меня в Париже не было, и у меня личных впечатлений не осталось. Дело сразу пошло двумя руслами. Во-первых, по инициативе Торгово-промышленного союза были собраны все находящиеся в Париже организации для обсуждения совместно вопроса о том, как быть с голодом и для принятия некоторых общих мер; Учредилка на это собрание не пошла, но одновременно сама от себя созвала такое же собрание, куда приглашала не организации, как таковые, а персонально, с подбором в левую сторону. Так сразу возникли две инициативы и два будущих комитета для помощи голодающим, говоря грубо правый и левый. Но скоро для обеих организаций стало ясно, что выступление в Париже двух организаций вредно и скандально, и что желательно было бы объединиться вместе; такие попытки были сделаны в том порядке, в котором они всегда делаются, т.е. выбором контактной комиссии на паритетных началах и вообще в таком духе. При этом довольно любопытно, что, хотя Финансово-торговый союз в свое время приглашал Учредилку, как одну из многих организаций наряду с другими, но, когда речь зашла об объединении, то было уже заранее предreshено, что одним из условий возможного объединения, на которое согласились обе стороны, было, чтобы они слились, как две равные единицы, имея в будущем общем комитете одинаковое число членов, хотя вначале Учредилка рассматривалась только как одна из многих организаций. Но они все-таки не сошлись, раскололись, и на вопросе о председателе и на некоторых других деталях, а главным образом потому, что если все понимали хорошую сторону совместного выступления для заграницы, то, как Вы правильно указываете в Вашей второй телеграмме, можно было опасаться, что не все имена могут быть приемлемы для России. Поэтому в результате пришли к такому заключению: пусть останутся две организации, но за границей будут делать совместные выступления. К этому времени подоспело известие, что русский вопрос поставлен на повестку в Conseil Suprême⁵; надо было пользоваться этим, чтобы сделать первое вы-

ступление — обращение к этому Совету. Начали обсуждать, не возможно ли достигнуть общего текста или по крайней мере общих мыслей. Первое время казалось, что это невозможно, ибо разница двух идеологий, которую я охарактеризовал, соответствовала этим двум инициативам, первая — торгово-промышленной, а вторая — учредительской.

В соответствии с этим учредительская группа требовала для воззвания: 1) отсутствия каких бы то ни было упоминаний о большевизме как причине беды; 2) чтобы, обращаясь в Conseil Suprême, не говорить ни о каких условиях, которые нужно ставить для помощи; предполагалось, что сам Conseil Suprême догадается, что это необходимо сделать, а что упоминание об этом со стороны русских может произвести дурное впечатление в России. Таковы были желания учредителей, но в торгово-промышленной группе, наоборот, хотели всегда указать на невозможность сотрудничества с большевиками и, во-вторых, выражали сильный скептицизм по отношению к комитету московскому, считая, что он, раз туда пошли большевики, рискует превратиться в их орудие. Соглашение, по-видимому, было невозможно и можно было думать, что в результате появятся два отдельных проекта. Я сам присутствовал на одном из подготовительных собраний финансово-промышленной группы и чувствовал непримиримость их настроения. Но тут в самый последний момент произошел *coup de théâtre*⁶. В газетах появилась полученная каким-то путем прокламация московских эс-эров, написанная в самых резких тонах в том смысле, что невозможно помогать большевикам, не поставив им определенных условий. Это сразу переменяло настроение учредителей и когда на последнем собрании финансовой группы, где обсуждался и выработывался текст их обращения в Conseil Suprême, причем, хотя они высказывали все свои взгляды довольно определенно, но заботились о том, чтобы эти оговорки не препятствовали бы самому главному, т.е. их просьбе помочь России, когда, повторяю я, после длинного обсуждения двух редакций, выработанных в промышленном комитете, в этот комитет явился один из посредников с Учредилкой и принес проект их текста, то оказалось, что текст Учредилки не только вполне соответствует всем пожеланиям Финансово-торгового союза, но идет гораздо дальше и в том же направлении выражает свои мысли гораздо смелее. Тогда немедленно было решено послать к ним с предложением выработать общий текст, взявши их текст за основу, подписать и подать вместе. Так, в конце концов, было сделано, и текст был подан за подписями всех решительно входивших туда организаций, причем господа торгово-промышленники поставили подписи даже вызывающего характера, например, Гурко, не говоря о Гучкове. Учредилка на это пошла. Текст этого заявления я Вам при этом прилагаю. К моменту, когда я Вам пишу, больше ничего не было сделано, и я думаю, и не будет сделано. Conseil Suprême ограничится выбором комиссии, которая будет этим вопросом заниматься; очень сомневаюсь, чтобы эта комиссия пожелала использовать предлагаемые

ей услуги заграничных организаций, тем более, что не совсем ясно, в чем могут заключаться эти услуги. С моей точки зрения, с подачей этого совместного заявления, которое, действительно, может поразить иностранцев своим единодушием, роль этих заграничных организаций тоже кончилась. В дальнейшем они могут только явиться представителями той организации внутри России, если только она окажется жизненной и если ей разрешат войти в непосредственный контакт с заграницей. При этих условиях и в этих пределах некоторое значение этих организаций за границей сохранится; но дальнейшее и все будет зависеть от того, что согласится сделать правительство или, вернее, американцы, и 2) в какой мере захотят и смогут оказать поддержку возникновению этой демократической внепартийной организации, о которой мы слышали из России.

Теперь последнее слово, последняя капля дегтя в мед. Лично я отношусь ко всему этому с очень большим скептицизмом: ужас весь в том, что, судя по размерам бедствия, никакие силы не помогут спасти от смерти десятки миллионов людей, а главное заставить обсеменить поля для будущего года. Большевики по необходимости с той решительностью, к которой они способны, оставляют некоторые местности на голодную смерть и будут охранять от нее уцелевшие местности, не останавливаясь перед карантином Красной армии. Очень боюсь, что само население будет этому сочувствовать; и сейчас слышно, что голодные движутся, как саранча, и из чувства самосохранения местности, у которых осталось кое-что, будут сопротивляться этому нашествию и будут поддерживать красноармейцев, которые будут палить в эту толпу из пулеметов. Словом, я боюсь, что неописуемые ужасы неизбежны; боюсь я и того, что на отношении к этим ужасам все наши общественные деятели еще раз себя скомпрометируют в том или другом направлении. Но это не возражение, это только сомнение. Что же касается до того пути, который пока намечается, то я думаю, что нужно идти по нему потому, что никакого другого пути я не вижу. Вне этого есть только принцип: чем хуже, тем лучше, который, очевидно, ни один русский человек в данном случае поддержать не может.

№ 43

Б.А.Бахметев — В.А.Маклакову
Russian Embassy, Washington

13 августа 1921 года

Дорогой Василий Алексеевич!

Я всего два дня тому назад вернулся в Вашингтон после почти месячного отсутствия, которое началось при самых радужных надеждах на отдых в Калифорнии, встречу с интересными людьми,

ряд выступлений на Тихоокеанском побережье по русскому вопросу — и которое так печально было прервано ужасной вестью о внезапной смерти моей жены¹.

Я вернулся сильно разбитым и с поколебленным убеждением в крепости своего характера и способности противостоять всяким жизненным невзгодам.

Я уехал в тихую погоду: политический горизонт, в общем, был чист и предвещал мало событий на ближайшие недели, а вернулся во взбудораженное море с такими двумя первостепенными задачами, как голод и предстоящая конференция². С места мне пришлось сразу окунуться по горло в работу и я сразу почувствовал себя бесконечно позади, не успевая выполнить и малой доли того, что надо было бы сделать. Задача огромная и действительная, а людей почти нет.

Вчера я получил Ваше письмо из Виши, которое, к моему удивлению, совместно с Карповичем³ разобрал почти полностью, и тороплюсь Вам писать, чтобы хотя бы вкратце охарактеризовать положение.

Мое отношение к голоду и ко всему возникающему совместно с задачей спасения несчастных людей — таково: я считаю, как конечно и все, что голод является прямым и неизбежным последствием экономической большевистской системы. Если Вы вспомните мои письма, я всегда говорил о возможности повального вымирания в охваченных недостатком пищи местностях. Я писал это не для красного словца, так как моему практическому уму подобные фиоритуры мало свойственны. Я писал это в глубоком убеждении неизбежности подобного несчастья, напоминающего по своему ужасу и характеру библейские предания и средневековые летописи. Голод в России протекает в тех же условиях, как тогда, так как большевики сломали кооперативную цивилизацию и вернули Россию к той распыленности, которая характеризовала экономически примитивные системы. Я ожидал этого несчастья и потому, когда оно наступило, отнесся к явлениям спокойно — спокойно не в смысле отсутствия нравственного ужаса, а в том, что для меня вся катастрофа всегда казалась неизбежной. О том, как отнестись к поставленной задаче спасения голодающих, я думаю, не может быть двух мнений. Лишь закоренелые политические талмудисты могут рассуждать в отрицательном смысле и приводить доводы, останавливающие вполне естественный и правильный порыв сделать все возможное для спасения и помощи несчастным людям. Я не могу, однако, ставить на одну плоскость и окрещивать одинаково эпитетом национальной задачи борьбу с охватившим Россию голодом и защиту от поляков. Большевики в этом случае просто потому не исполняют национального дела, что они сами непосредственно являются первопричиной катастрофы, и национальное разрешение дела для них было бы решением уйти и передать власть беспартийному комитету или каким-либо другим образованиям. Этого они не сделают и, в противоположность польскому

наступлению, когда защита родины была навязана России внешними обстоятельствами, стремление большевиков сохранять власть наперекор всему и использовать ее в интересах ничтожной по количественному составу партии, является актом глубоко антинациональным. Но Вы правы в том, что всякий отказ от помощи голодающей России, всякое стремление вмешать политику и, исходя из политических соображений, препятствовать помощи, было бы также актом глубоко антинациональным. И потому обязанность всех нас, со всей силой, энергией и искренностью, прийти на помощь голодающей России. Это не должно, однако, затушевывать ясного понимания истинного положения вещей, так как тут опять, если бы мы, потеряв голову и руководствуясь исключительно эмоциями, перестали думать и говорить горькую правду, мы опять сошли бы с пути национального и в конце концов не облегчили бы, а лишь увеличили бы страдания. Нельзя затмевать ни на одну минуту того факта, что голод есть прямой результат большевистской экономической и политической системы и что пока существует большевистская власть, голод этот неизбежно будет повторяться. Более того, при разрушенности транспорта и всякой организованной экономики нельзя ожидать, чтобы даже самые энергичные усилия извне могли коренным образом разрешать вопрос.

С большой вероятностью можно даже принять формулу, что советская система сама по себе создает жертвы голода с большей быстротой и в большем количестве, чем может быть удовлетворено и спасено какой бы то ни было помощью извне, при наилучших материальных средствах и возможностях. В связи с этим является очевидным императивное правило: идя на помощь голодающим, принимая чистосердечно и искренне условие аполитичности продовольственной и врачебной помощи, необходимо настоятельно избегать чего-либо такого, что может помочь продолжению и укреплению большевистской власти и тем самым продолжать жизнь основного источника и причины постигших Россию бедствий. Я лично мало верю в искренность советского призыва о помощи. По своему характеру и личному составу высшая советская власть абсолютно лишена малейших элементов сентимента, и смесь необузданного фанатизма и неограниченной аморальности и преступности создают власть жесткую и вряд ли способную считаться с человечностью и нормальными нравственными императивами. Мое опасение — что Советы хотели использовать голод для приобретения политического капитала и хотели поймать на эту удочку американцев, завлекши их в переговоры, которые неизбежно пришли бы к какому-то полупризнанию — вполне оправдалось событиями. Как только советы увидели, что американцы искренне готовы нести гуманитарную службу, но видят насквозь большевистские хитрости и не поддаются на удочку — весь тон изменился. Чичерин⁴ выпустил сообщение о преувеличенных известиях относительно голода; в течение двух недель американские пленники не были освобождаемы⁵, и сейчас я не вполне уверен,

согласится ли еще в конце концов Литвинов принять американское предложение в той форме, в которой его сделал Хувер⁶, отказавшийся вообще вести какие бы то ни было переговоры, а предложивший большевикам принять помощь или отказаться без всяких рассуждений от тех условий, на которых гуверовская организация⁷ работала в 24 странах — условий, освященных опытом и успехом в течение последних почти что семи лет.

Такие же сомнения я почувствовал, как только прочел о беспартийном комитете. Меня поразил его состав: не большевистский элемент почти исключительно состоит из мягкотелых либералов, никогда не имевших дела с вещами, а только со словами. В состав не вошло ни одного крупного организатора, инженера, фабриканта, торговца, которые в прошлом имели бы опыт управления предприятиями, железными дорогами и пр. Также нет ни одного с.р., вообще человека, обладающего революционной психологией и способного на сильные, энергичные порывы. У меня сразу же зародилось подозрение, что весь этот комитет, с антибольшевистским большинством из разбитых и примирившихся со своей судьбой людей — опять-таки есть по преимуществу орудие для заграничного употребления⁸. В Вашей телеграмме я читаю подтверждение своих слов, и что большевики уже играют назад, испугавшись даже этой уступки. Я совершенно с Вами согласен, что при известных условиях подобные беспартийные комитеты могут сыграть огромную роль, фактически развившись в центры национального объединения. Здесь много проводилось параллелей между их ролью и деятельностью Земско-городского союза и Военно-промышленного комитета⁹. Я не склонен проводить аналогию так далеко: земцы и военно-промышленники опирались на слагавшееся десятилетиями образование. Но известная аналогия есть, и я полностью понимаю те возможности, которых можно ожидать от подобной беспартийной организации — комитетов. Я склонен поэтому всеми силами поддерживать идею комитетов, усиливать кооперацию с ними американских и других организаций; русские же, по моему мнению, должны были бы образовывать подобные комитеты за границей и вступать в прямую кооперацию с действующими в России учреждениями. Но все эти возможности, употребляя старое немецкое выражение, все еще *im Werden*¹⁰ и не надо терять здравого смысла и осторожности и считать, что все уже сделано. Вам мне этого говорить не надо, так как я сегодня послал перевод Вашей телеграммы Хуверу, подчеркивая, что Ваше мнение вполне совпадает с тем, что я ему говорил на днях лично.

Теперь два слова об американской помощи, так как возможно, что ответ Хувера Адору¹¹, текст которого я Вам пересылаю, поведет к некоторым заблуждениям. Ответ этот не отвергает кооперацию и составлен в сдержанных и вежливых выражениях. На самом же деле, и в этом случае Вы можете принять мои слова без всякого ограничения и с полной достоверностью, никакой склон-

ности к кооперации с Европой у американцев нет. Во-первых, американцы думают, что ни одно из европейских государств не в состоянии уделить помощь голодающим в сколько-нибудь значительном размере. Поэтому, естественно, возникает предположение, что Европа снова пытается вовлечь американцев в какие-то совместные дела и за счет американских денег получить какую-то славу, вообще выгадать какие-то каштаны из огня. Во-вторых, вообще, как я Вам писал неоднократно, здесь преобладает глубокое психологическое отвращение к методам и побуждениям европейских внешнеполитических действий, и эта психология — почти решающая во всех подобных вопросах. Этому не учли наши русские, настаивающие на американце, как верховном комиссаре для беженцев. Это необходимо учесть во всех вопросах, связанных с помощью Америки. Сейчас я не знаю, как обстоит дело в Англии и в других странах, в газетах промелькнуло воззвание короля Георга и, может быть, что-нибудь действительно будет сделано. Несомненно, однако, для меня то, что центром всей помощи, если только какая-либо будет, явится работа гуверновской организации. Если большевики кого впустят, то, вероятно, ее одну, и если кто-либо может достать денег, то это только Хувер. Деньги вообще достать очень трудно. Во французской прессе, наверное, отражались те затруднения, которые министр финансов испытывает в конгрессе в связи с бюджетом и налогами. Но Россия, в общем, очень популярна в Америке, и если Хувер заявит, что он может кого-то спасти, кого-то накормить, то ему американцы поверят и публика даст денег, как ни туго им приходится. Вот это конкретное положение является руководящим. Всякие призывы русских и не русских, все это, в конце концов, является холостыми выстрелами. Газеты их не печатают, особенно если они длинны, как, к несчастью, все произведения парижских организаций, и никто на них не обращает внимания. Все дело в Хувере, и всем русским, которые хотят помочь делу, необходимо выстроиться за ним и за его организацией. Как разовьется работа, в каких формах и размерах, сейчас сказать нельзя. У меня получилось впечатление, что если первоначальный опыт покажет возможность развертывания широкому фронту, то Хувер не остановится ни перед чем. Но для этого нужен именно опыт и он, по-видимому, начнет с кормления людей, для чего у него имеются средства. Там, в России, должны будут уже определиться те практические возможности, которые позволят развить дело во всей широте. Пока не будет этого опыта, всякие проекты — теоретические разговоры.

Я лично высказал Хуверу готовность всячески ему помогать, и даже символически подчеркивал солидарность с решением перевести в его распоряжение, к сожалению, весьма незначительную сумму денег. Пишу к сожалению, так как мне безгранично жаль, что мы раструсили на беженское дело в конце концов весьма значительные средства, почти без всякого результата. Одним из первых моих шагов по приезде было обращение к русским, с попыт-

кой образовать в Нью-Йорке беспартийный комитет, который, при здешних условиях, естественно выстроился бы позади Хувера. Пока мои попытки не увенчались успехом, но я не теряю надежды. У меня была первая мысль — поступить по примеру России, т.е. не исключать никаких флангов. Но я мысль эту отбросил: в заграничной обстановке большевики не являются носителями власти, а лишь источниками зла и первопричиной голода. Психологически, в России возможно работать совместно, зажав глаза на разногласия, перед картиной смерти и голода. Здесь нет этой присутствующей действительности, которая оправдывала бы подобное объединение — да оно и бесполезно. Америка идет на помощь России, проклиная большевиков. В общем не только правительство и Хувер, но и большинство печати взяло правильный тон и заклеило большевиков, как коренную причину постигших Россию бедствий. Крайний правый фланг, опять-таки, мало приемлем. Он никому здесь не импонирует и вызывает раздражение; кстати, его нет и в московском комитете. Наши реакционеры — очень активны, и пытаются делать все возможное, чтобы захватить в свои руки хотя бы внешнюю видимость инициативы. Но это — грязный и скверно пахнущий пыльный пузырь.

Меня искренне огорчило только что полученное известие о левом и правом центре: левом — Учредилке, правом — промышленниках.

Дорогой Василий Алексеевич, я снова возвращаюсь к мысли о крестьянско-купеческой России и к той простой истине, что в словах своих врагов нужно искать ключ к собственному поведению. Если Ленин строит всю свою тактику на устрашении крестьян союзом помещиков и капиталистов, то нам необходимо бороться с ним, соединяя эти два, по существу сродные и дополняющие друг друга элемента: крестьянство и купечество. Я посылаю сегодня телеграмму Вам, прося прочесть ее Милюкову и Денисову, с горячей просьбой попытаться объединиться на почве голода. В Учредилке есть правильные правые течения, которые могут быть слабыми, но жизненными потенциально. На торгово-промышленном съезде обнаружилось понимание истины в речи Рябушинского; грешно давать отсрочку жизни большевизму тем, что не соединяются два основных и необходимых крыла будущей русской государственности. Меня огорчает это еще тем более, что через три месяца открывается в Вашингтоне конференция, которой суждено сыграть в международных отношениях роль, по практическим последствиям, вероятно, превосходящую роль Парижской конференции 1919 года.

Я буду Вам писать на днях о своих мыслях по этому вопросу и о том, что, по моему мнению, надлежит нам сделать, чтобы использовать этот исключительный случай для защиты наших национальных интересов. Но возможность конкретного осуществления каких-либо мечтаний связана с соединением правого и левого

крыла в будущей русской государственности. Есть надежда, что голод явится той беспартийной платформой, на которой можно будет забыть всякую политику и добиться кооперации в практической области. Сделайте все, чтобы это осуществилось.

Искренне Ваш *ББ*.

№ 44

Б.А.Бахметев — В.А.Маклакову
Russian Embassy, Washington

27 августа 1921 года

Дорогой Василий Алексеевич!

Собирался писать Вам пространное послание по вопросу о предстоящей конференции, причем пуститься во всякие глубины и извивы политического положения. Но я не могу предаться этому удовольствию, требующему много времени и, вероятно, немало страниц. Пока пишу Вам по неотложным вопросам.

Во-первых, я в общем совершенно согласен со всем, что Вы пишете в письме 12 августа. Мы почти одновременно друг другу написали. Из моего письма от 13 августа Вы могли убедиться в полном совпадении наших взглядов. Формулируемые Вами пожелания относительно характера помощи иностранцев вполне осуществлены организацией Хувера: Вы можете быть совершенно спокойны относительно правильности и твердости ее принципиальной позиции. Конечно, она абсолютно внепартийна, и в этом отношении намерения ее искренни и последовательны. Иначе не может быть. Я скажу больше: все те русские, которые идут на помощь голодающим, должны эту беспартийность в своем практическом поведении принять как основную заповедь. Мы гораздо больше наносим ударов фактически большевикам, проводя такую беспартийность, чем хитря и ведя двойную игру. Конечно, американской организации необходимо входить в технические соглашения с большевиками. Большевики — фактическая власть и нельзя работать вне общения с ними, но это общение ограничится областью чисто внешних сношений, оставляющих американцам независимость и возможность вести работу, не терпя никакого вмешательства. Правительство здесь настолько твердо в своей антибольшевистской политике, что оно стремится даже внешним образом оградить себя от возможности подозрения с чьей-нибудь стороны, что в факте помощи России через гуверовскую организацию кроются отступления от твердокаменной позиции по отношению к большевикам. Этим объясняется, между прочим, решение вместо американского флага подымать лишь флаг с буквами гуверовской

организации. Затем, ежедневно подчеркивается всюду, что эта организация идет в Россию как частная гуманитарная помощь и что никакого изменения непримиримо отрицательного отношения к советской власти со стороны правительства нет. Хувер, со своей стороны, которого жмут не только консервативные круги, но и вообще американское общественное мнение, весьма опасливо относящееся ко всему, что может сыграть на руку большевикам, действует также очень осторожно. Все время подчеркивается, что помогают русскому народу и что его твердое намерение — ни при каких обстоятельствах не оказывать даже косвенной помощи большевистской власти как таковой. Хувер не поставил себе задачи — во что бы то ни стало работать с московским комитетом или другой непартийной организацией. Американцы идут в Россию сами по себе, оставляя за собой на месте выбор тех лиц или учреждений, которых на практике нужно привлечь к совместной работе. Очень, конечно, интересуются комитетом и его беспартийными разветвлениями. В какой мере Хувер его использует и укрепит — определится практикой и, прежде всего, действительным положением и силой новых организаций на местах. Я, в общем, совершенно доволен и считаю, что Хувера нужно всячески поддерживать. Вы получили уже, вероятно, мою телеграмму, посылаемую сегодня, где я прошу Вас взять на себя инициативу собрать русских, и с той стороны выразить Америке в лице Хувера благодарность за решение помочь России и одобрение занятой твердой позиции.

Теперь еще два слова о Лиге Наций, инициативе Верховного совета и т.д. О глупой оперетке, разыгранной моим другом Нансеном, не стоит говорить, это дело прошлого. Был момент, когда его заявление о готовности идти в Россию на более либеральных условиях очень повредило позиции, занятой хуверовским представителем, Брауном¹. Однако очень скоро выяснилось, что Нансен разговаривает с пустыми руками. Вы пишете о предстоящем обсуждении вопроса в комиссии Верховного совета и ищите помощи от Америки. Американская позиция во всех этих вопросах такова: президент и государственный секретарь твердо решили отмежеваться от какого-либо активного участия в международных организациях. Тут много причин. Во-первых — Лига Наций и крайняя осторожность, чтобы не оказаться даже косвенно причастными к чему-либо, связанному с этой организацией². Во-вторых, психология изолированности, о которой я Вам писал. Если бы Вы знали, как сильно и характерно подтвердились мои предположения во всем вопросе о комиссаре Лиги Наций и сейчас, в вопросе международной организации для помощи голоду. Американцы не хотят ввязываться ни в какие международные организации: бесполезно пытаться их убеждать и добиваться изменений твердого их курса. Они не верят Европе и ее искренности, они подозревают ее в желании извлечь из Америки деньги, а самим получить славу. Верно или неверно — бесполезно спорить; надо принять факт как

таковой. Всякие хитроумные комбинации, о которых пишут Новицкий и Любович³, что, мол, не Лига Наций, а учреждение, созданное отдельными державами — все это попытки обмануть себя. Американцы, при всей своей простоте, обладают здравым смыслом и их не обмануть детскими приемами. Не желая быть невежливыми и нарушать теоретический принцип международной кооперации в деле гуманитарной помощи, Америка не отказывается участвовать в обсуждениях, и американец будет присутствовать при рассмотрении вопроса о помощи России в качестве зрителя. Но ему даны твердые указания не впутывать Америку ни в какие дела. Я пишу Вам об этом так подробно, потому что, по-видимому, русские, исходя из своих соображений, может быть и правильных, не хотят считаться с существующим здесь направлением правительственной политики — обычное отсутствие реализма и умения считаться с обстоятельствами.

Кончаю вопрос о голоде. Прилагаю ряд документов, которые, может быть, не были полностью напечатаны в парижских газетах.

Теперь конференция.

Само собой, при обсуждении дальневосточных дел русский вопрос будет играть первостепенную роль: оккупация русского Дальнего Востока японцами; будущее этих областей; Маньчжурия; Китайская Восточная ж.д.; общая политика по отношению к целокупности Китая и сферам влияния; богатства и концессии на Дальнем Востоке; это — неполный перечень всех тех конкретных вопросов, которые неминуемо войдут в круг обсуждения. Конференция может оказаться для нас роковой, и нужно напрячь все силы для охраны своего положения как Тихоокеанской державы. Потеря нами Дальнего Востока и свободы сообщения с Тихим океаном убьет Сибирь. Кроме того, если Япония стратегически укрепитя к востоку от Байкала — монополия ее политического господства на востоке Азии неминуема.

Мы не можем участвовать в конференции; нечего и пытаться этого делать. Всего лучше нам пытаться добиться, чтобы Америка взяла на себя защиту наших интересов, не в формальном смысле, конечно, как когда-то Испания представляла Германию в России во время войны, и пр. — я говорю в смысле существа. Проникшись общими соображениями и первостепенным значением, которое имеет для ее будущего сохранение положения России у берегов Тихого океана, Америка должна сделать защиту России основной осью своей политики. Сейчас дело обстоит недурно. Эта мысль довольно крепко сидит в головах руководителей внешней политики. Все совершилось само собой: это плоды нашей старой работы. Но я не хочу умалять трудностей. Желания и решимости правительства недостаточно. Решения зависят не от одной Америки и, искусно маневрируя и используя здешнюю прессу, а возможно и Конгресс, который может быть поставлен перед весьма неприятной для нас альтернативой — противники наши могут лишить позицию наших друзей всякой действительности и поставить

официальных руководителей здешних иностранных дел в положение, где им не удастся провести на практике свои намерения, касающиеся России. При первой возможности я напишу Вам подробно свои мысли о конференции. Вопрос очень сложный и, как ни странно, все зависит от Англии или, вернее, от той новой Британской империи, о которой я Вам так много писал и которая так сильно выявилась на последней имперской конференции⁴.

Но сейчас вот что важно: русские, со своей стороны, должны помочь благоприятному разрешению вопросов. Основная трудность, что наши американские и, эвентуально, другие друзья, говоря о России, оперируют с абстрактным фантомом. Противники же весьма искусно могут сослаться на те единственно реальные проявления русской действительности, которые в прошлом были связаны с царизмом, а в последнюю эпоху — с большевиками или даже с военно-национальными движениями. В двух словах, вся позиция сводится к следующему: пока что Россия корчит только рожи, а своего прекрасного лица пока нигде не показывала. Вот, теперь мы подошли к крайнему пределу: нельзя больше оттягивать сделать то, о чем я Вам много раз писал. Те элементы, которые верят, что им принадлежит будущее, должны соединиться и смело сказать, кого они из себя представляют, что такое, по их мнению, будет та Россия, которая имеет прийти. Одним словом, необходимо сказать что-то реальное и конструктивное, на что может опереться Америка. Это не будет какой-то bluff⁵: люди говорят от себя, что исповедуют, во что верят; смысл будет такой: когда известные группы придут к власти или к влиянию на власть, они будут связаны тем, что сказали. Но такой документ даст возможность нашим друзьям оперировать с конкретной третьей Россией, справедливо указывая, что она говорит просвещенным языком, оперирует понятиями в той же плоскости и в том же направлении, которые свойственны передовой мысли демократических стран и что вообще, вот, наконец, имеется Россия, с которой можно разговаривать, кооперировать на почве взаимного уважения и понимания.

Переходя к тому, кто должен такой документ подписать, я определенно говорю: элементы будущей крестьянско-купеческой России. Необходимы промышленники — хотя бы те, которые стоят на почве Рябушинского. Что за страсть такая обниматься с Гурко? Затем, кооператоры, правые с.р. и интеллигенты. В этом вопросе я встал бы не на почву группового представительства, а личного, хотя титулы, конечно, могут показать принадлежность к группам. Нужны увесистые, знакомые американцам имена; чем меньше реакции, старого режима — тем лучше. Да кроме того, сам документ, чтобы быть сколько-нибудь полезным, не должен быть охолощен: в нем должен быть молодой задор, вера, практический идеализм. Реставраторы его не подпишут — и не надо. Я посылаю Вам набросок подобного меморандума, который, по моему, за подписями, скажем, 50 или 60 лиц, можно было бы

через меня передать Хьюзу как председателю конференции. Имейте в виду — это наспех надиктованный набросок. Я посылаю его Вам лишь для примерной ориентации, как материал для размышления. Сейчас работаю над английским текстом, который перешлю при первой возможности.

Наряду с подобным более или менее длинным документом было бы, конечно, желательно и своевременное опубликование за подписью тех же лиц краткого заявления в печати. Или даже, может быть, можно было бы факт передачи подобного документа опубликовать в виде краткого резюме его содержания. Добавочно я считал бы необходимым, чтобы те же лица послали заявление государственному секретарю или президенту Хардингу, лучше первому, в котором они, от имени групп, представляющих будущую Россию, выразили бы благодарность за принятый в прошлом Америкой по отношению к России курс, отметив и антибольшевистскую точку зрения, и веру в восстановление России, и защиту единства и охрану прав и, в частности, отметив заслуги Америки в деле защиты русского Дальнего Востока и Китайской Восточной ж.д.⁶ Письмо, далее, изложив нынешнее положение России, могло бы просить Америку на этой конференции продолжать охранять права и целокупность России и выразить уверенность, что Америка не сойдет с прошлого пути и достигнет результата. С известными добавлениями, касающимися будущих русско-американских отношений, политических и экономических, такое письмо могло бы сыграть большую роль. Я попытаюсь набросать его также по-английски, хотя смысл его совершенно ясен.

Я пишу обо всем этом Милюкову и также посылаю ему текст. Пишу кратко Денисову, но текста ему не посылаю, так как это все-таки очень первоначальный набросок, и я не знаю, где сейчас стоит Торгово-промышленный союз. Русская буржуазия есть нечто ужасное: никак не могут выучиться стоять на своих ногах и видеть, куда идут. Помните того древнего грека, который за каким-то историческим пиром говорил своему другу, как он удручен видеть, что окружающие его всегда поступают неправильно, когда так легко делать то, что нужно.

Ну вот, Василий Алексеевич, мы подходим к моменту, важность и значение которого превосходят все то, что мы до сих пор пережили. Ведь эта конференция, по существу, во много раз важнее парижской: это — начало действительного settlement⁷ — если, конечно, что-либо из нее выйдет, в чем я еще не вполне уверен. Обязанность Ваша как посла в Париже, как человека, стоящего фактически вне партий, а главное — как все же самого умного и единственно понимающего всю совокупность дел — проявить огромную энергию и настоять на том, что необходимо сделать. Вам нужно выказать инициативу и собрать маленькое собрание из промышленников, учредителей, кооператоров, а также отдельных представителей и других организаций, не зараженных болезненной правизной и ненавистью. Конечно, надо привлечь

впоследствии Англию, может быть, Берлин⁸. Все это дело нужно начать без всякого отлагательства, и документ должен быть выслан сюда готовым не позже 1 октября. Может быть, нащупав почву, Вы мне будете телеграфировать. Раз можно было объединиться на голод, то неужели нельзя сделать того же на гораздо более важном практическом шаге? Голод, конечно, переживается внутренне больше, но пользы комитеты принести никакой не могут; здесь же может быть реальное достижение, так как, открыв лицо будущей России, мы создаем реальный факт, к которому могут прицепиться и который могут широко использовать политически все те, весьма многочисленные, имейте в виду, наши друзья, которым Россия нужна до разреза, но которые не могут по справедливости оперировать теми отвратительными масками, чтобы не повторять слова рожи, которыми пока обвешана наша несчастная родина.

Сердечно Ваш Б.Б.

29 августа 1921 года

Добавляю несколько слов. Во-первых, о декларации.

В моем наброске текста говорится, что декларация подается от представителей крестьян, торгово-промышленников, интеллигентов и рабочих. Я имею в виду эвентуальную возможность получить подпись представителей печатников и профессиональных союзов, которые, кажется, имеются в Лондоне. Здесь есть представитель их, Струмило, плехановец, вполне приемлемый. Комбинация четырех элементов не должна пугать, например, торгово-промышленников, так как они, помните, на съезде говорили, что будущая Россия будет строиться на этих четырех основах. Если вопросы внутренней политики и особенно внутренней экономики, т.е., например, частная собственность, явятся яблоком раздора, можно это выкинуть, ограничившись исключительно упоминанием о последовательно демократическом характере будущей России и, может быть, федеральном устройстве. Главное, конечно, это — внешняя политика.

Я понимаю организационные трудности. Для нас важны тут по преимуществу имена, но это сейчас вернет к спору, развернувшемуся вокруг заявления по вопросу о голоде. Следует ли придерживаться персонального или группового представительства? Может быть, Вы, по своей инициативе, могли бы образовать маленькую группу, скажем, два-три лица, более или менее нейтральных в смысле организационном, которая взяла бы на себя почин во всем деле и при наличии инициативы которой всякие отдельные группы, вообще всякие Монтекки и Капулетти могли бы, хотя бы временно, отбросить свой партизанский дух. Я полагаю, что при всем несовершенстве посылаемого Вам наброска, основные мысли в нем все-таки ясны.

Хочу сказать два слова о нашей дальневосточной политике и о дороге. Я посылаю Вам копию меморандума о Китае, написанного

мною в Париже в 1919 г. Вы его, конечно, забыли. Вы увидите, что многое из того, что я сейчас предлагаю, уже содержится там. Разрыв с Японией, отказ от совместной политики, направленной на ослабление и раздел Китая, и склонность перейти на американскую точку зрения — не надо делать все это бурно и шероховато. Надо избегать такого положения, при котором подобную политику провозгласило бы русское правительство, так как это немедленно вызвало бы протесты со стороны Японии, обвинения в отсутствии преемственности и т.д. Вот тут помогает давно мною проповедуемая линия независимости и самобытности и следование завету Георга Вашингтона: по *entangling alliances*⁹. Россия сама по себе. Она вибрирует, может быть, немного острым национализмом, против которого, однако, нельзя возражать, так как он по существу искренен и миролюбив. Россия идет со всеми, с кем ей по пути и кто искренне исповедует общие с ней задачи. В этой плоскости ее кооперация с Америкой. Она, естественно, не идет с теми, чей курс иной, даже если бы в прошлом она была связана политическими договорами. Здесь-то и необходимо использовать переходный период и приучить мировое мнение к мысли о коренном разрыве с прошлыми традициями и о восприятии новых начал. Если бы это удалось сделать, то новое правительство считалось бы с независимой национальной политикой, как с началом, само собой подразумевающимся. По существу в национальной обособленности нет ничего, направленного против кого-либо из друзей и бывших союзников, но никакая другая политика в России невозможна и не моральна в смысле правильно понятых национальных интересов.

Два слова о Китайской дороге. Я чувствую, что мои взгляды, вероятно, расходятся с тем, что думает Русско-Азиатский банк¹⁰ и что, может быть, проводили русские учреждения в Париже и в Китае; я Вам много раз писал об этом. Я поддерживаю мысль устроить международный *trusteeship*¹¹, который провозгласит временную опеку над признаваемыми незыблемыми русскими правами; мешали ей китайцы и немного, кажется, французы, под влиянием Русско-Азиатского банка; последний влияет, может быть, и на нас по известным Вам каналам.

Скоро в Европу едет Угет¹². Я попрошу его специально говорить с Вами по этому вопросу. Нужно добиться какого-то единства взгляда, какой-то политики, вне частных, групповых и, в конце концов, недалеко смотрящих интересов.

Еще два слова. Меморандум составлен в тонах применительно к американским вкусам. Само собой разумеется, что это необходимо, так как он предназначается по преимуществу для здешнего употребления.

Еще два слова.

P.S. Tempora mutantur et nos mutamur in illis¹³.

Несколько месяцев тому назад острая нашей политики было направлено против Англии и против англо-советского договора. В тот момент всякое сближение Англии с Америкой было для нас вредно, т.к. оно стирало острия противоположных полюсов, на которых стояла американская и английская политика в русском вопросе. Сейчас, конечно, это уже не так важно: англо-советский договор не представляет такой опасности; он остался одиноким, за ним не пошли другие державы. Несостоятельность советской власти и невозможность британской политики, направленной на ее сознательную поддержку, сделались очевидными. Успех конференции и ограничение Японии, с чем связано спасение нашего достоинства на Дальнем Востоке, зависят от англо-американского сближения. Лишь если Япония окажется вполне изолированной, мир может избежать военного столкновения, и японцы согласятся на мирные разграничения. Таким образом, теперь нам нужно желать англо-американского сближения — поучительный пример политической динамики и повод для полезных размышлений.

Б.Б.

№ 45

В.А.Маклаков — Б.А.Бахметеву

Париж, 30 августа 1921 г.

Дорогой Борис Александрович,

Во-первых, большое спасибо Вам за письмо. Я получил его в Виши, где мне был досуг и его просмаковать и его обдумать. Может быть, было бы лучше оттуда же на таком же досуге Вам ответить, но тогда я бы написал Вам его моей рукой, и Вы ничего бы не поняли. Когда же я приехал в Париж, началась знакомая Вам суতোлка, которая мешает мне ответить вовремя. Это осложнилось еще тем, что я дал прочесть Ваше письмо Милюкову, который держал его две недели, мне не возвращая. Словом, по всем этим причинам я опоздал, события меня обогнали, и буду отвечать Вам не совсем впопад, но зато более систематично. Буду говорить Вам, во-первых, о голоде, во-вторых, о международных вопросах, в-третьих, о большевиках и, наконец, на закуску — о себе самом.

1. О голоде я мельком уже Вам написал; но Вы понимаете, что этот вопрос сейчас заслоняет другие, особенно потому, что в нем для многих почуялись какие-то новые возможности.

Сначала все понималось довольно просто. Одни злорадствовали несчастьем, которое постигло большевиков в уверенности, что эта катастрофа сбросит их власть. Другие, не надеясь на это, были уверены, что под влиянием голода большевикам придется

идти на уступки, на сотрудничество с разумными элементами, к усвоению разумных методов, а потому большевизму все же конец; либо он провалится на попытках сохранить свою монополию и будет сброшен, либо будет поглощен другими элементами и видоизменится до того, что с ним можно будет помириться. В зависимости от этих двух надежд намечались и две тактики. Те, кто думал, что голод сбросит большевизм, логически заключали, что если так, то покуда он его не сбросил, с голодом бороться не следует, чем хуже, тем лучше... Отсюда политика невмешательства. Во французской прессе не далее как дня три тому назад была интересная и в общем хорошо написанная статья на эту тему в «Journal de Debats». Раньше проводником этой политики был орган Клемансо¹ «Homme Libre». Но это было меньшинство в общем хоре газет и суждений. Большинство находило, что нельзя оставаться безучастным к голоду, нельзя допустить десятки миллионов умирать, словом, что нужно помогать; но помогать на известных условиях, так, чтобы не только большевизм на этом не укрепился, а напротив, чтобы этим его доканать. Эта точка зрения сделалась очень быстро общерусской. У русских людей не поворачивался язык сказать прямо: нет, не помогайте до тех пор, пока большевики не уйдут. У многих язык чесался это сказать и в некоторых статьях Бурцева, да даже и Керенского были истерические возгласы: «Уходите, уходите», которые так напоминали мне возгласы Керенского незадолго до революции, когда он с таким же криком обращался к императорской власти, протягивая руку своим противникам по Думе и говоря: «составим коалиционное министерство и будем вместе спасать Россию». Результатом его речей тогда было то, что Родзянко лишил его слова, а императорская власть не ушла; то же самое происходит сейчас, очевидно, и с возгласами и его же, и Бурцева. Савинков в своей «Свободе»² держится той же точки зрения; но она только читается между строк; сказать он этого не решается. Все это так ясно, что после некоторых и очень недолгих колебаний все русские сошлись на одном и том же.

Конечно, раньше чем сошлись — погрызлись; «Последние новости» и «Общее дело» вцепились друг в друга, что было довольно забавно, так как для всякого беспристрастного читателя ясно было, что они говорили одно и то же. Два комитета для помощи голодающим, которые образовались, один около Учредилки, другой около Промышленного союза, сначала тоже уверяли, что расходятся на таких принципиальных вопросах, что совместная их деятельность невозможна; но когда они написали свое обращение к Верховному совету, стало ясно, что они не только согласны во всем, но что, в сущности, каждый из них, как это бывает часто, говорил языком более свойственным его противнику; если не показать Вам подписей, то Вы наверное подумали бы, что произведение Милюкова писали в Торгово-промышленном союзе, и сочинение Торгово-промышленного союза в Учредилке. Когда это об-

наружилось, пришлось волей-неволей подать совместное заявление, чтобы не быть смешными; можно было бы и дальше вместе работать, и если это не вышло, то потому, что здесь подмешались новые мотивы: предполагаемая неприемлемость некоторых имен для русской общественности внутри России. Но и разойдясь по этим мотивам, все-таки понимали, что идут до такой степени вместе, что сочли нужным образовать «контактную комиссию» для того, чтобы друг против друга не работать. Образовали ее, вероятно, с задними мыслями, но события в этом вопросе пока всех сплавивают в одно целое. То, что говорят те и другие, все-таки же это *bonnet blanc, blanc bonnet*³. Между этими двумя выражениями есть некоторая разница в зависимости от того, где вы ставите логическое ударение. Так и в данном случае, одни ставят его на необходимости помощи только при некоторых условиях, а другие ставят его на условиях, при соблюдении которых только возможна и помощь. Но и те и другие все-таки стоят и за помощь и за условия, и отдельно их не принимают.

Эта общая позиция до некоторой степени была подкреплена и событиями в самой России; требование на первом месте условий было высказано центральным комитетом эс-эровской партии в России, что сильно повлияло на Учредилку. Противоположная позиция, которая при соблюдении условий не только находила нужным помогать, но даже не чуждалась сотрудничества с большевиками, была подкреплена комитетом, образовавшимся в Москве. Люди, которые не внушали сомнения в своей ортодоксальности, вроде Кишкина⁴ и Прокоповича, впервые в этом вопросе пошли с большевиками и этим облегчили совесть тех, которые без этого колебались. Словом, все дороги ведут в Рим, и все привели к позиции, которую заняли русские элементы и само французское правительство.

Однако неправильно думать, что в этом вопросе существуют только две точки зрения. Скоро появилась и третья, точка зрения самих большевиков. Сначала о ней только догадывались, а потом она стала формулироваться ими самими и их друзьями. Она сводится к тому, что большевики не могут ввиду голода сложить руки, должны действовать и действовать энергично, чтобы не быть снесенными стихией; но они должны все-таки поставить во главу угла своих забот сохранение режима и собственной власти; с пронизательностью врага, понимающего замыслы противника, они поняли, что, если бездействие могло бы повести к их свержению, то действия, сопряженные с общением с границей, грозят им свержением на другой лад, но все-таки свержением. Понимая это, они довольно искусно нашли ту дорожку, которая, правда, ведет между Сциллой и Харибдой, но которую все-таки при некотором искусстве пройти можно. С этой точки зрения создание московского комитета, который, к слову сказать, был создан не по их почину, а по почину общественных организаций, соответствовало и их видам; во-первых, он в глазах страны перекладывал

часть ответственности на общественность, по крайней мере на ту ее часть, которой страна по привычке продолжала верить; во-вторых, работа с этим комитетом в известном слое общественности обеспечила им помощь, которой без этого они не получили бы, причем эта общественность благодаря сотрудничеству с советской властью на время переставала быть с ними в прямой борьбе. Забавно видеть, как *mutatis mutandis*⁵ все осталось по-прежнему; это как раз те доводы, которыми в былое время оправдывалось и допускалось существование во время войны Земского и городского союза. В-третьих, благодаря этому создавался декорум, полезный и для Европы, без которого буржуазная Европа может быть и не откликнулась бы на их крики о помощи и которая теперь может вообразить, что она приняла все нужные меры, если деньги будут направляться именно в этот комитет, независимый по имени, но находящийся всецело в руках большевиков. Словом, большевики ясно поставили задачу: предотвратить голод нельзя, нужно ставить задачу достижимую, оказать помощь там, где голодное недовольство было для них опасно. Интересы большевиков здесь совпадут с реальной возможностью; ведь, если нельзя накормить всех, хотим мы этого или не хотим, выбор остановится на том, что ближе; дальними жертвуют для ближних. Кормить будут столицы, большие города, места по железным дорогам, и только когда они будут накормлены, будут возить хлеб и дальше; если его не хватит на всех, то дальше его и не повезут; но не может быть, чтобы кормили Волгу, оставляя умирать с голоду Москву и Петроград. Для большевиков именно это и выгоднее. Умиравшая Волга их не свергнет; голодные Москва или Петербург, голодные красноармейцы для них — угроза. Вся их задача состоит именно в том, чтобы Волга околевала где-то далеко от них, а чтобы Москва и Петроград, центр их власти, были спокойны и довольны.

Если Волга двинется на Москву, то их задача не допустить этого, остановить движение где-то в промежутке. И опять в этом их выгода совпадает с необходимостью и даже с интересами страны. Если допустить приход голодных с Волги до Москвы, они вытопчут и уничтожат все, что было между ними и Москвой; сам народ примет в колья эту голодную толпу, и, если большевики пришлют пулеметы, чтобы их остановить, то им за это скажут спасибо. Таким образом, по необходимости всякая помощь, даже недостаточная, будет направлена так, что она будет ограждать власть от непосредственной для нее опасности. Ведь сами красноармейцы будут необходимы, чтобы охранять их склады от расхищения, и Европа будет работать с красноармейцами и будет принуждена их кормить. Поэтому с точки зрения интересов большевиков даже незначительная помощь есть все-таки благо, которому не нужно мешать; опасность для них была бы в том, что при совместной работе буржуазный элемент будет заслонять самих большевиков, даст им опору в населении, но, во-первых, бабушка еще

сказала надвое; может быть, что комитет будет козлом отпущения за все беды, и большевикам можно будет на них свалить всю ответственность за то, что случится; а, во-вторых, если это не так, и комитет будет пользоваться популярностью, он все-таки в руках большевиков, и от их такта и дальновидности зависит поставить его на место при первом поползновении с этого места сойти.

Эта третья точка зрения, большевистская, подсказывающая, что нужно делать, чтобы выйти из катастрофы наименее поврежденными, и есть та платформа, на которой будет происходить бой и в среде самой России и между союзниками. Уже и сейчас левая пресса, коммунистическая, говорит, что необходимо всю помощь отдать в руки большевиков; им-де виднее, куда ее девать, это дело правительства, и всякие попытки контроля и вмешательства недопустимы. Так говорят коммунисты; англичане умнее и ставят ставку на комитет; они говорят: в России образовался комитет, в нем большевики сотрудничают с умеренными буржуазными элементами; этот комитет пользуется достаточной автономией, а доказательство того, что она достаточна, видно из того, что эти умеренные демократические элементы туда согласились войти; не следует быть более роялистом*, и нужно всю помощь направлять этому комитету. Если бы так был решен вопрос, то большевики свое дело выиграли бы, ибо справиться с комитетом им не так трудно. Вот почему с нашей точки зрения необходимо не упускать это дело из рук иностранцев, и если можно помогать комитету, пользоваться им, поддерживать его, то не выпускать дело из своих рук ни фактически, ни номинально и иметь возможность когда угодно вновь ставить свои условия под угрозой уйти. И в России вокруг комитета и здесь около международных организаций, которые могут создаться, будь то** или Лига Красных Крестов или Хувер, везде будет происходить борьба этих двух тенденций, борьба между желанием использовать голод, чтобы задушить большевизм, как систему, и между желанием под предлогом голода большевизм поддержать. Коммунисты потому, что они ему сочувствуют, англичане потому, что по их представлению он им полезен. Кто победит в этом споре, большевики или мы? На нашей стороне есть материальные средства буржуазной Европы, но зато у нас разношерстность, разномыслие, влияние левых политиков, фантазеры вроде Нансена и российский оптимизм, который искренне верит, что большевизм уже кончился; а у них единая воля и простой план держаться, как можно дольше, упорство, которое вносит в дело инстинкт самосохранения.

На этой позиции, насколько я понимаю, стоим все мы, Америка, Спарго, который прислал мне копии своих писем, и пока французы. Я не знаю, как сложится дело в Европе; пока дальше предварительных переговоров и выборов представителей не пошли. Сегодня я беседовал с Нулансом^б, который поставлен в

* Пропущено слово.

** Пропущено слово.

главу тех трех лиц, которые будут участвовать в международной комиссии при Conseil Suprême убедился в следующем: во-первых, что Франция ни под каким видом не хочет, чтобы из-за вмешательства Европы большевизм хотя бы в какой-нибудь мере вышел укрепленным; во-вторых, что французы были бы рады воспользоваться этим голодом, чтобы начать мирную политику ликвидации большевизма.

Вам это может быть недостаточно ясно; за последнее время все более усиливается во Франции течение против того, чтобы Франция осталась в стороне от тех дел, которые делаются с большевиками. Вы может быть читали радио Чичерина, которое он прислал французам, где он закидывает им грубую, но и заманчивую приманку, говоря, что Россия, несмотря на все подлости Франции, рада дать ей, как и другим, возможность нажиться в России; но что если она придет слишком поздно, то жирные куски будут захвачены уже другими. Вы, который хвалили когда-то Чичерина за моральные мотивы в его писаниях, Вы едва ли могли найти их в этом радио; это циническое для коммунистов приглашение. Но оно тем более попало на благодатную почву; и раньше французы начинали беспокойно поглядывать, как бы им не остаться в дураках и умна ли политика воздержания, если она не всеобщая. Даже такой столп консерватизма, как Пуанкаре, стал писать статьи в «*Revue des deux Mondes*», где позиция Франции, если не осуждалась, то ставилась под знак вопроса. Но нужен был выход, притом благовидный, чтобы изменить эту политику. Связать это с одним признанием долгов казалось ребячливым и несерьезным; все понимают, что признание ничего не изменит. И для многих в голоде почуялась другая перспектива; стало возможно явиться в Россию с организаторскими и культурными задачами; мало накормить, нужно восстановить транспорт, значит, нужно устраивать железные дороги; для этого надо восстанавливать и обслуживающие железные дороги заводы, а для этого руду, уголь и т.д., и т.д. до бесконечности: все связано и, следовательно, нужно восстанавливать всю экономическую жизнь России; явиться делать это туда под флагом гуманитарной помощи голодающим, может быть, наилучший исход, и потому-то французы так энергично и взялись за этот вопрос.

Мне кажется, что какие бы у них ни были мотивы и, увы, очень ограниченные возможности во всем этом, их интересы совпадают с американскими. Пусть у американцев более бескорыстия и, уже во всяком случае, более умения, но они приходят к одному и тому же результату: к необходимости восстанавливать экономическую жизнь и экономическое здоровье России; именно поэтому они вместе могут быть против той политики, которую могут преследовать и англичане, поддерживая большевиков, и утописты вроде Нансена или Международного Красного Креста.

Я думаю, что большевизм вообще так ослаб, так подорвал веру в себя и сам ее в себя потерял, что он долго не продержится. Задержат ли его падение в той или другой форме или не задер-

жат, но оно скоро со сцены сойдет; к несчастью то, что идет ему на смену, пока еще очень неважно, очень еще «не то». Но об этом после.

2. Второе, о чем я хотел говорить, это международное положение; об этом всего короче: главная злоба Европы это все растущий антагонизм Франции и Англии, который неизменно идет к разрыву. Вам из Америки кажутся мелочами те события, которые здесь если не важны сами по себе, то симптоматичны, как, например, коронавание Фесаля-паши, поздравительная телеграмма ему короля Георга, которые кажутся явным вызовом⁷. Но, конечно, главным образом этот конфликт сказывается в вопросе о Верхней Силезии, вернее, во всей совокупности отношений к Германии. В вопросе о Верхней Силезии зашли в тупик; вопреки предсказаниям и слухам, будто Бриан давно сговорился с Ллойд Джорджем, Бриан не уступает; трудно сказать, что у него в душе, но несомненно, что он уступить не смеет, ибо заплатил бы за уступку собственной персоной. Парламенту и французскому шовинизму в этом случае понадобилась бы искупительная жертва, и ею был бы Бриан. Не знаю, когда и как это началось, но французы так плотно связали себя с Польшей в вопросе Верхней Силезии, что уступить не могут. Уступка была бы их поражением. У них, впрочем, и по существу укоренилась мысль, что отнять Верхнюю Силезию у Германии необходимо, ибо с Верхней Силезией Германия настолько быстро окрепнет, что станет опасной. Я хорошо помню, что, когда беседовал об этом вопросе с Бертело⁸ при представлении ему той моей сугубо конфиденциальной записки, которую я Вам послал в Америку, то Бертело мне сказал: «В вопросе о Верхней Силезии мы ни за что не уступим, иначе Германия скоро возьмет свой реванш». Эта точка зрения до такой степени вбилась в головы французов, а главное — они так связали себя публично, что сейчас не могут отступить. Самую передачу дела в Лигу Наций можно было рассматривать только как средство позолотить пилюлю; когда принимаешь арбитраж, то можно продолжать считать себя правым и за все ругать судей. Вчера один большой французский политический деятель мне с грустью говорил, что он видит, что в этом вопросе все против французов, но что выхода нет. Если не произойдет ничего сверхъестественного, то есть, если вдруг неожиданно все державы, имеющие голос в Лиге Наций, не повернут против Англии, то нужно думать, что в большей или меньшей степени Германия выиграет свой процесс против Польши; а это означает поражение Франции Англией. Это еще бесконечно больше испортит отношения Франции с Англией; трудно сказать, как это отразится на ее политике; так как победившей стороной здесь окажется не только Англия, но и Германия, то, следовательно, тот выход, который при других условиях был наиболее естественен, т.е. сближение Франции с Германией, окажется тоже устранным.

Это настоящий тупик для Франции, который заставит ее испугаться своей изолированности; ведь, в сущности, кроме Польши у нее друзей не осталось и, если, следовательно, когда-нибудь возможно будет думать, что Франция станет строить свою политику по Америке, искать сближения и единомыслия с ней и стремиться вместе с ней получить на свою сторону будущую Россию, то никогда международная конъюнктура так этому не благоприятствовала. И я подхожу к тому, что хотел Вам сказать: в этих условиях получает колоссальный интерес американская затея о Тихоокеанской конференции. Как ни ограничивать ее задачи и какие бы ни предполагались решения, разговор будет обо всем. Какое же положение в этих обсуждениях будет иметь Россия? Будем ли мы так же отсутствовать, как на Версальской конференции или даже еще больше, ибо у нас не будет суррогата в виде Политического совещания. Вы понимаете, что тут начинается Ваша роль и Ваша ответственность. Тут Вы хозяин положения не только потому, что находитесь в Америке, но и по Вашему личному в ней положению. Что бы ни было сделано, мимо Вас не пойдет и Вы будете бесконечно свободнее, чем были мы в Париже, когда равнялись по Сазонову и Колчаку. И мне хочется как можно скорее знать Ваше мнение не только по существу, но и по формальным вопросам. Допустим, что Вы сможете вести в этом вопросе свою линию, будете ли в роли простого закулисного советчика, официозного* или даже официального представителя. Если бы Вы могли добиться этого, какая бы была громадная победа для нас всех. Но во всех этих ролях Вам, может быть, будет полезно подкрепление; разумею это не в смысле нового Политического совещания; мне достаточно вспомнить наше, чтобы понимать, что оно Вам не поможет. Но все-таки Вам нужны будут знатоки и эксперты Дальнего Востока не только в политической, но и экономической области. А затем официальное присутствие около Вас специалистов может быть полезно и для Вашего авторитета. Отсутствие их, невозможность сослаться на то, что Ваши заявления результат коллективной работы, к которой привлечены знатоки местных условий, могло бы уменьшить Ваш авторитет, а впоследствии явиться источником нареканий на Вас. Думаю, наконец, что советчики даже из простого тщеславия, наверное, найдутся, и если не будут привлечены Вами в Ваше русло, то могут повести линию помимо или против Вас. Из всего этого следует, мне кажется, что было бы очень полезно Вам взять под свою опеку и привлечь к предварительным работам в качестве советчиков всех тех, которые без Вас что-нибудь в этом отношении делать начнут. Что такие люди найдутся, сужу уже по тому, что даже в Париже у нас закопошились люди, к тому вовсе не призванные; обсуждение этих вопросов на очередь ставится и в среде Учредилки, и в среде Торгово-промышленного союза и т.д.: собираются выступать с заявлениями, коллективными или единодушными и т.п. Ко мне тоже обра-

* Пропущено слово.

щаются с вопросами, что мы, Совещание послов, по этому вопросу думаем делать. Ясно, что мы ничего не собираемся делать и что единственный путь, в котором мы могли бы чем-нибудь проявить себя, было бы только общение с Вами. Ввиду этого мне хочется, чтобы Вы не откладывая дали нам сюда для руководства надлежащую ноту: что отвечать на запросы, что говорить о Ваших возможностях и в какую сторону толкать все находящиеся здесь не у дел таланты и гении. Самому же мне по этому вопросу хочется поделиться с Вами некоторыми предварительными взглядами формального свойства. Мне кажется, во-первых, что надлежит самым энергичным образом отрицать какое бы то ни было участие большевистских представителей на этой конференции; это был бы хороший пример и способ показать, что антинациональный характер власти и политики большевиков мешает их праву говорить за Россию. Во-вторых, мне кажется, что если мы отвергнем большевиков и если нам не удастся официально включить в это дело Вас, как эмблему прежней и будущей России, то, может быть, было бы правильно выслушать в качестве сведущих лиц голос людей, которые по своему положению должны понимать интересы Дальнего Востока, я подразумеваю различного рода профессионалов, представителей торговых домов, кооперативов и каких-нибудь других общественных организаций. Что менее ясно, это вопрос о желательности привлечения лиц с официальным положением в прошлом или настоящем.

Я имею в виду, во-первых, Хорвата⁹; говорю о нем потому, что здесь много его сторонников и справа и слева, и мне прожужжали уши, настаивая на его необходимости; сообщаю это Вам просто к сведению. Впрочем, некоторые доводы за него вовсе лишены основания. Как-никак Хорват десятки лет был на ответственном посту и даже теперь, когда наша миссия в Китае уничтожена, он сохранил полуофициальное положение. Он связан с нашим крупнейшим интересом в Китае — Маньчжурской дорогой. Его авторитет на Дальнем Востоке не поколеблен, во всяком случае больше, чем чей бы то ни было. Можно с ним не соглашаться, и с ним нельзя, быть может, вовсе солидаризироваться, но в пределах общего, и при этом крупного интереса он авторитет и* и его нельзя обойти, не вызвав недоумения. Вот что здесь говорят, и я сообщаю Вам для полноты Вашей осведомленности. Но меня больше занимает другой вопрос; только не падайте в обморок; я спрашиваю себя, если в это время будет существовать какая-то фактическая власть в Приамурье, во Владивостоке, которая не будет большевистская по программе и составу, то будет ли у нас право устранить ее от обсуждения этого вопроса. Вы, может быть, правы в своем отрицательном отношении к Меркулову; кстати, с тех пор Меркулов превратился в Колесникова, Колесников в Иванова¹⁰, а когда Вы получите письмо, может быть будет что-нибудь другое. Но как бы то ни было, можно ли сказать, что

* Пропуск в тексте.

фактическая власть части Тихоокеанского побережья, которая ставит национальную задачу и провозглашает наши лозунги, не должна иметь голоса при обсуждении дел, касающихся Тихого океана. Они все-таки фактическая власть, и это их положение ко многому обязывает, но и дает некоторые права. Заметьте, я это говорю на случай, если Вас лично, как посла всероссийского, не допустят; в этом последнем случае Вы всех покроете. Но если Вас не будет, а мнение России пожелают узнать из проявлений отдельных слагающих ее частиц, так не будет ли справедливо спросить и тех, кто все-таки кем-то признается их властью, на известной территории, сами, очень хотя и неудачно, но идут к той же цели, как мы. И не думаете ли Вы, покровительствуя представительству этого фактического правительства на конференции, [что] могли тем самым расширить их горизонт, ввести их в круг международных вопросов и дать им ту ориентацию, до которой они сами, всеми покинутые, могут и не додуматься. Ведь если мы не отказываемся от мысли влиять на дела России даже через большевиков, то тем более это допустимо через них. Смена правительств во Владивостоке происходит часто: значит власть существует не сама по себе, не собственной силой; ибо такая власть не уходит и не замещается, пока не наступит катастрофы. Значит, фактическая власть в Приамурской области представляет какую-то равнодействующую между различными факторами, куда входят и японская поддержка, и остатки каких-то войск, и симпатии какой-то части населения. В этих условиях могла бы войти могущественным фактором еще новая сила: международная поддержка, обеспеченная известной политике. Вы могли бы, может быть, если не изменить состав правительства, то его поправить. Словом, в окончательном выводе мне думается, что несмотря на Ваше отрицательное отношение к этому правительству, можно было бы использовать конференцию, надо дать ему надлежащую ориентацию*. Все это сырые мысли, которые такими и принимайте. Может быть, все это вздор.

Третье, о чем я хотел Вам писать, это отношение к большевизму и т.п. Самый интересный и сложный вопрос; хотелось бы, чтобы Вы меня как следует поняли. К этому же вопросу присоединяется и личный вопрос, так что буду говорить об обоих.

Я много думал о том, что нас разделяет; минутами кажется, что мы оба согласны, а минутами и обнаруживается разрыв. Мне кажется, что я вижу водораздельную линию между нами. Не знаю, так ли она глубока, как кажется; много зависит от смысла, который мы вкладывали в те же слова, и от оговорок и**, которые вносятся в наши позиции.

Мне кажется, что мы расходимся в том, что является сейчас злободневным спором; если посмотреть, что раскололо кадетскую

* Так в тексте.

** Зачеркнуто «параллелей»; одно слово вписано неразборчиво от руки.

партию, прочесть декларацию отделившейся части кадет, напечатанную в «Последних новостях», то видно, что и там водораздельная линия пошла по тому же вопросу. Это противопоставление национального самоуправления тому, что Вы называете иронически варяжской системой, т.е. управлению. Одни говорят, что народ нужно предоставить самому себе, верить в его государственный смысл, знать, что он учится на собственных ошибках и что всякая попытка управлять им есть теория антидемократическая. Другие держатся иного взгляда, и Вы за это их клеймите варягами. На этом вопросе и происходит раскол. Как всегда, каждая из двух теорий для удобства полемики доводит другую до крайности и даже до абсурда, при которых полемика легче, но не интереснее. Но доля истины за этими противоположениями все же имеется. Это серьезный вопрос и за решение в смысле самоуправления говорит ряд доводов; и инстинкт человека, который желает быть себе хозяином, и весь исторический процесс, который идет в этом направлении, и идеалы демократии, и, наконец, почтенные свойства, как вера в свой народ. Ведь верить в народ, как будто значит верить, что он сможет управлять своими делами сам, и сможет отвергать притязание им управлять, будь то сверху или со стороны.

Я признаюсь, что в это не верю или мало верю, и потому я в этом смысле варяг; я бы мог здесь поставить точку и сказать, что нашел, в чем мы разделились, но я думаю, что такое упрощение вопроса, его схематизация есть оптический обман, и что разница между нами больше словесная, чем по существу.

Если верить в русский народ, значит верить в непреложность четыреххвостки, парламентаризм, Учредительное собрание и даже referendum, если думать, что истинное народное понимание выражается в вотуме его представительства, выбранного по четыреххвостке, то я в русский народ не верю. Но только рассуждать так, значит одно понятие подменять совершенно другим. Вера в народ не равносильна вере в четыреххвостку. Здесь была бы коренная ошибка, которой умный человек, как Вы, не должен делать. Правда, многие политики так на это и смотрят; недаром в былое время Милюков находил, что никакой процесс в России невозможен, если не ввести четыреххвостку, не уничтожить Гос. Совета и не сделать правительство перед четыреххвосткой ответственным. Того, кто в этом усомнится, тоже упрекали, что он не верит в русский народ. Теперь его обвиняли бы в варяжьей теории. Но я все-таки не верю в это и для меня, если глас народа и глас Божий, то глас четыреххвостки не глас народа. Я хорошо знаю, что жизнь страны развивается в этом направлении, что в этом состоит политический прогресс, что где четыреххвостка даст наилучшие результаты, там народ наиболее развит и подготовлен. Четыреххвостка отличный, хотя и не совершенный инструмент, но инструмент очень сложный и тонкий, им не всякий умеет владеть. Чем совершеннее политический строй, тем труднее его применение, как чем совершеннее и лучше машина, тем на ней труднее

работать. На этом пути* механик. Народ развивается в этом направлении, то есть подготавливается к возможности управляться четыреххвосткой. Но это вырабатывается длинным процессом, который нигде не дошел до конечного пункта; а чем больше страна, тем труднее дойти до конца. Политическая жизнь везде начиналась с подчинения масс избранным единицам; единицы заменялись меньшинством, аристократией; аристократия расширялась, меняя свою форму и основу, от наследственной привилегии переходя к привилегии капитала, может быть образования и так дальше; она теперь дошла как будто бы до демократии, которую правильнее назвать лжедемократией, подобно тому, как мы знаем лжеконституционализм.

Ведь по каким-то причинам демократии и Англии, и Франции, и Америки выбирают своих представителей из какого-то социального меньшинства, поручают им управлять собой, а не делают этого по четыреххвостке. В этом, в сущности, и состоит мудрость современной демократии и причина ее успеха, и даже условие ее возможности; если бы демократия посылала в правящий центр людей по своему образу и подобию, т.е. представителей трудящегося большинства по плечу этому большинству, то это был бы верный признак того, что она еще не понимает важности тех вопросов, которые перед ней ставятся, не понимает и своей собственной ответственности. В этой области, как и во многих явлениях социальной жизни, и вся гегелевская триада; сначала демократия подчиняется не рассуждая, потом пробует управлять сама, а затем, поумнев, возвращается к сознательному подчинению. Это делает ее — демократией, но потому, что она разумная. В России мы получили опыт второго периода; русская демократия, получив свободу, оказалась недостаточна умна, чтобы вверить бразды управления тем, кто того заслуживал, и еще гораздо меньше подготовлена, чтобы сама управлять; она переживает тот период, где начинает понимать, что ничего не понимает, первый признак поумнения. Вы вспомнили Шульгина, как представителя варягов; я вспоминаю его сравнение, написанное до большевистской революции; он приводил приблизительно такое сравнение. Если оркестр музыкантов играет, а публика не смеет критиковать, — это самодержавие; если оркестр играет, а публика объявляет, что ей нравится и не нравится — это конституция; а демократия, если публика прогонит музыкантов, сама возьмется за инструменты и начнется какофония. В значительной мере он был прав применительно к эпохе март—октябрь 1917 г.; но такая демократия не обязательна; Россия добралась пока только до нее, явный признак, что она до нее**. Для того, чтобы уязвить противников, Вы вспоминаете о варягах; не знаю, как Вы понимаете эту легенду; Ключевский¹¹ отучил нас верить тому, что о ней говорилось; никто варягов княжить не призывал, а их наняли, как нанимали

* Два слова вписаны неразборчиво от руки.

** Два слова вписаны неразборчиво от руки.

наемников-скандинавцев, чтобы оберегать речные сообщения от внешнего врага, а они захватили власть в свои руки. Но если бы допустить версию наших летописцев и Карамзина¹² о том, что русские старейшины позвали варягов ими управлять, то в таком призвании было бы великое торжество старинной русской демократии, которая поняла, что есть что-то, что ей не под силу и с чем справятся другие. Единственный упрек, который можно было бы им сделать — это малому их «национальному» самолюбию, но не демократизму. До последнего времени в русском народе был смысл демократии, который не искал власти для себя; не предполагайте во мне единомышленника Петра Киреевского и Константина Аксакова¹³, если я думаю, что в русском народе под влиянием многих причин сохранились своеобразные отношения к власти и ее оценка. Я это наблюдал с необыкновенной рельефностью на фронте во время войны. Ведь там в повышенной степени проявлялись все основные черты национального характера. Я не знаю, рассказывал ли я когда-нибудь Вам одно мое впечатление от соприкосновения с солдатской массой. Была так называемая Железная дивизия, которой командовал тогда Деникин¹⁴, и знаменитый 3-й батальон II полка этой дивизии под командой Удавищенко; потом я слышал, что он стал деятелем украинства. Удавищенко был кумиром солдат, любимцем дивизии, солдаты им гордились, как солдаты 48-й дивизии в свое время гордились своим дивизионным командиром Корниловым¹⁵. Когда бывало спросишь солдата, какого он батальона, он никогда не отвечал: 3-го, а говорил: батальона Удавищенко. Мне захотелось познакомиться с этим героем, и я ходил к нему в окоп накануне атаки. Громадный мужчина, татуированный, с настоящим русским лицом, любитель выпить, все, что полагается. Мы прошли по окопам, я видел, с какой радостью отвечали солдаты, когда он с ними разговаривал.

Было ясно, что его действительно любят. И вдруг в разговоре с ним я узнаю, что у него ревматизм, болит рука, он не может сам дать солдатам в морду и водит с собой для этого фельдфебеля. Узнаю про розги, которые он всыпал тому и другому солдату. Все это меня удивило: и это любимец. На другой день атака. Удавищенко как всегда шел впереди с ножницами для проволочных заграждений и как всегда ни одна пуля его не тронула. Солдат из его батальона легло много, многие попали к нам в лазарет, и, разговаривая с ними, я расспрашивал про Удавищенко. Одни только восторженные отзывы. Наш-то, с ним-то не пропадешь, всегда впереди и т.д. Я осторожно стал спрашивать, правда ли, что он их бьет. На это последовал тоже утвердительный ответ. Еще как — и ряд иллюстраций и анекдотов о его жестокости. Как же это так, — спрашиваю, — и любите вы его, и бьет он вас. И на это не один, а многие мне отвечали одинаково: без нужды, без дела не бьет. Бьет за дело, а сам всегда впереди, за нас не прячется, последний кусок с нами разделит, за своих солдат в огонь и в воду, и т.д., и т.д. Тут много пережитков унижительного прошлого, отсутствие чувства человеческого достоинства, словом, много что придает рассказу неприятный оттенок; но в нем есть и

серьезная сторона: солдаты инстинктивно чувствовали, что Удавещенко, хотя жестокий человек, хотя и бьет виноватому морду, но, в сущности, не властвует, а служит им; он настоящий начальник, т.е. хозяин, и за это ему прощается и его строгость, и его строптивый характер, и то, что он не шутит с виноватыми. И как бы не лебезили перед солдатами другие офицеры, если они распускали вожжи и сами прятались сзади или, что еще хуже, пользовались властью для личных целей и выгод, мирволили любимчикам и т.д., то к этим офицерам, которых, может быть, и терпели в мирное время, в условиях войны относились с брезгливостью и без уважения. Это отношение народа к власти есть отношение настоящей демократии на том уровне, на котором были солдаты. В их собственных хозяйствах они, может быть, власти и не признали бы; там они господа потому, что дело им по плечу. Но в военном деле они понимали, что им нужно слушаться, что своим умом они не справятся, что в общем порядке их спасение; и они понимали, что власть не одинакова, что настоящая власть не та, которая им льстит и кадит, не та, которая вопросительно смотрит на них, а та, которая им приказывает, но зато и самоотверженно о них думает. Вот какая власть была им нужна; та власть, которая одновременно им и слуга, но и для них живет и бьет их за них же и за их благо. Россия до революции стояла на том уровне, когда высшим ее разумом должно было быть умение отличить подходящего, но отличивши его, за ним смело идти. Что Россия настоящая, прежняя Россия была такова — наблюдение не мое, но всех и русских и иностранных наблюдателей. Почитайте, если только она есть в Америке, очень интересную книгу воспоминаний о России*. Это французский офицер, превосходно говоривший по-русски, который проделал всю войну и революцию с русскими войсками. Общее наблюдение и русских и иностранцев, что русское войско — незаменимое войско, где хороши офицеры. Русский солдат под начальством хорошего офицера создает идеальную военную силу, с которой никто не сравнится; оно где офицер плох, там и войско ничего не стоит; то же самое, где офицер исчезает; культурный уровень солдат таков, что без начальства и без управления им он будет делать то, что стал делать во время революции, когда начальство ушло, по выражению покойного Розанова¹⁶, стал грызть семечки, спекулировать, торговать, и убежал с фронта, продав оружие и орудия.

Конечно, эту военную иллюстрацию надо применять к государственным явлениям только *mutatis mutandis*; в государственной жизни не надо будет ни мордобоя, ни беспрекословного повиновения «офицеру», ни служебной дисциплины и т.д. Это все войско и война. Но и в государственной области может быть аналогичное отношение к власти не как [к] уполномоченному, который обязан исполнять волю народа, так как это ему предписыва-

* Одно слово вписано неразборчиво от руки.

ют и приказывают, а как к власти, которой подчиняются потому, что верят ей, что она и хочет блага народа, и может его сделать.

Эта идиллия доброго старого времени в чистом виде, конечно, прошла. Так отношения народа к власти не ставят более. Но это я применяю ко всякой демократии*.

До этой высоты демократия уже доросла; она умела и давно делать разницу между Удавищенко и генералом Брусиковым, между тем, кто им служит и, служа им не спускает провинности, и между тем, кто их боится и им льстит¹⁷. Это много для демократии, но больше нельзя требовать; время, когда она будет сама собой управлять, настанет не скоро.

Карташев¹⁸ на Национальном съезде придумал теорию, что воля русского народа во время революции была больная воля, воля нездорового народа. Тут есть некоторая доля правды, но не вся. Наша революция [поскользнулась] именно потому, что под влиянием теории — глас народа — глас Божий — народ заставили самого быть властью, решать все вопросы, не слушать хозяина, а заставили его самого быть хозяином; на этом он провалился, потому что до этого он еще не созрел.

Я отлично понимаю, что невозможно поддерживать теорию управления народом против него, даже если тот, кто управляет, бесконечно умнее народа. Если бы это было** варяжской теории, то, конечно, ее нужно сдать в архив; но, конечно, этого мы не говорили, управление против воли и понимания народа есть безумие, которое в результате кончается катастрофой; никто сильнее народа быть не может, или вместо управления он будет с ним бороться, все увеличивать пропасть между собой и народом и придет к тому финалу, к которому пришли большевики. Если роль демократии может ограничиться тем, что он изберет ту власть, личную или коллективную, классовую, за которой идет, то роль и долг власти зорко следить за тем, чтобы не только служить народу, но продолжать быть понятным и родным ему; с точки зрения интеллигентного либерала обидно, что солдаты Удавищенко мирились с мордобоем; но я ценю их все-таки за то, что они поняли, что Удавищенко есть настоящий начальник, потому что, в сущности, он настоящий слуга собственного солдата. Я принимаю Удавищенку потому, что он, будучи властью и имея возможность безнаказанно бить морду и хлестать розгами для собственного удовольствия и престижа, вел себя так, что все понимали, что это делается не из честолюбия, тщеславия, искания выгод, а для пользы самого народа. Поэтому необходимо, чтобы власть понимала, что можно делать и что нельзя делать, чтобы она не перетягивала струны, в чем грешил сам Петр Великий¹⁹. И так как власть должна понимать, что с развитием жизни круг людей, понимающих то, что делается, все растет, то самой власти, которая служит народу, а не себе, необходимо в собственных же интересах сознательно подго-

* Несколько слов вписаны неразборчиво от руки.

** Одно слово вписано неразборчиво от руки.

товлять те классы и группы, которые могут понимать и смогут разделить с ней тяготы власти. Обращаясь опять к моим военным наблюдениям, я помню, как Корнилов еще задолго до всякой революции создавал нечто вроде комитетов в войсках из стариков, как он их называл, из солдат, которые сознательно относились к операциям военного характера и с которыми он заранее их обсуждал. Ему было важно подготовить кадры, которые шли на смену офицерства. В этом состоит долг всякого правительства, подготавливать людей и всю демократию к самоуправлению, подготавливать ее не только школой, но практикой, жизненным опытом, привлекая их немедленно к управлению там, где это управление будет им по плечу. У нас правящее меньшинство до революции делало прямо обратное.

Народ, т.е. крестьяне, допускались к самоуправлению только в сельских сходках; нельзя не сознаться, что даже и в этой сфере народ оказался не на высоте призвания; мы знаем, какие нелепости допускались крестьянами на сходках, на выборах, в судах и т.д. Это было легко исправимо, если ставить задачей подготавливать народ к самоуправлению, если понимать, что самоуправление и желательное и неизбежно должно прийти, что поэтому сельский сход — прекрасная ступень к этому. Вместо этого над земским сходом насажали контроль земских начальников, которые стали бороться с принципом самоуправления и т.д. Нечего говорить о том, как относились к самоуправлению в других областях, начиная с земства и кончая Университетом и Думой. Это оттого у нас управляла кучка, которая не служила этому народу, считала, что способность народа к выступлению на политическую сцену есть гибель не для народа, конечно, а для нее, этой кучки. Вся мудрость управления этой кучки состоит в том, чтобы не допускать народ до самоуправления. Эта система, которая имела свою идеологию, блестящим представителем которой был Катков²⁰, ибо редко кто высказал ее так последовательно и вообще с таким искусством защищал неправо дело, эта теория утверждала, что наш народ никакого самоуправления не хочет, что он дорожит правом беспрекословно подчиняться исторической власти, что всякая попытка привлечь его к самоуправлению противоречит его воле и интересам и навязана ему со стороны. Эта глупая теория, которую можно было бы назвать варяжской, породила, в противовес, не менее однобокую и не менее неправую, будто вера в народ требует немедленного допущения его ко всем ступеням управления, признания его готовым и зрелым, словом, вела к подмене мистической веры в народ, т.е. в его способности, в его будущности, в его развитие*.

Wo ist der langen Rede kurzer Sinn²¹? Только в одном. Слова «служить» народу и «верить в народ» нельзя понимать в упрощенном смысле. Это понятия сложные. Можно быть Бурбоном²² и в то же время служить своему народу не за страх, а за совесть;

* Так в тексте.

и народ в этом Бурбоне с благодарностью и любовью может чувствовать слугу и дорожить им не из-за рабьего чувства, а тем народным инстинктом, который в вопросах ему доступных не ошибается. Можно верить в народ, в его здравый смысл, в его государственные таланты, в его великое будущее и в это же время быть глубоко убежденным, что дать ему сейчас республику по четыреххвостке значит его погубить. Так и родители, которые верят в будущность своих детей, не дают полной свободы, не позволяют делать, что они хотят, а считают своим долгом их воспитывать и учить.

Конечно, мы знаем, какое употребление делали из этих простых мыслей в противоположном лагере. Под предлогом, что народ не готов и не развит, его не готовили и не развивали. Бывают ведь и опекуны, которые не учат, а развращают детей, чтобы подольше сохранить в своих руках право опеки. Перед революцией монархов убеждали, что народ их обожает, и ссылались не то на крики на улицах, не то на адреса Союза русского народа²³. Монархи, а еще больше их лакеи, утверждали, что их воля есть Божья воля, которая не знает ошибок. Эти дикие утверждения психологически вели к другой крайности; вспоминая, что кто-то сказал, что «для царей народ никогда не готов к самоуправлению», мы стали утверждать, что он всегда готов и что тот, кто в этом усомнится, не верит в народ. В противоположность теории об «ограниченном» разуме подданных мы стали верить в их «безошибочный» разум. И писатели, вроде Гуревича²⁴, уже зарабатывают в «Последних новостях» на благоглупости на эту тему. Самая мысль, что народ надо учить и воспитывать, кажется оскорблением народу; мы, говорят нам, должны у него учиться. Все это словесные эксцессы; вопрос гораздо глубже; его нельзя решать по одному рецепту; он зависит от жизни и условий; классическая сказка про Иванушку Дурачка, который всегда делал то, что нужно делать, только не вовремя и некстати — сама народная мудрость. В последние дни монархии против уверенности власти, что она не может ошибаться, можно было апеллировать не только к народовластию, но и к тому, что народ лучше царя и его клики понимает, что ему нужно; тогда можно было идти с требованием веры в народ. Это было правильно не только как полемический прием, но и как борьба с крайностью противоположных мнений. Но тот момент, который мы сейчас переживаем, когда все переменялось, когда мы попробовали настоящее народовластие, идти теперь с этим лозунгом значит заплясать на похоронах. Но мы, как Иванушка, не можем от этого отрешиться.

Что представляла собой старая Россия. В ней был коренной политический порок; правящее меньшинство перестало понимать то, что нужно стране, или перестало делать это потому, что ему, меньшинству, это было невыгодно; оно перестало служить народу и начало им властвовать. Это сказалось в том, что меньшинство не понимало роли производства, промышленности и капитала; для них промышленники и капиталисты были выскочки, которым

нужно было показать их подчиненное место; земское положение, выборы в Гос. Думу достаточно это доказывают. И в этом отношении к крестьянам было то же самое. То же желание сохранить старую структуру социального строя, преобладание дворянского землевладения, чему, как это ни странно, соответствовали с другой стороны и идеи русского народничества, объясняет такую нелепость, как конституцию в стране, где 90% населения, все крестьянство стояли вне общего закона. Но традиция и инерция — великая сила. Архаический строй России держался и представлял идиллию, у которой казалось какое-то будущее. Сила привычки, пассивный характер народа, его прирожденный консерватизм обеспечивал устойчивость этого порядка. Только эта устойчивость была устойчивостью старого дворянского деревянного дома, который давно сгнил, но все еще стоит. И он может еще долго стоять, если не будет бури или если легкомысленный собственник не начнет капитального ремонта. Этим испытаний он не выдержит и развалится. И умные люди, как Витте и Столыпин, которые понимали необходимость ремонта, одновременно понимали, что его должно и можно сделать с большой осторожностью, по частям, заменяя одну балку другой.

Это и было исторической задачей перед запоздавшей Россией, отставшей в своем экономическом и государственном развитии от Запада, той России, в которой, как говорил Витте в своем знаменитом докладе 1905 г., общество переросло свои государственные формы. Исторической задачи перестройки России нельзя было откладывать, но ее можно было делать только при известной осторожности и такте. Постепенно разрешить крестьянский вопрос как главный, расширить самоуправление от мелкой земской единицы до национальной автономии, привлечь капитал к продуктивной работе, открыть ему простор, привести в соответствие с этим правовую атмосферу — все это было возможно сделать и все это можно было вести сверху, не потрясая основ существующей власти. Но, к несчастью, раньше, чем ремонт был не только кончен, но даже начат по определенному плану, наступила буря; легкомысленный наследник, Временное правительство, во время самой бури затеяло капитальный ремонт, и без всякой осторожности. Дом, естественно, рухнул. Были сделаны отчаянные и безнадежные попытки сразу его поддержать во время падения и даже поднять — это движение Корнилова, Колчака, Деникина и т.д.; они были так же безнадежны, как попытки Вронского ударами по животу поднять Фрунзе, которая свалилась под ним. Теперь приходится делать другое; задача ставится иначе.

Если продолжать сравнение, нам приходится выстраивать дом заново и из материала, что перед нами. Положение стало очень трудно, ибо прежние связи разрушены, а нового материала, более подходящего, в распоряжении нет. Что же нам делать? Если бы мы теперь стали беспрекословно подчиняться воле народа, по четыреххвостке, то можно с несомненностью предвидеть, что Россия, как великая держава, была бы самим народом уничтожена; она бы распалась не на губернии, а на села и волости; народ вы-

строил бы ее сообразно классическому «мы калужские»; он отдал бы дань и старинной тенденции всех поравнять. В результате получилась бы настоящая нищая, хотя зато и глубоко демократическая страна. Можно сказать: что же из этого? Это только начало, а потом пойдет здоровый процесс; будет накапливаться капитал в руках удачников, будут создаваться местные мелкие авторитеты, начнется в миниатюрных размерах товарообмен и кооперация, потом сближение отдельных ячеек и т.д., и т.д. В этом процессе восстановится то, что погибло, на более здоровых началах. Образуется капитал, вполне национальный, родится правящий класс, притом глубоко народный. Не в порядке преобладания одного класса над другим, а в порядке разумной и естественной гармонии Россия вернется к былому могуществу и благополучию.

Если бы это было верно, то продолжительность этого оздоровления, как она ни грустна с точки зрения современников, не должна пугать. К счастью, мы живем не на необитаемом острове, мы окружены сильными государствами и сильными экономическими людьми, которые воспользуются в своих интересах этим процессом. Такого идиллического и почтенного оздоровления не будет; в этом случае будет нашествие, а не призвание варягов, которые сами войдут в Россию и уже, конечно, не будут прислушиваться к тому, что хочет народ. Все эти надежды и рассуждения, несмотря на обаяние их, одна маниловщина в условиях действительной жизни, т.е. в условиях борьбы за существование не в пределах одного только народа и государства, но всего земного шара; подобного опыта нам не дадут сделать в чистом виде и тот, кто будет настаивать на нем, в сущности предаст интересы своей страны. Самоотверженное подчинение народу теперь гораздо менее допустимо, чем прежде, когда государство, как старый помещичий дом, держалось привычкой и старыми связями; тогда свободная воля народа, его затаенные мечты кое-чем сдерживались и направлялись; наличность общей государственной и экономической структуры, старых социальных связей, к которым привыкли и которые принимали, как данные, не подлежащие ни анализу, ни оспариванию, имело своим последствием и истинную охрану самим народом того, что он не понимал и что ему непосредственно не было нужно. Если мужики тогда и считали себя калужскими, то они все-таки не оспаривали, что есть и Россия и что она им не чужая. Наличность этих фактов, не мертвых, а живых, широкого товарообмена, экономической зависимости одной части России от другой исправляло уозсть кругозора, по которому мы считали себя только калужскими. Тогда можно было надеяться, что народ, благодаря внутреннему инстинкту, не станет бороться против многих из тех условий, в которых он жил, даже если он ими непосредственно не пользовался, что он будет дорожить обычным «порядком». Теперь на это меньше надежды. Революция разметала все привычки, стало возможным то, что прежде показалось бы немислимым; народ увидел, что можно жить без налогов, без начальства, без законов, без флота и без чего угодно. Понял ли он на опыте большевизма, что без этого нельзя, мы еще не знаем на-

верное. Может быть, он еще не разочаровался в «завоеваниях революции» и потому в этот период подчиняться его воле и пониманию только потому, что, хотя мы и правы, но слабы, что за нами, понимающими, нет силы, значило бы передать слабый народ иностранной силе без предрассудков. Конечно, мы, может быть, его не спасем; мы, понимающие, бессильны, потому что мы выпустили из рук те козыри, которые у нас были; теперь нам нужно не усидеть на своем месте, а отвоевать его; перед нами особая проблема и, естественно, и особые методы. На почве спора о тактике, о целесообразности того или другого метода для достижения этой цели можно держаться разных взглядов. Всякие доводы с этой точки зрения я готов обсудить и принять. Может быть, мы не так и разоидемся, как кажется с первого взгляда. Но, обсуждая вопрос в этой практической плоскости, а не принципиальной — верим мы или не верим в народ.

Наша задача поскорее «выявить» факты, которые заставят «калужанина» понимать цену России, завязать связи, которые фактами будут доказывать выгоды объединения; нужно не только это делать, но может быть делать особыми приемами, выставляя ту сторону дела, которая необходима сейчас, чтобы наше дело стало понятно и приемлемо. Что я понимаю необходимость этого, Вы увидите из того, что я мирюсь с такой глупостью, как аграрная реформа. Но только нужно ясно понимать, зачем мы это делаем, а следовательно, и в какой мере это нужно делать. Не потому, что это разумно, и разумно это не потому, что этого хочет народ. Это нужно делать потому, что в настоящих условиях иначе нельзя заставить эту расхоронившуюся массу подчиниться тому, что для нее же нужно. Продолжая сравнение, я скажу, что это необходимо, как подпорки, которые ставят там, где нужно строить стену: сами подпорки не нужны и будут убраны немедленно, но пока без них стены не выстроишь. Пока стена была цела, было глупо их ставить, но раз мы дошли до беды, и стена упала, без них ее не построить. В таком процессе нужны уступки и даже лицемерие. Может быть, нужно вслух говорить, что мы служим народу не в том смысле, что мы работаем для него, но и в том, что мы считаем его волю законной. Может быть, такие слова необходимы; но я готов признать это только как полемический прием, временную условность; я боялся бы тех, кто сами приняли бы их всерьез. То, что меня огорчает в левых кадетах, Милюкове и компании, это то, что они, может быть, серьезно думают то, что говорят, т.е. что нужно подчиняться воле народа в смысле конкретного управления конкретных решений вопроса и не* направления. Конечно, Милюков от своего разума не отказывается; не отказывается и кадетская партия от претензий знать, что нужно. Но между мною и ними еще задолго до революции было разногласие, которое вышло наружу сейчас. Кадеты были искренне за четыреххвостку; я против нее не выступал, но понимал увлечение четы-

* Одно слово вписано неразборчиво от руки.

реххвосткой, с одной стороны, как общий принцип вне времени и пространства, с другой стороны, как полемический прием против правящих классов. Четыреххвостка нам была нужна, чтобы с ее помощью бить по власти и ее ослаблять; она была не страшна, так как не казалась реальной возможностью. Но я говорил Милюкову, что, если бы каким-нибудь чудом она осуществилась, то никакая свобода выборов, никакое красноречие наших ораторов не спасло бы нас от провала на выборах, на которых от нас не осталось бы следа, разве только с помощью пропорциональной системы. Наш народ слишком не развит, чтобы, во-первых, путем голосования выражать свое настоящее мнение, а во-вторых, чтобы устоять против демагогии, льстецов и лжецов. Милюков и особенно Шингарев²⁵ с этим искренне спорили; Милюков ссылаясь на пример Германии и Болгарии, где четыреххвостка давала разумные результаты. Что четыреххвостка могла годиться Болгарии, я готов допустить. Если бы вся Россия по величине и мировым задачам равнялась Болгарии, если бы речь шла не о России, а о калужанах, я думаю, что четыреххвостка с национальными задачами такой страны могла справиться. Что же касается до Германии, то именно потому, что нам далеко до Германии, нельзя ссылаться на эти примеры. Милюков указывал, что рабочая партия в Германии давала ничтожный процент эс-декских голосов; а я возражал, что у нас не рабочая партия, а крестьянство даст 100% социалистов, не понимая, к чему это ведет. Абсолютное непонимание того, в какой мере российская демократия не созрела для тех задач, которые перед ней стояли не только в политической, но и экономически-социальной области, было причиной наших ошибок в прошлом и может стать источником новых глупостей в будущем.

Прежний порядок до революции дал иллюстрации, как вырождается правящий класс, когда он перестает служить и принимает власть не как средство к службе на общую пользу, а как повод к тщеславию и личной выгоде. Так выродилась династия, чиновничество и дворянство. Я говорил в Думе, что нами правила, как победители в завоеванной стране, и считаю это сравнение верным. Но это не меняет дела. В настоящее время опасность в том, что русский народ не только не культурен, но и развращен в смысле моральном и экономическом, что он бессилён, чтобы отстоять себя против хищников; в этот момент те, кто понимает, в чем дело, это культурное и понимающее меньшинство, не имеет права с легким сердцем перекладывать ответственность на народ; его дело, если он не понял, что ему нужно. Эта психология, которая заставляет нас укрываться за коллектив, за чужой ум, за комиссии, за народоправство.

Но если я уж такой неисправимый варяг, то кто же, по моему мнению, должен управлять Россией. Кто меньшинство, которое имеет право управлять, не стесняясь тем, что хочет народ. Есть ли это легитимная монархия, обломки старой бюрократии, помещного дворянства, культурно образованного класса и т.п. На это, конечно, легко ответить. Так нельзя ставить вопроса. Я исто-

рик²⁶ и потому уверен, что в истории есть законы, которые никто не в силах изменить. Для меня и Петр Великий сделал только то, что было неизбежно при встрече двух культур различной цены и высоты. История — это мировая история, а не история одной страны. С точки зрения истории одной страны, если бы вне ее ничего не существовало, можно было бы думать, что от нас зависело бы повести Россию тем или другим путем, и тогда от гениальности отдельных людей или от степени развития всего русского народа зависел бы ход русской истории. Но история России есть часть мировой истории, для которой и заметны только ее результаты. А они останутся неизменными, что бы мы ни делали. В России есть временные и переходные национальные задачи, поставленные самой жизнью, как бывают специальные задачи у больного. Большой ничего не может сделать, покуда не выздоровеет, не залечит рану. Россия ни на что не годится, покуда не станет на ноги экономически, т.е. не будет в состоянии существовать. Производство и использование всех богатств, как природных, так и культурных, использование их в высшей мере — вот задача, которая поставлена мировыми событиями, войной, большевизмом, и которая связана со всем нашим прошлым. Не воля царя или правящего меньшинства толкнет Россию туда или сюда, а стоящая перед ней задача в масштабе мирового соперничества. Либо сама Россия, хотя бы с чужой помощью, эту задачу разрешит, и тогда тот, кто ее разрешит и будет хозяином России, или сама Россия ее не разрешит, и тогда наступит санкция, эта задача будет разрешена помимо нее, и Россия не выдержит мирового соперничества и будет захвачена теми силами, которые были вне ее и которые оказались способнее чем национальные силы дать России то, что нужно, т.е. ее экономическое поднятие. Я не ищу тех, кому мне подчиняться, привилегированному ли умному меньшинству или демократическому большинству. Я только с интересом смотрю, кто из них способнее разрешить эту задачу. И я знаю, какая стоит за этим ставка. Если ее не разрешит ни тот, ни другой, Россия перестает быть самостоятельной единицей, ибо в мировом соперничестве она, хотя и на время, погибнет. Поэтому, если бы я думал, что эту задачу разрешит реставрация, т.е. восстановление прежнего правящего меньшинства с монархом во главе, у меня не было бы колебания ехать в Рейхенгалль²⁷; если бы я мог думать, что Милюков и его друзья способны разрешить или по крайней мере правильно ставить эту задачу, я всем бы сердцем был с ними. Но пока, и в этом наша трагедия, ни те ни другие задачи не разрешают потому, что те и другие живут стариной, по старым учебникам. Монархия, поскольку мы видели ее претендентов, является в окружении прежних слуг, некоторые, хотя кое-чему и научились, но не понимают главного, что сейчас должно наступить исключительное господство хозяйственных интересов, преобладание над всем остальным активного капитала. Ведь на этом, собственно, погибла старая монархия.

Ее грех, что она боялась роста и роли крупного промышленного капитала, смотрела на него сверху вниз, как на соперника; никогда не забуду разговора с Марковым во II Думе, когда он с удовольствием предчувствовал революцию, ибо она, по его мнению, уничтожит то, что есть зло России, т.е. буржуазию и капитал. Ее второй грех аналогичный, что она не поняла роли крестьянства. В крестьянстве монархия видела политическую опору своей власти, да еще рабочую силу в помещичьей усадьбе; но она не поняла, что крестьянство — национальное богатство, и что долг власти вести ту политику, которая увеличит это богатство. И не в том ошибка, что крестьян не наделяли дополнительной землей за счет помещиков. Это требование — одна из тех глупостей, вредные последствия которых еще не сгладились. Преступление старого режима было то, что он запер крестьян в рамки замкнутого и обособленного юридически сословия. Преступление в том, что это создало крестьянский вопрос, который по совершенно понятному, но вредному оптическому обману потом был подменен аграрным вопросом. У нас был не аграрный, но крестьянский вопрос, ибо правовое положение крестьян было особое, притом такое нелепое, что земельная собственность крестьян, которая при других условиях сделала бы его буржуем, благодаря специальным крестьянским законам дала ему пролетарскую психологию, обособила его в особый социальный класс, который был противопоставлен всем остальным, и прежде всего тем, кто имел объективно с ним интерес, т.е. частному землевладельцу. Разрешить «крестьянский» вопрос значило подкопаться под самые устои тогдашнего административного и социального строя, ибо крестьянский вопрос, т.е. особенно крестьянское правовое положение, были отрывкой крепостного права, которое его пережило, но в известной степени напоминало и заменяло. Из этого обособленного неполноправного положения, как и в крепостном праве, вытекало привычное подчинение власти, но и глубокое ей несочувствие, ждавшее только своего Пугачева²⁸, чтобы обнаружиться; отсюда экономически нелепое требование крестьян, чтобы все помещичьи земли перешли к ним, которое было бы невозможно, если бы у нас были только крупные и мелкие земледельцы, но стало возможно, когда на мелкое крестьянство, а крестьянское земледелие, юридически обособленное*. Все это не имело бы места, если бы монархия понимала, что потери национального богатства выше всего, что крестьяне должны иметь то положение, в котором его труд и предприимчивость были бы наиболее продуктивны. Но монархия больше думала о незыблемости своей власти и об интересах помещичьих землевладельцев, чем о национальном значении крестьянского хозяйства, а потому охраняла этот абсурдный порядок, как государственный устой. Эти два начала — боязнь влияния крупного ка-

* Так в тексте.

питала и обособленность крестьянства, которая характерно выражалась в идеологии и практике Плеве, — были основой старого режима и причиной того, что в мировом соперничестве держав, которое позже вылилось в великую мировую войну, Россия не устояла. Если и теперь монархия войдет в Россию с теми же требованиями и теми же мечтами, под теми же лозунгами, какие были и около Деникина и около Врангеля, которые, Вы правы, были и в том, что Вы называли белым большевизмом, то такая монархия не разрешит основной проблемы.

Но когда я смотрю на Учредилку и нашу левую общественность, вижу, что и она приносит с собой прежние предрассудки и слабости. Наблюдения над ней гармонируют с ее прошлым и доказывают, что она от него не отвыкла. Помните, как Менделеев скорбел, что никто из интеллигентских деятелей не интересовался вопросами, которые он ставил в своих «Заветных мыслях»²⁹. Политическая борьба все поглотила, все оценивалось с этой точки зрения. Если дворяне знали, что им нужно, если иные промышленники, заботясь о своих личных выгодах, понимали, что по обстоятельствам дела они могут получить их от существующей власти, могут накормить крохами, падающими со стола господ, и потому жалась к этим господам, выпрашивая привилегии и льготы, то интеллигенция противопоставляла этому симпатичные идеалы об ее равенстве, четыреххвостку, волю народа, всякие свободы и т.п. Ожидая всего от четыреххвостки, интеллигенты либо наивно полагали, что она безошибочно укажет, что нужно делать и в экономических вопросах, поддержит и защитит промышленность (хотя было ясно, что четыреххвостка прежде всего будет против протекционизма и поддержки национальной промышленности), а другие, не ожидая от четыреххвостки откровений, разделяли ее несочувствие к богатым и экономически мощным предприятиям. Во всяком случае, эта сторона дела у интеллигенции оставалась в тени и дальше политических требований мы не шли; это и не было плохо; довлеет дневи злоба его. Экономические вопросы все равно когда-нибудь стали бы перед общественной жизнью, и жизнь в конце концов этому научила бы. В эпоху Дум даже началось сближение между интеллигенцией и капиталом, на знаменитых вечерах у Рябушинского и Коновалова. Это был первый шаг, причем любопытно, что интеллигенция смотрела на капитал сверху вниз, приобщая его к своей политической борьбе за власть, к своим политическим пожеланиям, но по-прежнему крайне отрицательно относясь к экономическим пожеланиям капитала. На них глядели с иронической улыбкой: понимаем, де, куда вы гнете, в этом вы ошибаетесь. Интеллигенция и после сближения с капиталистами в области экономической программы не шла дальше общих мест, как-то: земля крестьянам, 8-ми часовой рабочий день, отмена косвенных налогов, подоходный налог как основа бюджета, свобода торговли и т.д., и т.д. Пока кадеты были партией оппозиции, притом оппозиции политической против системы уп-

равления и даже правления, этого багажа хватало, он привлекал к ним симпатии массы, газетного читателя, и этого было достаточно для их целей. Все ничтожество этого багажа обнаружилось бы только тогда, когда кадеты стали бы властью. Не знаю, следите ли Вы за воспоминаниями Шипова³⁰ в «Руле»³¹ и статьями о том же Милюкова. Как все это интересно теперь. Когда явилась возможность взять власть в свои руки, поставить и разрешить ту историческую проблему, которая ставилась перед Россией, и к этому приглашали новых людей, и людей выдающихся, кадеты и тут принесли только основное требование всеобщего избирательного права, парламентаризма, господство партийных организаций и т.д. Не знаю, как Вы относитесь к I Думе. Я не был в ней, но следил за ней, и она тогда глубоко меня возмущала. Позднее она сделалась культом, ее идеализировали в пику правительству и еще больше в пику III и IV Дум[ам], а я, кроме нашей революции, не знаю примера большего провала в смысле государственном, а не ораторском, как вся деятельность I Думы.

Мы по нашей бездарности проиграли I Думу, как потом проиграли и революцию. Политика I Думы была в уровень газетному пониманию, потому обывателю и нравилась. Но когда позднее мне приходилось работать по тем же вопросам, которыми занималась она, то больно бросалось в глаза все отсутствие в них знаний и мысли. Одни слова и слова. Я стал немного специалистом по крестьянскому вопросу, ибо в IV Думе докладывал закон 5 октября и для собственного удовольствия написал проект, прочитанный в двух юридических обществах Москвы и Петрограда, как безболезненно ликвидировать аграрное крестьянское законодательство³². Я тогда убедился, что в обеих столицах имеют понятие о крестьянском вопросе только несколько человек. Когда я занимался этим вопросом, мне приходилось перечитывать то, что делала I Дума, и я приходил в негодование оттого, что люди не дали себе труда хотя бы вкратце познакомиться с тем, чем занимались, и подумать над тем, о чем говорили. Как я понимаю, что Столыпин и Гурко не чувствовали к этим аграрным и крестьянским проектам ничего, кроме злорадного презрения. Конечно, надо быть объективным; I Дума жила в сумасшедшее время и проходила подготовительный класс политической деятельности. Работа в Думе, контакт с понимающими и заинтересованными людьми стали воспитывать нашу интеллигенцию, которая тоже нуждалась в обучении и воспитании. При нормальном ходе вещей к моменту, когда к общественным представителям перешло бы не только право контроля, но и сама власть, в этой интеллигенции могли бы уже подготовиться подходящие кадры. Я это начинал замечать в самих Думах; мы втягивались в гущу экономических вопросов, как я был втянут в изучение крестьянского вопроса. При эволюции все поспело бы вовремя. Но сейчас время не терпит; надо понимать, что экономический вопрос первый, а остальные производные, и что правильное разрешение этого вопроса дадут не митинги и четыреххвостные выборы; водораздел в поли-

тических партиях должен был идти между теми, кто этот вопрос понимает и не понимает, а не между теми, кто верит или не верит в четыреххвостку, любит или не любит великую революцию. Позиция нашей интеллигенции, к несчастью, толкает торгово-промышленный класс на фальшивую дорогу, на примирение со старым правящим классом. С ними он, по крайней мере, говорит на одном языке, там его не заставляют восторгаться четыреххвосткой, ни быть влюбленным в революцию. Их ныне сближает общее горе, они одинаково разорены этой революцией, между тем как демократическая интеллигенция всюду так или иначе пристроилась. Создается фальшивый водораздел. Торгово-промышленный класс должен был бы, говоря языком Маркса³³, показать, что его классовый интерес совпадает с государственным, и это было бы правильно в настоящий момент. Но когда интеллигенция сближается с социализмом, народничеством, торгово-промышленный класс поневоле от них идет к тем, с кем его сближают не государственные, а классовые интересы *tout court*³⁴. Вы хотите сближения капитала с крестьянством; это глубокая истина, которая показывает, что мы с Вами, в сущности, единомышленники. Но необходимо, чтобы интеллигенция этому помогала, чтобы она поняла и провозгласила, что расцвет капитала так же необходим для крестьянства, как богатый мужик необходим капиталу. Вот те истины, которые нужно долбить в голову всякому; когда они станут общепризнанными, тогда может быть и четыреххвостке настанет время, а мы начинаем с четыреххвостки, как будто бы этим готовы признать, что отречемся от необходимости капитализма, если четыреххвостка этого не захочет.

Вам издали понравился торгово-промышленный съезд и речь Рябушинского; я совершенно согласен, что торгово-промышленный съезд нельзя сравнивать с Национальным объединением, что там были и серьезные люди и серьезные мысли; да все то, что я говорю, ведь и есть ставка если не на этих людей, то на эти понятия; только не преувеличивайте значения того, что там совершилось, этого разрыва Рябушинского с Гурко; придавать этому то значение, какое Вы делаете, значило бы впасть в ту же ошибку, в которую некоторые впадали с знаменитым жестом Вашего друга Бубликова³⁵. Новая нотка, действительно, зазвучала на торгово-промышленном съезде, но это не речь Павла Павловича [Рябушинского]; она не нова; он полоумный и несимпатичный человек, но он имеет классовое сознание и, благодаря этому, ненависть к дворянству. Такую речь я однажды уже слышал от него в Москве на юбилее Коновалова. Он и мужика любит главным образом потому, что тот не любит дворянство. Поэтому речь Рябушинского для меня еще не симптом; она слишком личная. Характерна речь Эльяшевича, ибо она была произнесена не от него лично, а от бюро; я бы сказал, что это симптом и поворот, если бы она была сказана не от бюро торгово-промышленного съезда, а от бюро кадетской партии или даже Национального объединения; пока же в среде интеллигенции она мнение только Эльяшевича, то она теря-

ет цену. Эльяшевич ведь интеллигент и адвокат, поступивший на службу к промышленникам. Я, как адвокат, знаю, как меняются взгляды и либералов и социалистов, когда они берут дела у капиталистов и получают от них гонорары. Но понимания среди интеллигентных демократов значения промышленного класса я не вижу; вот у меня письмо Милюкова, написанное мне в Виши, где, говоря о необходимости раскола и размежевания, он подчеркивает необходимость отмежеваться от «цензовых элементов», поясняя, что цензовым элементом он считает не только Врангеля, но и Гучкова. Гучков ведь это все-таки эмблема промышленника и в Государственный Совет он был послан биржевым комитетом; конечно, он цензовик, но отмежеваться сейчас от цензовика, не значит ли заговорить языком чистого социалиста.

Как я говорю, интересна речь Эльяшевича. Я не буду даже ставить ему в упрек, что некоторые вопросы он ставит неверно, потому что до них не додумался. Для меня оселком, обнаруживающим правильность понимания, является аграрный вопрос. Если бы мы с Вами оказались в нем единомышленниками, то, очевидно, во всем остальном не разоидемся. Эльяшевич говорит: фабрики надо вернуть хозяевам, ибо без хозяев и капиталистов вести фабрику нельзя, и народ это понимает. Это нужно государству. А землю возвращать помещикам не следует, ибо, во-первых, это государству не нужно, и, во-вторых, народ этого не хочет. Я уже говорил Вам, что готов согласиться с необходимостью не только оставить захваченную землю за крестьянами, но даже провести это отчуждение дальше. Но только я на это соглашаюсь не по мотивам, которые выдвинул Эльяшевич. Все эти мотивы фальшивы. Если для этого мы будем опираться на волю народа, то разница, которую приводит Эльяшевич, есть вздор; может быть рабочие в настоящую минуту и говорят о возвращении прежних хозяев, но завтра по-прежнему отберут их фабрики. Воля народа одинаково разрешала по-своему и фабричные и аграрные вопросы. Если же выдвинуть аргумент экономического, то я не вижу разницы; экономически отобрание земли от помещика столь же невыгодно для государства, как и отобрание фабрик.

Если бы я говорил вместо Эльяшевича, я бы сказал: мы должны платить за ошибки старого порядка; государство вело нелепую политику против крестьян, политику, выгодную не для государства, а для определенного класса, поместного землевладения. Этой политикой они создали крестьянский, а затем на почве этого и аграрный вопрос. Этот нелепый вопрос есть логическое последствие искусственной и вредной позиции государства относительно крестьян. Как ни грустно, за это надо расплачиваться. Нужно сейчас символизировать невозможность помещичьей реставрации; хотя этим мы нанесем экономический вред государству, это необходимо, ибо это есть противоядие против прежних грехов; но делая это, мы подчиняемся не разумной воле народа, а платим дань нелепых предубеждений и предрассудков, которые сами воспитали

и которые сейчас нельзя вытравить. Мы не воображаем и того, как говорил демагогически Герценштейн³⁶ в I Думе, что крестьянское хозяйство продуктивнее, чем помещичье; мы просто подчиняемся исторической необходимости, перевертывая эту страницу истории. Мы бьем по классу, который как класс это заслужил, ибо в момент своего могущества думал о себе, а не о государстве. Мы бьем этим и по России, которая расплачивается за то, что она когда-то напрасно допускала; но это так же необходимо, как иногда отрезать ногу больному. Результат будет тот же самый, но для меня важны мотивы, ибо, приняв мотивы Эльяшевича о том, что вопрос решается волей народа, мы примем позицию, которая непременно повернется против нас.

Вот та линия водораздела, которую можно было бы провести между двумя политическими верованиями; одна сторона станет ясно за современную силу, за капитал с его возможностями и его недостатками, и в торжестве этой силы увидит победу России, а другие, испугавшись капитала и его злоупотреблений, будут хвататься за старые национальные формы жизни, будут стараться создать или поддержать демократическую Россию, будут бороться за артели, ремесленников, как максимум уступки, за кооперативы, словом, за разные формы народничества. Мои личные симпатии не чужды второму пониманию; старая Россия для меня милая идиллия; но я хорошо знаю, что это кончено, что с этим оружием мы не устоим в мировой конкуренции; с таким оружием, наконец, уже, конечно, нельзя было начинать и мировой войны. Теперь, хотим мы этого или не хотим, но мы непременно перейдем к следующим формам общественной жизни. Кстати, это причина, почему я никогда не разделял опасения Керенского и других пораженцев о последствиях победы России; я никогда не боялся, что монархия, победивши, себя укрепит в ее прежних формах. Для меня было ясно, что с того момента, когда монархия будет иметь не 3-миллиардный, а 30-миллиардный бюджет, она должна будет радикально изменить всю свою политику. И прибавлю, что глубоко скорблю, что мы не победили, хотя не сомневаюсь, что после этой победы Россия, ставши страной промышленного расцвета, осталась бы монархией, и до четыреххвостки нам было бы еще далеко; мы управлялись бы еще цензовиками, не землевладельцами, а капиталом, интеллигенция продолжала бы бороться с ними сообразно своим старым традициям, опираясь на сочувствие рабочих и социалистов и в союзе с ними приводила капитал к пониманию того, что можно и что недопустимо. Мы все остались бы на своих позициях, и эту роль, конечно, исполнили бы образцово; это то, на что мы годились; но сейчас, когда перед нами другая задача, этого багажа и этих привычек уже недостаточно. Когда сейчас перед лицом богатого иностранца и нищей России мы боимся политического преобладания капитала, желаем строить Россию по пониманию ее большинства, т.е. по пониманию нищего, не хотим*

* Пропуск в тексте.

идеалов, боимся появления кулака и богача-фабриканта — то мы грешим экономическим пораженчеством.

Но Вы можете сказать: все это не на тему. Пусть историческая задача — возродить Россию экономически, способ для этого — насаждение капитализма, а проводник этой программы — промышленный класс. Пусть это правда. Но если народ этого не понимает или не хочет, то что же из того, что Вы правы. Он, а не Вы хозяин положения. Придется сообразоваться по нем.

Это возражение я понимаю; более того, в этом, в сущности, весь вопрос и вся наша будущность. Вопрос не в том, что нужно России; этот вопрос решен за нее мировой историей. Вопрос в том, поймет ли она это, сумеем ли мы заставить ее это понять. Как это сделать, вообще как осуществить то, что нужно. Наша мысль и наша воля должны быть направлены только на это, хотя народ может не понимать того, что нужно; в зависимости от условий есть различные пути осуществит это против него, *quand même*³⁷. В одних случаях власть, если у нее в руках административный аппарат, силой заставляет народ подчиниться тому, что разумно; в других случаях этот народ демагогически обманывают и ведут его все-таки же туда, куда ему полезно идти; в третьих и лучших случаях его просвещают, убеждают, воспитывают до тех пор, пока он этого не поймет. Это все методы, зависящие от условий, и определяются они не столько моральными принципами, сколько обстановкой исторической жизни. Есть при этом моменты, когда непонимание народа не имеет непоправимых последствий, когда можно ждать терпеливо, а есть другие, когда нужно идти всем, как когда-то Фемистокл донес врагам о том, что греки хотят отступить от Саломин³⁸. Способ Фемистокла — упрощенный способ, но он характерен; это способ, где нужно оказать моральное давление на непонимающий народ. Я отлично понимаю, какую бурю негодования может вызвать эта теория, если она попадет кому-нибудь в руки; тут все страшные слова: и опека, и властвование, и обман собственного народа. Но наша беда в настоящий момент в том, что, если наш народ добровольно не пойдет в эту сторону, то он будет побежден в мировой борьбе тем самым, чего он не захочет допустить у себя; если не национальный, то иностранный капитал сделает то же самое. Выбора нет. На страже народного непонимания стоит грозная санкция, от которой мы не отвергнемся; не сделать этой попытки, не двинуть народ в эту сторону, к этим помыслам, значит не пойти другой дорогой, а просто значит, что наше место займут другие, у которых не будет тех предрассудков, которые есть у нас, но зато будет бесконечно больше возможностей.

И вот для нас, кто это понимает или способен понять, первая задача, чтоб мы знали, что именно это необходимо России, что не мы выдумали эту задачу и она не изменится оттого, если народ ее не хочет или не понимает; нам незачем спрашивать у народа, какая это задача, ибо жизнь ее порешила без него и даже против

него; нам важно только знать, что сейчас делать, чтобы она была разрешена. Если мы так поставим эту задачу, то мы воспользуемся всем, что нужно для ее разрешения; и обломками аппарата власти, не исключая большевистской, и системой иностранных концессий, и уроками, которые большевизм дал России и которые она, может быть, оказалась способна понять. Только нам-то самим нужно знать, что эта задача неотвратима, что воля народа важна только для ее осуществления, не для постановки и разрешения; важно понимать, что она не изменится оттого, что народ ее не желает, как народ не в силах сделать, чтобы дважды два не было четыре. Служить народу — значит привести его туда, куда ему нужно; очевидно, мы не можем делать это приемами Удавищенко; мы не можем приказывать, нам надо показывать и доказывать; на первый план выступают не военные, а промышленники, которые будут действовать, и интеллигенты, которые будут это объяснять; если народ не понимает, что нужно, ему, может быть, опасно резко противоречить, но нельзя думать, что он прав, а не мы.

Признаюсь, что именно в этом вопросе я иногда чувствую, будто между нами есть разница; Вы с умилением говорите на основании моего же письма о новых отношениях интеллигенции к народу в советской России; я это тоже одобряю, но с другой стороны.

Я отметил этот факт, как интересный и отрадный; для меня отрадно, что народ стал ценить интеллигенцию, и что она стала считаться с реальностью; ибо народ — реальная сила. Отрадно, если пропасть между интеллигенцией и народом станет исчезать, что между ними восстановится доверие, которого не было прежде. Хорошо потому, что тогда интеллигенция сможет сослужить свою службу. Но было бы печально, если бы интеллигенция всерьез пожелала опуститься до уровня народного понимания или бы стала покорно думать, что ее задача — принимать народные мысли, как обязательные для нее откровения; это невозможно для нашей интеллигенции, в которой есть мистическое народопоклонство, которым она склонна заменять свой разум и успокаивать свою совесть. Но это было бы началом политического одичания России и ее провала в международном состязании.

Я хотел бы от демократической интеллигенции, чтобы она понимала, где опасность для России и где ее спасение, и всем своим весом помогала классу или лицу, которое будет правильно разрешать историческую проблему; интеллигенция должна понимать, что, если бы появился диктатор, который пошел настоящей дорогой, той дорогой, которая нужна России, то нужно поддержать диктатора, забыв симпатии к народоправству. Идя за таким диктатором, поскольку он служит России, интеллигенция может своим примером увлечь и народ. Сила интеллигенции над народом громадна; даже тогда, когда народ ее мало ценил, а, может быть, в душе ненавидел, интеллигенция имела над ним власть. Теперь же, когда он инстинктом понял, что он слаб без нее, что он

ищет новых путей, демократической интеллигенции нужно ему уяснить, в чем его долг, к принятию которого он подготовлен всей Революцией, а не продолжать схоластические споры о народо-правстве, о четыреххвостке и тем более достоинствах революции. Искусственная грань, проведенная по признаку веры в демократию, была осложнена еще другим, еще гораздо более искусственным признаком, отношением к Революции. Как это ни странно, но стоя перед необходимостью восстановить Россию, споря о методах и путях этого восстановления, мы [разошлись] не на оценке этих методов, т.е. будущего, а на оценке прошлого исторического факта, весьма сложного и многостороннего. Милюков и его группа для очищения партии от «недемократических» нежелательных элементов, решили взять оселком именно этот вопрос. Я говорил Милюкову, что этот признак не характерен и проведет границу не там, где это разумно; он тогда согласился, но оставил все по-прежнему. Потом в одной статье он написал, что понимает тех, кто не хочет преклоняться перед революцией, но что тем хуже для них, они останутся вне жизни. В самое последнее время он говорил, что в Россию нельзя вернуться, не восклицая: «да здравствует революция», и что потому именно на этом вопросе надо отделить овец от козлиц. Должен сказать, что он не один, который думает в этом направлении. Посылаю письмо человека, которого Вы по Москве, наверное, знали, моего большого друга, которого я не называю из осторожности, ибо он еще там; он адвокат, хотя не практикующий, профессор, настоящий специалист по крестьянскому праву, долго наблюдавший крестьянскую жизнь, ни в какой мере не сочувствует ни большевизму, ни демократии, и потому его суждения ценны. Он между строк показывает ясно, что народ в революции еще не разочаровался. На том же горячо стоит Манухин³⁹, который приехал от большевиков и уверяет, что никто правее октябристов включительно для России неприемлем. Правда, сам он человек левый, правда, есть и обратные голоса, и всякий судит по себе и своим; наконец, в этих суждениях отражается общая атмосфера; многие прославляют мартовскую революцию в противовес большевикам и проклянут ее, когда большевиков больше не будет; недаром тот же Манухин утверждает, что имя Керенского, т.е. символ мартовской революции, для России ненавистно. Ну, как бы то ни было, вопрос неясен, и я не берусь судить, что хочет Россия, с чем можно в нее возвратиться. Но я лично отношусь к нашей Революции с таким безусловным осуждением, при котором предпочту остаться здесь, чем лицемерно кричать «да здравствует революция». И это говорит человек, который в молодости (даже когда этого от меня не полагалось по моей профессии студента-естественника) много занимался Французской революцией из восхищения перед ней; во врожденной вражде к этой форме исторической жизни меня упрекать нельзя. Не априорное отрицание революций, а близкое знакомство с их

историей, а в частности, и с русской, создало это глубокое убеждение.

Это убеждение заставляет меня считать революцию такой же национальной бедой, какой являются войны; и они часто ведут к хорошим результатам, бывают неизбежны, но они всегда несчастье и великое несчастье для побежденных и победителей; человечество уже поняло это и, празднуя заключение мира, никогда не празднует начала войны и вину за войну всегда возлагает на противника даже в ущерб правде; но начала революций потому, что до сих пор они были менее тяжелы, чем войны, еще празднуют; это по недомыслию и по миниатюрности всех бывших ранее революций. Мое отрицание революции складывается из разных элементов, более или менее важных, общих и даже случайных. Есть нерасположение к самому фасаду революции; я не аристократ и не сноб; с детства то, что называется «свет» и «сферы» меня не привлекало; но я люблю всех на своем месте; люблю мужика, несмотря на его грехи, но тогда, когда он делает свое дело; люблю, хотя и меньше, наших рабочих, даже «сознательных», когда они тоже на своем месте, говорят о том, что понимают. Мне близок и мил даже тип нашего интеллигента, земского деятеля, третьего элемента, с его наивной верой в то, что все зло — правительство, с его самоотверженным, бескорыстным и наивным [народничеством]. Но мне глубоко противно, когда ими овладевает радость власти и безнаказанности. Я вообще ненавижу самомнение, упоение властью и силой. Даже когда я с нежностью изучал Французскую революцию, я был всегда на стороне побежденного, за Людовика XVI⁴⁰, когда его казнили, и против жирондистов⁴¹, которые его приговорили, за низвергнутых жирондистов, за казненного Дантона⁴², был за поверженного Робеспьера⁴³, но тогда, когда они падали; когда они были властью, они мне были противны. Власть прощается тому, кто умеет обратить ее на пользу массы, на пользу народа. Мне не противны ни Петр Великий, ни Наполеон, ни даже Бисмарк⁴⁴. Это люди, которые на своих местах. Но когда к власти «лезут» адвокаты, журналисты, мужики и рабочие только потому, что на их стороне сила, когда их власть наносит вред для народа, а они из любви к ней* и за нее цепляются, и когда все это прикрывается фразами, в которые они не верят, в которых заключается моральная и политическая ложь, они мне противны. Потому в революции иногда много противного, иногда много трогательного, но в массе, при близком наблюдении, она торжество дурных сторон человеческой личности и толпы. Но что же сказать специально про русскую революцию. Может быть, ничего нельзя было поделывать, когда она разразилась; но тот, кто сознательно ее добивался, как это делал Керенский, будет проклят историей, хотя лично ему по наивности, может быть, будет оказано снисхождение. Но остальные самоуверенные люди, которые и сейчас довольны собой, думают, что беда в том, что Россия их не оцени-

* Два слова вписаны неразборчиво от руки.

ла, эти государственные бездарности, из которых в сущности никто собой не пожертвовал, дали такой печальный образчик негодности той общественности, которая захватила власть, что эта революция будет печальной страницей ее истории. Я не хочу сказать, что история скажет то же о ее результатах. Может быть, они благодетельны, и в этом трагизм деятельности многих людей. Когда я был студентом, мне пришлось писать сочинение о завоевании Англии норманнами. Сочинение это настолько понравилось Виноградову⁴⁵, что он напечатал его в сборнике «Книга для чтения по средним векам», который был издан под его редакцией и получил от Академии премию Петра Великого. Я кончал мое сочинение приблизительно такими словами: «В столкновении Вильгельма с Гарольдом все наше сочувствие на стороне Гарольда. Нельзя не возмущаться ложью и жестокостью Вильгельма, всем злом, которое он сделал побежденным. А между тем его кровавое дело оказалось полезно для Англии. В этом заключается глубокий трагизм истории. О Гарольде и его сподвижниках все забыли, а Вильгельма провозглашают теперь как одного из величайших королей Англии»⁴⁶. Эта мысль часто приходит мне в голову. Суд истории и суд современников разный, и должен быть разным, ибо иначе одним из них не исполнить своей обязанности. Те, кто тогда не возмущались Вильгельмом, который силой и обманом захватил чужую страну и с неслыханной даже для того времени [жестокостью] уничтожил тех, кто себя и ее защищал, кто не возмущался бы этим, был бездушный изменник или лишенный моральных чувств поклонник победоносного насилия. Было необходимо, чтобы суд современников заклеил Вильгельма и идеализировал Гарольда. Но если суд потомства не станет выше этой оценки и будет судить только с точки зрения допущенных жестокостей и насилий, в этом суде не будет исторической правды. Я не могу предвидеть, что скажет потомство о нашей революции; оно, может быть, будет считать ее благом и за это благо простит всем, кто приложил к ней руку; но для нас, которые видят, как эта революция делалась и куда она привела Россию, для нас считать обязательным преклоняться перед этой революцией значит грешить моралью*.

Если бы еще было правдой то, что теперь в моде говорить про деятелей нашей революции и Временного правительства, что они погибли оттого, что были незлобивы, слишком идейны и благородны; что, провозгласив свободу для всех, оставили ее и для своих врагов и противников; что они как фанатики не изменяли словам, которые говорили в оппозиции и этим воспользовались бессовестные Ленин и компания. Так говорит легенда; но между нами мы знаем, что это неправда. Деятели нашего Временного правительства легко и просто изменили своему прошлому и своим словам; они не мешали большевистской пропаганде в войсках, хотя превосходно знали, куда она ведет, потому что боялись Со-

* Одно слово вписано неразборчиво от руки.

ветов, а не потому, что уважали свободу всякого мнения; преданность этой свободе ведь не помешала им бороться с контрреволюционерами всякими средствами, не помешала за одно письмо заключить в тюрьму Гурко⁴⁷ и всем тем юридическим гнусностям Верховной следственной комиссии под председательством моего друга, либерального адвоката Муравьева⁴⁸, которые, говорю это не для красного словца, а совершенно серьезно, далеко превосходили все беззакония Щегловитской власти⁴⁹. А речи Шингарева в Думе против Риттиха и его политика, и его деятельность как министра земледелия⁵⁰. Куда мы ни посмотрим, конечно, количественно большевики превосходили их в измене всем тем словам, которые говорили в оппозиции; но качественно — и это не упрек, а просто констатация факта — и Временное правительство делало то же самое, только оно делало это робко и несмело, никогда не доводя до конца и, главное, не давая себе отчета, чего они, в сущности, хотят. В том, что они делали, была не преданность идее, не фанатизм, который губит, но за который потом история оправдывает, а наивность, недомыслие, непродуманность, трусость и русское «авось»; в сущности, у всех этих людей было мало веры в то, что они делали; недаром за несколько дней до революции они и не готовились быть властью; они попали к власти случайно, пошли на поводу за теми, кто этой революции хотел, умывали себе руки, складывая ответственность не на них, но на народ, и в этом преклонении перед волей народа искали, в сущности, себе оправдание; задним числом, конечно, можно придумать объяснение тому, что делалось; роль их, конечно, была трагическая и жалкая; они не считали себя вправе отказаться занять то место, куда их жизнь толкнула; это положение часто бывает с революционерами *malgré eux*⁵¹; такими оказались, как Вы помните, в истории все деятели [18]48 года февральской революции⁵², которые через несколько месяцев и были сброшены; таков оказался Рошфор в [18]70 году⁵³, таких было много, и это им не упрек. Но это Вам объясняет, почему эта знаменитая мартовская революция не оставила во мне никакого уважения к ее деятелям; за самыми небольшими исключениями эти люди — символ малодушия и отсутствия веры; ибо вера, как говорит Киреевский, есть не только знание истины, но и преданность ей.

Но это оценка людей, а ее «завоевания, идеи». Но я спрошу Вас, во имя каких идей была сделана революция, что ее сущность? Эти завоевания, за которые, может быть, история и поставит революцию в разряд светлых событий, еще не определились, не начали обнаруживаться. Они даже не провозглашены; ибо то, что было провозглашено, провалилось, и мы затруднились бы даже сказать, что именно было провозглашено, во имя чего и зачем революция была сделана. Во имя того ли, чтобы, сбросив плохое правительство, довести до победного конца национальную работу, т.е. во имя патриотизма, или, напротив, во имя пацифизма *qua mini*⁵⁴, для немедленного окончания общей войны? Что хо-

тела мартовская революция — того или другого — Вы мне не скажете, ибо она не из-за этих вопросов была сделана. Или она была сделана для назревшей внутренней реформы? Но тогда какой? Республики, социализма, диктатуры пролетариата или полного и последовательного народовластия? Сделана была революция не из-за этих идей, и потому она была так не идейна. Сделана она была против правящей клики, которая была вообще противна, но которую представляли еще хуже, чем она заслужила. Сделана была для того, что она мешала им поставить тех любимых людей, которые были любимы только потому, что перед этим систематически боролись с правительством. Но что будут делать эти любимые люди, масса не знала. Она просто им верила. А любимые люди сами не знали, что надо делать, и вдохновлялись [пацифизмом], да необходимостью уступать тем, за кем была сила. Все реформы были уступками. Революция была только крушением старого, разрушением. Это может стать началом прогресса, но только тогда, когда на месте разрушенного начнут что-то строить. Вот именно это новое и нужно нам показать, но этого до сих пор не обнаружилось. Мы и до сих пор еще стоим перед ужасом того, что Вы называете китаизацией. До сих пор не исключена возможность, что Россия, как великая мировая держава не погибла вместе с революцией, не погибла надолго или даже навсегда. Пока мы не оправимся от беды, пока еще не обнаружилось, что Революция вышла на пользу, требовать преклонения перед ней могут только те, кто понимает, что критика этой революции есть их собственное осуждение.

И вот тут мое последнее слово в этом письме. Его, впрочем, не стоит говорить, ибо ответ на него уже дан. Вы меня спрашиваете, почему я молчу. Я Вам на это отвечаю. Если бы я был честолюбив и не мирился с тем, что не могу действовать, я может быть нашел бы позицию, на которой мог бы стоять. Но я не честолюбив, но зато думаю, что каждый из нас имеет свой облик, идею, которую он отражает. Если он этой идее служить не может, то за другую ему лучше не браться. Для нее найдутся другие. У меня была политическая идея, которую я выражал с самого выступления на этом поприще. Юношеское увлечение революцией сменилось у меня глубоким отвращением к ней, вернее, боязнью революции. Я был убежден, что она придет, если мы пойдем той же дорогой и ждал ее с трепетом и ужасом; она представлялась мне одновременно и разложением общества, о котором так хорошо писал Тэн⁵⁵, торжеством «черни» и «черных» инстинктов, и Пушкинским русским бунтом, беспощадным и бессмысленным. И за этой революцией я предвидел эпоху реакции, неизбежной и заслуженной. Вся моя политическая деятельность сводилась поэтому не к борьбе против власти, а к влиянию на власть, в желании толкать ее на путь эволюции, на путь необходимых реформ, к тому, что Струве назвал в одной из своих статей «оздоровлением власти»⁵⁶. В этом отношении я был безусловно последователен; на* этого

* Пропущено слово.

признания убеждал меня в частной беседе сам Милюков. Прибавлю, что такая позиция была мало обычна среди наших политических партий. У нас принято либо колебать власть, как врага, либо ее оправдывать и защищать от нападков. Таков был Гучков по отношению к Столыпину. Я не был ни тем, ни другим. Моя критика была резка и последовательна, но никогда не была разрывом с властью, разве только в моей последней речи против Штюрмера⁵⁷; в этом была моя позиция и моя сила. Я в моей политической деятельности пожал лавры одной речью; во II Государственной Думе о военно-полевых судах, сказанной 12 марта⁵⁸, что я хорошо помню, так как мне в память о ней преподнесли чернильницу с надписью. Газеты, которые вообще меня не любили, потому, что я их терпеть не мог, тогда сделали мне рекламу, о которой стыдно вспоминать. Но важны не статьи, за которые репортеры получают гонорары, не думские аплодисменты, для меня важны отзывы противников. Я не забуду, как во время речи я обернулся к Столыпину, сидевшему в министерской ложе, и увидел его глаза, которых он с меня не спускал. Я продолжал смотреть ему в глаза, и он так от меня и не отвернулся до самого конца; мне потом передавали, что он обо мне говорил. И эта речь, даже на такую тему, была построена на уважении к власти, на желании ее охранить от того, что для нее же опасно, избавить власть от ошибок, которые ее компрометируют. Это была та идея, которую я проводил до конца, из-за которой не раз расходился с кадетами.

И когда я Вам писал о необходимости соглашения с большевиками, ибо только оттуда может что-то выйти, моя позиция слагалась из разных мотивов: и понимание момента, и презрение к тем антибольшевистским силам, которые обнаружили такую бездарность, и мысль, что нет иной дороги; но может быть инстинктивно меня толкала на эту дорогу моя старая позиция, которая всегда заставляла меня обращаться к власти, хотеть эволюции, не революции. Я писал, что об этих мнениях нельзя говорить вслух, ибо это вносит смуту в умы. Теперь скажу больше. Когда я для себя по совести ставлю вопрос, мог ли бы я занять серьезно эту позицию, стать лидером тех, кто в настоящее время говорит о соглашательстве, как Гредескул⁵⁹, Ольденбург⁶⁰ в России, Путилов здесь и т.д.; когда я ставлю себе этот вопрос, то говорю: нет, я такую позицию занять не могу: это для меня невозможно по моральным причинам, даже если я поверю, что полезно для России сотрудничать с Лениным, Троцким и другими, то я все-таки сотрудничать с ними не стану и не смогу. Пусть мой ум скажет, что это нужно, пусть это делают другие, я осуждать их не стану; но самому подать большевикам руку и им простить то, что они сделали с Россией, я не могу. Я предпочту не вернуться в Россию, чем ехать мириться с большевиками, принять их амнистию. Этого я не могу, но не вижу пока и никакого пути, которым я мог бы активно с ними бороться. Белое движение кончилось, да я и потерял веру в них. Савинковская деятельность мне тоже морально противна, как всякое переодевание, лганье и подпольщина. Он во

многим меня с собой помирил; он ведет свое дело умно и может талантливо; сейчас он полезен. Но я не мыслю себя рядом с ним в его организации. Мне там нет места. Если бы я не был прикован к своему посту, я сейчас сознательно бы отошел от политики.

Пока я здесь, я изображаю эмблему и наблюдаю; но действовать я не могу, ибо, надо ли мне Вам доказывать, что, как ни осуждаю я Милюкова и Львова, и Учредилку, и Земгор — все эти отрывки той позиции, когда мы все были оппозицией, то я еще дальше от тех, кто с ними со всеми борется во имя старого, кто также как и оппозиция в своих грехах не повинился и их не сознал; что, если я считаю, что Львов и Милюков своей бездарностью погубили Россию, то, конечно, вместе с ними еще больше, чем они, погубили ее те, кто им предшествовал. Только издали, притом там, где этого не ждешь, встречал я среди политических деятелей лица, с которыми я могу говорить без досады, и мысли, которые меня радуют, как откровение будущего. Но это все единицы и крохи. Не эти лица и даже не эти идеи сейчас занимают авансцену. Тем, кто ее сейчас занимает и займет завтра, я мешать не хочу. Если я их «поношу», как Вы пишете, то только в интимных разговорах с Вами и с другими друзьями. Я даже думаю, что они непременно вернуться к власти, чтобы окончательно похоронить себя и закончить период старых воспоминаний. Я смотрю на них, как на обреченных. Но быть вместе с ними, говорить на их языке и делать с ними одно общее дело пока я не могу. Я это хорошо понимаю и этому подчиняюсь. Мне сейчас действовать негде.

5 сентября

Меня стошнило, когда я перечел свое письмо; так длинно, бледно и недоговоренно; вот что скажу в процессе диктовки, когда потом переспрашиваем или говорим и когда мысли теряем. Единственно, мне простили, что я говорил не для не публики**61.*

Не могу спокойно говорить об этом предмете, т.е. о варяжской теории и революции; мне кажется, что именно здесь самая большая опасность для нашего будущего.

До революции мы имели правительство, которое очевидно было не на высоте положения; в противовес этому мы вообразили, что мы лучше правительства, и не в потенциальном смысле, а в том, что мы сейчас управляли бы лучше, если бы не насилие власти. Когда защитники правительства нам говорили знаменитую фразу, что «всякий народ заслуживает своего правительства», мы утверждали, что пример России доказывает лживость этой теории; сколько на эту тему было сказано хороших речей в Думе и пожато аплодисментов. Революция должна бы, казалось, рассеять

* Два слова вписаны неразборчиво от руки.

** Несколько слов вписаны неразборчиво от руки.

наше самомнение. Революция была экзаменом и того, что мы называем общественностью, и самого народа. И говорю не о результатах (события могут быть сильнее людей), а о поведении, о свойствах, которые эта революция обнаружила. Я наблюдал революцию больше, чем Вы, и скажу Вам: общественность и народ оказались хуже своего старого правительства. Общественность была ниже правительства не только по опыту и умению, но по пониманию положения, по мужеству и патриотизму. Основная черта общественности была трусость, не за Россию, а за себя, за свою безопасность и свое положение. В общественности не было увлечения своими идеалами, не было веры, а было малодушие, из-за которого она не смела ничего отстаивать и ничему противиться. Было и упоение властью, популярностью и положением. Таковы были почти все наши герои. Они делали все вопреки себе, вопреки собственным словам и пониманию. Я упрекаю в трусости и старый правящий класс, который сдал свою позицию без боя. Но у него было оправдание. Во время внешней войны он не хотел войны гражданской. Он мог считать, как Николай II, что их время прошло, что новые люди сделают лучше их; они могли сдать им посты не из трусости, а из патриотизма. Но новые люди? Те, которые приняли власть для спасения России, которые взяли ее сами, за которыми стояла в это время Россия. Те, которые должны были защищать не себя, не свои привилегии, которыми должно было пожертвовать, а защищать самое бытие России? Они тоже все бросали, все уступали, объясняя тем, что невозможно идти против общего течения. И это в то время, когда и с фронта, и из глубины России все просили об одном, чтобы правительство, имея в руках аппарат власти, его применило. Милюков стал на минуту героем, когда как будто показал твердость, хотя и в ненужном вопросе. Но это было ненадолго. Все позиции сдавались потому, что в них плохо верили, потому что у деятелей не нашлось ни гражданского, ни простого физического мужества. Я не забуду картину этой трусости. Помню Родзянко, который трепетал при первых слухах о готовящемся восстании; Милюкова, который всегда ходил в сопровождении телохранителей; Керенского, которому мерещились заговоры и т.д.

Я понимаю большевиков, которые управляют террором и вопреки всем. Им не стыдно охранять себя. Но революционные деятели, которые говорили о народоправстве, изменяли своим идеалам потому, что этого хотел народ, которые хотели править этим народом по его усмотрению, для них эта вечная боязнь за свою жизнь, боязнь восстания и убийства из-за угла была недостойна; noblesse oblige⁶². А патриотизм? Кто из них в это время действительно болел за то, что делалось в России. Можно было слышать только один возглас: не мы виноваты. Искать себе оправдания, винить других, своих предшественников и преемников, это все то, что умели делать. Старый режим был нехорош. Однако я вспоминаю как в 1908 г. Кривошеин плакал слезами во время Боснийского посрамления от унижения России⁶³. А кто из этих лиц, ко-

торые в это время только умывали руки и складывали ответственность, подыскивали виноватого, кто действительно плакал за Россию.

Это — общественность, лучшие люди; ну, а сам народ. С него меньше спрашивается. Он не повинен, не он делал революцию, не он брался управлять — за это я его и не виню. Но какие черты всплыли в нем во время революции. Что он предал царя — простительно; идея монархии была давно в нем подорвана. А почему он с такой легкостью предал церковь? Почему допустил кощунства, грабежи и ругательства, которые над нею делались? На это можно сказать: это была уже эпоха террора, он тоже боялся, не смел? Ну, а что же он делал там, где его не заставляли, где он делал, что хотел. Когда он бросал войну и уходил домой, можно сказать, что он не понимал целей войны и войне не сочувствовал. Но ведь он не только уходил, он врагам продавал оружие, пушки, снаряды; он предавал тех офицеров, которые уже не имели власти, а только призывали его к порядочности. Он, хихикая, смотрел при атаке 18 июня⁶⁴ как в атаку пошли одни офицеры и были убиты. Ему в голову не приходило, что он делает предательство относительно и товарищей и союзников. Всякий мужик знает, что такое предательство и измена; и, однако, все это стало возможным в массовых размерах и морально это никого не возмущало. Легкость предательства вообще меня смущала и в других; ведь Милюков во время войны, взяв германскую ориентацию⁶⁵, союзников предал. Понимаю, из долга перед страной можно было на это решиться; это должно быть трагедией жизни, отказом от прошлого, при котором человек с разбитым сердцем делает то, что ему велит его долг; у Милюкова было не то; после этого приехал в Париж просить помощи против большевиков, не понимая, почему Франция его не хотела пустить; я должен был объяснить ему, что, как ни высоки его убеждения, он был все-таки предателем для союзников. А эти избиения, которые делались у всех на глазах, причем народ и общество после наполнили театры и увеселения! Все это черты такой дикости и зверства, морального растления, которые удручают. И если народ кое-что отстоял от большевиков, им не поддался, то любопытно, какие мотивы в нем говорили, что он отстоял? Он не стерпел реквизиции, не хотел работать и давать на общую пользу; самая его энергия, поскольку мы ее наблюдаем, направляется на спекуляцию, т.е. в пользование чужой бедой. Вот черты, которые обнаружили в народе в процессе революции, и которые не имеют ничего общего с увлечением идеями; это все низкие черты, которые свойственны всякой человеческой натуре, но вышли вперед во время революции, заслонили и поглотили все остальное.

Если кто-нибудь прочитает эти строки, скажет, что я поношу народ и в него не верю. И это будет неправда. Я в него верю и именно потому верю, что в революции он показал не лучшие, а худшие стороны. И я продолжаю верить в народ не потому, как

сказал Горький, что он создал Пушкина; кстати, вот фраза, которая меня возмущает; народ вовсе не создал Пушкина; Пушкины родятся независимо от него и помимо него⁶⁶; заслуга народа в том, что он его оценил: это очень много, но это и все. Не стоит говорить о том, что он его создал, не стоит ему им хвастаться.

Я не потерял веры в русский народ потому, что незадолго перед тем видел тот же народ в другом виде и в другой обстановке; народ во время революции был тот же самый народ, который умирал на Карпатах, шел за Корниловым, куда бы он его ни позвал, предпочитал умереть лучше, чем предать товарищей по оружию, сумел мобилизоваться без возражений, хотя и не понимал этой войны, и который кровно скорбел о всякой нашей неудаче. Из того, что во время революции в нем вышли наружу все скверные стороны, не значит, что это его подлинный вид и что он всегда им останется. И даже то, что сейчас доносится из России, это общее требование хозяина, есть уже добрый признак. Это показывает, что сам народ понимает, что ему нужно. Выводить из этого, будто он хочет монархии и реставрации, значит размельчивать это здоровое влечение народа к порядку и к разумной жизни. Ему именно нужен хозяин: пусть это будет царь, пусть это будет республика или даже советы, но пусть это будет хозяин. Правда, наш народ оказался неспособным расценить людей по заслугам, понять, кто из них может быть хозяином; но желание хозяина не покидало его и в разгар революции; все это увлечение Керенским, увлечение неудачное, сыгравшее роковую роль, показывает только одно, что он не понимал, что такое Керенский; но нельзя этого и требовать от народа; это можно было бы скорее требовать от нашей общественности, от прессы, от общественных деятелей; народ создал из Керенского мечту и символ, видел в нем то, что ему хотелось видеть, решительного, смелого человека, патриота, который умеет быть хозяином. Что он ошибся в нем, ему простительно, также как простительно то, что он считал Николая Николаевича великим полководцем⁶⁷ или что выбирает теперь в герои Махно. То ампула, на которое он теперь ищет людей, выше его понимания; довольно того, что народ умел ценить по заслугам и Удавищенко как военачальника, и хороших учителей, хороших врачей, хороших судей. Это было доступно ему и его глаз был верен; он ценил по заслугам, не по лести. Теперь, когда все смешалось и спуталось, еще меньше чем прежде он сумеет найти хозяина; но спасибо ему за то, что он его ищет; это наше дело показать ему хозяйскую руку, дать ему сознание, что хозяин есть, хотя бы он был и коллективный. Но если на требование хозяина мы, на которых лежит ответственность за то, что случилось, понесем ему народопоклонство и просьбу самому сказать, что нужно делать, и уверения, что он сам себе хозяин, то это будет камень, который мы ему подадим вместо хлеба.

Да, ему нужен хозяин уже и потому, что сам он, как впрочем и мы, находится на той стадии развития, где мы знаем, что не нужно, что нам мешает, что больно, но не знаем, что нужно делать. Воспитанные на критике и оппозиции, мы понимаем только, где плохо, и умеем указывать только на боль. Мы всегда говорим только о том, что нам мешает, обвиняем во всем внешние препятствия. В старину мы кричали: долой самодержавие. Крестьяне находили, что им мешает капиталист. Толстой находил, что мешает все государство. Теперь крестьяне кричат: бей жидов, завтра начнется ксенофобия и будут кричать: бей иностранцев. Вот наша национальная психология и наша программа; она вся выражается в слове: «долой». Вопрос в том, кого сейчас долой. Не потому ли в прежнее время нас оскорблял пример лучшей жизни и мы кричали: долой финляндские привилегии, долой благосостояние Прибалтийских провинций. Все приравнять по худшему уровню — наша национальная черта. Во время революции мы оказались свободны. Нам никто не мешал; нужно было не только разрушать, но и строить; тут невозможна была одна программа: долой. Но наша программа свелась к одному отрицанию. И теперь, когда ищут хозяина, она должна дать положительную цель; нужно показать, что должен делать всякий человек, что он может достигнуть сам, своими силами, без криков «долой», ни на кого не жалуясь, не бросая камни в колеса удачникам. Пора нам стать кузнецами собственного счастья. Пора, чтобы нам сказали, как когда-то Гизо: *enrichissez-vous!*⁶⁸. Но обогащайтесь не спекуляцией, не плутней, не за чужой счет, обогащайтесь организацией труда и продуктивной работой. Перестаньте злобствовать, обвинять других за свое несчастье, да бросать красный петух; работайте, время настало. Вот то положительное, что должен сказать России хозяин, вот то, чего от нас ждут, а не смиренного преклонения перед волей народа.

Я опять прихожу к трагическому выводу: если я с ненавистью и презрением отношусь к «великой» мартовской революции и с негодованием к претензии заставить её поклоняться, то скажу совершенно обратное про октябрьскую. Октябрьская революция — настоящая революция. Не будь ее, мартовская прошла бы как маленький эпизод, который скоро кончился бы реставрацией; при трусости тех людей, которые ею управляли, при их мягкотелости и отсутствии веры в собственное дело, как только бы прошла первая оторопь среди военных, они бы сделали военный переворот, который мог бы удался. Корнилов виноват только в том, что пошел слишком рано. Но допустим даже, что в этом я ошибаюсь. Это неважно. Важно то, что октябрьская революция дала все, что полагается дать революции — и программу, и дерзновение, и смелость убежденных и верящих людей. К ним, конечно, как всегда примазались мерзавцы; они бывают всегда, но в октябрьской революции были и настоящие сильные люди — революционеры. Ко-

нечно, она явилась со всем тем, что я вообще не люблю в революции, но это было все-таки то, что отличает Революцию от шалости и балагана. Если история когда-либо и признает значение, то это октябрьской, а не мартовской революции. Если октябрьская революция провалилась, то потому, что самая вера ее деятелей была безумна, программа ложна, что они хотели невозможного; но она провалилась вследствие провала идей, а не негодности лиц; эти люди могли быть властью и могли быть хозяевами; и потому, если бы они сейчас поняли, что нужно России, если бы они захотели исправить зло, которое сделали, они бы могли это осуществить. Только около них образуются и те живые клетки, которые должны образоваться в конце всякого болезненного процесса; только там около них и мыслится оздоровление. Линия наименьшего сопротивления была бы добиваться возможности сотрудничать с ними, влияния на них; из плохих хозяев нужно сделать хороших; наша деятельность должна была показывать, в чем состоит хорошее хозяйство; а когда вместо этого мы идем против них, отрицая роль хозяина, что равносильно принятию народовластия, мы теряем последний шанс помочь России извне: мы предоставляем ей обойтись своими силами, как делают с больным, которого отказывают лечить.

И понимая это, я понимаю, что это психологически невозможно; есть моральные причины, которые для тех, кто видел, что сделали большевики, как они захватили власть, как сознательно предали Россию, делает невозможным сотрудничать с ними. Это может сделать будущее поколение, которое многое не видело и потому многого может не знать и прощать.

При этих условиях, что же делать; мой ответ один: снять те вопросы, из которых нет выхода. Когда мы должны погрешить против разума, либо против совести; либо ставить ставку на тех, с кем идти вместе нельзя, либо ставить ее на тех, кто ее не выиграет, единственно что можно сделать, это отстранить эти вопросы: форма правления, революция, народовластие, варяжская теория, словом все, что является второстепенным; нужно все сосредоточить на том, что всем нужно трудиться и производить, что всякое усилие, направленное не в эту сторону, есть потерянное усилие; что нужна та социальная система, где труд дает наибольший результат. Нужно думать только об этом, говорить только об этом и доказывать это примерами. То, что будет мешать этой задаче, будь это отстаивание теории, будь то схоластические споры, будь то политическое соперничество — надо бросить; не вести политической полемики ни с большевиками, ни с Рейхенгаллем, ни тем менее с Бурцевым. Бороться только с тем, что мешает работе и только ради этого. Бежать как зачумленных людей, которые отмежевываются друг от друга на политических принципах. Бить в одну цель и идти со всеми, кто пойдет к ней.

В.А.Маклаков — Б.А.Бахметеву

Париж, 8 сентября 1921 г.

Дорогой Борис Александрович,

Я насилу вылез из того тупика, куда залез, подняв с Вами разговор на животрепещущие темы. Письмо писалось и переписывалось очень долго, но события меня обогнали. Хочу добавить несколько слов по деловой стороне письма.

1. Как я Вас предупреждал в том письме, на меня делается нажим со стороны русских политических организаций по поводу Тихоокеанской конференции; М.М.Федоров второй раз приходит, говоря, что Национальное объединение вместе с другими организациями правого уклона ставят этот вопрос на обсуждение, но хотели бы, чтобы по нему опять было единое мнение всех русских организаций, для чего нужно привлечь Учредилку, а для того чтобы это сделать, они предлагают нам, т.е. послам, взять на себя инициативу созыва собрания для обсуждения этих вопросов. Я на это сказал ему, что мы не сделаем ни одного шага без Вашего благословения, т.е. если Вы не найдете, что это полезно. Он с этим согласился и пока никаких самостоятельных выходов они делать не будут; но думаю, что они будут держаться этой линии только до тех пор, пока хранят надежду, что их труды в той или другой мере Вами будут использованы. Если сказать им, что они могут только помешать, они не поверят; если сказать, что никакого хода их работе Вы не дадите, они выкинут отсебятину. Поэтому представляется желательным взять это движение в свои руки, давая ему нужное направление; сообщая все это Вам к сведению, подтверждая просьбу, чтобы Вы осветили атмосферу, в которой будет решаться этот вопрос; нужно ли, полезно ли или просто вредно всякое выступление русских организаций, а если оно полезно, то каких организаций, в каком смысле и в какой форме. Сообщайте это мне как хотите, официально или конфиденциально, чтобы я соответственно этому ориентировался и ориентировал.

2. Интересные вопросы о голоде. За время моего письма многое изменилось; пал Московский комитет¹. Оставляя в стороне детали, хочется передать Вам сущность того, что здесь готовится.

Я начну с конца; вчера я беседовал с моим товарищем по Думе, которого Вы знаете по фамилии и репутации — Скобелевым²; у него была преувеличенная репутация очень глупого человека; второй раз я говорю с ним подробно и убеждаюсь, что это суждение не основательно; свой у него ум или чужой, но с ним говорить полезно, потому что точка зрения его часто оригинальна и всегда знаменательна.

Интересно, что он здесь в Париже был официальным представителем Московского комитета и в качестве такового был принят

Брианом; об этой аудиенции у Бриана во французских газетах ничего не было, что показывает, что сам этот ход со стороны Бриана относится к разряду конфиденциального ощупывания почвы. Скобелев вступил в сношение с Московским комитетом по своему почину через своего большого друга Красина; через него же был получен ответ, которым Московский комитет уполномочивал его вступать в переговоры и соглашения с иностранными правительствами. Об этом Скобелев передал своим французским друзьям, которых он мне не назвал; они принадлежат к той тенденции, которая считает, что лучший способ побороть большевизм — это вступить с ними в сношения, словом, придерживаться английской ориентации. Эти французские друзья передали о полученном ответе Бриану, и Бриан сказал Скобелеву, что примет его, если он того пожелает. Скобелев у него был. Разговор очень характерный. Бриан сказал, что хорошо понимает, что, несмотря на почтенный состав Московского комитета, он будет игрушкой в руках у большевиков; и тем не менее он готов разговаривать со Скобелевым. Таким образом, Бриан не отрицает, что начинаются переговоры французского правительства с советским. Но, — предупреждает его Бриан, — мы, конечно, не смотрим на нашу задачу, как на задачу гуманитарную; дело не в том, чтобы накормить несколько голодных ртов, а в том, чтобы восстановить Россию, чтобы уничтожить первоначальную причину беды. Это можно достигнуть только общими усилиями и широкой дружественной интервенцией экономического характера. В этих видах и посылается туда комиссия от Conseil Suprême; разговор происходил еще до того, как было решено послать эту комиссию. Комиссия должна посмотреть, что нужно сделать и в какой мере это можно сделать, пока там существуют большевики.

Общее впечатление Скобелева то, что французское правительство хочет ставить ставку на обе возможности: и на низвержение большевизма и на то, что он переживет и, переживши, будет эволюционировать. Голод явился для французов только хорошим поводом занять, наконец, в России то место, от которого они отказались, и попробовать, нельзя ли при совместном и согласном давлении всех правительств восстановить в России условия, при которых можно думать об экономическом оздоровлении. Вполне гармонируют с этим не только те разговоры, которые я вел раньше с Перетти³, но и тот факт, что французское правительство, составляя анкетную комиссию для посылки в Россию⁴, включает в нее действительно первоклассных финансистов и промышленников. Один из них, из самых серьезных, приходил вчера ко мне, говоря, что Нуланс настаивает на его поездке в Россию и принимает условие этого финансиста, что он поедет только в том случае, если вся комиссия будет составлена из людей первоклассной величины, а не из мелких субалтернов. Таким образом, в настоящее время как-будто подготавливается перемена французской политики от воздержания к мирной интервенции Европы для восста-

новления России. На этом давно настаивают англичане, ставя ставку на большевиков, которые, по их мнению, и сами, без давления, в силу своего ума и неотвратимых условий покинут коммунистическую позицию; французы не отказываются теперь поставить ту же ставку на большевиков, но рассчитывают не на непреложные законы истории, а на возможность прямого давления, ультиматумов, т.е. активной политики. Вот освещение, которое может ориентировать Вас, если Вы нуждаетесь знать, что собирается делать Conseil Suprême. Если их план будет осуществляться, и большевики не оборвут его в начале резким отказом допустить анкетную комиссию, то мы получим активную политику относительно России, и скажу Вам, что будет очень жаль, если в этом деле Америка будет стоять в стороне.

Тот же Скобелев мне сообщил, что разгон Московского комитета, который нужно понимать, как победу левых коммунистических течений над правыми, не имел бы места, если бы не Хувер и не Нансен; Московский комитет был создан в минуту паники, когда большевики испугались продолжения того бойкота Европы, под которым они жили. Они думали, что без комитета они не найдут ни кредита, ни возможности соприкосновения с границей. А когда по призыву Горького к ним поехали туда и Хувер и Нансен, которые не сделали ни одного шага, обнаруживающего какой-либо интерес к Московскому комитету, то большевики заключили, что комитет им не нужен и что от него нечего ждать кроме одних осложнений.

Скобелев считает, что переход большевиков, или по крайней мере одной их половины, включая туда и Ленина, к капитализму, не одна словесность, предназначенная для обмана, а серьезная реальность. По его пониманию, в большевизме есть две стороны: яacobинство и коммунизм. Свои коммунистические позиции правое крыло большевизма сдаст охотно. Но от яacobинства, т.е. от власти, ни под каким видом не откажется. Красин считает «кошмаром» всю экономическую деятельность советов; он в ней и не участвовал; он не желал быть совнархозом, а в это время заведовал железными дорогами, которые и без того были государственным достоянием. Только тогда, когда начался поворот назад к капитализму, тогда Красин и принял участие в руководстве экономической политикой. Англичане верят ему, что этот поворот серьезный и окончательный и готовы ставить ставку на него и на это крыло. Он говорил англичанам в переговорах с ними, что если после всего того, что большевики сделали, они, испытав на собственном опыте непригодность коммунизма, сейчас раздают концессии в личную собственность, то концессионер рискует меньше чем где бы то ни было, что у него эту собственность отберут. В других государствах еще могут попробовать то, что не удалось в России, но коммунисты слишком хорошо знают, к чему это приводит, и потому этого никогда не сделают. Такой аргумент действует на англичан; потому они все более и более ставят ставку на это

крыло большевизма. С противоположной стороны, как Вы знаете, утверждают, что большевики не способны эволюционировать и считают, что из всех этих попыток не выйдет ничего кроме вздора. Таким образом, встречаются две теории; одни уверяют, что большевистская власть, не поступаясь своей властью, идет назад к капитализму и предлагают помочь этому течению, оказать ему доверие, поддержать его против левых коммунистов, но большего не добиваться; не искать свержения власти, не бойкотировать ее; раскрыть все двери, признать большевиков.

Скобелев сказал любопытную мысль, парадокс; только когда Европа признает большевиков — борьба с ними будет нашим внутренним делом. Это теория англичан и у нее будущность. Другая теория (я оставляю в стороне идеологию белых движений), что большевизм не способен эволюционировать, что он только лжет и обманывает, но около него будто образовались какие-то новые живые силы — Кишкины и Ко — которые при сочувствии и поддержке народа станут властью. Поэтому надо их поддержать против большевиков. Это позиция, на которую мы толкаем французов; она вся зиждется на предположении, что в России зарыт клад, которого мы не видим, потому что он зарыт, но который непременно существует. Я защищаю эту теорию без веры в нее, ибо мой язык не поворачивается защищать первую. Но в связи со всем тем, что я Вам говорю, осветите мне планы Хувера, его намерения и вообще отношение Америки.

3. Вопрос третий и последний. Здесь создалось впечатление, будто между Вами и Советским правительством, а может быть Новицким, пробежала черная кошка: Новицкий находит, что Вы недовольны Советом, и может быть им, и это отражается на Вашем отношении к нам в денежных вопросах. Хочу поэтому несколькими словами Вас информировать, как [об]стоит дело. М.Н. Гирс немного обиделся на Ваш протокол от 4 июня, где выходило, что для всякого рода трат из Ваших денег нужно Ваше предварительное согласие⁵; по правде сказать, я был настолько рад, что Вы нас связываете и ругаете, что техническое неудобство безусловного исполнения этой меры мне в глаза не бросилось; весь Ваш протокол я принял сразу, с удовольствием, даже в него не вчитываясь. Но думаю, что Гирс прав, и безусловное применение этих правил либо будет стоить столько телеграммы а ргорос, [что] я должно быть перестану посылать Вам телеграммы, ибо это мне не по средствам, либо будет настолько затягиваться из-за обмена писем, что, действительно, всякая жизнь остановится. Но это деталь. Я жалею лишь, что 4 июня не было в феврале или марте, тогда бы не было сделано тех глупостей, в которые нас вовлек с одной стороны кн. Львов, а с другой наша мягкотелость. Но сейчас мы эти недостатки в значительной степени, если не совсем, исправили. Но положение все-таки остается трагическим.

Французы на этот раз серьезно начинают так сокращать пайки, что там, на Галлиполи, могут быть и голодные бунты и го-

лодные смерти. наших денег может не хватить для размещения солдат при условии, что нам удастся не выходить из тех норм, которые нам до сих пор удавались, но не хватит для их прокормления. Не говоря уже о том, что сейчас идиотский план комиссара от Лиги Наций дал моральное оправдание ничего не делать для беженцев и не прибавил ни одного сантима для помощи. Словом, мы предвидим такие перспективы, что было бы совершенно необходимо денежный запас. Вот почему мы так ухватились за предложение, сделанное нам о покупке вагонов в Америке. Когда сюда приехал Новицкий, он сказал, что Вы предоставляете в наше распоряжение для целей расселения беженцев много материалов, перечисленных в ведомости. Мы боялись тогда, что несмотря на драгоценность этого материала использовать его не удастся; ни Болгария, ни Сербия не шли на это, а главное всегда возникал вопрос о перевозке, которая тоже требовала денег.

Мы пришли в восторг, когда среди всех этих томительных переговоров об использовании материалов явилось предложение его за очень хорошую цену продать. Тогда мы Вам и телеграфировали, вернее, телеграфировал Новицкий Угету. Угет ответил, будто этот материал Вами передается Хуверу; как это ни было понятно и, может быть, хорошо для нас, с точки зрения наших интересов — это был большой урон и разочарование; мы поручили тогда Новицкому сделать попытку хоть что-нибудь отстоять от Вас, сослаться на то, что Вы ведь дали нам право этим материалом распоряжаться, и мы уже предложили его сербам; в сущности, мы были совершенно правы; представьте себе, что мы бы получили согласие сербов и болгар, а затем узнали бы от Вас, что этот материал Вами уступлен Хуверу. Чтобы подействовать на Вас, я лично рекомендовал Новицкому указать Вам, что мы уже с Вашего согласия ангажировали этот материал, что перемена Вами позиции нас ставит в неловкое положение и т.д. Все это было красноречие, чтобы Вас убедить. Но когда в ответ нам сюда телеграфировали, что мы не имели права располагать без Вас этим материалом и что Вы разрешили вести переговоры об уступке его правительствам, а не продавать, то эта постановка вопроса бьет мимо цели. Мы его без Вас и не продали и не запродали, и Вас об этом немедленно запросили; а вести о нем переговоры с Болгарией и Сербией можно было и не спрашивая Вас, ибо это уже Вы разрешили Новицкому. Словом, мне представляется, что вся черная кошка, если только она была, была вызвана отчасти не искусством Новицкого и Сувчинского⁶ составлять телеграммы, отчасти моим желанием, чтобы телеграммы посылали они, а не я, ибо тогда они за это платят, а у меня нет для этого средств, и должен оплачивать их из канцелярских сумм, а во-вторых, может быть, потому что, так как с Вами сносятся и я, и Гирс, и Новицкий, то, как часто бывает, систематического осведомления Вас не происходит. Я хочу сказать Вам только, что Вы не должны питать никакого недовольства ни против кого здесь в Париже; что Ваших директив здесь никто не нарушит, и что неудачи прошло-

го, в которых повинны Вы, отчасти, как и мы, не должны быть угрозой для будущего. И прибавлю, что было бы счастливым событием, если бы сочли возможным разрешить продать хоть часть тех вагонов, о которых шла речь; если мы ниоткуда не достанем денег, то грозит катастрофа. Боюсь только, что время уже упущено. Если Вы не вовсе связались с Хувером и если принципиально Вы не против того, чтобы часть материала у Вас была бы куплена, то дайте на это разрешение по телеграфу; мы тогда легче вздохнем.

№ 47

Б.А.Бахметев — В.А.Маклакову

8 сентября 1921 г.

Дорогой Василий Алексеевич.

Пользуюсь поездкой С.А.Угета в Париж, чтобы через него передать Вам сердечный привет и лучшие пожелания.

Вы знаете, конечно, что С.А. является моим ближайшим сотрудником и также осведомлены о моих весьма близких и дружественных с ним отношениях. Я убежден, что Вы можете получить от С.А. ответы на многие интересующие Вас вопросы о положении дел в Америке, здешних настроениях и пр. В частности, я полагаю, что пребыванием С.А. в Париже необходимо воспользоваться, чтобы обдумать и закрепить в форме определенных актов различные решения, касающиеся как образования, так и управления так наз[ываемым] Национальным фондом¹. Возможно, что я ошибаюсь, но я почти убежден, зная парижскую сутолоку, что фактически все дело, касающееся этого фонда, не получило должного оформления. Уверен также, что это Вам, как юристу, причиняет известное беспокойство. Мне представляется, что все это дело должно быть поставлено на строго определенные основания и оформлено в твердых юридических и формальных документах.

Сергей Антонович знает мои взгляды или, вернее, пожелания; как все это сделать — отсюда решить нельзя, но я рассчитываю, что Вы ближайшим образом обсудите этот вопрос с Угетом и будете иметь еще раз случай проявить Ваши исключительные юридические дарования.

Искренне Ваш *Б.Бахметев*.

№ 48

В.А.Маклаков — Б.А.Бахметеву

Париж, 9 сентября 1921 года

Дорогой Борис Александрович!

Как видите, меня прорвало, и я пишу Вам третье письмо¹; но зато это будет краткое. Савинков мне прислал свое письмо к Вам;

признаюсь, я с большой радостью узнал, что Вы дали ему денег; об этом говорил мне Одинец², но я ему не поверил; теперь это подтверждено в письме к Вам, значит, верить приходится. Хотя Вы обыкновенно всех просящих отсылаете к нам, говоря, что снабдили нас деньгами для всех (в этом отношении Тыркова³ прислала нам выдержку Вашего письма к ней, где Вы поощряете ее сделать натиск на всех нас и на меня, в частности), хотя, я повторяю, Вы всех отсылаете к нам, а для Савинкова сделали исключение. И я напоминаю Вам обо всем этом не затем, чтобы в деликатной форме Вас уязвить, а чтобы сказать Вам, что я не только Вас за это одобряю и приветствую, но считаю, что Вы этим обнаружили тот государственный смысл, проблеску которого у Вас я всегда так радуюсь. И потому после всех предыдущих писем мне хочется сказать два слова о Савинкове.

Его позиция среди всех нас очень своеобразная и промежуточная. Когда провалилось белое движение, наступил период либо пассивного выжидания, либо попытка активного соглашения; все мы здесь идем в этом последнем русле, с большей или меньшей откровенностью и решительностью. Один Савинков остался активно непримиримым, взяв какую-то среднюю линию; то, что он характерно объясняет словами, что он из белого стал зеленым. Позиция Савинкова для меня есть одна из разновидностей того активного соглашения, о котором я Вам пишу если не прямо, то замаскированно; я подчеркиваю, что несмотря на свою непримиримость, Савинков по существу соглашатель, как бы он ни возмущался этим определением. Его расчет весь построен на самих большевиках; только он ищет точку опоры не в противоположении Ленина Троцкому или Красина Ленину, а в противоположении низов большевизма верхам; в Вашем письме было опасение, что он слишком увлечется краснорожими офицерами; это опасение очень основательное, но сам Савинков его бы от себя отвел; он бы сказал Вам и подтвердил это своей программой, что он опирается не на офицерство, а на связь офицерства с мужиком, что он есть настоящая крестьянская партия. Как я Вам говорил, с моей точки зрения он соглашатель, ибо он ведет не к низвержению большевизма как такового, ни даже к низвержению большевиков, он ведет к изменению в среде самого большевизма, к отозванию элементов, способных эволюционизировать от неспособных к восстановлению самого народного организма; с этой точки зрения я очень рад, что Вы поняли, что это одно из тех движений, которому в корне нельзя не сочувствовать, потому что может быть у него есть будущность; и у него ее больше, чем за полной пассивностью Учредилки и прочими непримиримыми; и, наконец, морально оно менее претит, чем соглашение с Лениным или Красиным, чем участие даже с самыми благими намерениями в походе иностранного капитала в Россию. Вот все те плюсы, по которым я очень порадовался и за Вас, и за Савинкова, что Вы ему помогли, и более того, я сам настоял, когда Одинец просил у нас

денег, чтобы Вы помогли хотя бы части его войск, которые он кормит. И когда Савинков просил меня поддержать его просьбу перед Вами о деньгах, я хотя довольно формально, так как на большую телеграмму у меня не хватило бы средств, все-таки это сделал.

Однако, чтобы не вводить Вас в заблуждение, я все-таки же хочу Вам сказать и некоторые минусы этой организации; главное, что меня в ней смущает — это то, что она поистине играет с огнем; атмосфера там ужасающая. Савинков живет надеждами на красноармейцев, на переход их к нему; действительно, в массах, и переходят, но наряду с порядочными людьми переходит и масса шпионов.

Дико вспомнить тот шум, который когда-то поднимали из-за одного Азефа⁴, видя в нем шекспировский тип, необыкновенную силу умения играть двойную игру; Азефы теперь считаются десятками. Деятельность их приводит к систематическим провалам и крушениям в среде самой России; это не упрек и не критика; может быть, Савинков здесь ни в чем и не повинен, повинно только его положение, но в настоящее время Савинков своей деятельностью только кормит Чека.

Не примите этого как довод за то, что от него нужно отречься. Я просто не хотел скрывать перед Вами этой стороны дела, которая режет глаз, об остальных, конечно, Вы догадываетесь сами. Лично я, как Вам уже писал, плохо верю в успешность крестьянского движения и еще меньше верю тому, что эти движения могут иметь какое-либо другое значение, кроме отрицательного, т.е. колебания власти; это тоже совсем не критика; напротив, это та сторона дела, которая совершенно необходима, ибо даже тогда, когда большевизм вовсе [подойдет к пропасти], кто-нибудь должен будет его подтолкнуть; поэтому я был бы глубоко огорчен, если бы Савинков совершенно исчез с горизонта, тем более, что со всех точек зрения все-таки где-то внутри России и должны быть силы, которые могут наносить большевизму [удары]: ведь вне подобных сил нужно будет откровенно признать, что нужно будет ставку ставить всю на укрепление и перерождение большевистской власти, на сохранение даже ее главарей. Поэтому я рад, что кем-то делается попытка их объединить, все это как одна из сторон борьбы, сторона разрушительная, необходима; но как сторона положительная, конечно, Савинковская программа по необходимости будет носить все следы демагогии, т.е. чего-то наивного и недостаточного.

Меня всегда убеждает Ваша мысль о необходимости слияния действий большого капитала с крестьянами; эти две социальные силы, которые должны быть солидарны в силу своего положения в государственном организме, в силу своих общих интересов; в революционное время они могли быть солидарны в том смысле, что вкладывали бы в одно общее дело борьбы то, чем обладает каждая из этих двух сил. Словом, если бы Савинков и должен

был пользоваться чьей-либо поддержкой, то это от торгово-промышленного капитала; объединение Савинкова с Рябушинским, которое бы символизировало объединение мужика с промышленником, и был бы тот положительный фактор борьбы, которого до сих пор не было. И наше несчастье, что и здесь, как и всегда, когда открываются какие-то возможности, мелкие и грубые причины этому мешают, мешают самый характер и приемы Савинкова, некоторая его моральная и, скажу более, политическая беспринципность и та же интеллигентская идеология. Я и кончаю это письмо на выражении глубокой радости, что Вы по неизвестным мне мотивам, но все-таки поняли, что здесь есть что-то более живое, чем Учредилка.

Комментарии

1919

№ 1

Б.А.Бахметев — В.А.Маклакову, [август 1919]

¹ Автограф, без даты. По-видимому, это первое «личное» письмо, отправленное Бахметевым Маклакову после его возвращения в США из Франции. Письмо написано не позднее августа 1919 г., поскольку в нем упоминается И.А.Михайлов еще как действующий министр финансов колчаковского правительства; Михайлов был отправлен в отставку 16 августа 1919 г.

² *Анахарсис* (миф.) — скиф царского происхождения, предпринимавший далекие путешествия для удовлетворения своей любознательности и посетивший, среди прочего, Афины во времена Солона; по возвращении был казнен по приказу царя за попытку ввести греческие мистерии. Герой романа французского писателя Жан-Жака Бартеlemi (Barthelemy) «Voyage de jeune Anacharsis en Grece» (1788), пользовавшегося огромной популярностью и переведенного почти на все европейские языки.

³ *Елена Николаевна Сергиевская*, бывшая думская стенографистка.

⁴ *Сазонов Сергей Дмитриевич* (1860—1927) — дипломат, министр иностранных дел России в 1910—1916 гг.; после Февральской революции назначен Временным правительством послом в Лондоне, однако к своим обязанностям приступить не успел. Возглавлял внешнеполитические ведомства в правительствах А.В.Колчака и А.И.Деникина; член Русского политического совещания и Русской политической делегации в Париже.

⁵ В Омске находилась столица «Верховного правителя России» адмирала А.В.Колчака.

⁶ Несомненно, речь идет об *Иване Адриановиче Михайлове* (1895—1946), ведущем деятеле колчаковского правительства и одним из главных организаторов переворота, приведшего в ноябре 1918 г. А.В.Колчака к власти. Бывший эсер Михайлов был министром финансов Временного Сибирского правительства (сентябрь 1918), затем Директории и Колчака (с ноября 1918). С мая 1919 г. он стал также министром торговли и промышленности. Между тем специалисты отмечали недостаточную профессиональную квалификацию министра, в свое время изучавшего экономику под руководством П.Б.Струве, и неумение быстро схватывать экономические проблемы. Крайне неудачная финансовая реформа, проведенная Михайловым в апреле 1919 г., привела к окончательному расстройству денежного обращения на территории, подконтрольной Колчаку, и адмирал был вынужден отправить его в отставку. В то же время Михайлов преуспел в политических интригах, «заслужив» прозвища Ваньки Каина и «сибирского Борджиа»; ему приписывали организацию убийств поли-

тических противников. В 1920 г. он бежал в Харбин; впоследствии сотрудничал с японской разведкой. В 1945 г. был захвачен советскими войсками, увезен в Москву и после суда казнен. См.: Jonathan Smele D. *Civil War in Siberia: The anti-Bolshevik government of admiral Kolchak*. Cambridge University Press, 1996.

⁷ Очевидно, что слухи об участии Михайлова в заговоре против Колчака в декабре 1918 г. были беспочвенны; как уже говорилось в прим. 5, Михайлов был одним из тех, кто привел Колчака к власти в ноябре 1918 г. и пользовался особым доверием «Верховного правителя».

⁸ *Сукин Иван Иванович* (1889—?) — дипломат; в 1917 г. — секретарь российского посольства в Вашингтоне. В октябре 1918 г. прибыл в Сибирь, где быстро сблизился с И.А.Михайловым; после переворота 18 ноября 1918 г. назначен начальником дипломатического отдела ставки Колчака, познакомившегося с Сукиным еще в 1917 г. в Вашингтоне, а в январе 1919 г. — управляющим Министерством иностранных дел. Поскольку министр С.Д.Сазонов постоянно находился в Париже, Сукин фактически был главой колчаковского внешнеполитического ведомства.

⁹ *Львов Георгий Евгеньевич* (1861—1925) — князь, землевладелец, лидер земского движения; депутат I Государственной Думы; вступил в партию кадетов, однако вскоре ее покинул, сохраняя, впрочем, «большие личные отношения с кадетизмом» (П.Н.Милоков). Глава Временного правительства в марте—июле 1917 г. В 1918 г. эмигрировал во Францию, в декабре 1918 — июле 1919 г. — председатель Русского политического совещания в Париже; член Русской политической делегации за границей.

¹⁰ *Advanced season* (англ.) — наступивший сезон.

¹¹ *Calming effect* (англ.) — успокаивающий эффект.

¹² *Мария Алексеевна Маклакова* (1878—1957), незамужняя сестра В.А.Маклакова, жившая вместе с братом.

№ 2

Б.А.Бахметев — В.А.Маклакову, 27 сентября [1919]

¹ Автограф, без указания года. Письмо, бесспорно, относится к 1919 г., так как в нем упоминается А.В.Колчак как действующий руководитель антибольшевистского движения на Востоке.

² Упоминаемое Бахметевым письмо Маклакова нами не обнаружено.

³ *Делегация* — Русская политическая делегация за границей — руководящий орган Русского политического совещания; образована в январе 1919 г.; Делегация была уполномочена представлять интересы России на Парижской мирной конференции А.В.Колчаком и А.И.Деникиным. После прекращения Русским политическим совещанием своей деятельности 8 июля 1919 г. «ввиду объединения правительственной власти в России» Делегация продолжила свою деятельность «согласно предписанию Верховного правителя». Первоначально в состав Делегации входили Г.Е.Львов, С.Д.Сазонов, В.А.Маклаков и Н.В.Чайковский («четверка»); телеграммой Колчака 12 августа 1919 г. ее пятым членом был назначен Б.В.Савинков.

⁴ *Савинков Борис Викторович* (1879–1925) — один из руководителей Боевой организации партии социалистов-революционеров (с 1903 г.), лично руководивший подготовкой ряда громких террористических актов; в 1917 г. исключен из партии за отказ дать объяснения ЦК о своей роли в корниловском выступлении; Савинков публично заявил о своей солидарности с генералом Л.Г.Корниловым в целях, но расхождении в средствах. Активный участник антибольшевистской борьбы, Савинков тем не менее встречал постоянное недоверие в лагере белых в силу своего революционного прошлого и двусмысленного поведения во время «корниловского дела». Член Русского политического совещания в Париже. Подробнее о его деятельности после 1917 г. см.: Spence R.V. *Boris Savinkov: Renegade of the Left*. Boulder; New York, 1991.

⁵ *Defamation of character* (англ.) — дискредитация, диффамация.

⁶ Юг, Север, Северо-Запад — подразумеваются центры антибольшевистского движения, обычно ассоциируемые с именами их руководителей генералов А.И.Деникина, Е.К.Миллера, Н.Н.Юденича соответственно.

⁷ *An american issue* (англ.) — американская проблема.

⁸ *Спарго (Spargo) Джон* (1876–1966) — британский, после переезда в США в 1901 г. — американский политический и общественный деятель, публицист. Видный участник социалистического и профсоюзного движения; в 1917 г. вышел из Социалистической партии. Автор книг «Большевизм», «Психология большевизма», «Россия в качестве американской проблемы» и др. Был близким другом Бахметева. В архиве последнего в Колумбийском университете хранятся три коробки их переписки.

⁹ «*Kolchak — a Barrier to Japanese Aggression*» (англ.) — «Колчак — барьер на пути японской агрессии».

¹⁰ *Бах Генрих Генрихович* — советник российского посольства в Вашингтоне.

¹¹ *Когда пройдет признание* — вероятно, речь идет о признании Соединенными Штатами правительства А.В.Колчака, на что надеялся в то время Бахметев.

¹² *Ичас Мартинас М.* (1885–1941) — адвокат, член партии кадетов, депутат IV Государственной думы от Литвы. В 1917 г. комиссар по делам образования на правах вице-министра во Временном правительстве. В мае 1918 г. вернулся в Литву, выступил за ее отделение от России. Министр торговли и промышленности в первом составе Временного правительства Литвы (ноябрь — декабрь 1918), министр финансов во 2-м и 3-м составах (декабрь 1918 — апрель 1919).

¹³ *Parlor-bolshevik'ov* (англ.) — салонных большевиков.

¹⁴ Очевидно, речь идет об отказах портовых рабочих грузить военное снаряжение для отправки антибольшевистским силам в Россию. Особенно широкий размах движение в поддержку советской России приобрело в Англии, где в январе 1919 г. была созвана 1-я национальная конференция под лозунгом «Руки прочь от России!» и был избран Национальный комитет движения.

¹⁵ *Юденич Николай Николаевич* (1862–1933) — генерал от инфантерии; в период Первой мировой войны — начальник штаба Кавказской армии, с января 1915 г. — ее командующий; в марте-апреле 1917 г. — главнокомандующий войсками Кавказского фронта, затем в отставке.

Осенью 1918 г. перебрался в Финляндию, затем в Эстонию. В январе 1919 г. провозглашен Русским комитетом в Финляндии, в котором прева-лировали к тому времени кадеты, лидером «белого дела» на Северо-За-паде (с диктаторскими полномочиями). В июне 1919 г. назначен А.В.Колчаком главнокомандующим войсками белых на Северо-Западе, возглавил Северо-Западную армию, в августе вошел в состав Северо-За-падного правительства.

¹⁶ *Бубликов Александр Александрович* (1875—1941) — крупный ин-женер-путеец, активный деятель торгово-промышленных организаций. Депутат IV Государственной Думы, «прогрессист». Сыграл видную роль в дни Февральской революции, будучи комиссаром Временного комитета Государственной Думы; участвовал в аресте Николая II 8 марта 1917 г. После 1917 г. в эмиграции в США. Выпустил в Нью-Йорке брошюры «Русская революция» (1918) и «Программа экономической политики» (1919). Вел кампанию в печати против Б.А.Бахметева, крайне негативно оценивая его деятельность на посту посла.

№ 3

В.А.Маклаков — Б.А.Бахметеву, 7-го октября 1919

¹ *Федоров Михаил Михайлович* (1858—1949) — финансист, товарищ министра торговли и промышленности в правительстве С.Ю.Витге; в годы Первой мировой войны — член Центрального Военно-промышленного комитета. В качестве представителя московской организации партии кадетов был направлен в ноябре 1917 г. в Новочеркасск для оказания помощи антибольшевистским силам; способствовал созданию Добровольческой армии; председатель Национального центра, член Особого совещания при генерале А.И.Деникине.

² Вероятно, Маклаков имеет в виду письма к нему Национального центра, антибольшевистской организации, ведущую роль в которой играли кадеты. В частности, в письме Национального центра от 5 июня 1919 г. говорилось: «Сейчас здесь такое бодрое, радостное настроение. Победа за победой, успех за успехом, красные разлагаются и бегут. И среди политических партий происходит сближение на общей национальной платформе, к которой все постепенно примыкают» // Красный архив. 1929. Т. 36 (5). С. 30.

³ *Родзянко М.Н.* — возможно, Маклаков перепутал инициалы и речь идет о *Николае Михайловиче Родзянко* (1888—1941), начальнике санитарной части Добровольческой армии, затем председателе Временного комитета Всероссийского Земского союза.

⁴ *Деникин Антон Иванович* (1872—1947) — генерал-лейтенант; в период Первой мировой войны последовательно командовал бригадой, дивизией, корпусом; в апреле—мае 1917 г. — начальник штаба Верховного Главнокомандующего; командующий Западным (с 31 мая 1917 г.), затем Юго-Западным (со 2 августа) фронтами. Поддержал выступление генерала Л.Г.Корнилова, был арестован и заключен в тюрьму; после освобождения в ноябре 1917 г. пробрался на Дон, где стал одним из зачинателей белого движения; командующий Добровольческой армией с апреля

1918 г., в декабре 1918 — марте 1920 — Главнокомандующий Вооруженными силами Юга России (ВСЮР).

⁵ *Гоппер С.В.* — Бывший подданный Великобритании, купец I гильдии, распорядитель товарищества «Гоппер и К^о» (производство механических изделий), член совета Московского банка, директор Российского взаимного страхового союза.

⁶ *Петлюра Симон Васильевич* (1879—1926) — лидер украинского национального движения, публицист; член украинской социал-демократической рабочей партии с 1906 г.; в 1917—1918 гг. — один из организаторов украинской национальной армии. В январе 1918 г. создал «Украинский гайдамацкий кош Слободской Украины»; с февраля 1919 г. стал главой Директории Украинской Народной Республики, одновременно выйдя из УСДРП. Отношение Петлюры к большевистской России, также как и к «единой и неделимой», которую стремились восстановить белые, было отрицательным.

⁷ *Драгомиров Абрам Михайлович* (1868—1956) — генерал от кавалерии; высшая должность в период Первой мировой войны — главнокомандующий армиями Северного фронта. В сентябре 1918 — сентябре 1919 — председатель Особого совещания, т.е. фактически глава денikinского правительства. С сентября 1919 г. — главноначальствующий Киевской области и командующий группой войск Киевского направления. После смены Деникина генералом П.Н.Врангелем — генерал для поручений. С 1920 г. — в эмиграции.

⁸ *Манжен (Mangin) Шарль* (1866—1925) — генерал; высшая должность в период Первой мировой войны — командующий армией. Член Высшего военного совета Франции в 1920—1925 гг. Начальник французской миссии при генерале П.Н.Врангеле с марта по июль 1920 г.

⁹ *Чайковский Николай Васильевич* (1850—1926) — революционер-народник, с 1904 г. — эсер, в годы Первой мировой войны — член ЦК Трудовой группы. Активный участник кооперативного движения. Противник Октябрьской революции. В августе 1918 — феврале 1920 гг. — председатель и управляющий отделом иностранных дел правительства Северной области (Архангельск). В феврале—марте 1920 г. — член Южнорусского правительства при ген. А.И.Деникине. С января 1919 г. — член Русского политического совещания в Париже и Русской политической делегации за границей.

¹⁰ *Шиллинг Маврикий Фабианович* (1872 — ?) — барон, крупный чиновник российского Министерства иностранных дел, в 1914—1916 гг. — начальник канцелярии МИДа и советник I политического отдела. К 1917 г. — сенатор, тайный советник, гофмейстер. В 1919—1920 гг. — начальник канцелярии С.Д.Сазонова.

¹¹ *Колчак Александр Васильевич* (1874—1920) — вице-адмирал, ученый-гидрограф. В 1916—1917 гг. — командующий Черноморским флотом. С октября 1918 г. — военный и морской министр в правительстве Уфимской Директории. В ноябре 1918 г. совершил военный переворот и установил диктатуру на подвластных ему территориях Сибири, Урала и Дальнего Востока. Был признан верховным правителем России руководителями основных антибольшевистских формирований.

¹² *Щербачев Дмитрий Григорьевич* (1857—1932) — генерал от инфантерии, в 1907—1912 — начальник Николаевской академии Генераль-

ного штаба; высшая должность в годы Первой мировой войны — помощник главнокомандующего войсками Румынского фронта. В 1919 г. — представитель (военный агент) А.И.Деникина и А.В.Колчака в Париже.

¹³ *Гирс Михаил Николаевич* (1856—1932) — дипломат, на службе в МИД с 1878 г.; был посланником в Бразилии (с 1894), Китае (с 1898), Баварии (с 1901), Румынии (с 1902), послом в Турции (1911—1914); российский посол в Риме (с 1915); старейшина русского дипломатического корпуса.

¹⁴ *Петряев Александр Михайлович* — карьерный дипломат, перед февралем 1917 г. — советник II (Ближневосточного) политического отдела МИД, статский советник; в марте—октябре 1917 г. — товарищ министра иностранных дел. С 1919 г. — в эмиграции, возглавлял российскую дипломатическую миссию в Болгарии.

¹⁵ *Шебеко Николай Николаевич* (1863—1953) — бывший посол в Австро-Венгрии, член Государственного Совета.

¹⁶ *Маннергейм (Mannerheim) Карл Густав* (1867—1951) — барон, генерал русской армии; в 1918 г. — главнокомандующий армией независимой Финляндии, в конце 1918 — начале 1919 г. — глава финского государства.

¹⁷ *Нольде Борис Эммануилович* (1876—1948) — барон; юрист, специалист в области международного права; член партии кадетов. Занимал посты директора ряда отделов, начальника 2-го Департамента МИДа, советника министра иностранных дел (С.Д.Сазонова). Преподавал в Александровском лицее, на Высших женских курсах и в Политехническом институте. Один из авторов манифеста вел. кн. Михаила Александровича об отречении от престола и передаче власти Временному правительству до созыва Учредительного собрания. После Февральской революции — товарищ министра иностранных дел (при П.Н.Милюкове). В 1918 г. — сторонник германской ориентации. С лета 1919 г. — в эмиграции. Осенью 1919 г. участвовал в переговорах с правительством Финляндии от имени правительства Колчака, стремясь склонить финнов к участию в походе на Петроград в обмен на признание ее независимости. Однако Колчак отказался признать суверенитет Финляндии. С 1920 г. — член Парижской группы кадетов.

¹⁸ *Вырубов Василий Васильевич* (1879—1963) — помещик, земский деятель. В период Первой мировой войны — член Главного комитета Земского и Городского союза; заведующий земскими делами на Западном фронте. После Февральской революции — товарищ министра внутренних дел (при Г.Е.Львове), затем — помощник по гражданской части при начальниках штаба Верховного главнокомандующего генерале М.В.Алексееве и сменившем его генерале Н.Н.Духонине. С 1918 г. — в эмиграции. Управляющий делами Русского политического совещания в Париже. Масон. Принимал деятельное участие в оказании помощи русским эмигрантам, будучи до конца жизни членом правления Земгора. По заказу Вырубова Г.В.Адамович написал биографию Маклакова вскоре после смерти последнего («Василий Алексеевич Маклаков. Политик, юрист, человек». Париж, 1959).

Б.А.Бахметев — В.А.Маклакову, 2 декабря 1919

¹ В середине ноября 1919 г. А.В.Колчак был вынужден оставить Омск под натиском Красной Армии; 26 декабря поезд Колчака был задержан войсками чехословацкого корпуса, а 15 января 1920 г. адмирала передали Иркутскому Политцентру, образованному левыми партиями; в ночь с 6 на 7 февраля Колчак был расстрелян по приговору Иркутского военно-революционного комитета, по-видимому, инспирированному из Москвы.

² Имеются в виду «14 пунктов» президента Вудро Вильсона.

³ *Гольдман (Goldman) Эмма* (1869—1940) — американская анархистка, в 1917 г. была арестована и приговорена к двум годам тюремного заключения за агитацию против воинского призыва в армию США. В 1919 г. была депортирована в Советскую Россию; впоследствии, разочаровавшись в советской действительности, уехала в Англию.

⁴ *Троцкий (Бронштейн) Лев Давидович* (1879—1940) — «второе лицо» в большевистской иерархии после В.И.Ленина, начиная с июля 1917 г., когда он вступил в партию большевиков. Главный организатор Октябрьского переворота; нарком иностранных дел в первом Советском правительстве; вышел в отставку после заключения Брестского мира. С марта 1918 г. — нарком по военным делам, с сентября 1918 по январь 1925 г. — председатель Революционного Военного Совета Республики. Признанный вождем и организатором Красной Армии. В 1920—1921 гг., оставаясь на военных постах, был одновременно назначен наркомом путей сообщения.

Бахметев имеет в виду эпизод, когда Л.Д.Троцкий, известный своими антивоенными взглядами, пытался после Февральской революции 1917 г. выехать из США в Россию, но был интернирован в Канаде. Он был освобожден благодаря ходатайству Петроградского Совета и в результате переговоров Временного правительства с британским посольством. В начале мая 1917 г. Троцкий приехал в Петроград, чтобы впоследствии стать одним из вождей Октябрьской революции.

⁵ *Fastidium est quies* (лат.) — скука — это покой (отдых).

В.А.Маклаков — Б.А.Бахметеву, 7 декабря 1919

¹ *Полк (Polk) Фрэнк Лайон* (1871—1943) — американский государственный деятель, дипломат; заместитель государственного секретаря в 1919—1920 гг.; исполнял обязанности госсекретаря с 4 декабря 1918 по 18 июля 1919 г.; возглавлял американскую делегацию на Парижской мирной конференции с 28 июля по 9 декабря 1919 г.

² *Монкевиц Николай Августович* — генерал-лейтенант, начальник отдела в Генштабе, в период Первой мировой войны командовал дивизией, затем корпусом; в 1919 г. — начальник Отдела при Управлении о военнопленных в Берлине, фактически русский военный представитель в Германии.

³ См. прим. 2 к письму № 3.

⁴ *Бернацкий Михаил Владимирович* (1876—1943) — профессор политэкономии Политехнического и Технологического институтов в Петербурге, публицист. Член партии кадетов. В сентябре—октябре 1917 г. — министр финансов Временного правительства. В 1918—1920 гг. — министр финансов в правительствах А.И.Деникина и П.Н.Врангеля.

⁵ *Степанов Василий Александрович* (1871—1920) — горный инженер; депутат III и IV Государственных дум, член ЦК партии кадетов. Один из руководителей Национального центра, член Особого совещания при генерале А.И.Деникине.

⁶ *Лукомский Александр Сергеевич* (1868—1939) — генерал-лейтенант Генерального Штаба. Высшей точкой его военной карьеры стал пост начальника штаба Верховного Главнокомандующего в 1917 г. Участник корниловского выступления. Один из руководителей белого движения. В сентябре—декабре 1919 г. — председатель Особого совещания при генерале А.И.Деникине; в декабре 1919 — марте 1920 г. — глава правительства при Главнокомандующем Вооруженными силами Юга России. С марта 1920 г. — представитель генерала П.Н.Врангеля в Константинополе. В эмиграции жил в основном во Франции.

⁷ *Астров Николай Иванович* (1868—1934) — член ЦК партии кадетов, московский городской голова в 1917 г. Один из руководителей Национального центра, член Особого совещания.

⁸ Возможно, Маклаков намекает на Б.В.Савинкова.

⁹ *Красин Леонид Борисович* (1870—1926) — видный деятель большевистской партии. В 1918 г. — председатель Чрезвычайной комиссии по снабжению Красной армии, член Президиума Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ), нарком торговли и промышленности, в 1919 г. — нарком путей сообщения.

10. *Батолин Прокофий Петрович* (?—1939) — предприниматель и финансист; накануне Первой мировой войны — директор Санкт-Петербургского управления Русско-Азиатского банка, одновременно директор Камско-Вятского торгового общества, Камско-Сибирского нефтепромышленного, нефтепромышленного и торгового общества «Эмба» и др.

11. Маклаков имеет в виду политику британского премьер-министра Д.Ллойд Джорджа, направленную на нормализацию отношений с Советской Россией. Великобритания, по-видимому, по сравнению с другими великими державами была в наибольшей степени заинтересована в восстановлении торговых связей с Россией.

12. Имеется в виду Конгресс США.

№ 7

В.А.Маклаков — Б.А.Бахметеву, 11 декабря 1919

¹ Бахметев телеграфировал Маклакову 8 декабря 1919 г.: «Крайне желательно получить возможно всестороннее освещение положения на Юге России, включая вопросы военные, гражданского управления, финансово-экономические, отношение национальностям. Исходящее от Вас

осведомление дало бы посольству основу в его политической работе» // Hoover Institution Archives. Russia. Posol'stvo (U.S.). 18—12.

² *Щепкин Николай Николаевич* (1854—1919) — внук великого русского актера М.С.Щепкина; крупный домовладелец, товарищ директора Северного страхового общества, автор учебника по страховому делу; политический и общественный деятель, член партии кадетов с момента ее основания; на I съезде партии был избран в ЦК; депутат III и IV Государственных Дум. С ноября 1917 г. участвовал практически во всех крупных антибольшевистских подпольных организациях в Москве — так называемой «девятке», Правом центре, Союзе освобождения России (Левый центр), был одним из руководителей Национального центра, главой его Московского отдела. Вошел в феврале 1919 г. от Национального центра в руководство «Тактического центра», объединившего несколько антисоветских организаций. Арестован ВЧК 28 августа 1919 г., расстрелян в составе группы из 67 человек. Сообщение о его казни было опубликовано 23 сентября 1919 г.

³ *Мамонтов (Мамантов) Константин Константинович* (1869—1920) — генерал-лейтенант; в годы Первой мировой войны — полковник, с 1914 г. — командир 19-го Донского казачьего полка, в 1917 г. — командир казачьей бригады. В конце 1917 г. сформировал в станице Нижне-Чирской на Дону партизанский отряд и принял активное участие в борьбе с большевиками; воевал в составе различных донских формирований под началом генералов П.Х.Попова, затем П.Н.Краснова. В Вооруженных силах Юга России — командир дивизии, затем корпуса. В июле 1919 г. 4-й Донской корпус под командованием Мамонтова прорвал фронт Красной армии и, вопреки первоначальной директиве, ставившей ему ограниченную тактическую задачу, совершил глубокий рейд по тылам красных, занимая последовательно Тамбов, Козлов, Елец, разрушая железнодорожные пути и взрывая склады. Захватив огромную добычу, Мамонтов не пошел дальше на запад, что могло привести к крайне тяжелым последствиям для Красной армии, а повернул на юг, заняв Воронеж. После выхода из рейда осенью 1919 г. Мамонтов распустил многих казаков по домам в отпуск и к моменту решающих боев в районе Воронеж—Касторная корпус оказался не в полном составе. К тому времени, когда Маклаков писал данное письмо, недавний герой был 2 декабря 1919 г. отстранен от должности за «преступное бездействие» генералом П.Н.Врангелем, вступившим в командование Добровольческой армией.

⁴ Речь идет о формировании 1-й Конной армии под командованием С.М.Буденного и сводного конного корпуса под командованием Б.М.Думенко.

⁵ Речь идет о так называемом «Кубанском действе». В качестве предлога для разгона Кубанской Рады, оппозиционной командованию белых и отстаивавшей суверенитет Кубани, был использован союзный договор, подписанный кубанской делегацией в Париже с меджлисом горцев Кавказа летом 1919 г. А.И.Деникин усмотрел в договоре признаки государственной измены и поручил генералу П.Н.Врангелю, пользуясь этим предлогом, покончить с кубанским «самостийничеством». Врангелем в Екатеринодар был направлен генерал В.Л.Покровский, потребовавший выдать изменников с целью предания их военно-полевому суду. Рада в конце концов под угрозой применения силы согласилась это сделать; большинство обвиняемых скрылось; расплатиться за всех пришлось одному из участников переговоров в Париже А.И.Калабухову, который был повешен в ночь на 7 ноября 1919 г., причем на грудь ему была при-

креплена дощечка с надписью «За измену России и кубанскому казачеству». Учитывая то, что Калабухов был не снявшим сана священником, эта молниеносная казнь произвела на Кубани особенно угнетающее впечатление. Были внесены изменения в кубанскую «конституцию» и избран новый, более приемлемый для Деникина состав Рады; однако учиненная расправа и демонстративное поправление кубанских вольностей не способствовали росту популярности «добровольцев» на Кубани. См. подробнее сб.: Кубань и Добровольческая армия («Белое дело»: Избранные произведения в 16 кн.) / Сост. С.В.Карпенко. М., 1992; Кубань и Добровольческая армия в 1918—1919 гг. / Публ. В.Г.Бортневского // Русское прошлое. Вып. 5. Спб., 1994. С. 77—111.

⁶ *Путиловский проект франко-рубль*. Вероятно, речь идет об одном из проектов стабилизации российской валюты, по-видимому, об идее привязать курс рубля к курсу франка; *Путилов Алексей Иванович* (1866 — не ранее 1937) — один из крупнейших российских финансистов и предпринимателей. С 1890 г. — в Министерстве финансов, где был ближайшим помощником С.Ю.Витте. В 1902—1905 — директор Общей канцелярии Министерства, в 1905—1906 — товарищ министра финансов и управляющий государственными Дворянским и Крестьянским банками. С 1906 г. — в отставке. В 1908—1910 — директор-распорядитель Русско-Китайского банка, в 1910—1917 — председатель правления Русско-Азиатского банка; одновременно состоял председателем или членом правления около 50 связанных с банком акционерных предприятий. После 1917 г. — в эмиграции во Франции, возглавлял Парижское отделение Русско-Азиатского банка.

⁷ *Бриггс (Briggs) Чарльз* (1865—1941) — генерал-лейтенант британской армии, в 1916—1918 гг. — начальник армейского корпуса, затем командующий британскими войсками в районе Салоник (Греция); с февраля по 12 июня 1919 г. — начальник британской военной миссии на Юге России.

⁸ Речь идет о *В.А.Лебедеве*, начальнике Управления торговли и промышленности Особого совещания; сведений о его судебном преследовании не имеется. Экономические проблемы, с которыми сталкивались белые на Юге, объяснялись во многом чрезмерным вмешательством власти в экономические отношения, что впоследствии признал сам А.И.Деникин, писавший в мемуарах: «Политика... в области внутренней торговли являлась вначале продолжением политики российских правительств в период мировой войны, ограничивая свободу торговли предметами, необходимыми для снабжения армии, в интересах борьбы... Экспортная политика ведомства торговли и промышленности покоилась на системе точного учета, регулирования и бронирования к частному экспорту целого ряда предметов сырья. Эта политика имела целью удовлетворить прежде всего снабжение Армии и насущную потребность страны, предупредить выкачивание из нее необходимых предметов внутреннего потребления и избежать спекулятивного вывоза. Но в осуществлении этих идей мы, вероятно, переходили пределы необходимости, задерживая в стране те запасы, которые наш транспорт передвигать не мог. К тому же ведомство стремилось, не ограничиваясь ролью регулирующего начала, брать на себя скупку, извлечение и экспорт забронированного сырья для создания государственного валютного фонда. Кроме обвинений в крупных злоупотреблениях, ничего более эта система не принесла. Только в конце ноября, после замены главы ведомства Лебедева инженером [А.И.]Фениным, экспорт разрешенных к вывозу предметов был передан частной торговле, с отчислени-

ем известной части вырученной валюты в казну». См.: Деникин А.И. Очерки русской смуты // Вопросы истории. 1994. № 4. С. 90—91.

⁹ *Савицкий Владимир Иванович* — парижский агент Отдела (впоследствии — Управления) торговли, промышленности и снабжения Особого совещания;

Пиленко Александр Александрович (1873—1948) — юрист-международник и журналист, профессор Петербургского университета, член Государственного Совета, гласный Петербургской городской думы, думский корреспондент «Нового времени»; в период Гражданской войны участвовал в деятельности правых организаций на Украине при гетмане П.П. Скоропадском; член Совета государственного объединения России, в 1919 издавал в Одессе газету «Призыв». В эмиграции во Франции; преподавал международное право на русском отделении юридического факультета Парижского университета, сотрудничал в эмигрантской печати.

¹⁰ *Московское общество во главе с Рябушинскими* — имеется в виду Московское общество промышленности и торговли (МОПИТ), объединявшее около 30 крупных фирм Центрального района. МОПИТ образовался в связи с надеждами на скорое освобождение Москвы, как паевое товарищество для организации снабжения своих фабрик сырьем, топливом и продовольствием, чтобы немедленно после вступления белых войск в Москву возобновить производство. В руководство МОПИТ входили братья *Рябушинские* — *Павел Павлович* (1871—1924) и *Владимир Павлович* (1873—1955) — представители знаменитого клана московских предпринимателей, претендовавшие также на роль политических лидеров российской буржуазии.

¹¹ *Второвы* — династия крупных промышленников и финансистов (с 1911 г. существовало товарищество на паях «А.Ф.Второва сыновья», наиболее известен *Николай Александрович Второв* (1866—1918); очевидно, преемником Н.А.Второва был его сын Б.Н.Второв); годовые прибыли Второвых в 1916—1917 гг. оценивались в 100—150 млн. руб.

¹² *Ратьков-Рожнов* — род Ратьковых-Рожновых включал немало число миллионеров, владельцев горных приисков и заводов на Урале, председателей и членов советов акционерных обществ, правлений банков, железных дорог, директора пароходного общества «Самолет» и т.д. В данном случае неясно, о каком из Ратьковых-Рожновых идет речь. Каких-либо сведений об упомянутом Маклаковым Бобосухове обнаружить не удалось.

¹³ *Рокфеллеры* — династия американских миллионеров; о каких-либо конкретных проектах Рокфеллеров в России в это время сведений не имеется.

¹⁴ *Habeas corpus* (лат.) — предписание о представлении арестованного в суд для рассмотрения законности ареста.

¹⁵ Поклонники широкой аграрной реформы вроде Мануйлова — *Мануйлов Александр Аполлонович* (1861—1929) — профессор политэкономии, публицист; член Государственного Совета от Академии наук и университетов в 1906—1911 гг., ректор Московского университета в 1908—1911, министр народного просвещения Временного правительства в марте—июле 1917 г. Член ЦК партии кадетов с 1905 г. Мануйлов был специалистом по аграрному вопросу, в 1890-е гг. специально выезжал изучать аграрные отношения в Великобританию и Ирландию; написал

книгу «Аренда земли в Ирландии» и защитил ее в 1895 г. в качестве магистерской диссертации.

¹⁶ *Билимович Александр Дмитриевич* (1878—1963) — экономист и публицист, профессор Киевского университета в 1909—1917; специалист по аграрным отношениям, занимался проблемами проведения в жизнь аграрной реформы П.А.Столыпина. Зять В.В.Шульгина. Начальник Управления земледелия и землеустройства Особого совещания.

¹⁷ *Соколов Константин Николаевич* (1882—1927) — юрист и публицист, с 1914 г. — профессор кафедры государственного права Петербургского университета, автор ряда научных работ. Член партии кадетов с 1905 г. С мая 1918 г. — член правления Национального центра, с сентября — член Особого совещания. С ноября 1918 по март 1919 г. редактировал кадетскую газету «Свободная речь»; в январе—декабре 1919 г. — управляющий Отделом законов Особого совещания, одновременно с марта по декабрь — управляющий Отделом пропаганды.

¹⁸ *Нератов Анатолий Анатольевич* (1863 — ?) — действительный статский советник, гофмейстер, член Государственного Совета. В 1910—1917 гг. — товарищ министра иностранных дел. С осени 1918 г. — исправляющий должность начальника управления иностранных дел Особого совещания. Член Совета государственного объединения России.

¹⁹ *Быч Лука Лаврентьевич* (1870—1945) — казак станицы Павловской; по образованию юрист, выпускник Московского университета; служил секретарем Новороссийской городской управы; с 1900 г. служил в «Восточном обществе транспорта по Волге и Каспийскому морю», стал директором Бакинского отделения общества. Был избран гласным Бакинской городской Думы, а в 1912 г. — городским головой. С весны 1917 г. — начальник снабжения Кавказской армии, после развала фронта вернулся на Кубань; был избран в Краевую и Законодательную Рады, назначен председателем Краевого правительства; участвовал в Ледяном походе в составе отряда Рады. Сторонник независимости Кубани. В декабре 1918 г. после избрания атаманом А.П.Филимонова, придерживавшегося иных взглядов, вышел из состава правительства. С января 1919 г. — глава Кубанской делегации на Парижской мирной конференции.

1920

№ 9

Б.А.Бахметев — В.А.Маклакову, 17 января 1920

¹ *Талейран (Talleyrand) Шарль Морис* (1754—1838) — французский государственный деятель и дипломат. Был министром иностранных дел при Директории, Наполеоне Бонапарте и Людовике XVIII, умудряясь всегда вовремя сменить ориентацию.

² *Литвинов (Валлах) Максим Максимович* (1876—1951) — советский государственный и партийный деятель, с 1921 г. — заместитель наркома иностранных дел РСФСР, затем СССР.

³ *Ленин (Ульянов) Владимир Ильич* (1870—1924) — основатель и бессменный лидер партии большевиков, председатель Совета народных комиссаров в 1917—1924 гг.

⁴ *Фош (Foch) Фердинанд* (1851—1929) — маршал Франции (1918); в годы Первой мировой войны командовал армией, группой армий, в 1917—1918 был начальником Генерального штаба, с апреля 1918 г. — Верховным главнокомандующим союзными войсками.

⁵ Имеется в виду Гражданская война 1861—1865 гг. между Севером и Югом в США.

⁶ *Валленштейн (Wallenstein) Альбрехт* (1583—1634) — полководец германской императорской армии в Тридцатилетней войне (1618—1648).

⁷ *Esprit de corps* (франц.) — корпоративный дух.

⁸ *Завойко* — вероятно, речь идет о *В.С.Завойко* — политическом деятеле и предпринимателе. Завойко, украинский помещик, после революции 1905—1907 гг. сложил с себя дворянское звание, приписался к крестьянскому сословию и занялся финансовой и промышленной деятельностью. В феврале 1917 г. — директор-распорядитель компании «Эмбо и Каспий» на бакинских нефтяных промыслах. С апреля 1917 г. издавал в Петрограде журнал «Свобода и борьба», в котором проводилась идея, что революция лишь усилила в России анархию. Сблизился с генералом Л.Г.Корниловым; стал чем-то вроде его политического советника; один из вдохновителей корниловского выступления в августе 1917 г. Участник белого движения.

⁹ *Политика Ллойд Джорджа...* — имеется в виду политика, направленная на нормализацию отношений с Советской Россией.

Ллойд Джордж (Lloyd George) Дэвид (1863—1945) — британский государственный и политический деятель, лидер Либеральной партии; в 1908—1916 гг. занимал различные министерские посты, в 1916—1922 гг. — премьер-министр Великобритании.

¹⁰ *К прежнему колебаниям и Принцевым островам* — Бахметев имеет в виду попытку создать для урегулирования «русского вопроса» конференцию всех противоборствующих в России сил, включая большевиков, на островах Принкипо в Мраморном море, предпринятую во время Парижской конференции по инициативе президента В.Вильсона. 22 января 1919 года Совет десяти принял «Обращение к русским политическим группировкам», составленное Вильсоном. В обращении говорилось: «Объединившиеся державы... отдадут себе отчет в том, что Европа и весь мир не могут быть умиротворены, поскольку не умиротворена Россия. Они признают поэтому своей обязанностью... прийти на помощь России в этом великом деле столь же великодушно, незаинтересованно, продуманно и охотно, как они пришли бы на помощь любому другому другу и союзнику, и они готовы оказать эту услугу путем, наиболее приемлемым для русского народа» (Цит. по: Гвишиани Л. Советская Россия и США. 1917—1920. М., 1970. С. 202—203). Суть предложения сводилась к тому, чтобы любая группировка, контролирующая какую-либо часть территории России, прислала не более трех своих представителей на Принцевы (Принкипо) острова, где была бы проведена конференция при участии стран Антанты. Конференция должна была состояться при условии, что на это время будет заключено перемирие. Страны-организаторы гарантировали содействие в доставке делегатов к месту проведения конфе-

рениции, которую предполагалось начать 15 февраля. Предложение о созыве конференции было передано по радио. Конференция не состоялась в значительной степени из-за отрицательной позиции Франции и антибольшевистских правительств. Против, естественно, была и «белая» дипломатия, поскольку участие большевиков в конференции означало их фактическое признание.

¹¹ *Мартенс Людвиг Карлович* (1874—1948) — инженер, участник социал-демократического движения в России с 1893 г.; член «Союза борьбы за освобождение рабочего класса»; в 1896 г. арестован и после трехлетнего тюремного заключения выслан в Германию. С 1906 г. в эмиграции в Англии, с 1916 — в США. 2 января 1919 г. был назначен Советским правительством «представителем народного комиссариата по иностранным делам в Северо-Американских Соединенных Штатах». Организованное в марте 1919 г. Мартенсом бюро представительства РСФСР в США добивалось установления официальных дипломатических отношений между двумя странами, пыталось наладить отношения с американскими деловыми кругами, а также «разъясняло» политику советского правительства, т.е. фактически вело социалистическую пропаганду. В декабре 1920 г. министерство труда США приняло решение о депортации Мартенса из страны, поскольку он был связан с организацией, пропагандирующей свержение правительства Соединенных Штатов насильственным путем.

¹² *Вспомните эпопею Нансена* — речь идет о предложении знаменитого норвежского полярного исследователя, дипломата и деятеля Красно-го Креста *Фритюфа Нансена* (*Nansen*) (1861—1930), после окончания Первой мировой войны назначенного Верховным комиссаром Лиги Наций по делам военнопленных и беженцев, об оказании продовольственной и медицинской помощи России. Нансен сформулировал свои предложения в обращении к президенту В.Вильсону и премьер-министрам Д.Ллойд Джорджу, Ж.Клемансо и Орландо 3 апреля 1919 года. В ответном письме от 17 апреля главы правительств великих держав обещали оказание помощи прекращением военных действий в России и международным контролем за ее распределением.

№ 10

Б.А.Бахметев — В.А.Маклакову, 19 января 1920

¹ *Ad infinitum* (лат.) — до бесконечности.

№ 11

Б.А.Бахметев — В.А.Маклакову, 9 февраля 1920

¹ Второй экземпляр письма, по которому оно воспроизводится в настоящем издании, находится в коллекции Б.А.Бахметева в Архиве русской и восточно-европейской истории и культуры Колумбийского университета, коробка 6. Среди бумаг В.А.Маклакова в Гуверовском архиве оригинала письма нет. Очевидно, оно не было отправлено; в пользу этого свидетельствует также то, что несколько дней спустя, 18 февраля, Бахметев продиктовал новое письмо, в основных положениях повторяющее его послание от 9 февраля. Вероятно, тон первого варианта показался Бах-

метеву чрезмерно резким. Мы публикуем оба варианта, поскольку, на наш взгляд, разночтения достаточно существенны, и в первом, очевидно, неотправленном варианте Бахметев сформулировал свои соображения более откровенно.

² В секретной телеграмме Маклакова 129-bis от 29 января 1920 г., с пометкой «лично», говорилось: «Неудачи подорвали доверие прежней политике. Сейчас возможны две дороги: примирение [с] большевиками или последняя попытка свергнуть их силой. Политика, усвоенная Антантой, поддерживает исключительно оборонительную борьбу против большевиков со стороны соседей и инородцев. Чайковский и Савинков говорили [с] Пилсудским. Он готов действовать энергично и уверен [в] победе. Ставит условием согласие и содействие России, которую должен представлять не Деникин, а широкий фронт политических и общественных имен. Необходимо согласие этих лиц на плебисцит в Белоруссии и Литве после свержения большевизма и водворения законной власти. От притязаний на Волынь и Подолию отказывается. Берется привлечь эстов и латышей, если мы не признаем фактически их правительства и согласимся на окончательное установление отношения их к России по восстановлению в ней власти по соглашению с ними. Если состоится такое соглашение с Польшей, начнется немедленное формирование русских отрядов в районе польской оккупации и весной начало совместных военных действий. Смута в русских умах большая. Усилилось тяготение к примирению с большевиками. В удачу одного Деникина больше не верят. Большинство готово принять этот план, если Деникин сохранится и его примет. При отказе его, мнения о том, что сделать, расходятся. Сообщите Ваше мнение и взгляды на выход из положения» // НИА. Russia. Posol'stvo (France). 1—16.

³ Переговоры (точнее, беседы) Б.В.Савинкова и Н.В.Чайковского с руководителем польского государства Ю.Пилсудским проходили с 16 по 20 января 1920 г. Чайковский определил их как «попытку подготовить почву для серьезных дружественных переговоров между польским правительством и русскими демократическими кругами» // Мельгунов С.П. Н.В.Чайковский в годы гражданской войны. (Материалы для истории русской общественности 1917—1925 гг.). Париж, 1929. С. 194. Подробнее о разговорах Савинкова и Чайковского с Пилсудским см.: Мельгунов С.П. Указ. соч. С. 193—199.

⁴ *Пилсудский (Pilsudski) Юзеф* (1867—1935) — польский государственный и политический деятель. Начинал свою политическую карьеру как социалист; возглавлял Боевую организацию Польской социалистической партии (ППС), но был исключен из партии в 1906 г. вместе со своими сторонниками за приверженность террористическим методам борьбы. Создал новую партию — ППС — революционная фракция. Постепенно перешел на позиции «чистого» национализма. В 1918—1922 гг. — «начальник» (диктатор) польского государства. Пилсудский оказывал материальную и моральную поддержку своему соученику по Варшавской гимназии и коллеге по террористической борьбе Б.В.Савинкову, преследуя при этом, разумеется, прежде всего интересы Польши.

⁵ Тартуский мирный договор, заключенный между Эстонией и Советской Россией 2 февраля 1920 г.

⁶ Имеется в виду радиограмма Народного комиссариата иностранных дел РСФСР министерству иностранных дел Италии от 31 декабря 1919 г.,

в которой от имени советского правительства предлагалось итальянскому правительству «немедленно восстановить отношения между двумя странами». Радиogramма была реакцией на резолюцию итальянского парламента от 16 декабря 1919 г. о восстановлении дипломатических отношений с Россией. Ответа на радиogramму не последовало. См.: Документы внешней политики СССР. Т. II. М., 1958. С. 319.

⁷ От английского *eclipse* — затмение.

№ 11а

Б.А.Бахметев — В.А.Маклакову, 18 февраля 1920 г.

¹ См. прим. 2 к письму № 11 от 9 февраля. В ответ Бахметев телеграфировал 9 февраля 1920 (телегр. № 88): «Лично. Доверительно. К предположениям отношусь резко отрицательно. Борьба с большевизмом путем нерусской военной силы, вознаграждаемой в конечном счете за счет России, практически безрезультатна, политически же и нравственно недопустима. Чем ближе развязка, тем меньше должно быть участие нерусских элементов. В настоящее время, когда националисты переживают временное поражение, всего лучше совершенно исключить посторонние элементы. Не понимаю аргументы сторонников примирения. Указываемые Вами дороги средство, а не цель. В торжествующем большевизме вижу признаки разложения. Более чем когда-либо считаю необходимым твердость в основных позициях абсолютного отрицания большевизма и несокрушимую последовательность в охранении русского государственного достоинства. Пишу подробно» // Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture. Rare Book and Manuscript Library. Columbia University. В. Bakhmeteff Collection. Box 34.

² Вероятно, Бахметев имеет в виду соглашения, подписанные Советской Россией и Польшей в конце 1919 г. Советско-польские переговоры, начавшиеся секретно 11 октября 1919 г., приняли официальный характер 27 октября и формально завершились 15 декабря 1919 г., хотя наиболее важные соглашения — о демаркационной линии и обмене военнопленными, были подписаны уже 2 и 9 ноября. См.: Wandycz, P.S. Secret Soviet-Polish Peace Talks in 1919 // Slavic Review. Vol. XXIV. № 3 (September 1965). P. 425 — 449; Brinkley, G.A. The Volunteer Army and Allied Intervention in South Russia, 1917 — 1921. Notre Dame, 1966. P. 208 — 209, 368. Возможно также, что Бахметев расценил как «соглашение» переданное по радио «Заявление» Совета народных комиссаров РСФСР от 28 января 1920 г. «Об основах советской политики в отношении Польши» в котором содержались мирные предложения, и последовавший 4 февраля обмен радиogramмами между наркомом иностранных дел РСФСР Г.В.Чичериным (он сообщил, что ВЦИК одобрил заявление Совнаркома от 28 января) и министром иностранных дел Польши Патеком. Патеком, подтвердив получение радиogramмы Чичерина, заверил, что «заявление будет рассмотрено, и ответ будет сообщен Правительству Русской Советской республики». Однако переговоры состоялись лишь после советско-польской войны. См.: Документы внешней политики СССР. Т. II. М., 1958. С. 331 — 333, 359, 397 — 399, 427 — 428, 436 — 438.

³ *Вокруг чехословацкого действия* — имеется в виду выступление чехословацкого корпуса против большевиков в мае 1918 г., приведшее к свержению советской власти от Поволжья до Дальнего Востока, что позволило организовать антибольшевистским правительствам на подконтрольных чехословакам территории.

⁴ Слова «совершила невероятные, геройские дела» подчеркнуты Маклаковым и сверху его рукой написано: «Увы, нет».

⁵ Слова «лишь констатирование факта, что большевизм путем эволюции изменился и изжил себя» подчеркнуты Маклаковым.

⁶ *Сделка с Эстонией* — имеется в виду Тартуский мирный договор, заключенный между Эстонией и Советской Россией 2 февраля 1920 г.

⁷ *После Принкипо* — см. прим. 10 к письму № 9 от 17 января 1920.

⁸ *Хаус — Хауз (House) Эдвард Манделл* (1858—1938) — активный деятель Демократической партии; советник и личный друг президента В. Вильсона; неоднократно был его личным представителем при европейских правительствах, в различных межсоюзнических органах и на конференциях.

⁹ *Open mind u open heart* (англ.) — открытый разум и открытое сердце.

¹⁰ *Линкольн (Lincoln) Авраам* (1809—1865) — президент США от Республиканской партии в 1860—1865 гг.

¹¹ *Attitude* (англ.) — отношение.

¹² *Речь Ллойд Джорджа* — очевидно, имеется в виду речь Дэвида Ллойда Джорджа 10 февраля 1920 г. при открытии сессии парламента, в которой он высказался за расширение торговли с Россией. «Ожидания» шагов британского премьера по пути политического признания Советской России возникли после его выступления 14 января 1920 г. на заседании Верховного экономического Совета Антанты в Париже, в котором он высказался за прекращение блокады Советской России и возобновление торговли с ней через Центросоюз. Через два дня предложение Ллойда Джорджа было Советом принято. Бахметев ошибся в своем прогнозе. Долгие и мучительные советско-британские переговоры закончились в конце концов подписанием англо-советского соглашения, что означало признание советской власти де-факто. Как справедливо пишет современный американский историк, «перемена отношения британского премьера Д. Ллойда Джорджа к большевистскому правительству — одна из удивительнейших страниц в истории англо-советских связей» (О'Коннор Т. Э. Инженер революции: Л. Б. Красин и большевики. 1870—1926. М., 1993. С. 209). Однако Ллойд Джордж не мог открыто проводить свой новый курс — он был вынужден считаться с позицией ключевых министров своего коалиционного правительства — У. Черчилля и Дж. Керзона, настроенных крайне антикоммунистически, а также ближайшего союзника — Франции, чье руководство все еще не утратило надежды на скорое падение большевизма. Поэтому публичные выступления Ллойда Джорджа в отношении Советской России отличались противоречивостью и осторожностью.

¹³ *С упорством Катона* — *Марк Порций Катон Старший (Marcus Porcius Cato Maior)* (234—149 до н.э.) — римский консул и цензор, в

период конфликта Рима с Карфагеном заканчивал каждое свое выступление словами о необходимости разрушения Карфагена.

№ 12

Б.А.Бахметев — В.А.Маклакову, 19 февраля 1920

¹ На улице Гренелль находилось российское посольство в Париже.

² *Россини Джоаккино* (1792—1868) — итальянский композитор.

³ *Аджемов Моисей Сергеевич* (1878—1950) — юрист; член партии кадетов, в 1916 г. избран в ее ЦК. Депутат II—IV Государственных дум. После Февральской революции — комиссар в министерстве юстиции, член Юридического совещания при Временном правительстве. После Октябрьской революции — в эмиграции; жил в Париже, оказывая активное содействие белому движению и играя посредническую роль между французским правительством и белым руководством.

⁴ *Гагарин Михаил Анатольевич* (1881—1964) — князь, 1-й секретарь российского посольства в США.

№ 13

Б.А.Бахметев — В.А.Маклакову, 27 февраля 1920

¹ *Турция* — вероятно, Бахметев имеет в виду решение союзников по антигерманской коалиции об оккупации Стамбула (Константинополя) в ответ на принятие турецким парламентом 28 января 1920 г. декларации независимости («Национального обета»). Стамбул был официально оккупирован 16 марта, управление было передано союзническим верховным комиссарам.

² *Лансинг (Lansing) Роберт* (1864—1928) — американский государственный и политический деятель, государственный секретарь в кабинете президента В.Вильсона с июня 1915 по февраль 1920 г.

³ *Президент безнадежно болен* — в конце сентября 1919 г. президент В.Вильсон тяжело заболел; в результате кровоизлияния в мозг левая часть тела была парализована, временно оказалась нарушена речь.

№ 14

В.А.Маклаков — Б.А.Бахметеву, 12—16 марта 1920

¹ *Замен Конрад Евгеньевич фон* — вице-директор, в 1917 г. директор Особенной канцелярии по кредитной части Министерства финансов; одновременно агент Министерства финансов в Англии; в период Гражданской войны — в Англии, где занимался вопросами финансового обес-

печения антибольшевистского движения. В мае 1920 — январе 1921 г. — Главноуполномоченный по финансово-экономическим делам заграницей.

² *Миссия Гронского — Гронский Павел Петрович* (1883—1937) — юрист, приват-доцент Петербургского университета, член ЦК партии кадетов с 1916 г., депутат IV Государственной думы; с конца 1917 г. на белом Юге, где принимал деятельное участие в работе Национального центра, был заместителем начальника управления внутренних дел Особого совещания при А.И.Деникине. 21 декабря 1919 г. выехал из Ростова-на-Дону в США во главе Особой миссии Главного командования Вооруженных сил Юга России с официальной целью «установления более дружественных отношений между Россией и США». Однако в Париже миссия была остановлена С.Д.Сазоновым, который счел ее поездку в сложившихся условиях нецелесообразной. См. подробнее в воспоминаниях одного из членов миссии Г.Н.Михайловского: «Записки: Из истории российского внешнеполитического ведомства. 1914—1920». Кн. 2. М., 1993. По утверждению Михайловского, одной из задач миссии было «устранение» Бахметева с его поста, которым были очень недовольны в окружении Деникина // Там же. С. 236—237.

³ *Тэн (Taine) Ипполит* (1828—1893) — французский литературовед, философ и историк.

⁴ *Махно Нестор Иванович* (1888—1934) — анархист; в 1906—1907 гг. участвовал в экспроприациях и терактах; в 1907—1908 и 1908—1917 — в заключении, в 1910 г. приговорен к смертной казни через повешение, замененной бессрочной каторгой. С 1917 г. возглавлял повстанческое крестьянское движение на Украине, центром которого стало с. Гуляй-Поле Александровского уезда Екатеринославской губернии; 1 сентября 1919 г. провозгласил создание «Революционной повстанческой армии Украины (махновцев)». Махно выступал против белых и петлюровцев. Сложнее были его отношения с красными. Он то сражался с Красной армией, то выступал в союзе с ней.

⁵ *Калмыков Иван Павлович* (1893—1920) — есаул, атаман Уссурийского казачества. В 1918—1920 гг. установил в Приморье режим военной диктатуры («калмыковщина»). В сентябре 1918 г. захватил при помощи японцев Хабаровск; до начала 1920 г. контролировал при поддержке японцев район Хабаровска. В феврале 1920 г. бежал в Маньчжурию, где его отряды были разоружены китайскими властями, а сам он арестован и расстрелян по обвинению «в уничтожении китайских канонерок».

⁶ *Семенов Григорий Михайлович* (1890—1946) — есаул Забайкальского казачьего войска (с 1919 г. — генерал-лейтенант). Начал вооруженную борьбу против Советской власти с ноября 1917 г. При Временном Сибирском правительстве — командир отдельного корпуса со штабом в Чите. В начале 1919 г., опираясь на японцев, объявил себя атаманом Забайкальского казачьего войска. А.В.Колчак, в целом негативно относившийся к Семенову, все же вынужден был примириться с ним и назначить командующим Читинским военным округом, а в декабре 1919 г. — формально передать ему власть в Сибири и на Дальнем Востоке. С сентября 1921 г. — в эмиграции. Режим Семенова отличался крайней жесткостью и коррупцией.

⁷ *Козьма Минин и кн. Дмитрий Пожарский* — вожди народного ополчения, освободившего в 1612 г. Москву от поляков и сыгравшего решающую роль в преодолении Смуты в стране.

⁸ «*Tout régime est perdu par ses ralliés*» (франц.) — Всякий режим губят примкнувшие к нему.

⁹ *Керенский Александр Федорович* (1881—1970) — адвокат, депутат IV Государственной думы, трудовик, затем эсер; министр юстиции в первом составе Временного правительства, военный и морской министр в мае—сентябре 1917 г., с 8 июля 1917 г. — министр-председатель, одновременно с 30 августа — Верховный Главнокомандующий. С 1918 г. в эмиграции.

¹⁰ «*Sans l'assentiment de l'opinion publique le plus grand talent ne saurait triompher des circonstances*», — сказал *Mirabeau* в речи *sur la banqueroute* — «Без поддержки общественного мнения даже самый большой талант не смог бы восторжествовать над обстоятельствами», — сказал *Мирабо* в речи о банкротстве.

Мирабо Онопере Габриель Рикети (1749—1791) — граф, деятель Великой Французской революции, депутат Генеральных Штатов 1789 г. от третьего сословия; выдающийся оратор. *Мирабо* был одним из любимых исторических героев В.А.Маклакова, видевшего в нем мастера компромисса. «Я слушала, — вспоминала А.В.Тыркова, — как он цитировал по-французски длинные выдержки из речей *Мирабо*, — которого он считал своим учителем» // *Тыркова-Вильямс А. Русский парламентарий* // *Новый журнал*. 1958. Кн. 52. С. 238.

¹¹ Имеется в виду Гражданская война 1861—1865 гг. в США.

¹² *Кобленц* — центр монархической эмиграции периода Великой французской революции.

¹³ *Немецкий переворот* — имеется в виду так называемый «путч Каппа»; заговорщики, возглавляемые крупным помещиком и консервативным политическим деятелем *Вольфгангом Каппом* (Капп) (1858—1922), генералами Э.Людендорфом, Сектом, Лютицем и др. ставили своей целью свержение правительства во главе с социал-демократами, роспуск национального собрания, перевыборы президента, отказ от сокращения рейхсвера, предусмотренного Версальским договором; фактически установления военной диктатуры. Путч начался 10 марта 1920 г., 13 марта мятежники заняли Берлин и образовали правительство во главе с Каппом.

¹⁴ *Границы 1772 года* — до первого раздела Польши Россией, Пруссией и Австрией.

¹⁵ *Гурко (Ромейко-Гурко) Василий Иосифович* (1864—1937) — военачальник, генерал от кавалерии; в октябре 1916 — феврале 1917 г. исполнял обязанности начальника штаба Верховного Главнокомандующего, с марта 1917 г. — командующий Западным фронтом, 22 мая указом Временного правительства снят с поста, 21 июля арестован под предлогом ведения переписки с бывшим императором, в сентябре 1917 г. выслан за границу.

¹⁶ *Маклаков Николай Алексеевич* (1871—1918) — родной брат В.А.Маклакова; гофмейстер, Черниговский губернатор в 1909—1912 гг., управляющий министерством внутренних дел с 1912 г., министр внутренних дел в 1913—1915 гг., член Государственного Совета с 1915 г. Проводил реакционную политику. Расстрелян большевиками.

¹⁷ *Wait and see* (англ.) — букв. подождем и посмотрим. Аналогично русскому: «поживем — увидим».

¹⁸ *Дешанель (Deschanel) Поль* (1855—1922) — французский политический деятель, умеренный республиканец; президент Франции с 18 февраля по 21 сентября 1920 г., затем сенатор.

¹⁹ *Мильеран (Millerand) Александр Этьенн* (1859—1943) — французский государственный и политический деятель, адвокат; в 1890-е годы — социалист; в 1899 г. вошел в буржуазное правительство, создав прецедент («казус Мильерана»), вызвавший ожесточенные споры среди европейских социалистов. В 1904 г. исключен из французской социалистической партии. В описываемое время — премьер-министр Франции; после отставки Дешанеля — президент Французской республики (1920—1924).

№ 15

Б.А.Бахметев — В.А.Маклакову, 30 марта 1920

¹ *Kapp (Kapp) В.* — см. прим. 13 к письму № 14.

² *Эберт (Ebert) Фридрих* (1871—1925) — один из лидеров германской социал-демократии, с 1913 г. сопредседатель правления Социал-демократической партии Германии (СДПГ), с 1916 г. — лидер фракции СДПГ в рейхстаге, с ноября 1918 г. — сопредседатель германского правительства (Совета народных уполномоченных), с февраля 1919 г. — президент Германии.

³ *Четверка* — так иногда называли Делегацию, состоявшую первоначально из четырех членов — Г.Е.Львова, С.Д.Сазонова, В.А.Маклакова и Н.В.Чайковского.

⁴ *Третьяков Сергей Николаевич* (1882—1943) — крупный фабрикант, политический деятель. В 1912 г. вошел в ЦК партии прогрессистов; в 1917 сблизился с кадетами. С 1916 г. — член Центрального Военно-промышленного комитета. В сентябре—октябре 1917 г. — председатель Экономического совета и Главного экономического комитета Временного правительства. В ноябре—декабре 1919 г. — заместитель председателя Совета министров в Омском (колчаковском) правительстве. С января 1920 г. — в эмиграции. Один из организаторов созданного в феврале 1920 г. в Париже Российского торгово-промышленного и финансового союза. В августе 1921 г. избран председателем комитета помощи голодающим России. С 1929 г. сотрудничал с советской разведкой, участвовал в организации похищения генерала Е.К.Миллера. В годы нацистской оккупации Франции разоблачен как советский агент и казнен.

№ 16

В.А.Маклаков — Б.А.Бахметеву, 10 апреля 1920

¹ *Миллюков Павел Николаевич* (1859—1943) — историк; признанный лидер партии кадетов, депутат III и IV Государственных Дум. Министр иностранных дел в первом составе Временного правительства. После Октябрьского переворота уехал на Дон. Автор декларации Добровольческой армии. Летом 1918 г. выступил за германскую ориентацию, надеясь на помощь Германии в свержении большевиков. Поскольку ЦК партии осудил его политику, сложил с себя обязанности его председателя. В октяб-

ре 1918 г. признал свою ошибку и вернулся к «союзнической» ориентации. С конца 1918 г. — в эмиграции, сначала в Румынии, затем в Лондоне. С 1920 г. жил в Париже. После поражения Деникина относился скептически к перспективам белого движения. Постоянный оппонент Маклакова еще с дореволюционных времен. Состоял в довольно активной переписке с Бахметевым.

² *Бурцев Владимир Львович* (1862—1942) — народоволец, теоретик и пропагандист терроризма, публицист и историк, редактор историко-революционного журнала «Былое»; прославился разоблачением провокатора Е.Ф.Азефа. В июле 1917 г. выступил с обвинениями против В.И.Ленина в сотрудничестве с германской разведкой; был арестован большевиками уже 25 октября 1917 г.; находился в заключении в Петропавловской крепости; после освобождения в начале 1918 г. переехал в Финляндию, затем во Францию. Издавал в Париже газету «Общее дело» при финансовой поддержке А.И.Деникина, затем П.Н.Врангеля; призывал к единству всех антибольшевистских сил. Подробнее см. в нашей публикации: «Владимир Бурцев и его корреспонденты» // Отечественная история. 1992. № 6.

³ *Врангель Петр Николаевич* (1887—1928) — генерал-лейтенант; в годы Первой мировой войны прошел путь от ротмистра до генерал-майора. Командующий Кавказской, затем Добровольческой армией при правлении Деникина. Выступил с критикой деятельности последнего, за что был удален из армии и выслан за границу; после отставки Деникина стал его преемником на посту Главнокомандующего Вооруженными силами Юга России, преобразованными в мае 1920 г. в Русскую армию.

⁴ В декабре 1919 г. вместо Особого совещания было образовано более компактное Правительство при Главнокомандующем Вооруженными силами Юга России; однако к улучшению гражданского управления это не привело, да и вряд ли могло привести в условиях непрерывных поражений войск белых в конце 1919 — начале 1920 г. В марте 1920 г. Правительство было распушено.

⁵ *Подчинился Колчаку* — А.И.Деникин издал приказ о признании А.В.Колчака Верховным правителем Русского государства и Верховным главнокомандующим 30 мая 1919 г.; 17 июня Колчак назначил Деникина своим заместителем. Подчинение Деникина Колчаку было чисто номинальным, ибо регулярной связи между Югом России и Сибирью не было. 4 января 1920 г. Колчак, когда определилась безнадежность его положения, передал прерогативы Верховного правителя Деникину.

⁶ *Пугачевщина* — крестьянско-казацкое восстание 1773—1775 гг., в ходе которого подверглись поголовному истреблению дворяне-помещики, а фактически все образованные люди, оказавшиеся в районе восстания.

⁷ *Слащев Яков Александрович* (1885—1929) — генерал-лейтенант, участник белого движения с декабря 1917; в декабре 1919 г. назначен командиром 3-го армейского корпуса, зимой 1919—1920 гг. успешно руководил обороной Крыма.

⁸ *Монси — Анатоль де Монзи (de Monzie)* (1876—1947) — французский политический деятель, член партии радикал-социалистов, по профессии адвокат. В 1909—1919 гг. — член Палаты депутатов, в 1920—1928 — сенатор, неоднократно входил в состав кабинета министров.

⁹ *Бредов Николай Эмильевич* (1883 — ?) — генерал-лейтенант; высшая должность в период Первой мировой войны — командир корпуса. В денкинских Вооруженных силах Юга России командовал дивизией, с декабря 1919 г. — киевской группой войск; не сумев в январе 1920 г. в Одессе погрузиться на корабли и эвакуироваться, войска под командованием Бредова прорвались в феврале 1920 г. в расположение польских войск, где между Бредовым и представителями польского командования было подписано соглашение о пребывании его войск на подконтрольной полякам территории до «возвращения на территорию, занятую армией генерала Деникина». Однако вернулись «бредовцы» в августе 1920 г. уже во врангелевский Крым.

¹⁰ *Спартакисты* — члены революционной организации немецких левых социал-демократов «Союз Спартака» (К.Либкнехт, Р.Люксембург, Ф.Меринг и др.); образован 11 ноября 1918 г. в Берлине; 30 декабря 1918 г. конференция спартаковцев конституировалась в Учредительный съезд Коммунистической партии Германии.

¹¹ *Embarass de richesses* (франц.) — букв. неудобство богатства; здесь: чересчур богатый выбор.

¹² *Екатерина II*, российская императрица в 1762—1796 гг., при которой Россия приняла участие в разделах Польши совместно с Австрией и Пруссией в 1772, 1793 и 1795 гг., в результате чего Польское государство исчезло с карты Европы.

¹³ *Бермонт — Бермондт-Авалов Павел Рафаилович* (1884—1973) — генерал-майор, командир Особого русского корпуса, затем командующий Западной Добровольческой армией, сформированной в 1919 г. в Германии из русских военнопленных, бывших солдат гвардейских и гренадерских полков, и немецких добровольцев. Придерживался германской ориентации, при разработке военных действий сотрудничал с немецким генералом Р. фон дер Гольцем. Отказался присоединиться к Северо-Западной армии Н.Н.Юденича; 9 октября 1919 г., в день начала наступления Юденича на Петроград, предпринял наступление на латышские войска; был объявлен Юденичем изменником; совместно с германскими войсками в октябре 1919 г. занял Ригу, где была предпринята попытка сформировать прогерманское правительство. Потерпев поражение от латышских и эстонских войск, поддержку которым оказал агло-французский флот, отошел на территорию Германии, где его войска были разоружены.

¹⁴ *Бискупский Василий Викторович* (1878—1945) — генерал-майор; монархист; во время Гражданской войны ориентировался на Германию, в 1918 г. как представитель гетмана командовал войсками в Одессе, в июле-сентябре 1919 г. возглавлял марионеточное Западно-русское правительство в Берлине.

¹⁵ *Родзянко Михаил Владимирович* (1859—1924) — крупный землевладелец. Член Государственного Совета от екатеринославского земства. Октябрист; депутат и председатель III (с марта 1911) и IV Государственных Дум. В 1917 г. — председатель Временного комитета Государственной Думы. С 1920 г. — в эмиграции.

¹⁶ *A la longue* (франц.) — со временем.

В.А.Маклаков — Б.А.Бахметеву, 6 мая 1920

¹ *Восстание Орлова в пользу Врангеля — Орлов Николай Иванович* (? — 1920) — участник белого движения, капитан корниловского полка. После поражений войск генерала Деникина в конце 1919 — начале 1920 гг., вызвавших острое недовольство высшим командованием в среде рядового офицерства, Орлов, уроженец Крыма, оказался у себя на родине. В январе 1920 г. сформировал отряд до 500 штыков и поднял мятеж против «генеральской власти». Ему удалось захватить на некоторое время Симферополь, затем Ялту. Выпустил воззвание в поддержку генерала П.Н.Врангеля, отвергнутое последним. В марте отряд Орлова был разгромлен генералом Я.А.Слащевым; 16 офицеров были расстреляны, сам Орлов бежал в горы. После перехода Крыма в руки красных предложил им свои услуги; ему было поручено сформировать отряд по борьбе с бандитизмом, однако по настоянию симферопольских большевиков он был расстрелян в декабре 1920 г.

² Военный Совет Вооруженных сил Юга России состоялся 22 марта (4 апреля) 1920 г. в Севастополе под председательством генерала А.М.Драгомирова. Первоначально Совет высказался в поддержку А.И.Деникина, но учитывая его твердое решение об отставке, поддержал кандидатуру П.Н.Врангеля на пост Главнокомандующего, после чего Деникиным был издан приказ о его назначении.

³ *По дороге потерял Романовского — генерал-лейтенант Иван Павлович Романовский* (1877—1920) — один из организаторов Добровольческой армии, ее первый начальник штаба, затем — начальник штаба Вооруженных сил Юга России, ближайший сотрудник генерала Деникина. Служил объектом постоянной критики со стороны многих командующих белыми армиями; среди реакционно настроенного офицерства слыл либералом. В марте 1920 г. был освобожден от занимаемой должности. После новороссийской катастрофы и отставки Деникина эвакуировался в Константинополь, где 5 апреля 1920 г. был убит в здании российского посольства; убийца скрылся; вероятно, им был сотрудник деникинских контрразведки поручик М.А.Харузин.

⁴ Очевидно, речь идет о ноте британского правительства от 2 апреля, переданной Деникину еще в марте адмиралом Дж. де Робекком (De Robeck, Sir John), верховным комиссаром Великобритании в Константинополе. В ноте говорилось, что «продолжение гражданской войны в России представляет собой... наиболее озабочивающий фактор в настоящем положении Европы». Англия была готова взять на себя посреднические функции при переговорах руководства белых с Советской Россией и добиться амнистии для личного состава белых формирований. В случае продолжения «явно безнадежной борьбы», «Британское Правительство сочло бы себя обязанным отказаться от какой бы то ни было ответственности за этот шаг и прекратить в будущем всякую поддержку или помощь, какого бы то ни было характера, генералу Деникину» // Врангель П.Н. Воспоминания. М., 1992. С. 531—532.

⁵ *Струве Петр Бернгардович* (1870—1944) — публицист, философ, экономист. Прodelал эволюцию от «легального марксизма» к правому крылу русского либерализма. Автор «Манифеста» РСДРП (1898). Ре-

дактировал заграничный орган русских либералов «Освобождение» (1902—1905). Член ЦК партии кадетов с момента ее основания (1905), депутат II Государственной думы. Редактировал журнал «Русская мысль» и ряд других изданий. Участник сборника «Вехи» (1909). В 1906—1917 — профессор политэкономии в Петербургском политехническом институте; академик Петербургской АН (1917). Инициатор издания сборника «Из глубины» (1918) — одной из первых попыток осмыслить суть русской революции. Член Особого совещания при Деникине; начальник Управления внешних сношений в правительстве Врангеля. Считал участие в белом движении главным делом своей жизни.

⁶ *Французским монархистам в [18]73 году пришлось создать Французскую республику* — в мае 1873 г. президентом Франции стал монархист маршал М.Э.Мак-Магон; однако попытка реставрировать монархию (ликвидированную в сентябре 1870 г.), предпринятая осенью 1873 г. (на престол выдвигался граф Шамбор под именем Генриха V) не удалась, ввиду противодействия со стороны народа и буржуазии; конституция Третьей республики была принята Национальным собранием в 1875 г.

⁷ Вероятно, Маклаков намекает на Б.В.Савинкова.

⁸ *Георг V* (1865—1936) — английский король с 1910 г.

⁹ 21 апреля 1920 г. польское правительство подписало соглашение с правительством С.В.Петлюры о совместном походе на Украину. 25 апреля польские и петлюровские войска перешли в наступление. 6 мая ими был взят Киев.

№ 19

Б.А.Бахметев — В.А.Маклакову, 11 мая 1920

¹ Киев был взят польскими и петлюровскими войсками 6 мая. Бахметев сравнивает Петлюру с Дмитрием Самозванцем (Лжедмитрием I), который при помощи поляков захватил в период Смуты начала XVII в. Москву и был венчан на царство под именем Дмитрия.

² Бахметев имеет в виду переговоры Л.Б.Красина о восстановлении торговых отношений, которые он вел с британскими политиками.

³ *Красновщина* — по имени атамана войска Донского генерала *Петра Николаевича Краснова* (1869—1947), придерживавшегося в 1918 г. германской ориентации и отстаивавшего значительную степень самостоятельности Дона.

№ 20

В.А.Маклаков — Б.А.Бахметеву, 10 июня 1920

¹ *Брусилов Алексей Алексеевич* (1853—1926) — генерал от кавалерии, генерал-адъютант; в мае—августе 1916 г. войска Юго-Западного

фронта под командованием Брусилова осуществили самую успешную наступательную операцию русской армии в ходе Первой мировой войны — так называемый «брусиловский прорыв». В мае—июле 1917 г. — Верховный главнокомандующий русской армией. С 1917 г. жил в Москве как частное лицо. После начала советско-польской войны генерал А.А.Брусилов обратился с письмом на имя начальника Всероссийского Главного штаба Н.И.Раттеля, в котором предлагал собрать Совещание при главкоме из людей «боевого и жизненного опыта», чтобы «обсуждать дело снабжения войск». Приказ об образовании Особого совещания под председательством Брусилова был опубликован в «Правде» 5 мая 1920 г.

² Л.Б.Красин прибыл в Лондон 27 мая 1920 г. для переговоров о заключении торгового соглашения между РСФСР и Великобританией. Его первая встреча с премьер-министром Д.Ллойд Джорджем состоялась 31 мая. Первый этап переговоров продолжался до начала июля 1920 г.

³ Вероятно, Маклаков имеет в виду Временное правительство Приморской областной земской управы во главе с эсером А.С.Медведевым, к которому перешла власть во Владивостоке 31 января 1920 г.

⁴ *Грондайс* — очевидно, имеется в виду французский журналист *Lodewijk Hermen Grondijs* (1878— ?), сторонник белого движения, участник «Ледяного похода» Добровольческой армии в 1918 г., затем перебравшийся в Сибирь, автор книги «*La Guerre en Russie et en Sibirie*» (Paris, 1922).

№ 21

Б.А.Бахметев — В.А.Маклакову, 20—26 июля 1920

¹ *Мак-Колли* (*McCully Newton A.*) *Ньютон* — адмирал, глава американской миссии при генерале П.Н.Врангеле. Мак-Колли знал русский язык и был давно связан с русскими делами — в период русско-японской войны он был наблюдателем при русских военно-морских силах, накануне Февральской революции — военно-морским атташе при посольстве США, затем военно-морским представителем США при Временном правительстве. В 1918—1919 гг. он был прикомандирован к американским военно-морским силам в Архангельске, затем направлен на Юг, к Деникину.

² Вероятно, речь идет о пакете документов, пересланных П.Б.Струве Маклакову в конце апреля 1920 г. В письме Маклакову от 25 апреля 1920 г. Струве писал: «Что касается программы ген. Врангеля и созданного им Управления по внутренним вопросам, то материал для суждения о ней Вы и делегация имеете в моих телеграммах и письмах, и в приказах и беседах самого Главнокомандующего, Вам посылаемых» // К 50-летию окончания гражданской войны на Юге России: неизданные документы из архивов П.Б.Струве / Публ. Г.П.Струве // Мосты. 1970. № 15. С. 420. 20 июня Струве вручил премьер-министру Франции А.Мильерану пространный меморандум с изложением программы Южно-Русского правительства. (См. русский текст этого документа в кн.: Врангель П.Н. Воспоминания. Т. 2. М., 1992. С. 189—194). 5 июля 1920 г. в газете «Ве-

ликая Россия» было опубликовано интервью Врангеля, имевшее характер своеобразной декларации. (См.: Врангель П.Н. Указ. соч. Т. 2. С. 218—221). Очевидно, что эти тексты пересылались Бахметеву или непосредственно, или через посольство в Париже. Признание результатов аграрной революции, происшедшей в пользу крестьян, провозглашение принципа представительной демократии, содержащиеся в меморандуме Струве, несомненно, импонировали Бахметеву.

³ *Лондонское совещание* — очевидно, речь идет о заявлении британского правительства, переданного по радио 11 июля в Москву, с требованием прекратить военные действия и принять участие во всеобщей мирной конференции, которую предполагалось созвать в Лондоне с участием всех заинтересованных сторон.

⁴ 17 июля Советское правительство заявило, что будет вести с Польшей только прямые переговоры, однако 23 июля нарком иностранных дел Г.В.Чичерин телеграммой известил министра иностранных дел Великобритании о согласии РСФСР участвовать в мирной конференции.

⁵ О правительстве А.С.Медведева см. прим. 3 к письму № 20. Исполнительный аппарат правительства поначалу действительно возглавлялся большевиками (П.М.Никифоров, С.Г.Лазо, И.Г.Кушнарев и др.). Однако после японского выступления 4—5 апреля 1920 г. во Владивостоке, в ходе которого ряд видных большевиков (Лазо, В.М.Сибирцев, А.Н.Луцкий) был ими захвачен и передан одному из русских антибольшевистских отрядов (Лазо и его товарищи были зверски умерщвлены), влияние большевиков значительно снизилось. В декларации правительства 6 мая 1920 г. были провозглашены его ближайшие задачи: объединение всех областей Дальнего Востока и нераспространение на них влияния Советской России, отказ от ломки существующего строя, сохранение свободы предпринимательства, поддержание дружественных отношений со всеми странами на основе старых русских договоров. 18 мая 1920 г. был сформирован новый состав правительства, большинство которого составили меньшевики и эсеры; главой правительства остался Медведев, командующим войсками был назначен бывший военный министр Уфимской Директории генерал В.Г.Болдырев. В Верхнеудинске находилась столица марионеточной Дальневосточной республики (ДВР), образованной по решению ЦК РКП(б) (см. прим. 15 к письму № 34).

Краснощеков (Тобельсон) Александр Михайлович (1880—1937) — в социал-демократическом движении с 1896 г., большевик с августа 1917. В 1917 г. председатель Дальневосточного краевого исполкома Советов, в 1918 — Дальневосточного Совета народных комиссаров; в 1918—1919 гг. на подпольной работе, в 1919—1921 — член различных руководящих органов РКП(б) на Дальнем Востоке, в том числе Дальбюро ЦК РКП(б). В апреле 1920 — сентябре 1921 г. председатель Правительства (закондательный орган) ДВР; одновременно в ноябре 1920 — феврале 1921 г. председатель Совета министров (исполнительный орган) ДВР и министр иностранных дел ДВР. О событиях на Дальнем Востоке в 1920—1922 гг. см. подробнее: Canfield F. Smith. Vladivostok under Red and White Rule: Revolution and Counterrevolution in the Russian Far East, 1920—1922. Seattle and London, 1975; Светачев М.И. Империалистическая интервенция в Сибири и на Дальнем Востоке (1918—1922 гг.). Новосибирск, 1983. С. 208—287.

⁶ *Modus vivendi* (лат.) — буквально — способ существования; фактически сложившееся положение, признаваемое заинтересованными сторонами при отсутствии формального договора.

⁷ Речь идет об атамане Г.М.Семенове.

⁸ Имеется в виду западная часть США.

№ 22

В.А.Маклаков — Б.А.Бахметеву, 6 сентября 1920

¹ *Американская декларация* — имеется в виду нота государственного секретаря Б.Колби 10 августа 1920 г., адресованная итальянскому послу в Вашингтоне, в которой декларировался отказ от признания Советского правительства и каких-либо официальных отношений с ним.

Колби (Colby) Бейнбридж (1869—1950) — американский государственный и политический деятель, юрист. Государственный секретарь в администрации президента В.Вильсона в период с 22 марта 1920 по 4 марта 1921 г.

² Бахметев, действительно, приложил немало усилий для того, чтобы побудить Госдепартамент выступить с каким-либо заявлением, подтверждающим неизменность антибольшевистской позиции США. По воспоминаниям Бахметева, надиктованных им Уэнделлу Линку, он не ходил непосредственно к Колби, поскольку было неудобно для посла просить гос. секретаря написать нечто от имени американского правительства. Бахметев обсуждал эту проблему со своим другом, помощником гос. секретаря Брекенриджем Лонгом и был столь настойчив и постоянен в своих предложениях издать декларацию о принципах американской политики в отношении России, что Лонг при очередном появлении Бахметева в его офисе, восклицал: «Привет, мистер Декларация!» В конце концов усилия Бахметева увенчались успехом: 20 июля 1920 г. итальянский посол задал достаточно формальный вопрос об отношении США к России и неожиданно получил в ответ целую «диссертацию». Ноту писал Джон Спарго (Spargo), друг Бахметева и посольства. Бахметев выделял два основных момента в ноте: 1. Четкое разграничение между народом России и Советским правительством; поддержка первого и отказ от установления дипломатических отношений со вторым. 2. Польский и другие вопросы; Польша, воспользовавшись ситуацией, напала на Россию, чем вызвала дезориентацию и ложный патриотизм среди русского народа // Bakhmeteff V. Oral History Memoir // Bakhmeteff Archive of the Russian and East European History and Culture. Rare Book and Manuscript Library. Columbia University. V.Bakhmeteff. Collection. Box 38. Folder 4. P. 477—480 (далее — BARB).

³ *Французское признание* — признание Францией Врангеля де-факто.

⁴ *Палеолог (Paléologue) Жорж Морис* (1859—1944) — французский дипломат; в 1912—1914 — директор Политического департамента МИД Франции, в 1914—1917 — посол Франции в России, в 1920—1921 — генеральный секретарь МИД Франции.

⁵ Подобно Цезарю произнес: *жребий брошен* — слова Юлия Цезаря при переходе им в 49 г. до н.э. во главе своих войск реки Рубикон и вступлении на территорию Италии, что означало нарушение римских законов и начало гражданской войны, в результате которой Цезарь пришел к власти.

⁶ По-видимому, речь идет о золоте, переданном большевиками Германии в счет репараций. После поражения Германии русское золото попало во Францию; по решению союзников, оно должно было быть возвращено России, но в конце концов осталось у французов. См.: Vakhmeteff V. Oral History Memoir // BARB. Box 37. Folder 3. P. 411.

⁷ *Перед Ватерлоо и перед Седаном* — в битве при Ватерлоо 18 июня 1815 г. армия Наполеона Бонапарта была разбита англо-голландскими и прусскими войсками; в сражении у Седана 1–2 сентября 1870 г. во время франко-прусской войны французская армия потерпела решающее поражение от прусских войск.

⁸ *Грабский (Grabski) Владислав* (1874–1938) — польский политический деятель, в 1920 и 1923–1925 гг. — премьер-министр и министр финансов. Любопытно, что впоследствии именно Грабский, понимая необходимость нормализации отношений с восточным соседом, подписал в августе 1925 г. в Москве договор с СССР о прекращении пограничных споров.

⁹ Имеется в виду Версальский мирный договор.

¹⁰ *Веган — Вейган (Weygand) Максим* (1867–1965) — французский генерал, в 1920-м году официальный представитель Франции при Пилсудском, фактически военный советник.

¹¹ *Горлов Владимир Михайлович* (1869–1948) — дипломат, в 1917 г. первый секретарь российского посольства в Париже, затем посланник в Варшаве (Польша).

¹² *Черчилль (Churchill) Уинстон* (1874–1965) — британский политический и государственный деятель; в 1918–1921 гг. занимал посты военного министра и министра авиации; был непримиримым противником большевизма и противником политики нормализации отношений с Советской Россией, проводившейся премьер-министром Д.Ллойд Джорджем.

¹³ *Гаффы* — от франц. gaffe — промах, оплошность.

¹⁴ *Выписывает Маркотуна и Могилянского — Маркотун (Маркотун) С.К.* — бывший секретарь гетмана П.П.Скоропадского, в то время — эмигрант;

Могилянский Николай Михайлович (1871–1933) — профессор-антрополог, кадет, член правительства гетмана Скоропадского; будущее Украины видел в федеративном союзе с Россией; С.В.Петлюру называл в печати «разбойником» наряду с Н.И.Махно. В описываемое время находился в эмиграции.

¹⁵ Речь идет о Финансово-экономическом совещании, целью которого было оценить и по возможности поддержать финансово-экономическую политику правительства. На совещание главой врангелевского правительства А.В.Кривошеиным были приглашены видные представители русского финансового, торгового и промышленного мира, оказавшиеся за границей.

¹⁶ Совещание началось в 20-х числах сентября 1920 г., завершило свою работу 5 октября. Список его участников и резолюцию см.: Врангель П.Н. Воспоминания. Ч. 1. М., 1992. С. 357—358; 376—377. Его рекомендации практического значения не имели, ибо к тому времени врангелевскому Крыму оставалось просуществовать чуть больше месяца.

¹⁷ *Кривошеин Александр Васильевич* (1857—1921) — статс-секретарь, гофмейстер, член Государственного совета. В 1908—1915 — главноуправляющий землеустройством и земледелием, один из ближайших помощников П.А.Столыпина в проведении аграрной реформы. В начале 1920 г. заведовал продовольственным снабжением тыла у Деникина. После новороссийской катастрофы эвакуировался в Константинополь, затем переехал в Париж. В апреле 1920 г. по предложению Врангеля приехал в Крым и возглавил Правительство Юга России.

¹⁸ *Коновалов Александр Иванович* (1875—1948) — крупный предприниматель, председатель правления Товарищества мануфактур «Иван Коновалов с сыном». В 1905 г. — один из организаторов Торгово-промышленной партии; с 1907 — издатель (совместно с П.П. и В.П.Рябушинскими) газеты «Утро России», пытавшейся играть роль рупора российской буржуазии. Один из основателей (1912) и лидеров партии прогрессистов. Депутат IV Государственной думы. Занимал посты министра торговли и промышленности (март—июль) и заместителя министра-председателя Временного правительства (сентябрь—октябрь 1917 г.). С 1918 г. — в эмиграции во Франции. С 1924 г. — председатель Совета общественных организаций, объединившего левые круги эмиграции. В 1924—1940 гг. — председатель правления газеты «Последние новости».

¹⁹ *Долгополов Николай Саввич* (1880—1972) — врач, депутат II Государственной думы. Министр здравоохранения в правительстве при Главнокомандующем Вооруженными силами Юга России в декабре 1919 — марте 1920 г. С 1920 г. — в эмиграции во Франции, один из руководителей комитета Земско-городского союза в Париже.

²⁰ *Экспедиции в Кубань* — высадка врангелевских войск на Кубань, предпринятая в первой половине августа, закончилась неудачей в силу значительного численного превосходства красных, утратой фактора внезапности и нераспорядительности командовавшего наиболее крупным отрядом белых генерала С.Г.Улагая. По данным, которые приводит Н.Г.Росс, к эвакуировавшимся обратно в Крым войскам присоединилось около 10 тыс. кубанцев, влившихся в армию Врангеля. См.: Росс Н. Врангель в Крыму. Frankfurt/Main, 1982. С. 72—74.

²¹ *Условия III Интернационала* — имеется в виду 21 условие приема в Коммунистический Интернационал, утвержденное его II-м Конгрессом 6 августа 1920 г. Среди этих условий были: признание диктатуры пролетариата, как главного принципа революционной борьбы и теории марксизма, полный разрыв с реформистами и центристами, сочетание легальных и нелегальных методов борьбы, обязательность для партии постановлений конгрессов и пленумов Коммунистического Интернационала и т.д. Условия приема в Коминтерн отчетливо свидетельствовали о верности большевистских лидеров курсу на мировую революцию.

²² *Лафон Эрнест* (1879—?) — французский политический деятель, депутат парламента, адвокат, социалист. После раскола социалистической партии на конгрессе в Туре (декабрь 1920) по вопросу о присоедине-

нии к Коминтерну, пытался занять примирительную позицию между коммунистами и социалистами.

№ 23

В.А.Маклаков — Б.А.Бахметеву, 21 октября 1920

¹ Маклаков пробыл в Крыму неделю в конце сентября — начале октября 1920 г. 17 сентября 1920 г. «Последние новости» проинформировали читателей, что накануне российский посол в Париже выехал в Крым и пробудет там около недели; 6 октября в той же газете появилась информация, что Маклаков выехал из Севастополя в Париж, а 13-го в «Последних новостях» появилось скупое, в три абзаца, интервью посла. «В общем, положение в Крыму благополучно, — говорил Маклаков, — ...Многое издали трудно понять; отдельные факты, вне обстановки, представляются только иллюстрацией к предвзятым выводам. А к ним мы всегда были склонны». См.: Беседа с В.А.Маклаковым // Последние новости. 1920. 13 октября.

² Имеется в виду Декларация Русского политического совещания от 9 марта 1919 г., в которой содержались положения, свидетельствующие о заметном отступлении от принципа «единой, неделимой России», начертанной на знаменах вождей белого движения. В ней, в частности, говорилось: «Россия, после революции окончательно порвавшая с централистическими тенденциями старого режима, всячески готова пойти навстречу справедливому желанию... национальностей организовать их национальную жизнь. Новая Россия понимает свое переустройство только на основах свободного сожительства населяющих ее народов на принципах автономии и федерализма и в некоторых случаях — разумеется, с общего согласия России и национальностей — даже на основах полной независимости.

...Для всех очевидно, что вопросы, связанные с организацией национальностей, не могут по справедливости быть решены без согласия русского народа...»

Подписавшие Декларацию члены Делегации С.Д.Сазонов, кн. Г.Е.Львов, Н.В.Чайковский и В.А.Маклаков предлагали Мирной конференции от имени Русского политического совещания следующее «решение вопроса»:

«1) Державы признают, что все вопросы, касающиеся территории Российской империи в ее границах до 1914 года, за исключением этнографической Польши, а равно и вопросы, связанные с будущим устройством национальностей, включенных в эти пределы, не могут быть решены без ведома и без согласия русского народа. Никакого окончательного решения этого вопроса, следовательно, невозможно до тех пор, пока русский народ не будет в состоянии свободно выразить свою волю и принять участие в решении этого вопроса.

2) Желая, с другой стороны, помочь национальностям организовать их национальную жизнь и предохранить их от разложения и анархии, Державы, в ожидании окончательного решения, предлагают признать нынешнее временное их политическое устройство, которое ответило бы на требования момента и раньше всего удовлетворило бы экономическим,

финансовым и военным нуждам заинтересованных населений. На этот случай Державы готовы рассматривать как правительство, всякую власть, организованную этими национальностями, поскольку эта власть сообразуется с демократическими принципами и пользуется доверием населения. Они готовы, следовательно, прийти на помощь этим населением в их экономической и финансовой организации...» // Общее дело. 1919. 24 марта.

³ Врангель действительно предложил Н.И.Махно в июле 1920 г. заключить союз в борьбе против Советов, но это предложение было отклонено и Махно до сентября вел войну на два фронта. 27 сентября Махно подписал соглашение с Красной армией, его войска участвовали в штурме Перекопа и других военных операциях. 26 ноября, после отказа влиться в Красную армию, его войска были окружены и разгромлены.

⁴ Б.В.Савинков в 1920 г. был председателем «Русского политического комитета» в Польше, формировал антисоветские военные отряды. Он пользовался поддержкой своего личного друга Ю.Пилсудского. Поначалу, о чем Маклаков писал в предыдущем письме, деятельность Савинкова встретила негативное отношение со стороны Врангеля, однако после признания Савинковым главенства генерала отношения были урегулированы.

⁵ *Пасманик Даниил Семенович* (1869—1930) — кадет, один из лидеров сионизма в России, публицист. В 1914—1917 гг. — военный врач на фронте. В 1917—1919 гг. — в Крыму, где в 1918 г. издавал газету «Ялтинский голос». С 1919 г. — в Париже, где работал в редакции газеты В.Л.Бурцева «Общее дело», в то время главного органа антибольшевистской эмиграции, получавшей финансовую поддержку от Деникина, а затем от Врангеля.

⁶ *Rallie* (франц.) — примкнувший.

⁷ *Point d'honneur* (франц.) — дело чести.

⁸ *Гаффы* — от фр. *gaffe* — промах, оплошность.

⁹ *Предпарламент* — официальное название — Временный совет российской республики, совещательный орган при Временном правительстве. Начал функционировать 7 октября 1917 г.; в Предпарламент входили представители различных политических партий и общественных организаций общей численностью 550 человек.

¹⁰ *Глинка Григорий Вячеславович* (1862—1934) — начальник переселенческого управления Министерства земледелия (1905—1915), сенатор (с 1906), тайный советник. В правительстве Юга России — заведующий государственными имуществами Крыма и управляющий земледелием. В апреле 1920 г. Врангель поручил ему составление «Закона о земле». 20 мая 1920 г. закон был опубликован.

¹¹ *Плеве Вячеслав Константинович* (1846—1904) — министр внутренних дел и шеф корпуса жандармов в 1902—1904 гг. Проводил крайне реакционную политику.

¹² *Климович Евгений Константинович* (1871—1930) — генерал-лейтенант, сенатор. В 1906—1907 гг. — начальник Московского охранного отделения; в 1908—1909 — заведующий Особым отделом Департамента полиции, в марте—сентябре 1916 г. — директор Департамента полиции. В «крымский период» белого движения — начальник Особого отдела

штаба Главнокомандующего Русской армией ген. П.Н.Врангеля, помощник начальника Гражданского управления. Назначение Климовича вызвало крайне негативную реакцию либерально-демократических кругов эмиграции. «Бывший охранник, признавший величие народной советской власти и публично обლობызавший большевистскую пята, — говорилсь о нем в "Последних новостях", — творит внутреннюю политику Крыма. Об этом нельзя молчать. Потому что чистое дело требует чистых рук. Потому что нельзя Россию возродить руками Климовича» // Мирский Б. Климович // Последние новости. 1920. 14 октября.

¹³ *Осваг* — Осведомительное агентство, денкикинское ведомство информации и пропаганды.

¹⁴ *Челноков Михаил Васильевич* (1863—1935) — предприниматель, земский деятель; один из лидеров правого крыла партии кадетов, член ее ЦК в 1907—1914 г., депутат II—IV Государственных дум от Москвы, главноуполномоченный Всероссийского союза городов (1914—1917), московский городской голова в 1914—1917. В 1918 участник антибольшевистского «Правого центра». С 1919 г. в эмиграции в Сербии, один из создателей «Общества славянской взаимности», вел за границей пропагандистскую работу в поддержку белого движения. Был в дружеских отношениях с Маклаковым; политически их позиции были, по-видимому, достаточно близки; 2 июня 1907 г. они, вместе с П.Б.Струве и С.Н.Булгаковым нанесли визит П.А.Столыпину, пытаясь предотвратить роспуск II Думы. Вся эта группа получила в партии прозвище «черносотенных» кадетов.

¹⁵ *Орлов* — вероятно, имеется в виду *Владимир Григорьевич Орлов* (1882—1940?) — юрист по образованию, в 1905—1914 — судебный следователь в Польше; в период Первой мировой войны служил в разведывательном отделении штаба главнокомандующего Северо-Западного фронта, принимал участие в Верховной следственной комиссии по делу бывшего военного министра генерала В.А.Сухомлинова. При Временном правительстве — следователь по делам о шпионаже и государственной измене при Ставке Верховного Главнокомандующего. После большевистского переворота по заданию М.В.Алексеева поступил по фальшивым документам на советскую службу и в июле 1918 г. уже возглавлял Центральную следственную комиссию в Петрограде. Освобождал арестованных ВЧК, организовал отпавку свыше тысячи офицеров в Добровольческую армию и на Север; в сентябре 1918 г. был разоблачен и бежал в Финляндию. С 1919 г. — в Добровольческой армии, был начальником контрразведки в Одессе, затем руководителем Особого отдела в штабе генерала П.Н.Врангеля. См.: Русская военная эмиграция 20-х — 40-х годов: Документы и материалы. Т. I. Кн. 1. М., 1998. С. 387—389.

¹⁶ *Батюшинская комиссия* — комиссия по борьбе со шпионажем при штабе Северного фронта. Образована в начале 1917 г. Названа по имени председателя — генерала *Николая Степановича Батюшина* (1874—1957).

¹⁷ Вероятно, речь идет о золоте, переданном большевиками Германии и затем оказавшемся в руках французского правительства. См. прим. 6 к письму № 22.

¹⁸ *Денисов Николай Хрисанфович* (? — 1970) — крупный предприниматель, по образованию — инженер путей сообщения. Перед революцией — директор правления Троицкой железной дороги. После 1917 г. — в эмиграции, сначала в Англии, где на его средства был создан Комитет осво-

бождения России (П.Н.Милюков, П.Б.Струве, А.В.Тыркова, М.И.Ростовцев и др.), затем во Франции. Председатель основанного в 1920 г. в Париже Российского финансового и торгово-промышленного союза.

¹⁹ *Стоки*, от англ. stock — акция, ценная бумага.

²⁰ *Налбандов В.С.* — член Таврической земской управы; в 1919 г. — государственный контролер в правительстве С.С.Крыма; в 1920 г. — начальник Управления торговли и промышленности в правительстве Юга России.

²¹ По-видимому, речь идет о *Сергее Андреевиче Шателене* (1873 или 1874—1946), во время Первой мировой войны директоре Департамента таможенных сборов Министерства финансов, заместителе министра финансов в 1917 г., близком родственнике Б.А.Бахметева.

²² *Кромвель Оливер* (1599—1658), *Наполеон Бонапарт* (1769 — 1821) — деятели соответственно Английской и Великой Французской революций, установлением диктатуры которых они фактически завершились. В данном случае интересна «историчность» мышления рядовых офицеров. «Примерять» на русскую революцию «одежды» европейских революций, преимущественно Французской, было свойственно не только интеллектуалам, подобным Маклакову и Бахметеву.

²³ *Орловский бунт* — см. прим. 1 к письму Маклакова от 6 мая 1920 г. (№ 17).

²⁴ Маклаков неоднократно обращал внимание белого руководства на опасность антисемитизма, который, помимо всего прочего, подрывал кредит белых (в прямом и переносном смысле) на Западе. Он призывал Деникина публично осудить погромы и сделать «жест» вроде петлюровского — назначить еврея на какой-нибудь официальный пост. В случае с Деникиным призывы Маклакова пропали втуне; Врангель, как видно из данного письма посла, заметно изменил политику в еврейском вопросе. См. наши публикации писем Маклакова по еврейскому вопросу А.И.Деникину, М.В.Бернацкому, А.В.Кривошеину и др.: *The Russian Ambassador in Paris on the Whites and the Jews, 1919—1920 // Jews in Eastern Europe. 3(28) (Winter 1995). P. 53—66; Белые и евреи (По материалам российского посольства в Париже и личного архива В.А.Маклакова) // Евреи и русская революция. / Ред.-сост. О.В.Будницкий. М.; Иерусалим, 1999. С. 269—290. См. также: Будницкий О.В. В.А.Маклаков и еврейский вопрос // Вестник Еврейского университета. 1999. № 1(19).*

²⁵ *Востоков Владимир Игнатъевич* (1868—1957) — протоиерей; в 1913—1916 гг. находился фактически в ссылке в Калуге за выступление в печати против Г.Е.Распутина. Прославился тем, что отслужил молебен в красной ризе по случаю Февральской революции. После Октябрьской революции быстро эволюционировал к крайнему черносотенству, пропагандировал в армии Деникина погромные идеи, за что подвергался внушениям со стороны духовного и военного начальства. Аналогичную пропаганду вел в Крыму. По воспоминаниям Востокова, 22 сентября 1920 г. его вызвал Врангель и потребовал прекратить подобную «религиозно-патриотическую» пропаганду под угрозой высылки из Крыма. (Рукопись воспоминаний Востокова находится в Бахметевском архиве Колумбийского университета, Нью-Йорк, США).

²⁶ *Распутин (Новых) Григорий Ефимович* (1864 или 1865–1916) – крестьянин Тобольской губернии, авантюрист, пользовавшийся репутацией целителя и провидца; был близок к царской семье.

²⁷ *Восторгов Иоанн Иоаннович* (1864–1918) – протоиерей, один из основателей «Союза русского народа». Расстрелян большевиками в сентябре 1918 г.

²⁸ *Булгаков Сергей Николаевич* (1871–1944) – публицист, философ, экономист, общественный деятель. В 1890-е годы – «легальный марксист». Прodelал эволюцию «от марксизма к идеализму». Депутат II Государственной думы. Участник известных сборников «Вехи» (1909) и «Из глубины» (1918). В июне 1918 г. принял духовный сан. В июле 1918 г. переехал в Крым, где служил профессором Таврического университета (Симферополь). После поражения Врангеля – протоиерей Ялтинского собора. В 1922 г. выслан за границу. Работы Булгакова по «еврейскому вопросу» собраны в кн.: Булгаков С. Христианство и еврейский вопрос. Париж, 1991.

²⁹ Маклаков познакомился с Л.Н.Толстым еще будучи студентом. Толстой избрал его своим спутником и собеседником во время пеших прогулок по Москве. Маклаков часто гостил в Ясной Поляне, был близок к семье писателя; Толстой неоднократно обращался к Маклакову с просьбой оказать юридическую помощь последователям его учения. Он считал Маклакова очень умным человеком, тратящим жизнь на пустяки, подобные юриспруденции и политике. Маклаков опубликовал ряд мемуарных очерков и статей о Толстом – «Толстой как общественный деятель» (1912), «Толстой и суд» (1914), «Толстой и большевизм» (1921), «Лев Толстой: учение и жизнь» (1928) и др. Г.В.Адамович считал работы Маклакова о Толстом лучшими из того, что написано о великом романисте и мыслителе, и, безусловно, лучшим из написанного Маклаковым.

³⁰ *Raison d'être* (франц.) – смысл существования.

³¹ Однако во второй половине октября на страницах эмигрантской печати появились сообщения о погромных проповедях Булгакова и даже о том, что их тексты расклеиваются в виде прокламаций на стенах. «По газетным сведениям, – писал известный публицист Бор. Мирский (Гецевич), – С.Булгаков, проживая в Крыму, принимает активное участие в антисемитской, попросту даже погромной агитации; философ и священник, ученый и монах, писательским авторитетом и клобуком подкрепляет черное дело чиновников Освага, ретивых полицмейстеров и темной, злобствующей, без вины виноватой площадной черни... Писатель, вдумчивый и умный, философствующий, ставший антисемитом... от этого нельзя отмахнуться... Булгаков в российских условиях фигура значительная, идеологическая, и его внезапный антисемитизм нужно выделить из всей группы однородных явлений, именуемых на юге России "общественным антисемитизмом". Булгаков стоит совсем особняком; его нынешний антисемитизм, – дикий, безобразный, выявляющийся, по газетным сообщениям, чуть ли не в церковной санкции еврейского истребления, – тоже особенный... После "На пиру богов" – уличная погромная агитация на севастопольских стенах...» // Мирский Бор. Проповедь Булгакова // Еврейская трибуна. Париж. 1920. 22 октября.

Полтора месяца спустя на страницах той же «Еврейской трибуны» в защиту Булгакова, в частности, и русской церкви, вообще, выступил А.В.Карташев, сочетавший в себе политика и православного мыслителя:

«К сожалению, — писал он, — в число проповедников погромов впопыхах записали профессора, ныне священника С.Н.Булгакова. Мог ли ученик и продолжатель словом и делом В.С.Соловьева стать автором погромных прокламаций? Для меня ни на минуту не было сомнения, что это обычная неграмотность информаторов в вещах по существу им непонятных. Булгаков стал монархистом. Это явление для соловьевца-теократа ничего странного в себе не заключает... Пошлая связь монархизма с антисемитизмом во всяком случае неприменима к такому благородному, вершинному достижению русской культуры, каким рисуется личность С.Н.Булгакова.

Допускаю, что на такой почве может вырасти даже своего рода антисемитизм. Но только высокоидеологический, в форме религиозного антагонизма или культурной борьбы идей, и уж никак не в пошлой, грязной и глупой форме погромной агитации... Из С.Н.Булгакова сделали карикатуру глупого погромщика, расклеивающего смрадную дичь по заборам Севастополя. Такого рода невежественное, непродуманное смешение всякой монархической идеологии с погромностью не способствует объективному выяснению истины и утишению политических и национальных страстей... Церкви всегда были глубоким культурообразующим фактором в чеканке национальных типов и государственных организмов... Русская церковь никогда не была антисемитской». См.: Карташев А.В. Антисемитизм и русская церковь // Еврейская трибуна. Париж. 1920. 3 декабря.

³² Очевидно, описка. Вероятно, имеется в виду упоминавшийся выше В.Востоков.

³³ *Тихон (Белафин Василий Иванович)* (1865 — 1925) — выдающийся церковный деятель; в августе — ноябре 1917 г. руководил Поместным Собором Русской православной церкви, восстановившим патриаршество, упраздненное Петром I; патриарх с ноября 1917 г. С декабря 1918 г. находился под домашним арестом, до конца своих дней подвергался преследованиям со стороны Советской власти. Отказался благословить и Красную, и Добровольческую армии, ибо церковь против братоубийства, какими бы причинами оно ни было вызвано.

³⁴ *Балахович — Бэй-Булак-Балахович Станислав Никодимович* (1883 — 1940) — в дореволюционной русской армии — штаб-ротмистр. В 1918 г. — в Красной Армии, затем перешел на сторону белых. В 1919 г. — в составе войск Н.Н.Юденича в чине генерал-майора. С конца 1920 г. — во главе 10-тысячного отряда при «политическом руководстве» Б.В.Савинкова совершал рейды на территорию Белоруссии, сопровождавшиеся массовыми насилиями и грабежами. Опыт этих походов получил отражение в повести Савинкова «Конь вороной».

³⁵ *Хартвиг* — имеется в виду претендент на пост президента США *Уоррен Гардинг (Harding)* (1865 — 1923), который и победил на выборах. Однако это не привело к признанию Соединенными Штатами Советской России.

³⁶ Имеется в виду подписанное 22 июля 1920 г. соглашение между Правительством и Главнокомандующим ВСЮР, и атаманами, и правительствами Дона, Кубани, Терка и Астрахани, согласно которому казачьим государствам обеспечивалась полная независимость во внутреннем устройстве и управлении; в ведении Врангеля оставались телеграф и железные дороги; устанавливалась общая таможенная система, единая денежная система и косвенные налоги. В то же время следует отметить, что Врангель разговаривал с казаками с позиции силы; в апреле 1920 г. за публи-

кацию в газете «Донской вестник», официальном органе штаба Донского корпуса, статей, восстанавливающих, по мнению Главнокомандующего, казаков «против прочих не казачьих частей Юга России», разжигающих классовую рознь в населении и призывающих казаков к измене России, были арестованы редактор газеты сотник А. М. дю Шайла, командир Донского корпуса генерал В. И. Сидорин и начальник штаба генерал А. К. Кельчевский. Сидорин и Кельчевский были преданы суду и приговорены к каторжным работам, замененным Врангелем исключением со службы; генералы уехали за границу. Дю Шайла пытался покончить жизнь самоубийством, тяжело себя ранил, после выздоровления был судим в сентябре и, поскольку к тому времени страсти улеглись, оправдан.

³⁷ *Петренко* — очевидная описка, следует читать Павленко — вероятно, речь идет о *Михайло Омеляновиче-Павленко* (1878—1952) — генерал-майоре, выпускнике Академии генерального штаба (1910); высшая должность, которую Омелянович-Павленко занимал в период Первой мировой войны — начальник штаба корпуса. С декабря 1918 г. по июнь 1919 г. — командующий Украинской галицийской армией; Верховный Главнокомандующий армии Украинской народной республики в декабре 1919 — ноябре 1920 г.

³⁸ А. А. Нератов, по поручению Врангеля, писал Маклакову по украинскому вопросу 31 октября (н. ст.) 1920 г.: «...необходимо заключение между русской и украинской армиями военной конвенции, в частности обеспечить украинским силам нашу поддержку. Что же касается соглашения политического, то Главнокомандующий выражает готовность идти навстречу всем антибольшевистским силам, стоящим на почве федерации с Россией, с обеспечением Украине полнейшей независимости во внутреннем ее устройстве и управлении. Единственным условием является только признание власти Главнокомандующего над всеми вооруженными силами и обеспечение общегосударственных интересов». Цит. по: Росс Н. Врангель в Крыму. Frankfurt/Main, 1982. С. 251—252.

³⁹ *Перемыкин* (правильно — Пермикин) *Б. С.* — генерал-майор, командующий 3-й русской армией, действовавшей осенью 1920 г. на Украине совместно с петлюровскими войсками. В ноябре 1920 г. армия перешла польскую границу и была разоружена.

⁴⁰ 12 октября 1920 г. между РСФСР и Польшей были заключены предварительные условия мирного договора, по которым советско-польская граница устанавливалась значительно восточнее линии, предложенной в 1919 г. Верховным советом Антанты («линии Керзона»).

⁴¹ *Vonne mine au mauvais jeu* (франц.) — хорошая мина при плохой игре.

⁴² 28 октября 1920 г. Парижским протоколом Англия, Франция, Италия и Япония признали присоединение Бессарабии к Румынии.

⁴³ *Take Ионеско (Ionescu, Dumitru (Take))* (1858—1922) — румынский политический деятель, лидер Национально-консервативной партии, президент созданного в Париже в сентябре 1918 г. румынского Национального совета, признанного великими державами представителем интересов румынского народа. Неоднократно возглавлял правительство Румынии.

Б.А.Бахметев — В.А.Маклакову, 11 — 12 ноября 1920

¹ См. прим. 40 к письму № 23.

² Как раз день 11 ноября 1920 г., которым датировано письмо Бахметева, стал переломным в ходе боев и стало ясно, что сдержать войска красных на Крымском перешейке не удалось. В тот же день началась погрузка врангелевских войск и гражданских лиц на корабли, завершившаяся 14 ноября.

³ *Лорд Альфред Мильнер (Milner) (1854—1925)*, министр без портфеля в военном кабинете Д.Ллойд Джорджа, принимал участие в конференции союзников в Петрограде в конце января — начале февраля 1917 г.

⁴ Имеется в виду декларация Временного правительства Приморской земской управы от 6 мая 1920 г. См. прим. 5 к письму № 21.

⁵ «*Последние новости*» — ежедневная газета, выходившая в Париже с апреля 1920 по июнь 1940 г. В 1920 — марте 1921 г. редактором газеты был М.Л.Гольдштейн; с марта 1921 г. — П.Н.Милюков.

⁶ В редакцию эсеровского еженедельника «*Воля народа*» (Прага, 1920—1932) входили В.И.Лебедев, М.Л.Слоним, Е.Сталинский, В.В.Сухомлин.

⁷ *Мартов (Цедербаум) Юлий Осипович (1873—1923)* — один из лидеров российской социал-демократии, на 2-м съезде РСДРП возглавил «меньшинство», положив тем самым основание меньшевистскому течению в Российской социал-демократической рабочей партии. К Октябрьскому перевороту 1917 г. отнесся отрицательно, однако, критикуя политику большевиков и неоднократно подвергаясь в 1918—1920 гг. обыскам и домашнему аресту, исключал вооруженную борьбу против них. Редактор и один из авторов сборника «Оборона революции и задачи социал-демократии» (Пг.; М., 1920). С сентября 1920 г. — в эмиграции в Германии, где основал журнал «Социалистический вестник» и возглавил Заграничную делегацию РСДРП. В октябре 1920 г., выступая на Чрезвычайном съезде Независимой социал-демократической партии Германии в Галле, подверг критике большевистский режим, но одновременно призывал защищать русскую революцию от международного империализма.

⁸ Видный французский военачальник генерал М.Вейган был советником начальника польского Генштаба во время советско-польской войны. Бахметев, по-видимому, преувеличивает его роль в победе, одержанной польскими войсками над частями Красной армии. См.: Пилсудский Ю. 1920 // Пилсудский против Тухачевского (Два взгляда на советско-польскую войну 1920 года). М., 1991. С. 238—239; Наленч Д. и Т. Юзеф Пилсудский: легенды и факты. М., 1990. С. 103—106.

⁹ В ноте гос. секретаря США Колби, адресованной 10 августа 1920 г. итальянскому послу в Вашингтоне, подчеркивалось, что с американской стороны к Советскому правительству «не может быть никакого доверия, никакого взаимного уважения... Мы не можем признать такое правительство, не можем иметь с ним официальных сношений...» Нота готовилась при непосредственном участии президента США В.Вильсона.

¹⁰ См. прим. 42 к письму № 23.

¹¹ См. прим. 2 к письму № 23.

¹² *Шульгин Василий Витальевич* (1878—1976) — политический деятель и публицист правонационалистической ориентации; депутат II—IV Государственных дум; редактор газеты «Киевлянин» (с 1911). Один из идеологов белого движения; был создателем и руководителем нелегальной разведывательной организации «Азбука»; разработал вместе с генералом А.М. Драгомировым положение об Особом совещании при верховном руководителе Добровольческой армии, с января 1919 г. возглавлял его комиссию по национальным делам; с конца 1918 г. редактировал в Екатеринодаре газету «Россия» (затем «Великая Россия»), возобновленную впоследствии в Крыму.

№ 25

Б.А.Бахметев — В.А.Маклакову, 15 ноября 1920 г.

¹ *Адмирал Бристоль* — *Bristol Mark Lambert* (1868—1939) — верховный комиссар США в Турции в 1919—1927 гг.

² *Shipping Board* (англ.) — Совет по судоходству.

³ *Дэвис (Davies) Норман* (1878—1944) — американский политический деятель и дипломат, в июне 1920 — марте 1921 — заместитель гос. секретаря США.

№ 26

В.А.Маклаков — Б.А.Бахметеву, 24 ноября 1920

¹ *Временный комитет Государственной Думы* был образован 27 февраля 1917 г. по решению Частного совещания членов IV Государственной думы «для водворения порядка в Петрограде»; состав комитета был намечен Советом старейшин Думы и затем утвержден Частным совещанием. Председателем Временного комитета стал М.В.Родзянко. В ночь на 28 февраля Временный комитет Государственной думы принял решение «взять в свои руки восстановление государственного и общественного порядка». В ночь на 2 марта 1917 г. Временный комитет по соглашению с Исполнительным комитетом Петроградского Совета сформировал Временное правительство. После этого реальная власть переходит в руки Временного правительства, а Временный комитет постепенно утрачивает влияние на политическую жизнь страны. После роспуска IV Государственной думы постановлением Временного правительства от 6 октября 1917 г. официально прекратил свое существование.

² *Винавер Максим Максимович* (1862 или 1863—1926) — юрист, депутат I Государственной Думы, один из лидеров партии кадетов. В 1919 г. вошел в Краевое правительство в Крыму в качестве министра внешних сношений. С 1919 г. в эмиграции, состоял в парижской группе кадетов левого толка, возглавлявшейся П.Н.Милоковым.

³ *Авксентьев Николай Дмитриевич* (1878—1943) — член ЦК партии эсеров; в 1917 г. — председатель Исполкома Всероссийского совета крестьянских депутатов (с мая), министр внутренних дел Временного правительства (июль—сентябрь), председатель Временного совета Российской республики (Предпарламента). На Уфимском государственном совещании в сентябре 1918 г. избран председателем антибольшевистского Временного Всероссийского правительства (Директории); после переворота, осуществленного 18 ноября в Омске, куда переехала Директория, и прихода к власти А.В.Колчака, Авксентьев был арестован и выслан в Китай. С начала 1919 г. — в Париже. Один из основателей и редакторов лучшего русского эмигрантского журнала — «Современные записки» (1920—1940).

⁴ *Бунаков (Фондаминский, Фундаминский) Илья Исидорович* (1880—1942) — публицист, видный деятель партии эсеров, член ЦК. В 1917 г. — товарищ председателя Всероссийского Совета крестьянских депутатов, комиссар Черноморского флота, депутат Учредительного собрания от Черноморского флота. После разгона Учредительного собрания перешел на нелегальное положение, участвовал в деятельности антибольшевистского Союза Возрождения России. С 1919 г. в эмиграции в Париже. Один из основателей и редакторов журнала «Современные записки».

⁵ *Лианозов Степан Георгиевич* (1872—1951) — крупный нефтепромышленник, председатель правлений и директор-распорядитель ряда промышленных и торговых компаний, в том числе Товарищества нефтяного производства «Г.М.Лианозова сыновья», Нефтепромышленного и торгового общества «А.И.Манташев и К^о», Нефтепромышленного общества «Эмба-Каспий» и др. Председатель правительства Северо-Западной области, образованного в августе 1919 г. в Ревеле при генерале Н.Н.Юдениче. В эмиграции во Франции.

⁶ *История с Вандерлипом* — речь идет о предложении американского финансиста и предпринимателя *Б.В.Вандерлипа* (*Vanderlip, Washington V.*) советскому правительству передать в концессию синдикату, специально организованному для этой цели, территории к востоку от 160 меридиана с целью разработки нефтяных и угольных месторождений, а также право на вылов рыбы в Приморской и Камчатской областях. Речь шла также о создании американской военно-морской базы в Авачинской губе и даже о покупке США территорий к востоку от 160 меридиана, в чем Вандерлип выражал готовность служить посредником. Переговоры велись Вандерлипом и М.М.Литвиновым в августе 1920 г. в Копенгагене, после чего в сентябре того же года Вандерлип приехал в Москву, где вел переговоры в Народном комиссариате иностранных дел. Советское правительство было готово пойти на подписание договора, поскольку это фактически означало бы признание Советской России со стороны США. Аргументируя возможность подписания соглашения, В.И.Ленин заявлял, что «было бы большой ошибкой думать, что мирный договор о концессиях — мирный договор с капиталистами. Это — договор относительно войны, но договор менее опасный для нас, менее тяжелый, чем в тот момент, когда против нас бросали лучшие танки и пушки, и поэтому мы должны применить все способы, прийти к тому, чтобы ценой экономических уступок развить свои экономические силы, облегчить дело нашего экономического восстановления». (Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 115). Предложения Вандерли-

па не нашли поддержки в администрации президента У. Гардинга и после двукратной пролонгации срока вступления концессионного договора в силу (в мае 1921 и апреле 1922), он окончательно утратил силу с 1 января 1923 г. См.: Гвишиани Л. Советская Россия и США. 1917—1920. М., 1970. С. 299—313.

⁷ *Кемалисты* — сторонники лидера национального движения в Турции генерала Мустафы Кемаля (с 1934 г. — Ататюрк) (1880 или 1881—1938).

⁸ Речь идет о формуле «ни Ленин, ни Колчак».

⁹ *Руднев Вадим Викторович* (1879—1940) — член ЦК партии эсеров, публицист; с июня 1917 г. городской голова Москвы; депутат Учредительного собрания. Член антибольшевистского Союза возрождения России; с 1919 г. в эмиграции в Париже. Секретарь редакции еженедельника «Еврейская трибуна» (1920—1924), один из основателей и редакторов журнала «Современные записки».

№ 27

Б.А.Бахметев — В.А.Маклакову, 2 декабря 1920

¹ *Хардинг — Уоррен Гардинг*, кандидат от Республиканской партии, победивший на президентских выборах в США 2 ноября 1920 г.

² *Корф Сергей Александрович* (1876—1924) — профессор права и публицист, преподавал в русских учебных заведениях в Гельсингфорсе, затем переехал в США; был некоторое время сотрудником российского посольства в Вашингтоне, затем возглавил колчаковское информационное бюро в Париже; подвергал критике политику, проводившуюся Бахметевым; *передонощица* — по имени героя романа Ф.К.Сологуба «Мелкий бес».

³ Имеются в виду «14 пунктов» президента США В.Вильсона, обнародованные в январе 1918 г. и содержавшие программу послевоенного переустройства мира на демократических началах.

⁴ *Кемаль-паша — Мустафа Кемаль* (с 1934 г. — Ататюрк) (1880 или 1881—1938) — турецкий государственный и военный деятель, основатель и первый президент Турецкой республики. В условиях оккупации войсками Антанты большей части Османской империи возглавил в Анатолии движение, рассматривавшееся Москвой как национально-освободительное и антиимпериалистическое. Советское правительство оказывало кемалистам дипломатическую и военно-техническую поддержку.

⁵ Мандатная система оформила передачу в управление странам-победительницам бывших колоний Германии и владений Османской империи, так как народы этих территорий «не способны самостоятельно руководить собой в особо трудных условиях современного мира».

⁶ Бахметев пишет о колебаниях в политике Франции в период греко-турецкой войны 1919—1922 гг.

⁷ Имеются в виду события, связанные с армяно-турецкой войной 1920 г., в ходе которой турецкие войска, имевшие очевидное преимущество, оккупировали значительную часть территории Армении. Страны Ан-

танты и США не предприняли достаточных усилий для оказания помощи Армении и реализации условий Севрского мирного договора (10 августа 1920), определявшего, среди прочего, и послевоенные границы Армении. В этих условиях решающую роль в Закавказье сыграла Советская Россия, по требованию которой было остановлено турецкое наступление на Ереван и подписано перемирие; Арпачай (Арпа) — река в Армении.

⁸ *Si non e vero, e ben trovato* (итал.) — Если это неправда, то хорошо придумано.

⁹ *Horribile dictu* (лат.) — Страшно сказать.

¹⁰ Согласно Севрскому мирному договору президент США принял третейское решение присоединить к Армении Ванский, Битлисский и часть Эрзрумского и Трапезундского вилайетов Турции. Это решение осталось на бумаге.

¹¹ Нота государственного секретаря Б.Колби 10 августа 1920 г., адресованная итальянскому послу в Вашингтоне, в которой декларировался отказ от признания Советского правительства и каких-либо официальных отношений с ним.

¹² См. прим. 40 и 42 к письму № 23.

№ 28

В.А.Маклаков — Б.А.Бахметеву, 7 декабря 1920

¹ П.Н.Врангель писал, что большой транспорт «Рион» с зимним оборудованием прибыл в Крым только в 20-х числах октября. См.: Врангель П.Н. Воспоминания. Т. 2. М., 1992. С. 411.

² Сведения о немецких офицерах и генералах в составе командования Красной армии не подтвердились; возможно, за «немецкого генерала» принимали командира 51-й стрелковой дивизии знаменитого героя Красной армии В.К.Блюхера; неудача Врангеля, не вдаваясь в политические причины, может быть объяснена гораздо проще: по подсчетам советского военного историка, войска красных имели шестикратное превосходство на направлении главного удара. См.: Какурин Н.Е. Как сражалась революция. Т. 2. М., 1990. С. 345.

³ *Кутузов оставил Москву* — Маклаков имеет в виду решение главнокомандующего русской армией фельдмаршала М.И.Кутузова после кровопролитного Бородинского сражения с армией Наполеона Бонапарта 26 августа (7 сентября) 1812 г. сдать Москву без боя с целью сохранения армии; риск невосполнимых потерь был чересчур велик; потеря армии означала бы проигрыш кампании.

⁴ Речь идет о состоявшемся 30 ноября 1920 г. решении Совета Министров Франции отказаться от содержания армии Врангеля как боевой силы и рассматривать всех эвакуированных одинаково как беженцев, исключительно с гуманитарной точки зрения.

⁵ Британские войска были выведены из Архангельска и Мурманска осенью 1919 г.; в феврале 1920 г. последовала эвакуация остатков вооруженных сил Временного правительства Северной области (ВПСО), председателем которого был Н.В.Чайковский, военным министром, команду-

ющим войсками и управляющим иностранными делами — генерал Е.К.Миллер.

Миллер Евгений Карлович (1867—1939) — генерал-лейтенант, участник Первой мировой войны; с осени 1917 г. — представитель Ставки Верховного главнокомандующего при итальянском главном командовании. В январе 1919 г. вошел в качестве генерал-губернатора в ВПСО, в мае назначен А.В.Колчаком главнокомандующим войсками Северной области, в сентябре — начальником края. В эмиграции — во Франции, впоследствии (1930) возглавил Русский общевоинский союз; в 1937 г. был похищен советскими агентами, вывезен в Москву и впоследствии расстрелян.

⁶ См. прим. 2 к письму № 23.

⁷ Так в тексте. Очевидно, описка, и речь идет об *Игоре Александровиче Кистьяковском* (1876—1940), московском адвокате, кадете, доценте Киевского и Московского университетов, который в 1918 г. был государственным секретарем, затем министром внутренних дел в правительстве гетмана П.П.Скоропадского.

⁸ *Данилов Юрий Никифорович* (1866—1937) — генерал от инфантерии, в 1914—1915 — генерал-квартирмейстер при Верховном главнокомандующем вел. кн. Николае Николаевиче, затем в 1915—1917 гг. командовал корпусом, был начальником штаба Северного фронта, командующим армией. В феврале 1918 г. возглавлял группу военных консультантов при советской мирной делегации в Брест-Литовске; участвовал в разработке плана создания Красной армии, но не поладил с Л.Д.Троцким, подал в отставку и уехал на Украину. Осенью 1920 г. — начальник военного управления в правительстве П.Н.Врангеля. С 1920 г. в эмиграции в Константинополе, затем в Париже.

⁹ *Чермоев Абдул Меджид Орцувич* (1882—1936) — чеченский политический деятель, нефтепромышленник. В период Первой мировой войны — офицер Кавказской туземной конной дивизии. После Февральской революции один из организаторов «Союза объединенных горцев Кавказа», председатель Горского правительства. С конца 1919 г. — в эмиграции.

¹⁰ *Гучков Александр Иванович* (1862—1936) — крупный промышленник; один из основателей и признанный лидер «Союза 17 октября». Депутат III Государственной думы, с марта 1910 по март 1911 г. — ее председатель. В годы Первой мировой войны — председатель Центрального военно-промышленного комитета. Военный и морской министр в первом составе Временного правительства. Оказал финансовую поддержку Добровольческой армии на начальном этапе ее формирования. С 1919 г. — в эмиграции.

¹¹ Всероссийский земский союз помощи больным и раненым воинам и Всероссийский союз городов были созданы соответственно в июле и августе 1914 г., в связи с начавшейся мировой войной с целью помощи правительству в организации деятельности тыла; в 1915 г. был создан объединенный комитет этих организаций — Земгор. Главноуполномоченный Земского союза кн. Г.Е.Львов снискал своей деятельностью на этом посту широкую популярность. В январе 1918 г. Земский союз декретом Совнаркома был упразднен, а его имущество передано ВСНХ. Свою деятельность Земский союз продолжил за границей за счет переведенных туда средств; его главной задачей стала поддержка эмигрантов.

¹² *Философов Дмитрий Владимирович* (1872–1940) — публицист, художественный и литературный критик. Один из организаторов и вице-председатель, затем председатель петербургского Религиозно-философского общества (1907–1917). С октября 1918 г. сотрудник Публичной библиотеки в Петрограде. В январе 1920 г. нелегально пробрался вместе с З.Н.Гиппиус и Д.С.Мережковским в Польшу. Председатель политического отдела и вице-председатель Русского политического комитета (с января 1921 г. Русского эвакуационного комитета). С июня 1921 г. член ЦК савинковского Народного союза защиты родины и свободы. О преображении этого эстета, способного «защищать картину с оружием в руке», в политика, и его деятельности в Польше см.: Дюррант Дж.С. По материалам архива Д.В.Философова // Лица: Биографический альманах. Вып. 5. М.; СПб., 1994.

¹³ *Варшавский политический комитет* — имеется в виду Русский политический комитет, созданный Б.В.Савинковым по согласованию с Ю.Пилсудским весной 1920 г. Задачами комитета было формирование российской армии в Польше, обеспечение взаимодействия между русскими антибольшевистскими силами и польским правительством. Конечной целью комитета было создание демократического российского государства на федеративных началах.

¹⁴ *Ипатьев Владимир Николаевич* (1867–1952) — выдающийся ученый-химик, академик, профессор Михайловской артиллерийской академии, генерал-лейтенант (1915); в годы Первой мировой войны — председатель Химического комитета при Главном артиллерийском управлении. С 1918 г. — глава Комиссии по демобилизации химической промышленности при Высшем Совете народного хозяйства (ВСНХ). В 1921 г. возглавил Главное управление химической промышленности ВСНХ, вошел в Президиум ВСНХ. В 1930 г., после научной командировки в Берлин, получил разрешение остаться за границей на год для лечения; в СССР не вернулся. С 1930 г. жил в США, где преподавал и занимался исследованиями в Чикагском и Северо-Западном университетах, был также консультантом нефтяной компании Universal Oil Products. В 1936 г. Общим собранием АН СССР был лишен звания академика, в 1937 постановлением ЦИК СССР — советского гражданства. Оставил воспоминания // Ипатьев В.Н. Жизнь одного химика. Т. 1–2. Нью-Йорк, 1945.

¹⁵ *Наш X том* — имеется в виду 10-й том «Свода законов Российской империи» (первое издание 1832 г. состояло из 15 т.), собрания действующих на время издания законодательных актов, расположенных в тематическом порядке. Между изданиями Свода законов выходили ежегодные и сводные (за несколько лет) продолжения Свода законов с указанием на упрядненные и дополнительные статьи.

¹⁶ *Камбон (Cambon) Жюль Мартен* (1845–1935) — французский дипломат. В 1915–1919 — генеральный секретарь МИД Франции; член французской делегации на Парижской мирной конференции 1919–1920 гг. Председатель конференции послов (специальный орган, созданный в конце 1919 г. по решению Верховного совета Антанты для рассмотрения вопросов, возникавших в ходе осуществления Версальского договора) в 1920–1931 гг.

¹⁷ *Лейг (Leygues) Жан-Клод* (1858—1933) — французский политический деятель, умеренный республиканец; с 1894 г. неоднократно входил в состав кабинета министров, в сентябре 1920 — январе 1921 — премьер-министр и министр иностранных дел.

№ 29

Б.А.Бахметев — В.А.Маклакову, 8 декабря 1920

¹ П.Б.Струве уже 21 января 1921 г. подал в отставку с поста Заведующего Частью иностранных сношений (так после эвакуации стало называться врангелевское ведомство иностранных дел), мотивируя этот шаг расхождением с Врангелем «во взглядах на способ действий в отношении как внешних сил, так и русской общественности». По словам Г.П.Струве, расхождение заключалось в том, что «в воскресенье "белой армии" П.Б. не верил. Дальнейшая борьба представлялась ему, с одной стороны, в плоскости идейной, с другой — на путях революционных». См.: К 50-летию окончания гражданской войны на Юге России. Неизданные документы из архивов П.Б.Струве / Публ. Г.П.Струве // Мосты. 1970. № 15. С. 426—427. Однако свои разногласия с Врангелем Струве не афишировал и неоднократно в печати высказывал свое высокое мнение о нем.

² 10 августа 1920 г. Франция признала Правительство Юга России де-факто; таким образом, после крушения Врангеля Маклаков оказался послом сразу двух уже не существующих правительств — Временного и врангелевского.

№ 30

Б.А.Бахметев — В.А.Маклакову, 14 декабря 1920

¹ «*Общее дело*» — имеется в виду газета, издававшаяся В.Л.Бурцевым в сентябре 1918 — июне 1923 г. в Париже; издавалась ранее в Париже (1909—1910) и Петрограде (1917). «Общее дело» являлось одно время полуофициозом А.И.Деникина, затем П.Н.Врангеля, Бурцев получал от них денежные субсидии; неудачные попытки возобновить «Общее дело» предпринимались Бурцевым также в 1928—1933 гг.

² *Гольдштейновская газета* — «*Последние новости*», редактором которой с апреля 1920 по февраль 1921 г. был журналист и юрист Моисей Леонтьевич Гольдштейн (1868—1932).

³ *Ростовцев Михаил Иванович* (1870—1952) — историк античности, археолог; академик (1916). Профессор древней истории Петербургского университета в 1901—1918 гг. С 1918 г. в эмиграции в Англии, в 1919 г. руководитель лондонского Комитета освобождения России; летом того же года перебрался во Францию, летом 1920 уехал в США. В 1920—1925 гг. профессор древней истории Висконсинского университета, в

1925—1939 гг. профессор древней истории и классической филологии Йельского университета.

⁴ *Зак Аркадий Иосифович* — юрист, выпускник Московского университета, заведующий Русским информационным бюро в США.

⁵ *Пазвольский (Pasvolsky) Лев Михайлович* (1893—1953) — публицист, автор многочисленных работ (в основном на английском языке) по проблемам экономики стран Восточной Европы.

⁶ Текст телеграммы Бахметева Маклакову был включен в информационное сообщение «Помощь Америки». Несмотря на некоторые искажения (так, адмирал Бристоль был назван Брикстоном) смысл телеграммы был передан вполне адекватно. По-видимому, резкая реакция Бахметева была обусловлена недовольством общим направлением бурцевской газеты.

⁷ *Батлер (Butler, Nicholas Murray)* (1862—1947) — философ, профессор, президент Колумбийского университета в 1901—1945 гг.

⁸ В данном случае академик значит ученый. В США нет Академии Наук в том виде, в котором она существует в России; английское слово *academic* употребляется для обозначения ученых, как правило, работающих в университетах.

№ 31

Б.А.Бахметев — В.А.Маклакову, 15 декабря 1920

¹ *Колчак (урожд. Оморова) Софья Федоровна* (1876 — 1956) — жена А.В.Колчака с 1904 г. После 1917 г. в эмиграции во Франции.

1921

№ 32

Б.А.Бахметев — В.А.Маклакову, 19 марта 1921

¹ *Кронштадт* — имеется в виду восстание моряков Балтийского флота, вспыхнувшее в начале марта 1921 г. на главной базе флота под лозунгами перевыборов Советов, свободы торговли, упразднения комиссаров и др. было подавлено к утру 18 марта после штурма и ожесточенных уличных боев.

² *Соглашение Ллойд Джорджа и Красина* — англо-советское торговое соглашение было подписано 16 марта 1921 г. С британской стороны документ подписал президент Торговой палаты Р.Хорн (Горн). Фактически «первую скрипку» в подготовке соглашения играл Д.Ллойд Джордж.

³ *В момент Марны* — имеется в виду сражение на р. Марна 5—12 сентября 1914 г., в котором англо-французские войска нанесли поражение германской армии и сорвали тем самым стратегический план герман-

ского командования, рассчитанный на быстрый разгром противника на Западном фронте. Успеху союзников способствовало наступление русских армий в Восточной Пруссии, что не позволило германскому командованию усилить свою группировку во Франции. Недостаточно подготовленное наступление русских войск закончилось тяжелым поражением, но в значительной степени предопределило исход кампании 1914 г. и всего последующего хода войны.

⁴ *Drive* (амер.) — (общественная) кампания.

⁵ *Хорн (Горн) (Horne) Роберт Стивен (1871—1940)* — в описываемое время президент британской Торговой палаты.

⁶ *Ответ гос. секретаря на ноту Литвинова* — имеется в виду нота гос. секретаря Ч. Хьюза, послужившая ответом на обращение московского правительства с предложением о возобновлении торговли между двумя странами. В ноте говорилось: «Соединенные Штаты относятся с симпатией к правам русского народа и желают прийти ему на помощь всеми средствами, способными установить торговлю с Россией на прочных основах. Для правительства Соединенных Штатов ясно, однако, что при ныне существующих условиях отнюдь нельзя быть уверенным в возможности развития торговли с Россией. Никакого прочного улучшения положения не может быть, пока нынешние причины прогрессивного обеднения России продолжают существовать. Лишь в восстановлении русского производства может быть выход из тяжелого положения русского народа. Нельзя рассчитывать на восстановление торговли, пока отсутствуют прочные экономические основы для производства. Последние же обусловлены личной безопасностью всех граждан, определенным признанием частной собственности и свободы труда.

Если советское правительство в самом деле намерено ввести радикальные перемены, рассчитанные на защиту частной собственности и на создание условий, делающих торговлю возможной, то правительство Соединенных Штатов с удовлетворением признает наличие таких перемен. До тех пор, однако, пока не будет представлено доказательство этого факта, правительство Соединенных Штатов не видит никаких оснований для обсуждения вопроса о возобновлении торговых сношений». См.: Последние новости. 1921. 27 марта.

Нетрудно заметить в ноте Хьюза те же условия, которые, по мнению Бахметева и Маклакова, могли служить признаком действительно начавшейся эволюции большевизма. Вряд ли это совпадение было случайным. Вероятно, посол в Вашингтоне вновь, как и в случае с нотой Б. Колби от 10 августа 1920 г., способствовал формулированию принципов политики США по отношению к России.

⁷ Речь идет об уже неоднократно упоминавшейся ноте гос. секретаря Б. Колби от 10 августа 1920 г. Судя по всему, Бахметев считал ноту одним из своих важнейших (если не самым важным) дипломатических достижений.

⁸ *Яп (Yap)* — самый крупный остров в группе островов с одноименным названием, находящейся в западной части Каролинского архипелага в Тихом океане. Каролинский архипелаг принадлежал Германии и после подписания Версальского мира был передан в мандатное управление Японии. На острове Яп находилась станция тихоокеанского кабеля, связывавшего США с Нидерландской Ост-Индией (о-в Целебес) и Шанхаем.

⁹ Декларация Хьюза по вопросу о торговле — см. прим. 6 к настоящему письму.

Хьюз (Юз) (*Hughes*) Чарлз Эванс (1862—1942) — государственный и политический деятель США, юрист. В 1907—1910 гг. — губернатор штата Нью-Йорк, в 1910—1916 — член Верховного суда США; в 1916 г. был кандидатом в президенты США от республиканской партии; в 1921—1925 — государственный секретарь.

¹⁰ *Attitude* (англ.) — отношение.

¹¹ Имеется в виду комитет членов Учредительного собрания, образовавшийся в Париже в январе 1921 г. на совещании 33 бывших членов Учредительного собрания — в нем участвовали кадеты и правые эсеры; участники решили образовать коалицию и создали ее руководящий орган — исполнительную комиссию, в которую вошли кадеты П.Н.Милюков, М.М.Винавер, А.И.Коновалов, В.А.Харламов, эсеры Н.Д.Авксентьев, А.Ф.Керенский, В.М.Зензинов, О.С.Минор и др.

¹² *Экономические фантазмагории... наш друг Чернов на страницах «Воли России»* — возможно, речь идет о статье В.М.Чернова «Прежде и теперь» (Воля России. 1921. 9 февраля) и (или) «Проекте экономической программы» с подзаголовком «Дискуссионные материалы», полученном от заграничного представительства Партии социалистов-революционеров и опубликованном в газете «Воля России» (ставшей с 1922 г. журналом) 9—11 февраля 1921 г.

Чернов Виктор Михайлович (1873—1952) — многолетний лидер и крупнейший теоретик партии социалистов-революционеров; в 1917 г. министр земледелия во втором и третьем составах Временного правительства; 5 января 1918 г. был избран председателем Учредительного собрания, разогнанного большевиками. С сентября 1920 г. — в эмиграции, член Заграничной делегации ПСР, редактор партийного журнала «Революционная Россия»; принял активное участие в работе фракции эсеров на частном совещании членов Учредительного собрания в Париже в январе 1921 г.

№ 33

Б.А.Бахметев — В.А.Маклакову, 13 апреля 1921

¹ Бурцев обвинял Бахметева в самовольном расходовании государственных средств на поддержку близких ему по духу политиков, в частности, в том, что посол финансировал издание милюковских «Последних новостей».

² *Херст (Hearst) Уильям Рандолф* (1863—1951) — владелец крупнейшей газетно-журнальной «империи» в США.

№ 34

В.А.Маклаков — Б.А.Бахметеву, 15—26 апреля 1921

¹ *Бриан (Briand) Аристид* (1862—1932) — французский государственный и политический деятель, умеренный социалист; с 1909 г. неодно-

кратно возглавлял правительство. С января 1921 г. — премьер-министр и министр иностранных дел коалиционного правительства.

² *Expressis verbis* (лат.) — категорически, решительно.

³ *Победа Бриана в Лондоне* — имеется в виду конференция в Лондоне, проходившая в период с 21 февраля по 14 марта 1921 г. В ходе конференции Ллойд Джордж и Бриан рассмотрели предложения Германии, которые фактически означали отказ от выплаты репараций при формальном их признании. Союзники заявили, что Германия нарушает условия Версальского договора; 3 марта ей был предъявлен ультиматум, причем Ллойд Джордж в очень резкой форме пригрозил Германии применением санкций. После нескольких дней бесплодных переговоров 8 марта были оккупированы Дюссельдорф, Дуйсбург и некоторые другие территории. 9 апреля на границе между оккупированной и неоккупированной территорией Германии был установлен таможенный контроль. См.: Toinbee A.J. *Survey of International Affairs, 1920—1923*. Oxford University Press, 1925. P. 16—17.

⁴ *Пуанкаре (Poincaré) Раймон* (1860—1934) — президент Франции в 1913—1920 гг., премьер-министр правительства Франции в 1912—января 1913, с января 1922 по май 1924 и в 1926—1929 гг. Сторонник жестких действий по отношению к Германии.

⁵ *Commission de réparations* (франц.) — комиссия по репарациям.

⁶ *Deus ex machina* (лат.) — букв. «бог из машины», т.е. неожиданный поворот дела.

⁷ *Стиннес (Stinnes) Гуго* (1870—1924) — крупнейший германский промышленник, «король» угля и стали.

⁸ *A la longue* (франц.) — со временем, в отдаленной перспективе.

⁹ *Zukunftsmusik* (нем.) — музыка будущего.

¹⁰ *Добровольный флот* — общественная организация, созданная в России в 1878 г. на народные пожертвования, при значительном участии государства, и ставившая своей целью развитие торгового мореходства. К началу Первой мировой войны Добровольный флот, фактически контролируемый правительством, состоял из 42 пароходов, владел недвижимым имуществом в России и за границей, включая склады, пристани, мастерские и т.д. В период мировой войны большая часть судов Добровольного флота, находившаяся в заграничных водах, была реквизирована иностранными правительствами. Значительная часть судов (13), по соглашению с Россией, была реквизирована британским правительством, выплачивавшим за них, по условиям договора, фрахт. Правление Добровольного флота, назначенное Временным правительством, поддерживало белое движение. Однако после прекращения британским правительством уплаты фрахта и отказа выплатить компенсацию за пользование судами, Добровольный флот попал в крайне тяжелое положение, так как все возвращенные англичанами суда были обременены крупными долгами.

¹¹ Маклаков, очевидно, имеет в виду замену продразверстки продналогом с разрешением продавать «излишки», оставшиеся после сдачи налога, облегчающую положение крестьянства и знаменовавшую начало перехода к новой экономической политике (нэп). Решение о переходе от продразверстки к продналогу было принято на X съезде РКП(б), состо-

явшемся 8—16 марта 1921 г. прежде всего под влиянием многочисленных крестьянских восстаний. Англичане здесь были, разумеется, не причем.

¹² *Жувенель (de Jouvenel) Анри де* (1876—1935) — французский политический деятель и журналист, правый республиканец; редактор газеты «Матэн»; в 1921 г. был избран сенатором, входил в сенатскую комиссию по иностранным делам, неоднократно бывал французским делегатом в Лиге Наций.

¹³ Эмигранты имели весьма смутные представления о взаимоотношениях внутри большевистской верхушки. В данном случае, вероятно, Маклаков имеет в виду не некие реальные противоречия между большевистскими вождями; скорее всего Троцкий как руководитель Красной армии символизирует для него военщину и сторонников мировой революции, Ленин — «гражданское» крыло партии большевиков.

¹⁴ *Status in statu* (лат.) — государство в государстве.

¹⁵ *Дальневосточная республика (ДВР)* — буферное государство, имевшее форму демократической республики, образованное по решению ЦК РКП(б) для того, чтобы избежать прямого военного столкновения с Японией. Была провозглашена в апреле 1920 г. в Верхнеудинске на Учредительном съезде «трудящихся и партизан» Прибайкалья. Формально включала в свой состав Забайкальскую, Амурскую, Приморскую, Камчатскую области, Северный Сахалин, хотя фактически первоначально ее власть распространялась только на территорию Прибайкалья. После перехода под контроль Народно-революционной армии ДВР Читы и Хабаровска, 28 октября — 10 ноября в Чите состоялась конференция представителей областей Дальнего Востока, избравшая правительство в составе коммунистов при участии беспартийных и провозгласила столицей ДВР Читу. Завершило государственно-правовое оформление ДВР Учредительное собрание (12 февраля — 27 апреля 1921 г.), в числе делегатов которого преобладали большевики (92) и сочувствующие им (183), при небольшом количестве эсеров (18) и меньшевиков (14). Учредительное собрание приняло демократическую конституцию и избрало правительство, практически полностью состоявшее из большевиков. ДВР была ликвидирована и вошла в состав РСФСР 15 ноября 1922 г. после поражения на Дальнем Востоке остатков белых войск и вывода японских.

¹⁶ *Учредилка* — см. прим. 11 к письму № 32.

¹⁷ Имеется в виду Земско-городской союз, председателем которого был кн. Г.Е.Львов. В эмигрантской среде постоянно циркулировали слухи о коррупции в руководстве Земсоюза; по-видимому, они не всегда были беспочвенны.

¹⁸ *Замысловский Георгий Георгиевич* (1872—1920) — юрист; придерживался крайне правых взглядов; член Совета Союза русского народа, с 1908 г. член Русского народного союза имени Михаила Архангела; депутат III и IV Государственных дум. Приобрел известность антисемитскими выступлениями в связи с делом М.Бейлиса.

¹⁹ *Полнер Тихон Иванович* (1864—1935) — земский деятель, журналист. Автор апологетической биографии Г.Е.Львова (см.: Полнер Т.И. Жизненный путь кн. Георгия Евгеньевича Львова: Личность. Взгляды. Условия деятельности. Париж, 1932).

²⁰ *Новицкий Владимир Иосифович*, прибыл в США вместе с Б.А.Бахметевым в качестве уполномоченного Министерства финансов; в июне—ноябре 1919 г. заместитель министра финансов в правительстве А.В.Колчака; в начале 1920 г. вернулся в США; в сентябре 1920 г. уехал

в Европу заместителем Главноуполномоченного по финансово-экономическим делам (К.Е. фон Замена), в январе 1921 г. сменил Замена на этом посту; управляющий делами Финансового совета, заместитель председателя распорядительного комитета при Совещании послов, образованного в Париже в феврале 1921 г.

²¹ *Крыжановский Сергей Ефимович* (1861 — ?) — товарищ министра внутренних дел (1906—1911) при П.А.Столыпине, сенатор (1907), государственный секретарь (1910—1917). С 1918 г. в эмиграции во Франции.

²² *Савич Никанор Васильевич* (1869—1942) — помещик, октябрист. Депутат III и IV Государственных дум; товарищ (заместитель) председателя думской комиссии по государственной обороне. Член Особого совещания при А.И.Деникине, государственный контролер в правительстве П.Н.Врангеля.

²³ *Столыпин Петр Аркадьевич* (1862—1911) — министр внутренних дел (с апреля 1906), председатель Совета министров (июнь 1906 — сентябрь 1911), с сохранением за собой портфеля министра внутренних дел.

²⁴ *Кирей Василий Фаддеевич* (1879—1942) — генерал-лейтенант; высшая должность в период Первой мировой войны — командир корпуса. В Добровольческой армии, затем в Вооруженных силах Юга России — начальник артиллерийского снабжения; в Русской армии генерала П.Н.Врангеля — начальник военно-технического управления, одновременно ведал связью с повстанческим движением на Украине. В эмиграции — в Чехословакии, где был принят на службу в армию; последняя должность — начальник артиллерийской дивизии (1938).

²⁵ *Этатизм* (от франц. etat — государство) — термин, обозначающий активное участие государства в экономической жизни общества.

²⁶ Один из лидеров правых эсеров Н.Д.Авксентьев был избран на Уфимском государственном совещании в сентябре 1918 г. председателем антибольшевистского Временного Всероссийского правительства (Директории); после переворота, осуществленного 18 ноября в Омске военным министром Директории А.В.Колчаком, Авксентьев был арестован и выслан в Китай.

²⁷ *Марков (Марков 2-й) Николай Евгеньевич* (1866—1945) — один из лидеров крайне правых в III-й и IV-й Государственных думах. С 1910 г. председатель Главного совета Союза Русского народа.

²⁸ *Эвакуационный комитет* — имеется в виду Русский эвакуационный комитет, сменивший формально упраздненный Русский политический комитет. Официально в задачи Русского эвакуационного комитета входили учет и реализация имущества интернированных на территории Польши антибольшевистских формирований и забота о материальных и духовных нуждах их личного состава. Однако фактически политическая деятельность оставалась для Савинкова и его соратников главной, и Эвакуационный комитет служил «крышей» для проведения агитационной и разведывательной работы на территории Советской России.

²⁹ *Антонов Александр Степанович* (1889—1922) — участник революционного движения с 1906 г.; эсер, участник ряда экспроприаций. В 1909 г. арестован, в 1910 г. приговорен к смертной казни, замененной вечной каторгой. В 1910—1917 гг. — отбывал наказание в Шлиссельбургской крепости, куда был переведен из Тамбовской тюрьмы после двух попыток побега. Освобожден в результате Февральской революции. Вооруженную борьбу против большевиков начал в конце 1918 — начале

1919 г. В 1920—1921 гг. возглавил мощное крестьянское восстание на Тамбовщине, получившее по его имени название «антоновщины». Убит в перестрелке с чекистами.

³⁰ «Увлечение» Балаховичем сменилось у Савинкова разочарованием, что нашло отражение в его повести «Конь вороной» (1923).

³¹ *Левицкий Модест Филиппович* (1866—1932) — врач, литератор, деятель украинского национального движения. Входил в различные украинские партии и организации радикально-демократической направленности. С апреля 1917 г. — член Рады Украинской партии социалистов-федералистов. С февраля 1919 г. — посол Украинской народной республики в Греции, затем эмигрант.

№ 35

В.А.Маклаков — Б.А.Бахметеву, [не позднее мая 1921]

¹ Недатированный автограф находится в коллекции Бахметева в Bakhmeteff Archive of the Russian and East European History and Culture. Rare Book and Manuscript Library. Columbia University. Box 6. Нетрудно заметить, что эта записка Маклакова тематически перекликается с его же огромным (72 машинописные страницы в оригинале) письмом от 15—26 апреля. Очевидно, публикуемый текст был написан в апреле—начале мая; возможно, Маклаков воспользовался оказией и переслал записку еще до завершения диктовки упомянутого выше письма. Печатается по машинописной «расшифровке» сделанной для Бахметева и хранящейся там же.

² *Финансовый совет* — орган для управления русскими активами за границей и распределения средств среди различных эмигрантских организаций. Был образован в феврале 1921 г. в Париже. Председателем Совета был старшина дипломатического представительства М.Н.Гирс, членами — российский посол в Париже (т.е. В.А.Маклаков), кн. Г.Е.Львов, М.В.Бернацкий, российские послы в США, Японии, а также дипломатический представитель в Великобритании во время их пребывания во Франции. Для ближайшего рассмотрения ассигнований и других вопросов, связанных с управлением и хранением имущества, учреждался распорядительный комитет под председательством М.В.Бернацкого или его заместителя В.И.Новицкого. В связи с особым положением заведования денежными средствами Японии и Америки, российские послы в этих странах принимали финансовые решения самостоятельно, однако предполагалось взаимное осведомление и сотрудничество между ними и Финансовым советом. Протокол Совещания послов от 8 февраля 1921 г., на котором было принято решение об образовании Финансового совета, подписали М.Н.Гирс, Б.А.Бахметев, В.А.Маклаков и М.В.Бернацкий.

³ *Mauvaise presse* (франц.) — плохая пресса.

⁴ *Вивиани (Viviani) Рене* (1863—1925) — французский политический и государственный деятель, член партии Республиканских социалистов. В 1906—1914 и 1915—1917 занимал различные министерские посты. В июне 1914 — октябре 1915 — премьер-министр. После Первой мировой войны — представитель Франции в Лиге Наций.

В.А.Маклаков — Б.А.Бахметеву, не позднее мая 1921

¹ См. прим. 1 к письму № 35. Очевидно, и эта записка была переслана в период диктовки письма от 15—26 апреля 1921 г.

² Маклаков обыгрывает фразу Наполеона Бонапарта, обращенную к своим солдатам во время египетского похода, накануне битвы у пирамид.

В.А.Маклаков — Б.А.Бахметеву, 2 мая 1921

¹ Среди бумаг Б.А.Бахметева в Колумбийском университете хранится расписка «главноуполномоченного по финансово-экономическим делам» В.И.Новицкого от 14 февраля 1921 г., в которой говорится: «Mac Fudan Brothers New York уведомили меня о переводе на мое имя ста тысяч (100.000) долларов. Из них пятьдесят тысяч (50.000) долларов поставлено мною в распоряжение М.В.Бернацкого в Лондоне на известные Вам цели политического характера. Что же касается остальных 50.000 долл., то они хранятся у меня, в особом фонде, и могут расходоваться лишь по получении каждый раз от Вас соответствующего распоряжения. В случае моей смерти фонд перейдет в ведение Всеволода Михайловича Бернацкого, моего помощника, который будет руководствоваться Вашими инструкциями» // BARB. Вох 20. В этой же коробке находится переписка Бахметева с руководителями «Учредилки» Н.Д.Авксентьевым и А.И.Коноваловым, свидетельствующая, что посол и далее не оставлял «учредилковцев» своими заботами.

² *Position sociale* (франц.) — общественное положение.

³ *Парламентский комитет* — Русский парламентский комитет был образован в Париже в феврале 1921 г. бывшими членами Государственной думы и Государственного совета; в «инициативную группу» входили А.И.Гучков, В.Д.Кузьмин-Караваев, Г.А.Алексинский, М.А.Искрицкий, Е.И.Кедрин. Свою задачу члены комитета видели в защите «русского дела» перед западно-европейскими правительствами. Председателем Русского парламентского комитета в 1921—1923 гг. был А.И.Гучков. Аналогичные комитеты образовались также в Лондоне, Берлине и Константинополе.

⁴ *Алексинский Григорий Алексеевич* (1879—1967) — социал-демократ, большевик; депутат Второй Государственной думы. В 1909 г. — оратор, затем член группы «Вперед». В годы Первой мировой войны — оборонец, в 1917 г. — член плехановской группы «Единство». 4 июля 1917 г., во время большевистского выступления в Петрограде заявил журналистам, что большевики, в том числе В.И.Ленин — агенты германского Генерального Штаба. В 1918 г. арестован, отпущен на поруки; бежал за границу. В эмиграции занимал непримиримо антибольшевистские позиции.

⁵ *Юзефович Яков Давыдович* (1872—1929) — генерал-лейтенант; высшая должность в период Первой мировой войны — командир корпуса. В Вооруженных силах Юга России — начальник штаба Кавказской Добровольческой армии генерала П.Н.Врангеля, затем командир 5-го

конного корпуса; в Русской армии П.Н.Врангеля — инспектор кавалерии. Выехал в Париж в сентябре 1920 г., сопровождая главу внешнеполитического ведомства П.Б.Струве, с тем чтобы в дальнейшем направиться в Польшу и возглавить формирующуюся там 3-ю Русскую армию. Однако до места назначения не доехал, поскольку Польша заключила мир с Советской Россией.

№ 38

В.А.Маклаков — Б.А.Бахметеву, 14 мая 1921

¹ *Forfait* (франц.) — переплата; здесь: недостающая сумма для покрытия расходов.

² *Зеелер Владимир Феофилович* (1874—1954) — юрист и публицист, член партии кадетов; в марте-октябре 1917 г. городской голова г. Ростова-на-Дону, в конце 1919 — начале 1920 был недолгое время министром внутренних дел в правительстве при А.И.Деникине. С 1920 г. в эмиграции в Париже, член комитета парижского Земгора. В 1921 г. один из организаторов, затем генеральный секретарь парижского Союза русских писателей и журналистов.

№ 39

Б.А.Бахметев — В.А.Маклакову, 8—9 июня 1921

¹ *Ouvroir'ы* (франц.) — авуары, различные активы (денежные средства, векселя, чеки и т.п.); в узком смысле слова — активы банка.

² Имеется в виду журнал «The Russian economist» («Записки русского экономического общества» в Лондоне), выходивший под редакцией М.В.Брайкевича на русском и английском языках с 1920 по 1923 г. Бахметев оказывал журналу финансовую поддержку.

³ Торгово-промышленный съезд — имеется в виду Общий съезд представителей русской промышленности и торговли, проходивший в Париже в период с 17 по 25 мая 1921 г.

⁴ *Spirit of service, a ne rule* (англ.) — дух служения, а не правления.

⁵ *Рябушинский Павел Павлович* (1871—1924) — крупный фабрикант, финансист и политический деятель. Входил последовательно в руководящие органы октябристов, Партии мирного обновления, в 1912 г. один из инициаторов создания партии прогрессистов; неоднократно избирался председателем различных торгово-промышленных объединений; был сторонником перехода власти от дворянско-бюрократических элементов в руки «деловой буржуазии». С 1919 г. в эмиграции во Франции. На торгово-промышленном съезде, состоявшемся в мае 1921 г. в Париже, был избран почетным председателем. В речи на съезде выразил надежду предпринимательских кругов на внутреннюю эволюцию Советской власти в связи с введением нэпа и призвал готовиться к моменту, когда «на торгово-промышленном классе будет лежать колоссальная обязанность — возродить Россию». Подробнее о нем см.: Петров Ю.А. П.П.Рябушинский // Исторические портреты. М., 1991.

⁶ *Статья Шульгина «1920»...* — мемуарные очерки В.В.Шульгина «1920» публиковались в журнале П.Б.Струве «Русская мысль» (София) с № 3/4 по № 10/12 за 1921 год.

⁷ *Набоков Владимир Дмитриевич* (1869—1922) — юрист, член ЦК партии кадетов с момента ее основания. В 1917 г. — управляющий делами Временного правительства; в 1918—1919 — министр юстиции Крымского краевого правительства. С апреля 1919 г. — в эмиграции, издавал в Лондоне совместно с Милоковым журнал «New Russia». С 1920 г. — в Берлине, соредактор газеты «Руль», занимал правые, сравнительно со сторонниками Милокова, позиции. Активно участвовал в различных эмигрантских организациях. Погиб при покушении на Милокова, произведенным во время его публичной лекции в Берлине крайне офицером-черносотенцем. Набоков пытался обезоружить террориста.

⁸ *Pro domo sua* (лат.) — в свою защиту.

⁹ *Исторические речи Ленина* — несомненно, на X съезде РКП (б), проходившем с 8 по 16 марта 1921 г.

¹⁰ Подчеркнуто В.А.Маклаковым.

¹¹ *Инцидент Рябушинский* — *Гурко. Гурко Владимир Иосифович* (1863—1927) — общественно-политический деятель. С 1906 г. — товарищ министра внутренних дел. С 1912 — член Государственного совета. С марта 1918 г. член московского Правого центра; уехал на юг России, с октября 1918 г. член правого Совета государственного объединения России. С 1919 г. в эмиграции в Париже. С 1920 член Русского парламентского комитета.

Неясно, о каком конкретно инциденте идет речь, однако очевидно, что здесь и далее оба корреспондента использовали Гурко и П.П.Рябушинского (см. прим. 4) в качестве знаковых фигур, символизирующих старую и новую Россию.

¹² Подчеркнуто В.А.Маклаковым.

¹³ *Меркуловское предприятие* — имеется в виду переворот, во главе которого стояли братья *С.Д.* и *Н.Д.Меркуловы*, опиравшиеся на семеновские и каппелевские войска, осуществленный 26 мая 1921 г. во Владивостоке. В результате переворота была свергнута власть Приморского областного управления просоветской Дальневосточной республики и образовано Приамурское временное правительство. Его основу составило «Бюро несоциалистических организаций», образовавшееся во Владивостоке в марте 1921 г.

¹⁴ *Комитет, избранный Национальным съездом* — очевидно, имеется в виду съезд Русского национального объединения, состоявшийся 5 июня 1921 г. в Париже. В подготовке и проведении съезда видную роль играли кадеты А.В.Карташев, В.Д.Набоков, М.М.Федоров и др. На съезде был избран Национальный комитет, председателем которого стал А.В.Карташев.

¹⁵ *Иванов (Стихарев) Филипп Антонович* (1871—?) — горный инженер, предприниматель, общественный и государственный деятель. Член совета Сибирского торгового банка (1910), директор-распорядитель Общества кыштымских горных заводов, член правления общества «Медь», член совета Съездов уральских горнопромышленников и др. горнопромышленных обществ. В 1906—1915 — гласный ряда уездных и губернских земских собраний на Урале. В 1912 г. избран в Государственный совет от промышленности. В период I мировой войны член Особого совещания по обороне, председатель комитета по заведованию снабжением заводов металлами заграничного производства. После октября 1917 г. — в эмиграции; участвовал в работе Экономического совещания при правительстве П.Н.Врангеля в Крыму (сентябрь 1920), Совещания бывших членов Государственной думы и Государственного совета (Париж, ноябрь 1920).

Б.А.Бахметев — В.А.Маклакову, 27 июня — 5 июля 1921

¹ *Handable* (англ.) — ручной.

² Речь идет о тяжбе между компанией Джеймс Сагор и К^о и лесоторговым обществом «Лютер» по поводу леса, проданного в конце 1920 г. главой советской торговой миссии Л.Б.Красиным Джеймсу Сагору. Общество «Лютер» оспорило сделку, указывая, что проданный лес принадлежал ранее ему и был конфискован советским правительством на основании декрета от 20 июня 1918 г. Суд первой инстанции признал сделку недействительной, поскольку британское правительство не признает советского и, соответственно, декреты последнего не имеют силы перед лицом английского закона. Апелляционный суд 12 мая 1921 г. отменил решение суда первой инстанции, ссылаясь на разъяснение Министерства иностранных дел, что Англия признала советское правительство де-факто.

³ *Reasonable* (англ.) — благоразумной.

⁴ *Протопопов Александр Дмитриевич* (1866—1918) — крупный землевладелец и промышленник, депутат III и IV Государственных дум, товарищ председателя IV Думы с 1914 г., октябрист. В сентябре 1916 г. был назначен министром внутренних дел по ходатайству Г.Е.Распутина, что было расценено депутатами Думы как предательство. Расстрелян большевиками.

⁵ *Эльяшевич (Ельяшевич) Василий Борисович* (1875—1956) — правовед и экономист; до революции — профессор гражданского права Высших Бестужевских курсов, Политехнического института и экономического отделения Петроградского университета. В эмиграции — член Всероссийского финансового союза, профессор гражданского права Парижского университета.

⁶ *Si non e vero, e ben trovato* (итал.) — если это и неправда, то хорошо придумано.

⁷ Имеется в виду нота Ч.Хьюза — см. прим. 6 к письму № 32 от 19 марта 1921 г.

⁸ *Labor, Американская федерация труда (АФТ)* — крупнейшая профсоюзная организация США, основана в 1881 г.;

Гомперс (Gompers) Сэмюэль (1850—1924) — деятель профсоюзного движения США, председатель АФТ в 1882—1924 (кроме 1895).

⁹ *Лимитрофы* (от лат. *limes* — граница и греч. *trophos* — питающий) — термин, первоначально означавший пограничные области Римской империи, которые должны были содержать войска, стоявшие вдоль границы. После Первой мировой войны применялся в отношении Литвы, Латвии, Эстонии, Финляндии и Польши.

¹⁰ *De facto governments of provisionally self-dependent states* (англ.) — фактические правительства временно самостоятельных государств; ниже Бахметев предлагает собственную трактовку словосочетания *self-dependent* — самобытные, стремясь в очередной раз подчеркнуть тем самым, что вопрос о независимости образовавшихся из осколков Российской империи государств будет решаться после падения большевизма и восстания «национальной» России.

¹¹ Речь идет или о Брюссельской международной финансовой конференции (24 сентября — 8 октября 1920), созванной Советом Лиги Наций «с целью изучения финансового кризиса и изыскания средств отраще-

ния и ослабления его опасных последствий», или, скорее всего, о намечавшейся конференции о помощи России (открылась 6 октября 1921 г. в Брюсселе).

¹² *Вилейкис* — вероятно, речь идет о *Йонасе Вилейшисе (Vileisis)* (1872—1942), литовском государственном и политическом деятеле. Вилейшис, адвокат по профессии, был одним из основателей Литовской демократической партии (1902), в 1917—1922 гг. членом Литовской партии социалистов лядунинок демократов. В декабре 1918 — марте 1919 и в апреле — октябре 1919 г. он занимал, соответственно, посты министра внутренних дел и министра финансов в правительстве независимой Литвы.

¹³ *Independent government* (англ.) — независимое правительство.

¹⁴ *Харвей (Harvey, George (Brinton McClellan))* (1864—1928) — публицист и дипломат, посол США в Лондоне в апреле 1921 — декабре 1923 гг.

¹⁵ *Body politic* (англ.) — государство.

¹⁶ *Concern* (англ.) — здесь: интерес, забота.

¹⁷ *Mild reservationists* (англ.) — здесь: умеренные противники; в данном контексте сторонники подписание мирного договора при условии внесения в его текст изменений, не носящих принципиального характера.

¹⁸ *Смутс*, в русской транскрипции принято писать *Смэтс (Smuts)* *Ян Христиан* (1870—1950) — премьер-министр Южно-Африканского Союза в 1919—1924 гг., участник Парижской мирной конференции 1919 г., один из авторов устава Лиги Наций; выдвинул идею мандатной системы.

¹⁹ *Хей (Hay) Джон* (1838—1905) — американский государственный деятель, дипломат; государственный секретарь при президентах У.Мак-Кинли и Т.Рузвельте с 1898 г. В 1899 г. провозгласил доктрину «открытых дверей» в отношении Китая.

²⁰ *Витте Сергей Юльевич* (1849—1915) — граф (1905), министр путей сообщения (1892), министр финансов (1892—1903), председатель Комитета министров (1903—1905), в октябре 1905 — апреле 1906 г. — председатель Совета министров.

²¹ *Колесников Владимир Сергеевич* — управляющий иностранными делами, с 21 июля 1921 г. — премьер-министр Приамурского правительства.

²² *Башкиров Владимир Николаевич* — заведующий американским отделом Союза сибирских маслodelьных артелей, председатель отделения Российского финансово-промышленно-торгового союза в США.

²³ *Дубровин Александр Иванович* (1855—1921) — основатель и председатель черносотенного Союза русского народа, редактор-издатель его печатного органа — газеты «Русское знамя»; монархист, крайний антисемит. В 1921 г. расстрелян по постановлению ВЧК.

²⁴ *Разочаровались во Владивостоке и разговаривают снова с Читоу* — во Владивостоке у власти находилось правительство братьев Меркуловых, в Чите — правительство Дальневосточной республики во главе с большевиками.

²⁵ *Юрин И.Л.* — министр иностранных дел ДВР.

²⁶ *Меркуловы* — братья *Спиридон* (бывший чиновник, председатель) и *Николай* (промышленник, министр иностранных и военно-морских дел) *Денисьевичи Меркуловы* возглавляли прояпонское Приамурское временное правительство. А.И.Гучков следующим образом, вскоре после переворота 26 мая 1921 г., приведшего Меркуловых к власти, характери-

звал хорошо ему известного главу правительства в письме к П.Н.Врангелю: «Делец дальневосточного типа, аферист, неглупый, ловкий, оборотистый, он в течение долгих лет исправлял должность неофициального представителя и ходатая по дальневосточным делам в Петрограде... Политически, не будучи особенно строго принципиален, он принадлежал к моей октябристской партии. Чем он сделался теперь, не знаю. Говорят, он сдвинулся далеко вправо. Во всяком случае, к социалистическим партиям он, несомненно, не примыкает. Думается, что он временный, даже кратковременный жилец у власти» // Сенин А.С. Александр Иванович Гучков. М., 1996. С. 179.

²⁷ *En queue de poisson* (франц.) — ни тем, ни сем; ни хорошо, ни плохо.

№ 41

Б.А.Бахметев — В.А.Маклакову, 6 июля 1921

¹ Слова «нынешних вождей» подчеркнуты Маклаковым.

² Слова «одним из основных результатов большевистского режима является, что на смену его в России вообще не может прийти никакая центральная власть» отчеркнуты Маклаковым.

³ Имеется в виду съезд Русского национального объединения, состоявшийся 5 июня 1921 г. в Париже.

⁴ Фраза: «Это — глубоко трагический факт, обрекающий, может быть, нас на перспективу голодания, сплошного вымирания в частях, массового переселения» отчеркнута Маклаковым.

⁵ *Константинопольских и парижских так называемых национальных образований* — имеются в виду Русский Совет, созданный в апреле 1921 г. в Константинополе и игравший роль «правительства в изгнании» при генерале П.Н.Врангеле (в Совет вошли, наряду с Врангелем, генералы А.П.Кутепов, П.А.Кусонский, П.Н.Шатилов, член ЦК партии кадетов кн.П.Д.Долгоруков, бывший социал-демократ Г.А.Алексинский и др.) и упомянутый выше-парижский Национальный комитет.

⁶ *Училище правоведения* — точнее, *Императорское училище правоведения* — элитарное закрытое юридическое учебное заведение, учрежденное в 1835 г. по инициативе и на средства принца П.Г.Ольденбургского, «для образования благородного юношества на службу по судебной части». В училище принимались только дети потомственных дворян. Среди выпускников училища, наряду с известными государственными и судебными деятелями В.А.Арцимовичем, К.П.Победоносцевым, Д.А.Ровинским и др., были И.С.Аксаков, А.Н.Апухтин, В.В.Стасов, П.И.Чайковский и другие выдающиеся деятели русской культуры.

⁷ *Government of rule, no government of service* (англ.) — не правительством повелевающим, но правительством служащим.

⁸ Слова «который само население пожелает построить при участии и помощи просвещенных сил» подчеркнуты Маклаковым.

⁹ См. прим. 11 к письму № 39 от 8–9 июня 1921.

¹⁰ Имеются в виду «Последние новости»; Бахметев оказывал финансовую поддержку этому изданию, что вызвало ожесточенную атаку на него В.Л.Бурцева.

¹¹ *Предприятие Бурцева* — имеется в виду съезд Русского национального объединения, для созыва которого много сделал В.Л.Бурцев. Он был избран товарищем председателя Национального комитета.

¹² Слова «не к большевизму, а к той сильной власти, которая вырастет в процессе самостоятельности народа и даст нам, может быть, Кромвеля, а не Наполеона» подчеркнуты Маклаковым. Не очень ясно, в чем смысл противопоставления английского диктатора французскому императору; возможно, Бахметеву Наполеон представлялся олицетворением ненавистной ему военщины.

¹³ *Статья Шульгина во второй книжке «Русской мысли»* — очевидно, Бахметев имеет в виду статью В.В.Шульгина «Белые мысли (под Новый год)», опубликованную в кн. I—II за 1921 год возобновленного П.Б.Струве заграницей журнала «Русская мысль». Кн. I—II журнала вышла в Софии.

¹⁴ *Покаяние перед алтарем Кобленца* — Кобленц был центром роялистской эмиграции в период Великой Французской революции.

¹⁵ Бахметев сравнивает ситуацию в России с положением на Западном фронте в 1918 г.

№ 42

В.А.Маклаков — Б.А.Бахметеву, 12 августа 1921

¹ *Голод* — имеется в виду разразившийся в России в 1921 г., вследствие прежде всего экономической политики большевиков, голод (в советской историографии обычно именовавшийся голодом в Поволжье, хотя фактически он охватил и другие районы страны). По-видимому, от голода умерло около 7 млн. человек.

² *Московский комитет* — Речь идет о Всероссийском комитете помощи голодающим (Всероспомгол), общественной организации, образованной с разрешения властей в июне—июле 1921 г. Формально председателем комитета значился Л.Б.Каменев, однако фактически его возглавляли известный экономист, в прошлом министр продовольствия Временного правительства С.Н.Прокопович, его жена, видная общественная деятельница и публицистка Е.Д.Кускова и кадет, врач Н.М.Кишкин. Большевистское руководство опасалось, что деятельность Всероспомгола приобретет политический характер и всячески травило его активных участников. Ленин придумал для него уничижительную кличку «Кукиш» («Прокукиш»), произведенную от первых слогов фамилий руководителей комитета.

³ *Прокопович-Кускова (урожд. Есипова) Екатерина Дмитриевна* (1869—1958) — политический деятель, публицистка. В 1890-е гг. — социал-демократка, одна из идеологов и лидеров «экономистов»; с начала 1900-х гг. участвовала в «освобожденческом» движении; на первом съезде партии кадетов в октябре 1905 г. была заочно избрана в ЦК, но войти в партию отказалась; выступала за блок всех левых сил, включая кадетов. Увлекалась кооперативным движением. Входила в женскую мasonicкую ложу. В период Первой мировой войны — на «оборонческих» позициях; после Февральской революции поддерживала Временное правительство, выступала против большевиков. В годы Гражданской войны — «нинистка» (ни Ленин, ни Колчак). В 1921 г. одна из организаторов и руководителей Всероссийского комитета помощи голодающим (Всерос-

помгола). После разгона комитета арестована и вместе с мужем, С.Н.Прокоповичем, приговорена к расстрелу, от которого ее спасло заступничество Г.Гувера и Ф.Нансена. Сослана на Север, затем в 1922 г. выслана вместе с мужем за границу. Жила в Берлине, затем в Праге, после оккупации Чехословакии Германией переехала в Женеву. В 1920-е годы выступала против планов свержения большевизма вооруженным путем, считала возможным «изживание» его мирным путем в условиях нэпа. Маклаков и Бахметев многие годы состояли с ней в переписке.

⁴ *Прокопович Сергей Николаевич* (1871—1955) — политический деятель, экономист; с конца 1890-х гг. — социал-демократ, один из лидеров «экономизма». В 1904 г. вступил в «Союз Освобождения»; в 1905 избран в ЦК партии кадетов, но вскоре вышел из партии. Считал себя «внефракционным социалистом». Видный деятель кооперативного движения. В июле—сентябре 1917 г. — министр торговли и промышленности Временного правительства, в сентябре—октябре — министр продовольствия; выступал за установление «твердой власти» и борьбу с революционной анархией. Был министром-председателем подпольного Временного правительства до своего ареста 19 ноября 1917 г. Вскоре освобожден. В 1921 г. вместе с Е.Д.Кусковой и Н.М.Кишкиным руководил Всероссийским комитетом помощи голодающим. Арестован после разгона Всероссийского комитета, сослан на Север, в 1922 г. выслан за границу. Жил в Берлине, затем в Праге, где возглавлял Экономический кабинет, после оккупации Чехословакии нацистами — в Женеве.

⁵ *Conseil Suprême* (франц.) — Верховный совет; имеется в виду Верховный военный совет стран Антанты.

⁶ *Coup de théâtre* (франц.) — сценическая неожиданность, создающая эффект; в переносном смысле — резкая смена событий.

№ 43

Б.А.Бахметев — В.А.Маклакову, 13 августа 1921

¹ *Ужасной вестью о внезапной смерти моей жены* — брак Бахметева с Еленой Михайловной Стринской (по др. данным — Сперанской) был заключен 15(29) июля 1905 г. Она была несколькими месяцами старше Бахметева и скончалась в возрасте 41 года.

² *Предстоящая конференция* — имеется в виду намеченная к проведению в Вашингтоне конференция по ограничению морских вооружений; на конференцию были приглашены «тихоокеанские» державы.

³ *Карпович Михаил Михайлович* (1888—1959) — историк; после окончания в 1914 г. Московского университета — помощник ученого секретаря Московского Исторического музея; с 1915 г. отбывал воинскую повинность в качестве чиновника Военного министерства. В студенческие годы — эсер, затем кадет. В апреле 1917 г. принял предложение Бахметева, хорошо знавшего семью Карповичей еще по Тифлису, стать его личным секретарем и в мае уехал вместе с ним в США. Впоследствии — профессор русской истории Гарвардского университета, редактор эмигрантского «Нового журнала». Был одним из самых близких Бахметеву людей, управляющим основанного им Гуманитарного фонда, после смерти Бахметева — его душеприказчиком.

⁴ *Чичерин Георгий Васильевич* (1872—1936) — член РСДРП с 1905 г. В 1918 — 1930 г. нарком иностранных дел РСФСР, затем СССР.

⁵ 26 июля 1921 г. Г.Гувер, откликаясь на призыв А.М.Горького оказать помощь голодающим в России, в радиограмме на его имя заявил о готовности Американской администрации, возглавляемой им, оказать необходимую помощь. Это было обусловлено немедленным освобождением американцев, содержащихся в тюрьмах в России и предоставлением определенных гарантий для Администрации. 28 июля Советское правительство через А.М.Горького передало ответ, в котором говорилось, что оно находит предложение Гувера «вполне приемлемым, включая и вопрос об освобождении американских граждан». Бахметеву, видимо, еще не было известно, что накануне, 12 августа 1921 г., в «Известиях» было опубликовано за подписью Г.В.Чичерина «Сообщение Народного комиссариата иностранных дел американским гражданам, проживающим в России», в котором «американским гражданам, живущим в различных городах России» объявлялось, что им «предоставляется возможность беспрепятственного выезда из пределов РСФСР». То, что некоторые из этих граждан находились в тюрьмах, не уточнялось.

⁶ *Хувер — Гувер (Hoover) Герберт* (1874—1964) — американский государственный и политический деятель. В 1919—1923 гг. возглавлял «Американскую администрацию помощи» (АРА), много сделавшую для помощи голодающим в России. В 1921—1928 — министр торговли; в 1929—1933 — президент США.

⁷ *Хуверовская организация* — имеется в виду «Американская администрация помощи» (АРА — сокр. от American Relief Administration), созданная в 1919 г. для оказания помощи пострадавшему от войны населению европейских стран.

Об условиях, на которых 20 августа 1920 г. было подписано соглашение между правительством РСФСР и АРА. См.: Документы внешней политики СССР. Т. IV. М., 1960. С. 275—286.

⁸ *Орудие для заграничного употребления* — Бахметев оказался абсолютно прав. В.И.Ленин еще 12 июля 1921 г. писал в Политбюро ЦК РКП(б): «От Кусковой возьмем имя, подпись, пару вагонов от тех, кто ей (и эдаким) сочувствует. Больше ни-че-го...» (Полн. собр. соч. Т. 53. С. 24—25). Уже 27 августа Политбюро приняло решение об аресте членов Всероспомгола, менее двух месяцев спустя после его официальной регистрации (1 июля). Любопытно, что Ленин, лично настоявший на скорейшей ликвидации комитета, мотивировал необходимость его разгона ожидавшимся приездом иностранцев, т.е. сотрудников АРА, в преддверии которого он считал необходимым «очистить» Москву от «Кукишей». Возможно, дополнительную злобу Ленина вызывало участие в комитете Е.Д.Кусковой, автора «Кредо» — наброска, в котором она, еще будучи социал-демократкой, сформулировала некоторые сомнения в постулатах «ортодоксального» марксизма. Ленин откликнулся на «Кредо» из сибирской ссылки «Протестом российских социал-демократов» (1899). Поражает детальность инструкций по ликвидации Всероспомгола, которые он направил 26 августа И.В.Сталину с просьбой показать их членам Политбюро: «Предлагаю: сегодня же... постановлением ВЦИКа распустить "Кукиш" — мотив: их отказ от работы... Назначить для приема денег и ликвидации одного вечекиста. Прокоповича сегодня же арестовать... и продержать месяца три... Остальных членов "Кукиша" тотчас же, сегодня же, выслать из Москвы, разместив по одному в уездных городах по

возможности без железных дорог, под надзор... Напечатаем завтра же пять строк короткого, сухого "правительственного сообщения": распущен за нежелание работать. Газетам дадим директиву: завтра же начать на сотни ладов высмеивать "Кукишей". Баричи, белогвардейцы, хотели прокатиться за границу, не хотели ехать на места... Изю всех сил высмеивать их и травить не реже одного раза в неделю в течение двух месяцев...» (Полн. собр. соч. Т. 53. С. 141—142).

⁹ О *Земско-городском союзе* см. прим. 11 к письму № 28.

Военно-промышленные комитеты, фактически органы российской буржуазии, были созданы в 1915 г. с целью мобилизации промышленности для военных нужд. Вскоре эти организации приобрели по сути политический характер, пытались оказывать давление на правительство и т.п. Характерно, что председатель Земского союза Г.Е. Львов стал впоследствии первым главой Временного правительства, а председатель Центрального Военно-промышленного комитета А.И. Гучков — военным министром в первом составе Временного правительства.

¹⁰ *Im Werden* (нем.) — в периоде становления.

¹¹ *Ответ Гувера Адору — Адор Густав* — швейцарский представитель в Лиге Наций, президент международного Красного Креста.

№ 44

Б.А. Бахметев — В.А. Маклакову, 27—29 августа 1921

¹ *Гуверовский представитель Браун — Уолтер Лириан Браун (Brown)*, директор европейского отделения АРА.

² Любимое детище президента В. Вильсона — Лига Наций, вызвало резкое неприятие его политических оппонентов. США не вступили в Лигу Наций и республиканская администрация всячески дистанцировалась от этой организации.

³ *Любович Е.Л.* — член Российского финансово-торгово-промышленного союза.

⁴ *Так сильно выявилась на последней имперской конференции* — имеется в виду конференция Британского содружества наций.

⁵ *Bluff* (англ.) — блеф.

⁶ *Заслуги Америки в деле защиты русского Дальнего Востока и Китайской Восточной ж.д.* — очевидно, Бахметев имеет в виду отправку американского экспедиционного корпуса на Дальний Восток с целью охраны железнодорожных магистралей, а также противостояние американского правительства японской экспансии на русском Дальнем Востоке и в Сибири. См.: Graves W.S. *America's Siberian Adventure, 1918—1920*. New York, 1921; Foglesong D.S. *America's Secret War Against Bolshevism*. Chapel Hill & London, 1995. P. 143—230.

⁷ *Settlement* (англ.) — урегулирование.

⁸ *Привлечь... Англию... Берлин* — имеются в виду русские эмигрантские организации в Англии и Германии.

⁹ Бахметев приводит высказывание первого президента США Джорджа Вашингтона (Washington) — «никаких обязывающих (запутывающих, связывающих) союзов» (no entangling alliances).

¹⁰ *Русско-Азиатский банк* — в дореволюционной России крупнейший акционерный банк, созданный при участии министерства финансов в 1910 г.; имел 99 отделений в России и 18 за границей. В декабре 1917 г. национализирован. Деятельностью заграничных филиалов после Октябрьской революции руководило Парижское отделение Русско-Азиатского банка во главе с А.И.Путиловым.

¹¹ *Trusteeship* (англ.) — опека, попечительство.

¹² *Угем Сергей Антонович* — с января 1917 г. по 1 мая 1918 г. — уполномоченный Министерства финансов в Русском заготовительном комитете в США и заведующий финансовым отделом комитета; с апреля 1917 г. был причислен к Российскому посольству в Вашингтоне в качестве агента Министерства финансов; с 1 мая 1918 г. по 1 мая 1920 г. — начальник отдела по снабжению при посольстве. Ближайший сотрудник и доверенное лицо Б.А.Бахметева, заменявший посла в случае его длительного отсутствия. Исполнял обязанности поверенного в делах с 3 декабря 1918 г. по 1 августа 1919 г.

¹³ *Tempora mutantur et nos mutamur in illis* (лат.) — времена меняются, и мы меняемся с ними.

№ 45

В.А.Маклаков — Б.А.Бахметеву, 30 августа — 5 сентября 1921

¹ *Клемансо (Clemenceau) Жорж* (1841—1929) — французский политический и государственный деятель, в 1906—1909 и 1917—1920 — премьер-министр (в 1917—1920 — одновременно военный министр).

² «*Свобода*» — русская газета, выходившая в Варшаве, орган Русского политического (эвакуационного) комитета; начала издаваться с июля 1920 г. (с ноября 1921 г. под названием «За свободу!»; просуществовала до апреля 1932). Официальным редактором-издателем был В.А.Злобин, затем В.Н.Рымер, И.И.Мацеевский, А.Н.Домбровский, Е.С.Шевченко. В 1920—1921 гг. в газете постоянно печатались Б.В.Савинков, З.Н.Гиппиус, Д.С.Мережковский, Д.В.Философов и др.; газета отстаивала необходимость «активных методов борьбы» против большевизма, включая террор; негативно относилась к монархической эмиграции. См.: Амфитеатров и Савинков: переписка 1923—1924 / Публ. Э.Гарэтто, А.И.Добкина, Д.И.Зубарева // Минувшее. М.; СПб., 1993. С. 115.

³ *Bonnet blanc, blanc bonnet* (франц.) — «колпак белый, белый колпак».

⁴ *Кишкин Николай Михайлович* (1864—1930) — по образованию врач; член ЦК партии кадетов с момента ее основания; в 1907—1914 гг. — товарищ председателя партии, лидер ее Московского комитета; после начала I мировой войны — один из организаторов Всероссийского союза городов. С сентября 1917 г. — министр государственного призрения во Временном правительстве. 25 октября 1917 г. назначен генерал-губернатором Петрограда. Арестован вместе с другими министрами и заключен в Петропавловскую крепость, освобожден весной 1918. Принимал участие в организации и деятельности Союза Возрождения России, затем Тактического центра, неоднократно арестовывался. Организовал в Москве, совместно с Е.Д.Кусковой, Лигу спасения детей для организации приютов для беспризорных. Умер в СССР.

⁵ *Mutatis mutandis* (лат.) — изменить то, что надо изменить.

6 *Нуланс (Noulens) Жозеф* (1864–1939) — французский государственный и политический деятель, дипломат; в 1913–1914 гг. — военный министр, в 1914–1915 — министр финансов; в 1917–1918 — посол Франции в России. Нуланс был назначен председателем международной комиссии, созданной по решению Верховного совета союзников, обсуждавшего проблему помощи России 10 августа 1921 г. в Париже, «для выяснения возможности оказать помощь голодающему населению России».

7 *Фесаль-паша — Фейсал I (Файсал I)* (1883–1933) — арабский политический и государственный деятель, из династии Хашимитов. В 1918–1920 гг. возглавлял арабскую администрацию Сирии, освобожденной от власти Турции, в марте 1920 г. был провозглашен королем; после оккупации Сирии Францией в июле 1920 г. был изгнан из страны. В августе 1921 г. по указанию английских колониальных властей был провозглашен королем Ирака, что, естественно, выглядело вызовом французам.

8 *Бертело (Berthelot) Филипп* (1866–?) — дипломат, сын знаменитого химика; в описываемое время генеральный секретарь Министерства иностранных дел Франции.

9 *Хорват Дмитрий Леонидович* (1858–1937) — генерал-лейтенант, в 1902–1918 — управляющий Китайско-Восточной железной дорогой; в июле 1918 образовал свое правительство (Деловой кабинет) и во Владивостоке объявил себя верховным российским правителем; в октябре 1918 г. признал власть Временного Сибирского правительства П.В.Вологодского и был назначен верховным уполномоченным этого правительства на Дальнем Востоке; после прихода к власти в Омске А.В.Колчака в ноябре 1918 г. признал его Верховным правителем и стал его верховным уполномоченным в Маньчжурии. Утратил реальную власть в Харбине в марте 1920 г. Остался в Китае.

10 *Меркулов превратился в Колесникова, Колесников в Иванова* — Маклаков пишет о переменах в составе Временного Приамурского правительства, происходивших в конце августа — начале сентября; пост министра иностранных дел занял В.С.Колесников, премьер-министра и министра внутренних дел политический деятель консервативной ориентации, юрист Василий Федорович Иванов. Братья Меркуловы сохранили, несмотря на эти изменения, реальную власть в своих руках.

11 *Ключевский Василий Осипович* (1841–1911) — русский историк, профессор Московского университета.

12 *Карамзин Николай Михайлович* (1766–1826) — русский писатель и историк, автор «Истории государства российского» (т. 1–12), создатель современного русского литературного языка.

13 *Киреевский Петр Васильевич* (1808–1856) — фольклорист, и *Аксаков Константин Сергеевич* (1817–1860) — публицист, поэт и историк — идеологи славянофильства.

14 *Железная дивизия, которой командовал тогда Деникин* — генерал А.И.Деникин командовал 4-й стрелковой («Железной») бригадой, развернутой в 1915 г. в дивизию, с сентября 1914 по сентябрь 1916 г. Дивизия воевала на Юго-Западном фронте.

15 *Корнилов Лавер Георгиевич* (1870–1918) — генерал от инфантерии; в 1914–1915 гг. начальник 48-й пехотной дивизии. В апреле 1915 г. его дивизия была разгромлена, а сам Корнилов попал в плен. В 1916 г. бежал. В 1917 г. в течение полугода прошел путь от командира корпуса до Верховного главнокомандующего; в августе 1917 г. после выступления против Временного правительства арестован и заключен в тюрьму. В конце 1917 г. — один из зачинателей белого движения, первый коман-

дующий Добровольческой армией. Убит в апреле 1918 г. под Екатеринодаром.

¹⁶ *Розанов Василий Васильевич* (1856—1919) — русский публицист и философ; Маклаков упоминает его книгу «Когда начальство ушло... 1905—1906 гг.: Сборник статей». СПб., 1910.

¹⁷ Противопоставляя Удавищенко генералу А.А.Брусилову, Маклаков подразумевает политику заигрывания с солдатскими комитетами, которую проводил Брусилов, будучи Главнокомандующим в мае—июле 1917 г.

¹⁸ *Карташев Антон Владимирович* (1875—1960) — историк русской церкви и политический деятель; в 1906—1917 — профессор Высших (Бестужевских) курсов в Петербурге; с 1909 г. — председатель Религиозно-философского общества. С 1917 — член партии кадетов, входил в ее ЦК. С июля 1917 г. — обер-прокурор Святейшего Синода, после его упразднения в августе 1917 — министр исповеданий во Временном правительстве. С января 1919 г. — в Финляндии, где возглавил Русский комитет (с мая — Политический центр), фактически занимавшийся политическим обеспечением армии Н.Н.Юденича. С 1920 г. — во Франции. В 1921 г. избран председателем Национального комитета. С 1925 г. — профессор Русского богословского института св. Сергия в Париже. Наиболее известная работа Карташева — «Очерки по истории русской церкви». Париж, 1959—1960. Т. 1—2; переизд. М., 1991.

¹⁹ *Петр Великий* (1672—1725) — русский царь (с 1682), российский император (с 1721).

²⁰ *Катков Михаил Никифорович* (1818—1887) — журналист, консервативный публицист, один из вдохновителей контрреформ Александра III.

²¹ *Wo ist der langen Rede kurzer Sinn?* (нем.) — В чем же суть всех этих длинных писаний?

²² *Бурбоны* — имеются в виду французские Бурбоны, королевская династия, занимавшая престол в 1589—1792, 1814—1815 и 1815—1830.

²³ *Союз русского народа* — всероссийская организация черносотенцев, существовавшая в 1905—1917 гг.

²⁴ Возможно, имеются в виду статьи А.Гуровича «Реакция и крестьянство» (Последние новости. 1921. 27 июля; 3 августа) и «Сущность разногласий» (Последние новости. 1921. 9 августа).

²⁵ *Шингарев Андрей Иванович* (1869—1918) — врач, земский деятель, один из лидеров партии кадетов, член ее ЦК с 1908 г.; депутат II—IV Государственных дум. Министр продовольствия в первом составе Временного правительства, министр финансов в мае—июле 1917 г. Арестован 28 ноября 1917 г. в день предполагаемого открытия Учредительного собрания и заключен в Петропавловскую крепость. В ночь с 6 на 7 января 1918 г. был убит в Мариинской тюремной больнице революционными матросами и красногвардейцами.

²⁶ Маклаков первоначально поступил на естественный факультет Московского университета, однако вскоре перешел на историко-филологический. После окончания исторического факультета он за год прошел курс юридического и, успешно сдав выпускные экзамены, посвятил себя адвокатуре.

²⁷ *Рейхенгалль* — имеется в виду съезд монархистов в Рейхенгалле (Германия), состоявшийся в мае 1921 г. На съезде был избран Высший монархический совет во главе с крайне правым Н.Е.Марковым 2-м.

²⁸ *Пугачев Емельян Иванович* (1740, по др. данным, 1742—1775) — предводитель Крестьянской войны 1773—1775 гг. в России.

²⁹ *Менделеев... в своих «Заветных мыслях»* — Менделеев Дмитрий Иванович (1834—1907) — великий ученый-химик; общественный деятель. Его книга «Заветные мысли», посвященная проблемам экономического и общественного развития России, впервые была опубликована в 1905 г. (переизд. М., 1995).

³⁰ *Шишов Дмитрий Николаевич* (1851—1920) — лидер земского либерализма в конце XIX — начале XX в., председатель Московской земской губернской управы в 1893—1904 гг.; в 1905—1906 гг. председатель ЦК Союза 17 октября, с 1906 г. член Партии мирного обновления, с 1907 г. председатель ее ЦК; в 1906—1909 гг. член Государственного Совета по выборам. В декабре 1919 г. арестован ВЧК по делу Национального центра, умер в тюрьме.

³¹ «*Руль*» — ежедневная газета правокадетского направления, выходила в Берлине с ноября 1920 по октябрь 1931 под ред. И.В.Гессена, А.И.Каминки, В.Д.Набокова (до марта 1922 г.).

³² *Докладывал закон 5 октября и для собственного удовольствия написал проект*, прочитанный в двух юридических обществах Москвы и Петрограда, как безболезненно ликвидировать аграрное крестьянское законодательство — закон от 5 октября 1906 г. был проведен П.А.Столыпиным в порядке 87 ст. Основных законов, т.е. в период перерыва в заседаниях законодательных учреждений. Закон был направлен на уравнивание крестьянства в правах с другими сословиями России, он снимал ограничения с передвижений крестьян и лишал общину права препятствовать выходу из нее; земские начальники лишались права подвергать крестьян телесному наказанию. Когда в 1916 г. Прогрессивный блок, по словам Маклакова, «для рекламы» решил включить в повестку дня правительственный законопроект о крестьянском равноправии, внесенный в Думу еще в 1907 г. в замену положению, проведенному в чрезвычайном порядке, Маклаков был назначен докладчиком. Он отнесся к делу с увлечением, внес ряд поправок, направленных на дальнейшую ликвидацию остатков крестьянского неравноправия в правительственный законопроект, выступил с докладами по крестьянскому вопросу в Петербургском и Московском юридических обществах (опубликован в «Вестнике гражданского права» в декабре 1916 и январе 1917 г.). См.: Маклаков В.А. Из воспоминаний. Нью-Йорк, 1954. С. 364—369.

³³ *Маркс (Marx) Карл* (1818—1883) — экономист и философ, основоположник «научного социализма».

³⁴ *Tout court* (франц.) — короче говоря, вкратце.

³⁵ *Жест Бубликова* — имеется в виду рукопожатие, которым А.А.Бубликов как представитель буржуазии, обменялся с социал-демократом (меньшевиком), одним из руководителей Петроградского совета рабочих депутатов И.Г.Церетели во время Московского государственного совещания в августе 1917 г.

³⁶ *Герценштейн Михаил Яковлевич* (1859—1906) — экономист, профессор Московского сельскохозяйственного института, один из авторов аграрной программы партии кадетов, депутат I Государственной Думы. Убит черносотенцами.

³⁷ *Quand même* (франц.) — все-таки.

38 *Фемистокл* (ок. 525 — ок. 460 до н.э.) — афинский государственный деятель и полководец, благодаря хитроумному плану которого греческий флот в сражении у острова Саламин 28 (или 27) сентября 480 г. до н.э. разбил вдвое его превосходивший персидский.

39 *Манухин Иван Иванович* (1882—1958) — известный врач, доктор медицины; мемуарист. Был лечащим врачом А.М.Горького, многих других видных деятелей эпохи, в том числе лидеров большевиков. В 1917 г. — врач при Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства; после Октябрьского переворота продолжал выполнять функции врача при заключенных в Петропавловской крепости как представитель Политического Красного Креста, способствовал освобождению многих политзаключенных. С 1920 г. в эмиграции. См. его «Воспоминания о 1917—18 гг.» // Новый журнал. 1958. Кн. 54. С. 97—116.

40 *Людовик XVI* (1754—1794) — король Франции в 1774—1793 гг. Казнен по приговору Конвента.

41 *Жирондисты* — одна из политических группировок, фактически партия эпохи Великой Французской революции; находилась у власти в апреле-июне и с августа 1792 г.; после отстранения их от власти в результате восстания 31 мая — 2 июня и ее перехода в руки якобинцев жирондисты подверглись жестоким преследованиям.

42 *Дантон (Danton) Жорж* (1759—1794) — деятель Великой Французской революции, лидер правого крыла якобинцев. Казнен по приговору Революционного трибунала.

43 *Робеспьер (Robespierre) Максимилиан* (1758—1794) — деятель Великой Французской революции, один из вождей якобинцев. Казнен после термидорианского переворота.

44 *Бисмарк (Bismark) Отто* (1815—1890) — князь, политический деятель и дипломат; провел объединение Германии под главенством Пруссии; в 1871—1890 — канцлер Германской империи.

45 *Виноградов Павел Гаврилович* (1854—1925) — выдающийся историк-медиевист, профессор Московского университета с 1884 г., профессор Оксфордского университета с 1903 г.

46 *Вильгельм I Завоеватель* (1027 или 1028—1087) — герцог Нормандии с 1035; в 1066 г. высадился на побережье Англии и в битве при Гастингсе 14 октября 1066 г. разбил войско англо-саксонского короля Гарольда. Гарольд был убит в бою.

47 *Гурко, которого посадили в тюрьму за одно письмо* — генерал В.И.Гурко был арестован 21 июля 1917 г. за переписку с Николаем II и заключен в Петропавловскую крепость; в сентябре 1917 г. по решению Временного правительства выслан за границу через Архангельск.

48 Имеется в виду Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства для расследования противозаконных действий бывших министров, главноуправляющих, высших должностных лиц армии и флота. Работала с марта по октябрь 1917 г. Председателем комиссии был известный московский адвокат *Николай Константинович Муравьев* (1870—1936). Материалы деятельности комиссии опубликованы в кн.: Падение царского режима. Т. 1—7. Л.; М., 1924—1927.

49 *Щегловитская власть* — *Щегловитов Иван Григорьевич* (1861—1918) — действительный тайный советник, статс-секретарь, сенатор. В 1906—1915 — министр юстиции, с 1907 г. — член Государственного Совета, в январе—феврале 1917 г. его председатель. Начав свою деятельность на юридическом поприще как либерал, стремившийся отстаивать дух и букву закона, по мере развития своей карьеры перешел к политике

подчинения законов «государственным интересам», не стесняясь произвольным их толкованием; приобрел репутацию реакционера, покровительствовал черносотенному Союзу русского народа. После Февральской революции заключен в Петропавловскую крепость; расстрелян 5 сентября 1918 г. в порядке «красного террора».

⁵⁰ *Риттих Александр Александрович* (1868—1930) — тайный советник, гофмейстер, сенатор (1916); с 1905 г. занимал различные посты в Главном управлении землеустройства и земледелия (с октября 1915 г. — Министерство земледелия); с 12 января 1917 г. министр земледелия. Резко критиковавший его политику А.И.Шингарев, сменив Риттиха на посту министра после Февральской революции, по сути дела не внес в нее существенных изменений.

⁵¹ *Malgré eux* (франц.) — несмотря на их [намерения].

⁵² Имеется в виду революция 1848 г. во Франции.

⁵³ *Рошфор (Roshafort) Анри* (1830 или 1831—1913) — французский публицист и политический деятель; видный республиканец в 1850—1860-х гг., в период второй империи Рошфор в сентябре 1870 г. был включен в состав «правительства национальной обороны», но активной роли не играл и 31 октября 1870 г. вышел из его состава. Во время Парижской коммуны критиковал версальцев, но не поддерживал и коммунаров.

⁵⁴ *Qua mini* (лат.) — как меньшее [зло].

⁵⁵ Очевидно, Маклаков ссылается на посвященный Великой французской революции главный исторический труд И.Тэна — «Происхождение современной Франции». Т. 1—3. 1876—1893. Рус. пер. Т. 1—5. СПб., 1907.

⁵⁶ Статья П.Б.Струве «Оздоровление власти» была опубликована в журнале «Русская мысль». 1914. № 1.

⁵⁷ Маклаков имеет в виду свою речь в IV Государственной думе, произнесенную 3 ноября 1916 г. и направленную против правительства, возглавляемого престарелым Б.В.Штюрмером (1838—1917).

⁵⁸ После блестящей речи 12 марта 1907 г., направленной против использования военно-полевых судов в мирное время, Маклаков, по словам его биографа Г.В.Адамовича, «как Байрон после появления первой песни Чайльд Гарольда, на следующее утро проснулся знаменитостью» // Адамович Г.В. Василий Алексеевич Маклаков. Политик, юрист, человек. Париж, 1959. С. 157.

⁵⁹ *Гредескул Николай Андреевич* (1864—?) — юрист, политический деятель и публицист. Профессор гражданского права Харьковского университета, затем Петербургского политехнического института; в 1906—1916 гг. — член ЦК партии кадетов; в 1916 г. вышел из партии; Товарищ председателя I Государственной думы. В 1917 г. выступал против большевиков, однако в 1920 г. уже выступил за признание советской власти и в 1921 г. вошел в Группу красной профессуры.

⁶⁰ *Ольденбург Сергей Федорович* (1863—1934) — ученый-востоковед, академик (1900), в 1904—1929 — непререкаемый секретарь Российской Академии наук. Член партии кадетов, депутат IV Государственной думы, член Гос. совета от академической курии. После захвата власти большевиками Академия наук при участии Ольденбурга приняла резолюцию с осуждением большевистского переворота. Однако поняв, что новая власть заинтересована в работе Академии и готова оказать ей поддержку, Ольденбург пошел на сотрудничество с нею; на его отношении к больше-

викам, по-видимому, серьезно не отразился даже его краткосрочный арест в сентябре 1919 г. Впоследствии был вынужден оставить свой пост в связи с так называемым «Академическим делом» (дело С.Ф.Платонова и др.), приведшим к ликвидации достаточно призрачной академической автономии.

⁶¹ Приписка от руки печатается по оригиналу, находящемуся в Бахметевском архиве.

⁶² *Noblesse oblige* (франц.) — происхождение обязывает.

⁶³ *Кривошеин, который плакал от унижения России во время Боснийского кризиса* — имеется в виду международный кризис в связи с аннексией Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины в 1908 г. Россия, поначалу резко протестовавшая против действий Австро-Венгрии, была вынуждена санкционировать австрийский захват после ультиматума, предъявленного Германией 21 марта 1909 г.

⁶⁴ *Атака 18 июня* — имеется в виду наступление русской армии 18 июня 1917 г.

⁶⁵ *Германская ориентация Милюкова* — имеются в виду попытки П.Н.Милюкова летом 1918 г., когда он считал победу Германии в войне определившейся, вступить в Киеве в переговоры с германскими представителями о содействии Германии в борьбе против большевиков.

⁶⁶ *Горький о том, что народ создал Пушкина — Горький (Пешков) Алексей Максимович (1868—1936)* — русский писатель; свой взгляд на роль А.С.Пушкина, противоположный горьковскому, Маклаков сформулировал позднее в блистательной речи «Русская культура и Пушкин», произнесенной в Сорбонне 6 июня 1926 г. на празднике по поводу «Дня русской культуры», приуроченному к дню рождения Пушкина. См.: Маклаков В.А. Речи. Париж, 1949.

⁶⁷ *Николай Николаевич (1856—1929)* — великий князь, внук императора Николая I, двоюродный дядя императора Николая II, генерал от инфантерии. В период Первой мировой войны — Верховный Главнокомандующий в 1914—1915 и 2—9 марта 1917 г. В 1915—1917 гг. — командующий Кавказским фронтом. В эмиграции — во Франции.

⁶⁸ *Гизо (Guizot) Франсуа Пьер Гийом (1787—1874)* — французский историк и политический деятель; в 1830, 1832—1837, 1840—1847 неоднократно занимал различные министерские посты, в 1847—1848 — премьер-министр Франции; после революции 1848 г. — в эмиграции в Англии;

Enrichissez-vous! (франц.) — обогащайтесь!

№ 46

В.А.Маклаков — Б.А.Бахметеву, 8 сентября 1921

¹ Московский комитет, т.е. Всероссийский комитет помощи голодающим, был ликвидирован властями 27 августа 1921 г., причем вечером этого дня было арестовано около 100 членов комитета. См. подробнее: Геллер М. «Первое предостережение» — удар хлыстом // Вопросы философии. 1990. № 9. С. 37—66; Ликвидация ВСЕРПОМГОЛА: письма Е.Д.Кусковой и В.Н.Фигнер. 1921—1922 гг. / Публ. Я.В.Леонтьева // Русское прошлое. Вып. 4. СПб., 1993. С. 330—342.

² *Скобелев Матвей Иванович* (1885—1938) — социал-демократ, меньшевик; депутат IV Государственной думы. Во время Февральской революции — один из организаторов Петроградского совета, был избран товарищем его председателя, затем членом бюро исполкома; в мае—августе 1917 г. — министр труда во Временном правительстве. Выступил против Октябрьской революции; в знак протеста против переговоров с большевиками вышел 1 ноября 1917 г. из ЦК РСДРП (объединенной). Депутат Учредительного собрания. После разгона Учредительного собрания уехал в Закавказье, в 1920 г. — в Париж. Способствовал установлению торговых отношений между СССР и Францией. В 1922 г. вступил в РКП (б). С 1925 г. в Москве, на советской работе. В 1938 г. по обвинению в участии в террористической организации по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР расстрелян.

³ *Перетти де ля Рокка (Peretti), Эммануэль* (1870—1958) — французский дипломат, в 1921—1924 руководитель департамента МИД по политическим и торговым вопросам.

⁴ *Анкетная комиссия* — см. прим. 6 к письму № 45.

⁵ Протоколом от 4 июня 1921 г., подписанным в ходе поездки в Вашингтон Главноуполномоченного по финансово-экономическим делам и управляющего делами Финансового совета В.И.Новицкого, был установлен порядок распоряжения российскими государственными средствами, находившимися под контролем Б.А.Бахметева и С.А.Угета и переведившимися ими в Европу.

⁶ *Сувчинский Б.К.* — помощник Главноуполномоченного по финансово-экономическим делам.

№ 47

Б.А.Бахметев — В.А.Маклакову, 8 сентября 1921

¹ *Национальный фонд* — речь идет о специальном фонде, образованном по решению Совещания послов и финансовых агентов из части государственных сумм, находящихся в их распоряжении, для передачи правительству, которое придет на смену большевикам. Фонд был сформирован за счет сумм, полученных от реализации остатков золотого запаса (так называемое «колчаковское золото») и находившихся в распоряжении Угета и Бахметева (130.300 ф. ст.); 60.000 ф. ст. выделили держатели российских государственных средств в Европе.

№ 48

В.А.Маклаков — Б.А.Бахметеву, 9 сентября 1921

¹ Речь идет о письмах от 30 августа — 5 сентября и 8 сентября.

² *Одинец Дмитрий Михайлович* (1883—1950?) — историк и публицист; украинский политический деятель, министр в правительстве С.В.Петлюры; был начальником управления по делам интернированных Русского эвакуационного комитета, затем Ликвидационной комиссии по делам Русского эвакуационного комитета в Польше, возглавлявшимися Б.В.Савинковым. Затем во Франции, где был профессором Сорбонны и Русского народного университета, в 1925—1940 возглавлял Тургеневскую библиотеку в Париже. После войны примкнул к «советским патриотам»,

в марте 1948 депортирован в советскую зону оккупации Германии, в 1948—1950 в СССР, где преподавал на историческом факультете Казанского университета.

³ *Тыркова (Вильямс) Ариадна Владимировна* (1869—1962) — член ЦК партии кадетов с 1906 г., публицистка и писательница, активистка феминистского движения. После Октябрьской революции участвовала в организации сопротивления новой власти и переправке людей на Дон, где шло формирование Добровольческой армии. С весны 1918 г. — в Англии; весной 1919 вместе с мужем, корреспондентом английских газет Г. Вильямсом — при армии Деникина; участвовала в работе отдела пропаганды. После разгрома деникинских войск — снова в Англии. Состояла в переписке с Маклаковым и его сестрой, а также с Бахметевым до 1950-х годов (с длительными перерывами).

⁴ *Азеф (Азев) Евно Фишелевич* (1869—1918) — член ЦК партии социалистов-революционеров, с 1903 г. глава ее Боевой организации, руководитель подготовки ряда террористических актов, в том числе убийства министра внутренних дел В.К. Плеве и великого князя Сергея Александровича; одновременно с 1893 г. — платный агент полиции, выдавший десятки революционеров. Разоблачен в 1908 г. В.Л. Бурцевым. Имя Азефа стало символом провокации.

Указатель имен

- Абрикосов Д.И. — 36
Авксентьев Н.Д. — 58, 80, 280, 282, 351, 352, 363, 364, 366, 367, 387, 536, 539, 541
Адамович Г.В. — 19, 20, 88, 89, 92, 494, 523, 528, 539, 541, 556
Аджемов М.С. — 181, 506
Адор Г. — 428, 510, 550
Азеф Е.Ф. — 487, 559
Аксаков К.С. — 96, 450, 546, 552
Алданов М.А. — 11, 22, 88, 89, 91
Александр III — 553
Александров Б. — см. Бахметев Б.А.
Александров С.А. — 79
Алексеев М.В. — 49, 57, 58, 494, 521
Алексинский Г.А. — 377, 541, 546
Альперин А.С. — 90
Амфитеатров А.В. — 551
Антонов А.С. — 368, 539
Апухтин А.Н. — 546
Арцимович В.А. — 546
Астров Н.И. — 128
Ататюрк (Atatürk) Мустафа Кемаль — 286, 529
Базили Н.А. де — 47
Байрон (Byron) Д. — 20, 556
Балахович — см. Булак-Балахович С.Н.
Барнард (Bernard) Л. — 5
Бартелими (Barthelemy) Ж.-Ж. — 489
Барту (Barthou) Л. — 12, 16, 25
Барух (Baruch) Б. — 84
Батлер (Butler) Н.М. — 534
Батолин П.П. — 130, 496
Батюшин Н.С. — 521
Бах Г.Г. — 116, 236, 238, 318, 491
Бахметев Б.А. — 6, 12—18, 22, 25—46, 49—59, 63—71, 73—86, 96—112, 114—118, 122, 126, 131, 133, 134, 147, 149, 150, 160, 165, 171, 179, 180, 182, 183, 195—197, 204, 210, 215, 219, 225, 226, 239, 265, 273, 274, 276, 283, 294, 317, 319, 321, 323, 324, 335, 336, 370—373, 377, 382, 388, 390, 410, 420, 425, 431, 438, 480, 485, 489—492, 495, 500—507, 509, 512—516, 519, 522, 526, 527, 529, 530, 533—536, 538, 540—542, 544, 546—552, 557—559
Бахметев Г.П. — 34, 40, 41, 46
Бахметьев А.П. — 26
Башкиров В.Н. — 407, 545
Бейлис М. — 14, 20, 21, 538
Берлин П.А. — 90
Бермонт (Бермонт-Авалов П.Р.) — 203, 511
Бернацкий В.М. — 541
Бернацкий М.В. — 128, 137, 138, 205, 232, 234, 249, 251, 306, 359, 372, 384, 496, 522, 540, 541
Бертело (Berthelot) Ф. — 444, 552
Берти (Bertie) Ф.Л. — 47, 48, 50
Билимович А.Д. — 143, 500
Биллик — 210
Бискупский В.В. — 203, 511
Бисмарк (Bismark) О. — 469, 555
Блюхер В.К. — 530
Бобосухов — 139, 499
Боголепов Н.П. — 19
Богомолов А.Е. — 89
Болдырев В.Г. — 515
Бора (Borah) У. — 81, 82
Борисов В. — 26
Бородин Н.А. — 36
Бортневский В.Г. — 498
Боткин С.Д. — 76
Брайкевич М.В. — 542
Браун (Brown) У.Л. — 432, 550
Бредов Н.Э. — 200, 203, 511
Брешко-Брешковская Е.К. — 67, 78
Бриан (Briand) А. — 337—340, 349, 371, 403, 444, 481, 536, 537
Бриггс (Briggs) Ч. — 138, 498
Бристоль (Bristol) М. — 274, 527, 534
Брусиллов А.А. — 217, 452, 513, 514, 553
Бубликов А.А. — 117, 320, 336, 463, 492, 554
Буденный С.М. — 497
Будницкий О.В. — 6, 13, 15, 19—22, 63, 99, 100, 522
Булак-Балахович С.Н. — 260, 264, 277, 295, 307, 368, 524, 540
Булатов (Bulatoff) Р. — 5, 6
Булгаков С.Н. — 20, 103, 256, 257, 521, 523, 524
Бунаков (Фондаминский) И.И. — 92, 280, 528
Бунин И.А. — 11, 86, 88, 112
Бурбоны — 453, 454, 553
Бурцев В.Л. — 68, 197, 247, 320, 336, 351, 352, 372—374, 387, 418, 439, 479, 510, 520, 533, 536, 546, 547, 559
Быч Л.Л. — 146, 500
Валентинов (Вольский) Н.В. — 11, 86, 92
Валленштейн (Wallenstein) А. — 155, 501
Вандерлип (Vanderlip) Б.В. — 281, 285, 528
Вашингтон (Washington) Дж. — 437, 550
Вейган (Wegand) М. — 230, 270, 517, 526
Вернадский Г.В. — 86

- Верховская-Данлоп О. — 6
 Вивиани (Viviani) Р. — 24, 34, 371, 382, 402, 540
 Вилейкис (Вилейшис) (Vileisis) Й. — 399, 545
 Вильгельм I Завоеватель — 470, 555
 Вильсон (Wilson) В. — 16, 40, 43, 49—51, 53—57, 60, 70, 71, 285, 290, 330, 399, 400, 402, 495, 501, 502, 506, 516, 526, 529, 550
 Вильямс Г. — 559
 Винавер М.М. — 95, 278, 280, 318, 363, 364, 527, 536
 Виноград П.Г. — 19, 470, 555
 Витте С.Ю. — 28, 93, 405, 455, 492, 498, 545
 Вишняк М.В. — 23, 90, 93—96
 Вологодский П.В. — 552
 Вольф (Wolf) Л. — 65
 Востоков В.И. — 254, 257, 522, 524
 Восторгов И.И. — 254, 258, 523
 Врангель М.Д. — 88
 Врангель П.Н. — 18, 59, 68, 76—78, 98, 103, 197, 203—208, 216—219, 221, 226—231, 234—236, 238—249, 251—267, 271, 274, 276—284, 295—299, 306, 307, 321, 322, 324, 336, 345, 353, 357, 359, 364, 366, 367, 374, 377, 381, 382, 387, 405, 414, 461, 464, 493, 496, 497, 510, 512—514, 515, 518, 520—525, 530, 531, 533, 539, 541—543, 546, 547
 Второв Б.Н. — 499
 Второв Н.А. — 499
 Второвы — 139, 499
 Вырубов В.В. — 121, 305, 370, 371, 378, 494
 Гагарин М.А. — 181, 506
 Ганелин Р.Ш. — 25, 26, 53
 Гардинг (Хардинг, Хартвиг) (Harding) У. — 83, 112, 261, 284, 331, 400, 435, 524, 529
 Гарольд II — 470, 555
 Гарэтто Э. — 551
 Гвишиани Л. — 501, 529
 Гейден П.А. — 94
 Геллер М. — 557
 Генрих V — 513
 Георг V — 206, 429, 444, 513
 Гермониус Э.К. — 69, 73
 Герцен А.И. — 101, 111
 Герценштейн М.Я. — 465, 554
 Гершензон М.О. — 103
 Гессен И.В. — 554
 Гизо (Guizot) Ф. — 478, 557
 Гиппиус З.Н. — 532, 551
 Гирс М.Н. — 45—47, 58, 78, 96, 121, 132, 222, 225, 230, 264, 284, 290, 336, 358, 360, 362, 363, 374, 383, 384, 483, 484, 494, 540
 Глинка Г.В. — 245, 520
 Гольдман (Goldman) Э. — 125, 495
 Гольдштейн М.Л. — 526, 533
 Гольц (Goltz) Р. фон дер — 511
 Гомперс (Gompers) С. — 395, 544
 Гоппер С.В. — 118, 493
 Горлов В.М. — 230, 517
 Горький А.М. — 477, 549, 555, 557
 Грабский (Grabski) В. — 229, 517
 Гредескул Н.А. — 473, 556
 Грейвс (Graves) В. — 82
 Грондайс (Grondijs) Л. — 218, 514
 Гронский П.П. — 184, 507
 Гувер (Хувер) (Hoover) Г. — 15, 18, 100, 103, 428—432, 442, 482—485, 548—551
 Гулькевич К.Н. — 58
 Гуревич — см. — Гурович А.
 Гурко (Ромейко-Гурко) Вас. И. — 193, 471, 508, 555
 Гурко Вл.И. — 388, 417, 424, 434, 462, 463, 543
 Гурович А. — 454, 553
 Гучков А.И. — 31—33, 103, 304, 326, 377, 424, 464, 473, 531, 541, 545, 546, 550
 Даниелсон (Danielson) Е. — 5
 Данилов Ю.Н. — 302, 377, 531
 Данлоп (Dunlop) О. — 5
 Дантон (Danton) Ж. — 469, 555
 Дедович Б.Н. — 6
 Делович Т.Д. — 6
 Деканозов В.Г. — 89
 Демидов И.П. — 96
 Деникин А.И. — 23, 57—59, 62, 63, 67—69, 71—73, 75, 77, 80, 98, 118, 119, 123, 127—130, 133—138, 140, 143—146, 155, 158, 159, 164, 166, 169, 172, 180, 184, 186, 187, 190, 193, 197, 199, 200, 204—208, 216, 217, 227, 229, 231—234, 239—241, 243—245, 247—250, 253—254, 258, 277, 386, 406, 411, 450, 455, 461, 489—494, 496—499, 503, 507, 510—514, 518, 520, 522, 533, 539, 542, 552, 559
 Деникина К.В. — 65—68
 Денисов Н.Х. — 250, 280, 305, 326, 430, 435, 521
 Дешанель (Deschanel) П. — 195, 509
 Джекобс (Jacobs) Д. — 5, 6
 Добкин А.И. — 551
 Долгополов Н.С. — 58, 234, 518
 Долгоруков Павел Д. — 546
 Домбровский А.Н. — 551
 Достоевский Ф.М. — 112
 Драгомиров А.М. — 118, 493, 512, 527
 Дубровин А.И. — 407, 545
 Думенко Б.М. — 497
 Думова Н.Г. — 23

- Духонин Н.Н. — 494
 Дэвис (Davies) Д. — 19
 Дэвис (Daveis) Н. — 74, 83, 275, 332, 527
 Дюррант Дж. С. — 532
 Евлогий, митрополит — 88
 Екатерина II — 202, 511
 Ефремов И.Н. — 46, 58
 Жавно — 122
 Жувенель (Jouvenel) А. де — 344, 538
 Завойко В.С. — 156, 501
 Зак А.И. — 320, 534
 Замен К.Е. фон — 184, 506, 539
 Замысловский Г.Г. — 354, 538
 Зеелер В.Ф. — 381, 542
 Зензинов В.М. — 536
 Злобин В.А. — 551
 Зубарев Д.И. — 551
 Иванов Б.Ю. — 5
 Иванов В.Ф. — 446, 552
 Иванов С.А. — 58
 Иванов (Стихарев) Ф.А. — 389, 543
 Игнатъев П.Н. — 86
 Извольский А.П. — 58
 Ионеско (Ionescu) Т. — 265, 525
 Иоффе Г.З. — 19, 95
 Ипатьев В.Н. — 309, 310, 532
 Искрицкий М.А. — 541
 Ичас М.М. — 117, 491
 Какурин Н.Е. — 530
 Калабухов А.И. — 497, 498
 Калмыков И.П. — 188, 507
 Камбон (Cambon) Ж.М. — 315, 316, 532
 Камнев Л.Б. — 547
 Каминка А.И. — 554
 Капп' (Kapp) В. — 195, 201, 508, 509
 Карамзин Н.М. — 450, 552
 Карман Т. фон — 85
 Карпенко С.В. — 498
 Карлович М.М. — 29, 68, 86, 93, 94, 426, 548
 Карташев А.В. — 452, 523, 524, 543, 553
 Касьянов — 386
 Катков М.Н. — 453, 553
 Катон Старший (Марк Порций Катон) (Marcus Porcius Cato Maior) — 180, 505
 Кедрин Е.И. — 541
 Кельчевский А.К. — 525
 Кемаль-паша — см. Ататюрк М.К.
 Кеннан (Kennan) Д. — 52
 Керенский А.Ф. — 11, 22, 41, 44, 59, 67—68, 70, 78, 86, 92, 96, 101, 190, 194, 244, 247, 259, 277, 295, 348, 354, 364, 366, 367, 439, 465, 468, 469, 475, 477, 508, 536
 Керзон (Curzon) Д.Н. — 505
 Кизеветтер А.А. — 11
 Киллен (Killen) Л. — 52, 53, 71
 Киреевский П.В. — 450, 471, 552
 Кирей В.Ф. — 364, 539
 Кистяковский И.А. — 302, 531
 Кишкин Н.М. — 440, 483, 547, 548, 551
 Клемансо (Clemenceau) Ж. — 47, 49, 67, 439, 502, 551
 Климович Е.К. — 247, 248, 520, 521
 Ключевский В.О. — 19, 449, 552
 Коковцов В.Н. — 58, 87
 Кокошкин Ф.Ф. — 22
 Колби (Colby) Б. — 54, 74, 270, 291, 321, 331—333, 516, 526, 530, 535
 Колесников В.С. — 407, 446, 545, 552
 Колчак А.В. — 57—62, 64, 66, 69—71, 73, 77, 80, 115, 119—121, 123—125, 129, 155, 156, 158, 159, 164, 166, 169, 172, 184, 190, 197, 200, 206, 208, 216, 217, 224, 258, 277, 282, 298, 322, 327, 366, 445, 455, 489, 529, 531, 538, 539, 547, 552
 Колчак С.Ф. — 322, 534
 Коновалов А.И. — 33, 34, 58, 78, 234, 278, 280, 354, 461, 463, 518, 536, 541
 Корнилов Л.Г. — 23, 450, 453, 455, 477, 478, 491, 492, 501, 552
 Корф С.А. — 285, 319, 320, 529
 Костяковский И. — см. Кистяковский И.А.
 Коул (Cole) М.Х. — 110
 Красин Л.Б. — 75, 76, 129, 158, 187, 213, 218, 236, 237, 326, 329, 361, 481, 482, 486, 496, 505, 513, 514, 534, 544
 Краснов П.Н. — 497, 513
 Краснощеков А.М. — 223, 407, 515
 Кривошеин А.В. — 18, 90, 103, 234, 241—243, 245, 247, 249—253, 257, 259, 278, 279, 475, 517, 518, 522, 557
 Кривошеин И.А. — 90
 Кромвель (Cromwell) О. — 252, 419, 522, 547
 Крыжановский С.Е. — 359, 539
 Кузьмин-Караваев В.Д. — 541
 Кулешов С.В. — 19, 95
 Кускова Е.Д. — 11, 421, 547—549, 551, 557
 Кусонский П.А. — 546
 Кутепов А.П. — 546
 Кутузов М.И. — 297, 530
 Кушнарев И.Г. — 515
 Лазо С.Г. — 515
 Лансинг (Lansing) Р. — 40, 41, 44, 48, 54, 55, 71, 74, 183, 398, 506
 Лафон Э. — 238, 518
 Лебедев В.А. — 138, 498
 Лебедев В.И. — 526
 Левицкий М.Ф. — 369, 540
 Ледницкий А.Р. — 19
 Лейг (Leygues) Ж.-К. — 315, 533

- Ленин В.И. — 44, 48, 53, 54, 67, 75, 76, 152, 156, 168, 175, 195, 282, 286, 329—331, 333, 334, 347, 348, 360, 388, 413, 415, 419, 421, 430, 470, 473, 482, 483, 486, 495, 501, 510, 528, 529, 538, 541, 543, 547, 549
- Леонтьев Я.В. — 557
- Лефевр — 230
- Лефлок (LeFloc'h) М. — 5, 6
- Лжедмитрий I — 211, 513
- Лианозов С.Г. — 280, 528
- Либкнехт (Liebknecht) К. — 511
- Лиденхэм (Leadenham) К. — 5, 6
- Линк (Link) У. — 26, 30, 42, 86, 516
- Линкольн (Lincoln) А. — 176, 505
- Литвинов М.М. — 152, 330, 428, 500, 501, 535
- Ллойд Джордж (Lloyd George) Д. — 74, 130, 157, 179, 193, 218, 238, 295, 310, 326, 329, 330, 339, 341—343, 371, 390, 391, 404, 405, 444, 496, 502, 505, 514, 517, 526, 534, 537
- Ломоносов Ю.П. — 36
- Лонг (Long) Б. — 40, 56, 71, 74, 516
- Лосский Н.О. — 86
- Лукомский А.С. — 128, 138, 496
- Луцкий А.Н. — 515
- Львов Г.Е. — 14, 18, 22, 57—62, 80, 86, 101, 103, 104, 115, 119—121, 234, 247, 304, 305, 307, 321, 355—360, 370, 371, 376, 378, 380, 381, 383—385, 474, 483, 490, 494, 509, 519, 531, 538, 540, 550
- Любович Е.Л. — 433, 550
- Людendorff (Ludendorff) Э. — 508
- Людвик XVI — 469, 555
- Людвик XVII — 500
- Люксембург (Luxemburg) — 511
- Лютвиц (Lüttwitz) — 508
- Макарий, митрополит — 254
- Мак-Кинли (McKinley) У. — 545
- Мак-Колли (McCully) Н. — 219, 514
- Маклаков В.А. — 6, 11—14, 16—25, 42, 45—50, 53, 57—63, 65—69, 72, 75—80, 86—116, 118, 122, 126, 131, 134, 147, 150, 160, 165, 171, 180, 182, 183, 195, 197, 204, 210, 215, 219, 226, 239, 265, 274, 276, 283, 294, 317, 319, 321, 324, 335, 336, 370—372, 377, 382, 390, 410, 420, 425, 431, 438, 480, 485, 489, 490, 492, 494—497, 499, 500, 502—506, 508—510, 512—514, 516, 519—523, 525—527, 529, 530, 533—537, 540—544, 546—554, 556—559
- Маклаков Н.А. — 508
- Маклаков Ю.Н. — 92
- Маклакова М.А. — 92, 490
- Мак-Магон (Mac-Mahon) П. — 513
- Мамонтов (Мамантов) К.К. — 135, 497
- Манжен (Mangin) Ш. — 119, 493
- Маннергейм (Mannerheim) К.Г. — 121, 497
- Манташев А.И. — 528
- Мануйлов А.А. — 142, 499
- Манухин И.И. — 468, 555
- Маркс (2-й) Н.Е. — 367, 407, 460, 539, 554
- Маркотун (Моркотун) С.К. — 232, 262, 263, 517
- Маркс (Марх) К. — 28, 100, 105, 463, 554
- Мартенс Л.К. — 157, 502
- Мартов Ю.О. — 269, 526
- Масарик Т. — 54
- Махно Н.И. — 188, 198, 201, 241, 368, 477, 507, 517, 520
- Мацевский И.И. — 551
- Медведев А.С. — 223, 514, 515
- Мейендорф А.Ф. — 79
- Мельгунов С.П. — 23, 24, 86, 503
- Менделеев Д.И. — 461, 554
- Мережковский Д.С. — 532, 551
- Меринг (Mehring) Ф. — 511
- Меркулов Н.Д. — 543, 545
- Меркулов С.Д. — 446, 543, 545
- Меркуловы, братья — 408, 543, 545, 552
- Миллер Е.К. — 298, 491, 509, 531
- Мильеран (Millerand) А.Э. — 195, 226, 227, 315, 509, 514
- Мильнер (Milner) А. — 48, 268, 526
- Милюков П.Н. — 11, 14, 20, 22, 34, 47, 49, 69, 71, 78—80, 88, 93—96, 99, 103, 197, 206, 214, 240, 259, 321, 334, 352—354, 363, 364, 366, 367, 373, 374, 387, 418, 430, 435, 438, 439, 448, 457—459, 462, 464, 468, 473—476, 490, 494, 509, 522, 526, 527, 536, 543, 557
- Минин Козьма — 188, 507
- Минов О.С. — 536
- Мирабо (Mirabeau) О.Г.Р. — 508
- Мирский Б. — 521, 523
- Михаил Александрович, вел. кн. — 494
- Михайлов И.А. — 489, 490
- Михайловский Г.Н. — 24, 507
- М'Кац — 117
- Могиланский Н.М. — 232, 262, 263, 517
- Моллой (Molloy) М. — 5, 6
- Монзи (Монси) (de Monzie) А. де — 200, 510
- Монкевиц Н.А. — 127, 495
- Моррис (Morris) Р. — 70
- Морроу (Morrow) — 82
- Муравьев Н.К. — 471, 555
- Мэддокс Р. — 52

- Набоков В.Д. — 387, 416, 543, 554
 Набоков К.Д. — 45, 46, 50, 58, 64, 96
 Налбандов В.С. — 251, 522
 Наленч Д. — 526
 Наленч Т. — 526
 Нансен (Nansen) Ф. — 158, 432, 442, 443, 481, 502, 548
 Наполеон I (Napoléon) (Наполеон Бонапарт) — 198, 240, 252, 306, 361, 419, 469, 500, 517, 522, 530, 541, 547
 Нелидова Л. (Л.Ф.Королева) — 19
 Нератов А.А. — 62, 145, 500, 525
 Никифоров П.М. — 515
 Николаевский Б.И. — 29, 67, 90, 92, 96
 Николай I — 106, 557
 Николай II — 21, 475, 492, 555, 557
 Николай Николаевич, вел. кн. — 33, 103, 477, 531, 557
 Новицкий В.И. — 36, 357, 371, 372, 381, 383—386, 433, 483, 484, 538, 541, 558
 Новосильцев Л.Н. — 23
 Нольде Б.Э. — 89, 121, 185, 494
 Нуланс (Noulens) Ж. — 442, 481, 552
 Одинец Д.М. — 486, 558
 О'Коннор (O'Connor) Т.Э. — 505
 Ольденбург С.Ф. — 473, 556, 558
 Ольденбургский П.Г. — 546
 Омельченко Е.И. — 36, 44
 Омелянович-Павленко М. — 263, 525
 Орландо (Orlando) В.Э. — 502
 Орлов В.Г. — 247
 Орлов Н.И. — 205, 512
 Пазвольский (Pasvolsky) Л.М. — 320, 534
 Палеолог (Paléologue) Ж.М. — 24, 226, 227, 516
 Палм (Palm) Ч. — 5
 Панина С.В. — 68
 Пасманик Д.С. — 241, 351, 373, 374, 520
 Патек — 504
 Пергамент И.Я. — 21
 Перемыкин (Пермикин) Б.С. — 264, 525
 Перетти (Peretti) де ля Рокка Э. — 481, 558
 Петлюра С.В. — 118, 123, 133, 208, 209, 211, 216, 217, 232, 241, 262—264, 295, 364, 368, 369, 493, 513, 517, 558
 Петр I Великий — 452, 459, 469, 470, 524, 553
 Петренко — см. Омелянович-Павленко М.
 Петров Ю.А. — 542
 Петряев А.М. — 121, 134, 136, 138, 146, 494
 Пиленко А.А. — 139, 499
 Пилсудский (Pilsudski) Ю. — 166, 171, 186, 187, 189, 200, 208, 217, 224, 229, 231, 260, 263, 368, 369, 503, 520, 526, 532
 Пишон (Pichon) С. — 46, 47
 Плевако Ф.Н. — 19
 Плева В.К. — 42, 246, 461, 520, 559
 Плеханов Г.В. — 92
 Победоносцев К.П. — 546
 Пожарский Дмитрий — 188, 507
 Покровский В.Л. — 497
 Полк (Polk) Ф.Л. — 40, 54, 74, 83, 126, 134, 155, 495
 Полнер Т.И. — 356, 538
 Попов П.Х. — 497
 Прокопович С.Н. — 58, 86, 421, 440, 547—549
 Протопопов А.Д. — 393, 544
 Протопопов Д.Д. — 75
 Пуанкаре (Poincaré) Р. — 47, 338, 339, 443, 537
 Пугачев Е.И. — 460, 554
 Пуришкевич В.М. — 22
 Путилов А.И. — 237, 477, 498, 551
 Пушкин А.С. — 226, 477, 557
 Парс (Pares) Б. — 94
 Раев (Raeff) М. — 5, 37
 Распутин (Новых) Г.Е. — 22, 254, 522, 523, 544
 Раттель Н.И. — 514
 Ратьков-Рожнов — 139, 499
 Рейнш (Reinsch) П. — 70
 Ренненкампф — 360
 Рикардо (Ricardo) Д. — 28
 Риттик А.А. — 471, 556
 Робек (Robeck) Дж. де — 205, 512
 Робеспьер (Robespierre) М. — 469, 555
 Ровинский Д.А. — 546
 Родзянко М.В. — 31, 33, 58, 101, 102, 203, 204, 439, 475, 511, 527
 Родзянко М.Н. — 118, 492
 Родичев Ф.И. — 78
 Розанов В.В. — 451, 553
 Рокфеллеры — 140, 499
 Романовский И.П. — 72, 205, 512
 Рооп В. — 36
 Росс Н.Г. — 518, 525
 Россини (Rossini) Д. — 181, 506
 Ростовцев М.И. — 42, 320, 522, 533
 Рошфор (Roshefort) А. — 471, 556
 Руднев В.В. — 78, 282, 529
 Рузвельт (Roosevelt) Т. — 545
 Рузвельт (Roosevelt) Ф. — 110, 111
 Рут (Root) Э. — 43
 Рутьч (Рутченко) Н.Н. — 113
 Рымер В.Н. — 551
 Рябушинские — 139, 499
 Рябушинский В.П. — 499, 518
 Рябушинский П.П. — 387, 388, 417, 430, 434, 461, 463, 488, 499, 518, 542, 543

- Савинков Б.В. — 18, 49, 58, 59, 65, 103, 120, 121, 166, 171, 186, 194, 208, 217, 219, 229—231, 235, 241, 260, 261, 263, 277, 302, 306, 307, 349, 350, 364, 367—369, 375, 419, 439, 485—488, 490, 491, 496, 503, 513, 520, 524, 532, 539, 540, 551, 558
- Савицкий В.И. — 139, 499
- Савич Н.В. — 359, 539
- Сагор Д. — 393, 544
- Сазонов С.Д. — 54, 58, 59, 62, 64, 65, 70, 73, 76, 115, 120, 121, 123, 124, 131, 132, 147, 157, 181, 185, 194, 215, 241, 243, 261, 445, 489, 490, 493, 494, 507, 509, 519
- Сапожников А.В. — 32
- Светачев М.И. — 515
- Севастопуло М.М. — 47
- Седых А. — 88
- Сект (Seeckt) X. фон — 508
- Семенов Г.М. — 49, 81, 82, 188, 224, 407, 507, 516
- Сенин А.С. — 546
- Сергей Александрович, вел. кн. — 559
- Сергиевская Е.Н. — 489
- Сибирцев В.М. — 515
- Сидорин В.И. — 525
- Сквайерс (Squires) P. — 5, 6
- Скобелев М.И. — 480—483, 558
- Скоропадский П.П. — 499, 517, 531
- Слашев Я.А. — 199, 510, 512
- Слоним М.А. — 526
- Смит (Smith) А. — 28
- Смутс (Смэтс) (Smuts) Я.Х. — 404, 545
- Соловьев В.С. — 524
- Сологуб Ф.К. — 529
- Соколов К.Н. — 145, 500
- Сорока (Soroka) Л. — 5, 6
- Сорокин А.К. — 5
- Спарго (Spargo) Джек — 74
- Спарго (Spargo) Джон — 74, 83, 261, 284, 442, 491, 516
- Сталин И.В. — 91, 105, 106, 109, 549
- Сталинский Е. — 526
- Стасов В.В. — 546
- Стахович М.А. — 46, 58
- Степанов В.А. — 128, 206, 496
- Стиннес (Stinnes) Г. — 340, 394, 395, 537
- Столыпин П.А. — 93, 242, 364, 455, 462, 473, 500, 518, 521, 539, 554
- Страус (Strauss) О. — 83
- Стринская (Сперанская) Е.М. — 30, 110, 548
- Струве Г.П. — 514, 533
- Струве (Герд) Н.А. — 308
- Струве П.Б. — 20, 77, 103, 205, 206, 219, 221, 225, 227, 229, 230, 249, 250, 278, 306, 308—310, 317, 318, 387, 405, 415, 416, 420, 472, 489, 512—514, 521, 522, 533, 542, 547, 556
- Струмило — 436
- Сувчинский Б.К. — 484, 558
- Сукин И.И. — 36, 62, 115, 196, 215, 490
- Сухомлин В.В. — 526
- Сухомлинов В.А. — 521
- Талейран (Talleyrand) Ш.М. — 152, 500
- Терещенко М.И. — 16, 25, 31
- Тимашев Н.С. — 26
- Тимошенко С. — 85
- Тихон, патриарх — 259, 524
- Толстой А.Л. — 86
- Толстой Л.Н. — 256, 478, 523
- Тома (Thomas) А. — 24
- Томпсон Дж. — 65
- Тонгур Н. — 19, 65
- Трепов А.Ф. — 87
- Третьяков С.Н. — 196, 509
- Троцкий Л.Д. — 46, 48, 75, 76, 92, 105, 125, 187, 254, 348, 360, 473, 486, 495, 531, 538
- Тухачевский М.Н. — 526
- Тыркова-Вильямс А.В. — 11, 60, 61, 110, 111, 486, 508, 522, 559
- Тэн (Taine) И. — 188, 472, 507, 556
- Угет С.А. — 69, 73, 83, 437, 484, 485, 551, 558
- Удавищенко — 450—452, 467, 477, 554
- Улагай С.Г. — 518
- Унгерн-Штернберг П.Л. — 46
- Уортман (Wortman) P. — 6
- Утехин С.В. — 5
- Федоров М.М. — 118, 127, 480, 492, 543
- Федотов Г.П. — 86
- Фейсал I (Файсал I) — 444, 552
- Фемистокл — 466, 555
- Фенин А.И. — 498
- Фесаль-паша — см. Фейсал I
- Фигнер В.Н. — 557
- Филимонов А.П. — 500
- Философов Д.В. — 306, 532, 551
- Фоглсонг (Foglesong) Д. — 39, 41, 51, 52, 54, 55
- Фош (Foch) Ф. — 154, 236, 501
- Фрэнсис (Francis) Д. — 43
- Харвей (Harvey) Г. — 400, 545
- Хардинг — см. Гардинг У.
- Харламов В.А. — 536
- Хартвиг — см. Гардинг У.
- Харузин М.А. — 512
- Хауз (Хаус) (House) Э.М. — 40, 41, 53, 66, 176, 505
- Хей (Hay) Д. — 404, 545
- Херст (Hearst) У.Р. — 336, 536
- Хорват Д.Л. — 446, 552

- Хорн (Горн) (Horne) P.C. — 329, 534, 535
Хувер — см. Гувер Г.
Хьюз (Юэ) (Hughes) Ч.Э. — 61, 82, 83, 333, 400, 401, 435, 535, 536, 544
Цезарь (Caesar) Гай Юлий — 226, 505, 517
Церетели И.Г. — 49, 554
Чайковский Н.В. — 58, 59, 61, 103, 119—121, 166, 171, 181, 197, 230, 235, 247, 277, 280, 282, 298, 307, 318, 321, 378, 490, 493, 503, 509, 519, 530
Чайковский П.И. — 546
Челноков М.В. — 20, 247, 521
Чермоев А.М.О. — 302, 531
Чернов В.М. — 78, 334, 354, 536
Черчилль (Churchill) У. — 72, 230, 505, 517
Чингисхан — 111
Чичерин Г.В. — 427, 443, 504, 515, 549
Шайла А.М. дю — 525
Шалыгин Ю.В. — 26, 32
Шарп (Sharp) У.Г. — 48
Шателен А. — 26
Шателен С.А. — 522
Шатилов П.Н. — 546
Шебеко Н.Н. — 121, 494
Шевченко Е.С. — 551
Шевырин В.М. — 19
Шелохаев В.В. — 5
Шиллинг М.Ф. — 121, 493
Шингарев А.И. — 458, 471, 553, 556
Шипов Д.Н. — 94, 462, 554
Штюрмер Б.В. — 473, 556
Шульгин В.В. — 11, 103, 272, 387, 416, 419, 449, 500, 527, 542, 547
Шуман (Schuman) Ф. — 43, 71, 82
Щегловитов И.Г. — 555
Щепкин М.С. — 497
Щепкин Н.Н. — 134, 497
Щербачев Д.Г. — 120, 184, 493
Эберт (Ebert) Ф. — 195, 509
Эльяшевич (Ельяшевич) В.Б. — 394, 463—465, 544
Эммонс (Emmons) Т. — 5, 15
Юденич Н.Н. — 64, 65, 117, 491, 511, 524, 528, 553
Юзефович Я.Д. — 377, 541
Юрин И.Л. — 407, 545
Юсупов Ф.Ф. — 22
Abrikossov D.J. — 36
Aldanov M. — 7
Bakhmetev (Bakhmeteff) B. — 8—10, 25—27, 31, 32, 35—37, 39, 40, 42, 44, 51, 56, 69, 70, 71, 75, 76, 82—84, 86, 101, 104, 111, 504, 516, 517, 540
Basily de N. — 59
Brinkley G.A. — 504
Budnitskii O. — 9, 10
Bunin I. — 7
Butler N.M. — 321
Canfield F.S. — 515
Cole M.H. — 110
Davies D.A. — 19, 21
Denikin A. — 66, 68
Emmons T. — 10
Foglesong D.S. — 25, 39, 41, 51, 52, 54, 55, 550
Graves W.S. — 550
Grondijs L.H. — 514
Hoover H. — 10
Karpovich M. — 29, 86, 94
Kennan G.F. — 52
Kerenskii A. — 7
Killen L. — 25, 52, 53, 56, 64, 66, 71
Kizevetter A. — 7
Kolchak A. — 116, 491
Kuskova E. — 7
Lansing R. — 41, 54
L'vov G. — 10
Maddox R.J. — 52
Maklakov V. — 7—10, 19, 24, 72, 88, 89, 94, 95, 99, 100, 102, 103, 105, 108, 110, 111
Miliukov P. — 7, 10, 94, 99
Nicolaevsky B. — 29, 90, 92, 96
Pares B. — 21
Reinsch P. — 70
Savinkov B. — 491
Schuman F.L. — 25, 43, 71, 81, 82
Shulgin V. — 7
Simmons E.J. — 94
Smele J.D. — 490
Spargo J. — 116
Thompson J.M. — 25, 58, 65, 66, 71
Toinbee A.J. — 537
Tongour N. — 19, 46, 48, 65, 80
Tyrkova-Williams A. — 7
Valentinov (Volskii) N. — 7
Walsh W.J. — 52
Wandycz P.S. — 504
Wolf L. — 65
Vishniak M. — 90
Vrangel M. — 88

Содержание

От составителя. <i>О.В.Будницкий</i>	5
Foreword. <i>T. Emmons</i> / Предисловие. <i>Т.Эммонс (перевод с англ.)</i> 7/11	
Послы несуществующей страны. <i>О.В.Будницкий</i>	16
Маклаков: 1869—1917	19
Бахметев: 1880—1917	25
Посол без правительства: Маклаков	45
Посол без правительства: Бахметев	51
Париж—Вашингтон: 1919—1922	57
Бахметев: отставка	80
Бахметев: 1922—1951	83
Маклаков: 1924—1957	86
Переписка: 1919—1951	96

Переписка

1919

№ 1. Б.А.Бахметев — В.А.Маклакову, [август 1919].	115
№ 2. Б.А.Бахметев — В.А.Маклакову, 27 сентября [1919].	116
№ 3. В.А.Маклаков — Б.А.Бахметеву, 7-го октября 1919 г.	118
№ 4. Б.А.Бахметев — В.А.Маклакову, 2-е декабря 1919 г.	122
№ 5. В.А.Маклаков — Б.А.Бахметеву, 7 декабря 1919 г.	126
№ 6. Б.А.Бахметев — В.А.Маклакову, 8-е декабря 1919 г.	131
№ 7. В.А.Маклаков — Б.А.Бахметеву, 11 декабря 1919 года.	134
№ 8. Б.А.Бахметев — В.А.Маклакову, 11 декабря 1919 г.	147

1920

№ 9. Б.А.Бахметев — В.А.Маклакову, 17 января 1920 г.	150
№ 10. Б.А.Бахметев — В.А.Маклакову, 19 января 1920 г.	160
№ 11. Б.А.Бахметев — В.А.Маклакову, 9 февраля 1920 г.	165
№ 11а. Б.А.Бахметев — В.А.Маклакову, 18 февраля 1920 г.	171
№ 12. Б.А.Бахметев — В.А.Маклакову, 19 февраля 1920 г.	180
№ 13. Б.А.Бахметев — В.А.Маклакову, 27 февраля 1920 г.	182
№ 14. В.А.Маклаков — Б.А.Бахметеву, 12 — [13,16] марта 1920 г.	183
№ 15. Б.А.Бахметев — В.А.Маклакову, 30 марта 1920 г.	195
№ 16. В.А.Маклаков — Б.А.Бахметеву, 10 апреля 1920 г.	197
№ 17. В.А.Маклаков — Б.А.Бахметеву, 6 мая 1920 г.	204
№ 18. В.А.Маклаков — Б.А.Бахметеву, 7 мая 1920 года.	210
№ 19. Б.А.Бахметев — В.А.Маклакову, 11 мая 1920 г.	210
№ 20. В.А.Маклаков — Б.А.Бахметеву, 10 июня 1920 г.	215
№ 21. Б.А.Бахметев — В.А.Маклакову, 20 — [26] июля 1920 г.	219
№ 22. В.А.Маклаков — Б.А.Бахметеву, 6 сентября 1920 г.	226
№ 23. В.А.Маклаков — Б.А.Бахметеву, 21 октября 1920 года	239
№ 24. Б.А.Бахметев — В.А.Маклакову, 11 — [12] ноября 1920 года	265
№ 25. Б.А.Бахметев — В.А.Маклакову, 15 ноября 1920 г.	274
№ 26. В.А.Маклаков — Б.А.Бахметеву, 24 ноября 1920 г.	276
№ 27. Б.А.Бахметев — В.А.Маклакову, 2 декабря 1920 года	283
№ 28. В.А.Маклаков — Б.А.Бахметеву, 7 декабря 1920 г.	294

№ 29. Б. А. Бахметев — В. А. Маклакову, 8 декабря 1920 года.	317
№ 30. Б. А. Бахметев — В. А. Маклакову, 14 декабря 1920 г.	319
№ 31. Б. А. Бахметев — В. А. Маклакову, 15 декабря 1920 года	321

1921

№ 32. Б. А. Бахметев — В. А. Маклакову, 19 марта 1921 года.	324
№ 33. Б. А. Бахметев — В. А. Маклакову, 13 апреля 1921 г.	335
№ 34. В. А. Маклаков — Б. А. Бахметеву, 15 — [25, 26] апреля 1921 г.	336
№ 35. В. А. Маклаков — Б. А. Бахметеву, [не позднее мая 1921 г.]	370
№ 36. В. А. Маклаков — Б. А. Бахметеву, [не позднее мая 1921 г.]	371
№ 37. В. А. Маклаков — Б. А. Бахметеву, 2 мая 1921 года.	372
№ 38. В. А. Маклаков — Б. А. Бахметеву, 14 мая 1921 года.	377
№ 39. Б. А. Бахметев — В. А. Маклакову, 8 — [9 июня] 1921 г.	382
№ 40. Б. А. Бахметев — В. А. Маклакову, 27 июня [1, 5 июля] 1921 г.	390
№ 41. Б. А. Бахметев — В. А. Маклакову, 6 июля 1921 года.	410
№ 42. В. А. Маклаков — Б. А. Бахметеву, 12 августа 1921 года.	420
№ 43. Б. А. Бахметев — В. А. Маклакову, 13 августа 1921 года.	425
№ 44. Б. А. Бахметев — В. А. Маклакову, 27 — [29] августа 1921 года.	431
№ 45. В. А. Маклаков — Б. А. Бахметеву, 30 августа — [5 сентября] 1921 г.	438
№ 46. В. А. Маклаков — Б. А. Бахметеву, 8 сентября 1921 г.	480
№ 47. Б. А. Бахметев — В. А. Маклакову, 8 сентября 1921 г.	485
№ 48. В. А. Маклаков — Б. А. Бахметеву, 9 сентября 1921 года	485

Комментарии	489
Указатель имен	561

«СОВЕРШЕННО ЛИЧНО И ДОВЕРИТЕЛЬНО!»:

Б. А. Бахметев — В. А. Маклаков. Переписка. 1919—1951.

Редактор *Л. Анохова*

Художественное оформление *А. Сорокин*

Компьютерная верстка *Н. Мерзляков*

ЛР 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 17.01.2001.

Формат 60x90^{1/16}. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.

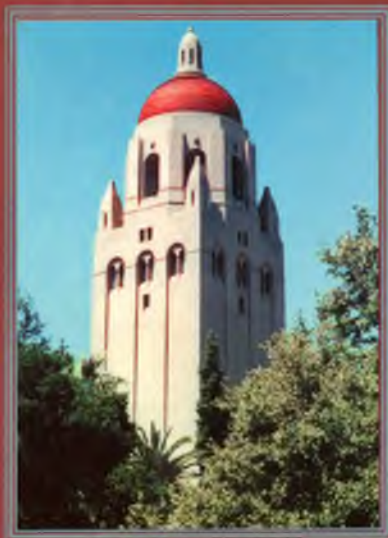
Усл. печ. л. 35,5. Уч.-изд. л. 42,0. Тираж 1500 экз. Заказ № 1112

Издательство «Российская политическая энциклопедия»
(РОССПЭН)

129256, Москва, ул. В. Пика, д. 4, корп. 1. Тел. 181-01-71.

Тел. 181-34-57 (отдел реализации).

Отпечатано в соответствии с качеством предоставленного оригинал-макета
в ППП «Типография «Наука». 121099, Москва, Шубинский пер., 6

Гуверовская башня
Фото Бориса Дедовича